

Инга Полякова

Горбуны2.Сны

Издательские решения
По лицензии Ridero
2023

УДК 82-3
ББК 84-4
П54

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Полякова Инга

П54 Горбуны2.Сны / Инга Полякова. — [б. м.] : Издательские решения, 2023. — 404 с.
ISBN 978-5-0062-0137-8

Эта книга является второй в серии «Горбуны» и продолжает рассказывать историю Арины Симоненко среди американских контрабандистов оружия. Она хоронит друзей и становится свидетелем многочисленных убийств. В 2005 году они едут в миссионерскую поездку в пригород Питера. Здесь контрабандисты Никита Кривогор и Нагорбов ведут переговоры со своими поставщиками оружия. Арина шпионит за ними и узнает, что это военные из Министерства обороны России, директора заводов и офицеры, отвечающие за перевозки...

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Вспоминаю я постепенно. Что я пережила, пока дописала эту книгу до конца!

Посвящается Минобороны России. Их смелости, ведь они не побоялись бросить писателя в центр своей криминальной структуры :)

Отдельное спасибо моим любимым контрабандистам калашниковых Марии Шейх, Владимиру Нагорнову, Далиле, Никите Криворог с семьей – моему неиссякаемому источнику вдохновения. Семье Спенсермэнов отдельный привет! Если бы не вы, этот роман никогда бы не увидел свет!

Один в поле воин

– Эдам, ты не победишь нас всех! – Разве что поодиночке...

Горбуны Часть 1. Калашниковы

Когда-нибудь мы вспомним это

И не поверится самим...

Песня «Одна победа» Б. Окуджава

And who can say where the road goes?

Where the day flows? Only time

Who knows? Only time

Песня Ены «Only time»

Наш мир такой примитивный, сказку не можем изжить. Для того чтобы рисовать реальный мир, нужна фантастика. Особенно мир преступный... Ведь только с помощью фантастики можно показать мир реальный...

Автор

Книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или каких бы то ни было других запрещенных веществ. Автор категорически осуждает производство, распространение, употребление, рекламу и пропаганду запрещенных веществ. Наркотики - это плохо!"

Введение

На планете орлов умирал один знатный вельможа... Человек-орел... Вокруг революция, восстания, хаос и смерть! Убийства и грабежи! Он умирал в муках... — Только бы закрыть шкатулку... Шкатулку рабства на планете Земля... — говорил он хриплым слабым голосом, говорил с трудом и мольбой, смотря на своего верного слугу. — Быстрее... Только бы закрыть... — Это были его последние предсмертные слова... И его верный слуга, единственный оставшийся, уже убегая от мятежников, быстро вскочил в космический корабль... Но немного опоздал... его уже успели ранить... И улетел... скрылся в темноте... Он летел на Землю... Но эта история не о том...

В далеком 2000 году черт Слава Оглоблин сидел у себя на кухне и глядел в потолок своего огромного и роскошного дома. Потерял наш черт покой и сон... Все боялся он, что к нему придут полицейские и будут забирать у него рабовладельческое золото. Но вдруг он понял... что даже если кого-то из детей возвращают из рабства, их продавцам уже ничего не будет, полиция никого не сажает... Никто ничего доказать не может, дети не помнят, кто и когда их воровал... то есть даже если детей вернут, то деньги все равно можно не возвращать. И их вообще обычно не возвращают... И это был ключевой момент для нашей истории... Это был тот момент, когда все поменялось...

Если бы в этот момент пролетела надоедливая муха, от которой наш черт все время отмахивался, то эта мысль не посетила бы его голову и эта история могла сложиться совсем иначе... И Эдам Хейсонд никогда не стал бы нашим святым козлом! Но именно этим летом черт ждал у себя великих мыслей, как говорил его оракл, он готовился к великим мыслям и повесил на всех окнах москитные сетки, и никаких мух в его большом доме не было, и быть не могло! Черт ждал, что этим летом на него снизойдет вдохновение! И дождался! Оно снизошло!

Сначала черт понял, что надо возвращать детей, и никто не заберет его золото... И черт Слава даже подпрыгнул на месте... Детей решил все-таки возвращать! И это было важно... И обрадовался!.. Но потом он понял, что надо посадить хоть кого-то... И тут он подпрыгнул во второй раз! И, чтобы побольше детей вернуть, надо найти козла отпущения... Но кто же может стать таким козлом? Где найти такого идиота?.. И черт взгрустнул... Но его взгляд стал сразу заинтересованный, быстрым и сконцентрированным! Вот только где найти козла отпущения? Надо завтра же поговорить со знакомым полицейским Георгием Семеновичем Зайцевым... Может, он

чего подсказет... И впервые за много ночей наш черт спал спокойно и больше не переживал за свое золото...

Пока работорговля была подписана на высшем уровне, черта Славу бы не тронули, но как только ее бы официально отменили, Славу с семьей казнили бы прилюдно. И чтобы жить дальше, за проданных им же детей надо было бороться, их надо было возвращать. И официально кого-то за себя сажать... И тут появился наш Эдам...

— Подождите-подождите! А сколько нам вернут детей, если мы посадим за работорговлю того, кто подписал декларацию рабства? Сколько-сколько? Seriously!!! Ого! — Наш черт потер довольно руки... быстро посмотрел вокруг... и решил действовать...

Когда приехал Эдам и все ораклы подтвердили черту, что Эдам будет сидеть за всю работорговлю за последние сорок лет, черт даже не поверил своему счастью, даже схватился за сердце! Ведь если посадят Эдама, то детей вернут много. и черту платить меньше... И золото дадут легализовать... И опухоли можно не пить! И жить в богатстве, чести и уважении до конца дней! Одни плюсы!

После отмены рабства в России в 2004 году Деликаты возмущались: — И представляете, ... подписал окончание работорговли... Представляете, какой кошмар!.. — Как только Деликаты поняли, что детей можно вернуть, а золото не возвращать, они сразу стали помогать полиции и черту Славе. Сразу стали всем полезны и стали детей после рабства реабилитировать...

И черти искали себе святого козла. И преступники искали себе козла, чтобы отсидел за их преступления... Потом вдруг оказалось, что то один и тот же козел... Эдам Хейсонд... и объединились тогда черти с преступниками сажать Эдама за них всех...

Часть 1. Осень 2004

Разговор отца с сыном

А в это время в поместье Спенсермэнов после поездки Келвина в Россию отец Келвина-Джоша ругал сына:

— У него рука не поднимется убить генеральского! Как же так! Так ты меня на весь мир опозорил!

— Ты же мне сам говорил, в чужой стране не убивать генеральских? Все сложно, и надо все подписать!

— И не дай Бог ты его убьешь! Не дай Бог!.. Да мне стыдно за тебя! Мне за тебя стыдно! Как это ты не хочешь генеральских выродков мочить? Как это ты сам разрешал себя подстрелить, чтобы не дай Бог не попасть в генеральского... Да мне за тебя уже черную метку поставили! Выродок ты, и мать тебя не от меня родила, а от того врача, с которым мне изменяла... Ну не мой ты! Не можешь ты быть моим... Как это мой? Ты проверь ДНК-тест, мой сын не может отказаться стрелять в генеральских... Только та девочка и может... Анна, по-моему! — и отец слег с холодным компрессом на лбу...

И своим потом отец говорил: — Его в перестрелки не берем! Он в генеральских даже не целится и стрелять в них отказывается...

А потом оправдывался:

— Ну не может он генеральских убивать! Ну не может он! А друг его детства, единственный друг, генеральским оказался, полицейским... И не смог он убить его... взял и не мог... опустил пистолет... такой вот он у меня... За друзей...

И снова сыну говорил: — Мы за порядок, мой мальчик... Лучше бы ты от того врача был... Хоть не так стыдно перед своими... Позор! Ты мой позор! Наградил Бог дурачком! Это про тебя, Келвин. Мне стыдно за тебя! Мне почему-то всегда за тебя стыдно! Ты ни в одного полицейского попасть не можешь, ты хоть в меня попадешь?.. Сам под пули поставляется! Чтобы ему бок подстрелили! Это надо же! На весь мир ты меня опозорил!..

Умный американец Мэтт

Летом в американский центр приехал новый американец Мэтт. Он вел тренинги, как эффективно проходить интервью, и мне показался очень харизматичным, раздал нам свои распечатки с основными правилами интервьюирования... С новым американцем мы провели три дня тренинга... Я в него, конечно, же тут же влюбилась, как и все девушки, кто его видел и сидел на тренинге... Мэтт был среднего роста, «бочко-видного типа», с кругленьким животиком на ножках, темноволосый, коротко подстриженный, с ежиком, небольшой щетиной, с плоским круглым лицом, в очках в металлической оправе с минусом, примерно минус три... У него были выцветшие голубые глаза, курносый нос и средний рот, и он был очень умным... По крайней мере таким казался. Он сказал, что ему двадцать шесть.

В первый день он нам рассказывал правила прохождения интервью и говорил, что он получил все работы, на которых когда-либо подавал резюме. Много ли было у него в его годы работ? В тренинге участвовало не много человек — только семь... Мэтт был очень харизматичен, говорил эмоционально и воодушевляющее!

Мэтт говорил быстро. Нам, не носителям языка, все свои лекции он дал в распечатках, чтобы мы могли следить по тексту, переводить и подписывать сверху новые слова карандашиком.

Потом Мэтт нам дал домашнее задание — составить свое резюме, как будто мы ищем работу, описать свои сильные и слабые стороны.

Пока мы ждали в коридоре в первый день, мимо пробежал Саша-наркодилер, который был Машей Бонтюк, его тоже сделал «мальчиком» его профессор. Посмотрели на Мэтта и Сашу-Машу вдвоем... Маше Бонтюк, говорили, растворили «вешалку», чтобы ее плечи по ширине были как у Маши-Саши. «Он» учился на моем факультете информатики в параллельной группе, но после первого курса перевелся на эконом. Я знала лично и общалась и с Машей Бонтюк, и с ее мужским клоном...

Дома мы должны были написать свое резюме для приема на работу, принести ему и на следующий день пройти с ним собеседование, как с работодателем, рассказать о себе. Мы должны были пройти с ним интервью, описать свои сильные и слабые стороны. Надо было готовиться к его заковырыстым вопросам. Мэтт так отличался от веселых и «глупеньких», на мой взгляд, наших летних американцев, которые уже уехали, был таким серьезным и умным... Он был в стиле топ менеджеров крупных фирм, как я тогда их себе представляла.

Мэтт спрашивал меня на интервью на следующий день: — Кем вы видите себя через пять лет?

— Ну, через пять лет я думаю закончить вуз. Надеюсь, и буду работать

экономистом, я думаю... — До этого я вообще не задумывалась, где и кем я буду работать через пять лет.

— Какой ваш уровень владения языком? — спросил он у меня, к этому моменту я уже перепутала пару слов и еще несколько не знала.

— Upper-intermediate, выше среднего.

— Upper-intermediate? — он даже рассмеялся. — I think it's intermediate¹... — сказал он уверенно.

Его вердикт моего английского я запомнила на всю жизнь...

— На какую работу вы хотите подавать?

— На работу экономиста в крупной иностранной компании.

— Зрите в корень... — он говорил, что сильный оракул открыл ему будущее, — Вы будете работать аналитиком в табачной фирме... И зажжете там «утреннюю звезду»...

Если бы я еще понимала, о чем он... Я говорила словами Виолетты Генриховны, что надо быть специалистом со знанием языка...

Зачежь звезду — сделать значимое открытие, утреннюю звезду — поставить рекорд по возрасту, быть самым молодым специалистом, который разрешит какую-либо задачу и справится, в моем случае, с производственной проблемой.

Я рассказала ему о своем будущем образовании, как будто я его уже получила, своих сильных и слабых сторонах из его распечатки.

— Going well², — сказал он о моем интервью...

В его распечатке по подготовке к интервью было сказано, что все свои слабые стороны надо в итоге представить как сильные.

Мне подходила следующая слабая сторона:

— I used to be doing everything in the last moment, so I work well under pressure³... — И это было моим недостатком. Хотя я, конечно, ничего не откладывала на последний момент, но надо было что-то сказать...

Мое интервьюирование прошло на ура, спокойно и равнодушно, я сказала ему все свои заученные фразы, где я хотела бы работать, описала придуманную работу, все свои плюсы и минусы. Ничего особенного... Он, наверняка, ждал от меня большего... Но большего я придумать не могла... Думаю, он был немного разочарован... И показал мне это... Но я все равно больше ничего не придумала... И не переживала из-за его недовольства совсем...

Но от Мэтта я была в восторге...

На тренинге также была одна девушка Аня, похожая на адыгейку, но русская, белокожая, закончившая первый курс геофака, с длинными

¹ — Я думаю, это средний...

² Хорошо проходите

³ Все откладываю на последний момент, поэтому хорошо работаю под давлением...

черными крашеными волосами ниже ягодиц, длинным узким лицом, у нее был тонкий хвостик и черные тонкие сапоги-чулки на высокой ровной платформе, хотя было лето. Она плохо говорила по-английски.

Пока мы ждали в коридоре, в комнате напротив Мэтт проводил переговоры, и Аня бросила на гостя Мэтта, лысого, высокого, в строгом костюме, прослушку, пылинку и сделала аудиозапись их разговора — как он передал Мэтту квадратный черный высокий ящик с новым глушителем сигнализации, последним достижением техники для угонов очень дорогих авто, который сделал сын нашей преподавательницы, лаборант компьютерного класса Гена.

Мы в коридоре у стены пытались прослушать, что они говорили друг другу в комнате, Аня смотрела на небольшой монитор, как у игрового тетриса, на котором плыли отдельные черные стрелы речи, как на компьютерных проигрывателях звуковых файлов, делали запись их разговора. В искаженной речи мы пытались уловить отдельные слова. Аня говорила просто и спокойно...

— Все — сделка проведена! Мэтт передал ему пять тысяч долларов за этот ящик!

Потом лысый мужчина в костюме вышел из комнаты, отряхивая голову, пытаясь скинуть пылинку с прослушкой.

— Пять тысяч? Только пять тысяч? — весело крикнула ему Аня.

Он усмехнулся. Пылинка упала, и адыгейка бросилась ее искать на полу. Нашла. Мне тут же в лицо прыснули препарат «забвения», и я как всегда все забыла... Аня достала калькулятор и стала умножать пять тысяч на курс доллара.

— Двести двадцать тысяч! И только?

— А сколько ты думаешь, это стоит? Примерна как машина, иномарка...

Потом Мэтт подарил нам всем одинаковые грамоты об участии в его тренинге, тоже меня немного разочаровав.

Про Мэтта Эдам сказал, что он принудительный трансвестит, тоже из оружейников, он на самом деле женщина, но его принудительно сделали мужчиной. Раньше часто делали принудительных трансвеститов, из женщин мужчин. Особенно часто из представительниц преступного мира даже без особых причин. Только психику подрывали. Эдам взял от меня «звезду» под будущие достижения, чтобы через десять лет этот американец стал опять женщиной... Эдам и «звезды» у меня брал, и в мой талант не верил, думал, это «плащ», и слепоту растворить мне собирался... Он не мог иначе... Его бы свои не поняли... Как казахстанские работорговцы... действует всегда в своих интересах... Эдам во многом в России взял политику работорговцев.

Аня поняла, что Мэтт был женщиной — он показал в последний день тренинга знак «О», сомкнул большой и указательный пальцы, выпрямив остальные. После тренинга эта адыгейка подошла к нему и сказала, что если он ищет прикрытие, то она может выйти за него замуж... Мэтт готов был

сквозь землю провалиться... А за это сейчас растворяли раковые опухоли... Могли растворить... На самом деле на тренинге было две близняшки-блондинки, одна с длинными волосами, другая — с накладными... Блондинки на самом деле были загримированы под брюнетку Аню. А одна из них дала показания, что видела на конференции, пока мы ждали в коридоре... Ее потом прятали где-то в горах...

...Американцы называли Мэтта — тысяча бед... Тибет... Мой прадед, который был членом преступной банды, убивал и жил до сих пор, давал эти «звезды». Поэтому американцы-убийцы меня сначала принимали за свою. Как прадед говорил сам, военные убивали намного больше. Тогда старались перемешивать преступников и военных, ждали генетических сурпризов.

Мэтт уехал в конце августа и больше в Россию не приезжал... С тренинга Мэтта я вышла абсолютно влюбленной в него и говорила себе, как и другая девушка с тренинга, что Мэтт слишком умный, чтобы кем-то заинтересоваться...

Саша-Маша

У Саши-Маши до университета из чрева вырезали живого пятимесячного ребенка... Его доносили в инкубаторе, свернули наркотическую зависимость, и в свой срок он появился на свет... С помощью акушерки... Профессор, от которого зачала Саша-Маша еще будучи девушкой, усыновил этого ребенка... Он сам сделал ее мужчиной, подделав все подписи... Говорят, она была девственницей, когда ее сделали мужчиной. А от профессора зачала, сделав ему минет, сохранив сперму, введя ее в себя шприцом и выпив специальные таблетки... У этого профессора был гепатит С, и своему ребенку он его свернул, акушерка свернула. Потом Саше-Маше вернули ее тело, своего сына она усыновила... С профессором сошлась... И в другом теле ее профессор смог сохранить ее для себя и сына... Ждал, когда повзрослеет и поумнеет... Все хорошо, что хорошо кончается... Для них... Скучно им точно не будет...

Саша-мальчик повесился на экономе, а Саша-девушка через три месяца вернулась из Америки... к своему приемному сыну и профессору...

А американцы, да, звери... Совсем больные... Ничего святого...

Новые американцы

Тогда делали синтетических людей под свидетелей и загружали показания в них... В Аринином синтетике был тайник, и там были все фотографии и аудиопленки с лета 2003. Списки операций по контрабанде и даты убийств. Его хранила у себя в загородном доме одна судья... Сначала наши полицейские, которые носили маски американцев, собрали доказательства и пошли прятаться в лесах.

Осенью 2003 года приехали новые американцы – Джейк не приехал, хотя в глубине я души очень надеялась. Есть что-то притягательное в этом типе мужчин. Было что-то запретное в том, чтобы приручить его зверя.

Летом американцы подарили нам диски с кантри-музыкой. Мне подарила диск Морген. Я немного попереписывалась с Шерил и даже пошутила, что песня про себя «About me» – это точно песня про Джейка. В песне говорилось, как молодой человек любил говорить только о себе.

На американских встречах Эдам рассказывал, что стежок у Анны поменялся, стал крестиком – у нее в будущем пошли волны. И для штопки огнестрелов команды Эдама она больше не подходила...

Новые американцы должны были остаться на несколько лет, не уехать через год. Новая группа состояла из семи человек, четырех девочек и трех мальчиков. Здесь была обрученная пара Андрэа и Эдам Вэн, еще один Эдам, Дэвис, Рассел и Джаспер, две Кейт и Брэнда. В России еще оставались Эдам, «беременная» Морген и Шерил.

Мы встретили американцев в аэропорту и обратно ехали с ними на автобусе. Автобус был старый, небольшой, в салоне сильно пахло бензином, и у меня заболела голова. На пути из аэропорта Андрэа, немного полная блондинка примерно моего роста, смотрела на меня с нескрываемой неприязнью. Я подумала, что очень красивая, и это обычная женская зависть...

Лицо Андрэа тоже было очень красивым, и она мне тоже поэтому не понравилась. Это была остроносая блондинка с ровным каре по плечи. У нее были тонкие черты лица, узкий рот и небольшие глаза. Внешность «типа воробей», ее мать на шестом месяце беременности Андрэа съела воробья, чтобы у Андрэа была такая внешность. Сейчас наследовали внешность съеденных птиц и зверей... У Андрэа было лицо – правильный овал, и я думала, как это красиво. Фигура была бочковидная, немного выступающий живот, как бывает в этих случаях. Но среди американок редко были худые, большинство американок были полными и нефигуристыми.

Мы привезли американцев в те же общежития у универа. В этом году они собирались снимать еще трехкомнатную квартиру на Таманской в нескольких остановках от университета.

Эдам Вэн, тезка Эдама Хейсонда, сказал, что он друг Джейка. Эдам был высоким, крупным шатеном, у него были широкие темные брови, острый нос, средний рот, на голове торчащий ежик. Он носил очки в прозрачной оправе, но минус у него был небольшой — максимум минус полтора. Он был очень высоким — под два метра. Андреса говорила о своем Эдаме: — Он очень большой человек.

Эдам спросил обо мне:

— Эта так девушка, о которой говорил Джейк? — оказывается, Джейк говорил обо мне с друзьями.

— You know he suffered so much, — сказала мне будущая жена Эдама Вэна... — Didn't he ask you to date him? — спросила Андреса немного возмущенно и удивленно так, что ее слышал ее жених.

— No, he didn't¹...

Когда Джейк приехал в Америку, он тут же дал показания против Эдама и его компании, как и думала Марина Шайн.

— Арина, пошли, — позвала меня Яся Воронина, и мы покинули общежитие. Американцы остались в общежитии раскладывать вещи, уставшие после дороги. Яся недавно переехала за город в поселок Плодородный, ее трехкомнатная квартира в центре сгорела. Теперь у нее был частный дом из дешевого неровного кирпича, который бил обит пластиковыми белыми панелями... Географически поселок был в центре Краснодара. Но к нему пока не были проведены заасфальтированные дороги — выезд и въезд в поселок вызывал проблемы. В непогоду дороги тонули в грязи. Яся в город ездила на велосипеде. Семья Ворониных — бабушка, тетя Люба и сама Яся — переехали в еще недостроенный дом, с замашками новых русских и пустым карманом. В доме Яся сама выкладывала плитку в коридоре и на кухне. Я думаю, что у них тоже был огромный подвал. Тетя Люба судилась с бывшим мужем, Яниным отцом и потеряла все свои сбережения. Янин брат имел свой бильярдный клуб, но не хотел иметь ничего общего ни с матерью, ни с бабушкой, ни с сестрой. Сначала они занимались котами — шиншиллами. Но потом пораздавали котят даром, потому что их нечем было кормить. Их регулярно обворовывали. А небольшой садик регулярно обносили...

На следующий день мы играли во фризби на поле:

— Джаспер мой, — сказала мне Яся и побежала играть с американцами в своих неудобный белых спортивных сабо без задника.

Американцы периодически подкидывали мне: — But Jake... — так развел руками Рассел, когда мы в следующий раз пошли играть в фризби. Потом эту же фразу сказал мне Дэвис, сначала поиграв со мной в тарелку...

Несколько следующих лет в компании американцев, друзей Джейка,

¹ — Ты знаешь, он так мучился... Он не пригласил тебя на свидание?

на мне лежала печать девушки, которая понравилась Джейку. Я чувствовала себя Jake's property¹...

В группе было две Кейт, и мы решили их различать. Одну – высокую, худую с заметной щелью между передними зубами мы называли Тюши, от Катюша. Она сама предложила. Как одноименную военную пушку. А вторую невысокую блондинку с кучерявыми волосами, голубыми глазами-щелочками, тонким ртом и острым носом просто Кейт или Кейти.

Тюши говорила мало, сдержанно, часто шутила с Брэндой и уместно посмеивалась. Тюши всегда казалась немного приторможенной, замороженной, как будто она всегда хотела спать. У нее даже глаза всегда были полужакрыты.

Кейт говорила всегда восторженно и дружелюбно и много улыбалась.

Мы также часто играли на стадионе университета во фризби, как и с летними американцами. Новые тоже играли хорошо, особенно Тюши...

В американской тусовке появился новенький Егор и постепенно подружился с Джаспером.

Егор очень маленький и очень худенький, черноволосый, хиленький, тонкокостный. У него было длинное худое лицо. Его легенда – он из семьи баптистов, и у него две старших сестры. Он был то ли адыгеец, то ли армянин, из национальных меньшинств. Постоянно посмеивался и хорошо говорил на английском – учился на лингвистике. Сначала говорили, что он был на курс старше меня, а потом он вдруг стал однокурсником Саши Янченко. Егоров тоже было несколько, и мало кто их различал. Один Егор «загружал» себе язык и поэтому так хорошо говорил, и на самом деле он учился не на лингвистике, а на юридическом и его отец был следователем, а Егор был приставлен к этой американской компании и пришел за своими показаниями...

Джаспер Фрост среднего роста, блондин, с коронной американской улыбкой и красным лицом. Его черты лица – типичный страшный убийца ку-клукс-клана, его еще называли «пеленки». Овальное недлинное лицо, небольшие светлые глаза, густые светлые брови и высокий морщинистый лоб. Его широкая красивая искусственная ровная улыбка – главный акцент на его лице, улыбка была постоянной и неизменной... Во всем его поведении было что-то детское, я не могла представить, что он может убить даже мужа, кому-нибудь причинить вред... У него была часто небольшая светло-русая бородка. Его ноги были слишком тоненькие для его верха, у него была верхняя комплекция, «отбиты» ноги, с которыми явно были проблемы. Джаспер был среднего роста. Он ходил часто в высоких натянутых до колен гольфах – значит, из богачей. Как и сказал Саша, в этом году приехал Джаспер – богатый американец...

¹ Собственность Джейка

Джаспер носил сразу несколько маек, белую, поверх серую и т. д. Саша Янченко называл его «капустой», богачом... Потом выяснилось, что американских Джасперов было два – один был принудительным трансвеститом и за год до, чтобы выйти из «людей бегущих», поменял свое тело. А другой проштрафился и приехал в Россию, незаконно убив дочку американского шерифа. У одного был двойной подбородок, у второго не было. Джасперы отличались носами и ушами.

Саша Янченко сказал, что Джаспер приехал убивать наших негров – к неграм приехал палач. Джаспер дружил с Брэндой, они были из одного штата Огайо.

Рассел был невысоким, немного выше меня, худым. Это был кареглазый брюнет с густыми бровями и широким в области пазух носом, очень прыщавый. Он сначала приехал, а потом уехал. Вернулся через год. Иногда, чтобы он возвращался в этом учебном году, американцы ставили для него черные дыры. Мы с ним мало общались...

Дэвис приехал в Россию на два месяца позже остальных. Это был худой парень среднего роста с узким лицом, голубыми глазами и светло-русыми волосами, острым носом и тонким ртом. Он мне чем-то напоминал ковбоя, ему не хватало только ковбойской шляпы. Он был симпатичным и в обоих ушах носил кольца. Я даже как-то спросила у Брэнды, не гей ли он. Она замялась и сказала, что нет. Клоном Дэвиса легко могла быть женщина. Он любил бегать, как и Эдам Хейсонд. Однажды он играл в фризби в грязной майке. Его майка была абсолютно грязной от земли.

– Я бегал вчера и упал, – сказал он мне. Он мог несколько дней ходить в грузной майке – американцы не стирали одежду. Такие ковбои обычно женились на смертницах с опухолями, которые давали показания против серьезных авторитетов, и хоронили своих жен.

Серьезный клон Дэйва навсегда оставлял дырки в ушах.

У всех новых американцев было что-то особенное во внешности – им было очень сложно подобрать «долгих» клонов, у Брэнды рот и тело, у Рассела очень широкий нос, у Тюши дырка между зубами...

Если весь прошлый год с американцами был у меня раскрашен яркими красками, то последующие годы были как во сне – я должна была хорошо запомнить Джейка...

Дятлы

Однажды ранней осенью я пошла в американский центр на встречу. Эдам начал меня «вводить», постоянно говорить маты, думая, что я могу быть «человеком бегущим» и мой «забег» может сегодня начаться.

— Арина, ты хочешь выйти-поговорить? Bitch, — в конце встречи спросил у меня Эдам. Он постоянно при мне добавлял теперь в речи маты.

Я была немного потеряна, для меня это было впервые, мы вышли с ним из американского центра поговорить на улице. Он сел у общежития иностранцев на широкий пенёк недавно срубленного дерева.

Я решила поговорить с Эдамом о программисте из параллельной группы, в которого была влюблена по уши с первого курса, своего убийцу... При нашем разговоре присутствовал Джон, муж Аманды с первого курса, которая носила деревянные сабо. Он очень постарел по сравнению с прошлым годом, стал седым, морщинистым и подстриженным короче...

— You shouldn't let him down. If you hurt him he will try to hurt you in return... Fuck...¹ У Морген тоже были проблемы... Но я любил ее, окружил ее любовью... и теперь она стала лучше, она может опять доверять и любить... — он часто переводил разговор на Морген и как он ее любит.

Я чувствовала такую болезненность и не понимала, почему все вокруг меня «ранят» матами. Но Эдам говорил со мной очень равнодушно, как будто ничего вокруг меня не происходило, я хотела бы услышать от него какие-то другие слова. Поддержки, что ли... Именно тогда я поняла, что была слишком очарована американцами и начала немного разочаровываться в них, относиться к ним спокойнее, что ли.

Американцы тогда искали нового «бегущего человека», но в этот раз это была не я, другая девушка из американского центра. Мне до «бегунов» оставалось еще несколько месяцев.

В этот раз роль Эдама играл старичок-полицейский. В это время сам Эдам повесил, убивал и расчленил молодую девушку-полицейского, которая собирала против американцев доказательство, шпионила, «сестру» одного из русских клонов Джейка. Он убил ее абсолютно беспощадно — русские еще привыкали к жестокости американцев...

Аманда «дятел-летучая мышь» у американцев была наемной убийцей, весной 2004 года собиралась, а потом все таки убила какого-то полицейского в высокой должности Юрия Павловича. Мать Аманды умерла в детстве, и она была обделена материнской любовью. Она стремилась накачать всех, кто плохо относился к своим матерям...

У ее мужа Джона тоже был тип внешности «дятел», но какой-то редкий, с красным хохолком. Американцы называли его то мужем, то братом. Такого дятла называли «ядовитым», с красным ядом. Джон тоже приехал за своей жертвой. Он нашел бедную многодетную семью полицейского, забрал их младшего сына к себе кормить и растить, якобы чтобы семье было легче. Так он забирал ребенка второй год, а потом этому ребенку растворили раковую опухоль, потому что родители не могли его содер-

¹ — Ты не должна его унижать. Если ты сделаешь ему больно, он постарается также причинить тебе боль в ответ... Блядь...

жать. У мальчика начались сильные головные боли. И тогда решили родители отдать его американцам на лечение...

Мальчик ехал в Америку, чтобы шпионить за Джоном и его семьей. Они консервировали органы детей и животных, делали операции по пересадке органов. Но Ваня не понимал, что оказался в руках «чужих», врагов. Полицейские теперь рожали много детей, чтобы было кого убивать. Но Джон забрал Ваню, чтобы издеваться. Думали, что их отцу скрутят «монстра» за то, что американцы воспитают Ваню. Дедушка семьи знал, что будет, но ничего не мог сделать...

Родители думали, что он умер в Америке в больнице, и семья Джо-на оплачивала его лечение, а на самом деле он умер под пытками, пытаясь дозвониться домой и рассказать семье, что с ним делают, унижают, кастрируют, прокалывают спицами... Он умер сам от головных болей, бросившись с крыши их большого дома... Так умер тот мальчик Ваня, которого отдали на воспитание в семью в Америку, поверив в доброту американских преступников... «Бесплатный сыр только в мышеловке».

Отец был игрок, и его родители, конечно, были очень кровожадными. Его отец потом ухал в Америку забирать труп сына, но ребенок был в ужасном состоянии, изможденный, больной, у него не было ни одного целого органа. На труп было больно смотреть. Тогда «дятлы» придумали, что Ваня якобы убежал и жил бомжом, они его искали, но не смогли найти, а родителям боялись сказать. А потом он нашел их дом и хотел залезть на крышу, но упал вниз головой...

Вот так отдавать детей в Америку...

«Мечты и последствия»

Церковь Святого Георгия отремонтировали, отреставрировали, покрасили...

В этом году мы также у американцев смотрели фильмы, теперь уже в общежитии. Американские встречи также проводились по понедельникам, средам и четвергам. Но я туда теперь ходила мало – мой мир был раскрашен серым, и встречи у американцев казались скучными.

Однажды ранней осенью мы сидели перед телевизором в общежитии у американок и смотрели фильм о путешествии мужчины в ад за женой. Этот фильм американцы уже показывали в прошлом году в американском центре и сегодня повторяли.

– Здравствуйте, я Ира, – в общежитие вошла Ира Штолярова, она немного опоздала, она мило улыбалась нам всем, представилась. Мы

с Ирой уже были знакомы. Мы все для Иры называли себя по кругу. У Иры кого-то посадили в тюрьму недавно....

— О, Арина! Привет... Ой, я вас так всех прямо не запомню, ну Сашу и Ясю я знаю... А это?

— Тюши, из новых американцев...

— А это?

— Это Джаспер. Тоже надолго останется.

— Хорошо, — улыбалась нам Ира. — Я тогда здесь присяду. — Ира устроилась смотреть фильм. Ира Штолярова этот фильм в том году не видела — тогда она вообще на встречи ходила мало... Хотя в Ириной внешности было что-то отталкивающее, она вела себя так приветливо, говорила только правильные слова, и очень сильно мне нравилась. Я почему-то считала ее лучше себя, во много раз правильнее.

На фильмах я опять засыпала...

Дженнифер показывала фотографии с прошлого кэмпя.

— Джейк начал встречаться с Сулгвин.

Я опять почувствовала укол ревности.

После России американцы отправились путешествовать по Европе. Как рассказывали Шерил и Дженнифер, Джейк, «ladies lover», а по-русски «дамский угодник», начал встречаться с умирающей Сунгвин. Она ему напоминала девушку из Китая, с которой он заигрывал до меня. В Интернете можно было посмотреть их совместные фотографии. Потом американки рассказывали, что когда Джейк вернулся в Америку, он опять сошелся со своей бывшей девушкой... Как все и думали... То есть у Джейка одновременно было две девушки...

— Вот посмотрите, Джейк будет и дальше с Сулгвин! — сказал Саша Янченко со знанием дела.

— Джейк? А кто это? Вы мне все время о нем говорите, а я никого не знаю! — у Иры был очень мягкий, нежный голос. Она говорила очень тихо и постоянно улыбалась.

Когда летние американцы уехали, Аня Петрилина начала встречаться с высоким Сашей. Они встречались недолго — пару летних месяцев после отъезда американцев. Аня сказала Саше, что он мешает ей учиться. Ее мама была против и все время переживала, что Аня забросит учебу. Саша говорил, что теперь следующие серьезные отношения у Ани будут через десять лет...

Ире передали альбом с фотографиями.

— Ой, давайте я посмотрю, — она улыбаясь взяла альбом. — А это Джейк? Этот высокий американец? — Ира никогда не красилась. — О-о-о, вот какой он, — Ира крутила в руках маленький широкий альбомчик формата а-шесть и внимательно рассматривала фотографии, приближая альбом к глазам и рассматривая лица.

— А это Райли? Какой он смуглый... А это Элисон? Она ведь медсестра? А это Келвин Спенсермэн? Вот он какой! — она внимательно рассматрива-

ла фотографию с лицом Келвина, особенно долго. — А это чьи фотографии?

— Это Дженнифер. Она скоро уезжает... У Арины тоже осталось много фоток с кэмпя.

Дженнифер забрала свои небольшие альбомы... Она вскорости собиралась возвращаться в Америку устраиваться на работу — Джен приезжала на год. В конце лета Саша сказал, что «козленочек» в России останется, а «некозленочек» уедет. Уехать собиралась Дженнифер... Значит, «козленочек» все-таки Шерил — поэтому она и решила остаться в России, а не возвращаться в Америку. Так она надеялась избежать смерти. Ее отец решил, что если она такая умная, знает несколько языков, математику, если он даст ей хорошее образование, сделает ее умной, то ее обязательно спасут, сохранят ей жизнь, и можно сделать ее «козленочком» и прожить на ее гейзере «богатства» всю жизнь. Шерил была смертницей, должна была умереть, как «маленький» Саша из лагеря 2003 года.

Мне Ира Штолярова сразу понравилась, хоть у нее и была немного отталкивающая внешность. Она была очень милой, всегда приятно улыбалась и говорила только правильные вещи нежным голосом, была верующей протестанткой, читала Библию, и для меня это был еще один плюс. Ира была аккуратно и невызывающе одета, на ней была майка, юбка по колено и сумка через плечо — все в постельных тонах, она тоже одевалась неброско, по-протестански, вела себя очень дружелюбно и скромно. Вообще считалось, что у верующих протестантов были принципы, они старались быть хорошими людьми, друзьями, возлюбленными, они были во всем правильными, читали правильные книги, рассуждали об Иисусе Христе и вере... Или только казались такими...

Я сделала пару переводов для Лиды, отдала Саше на проверку, я считала, что он знает английский лучше меня. На моем практически грамотном переводе на станице в линию Саша все-таки нашел две ошибки, крупно их зачеркнул и исправил. Я тут же почувствовала себя неполноценной и неграмотной...

Саша Янченко с нами смотрел фильм про мечты и путешествие в ад. Нам поставили слайды из фотографий с кэмпя и фотографии американцев с дальнейшего путешествия по Европе. Было много фоток Джейка с Сулгвин.

— Так Джейк с Сулгвин стал встречаться? — все не унималась я.

— Конечно! — без тени сомнения ответил мне Саша.

— Они будут вместе, а ты сомневаешься? — на меня внимательно посмотрела девушка, сидящая справа, типа «вот ты в жизни не шарить»...

Лида-образина убедительно покивала головой.

Я особенно долго и томно рассматривала фотки Джейка по слайд-шоу и не скрывала грусти, как будто у нас с ним что-то было...

— Арина у нас... Арина, блин! Ты на Джейка так смотришь?.. Блин! Ты прям вообще, — Саша был даже разочарован и закатил глаза.

Потом он сказал:

— А мне полицейский объяснил, что Аринин тип свидетельницы — «монашка», она всегда в кого-то влюблена, а по сути, остается одна. Как только Джейк уехал и пропал из зоны ее досягаемости, она тут же в него влюбилась... — Саша посмотрел на меня и махнул рукой, он как будто внутренне успокоился.

Я сделала тайком себе фотографию «Джейка в облаках», которую Райли сделал в кэмпе. Райли перед отъездом отдал пленку одному из наших парней, и я попросила у него пленку, сделала себе эту фотку и хранила среди других фоток американцев. Фото по плечи, где длинноволосый обычно паясничавший на фото Джейк на фоне неба со смешной детской улыбкой-оскалом, где он был похож на проказника-ангела в облаках... Мне нравилось возвращаться в воспоминаниях в тот лагерь и последующий месяц, во время своего успеха. Мне нравилось, что такой взрослый перспективный американец обратил на меня внимание. Нравилось думать, что тогда Джейк из всех девушек тогда выделил именно меня, он симпатизировал именно мне.

Моя «большая рыба» махнула хвостом и утащила меня на глубину, я не могла вспоминать Джейка без довольства собой, гордости собой, и я всегда бы хотела вернуться в тот внутренний триумф — такой взрослый, успешный американец, который нравился абсолютно всем американкам, обратил на меня внимание! И думая о Джейке, я всегда возвращалась в тот период своей жизни, к той уверенности, тому внутреннему состоянию...

Но непостоянный Джейк уже встречался с Сулгвин, и я думала, что это был плохой выбор, она же точно не была красавицей, у него же в Америке была еще девушка... Американцы были на самом деле слишком свободны для меня...

Новые американцы смотрели фильм вместе с нами... Полина Ганченко разговаривала с Ирой:

— Арина — человек бегущий. У нее Владик...

— А-а-а, теперь понятно, почему она здесь, — говорила Ира также улыбаясь. Потом говорили, что в этот день с нами смотрела фильм «клон» Иры из полицейских, и она не хотела, чтобы я сильно очаровывалась русскими у американцев.. — Ну Олег брат, — она имела в виду программиста из параллельной группы, который должен был меня убить, ко мне был приставлен профессиональный киллер еще работорговцами, он был прописан мне еще со школы.

Двуликий Владик был по талантливым детям, внимательно следил за моей жизнью, вредил во всем, как и всем подопечным, и все думали, что он все-таки меня загонит в могилу...

Сегодня была и Полина Ганченко, красивая, с длинными светлыми волосами. Душа ее бабушки жила в комнатной рыбке в аквариуме, и ее душу иногда переносили в тело Полины. Полина становилась плоской, желто-

синей рыбой-ангелом, а ее бабушка — Полиной. У них было одно человеческое тело на двоих. Я уже пару раз видела Полину на американских встречах — она появлялась нечасто. Сегодня пришла девочка Полина, а негров профессионально убивала и расчленяла для Эдама ее бабушка в теле Полины...

Полина тоже была «человеком бегущим». Но ее переписали на меня, в «бегущие люди» отправили меня, собирали подписи, кого можно вытащить за мой счет, их вытащили, а меня отправили, меня туда прописали еще казахстанские работорговцы, когда мне было десять, приплатив за это нашему правительству, и до сих пор никто не вытащил... Вот «бегущие люди» вены резали.

Потом Полина Ганченко уедет по программе обмена в Париж, будет учиться там в магистратуре и останется там жить. Она выйдет замуж за такого же перенесенного. В своей прошлой жизни ее бабушка с ним были знакомы и даже любили друг друга. Дедушка и внук тоже делили общее тело, и один из них всегда жил в теле их собаки. Полина во Франции родит девочку и перенесет душу внучки в новорожденную девочку, навсегда похоронив душу новорожденной. А бабушка навсегда останется в теле Полины со своим любимым — в новом теле, до конца новых дней...

В тот раз я мельком увидела Дженнифер — она ненадолго приезжала в Россию, забирала последние документы, а потом уехала навсегда...

Я опять проспала весь фильм...

Кофе

Однажды осенью в октябре 2004 года толстая американка Брэнда пригласила меня в кафе погулять и поговорить о Христе.

Брэнда Гибсон — ну очень толстая американка. Бренда была примерно моего роста и примерно сто тридцать килограммов, не меньше... Брэнда тоже носила необъятные майки и джинсы. У нее было очень загорелое лицо; как у всех толстух, небольшие глаза и короткий курносый нос, плоский и широкий рот, очень тонкая верхняя губа и широкие крупные ровные зубы, темные волнистые волосы по плечи и карие глаза, она всегда ослепительно и белозубо улыбалась. На толстых лицах любые глаза и нос кажутся маленькими.

— Она какая-то сявотная, сказала о Брэнде, глядя на ее фото, моя староста-одногруппница.

— Беденькая, — говорила о ней моя подруга, имея в виду ее колоссальный вес, Брэнда была просто необъятной. Она была дочкой судьбы, который всегда носил с собой прослушку и этим и запомнился.

Поэтому Брэнду сделали такой толстой – ей легко было прятать прослушку.

Мы пошли в кафе на Красной, поднялись по лестнице на второй этаж, кафе располагалось над телекоммуникационной компанией. Кафе было известно, оно было приемлемым даже для студентов. Мы сели за круглый столик в середине зала.

Официант принес нам меню. Оно было на английском.

– Could you translate for me?

– Sure!¹

Я перевела несколько строчек для Брэнды. Мы решили попить кофе. Я долго рассматривала меню и в итоге выбрала эспрессо. Я в кофе совершенно не разбираюсь. Мне понравилось название и цена.

Брэнда по-английски назвала капучино с молоком. Она вдруг совершенно неожиданно для меня заговорила по-русски – ей только что вкололи русский язык... но я говорила по-английски, и русский ей тут же убрал...

Пока мы ждали кофе, я рассказала, что учусь на информатике, а она уже отучилась на ветеринара.

– I just love big dogs! I just love them! – она была очень эмоциональна и много во все зубы улыбалась. У нее была очень тонкая верхняя губа. – Big shaggy dogs!

– I have a black cat... She is not very nice².

– Черная? А у нее короткая шерсть?

– Нет, длинная...

– А, длинная...

Официант принес ей большую чашку с пенкой и мне совершенно маленькую чашечку черного кофе и крошечную шоколадку к нему. Мы в кафе пили кофе.

Брэнда громко рассмеялась.

– It is so small!³ – она прямо расхохоталась. – It is so small! – Брэнда продолжала смеяться и показывала пальцами размер моей чашечки...

Мой кофе был очень горьким. На дне остались зерна, и Брэнда предложила мне погадать. На дне чашки ничего не было видно, и она перелила мои зерна в свое блюдечко.

– Let's see... It looks so complicated... Maybe it is a goose... Arina, you are a goose⁴.

Я в блюдечке не увидела и намека на фигуру гусыни. Или я как-то

¹ – Ты можешь переводить для меня? – Конечно!

² – Я просто люблю больших собак! Я просто обожаю их!.. Больших лохматых псов! – У меня есть черная кошка... Она не очень добрая.

³ – Она такая маленькая!

⁴ – Давай посмотрим... Это выглядит сложно... Может быть, это гусь... Арина, ты

не так смотрела.

— Вот, смотри, это ее шея. А это клюв... Или это пес...

Она хотела поговорить со мной о моих показаниях, но я еще не знала о проделках американцев. Все мои показания отправляли в уровни памяти N — если бы я на самом деле стала талантливым писателем, то я бы все вспомнила, и только в этом случае.

— Твой дедушка имеет медаль «за заслуги», и мы можем иногда ставить вето на операции Эдама...

Тут открыли черную дыру, и в ней появился отец Брэнды, судья Гибсон, заgrimированный по нее. Его тоже интересовало, собираюсь ли я давать показания. Его от Брэнды мне было сложно отличить...

— Она как ребенок, — сказал судья обо мне. — Но сначала показания будет давать Яся и Саша Янченко. А потом через пять лет Яна.

— Знаешь, сколько отец живет? Он 1917 года! Представляешь! Его «вечным» сделали в противовес российским судьям 1917 года, которые жалели Николая Второго и водой его поили перед смертью!

— Эдам поклоняется маскам. Таким преступникам, как Кай Беспощадный с Трутона. Ничего святого... Видишь, какая она белая. Чтобы клоны на все тело хоть краску наносили. Ты попробуй-найди такой цвет кожи!

В черной дыре потом появлялся американский шериф... Судья достал черную сумку с растяжителем времени...

— Знаешь, сколько ему денег заплатили, чтобы он никогда не открывал дела Эдама Хейсонда? И закрывал на все глаза...

Шериф почему-то закрыл лицо руками и расплакался. Его дочь сейчас «висела», была на краю гибели, ее пытал Эдам Хейсонд. Шериф выдвигал новые обвинения против Эдама, а Эдам шантажировал шерифа дочерью, чтобы он закрыл дела, а судья Гибсон ему помогал. Кстати, этой дочерью шерифа была будущая жена Дэвиса.

... — Примите единственно правильное решение, — похлопал его по плечу судья... — Он приехал сюда узнать, собирается ли кто-либо давать показания против Эдама, но здесь все еще бесперспективнее, чем у нас... Видите, здесь также... Одна темень и ни одного нормального свидетеля. Они будут давать показания, но позже...

Судья приобнял шерифа, и они скрылись в черной дыре... Через время судья появился и сказал: — Он подписал! Шериф закрыл все дела против Хейсонда!

Судью поздравили с триумфом, Брэнда жарко обняла папу. А где-то от беззаконий Эдама зашло солнце.

— Смотри за ней, — сказал он дочери напоследок и благословил на испытания в России. — Это ваша основная гусыня! — он показал на меня пальцем и навсегда скрылся в черной дыре...

гусь...

Настоящего шерифа избили и отправили в колодец, а его место занял клон Эдама. В Америке прошло две недели, не знаю, сколько мы сидели в том кафе... Шериф сидел в колодце, и все боролись за его жизнь. Клон подписал за шерифа закрытие дел. В итоге дела были закрыты, Гибсон наполнил карманы. А шерифа достали с отбитыми руками — Эдам всегда думал, что лучше держать послушных и боящихся, а этот шериф уже был управляемым... Закрытие дел подписал клон шерифа, а настоящий шериф потом подписал документы задним числом и их заменили. Так теперь в Америке закрывали дела преступников.

Я тут же все забыла, как обычно... Эту сцену опять отправили в злые закромы моей памяти. После встречи Брэнды отправила мне эсэмэс «Спасибо за нашу встречу, она была незабываемая».

С тех пор в кафе с подругами я заказывала себе капучино — оно выглядело правильно, как и должно кофе в кафе. И не любила эспрессо...

Искусство

Однажды ранней осенью Брэнды пригласила меня в общежитие на кухню готовить. Я первый раз была на кухне у американцев и впервые узнала, что у них в общежитии есть кухня. Кухня была небольшая напротив второй комнаты американцев. В общежитиях я уже запуталась, нас приглашали то в одно, то в другое. Брэнды очень любила готовить. Сегодня мы пекли оладьи. На кухне были Кейти, не Тюши, и Андрэа.

Сегодня Брэнды была среди приверженцев закона и оппонентов Эдама.

— Посмотрим, как быстро ты поменяешь сторону, — говорил Брэнды отец. — Но начинать надо с этой.

Брэнды долго месила тесто. Она любила готовить.

— Оо, ты знаешь, как делать оладьи? Как делать тесто? — спросила она меня.

— Да...

— Cooking is an art! — говорила мне Брэнды. «Кулинария — это искусство». Она месила тесто со знанием дела и готовила пирог.

Я жарила на сковородке оладьи. Рядом с плитой стоял квадратный стол, и мы тут же ели приготовленное. В комнаты мы в этот раз не заходили, ели на кухне... Сегодня они хотели использовать мое вето.

Американцы использовали бурый сахар и добавляли кусочки шоколада, шоколадные гвоздики в тесто и делали печенье.

У американцев была съемная квартира на Таманской недалеко от университета. Там мы делали поделки из материалов американцев — я сделала желтого цыпленка с клювиком и глазками — два пушистых

желтых шарика, один побольше, другой поменьше на кубике. Глаза и клюв мы приклеивали клеевым пистолетом. В таких игрушках была прослушка и камера и, поставив такого цыпленка дом, я получила прослушку от Брэнды. Мне тогда растворяли галлюциногенные таблетки, и в голове был атас. Тогда в моем возрасте их растворяли всем, но особенно много тем, у кого в роду были шизофреники.

Я также иногда встречалась с новыми американцами, как с прошлогодними... С Андрэа я пила в «синем» университетском кафе чай, она, как и все, говорила о Боге, сидела со своей зачитанной Библией. Как и Дженнифер в прошлом году, она старалась много не тратить, как и я. Андрэа рассказывала мне о своем Эдаме, как они стали встречаться: — Сначала меня пригласил на свидание молодой человек, он был богатый, красивый и мне нравился. Но он не был верующим. А это было определяющим для меня, и я отказалась. Как бы он мне не нравился. А потом Вэн пригласил меня на свидание, и я согласилась... С тех пор мы вместе...

Мы с Аней Петрилиной участвовали в конкурсе на курсы учебы в Америке. Написали конкурсные сочинения. Я попросила мое сочинение проверить Шерил. В своем сочинении я писала, как я восхищаюсь всеми американцами и даже почерк у них идеальный, была под сильным впечатлением от Мэтта... Аня прошла в следующий тур, а я нет. Шерил мне сказала, что некоторые из американцев пишут очень коряво и вообще неряшливые... Аня потом со мной поделилась, что в своем сочинении часто использовала сослагательное наклонение, «Я бы хотела увидеть», «Я бы хотела поехать», и так прошла во второй тур. Так писать сочинения ее учила репетитор по английскому. Аня съездила во второй тур в Екатеринбург, но дальше не прошла... А я решила, что слишком идеализировала иностранцев...

Эдам рассказывал нам на одной из американских встреч, что удачно можно свидетелей выводить из игр, незаметно вколов им ВИЧ. Так они вывели из игр одну свидетельницу в Америке, еще совсем молоденькую девушку, незаметно вколов ей кровь больного. Ее заразили СПИДом незаконно, она тогда еще была девственницей... И дальше свидетель потерялся, долго думал, откуда у него ВИЧ — татуировки, уколы и т. д. СПИД, к сожалению, можно подхватить и бытовым путем через кровь. Эта свидетельница начала лечиться, и ей было уже не до показаний. Она быстро умерла, лечение не помогало. А доказать что-либо было сложно... Ее заразили СПИДом специально, как свидетеля. А тот, кто заразил, признался только через пятнадцать лет, но свидетельница уже много лет была в земле... Легкий способ вывести свидетеля из «игр» — заразить смертельным заболеванием и так убить.

A woman

Джейк уехал уже полгода, но русские девушки все еще его вспоминали, тайком вздыхали о нем, во многих сердцах он оставил зерно надежды, что можно легко уехать в Америку и выйти замуж за состоятельного американца... Что женой Джейка может быть каждая из них... Что можно легко пустить американцам пыль в глаза... На американских встречах мелькали все те же лица. И Таня Соснянской однажды сказала подруге о Джейке: — Надо быть дурой, чтобы упустить этого американца и не уехать в Америку. Эти американцы — они как дети... Такие наивные! — Она также ходила на встречи с томиками стихов, читала Пушкина и малоизвестных поэтов, показывала свои стихи, написанные в тетрадке...

Джейка никто не мог забыть... Женя Снисарь тоже верила, что именно она «маленькая жена» Джейка. Или хотела верить. На втором курсе она тоже начала писать рассказы и стихи, печатать их за деньги в небольшой газете. Показывать Морген и Шерил газетные вырезки со своими стихами. Но американцы не торопились ей верить, ее литературное творчество только добавляла популярности Джейку и возвышало американцев в глазах русских. Складывалось впечатление, что русские девушки готовы на все, даже продать душу дьяволу, лишь бы оказаться «маленькой женой» Джейка и уехать в Америку. А статус жены Джейка обещал «сытую» жизнь в Америке, благополучный, счастливый брак, а также серьезную литературную премию и несметное богатство в будущем. Русские парни даже говорили, что им стыдно за многих девушек американского центра...

По тусовке ходил слух, что если начать писать, то наивные американцы решат, что именно ты «маленькая жена» Джейка и в будущем великая писательница и будут помогать вам «сойтись». Джейк тут же прилетит на крыльях любви и жениться на тебе... И сделает дочку... В итоге и в Америку переедешь, и замуж за американца, богатого кардиохирурга выйдешь, и детей-американцев нарожаешь. Осуществишь мечту практически любой девушки-лингвистики, кроме, разве что, Нади Мерноковой. А потом можно сказать, что с писательством никак. Ну никак, не «прет» просто и все тут. Джейк никуда не денется и простит. А писательство, да, оно приложится!..

Но американцы не торопились по трем рассказам причислять тебя к великим писателям и соответственно «женам» Джейка, и Джейк на крыльях любви все не прилетал...

Многие девушки «купились» на рассказы Джейка. Особенно, если личная жизнь все не складывалась. А вокруг много программистов, а Леша или Алекс одно из самых распространенных имен в мире. А написать пару рассказов не так уж и сложно... Некоторые говорили, что хорошо Джейк

все придумал... Многим девчонкам голову заморочил... Вот американцы над русскими поприкалывались!

А американцы все получали весточки, что то Женя Снисарь, то Таня встречались с Лешами-программистами и писали рассказы...

В один из понедельников у нас была встреча в американском центре в конференц-зале, и мы должны были говорить о литературе. В этот раз была «очень беременная» Морген с большим животом или накладкой. На ней также была белая майка и черные брюки — она всегда одевалась одинаково. Здесь же сидела и Шерил. Сегодня в центре конференц-зала стоял большой стол из красного дерева, за которым мы сидели. У одного конца у двери стояла Морген, мы читали и разговаривали о литературе, говорили, кто наш любимый писатель. Сначала мы как обычно представлялись, рассказывали о себе, и я все также, уже второй год повторяла свою заученную фразу: — My name is Arina, I am on the second form. I am from Informatics¹. — Говорить можно было как на русском, так и на английском. За столом было не так много людей — стол был заполнен не до конца. Был блондинка Саша и много новеньких. Сначала говорили о любимых писателях — вспоминали Некрасова и Толстого. Говорили, что я — это два Льва Толстых.

У нас был перерыв в обсуждении. Мы вышли в коридор Интернет-центра. Ко мне подошла Шерил. Через год я заметила, что у нее тоже лысел лоб.

— Привет, Арина! Как дела? Сегодня даже пришел Юра. Yes! — Шерил сделала жест рукой — прижала к себе согнутый локоть правой руки, она очень радовалась и как всегда глупо улыбалась. — Он будет говорить сегодня. Он даже курил. Так нервничает... Он сейчас будет говорить о литературе. Я с ним иногда люблю поговорить. Он очень умный. Он сын профессора, ты знаешь это? Его интересно послушать... Он очень интересный собеседник. Он даже начал курить ментоловые сигареты, представляешь? — Шерил сказала это с гордостью и улыбкой. Как будто, что он начал курить, хорошо для нее...

«Вот их отношение на самом деле», — я в который раз подумала, что они нам не друзья. Живут в стране и разрушают ее изнутри. Ментоловые сигареты были очень вредны.

Первый год я больше дружила с Дженни, а второй — с Шерил. Или это Шерил теперь дружила со мной, когда Дженнифер уехала... Шерил теперь думала, что это она — писатель будущего.

Шерил приехала в Россию вести всех вокруг к Богу и учить русский. Она приехала, как она думала, учиться и развиваться. И Шерил на самом деле была из семьи верующих, в отличие от Дженнифер. А попала к страшным убийцам... Она, как и я тогда, с трудом представляла, что про-

¹ — Меня зовут Арина. Я на втором курсе. На информатике.

исходит вокруг... И среди каких убийц она оказалась... И крутилась по своему кругу...

Шерил все рассказывала мне о способах быстрого чтения, которые искала и коллекционировала, что можно читать «елочкой» — слово по диагонали в каждой строчке, чтобы складывалось общее впечатление о якобы прочитанном. Или что можно читать только пару слов на страницах и догадываться о смысле. Она все еще готовилась «съесть», то есть ослепить русского писателя в этом году. И рассказывала это всем потенциально пишущим студентам. Ей оракл Эдам обещал через ослепление удачное замужество...

Нас пригласили в зал продолжить беседу.

За столом также сидел тот мальчик, курению которого так радовалась Шерил. Юра был невысоким блондином. Он много и убежденно говорил. Его речь напоминала мне критическую статью по литературе. Потом незнакомая девочка... Она говорила на английском и запуталась со словом «girl». В английском оно могло переводиться и как девочка, и как девушка.

— Oh, I am a girl... — все-таки сказала девушка.

— I am defiantly a woman, — убежденно сказала беременная Морген, глядя в свои бумаги. Среди девушек преимущественно девственниц это звучало как откровение.

Я в этот момент почувствовала ее превосходство над собой...

— How is your child? — спросила у Морген Женя Снисарь после встречи.

— He is good...

— Do you know the sex already?

— Oh, it's a boy... Adam wants a boy... Hey, child, wake up! — Морген несильно била себя по животу, как будто будила своего спящего ребенка. — Wake up! Zenya wants to get acquainted with you!

Женя погладила ее живот, Морген на самом деле не любила, когда трогали ее большой живот, а вдруг он накладной и не пинается... Где-то в это время Эдам убивал молодую негритянку и ее нерожденного ребенка...

Мы с Машей Бонтюк в конце января пошли на концерт рок певца Бориса Гребенщикова. Она осуществляла мечты того мальчика, который должен был ослепнуть.

Маша не стесняясь пользовалась вибратором и говорила, что так она «расширяет свои границы»... Мария была «бабочкой», перевозила наркотики «в себе», внутри себя — в своей вагине вибратор, а в вибраторе — наркотики.

У Марии Бонтюк была младшая сестра, светловолосая, ростом повыше — Маша была ей по плечо... С той «кошкой» Надей Маша выглядела одинаково, обе худенькие, невысокие, в очках, волосы висят на лице... Мария с сестрой были очень похожи, только сестра блондинка и повыше. Как говорила сама Мария, они похожи, как люди, живущие вместе. Она

даже приглашала меня к себе домой. Удивительно, но они не жили очень богато — только двухкомнатная квартира, одна комната на двоих с сестрой — они спали на двухъярусной кровати.

У семьи Марии также был частный дом. А в доме подвал — огромный подвал — как трехкомнатная квартира. Везде светло, лампочки... В подвале еще один огромный дом...

Марина Бондюк как быстро со мной задружила, также быстро со мной раздружилась. После рок-концерта я ее больше никогда не видела...

Говорили, что Машу тоже «продали» родители и готовили к смерти от рака. Поэтому она быстро уехала в Европу к своему бойфренду и стала воспитывать его двоих детей от первого брака. С женой ее бойфренд все-таки развелся. Он взял заботу о своих двух детях на себя и растворил бывшей жене раковую опухоль. Уехав из дома, Маша растворила рак в чашке отца. Так она избежала смерти. Она считала: «Или ты растворишь родителям таблетки смерти. Или они тебе. Кто быстрее. Ты пожил, теперь я хочу пожить. Или растворишь таблетку родителям, или сам умрешь, они тебя точно не пожалеют, не могут»... А ее младшая сестра возглавила бизнес отца.

По сравнению с прошлым годом в американском центре стало намного беднее и скучнее, уже никаких буклетов на цветном принтере с вопросами для обсуждения, меньше фильмов... Никакого печенья или чая... Встречи стали намного менее интересными, скучными. Эдам встречи уже не вел, и я все вспоминали Эдама и его команду с сожалением...

Зимой мы гуляли с Брэндой около Карасунов, она чистила банан с другой стороны и также говорила со мной о Боге... На Новый год Морген и Эдам что-то рассказывали про фигуру Венеры и кого-то опять убивали... Морген стала носить синие широкие джинсы с отворотами, до этого она носила только черные брюки. В других я ее никогда не видела. Я все удивлялась, где Морген нашла такие широкие джинсы, в которые смогла вставить свой необъятный таз.

А меня готовили в «бегуны»...

Часть 2. 2003 год — взгляд в прошлое

Поцелуй

Эдам хотел заразить меня СПИДом, на американских встречах весной 2003 года мне вкололи СПИД в шприце. Но потом свернули — так нельзя. Эдам опять нарушал правила...

Весной 2003 года Эдам поцеловал в губы какую-то молоденькую девушку у моего подъезда, думая, что это я. Ее загримировали под меня. А на его губах была пленка, а на ней набор болезней... И ту с таким букетом отправили в больницу, она уже и до дома не дошла, сразу упала... через пятнадцать уже вызвали скорую... и язва, которая не лечится, и температура сорок пять — ее тут же заморозили... Вышла к Эдаму здоровой девушкой, «сталь», и проколы мне не чета, а вышла из больницы девяностолетней старухой... И только тут все поняли, кто такой Эдам Хейсонд и к каким запрещенным веществам у него есть доступ... И только теперь полицейские осознали, как все круто и что для него могут работать!.. И его отправили в Россию, как святого козла...

— Ну я хоть кого-то крутого поцеловал? — спросил он потом усмехнувшись.

— Да, крутую сталь...

Хороший способ надолго вывести из свидетеля из игр — легкий поцелуй в губы, и хорошо, если не смерть...

Потом похожим букетом поцеловали Морген, полицейский, загримированный под Эдама... Один-один...

Золотой слиток Анны

В 2003 году Эдам украл в Нью-Йорке мальчика семи лет — сына продажного полицейского. Эдам ребенка схватил, а отец сына навсегда потерял... И еще чернокожего негритенка... Детей, конечно, никто не вернул. Золото за детей передают обычно не сразу, через два-три месяца, когда ребенок уже закрутится в системе, когда его проверили медики, оценили его здоровье, когда его хозяин в Казахстане передал золото за него в Рос-

сию. Проданных и закрутившихся детей практически не возвращают или возвращают очень редко... И великий соблазн оставить в рабах ребенка американского оборотня в погонах... И поэтому судья брата Анны ждала и получила от нее слиток казахстанского «детского» золота. Чтобы по этому золоту искать то золото за проданных детей и находить хоть какие-то концы... И этого ребенка и его черного собрата по рабству продажные полицейские Америки тоже хотели вернуть...

Олень ослепляющий

Всем нашим американцам с лета 2003 года предсказали, что их сделают святыми козлами в России, посадят за все наши преступления, но при этом они станут главными героями интересной книги и войдут в историю литературы, как запоминающиеся персонажи, и они не сомневаясь ни минуты поехали... Какие альтруисты... Не каждый так сможет... Как мы вами гордимся! Великие альтруисты! Вы гордость нации! И все ради искусства!

У всех летних американцев 2003 года пошли волны в будущем, у Элен и Анны особенно. Анне уже не давали правильные нитки, и теперь она уже не штопала стежками, только крестиком...

События 2003 года в иностранном общежитии университета и американском центре становились все яснее...

Майкл был распространенным фенотипом героя-любовника. И все думали, что потом он будет любовником Яны, когда та вырастет. Внешность Майкла была универсальной, как и у Маши Бонтюк – очки, черные волосы-сосульки падают на лицо. Полицейские говорили, что в том году было не меньше пяти разных Майклов...

Однажды американцы принесли кожу какой-то полной женщины, которую содрали с нее вместе с грудью... и примеряли на себя... ее кожу с грудью... Американцы как будто хотели все время ставить какие-то рекорды и так быть полезными обществу... или обелять себя, свои злодеяния...

Американцы в том году приехали в Россию с пустыми руками и зарабатывали на месте. Майкл призвал «серебряное копытце», оленя, который бил копытом и так выбивал драгоценные камни. И в это время какой-то ребенок слеп... А слеп сын прокурора из провинции...

Майкл собрал свою корзинку драгоценных и полудрагоценных камней... И зарыл слепого семилетнего мальчика, заколотого в сердце... А на его месте поставил американского детдомовского мальчика. А мать прокурор не увидела разницы...

Бабушка Майкла была слепой, у нее были бельма на обоих глазах, и Майкл тоже боялся всю жизнь ослепнуть. Поэтому ослеплял других.

Американцы и продавали наших детей в рабство – так тоже зарабатывали. И поэтому очень не нравились нашим работорговцам, именно тогда интересы Эдама столкнулись с интересами Славы Оглоблина... – Это всегда деньги... То, что правит миром. Все всегда крутится вокруг денег... – как-то сказал Эдам Хейсонд Арине.

Детей в Литве летом 2003 года тоже воровали наши американцы во главе с Эдамом. И контакты доставили, и детей воровали, а золото к их Центробанку складывали. Но на высшем уровне в Литве не подписали...

Строящих лягушек и ослепляющих оленей давно запретили, но это деньги, и люди все равно нарушали правила и прибегали к их услугам.

Топаз золотистый

Летом 2003 года Келвин-Джош украл в Краснодаре неограниченный топаз редкого золотистого окраса у частного коллекционера. Владелец камня, тоже российский криминальный авторитет, все думал, как камень лучше огранить, и подбирал мастера, не торопился его огранять.

Топаз был редким, огромного размера, четыре сантиметра в диаметре. Этот топаз был рекордного размера для этого вида полудрагоценных камней. И стоил немерено. Хотя эти камни по свойствам не очень отличались от драгоценных.

Келвин вывез топаз в правом кроссовке. Когда американцы выезжали, он носил сандалии, а на контроль переодел кроссовки. В одном из них, правом, в задней части подошвы был тайник, в который Келвин и спрятал камень. Он его мне в аэропорту показал. Я видела камень неограниченным и не поняла, что он был ценным.

В аэропорту было несколько Спенсермэнов, отец и дед Келвина, его клон, переодетый полицейский. Преступники одной семьи делают пластиковые операции и выглядят все одинаково. Самые страшные преступники все на одно лицо... Русский клон прошел за Келвина один из контролей, а улетел сам Келвин. Наша полиция Келвину всячески содействовала. По крайней мере, сильно не мешала...

Келвину тогда было только шестнадцать, и он должен был еще доказать свою состоятельность в преступном мире, пройти определенные испытания, чтобы занять достойное место в своем клане... И кража топаза из другой страны была одним из его испытаний.

Стоимость неограниченного топаза в России в 2003 году оценили в два миллиона, а Келвин продал его в пересчете на рубли за четыре. Этот топаз он отдал в частную коллекцию, а его новый владелец стал долгосрочным спонсором отца Келвина и в сех его «ружейных» операций.

Новый владелец долго думал, разделить ли топаз. При его огранке было бы много мелких желтых топазиков. Но все-таки решил камень не разделять, а огранить его очень тонко, найти хорошего специалиста и огранить так, чтобы он стал неузнаваем, у него как раз был такой редкий мастер. Топаз такой величины был слишком узнаваемым, о его пропаже уже заявили и хранить его целиком неограниченным было слишком рискованно...

При огранке топаз необычно повернули, верх сделали низом, топазу придали квадратную форму, не обработали один скол — слишком много пришлось бы спиливать, было жалко камень. Но так сейчас не обрабатывали драгоценные камни, их делали только правильной формы, никаких сколотых углов не разрешалось. Но этот камень был краденый, его искал хозяин, и гранить его по правилам было опасно... Так сохранили камень, его максимальный размер, но немного пострадала форма, нехватку недостающей части до абсолютно правильной формы загримировали под скол... Этот золотистый топаз сам себя называл Машей. И после огранки Маша задумалась, нравится ли ей огранка или нет, как ее развернули и огранили...

И никто, глядя на ограненный топаз рекордной величины, не мог узнать в нем украденный в России неограниченный камень, так хорошо и профессионально он был огранен. За исключением одного тонкого скола, одного заметного места, о котором знал только новый хозяин и огранщик. По этому сколу его мог узнать и хозяин... Камень остался в частной коллекции, не попал на аукцион или в профессиональные руки и узнаваем не стал...

Камень даже разыскивали и проводили оценку его же ограненного. У этого топаза был небольшой скол в верхнем левом углу. Оценщики решили, что этот скол получился при падении, а это был необработанный угол огранки. Величина этого камня была намного больше камня, который недавно пропал в России... И оценщики решили, что это не он... Они особо не вглядывались — им надо было проверить еще много камней...

Прочность желтых топазов равнялась бриллиантам, и у них не могло быть таких сколов, это были природные особенности камня, но оценщики этого не знали... Кристаллическая решетка топазов различалась, но у желтых она была только твердая, как у алмазов. Оценщики особо не разбирались, и камень не был опознан...

У каждого камня такого уровня есть свой паспорт. Потом владелец думал огранить свой топаз еще раз, как и собирался огранить обкраденный владелец в России, он хотел огранить камень потом, когда его перестанут искать и забудут или умрет владелец в России. «Пройдет лет двадцать», — решил Келвин Спенсермэн и накинул на камень свой плащ — сделал заговор.

Крупные топазы очень часто путают с сапфирами, и некоторые ювелиры крупные синие топазы так и называют сапфирами и продают по стоимости сапфиров.

Когда Келвин оценивал ограненный камень у другого оценщика, ему сказали, что камень огранили нечисто, остался скол. Эдам даже показал нам, стерев стену в доме Келвина, как Спенсермэн бросился на огранщика, когда ему сказали, что камень «нечистый», вина огранщика в нечистоте камня. Но краденые камни так и гранят, нечисто, чтобы они были неузнаваемы...

Если гранить со сколами, то есть много вариантов огранки, а если без — то всегда один, зачастую и верх-низ тоже только один вариант, хотя и тут есть нюансы. Так можно бороться с фальшивками, кражами, камень однозначно узнаваем. Разные школы огранки гранят и решают, где верх и низ камня по-разному. Но размер камня у всех одинаковый с разницей в доли миллиметра.

Если гранить камень чисто, то возможен только один вариант огранки, и глядя на неграненый камень, профессионал, изучив камень, может сказать, какой у него будет размер после огранки и выдать паспорт. Можно спорить по поводу верха и низа камня, но только не по поводу размеров. И владелец в России искал свой ограненный камень определенных размеров, а этот камень был значительно больше, но со сколом... Он уже взял паспорт до огранки, а паспорт надо было не брать. Но как не делать паспорт на вещь? Так спокойнее... А украдут ограненный, так его потом можно на несколько разных камней разбить, тоже не найти... Так что новый владелец тоже рисковал, не разделяя украденный камень, так камень все-таки можно было узнать... И Келвин знал, как важно делать огранку, чтобы она не соответствовала паспорту камня, и как сложно рассыпь одинаковых желтых топазов продать, когда ищут что-то похожее... И лучше красть неограненный, с ним проблем меньше, но можно при огранке получить пустышку, для этого их смотрят под разными просвечивающими аппаратами, чтобы камень не был пустым. Келвин свой камень так проверил. Воровал наверняка.

Келвин в сапогах скороходах несколько раз шагал в американский центр университета из своего дома в Америке. Показывал ограненный камень и скол сбоку. Камень оценили в Америке, а потом в России. Камень-Маша просто пела в руках у Арины, сверкала и переливалась, так ей нравились будущие писатели...

Медянка

Лента! Пестрая лента!

А. Конан-Дойль «Приключения Шерлока Холмса»

— Ты думаешь, уж — это ядовитая змея или нет? — спросила у меня Элен.

— Нет, — уверенно ответила я.

— Вот видишь, а она сказала, что ядовитая...

Элен имела в виду, что сейчас дочка судьи Даша скрывалась в загородном доме у знакомых матери. Она часто отдыхала в большом саду. Она не боялась мелких юрких змей — считала их неопасными и неядовитыми. В загородном доме Даша хранила компромат и готовилась давать показания. В этом деле были заинтересованы Спенсермэны...

С матерью-судьей у Даши сейчас был конфликт.

Спенсермэны подбросили в этот сад золотистую медянку из семейства ужеобразных. Они нанимали специального дрессировщика змей, чтобы он озлобил медянку, и та стала кидаться на людей. Медяки в принципе неядовиты, но если человек на специальных препаратах, то яд золотистой медянки может привести к быстрой смерти. Даша сейчас принимала лекарства, на которых яд медянки был смертелен. Этот яд становился смертелен даже на определенном парацетамоле.

Даша сидела в беседке, медянка подползла к ней и укусила за ногу, потом быстро юркнув в кусты... Даша даже не обратила бы на это внимания, но вскоре стала задыхаться...

Медянка укусила ее вечером, Даша дожила еще до двенадцати ночи... Она задыхалась от яда... Потом ей даже стало лучше... Вечером ей надо было принимать лекарства, и помощница ее матери, загримированная под медсестру, зная ее коррумпированную мать, которая брала взятки направо и налево, дала Даше лекарство... Даша надеялась на противоядие и, прося его, отдала Спенсермэнам все свои собранные улики... За противоядие она «продала сердце матери», подписала ей раковую опухоль, но ее потом не приняли. Противоядие ей, конечно же, не дали...

Тот, кто растворил ей в кружке препарат, и стал ее фактическим убийцей. Убийство с разделенной и частичной ответственностью... У Даши остановилось сердце...

А судьи все ждали, что их дети восстанут из могил, а они все не восставали... Слишком были запятнаны судьи в коррупции, слишком были их руки в чужой крови...

«Кошка» Надя

*Была тебе любимая,
Была тебе любимая,
а стала мне...*

Песня С. Никитин «Я спросил у ясеня»

В 2003 году мы думали, что приезжали оружейники, а на самом деле наркобароны. Морген говорила нам: — Неужели вы не хотите, чтобы дети радовались, чтобы им было весело! Чтобы им было хорошо в школе? Чтобы они чувствовали себя счастливыми! Тогда подпишите! — она говорила это о наркотиках и предлагала добавлять их детям в еду...

Контрабанда оружия была на виду — на стадионе лежали автоматы, американцы вели переговоры с перекупщиками, а за контрабандой оружия скрывалась продажа наркотиков... Наркотики были скрыты от глаз... Среди вещей на стадионе, за автоматами лежали пакетики наркоты, которые американцы передавали друг другу, в основном Анне.....

В тот год в России засветились семь Келвинов Спенсермэнов, дедушка восьмидесяти лет, Спенсермэн-старший; Дэвид Спенсермэн-средний, с проблемами с правой ногой; Келвин-Симона, принудительный трансвестит; Келвин с большим братом, который думал, что он пес, когда изредка в нем просыпался человек, то это был мальчик трех лет. Было еще пару братьев Спенсермэнов, они все были друг другу родственниками, и все выглядели одинаково, все на одно лицо, для этого делали пластику, если не присматриваться, то и не отличить... Появлялась и Амелия — еще один принудительный трансвестит Спенсермэнов... У одного из них были длинные ногти на руках... Дэвид Спенсермэн был наркоманом, героинщиком. Их немного отличали по росту, наши полицейские делали им ДНК-тесты и устанавливали степень родства...

Под Келвина загримировали и индийского кровожадного хирурга.

Кошка, которая гуляет сама по себе, Надя, была при старичке-наркодилере, помогала ему, была ему как нянька-сиделка. «Кошка» Надя выглядела, как Мария Бонтюк и была ее клоном, худенькая, невысокая, короткая стрижка, темные волосы, очки, волосы всегда падают на лицо. За такой внешностью был незаметен любой овал лица и даже черты лица... Такая внешность — хороший камуфляж. Кошке Наде было двадцать четыре...

У старичка подрастал семнадцатилетний сын Саша, наследник его бизнеса, влюбленный в эту «кошку» Надю. Старичку предсказали, что у Саши и Нади будут дети, его внуки. Двое детей... Надя «зашила» вагину для него, ждала его взросления, а старичок-наркодилер ждал внуков. Перед приездом американцев Саша даже на коленях просил руки Нади, но она пока ему отказала — пока? Саша был полностью разбит. Надя могла де-

лать чудеса — ходить по воде, достать звезду с неба. Саша видел ее чудеса и верил ей...

Недели две назад Надя проглотила достаточно большой ключ. Саша приковал ее наручниками к кровати и ушел. — А ключ? — крикнула она ему вслед. — А он у тебя в животе! — Вот тут она поняла, как ошиблась. Ключ был большой, и достать его было сложно... Саша вернулся и стал отпаивать ее диарейными средствами, кормить с ложечки, носить утки. Она порвала себе весь желудок и кишечник, пытаясь достать ключ... После этого проблемы с пищеварением ей были обеспечены до конца дней. Саша уехал доставать ей препараты для желудка, залечивать ее раны. Он хотел взять ее с собой, но она отказалась. Вот ей надо было уехать, но она решила держать Сашу на расстоянии — так, она думала, будут сильнее разгораться ее и его чувства.... Не сработали у нее инстинкты самосохранения. Через пять лет ее раны были бы лучше. Но Спенсермэны не оставили ей шансов...

Спенсермэны приехали в Россию за данью. Они тоже в России совершали ритуальные убийства, специально привезли из Индии очень кровавого, единственно правильного хирурга для Нади, которому специально не давали кровь две недели... Загримировали под себя — все Спенсермэны были на одно лицо... Келвин для хирурга приготовил кошку на съедение. Они через черную дыру доставили его из Индии...

Дед-Спенсермэн говорил мне: — Она таскает в животе всякую гадость, — имея в виду Надю. — Недавно ключи носила. Они разрежали ей пищевод, и один врач специально делал промывку желудка, чтобы его достать.

Надя постоянно глотала крупные предметы и носила в себе, которые бы не выходили естественным путем или промыванием. У Нади уже были проблемы с пищеварением — они слишком много носила в себе вещей и мешочков.

— Врачи говорят, что у нее будут проблемы с пищеварением до конца дней. У нее и так язва, некоторые врачи говорят, что ее болячки несовместимы с жизнью. Она уже израсходовала все свои семь жизней, — Спенсермэн-средний усмехнулся... И началась охота.

Русские полицейские собрали драгоценности, и «кошка» проглотила мешочек с ними. Среди драгоценностей было одно дорогое кольцо судьи примерно за триста тысяч. Это была недостающая улика в важном для Спенсермэнов деле. Началась погоня, кошка Надя стала убежать, а Спенсермэны — ее догонять.

Надя истратила на Спенсермэнов все свои чудеса, была и соломинкой в реке, и птичкой... но в итоге прибежала к своему покровителю-старичку, зная, что он ее спасет и за нее заплатит. Но от американцев никто спастись не мог. Старичка поменяли, тот уснул, а клон Спенсермэнов сдал Надю ее палачам...

Надя думала, ее помилуют, как и когда-то мальчик Саша-инвалид, но американцы никого не миловали. Милосердие никогда не стучалось в их сердца...

Надю поймали и сложили в общежитии – общежития иностранцев располагались лесенкой, и у наших американцев было одинаковые комнаты в двух зданиях. В одном дальнем веселились мы, а в другом ближнем в маленькой комнате положили Надю, К ней ходили разбираться и недозвольные наши. Спенсермэны держали ее голую на балконе, отстреливали ей руки и ноги.

Сначала Наде на голову вылили ведро воды... – Мокрая курица! – крикнул ей кто-то из Келвинов. Ей сделали две клизмы.

«Кошке» Наде подожгли голову, у нее сгорели все волосы. Потом выкололи глаза, она выбежала в коридор: – Посмотрите, они мне глаза выкололи... – но тут подбежал один из Келвинов с живой водой и налил воду на глаза и голову. Он даже дал ей этой воды выпить. – Это живая вода! Ну вот и все! – она сразу выздоровела и даже думала, что ее проблемы с пищеварением прекратятся. Живую воду получила, можно уходить! Но Келвин ответил:

– Нет, врач тебе заморозил пищеварение, это каменная зона, там живая вода не поможет... – Кошка только смеялась. Волосы выросли...

Надя была заговоренной. – Заклятие мог снять только один индийский хирург... Но Владимир Иванович говорил, что никто не будет приглашать хирурга из Индии, – Владимир Иванович был ее старичок-наркодилер. – А Спенсермэны нашли этого хирурга и пригласили, – Надя даже рассмеялась. Она совсем не боялась Спенсермэнов. – Так они сделали куколку, меня из вереска, – она удивилась. Спенсермэны серьезно взялись за дело. – Этот вереск рос только в одном месте на Земле...

Когда у нее выпали от яда волосы, который Спенсермэны заставили ее выпить, они собрали волосы, чтобы сделать парик, сначала дали ей накладку. Она сидела в коридоре, вырывала волосы из головы и говорила мне: – Вот видишь...

– У тебя уже никогда не будут расти волосы! – я была в ужасе.

– Посмотрим... – она еще надеялась на хороший исход...

Потом один из Келвинов сделал из ее волос нормальный парик и принес ей, надел ей на голову.

– Ну вот, это другое дело! – сказала она одному из Келвинов. И надела парик из своих волос на голову.

Но парик не держался. И Спенсермэны приклеили парик на суперклей, потом на степлер.

Спенсермэн девушка-трансвестит, тоже по документам Келвин, а в прошлом Симона, сказала мне:

– Еще пять лет назад мой оракл сказал, что в это день я должна растворить таблетку с опухолью девушке Наде из России и под это мне дали денег, улучшили оценки... – И она дала раковую таблетку «кошке» Наде...

Идя к американцам, все надеялись на хороший исход, американцы произвели такое впечатление, но у них все заканчивалось плохо... Они над Надей издевались... Редко кто будет так унижать и пытаться, как Спенсермэны.

Кто-то из братьев принес огромную иголку, чтобы выколоть Наде глаз — иголка должна была доставать до конца глазного дня, и они принесли огромную швейную... Один из Спенсермэнов зажал ее в комнате на кровати и всадил эту иголку ей в левый зрачок, полностью проткнув ей глазное яблоко, достав до сетчатки, проткнув глаз насквозь... Дед Спенсермэн долго ковырялся иголкой в ее глазу... Ее глаз медленно вытекал... Потом она бегала с платком и искала, просила опять живую воду... Как раз в этот момент она подошла к окну и ее увидел ее хозяин, добрый старичок. «Если бы они ее не нашли», — подумал он. — «Но теперь»... Его тоже повесили и пытали у общежития, его избивали Спенсермэны...

Глаз Нади как будто посинел — зарос бельмом. Спенсермэны в этих комнатах общежитий растягивали время — в коридоре стоял черный раскрытый чемоданчик с черным камнем внутри...

Надю мучили несколько дней, пытали, глумились, дали яд, чтобы у нее выпали все волосы, выбили все зубы. Ее насиловали трое, хотя она была девственницей до. Келвин даже пригласил знакомого американского полицейского, друга семьи для этого и двух сутенеров. Ее насиловали пенисами с колючей щетиной до ран, до опущения вагины...

Один из Келвинов занес в комнату дымящуюся колбу, размером как фонарь, с жидким азотом. Колбу с жидким азотом также заметили работники аэропорта.

Потом ей на живот налили жидкой азот... и она стала нежилец... Она почему-то решила, что это тоже вода... Сначала даже не обратила внимания. Она трогала свой твердый живот и не понимала, в чем дело... Потом начались боли... С этим жидким азотом она еще бегала по общежитию на адреналине, ругалась. Ее увидели охранники, и отправили к Спенсермэнам, обморожение было глубокое, до позвоночника. Ей залили рот наркозом, положили на кровать, и она мгновенно уснула.

— Я это только на кошках делал... — сказал хирург-индиец Спенсермэну-деду.

Дальше над ней работал индийский хирург. Он разрезал ей живот, аккуратно достал камень азота с внутренностями Нади и отдал Спенсермэнам. Дед весело рассмеялся. Келвин бросил камень об пол, камень не рассыпался, его стали разбивать на куски — камень, состоящий из внутренних органов «кошки» Нади. Особенно им нравились куски, где заканчивались одни органы и начинались другие... Спенсермэны выбили мешочек и пошли этот мешочек разбивать, доставать кольцо, аккуратно, молоточком. Потом нести судьбе...

Как только хирург сделал свое дело, ему тут же Келвин кинул только что убитую кошку. Хирург на нее мгновенно накинулся. Она была еще свежая.

— Ему врач уже подписала препараты, — сказал мне Келвин. — Сворачиваем кровожадность...

А Надя так и осталась лежать на кровати под препаратами, без живота... Потом она вдруг пришла в себя, увидела дыру в себе и начала отчаян-

но кричать, выбежала в коридор... Стала просить живой воды... Ее быстро вернули, шпикнув в лицо забвение...

Потом ей надели свободную кофту, и она еще ходила без живота, разговаривала с ними, сидя на диване, даже учила их чему-то, а Келвины смотрели на нее и подыгрывали:

— Так у тебя же живота нет? — один из Келвинов проткнул ей белую кофту насквозь... Она была на наркотических обезболивающих.

— Как нет? — она посмотрела на сквозную дырку в животе и стала кричать, ее опять перезагрузили. Хирург наблюдал за ней: — Все, больше обезболивающие колоть нельзя, — сказал он, и ее под сильными снотворными положили в зале.

Дед-Спенсермэн пригласил комиссара из южного штата Алабама через черную дыру попробовать Надю. Сейчас в этом штате у Спенсермэнов были дела.

— Проходите, — вежливо говорил он с ним. — Вот наше новаторство. Стараемся на благо науки. А это ее печень, — дед-Спенсрехолд показал на коричневые осколки на полу. Комиссар поднял один осколок, недолго рассматривал, слегка понюхал и взял себе на память, сложил в карман.

— Это азот...

— Вы как всегда, — комиссар благостно похлопал старого Спенсермэна по плечу. — Она еще жива? — комиссар очень удивился, он пощупал ее пульс.

— Да, все свежее... — Спенсермэн приглашал к кровати, как к столу.

...

— Я тоже, — дед попробовал кишок Нади, на губах у него осталась кровь, как у вампира. Наркотики с кровью — новый тренд... Комиссар внимательно рассматривал азотные осколки из органов Нади.

— Ну я пойду, — комиссар долго не задерживался. — А ее убить бы надо, — он показал на кровать..

— Да, Келвин сделает... Ох... Знаете, — старый Спенсермэн хитро прищурился. — А как же наше дело?

— Решим-решим... Пусть Энтони завтра позвонит...

И комиссар быстро скрылся в черной дыре и опять очутился в своем теплом и спокойном кабинете в штате Алабама, где не было еще живой, но уже мертвой девушки без живота.

— Келвин? — позвал дед. — Позвони Энтони, пусть завтра позвонит мистеру Грею...

— Хорошо... — он быстро вышел...

Потом дед пригласил детей на ужин... На улице была сплошная темень... Они накинулись на ее живот. Дед еще рассыпал на животе наркотиков... Они стали нюхать наркотики через трубочки, пробовать кишечник.

Вдруг Надя застонала...

— Она еще жива? — удивился один из Келвинов...

– Да, – ответил раздосадованный дед. – Думаешь, я или Грей будем ее убивать...

– Я сейчас! – этот Келвин вышел... Он знал правила...

Потом дед, Спенсермэн-старший, пригласил остальных американцев... Все удивлялись, но ели мало...

Надя иногда стонала и просила пить, я хотела дать ей воды, но Спенсермэны е разрешили: – У нее же живота нет. – В таких случаях можно было просто смачивать ей губы водой, так говорила моя мама... Приходили какие-то врачи, изучали ее тело со сквозной дырой, внутренние органы, позвоночник без части, проверяли ее рефлексy, заставляли встать и ходить... Спенсермэны потом всех выгнали...

У Нади прокололи и сделали жидкими оба яичника, и Симона в теле девушки выпила их через трубочку. – Теперь ты можешь иметь детей, – сказал ей дедушка Спенсермэн. Она захлопала в ладоши подпрыгивая.

На умирающую девушку приезжали смотреть и Георгий Семенович, зафиксировать нарушение, он все хотел ей помочь... Приходил и профессор Саши-Маши со своей возлюбленной... Приезжал и министр обороны Шалгу, и пресс-секретарь президента Пескин. Откуда-то появилась блондинка фигуристка с подругой высокой Викой, которая стала собирать на Спенсермэнов компромат... Сначала все они появились из черной дыры из Питера 2005 года, а потом появились из реального времени... Забежала адыгейка Маша – она даже писала заявление против Спенсермэнов.

Потом на Надю накинулся и стал жрать кровожадный брат одного из Келвинов, его единокровный больно́й брат-пес...

– Иди! – дед разрешил хирургу тоже поесть... Он пригласил его попробовать оставшиеся внутренности Нади... Дед говорил с ним пренебрежительно, как с прислугой. К ее телу наклонился хирург, с жадностью на нее накинулся. Наелся, напился ее крови.

Во время встречи с комиссаром хирург ждал в коридоре. Он был все еще голоден... И попробовал ее кишечник...

– Она еще жива? – спросил он, озабоченно повернув голову к старому Спенсермэну. – Это же запрещено! – он недово́льно и быстро вышел из комнаты...

Запрещено есть живого человека... Спенсермэны людей живьем жрут. Поэтому им поклоняются – они отступники и поэтому сильнее, они нарушают правила...

Пришел Келвин с колом... Он молотком всадил кол ей в сердце...

Тут же вернулся встревоженный хирург. Он смотрел, как ей остановили сердце.

– Все, умерла, – сказал Келвин, еще раз проверив ее пульс.

– Хорошо, – хирург выдохнул с облегчением. Через пару минут он был награжден золотом и вышел в черную дыру домой.

Остальные американцы опять могли попробовать ее внутренностей, затем отнесли ее тело к озерам и бросили в Карасун. Они потом гримировались под нее, как мертвеца, и пугали друг друга и нас...

На следующий день Элен и Морган опять потащили меня к университету к Карасунам. И показывали восставшую из ада Надю. На ней были уже ее волосы, а не парик на скобах. Она была одета, на ней была та же одежда, которую она носила в последний день. Один ее зрачок был расширенный, а другой наоборот суженный и суженный левый глаз синий.

— Ха-ха-ха, вот она, — закричала, увидя ее, Элен. Труп кошки Нади появился из-за камышей. Морген, тоже увидев ее, заверещала. У Элен от стресса постучался внутренний монстр, и ее отправили к врачам под препараты.

«Кошка» Надя восставала несколько раз, потом ей отрубили голову — она восставала и без головы. Ее труп уже без головы доставил водяной. Его вызвал старший из Келвинов Спенсермэнов. Спенсермэны вызывали священника, чтобы она больше не могла восстать... окунали голову в мазут, скормили голову червям, ждали три дня...

Уезжая из Краснодара, Келвин Спенсермэн вывозил голову кошки Нади в небольшой холодильной камере, размером с чемоданчик, чтобы больше она не восстала из мертвых. В аэропорту было холодно, чтобы не пахло разлагающимся трупом...

В аэропорты было четыре разных Спенсермэна, один из которых был хирург, разрезавший ту «кошку». Остальные Спенсермэны уже уехали под разными документами. Чтобы сделать фотографии на мой фотоаппарат Спенсермэны передевали накладное левое ухо и пояс, передавали сумки с сахарной пудрой, фотограф-полицейский всегда выбирал хороший для Спенсермэнов ракурс. Они естественно все были на одно лицо и абсолютно одинаково одеты. Сейчас уши и пояса были трендом камуфляжа. А Спенсермэны были в тренде...

В Америке у комиссара началось отравление — жидкий азот нельзя нюхать. Ему перед черной дырой в Америку дед пшикнул что-то в лицо. — Вот идиот! — говорили о нем Спенсермэны и смеялись. — Азот нельзя хранить в кабинете! Он думает, это просто камень! — Комиссар был сильно отравлен, лечил носоглотку и легкие, ему предстояло теперь длительное лечение по санаториям. Этот комиссар стал перебежчиком. Но кусок печени с ДНК Нади он сохранил в своем кабинете в Америке в специальной закрытой колбе. Комнату в общежитии, где лежала Надя, специально оборудовали Спенсермэны, и там нельзя было отравиться...

Для старичка-наркодилера и его сына Саши, у которого была короткая левая рука, сделали идентичного Наде клона Катю. Но Саша поклялась до конца дней мстить Спенсермэнам за смерть Нади... Их дети могли бы вырасти и возглавить наркокартели — поэтому Спенсермэны ее и убили... До смерти Надя заморозила свои яйцеклетки на всякий случай. Саша собирался из этих яйцеклеток потом рожать себе детей,

и в 2010 году у него из яйцеклеток Нади было двое детей — сын и дочь...

Дань

Спенсермэны приехали собирать в Россию дань. В этот раз Спенсермэны приехали убивать — президент подписал отмену поставок рабов в Казахстан, и требовалось вернуть гармонию, сохранить баланс... Дань работникам Казахстана закончилась, собирать дань приехали Спенсермэны. Они обокрали национальные богатства — крупный желтый топаз, а русским из-за этого закрыли месторождение топазов. Спенсермэны приехали наказывать и карать, убили восьмое чудо света, «кошку» Надю...

Спенсермэны развлекались, как могли. Нас спустили до муравьев... Одна девушка, дочка генерала, делала видео переговоров Спенсермэнов со своими поставщиками. Ее поймал Дэвид Спенсермэн, шагнул в свое поместье в Америке и бросил ее в подвал к червям, поедающим людскую плоть. Ей вкололи паралитик, и черви стали есть ее живьем... От ее криков содрогалось поместье... Потом ею Спенсермэны хотели накормить свою лягушку в поместье...

Тогда к Арине пригласили сутенера и стали давать ей вещества, ведущие к проституции, возбуждающие... Сутенер стал ее «разрабатывать», заниматься с ней сексом под забвением... Когда Арина согласилась стать проституткой и выпила из черной чаши проституции, Земля вдруг остановилась, перестала вращаться — в Краснодаре солнце светило круглые сутки... Так прошло три дня — все разбирались, в чем причина... Это был день, когда Земля остановилась... Все стали гадать, Земля остановилась из-за Арины, или из-за той девушки, которую черви ели живьем в поместье Спенсермэнов... Арине опять дали забвение, а девушку освободили... И тут Земля завертелась вновь... Спенсермэны вес переживали, имеет ли это значение, если мы это переживали в муравьях, но хранители ответили, что имеет...

Отец этой девушки много убивал, жестоко пытал, и его наказали смертью дочери. Эту девушку потом убили в охоте, на нее охотились Спенсермэны, но убили пулей, без кощунства...

Спенсермэны линчевали своих свидетелей. Блондинку Сашу-«маус» за тащили в комнату за волосы — она была «человеком бегущим», летела нервная система, сейчас она давала показания против Спенсермэнов и всей этой компании. До этого она ходила с линзой-фотоаппаратом на глазе, делала фотографии Спенсермэнов, проявляла их со своим парнем, обортнем в погонах. И пошла к судье с фотографиями всех Спенсермэнов...

Саша была из потомственных проституток... Никакой перспективы. Ее убили где-то на окраине, в канаве перерезали горло... И еще два года за нее жил клон, два разных клона, один – приставленный полицейскими, другой Спенсермэнами, опровергать данные показания Саши Янченко и Яси. У кого-то из ее клонов была раковая опухоль...

Спенсермэны несколько раз приставляли пистолет к моей голове, давали опухоль, а потом противоядие. Келвин-трансвестит получала таблетки и меняла себе тело, становилась девушкой, наряжалась, красилась, дорого одевалась, ходила с сумками от Армани.

Одна из сумок Симоны была сшита из кожи ее подруги Авы, кожу снимал и сумку шил ее брат, а та девушка пропала без вести... Ее родители все глаза выплакали...

– Так моя подруга будет всегда со мной! – Симона нежно похлопала по боку своей сумки телесного цвета...

На одной стороне сумки был даже глаз этой девушки. На другой была родинка на ее плече, по которой Симона узнавала подругу. Но глаз пришлось убрать, это было слишком. А сумку Симона-Келвин собиралась хранить всю жизнь в память о подруге. Брат в сарае хранил кожу Авы, вдруг еще что-нибудь придется поменять или сумка износится...

Спенсермэны придут еще через пять лет и будут миловать и одаривать всех – и полицейских, и судей...

«Груздь» Келвин-Джош или Эдам2

Келвин из первой книги был относительно чистенький, из «зайчиков», не беспощадных «кроликов» Когда-то он должен был возглавить клан Спенсермэнов, оракл семьи им это подтвердил, и он единственный не промелькнул на фотографиях Арины Симоненко из лагеря и того лета. Леша-наркодилер, гермофродит передал Арине совместную фотку, где был полицейский клон Спенсермэнов, сделанный с этого Келвина за исключением одной черты, и этой чертой у него были щеки. Спенсермэны хотели помнить одного щекастого миллионера из будущего, который потом отдаст им все доказательства. «Хорошо принадлежать к какому-нибудь большому клану», – думал Келвин-«зайчик», покидая Россию раньше срока, двадцать девятого июня.

Келвин-Джош будет поднимать восстания против продажных полицейских в будущем. Такие полицейские могут нанести намного больше вреда, чем пользы. Разрешают убивать важных свидетелей, при каждой операции складывают себе взятку в карман. Уничтожают заявления важных сви-

детелей. Оборотни в погонах, которые ради денег предают своих. И преступники им ближе, чем полицейские.

Этот Келвин поднимет восстание против полицейских. И скажет, что больше никогда не будет сотрудничать с полицией... — И если меня убьют в перестрелке, то ладно, пусть убивают... — А потом он воскреснет из могилы и возглавит Спенсермэнов...

Еще Брежнев дал официальное разрешение на контрабанду калашниковых за границу для восстановления баланса, чтобы и у противников были такие дальнестрелы. Какая благотворительность в пользу контрабандистов! «Что-то они нам свои огнестелы не привозят и на блюдечке с голубой каемочкой не поставляют», — думали все.

Наши преступники не любили Никиту Кривогора, отца Маши-гидры, контрабандиста калашниковых, он был новеньким и не спонсировал их операции. У единственной дочери Владимира Нагорбова Ариадны была внешность типа «доярки». И только Келвин Спенсермэн-старший знал, какой это хороший тип внешности, отец типа «медведя», а дочь типа «доярки». И только с Владимиром Келвин-дед обменялся контактами и собирался в дальнейшем вести дела.

Владимир был правильного типа оружейных контрабандистов, он был «медведем». Именно за его контактами в 2003 году приехал Келвин в Россию...

Именно за этим приехал Келвин Спенсермэн летом 2003 года, за контактами Владимира, друга-контрабандиста будущего, постоянного и неизменного партнера. Друга по жизни и по контрабанде... Но главное — искать правонарушения Эдама, подписывать на всех уровнях и потом официально, после всех разрешений скидывать на Эдама все свои преступления по контрабанде ружей за последние двадцать лет, и на Элен... Как и говорил ему его оракл...

А мы в компании американцев все время пытались разобраться, что правда, а что нет.

Клан Келвинов Спенсермэнов: «зайцы» и «кролики»

Эдам Хейсонд очень часто в Америке нарушал правила, и Келвинов Спенсермэнов отправили в 2003 году в России смотреть за ним, искать нарушения и потом наказывать. Эдам тогда бы не приехал в Россию за мелкой сошкой. Он приехал за крутыми автоматами.

Клан Спенсермэнов состоял из двух веток — «зайцев» и «кроликов». У Спенсермэнов своя иерархия, свои принятые и отверженные. И все род-

ственники между собой. Наши Келвины были двоюродными братьями и сестрами. «Зайцы» и «кролики» перемешивались – если Спенсермэны проштрафивались, то их отправляли к «зайцам», а если наоборот, то к «кроликам». «Зайцы» в «кроликах» наращивали кровожадность, учились беспощадно убивать, а «кролики» наоборот отмаливались, уходили в монастыри, били себя плетью. Потом их опять перемешивали...

Дед-Спенсермэн отказался от родного брата, старшего, и того прилюдно линчевали полицейские. Он сам отдал его полицейским. Он его обманул... Старший брат знал, что нельзя так много людей есть. Что кровожадность быстро наращивается.

Поместье Спенсермэнов находилось на западе Южной Каролины и занимало два гектара. Поместье было в пустыне... Здесь были несколько огромных и дорогих домов «кроликов» и необустроенные хижины «зайчиков». В поместье была своя гигантская лягушка, которую кормили Спенсермэны полицейскими, детьми полицейских, другими преступниками из противоборствующих кланов и прибегали к ее помощи, когда надо было пополнить казну – лягушка приносила им деньги. Это была одна из самых старых лягушек планеты Земля. На многих поместьях преступников жили такие лягушки, и этим можно было объяснить их богатство...

Поместье было недалеко от завода по производству оружия, который Спенсермэны периодически грабили, сотрудничали с сотрудниками завода, перехватывали поставки оружия, регулярно грабили вагоны с оружием на трассе неподалеку от своего дома.

У них даты рождения были разные. Келвин – это было имя их клана. Имя Келвин носил и главный в их клане сейчас...

...

У Спенсермэнов было три Келвина. Имя Келвин еще надо было заслужить. Имя Келвин носил дедушка – старший из Спенсермэнов, молодая девушка Симона, ... и молодой уже уехавший шестнадцатилетний Келвин, который когда-то возглавит их клан.

– Но его на самом деле зовут Рональд, – немного с презрением фыркнула Симона. – Он носит имя Келвина, пока возглавляет клан. – Значит, клан сейчас возглавлял Рональд, и настоящее имя деда-Спенсермэна тоже было Рональд.

Через границу в клетке повезли зверя-собаку Спенсермэна, который уже представлял себя быком.

Одной из ошибок Спенсермэнов было решение всех родственников оставлять в клане, никого не отпускать. Поэтому в клане оказывались и отступники, и вырожденцы... Тех, кто хотел оставить мир преступный и жить другой жизнью, Спенсермэны просто кормили опухольями...

Клан Спенсермэнов ввел правила подсчета очков: за каждый выстрел или серьезный удар бойцу начисляли очки, и чем больше очков было у преступника, тем более высокий пост он мог занять в иерархии своей банды. И все теперь вспоминали время, когда не оценивался каждый

выстрел... Попасть в копчик и отстрелить ноги считалось особым шиком.

После правил семьи Спенсермэнов резко увеличилось количество инвалидов. Все стремились отстрелить позвоночник и заработать наибольшее количество очков. И чем моложе был подстреленный, ставший инвалидом-колясочником, тем больше очков получал стрелявший.

Правила семьи Спенсермэнов хотели распространить на мирное население, но решили не возводить преступников в абсолюты.

Спенсермэны славились тем, что были беспощадны по отношению к своим свидетелям. Они вели дела с братьями из Венесуэлы, поставляли им оружие и были с ними долгосрочными партнерами...

С тех пор как ввели правила Спенсермэнов, никто не хотел лезть круто, там и расщепление личности, и принудительная кастрация. Как говорили Спенсермэны – стать мужчиной – это стать убийцей, начать убивать... Убивать полицейских... «Кролики» не заводили своих детей, а усыновляли детей полицейских, или детей коллег по клану. В восемнадцать «кролики» добровольно становились кастратами до конца дней и получали к этому солидную сумму на бизнес... Если ты уже занимаешься оружейным бизнесом, то в третьем поколении ты принудительно получаешь таблетку расщепления личности и растишь в себе монстра. Так Спенсермэны сделали для своих подопечных намного больше, чем все полицейские вместе взятые. Как только преступники стали растить в себе монстров, так тут же захотели завязать с преступностью... Расщепление делают, чтобы не было сильных искажений личности от убийств. А полицейские пытаются приручить монстров, которые преступники в себе растят, рожают детей, чтобы преступникам было, кого убивать...

Спенсермэны открыли гермафродитов, тех, кто пил таблетки и становился то мужчиной, то женщиной.

Спенсермэны разрешили каждому преступнику в третьем поколении делать расщепление личности. Спенсермэны говорили, что это очень удобно, одна личность убивает, а другая ничего потом не помнит. И можно нормальным человеком оставаться и нормальное впечатление на окружающих производить. Много убивать можно только на расщеплении личности. Самое страшное потом сцепить две половинки и понять, что все эти убийства совершил ты. Американцы любили забвение – забывать свои убийства... Большинство преступников покупали себе забвение, чтобы не помнить свои убийства.

Только где столько жертв найти? В Америке нашли выход – они убивали негров. Придумали еще восставать из могил... А так и убийства как бы нет, человек восстал из могилы. Полицейские заводили детей на убийства. А потом мстили за них...

Иногда в одном теле жило три человека, и все абсолютно разные. И все нормальные, но проснулся один и такого натворил, что сказать страшно. И таких расщепленных много, каждый второй убийца расщеплен.

Раздвоение личности было у Элен, Морген, Иры Штоляровой, даже детдомам сейчас прописывали раздвоение — оно ждало и Ясю...

Откровения Спенсермэнов. Имена

Летом 2003 года Спенсермэны разоткровенничались с Ариной, рассказали ей самые страшные свои преступления, которые никак не могли забыть... Преступники так иногда делали...

Рональд убил младенца на глазах у его матери и видел ее глаза — и этот момент он никак не может забыть. И сказал ей, что если она съест своего ребенка, то он до конца дней свернет ей кровожадность. Одна отказалась, а другая ела. — Он меня заставил, — сказал Рональд с ухмылкой, показывая на деда. — А потом я дал клятву, что женюсь на этой женщине. И отдал ей своего ребенка... — У него был ребенок от суррогатной матери. За сердце этой женщины боролись он и еще полицейский, а она была дочерью честного судьи, который однажды справедливо засудил Спенсермэнов.

Все знали эту историю, как Рональд убил этого судью, ее отца... Один преступник обещал сделать его дочь проституткой и убить его внука, а Рональд обещал на ней жениться... Если у Рональда все получилось бы с этой девушкой, то он сложил бы себе судейскую мантию...

А младший Спенсермэн все переживал, что они вместе с девушкой хотели убить и съесть котенка. И девушка накинулась на его лапку, а он боялся признаться ей, что тоже хочет съесть лапку котенка. А потом он сказал ей, что котенка сначала надо уби ть, а потом уже есть. И убил... Его так бабушка учил. Когда он это рассказывал, старшие Спенсермэны весело смеялись. Но ему было только шестнадцать...

— Видишь, какой он, из хороших, «зайчиков»... А будет он, — говорил дед о шестнадцатилетнем Спенсермэне улыбаясь, — новым главой клана...

Еще один Спенсермэн рассказывал, как спалил судью заживо и смотрел, и даже забвение себе не купил... И всегда это помнил... Как его мучили кошмары, как тот судья кричал...

Спенсермэны сейчас искали дочь деда — двадцать лет назад он положил сперму в полицейском участке, и одна из полицейских ему родила... Дочь Спенсермэна-старшего сейчас работала где-то в полиции в Майами...

Дед Спенсермэн говорил о Владимире Нагорбове:

— Видишь, влез в «чистый разум»... Мир к этому еще не готов... но нас это не волнует. Владимир далеко зашел и долго держится, а нас это устраивает. Он нам подходит, а разбираться со своими проблемами он будет сам. Но мы с ним работать можем...

— Ты любишь загадки? Хочешь, я загадаю тебе одну? — то ли спрашивала, то ли утверждала Симона. ... — Моего старшего брата зовут Рональд, но дедушка называет его Рональф, Энтони — Роквальд, а я называю его Бональд. Старший Келвин называет его Сональд. Почему?

Старшим Келвином она называла Келвина из «кроликов», сорока трех лет. Шестнадцатилетний Келвин был из «зайчиков».

Мне дали алфавит, и я стала думать.

Оказалось, что каждый член семьи Спенсермэнов получал какую-то букву в имени родственников и менял эту букву на следующую или предыдущую в алфавите, или на букву через две или три и т. д. Поэтому все называли Рональда по-разному, и никто из окружающих на самом деле не мог понять, как его зовут. Чем больше было достижений у члена клана Спенсермэнов, тем больше букв он мог пропустить, правила менялись каждые десять лет. — Только дедушка мог пропускать три буквы, он убил продажного полицейского, — рассказала мне Симона. — Но мог пропустить и две...

Иногда «кролики» букву увеличивали, а «зайчики» уменьшали. Или наоборот. Келвин Сональда называл Квональдом. В именах они иногда «зашивали» важные слова...

— А документы... У нас у всех несколько разных комплектов. Мы их покупаем, но есть свидетельства о рождении, которые хранятся в сейфе в поместье у дедушки, там указаны наши настоящие имена. Наш оракл сказал тебе это рассказать. А я переворачиваю буквы, потому что я стала женщиной.

Каждый с какой-то буквой имени, для него определенной, выполнял конкретные действия. Эти действия регулярно менялись. И эти действия тоже что-то значили.

Имя они записывали в судoku как в кроссворд и делали свои манипуляции — три буквы влево, две вниз, пропуская гласные. И каждый в клане записывал имя в судoku по-своему, по старшинству в клане, по кругу.

Теперь Спенсермэны играли в кораблики. А нам говорили столько всего разного, что мы и не стремились разобраться.

Спенсермэнам посвящается

Чтоб вы сами растили в себе монстров, расщепляли себя и ставили эксперименты со своим двойником, на что способен он, а на что вы.

Чтоб вы сами мочу каждый день нюхали... И кал убирали за своими родственниками, которым по вашим правилам ноги отстрелили...

Чтобы вы сами памперсы себе меняли и под себя ходили...

Чтобы вы сами стали инвалидами по своим правилам...

Чтоб вы с женщиной в постели оказаться боялись и сказать ей тихо на ушко: – Я кролик.

Чтоб вы сами были то девочками, то мальчиками... И всегда боялись зайти в разные туалеты.

Чтоб вы сами свою кровожадность получали по иерархии, а потом на людей кидались и жить нормально не могли...

Женя Будницов

Нашли, кого так просто не убить и протянули через всех убийц. Арина все лето 2003 была на препаратах. Остальные выбрали не помнить, что было в Краснодаре тем летом. И никто больше ничего вразумительного сказать не может о том периоде. Райли долго держался. И если Арина не даст свои показания, то этот период просто похоронят. Или Арина, или никто. Арина знает больше преступников, чем любой среднестатистический свидетель.

Работорговля в России затухала, и все работорговцы хотели, чтоб она затухла тихо... Поэтому массово хоронили свидетелей... Поэтому мне было так сложно.. Казахстанцы хотели сделать все, чтобы не оставить свидетелей вообще, а таких, как я, в частности... «Отец» Эдама похоронил очень много ключевых свидетелей, и в этом была его фишка. Поэтому тогда Эдама отправили в Россию...

Казахстанцы очень не любят крутых «баптисток», женщин почище в рабство продавать и в свидетели брать... В этом они ошиблись и были наказаны... Даже если я и не была таким серьезным, опасным для Казахстана свидетелем, то я им стала, когда мне показали принца Халима, братьев и «маму»...

Самое главное, что Эдам и Ко сделали летом 2003 года – это передали контакты работорговцев в Литву... Рабство в Литве тоже не прижилось тогда. Американцы поставили часы на десять лет...

Часть 3. Те самые полгода

Моим пузырькам посвящается
Арина Симоненко

Бегуны

Пузырики... И те несколько мгновений, которые они вдыхают огненную лаву и она растекается по их венам, пока они умирают в муках, те несколько секунд они выдыхают кислород из своих легких, иногда с частицами своей крови, они создают кислород на этой планете! Каждый только несколько коротких секунд, только несколько кислородных былин-шариков... Умирают с пользой для атмосферы...

Тогда ставили эксперименты над молодежью, только достигшей совершеннолетия... За счет бегунов выбивали научно-технический прогресс, их прописали на много лет вперед.

Арина — человек бегущий — это заказ Казахстана. Были те, кто за Арину в «бегунах» хорошо платили, и это работорговцы. Казахстан стал собирать подписи по всему миру, что можно отправлять в «бегунов» верхи научного списка. Это было нарушение, но если собрать необходимое количество подписей, то все можно...

Так Арину Симоненко, одну из первых строчек списка научных достижений века, конечно же, отправили в «бегуны», собрав подписи, прикрыв явное нарушение очередным «плащом»... Прикинь, как можно! Работорговцы всем хорошо заплатили. Они платили даже из своих, работорговцам много не надо, лишь бы на героин себе хватало... Байсек дал всем, чего им больше всего не хватало, за Арину в «бегунах» предлагали большие блага...

Через «бегунов» все свои проблемы решают. Для цивилизации они уже не очень нужны... Туда отправляют свидетелей, не давших показания, например. Президент мог поставить вето на Арину, вершину списка науки, но он только вступил в должность и получил от Байсека сына, а он так хотел именно сына...

До этого ставили голосование, чтобы полностью отменить «бегунов», так большинство жителей планеты Земля проголосовало «за», им же надо отмаливать убийства и жертвоприношения.

Мама Арины Симоненко говорила, что ее нельзя в бегуны, но было не достучаться. — Хотят убивать — пусть убивают! — сказала мама Арины. — Посмотрим, что из этого выйдет...

Никто не хотел сильно вмешиваться...

Появились хранители: — Представляете, сколько ритуальных убийств можно отмотить на звезде такого уровня, как Арина Симоненко? Сколько убийств маленьких негрятят? Какая тема — отправлять в «бегунов» вершины списка науки!..

Видя, как ее пугали, решили пугать ее по полной, чтобы больше не допустить таких мучений, закончить «людей бегущих» на Арине...

Меня тогда отправили в «бегуны», а дочку Виолетты Генриховны достали из «бегунов». Меня отправили вместо нее. Меня бы и без Даны отправили в «бегуны». Бесплатный английский прилагался к контрабанде кашаниковых. А это еще тот атас.

За меня всегда хорошо платил Казахстан. Наступило третье февраля, и надо мной опустилась плаха. Из «бегунов» редко выходят живыми, но здоровыми по психиатрии не выходят никогда.

Я уже была «бегуном», и моя жизнь звучала примерно так:

— Привет. Сука. Как дела? Паскуда. Идешь сегодня в универ? Блядь...

И так с утра до вечера, психика «летела», и нервы сдавали... И так я пыталась учиться, ездила через весь город в университет, потом на работу промоутером, я была «затуплена», как все свидетели, пыталась разобраться, что вообще происходит... Но меня все равно таскали по всем американским встречам, дома отсиживаться тоже плохо, тогда дают галлюциногены и можно броситься с балкона вниз головой, когда «тебя зовет земля», и галлюнов в моем случае хотели максимально избежать.

Я по проколам N2D2, хорошие проколы, стабильная, железобетонная психика, что хорошо ложится на серьезных свидетелей. За год до «бегущего человека» меня отправили в лаборатории на проколы, с одной стороны Казахстан, с другой — врачи и мои преподаватели, желающие сохранить мне жизнь. Всех «бегунов» прокалывают, всегда оставляя возможность суицида. «Иди дальше» — мой самый главный прокол, постоянная жажда развития.

В феврале Шерил подарила мне телефон. Мой украли на паре, когда начался мой «забег»... После нашей встречи Шерил прислала мне эсэмэс, как ей понравилось со мной гулять... Как говорили верующие американцы, когда ты делаешь доброе дело, хороший поступок, то совершаешь его для себя, потому что начинаешь лучше себя чувствовать. Делаешь это для собственного морального удовлетворения, типа, «какой ты классный, добрый и хороший». На самом деле в том телефоне была прослушка...

Полицейские говорили, что мне просто не повезло. Я попала под колеса системы. Родилась в неудачное время. Меня в девять лет отправили

в свидетели работорговли. И с тех пор моя жизнь часто была на волоске... Меня часто хотели убить, пока президент не подписал указ об окончании работорговли. И тогда все решили, что я точно умру... В эти полгода. Когда убивали ключевых свидетелей...

Нарастили холодные сердца с принудительными трансвеститами, никого не жалко... Где-то надо останавливаться... Потому что на «людях бегущих» хорошо отмаливаются ритуальные убийства на энергетическом уровне, как раз американские съеденные негритята. А надо вовремя плохих королей снимать. В «шишку» влезли и попали...

Как говорила моя бабушка: — Вы не можете жить в идеальном мире, когда вокруг творятся такие беззакония... — Имея в виду работорговлю и разросшийся преступный мир...

И так как я знала и видела всех с пирамиды рабства Казахстана, то мне решили показать и всех с пирамиды Эдама Хейсонда. Его «папу-быка», который, конечно же, не был ему отцом...

Я в «бегунах», а жизнь шла своим чередом... Морген ходила беременной уже десять месяцев — шел одиннадцатый, рожать она не собиралась. В феврале, наконец, американцы сказали, что Эдам отправил Морген в Америку «рожать».

Таня Соснянская в этом году начала встречаться с программистом Лешей, как и предсказывал Джейк. Так она хотела подходить под легенду Джейка. Правда, ее Леша-программист был блондином, но она перекрасила его в брюнета. Она хорошо его подобрала — в очках, как положено. Так она убеждала всех, что именно она «маленькая жена Джейка». Она начала ходить на американские тусовки вместе с ним, заодно начала писать рассказы, как и должна была согласно легенде. Таня думала, что американцы прямо такие наивные. Если она будет подходить под рассказ Джейка, он приедет и женится на ней...

Весной в парке на набережной под кустом Таня в который раз лишилась с девственности со своим Лешей, а рядом американцы устраивали пикник. Американцы и русские с клуба, наверное, даже слышали ее стоны. Хорошо, что они в этот момент хотя бы предохранялись. Супертонкие презервативы вываливались у Леши из карманов штанов. Кто как расстается с девственностью, а наша Таня под кустом на виду у всей американской тусовки... В который раз за русских девушек в американской компании было стыдно всем.

В общем, Таня «купилась» на «сказки Джейка», «косила» под его «маленькую» жену, ходила-показывала американцам свои рассказы, напечатанные в местных газетах, пыталась писать. Но Джейк так и не «признал» ее и своей женой так и не сделал...

На Карасунах

Меня пригласила к себе Виолетта Генриховна, у нее в гостях была Джессика Рэбитс, которая сказала мне

– Да, сейчас... паскуда, – и она позвонила кому-то, – А я могу сказать ей, что ты убила дочку судьи?

– Да... Это Арина?

Как я поняла, клон Джессики звонил настоящей Джессике. И, повернувшись ко мне, клон сказал:

– Я в 2003 году убила и расчленила дочку судьи Машу... Сука...

Мне казалось, что американцы приезжали в Россию только убивать и расчленять наших. А потом Джессика пришла к моему подъезду угрожать из пистолета, опять «калечить» психику...

У Николая Второго был племянник, сын его брата, который женился на турчанке и уехал из Российской Империи. Там он пережил революцию, имел детей. В Турции они переждали две мировые войны, обеднели и решили семьей вернуться в Россию. Мать Маши вышла замуж за ее отца – адыгейского оружейного барона... Так потомки царской семьи перешли в преступный мир...

Апрель был у американцев месяцем жертвоприношений. Они приносили жертвы свои богам. В апреле 2004 я была в «бегунах» уже третий месяц, а Эдам готовился убивать адыгейку Машу... У американцев убивало сразу несколько человек, чтобы запутать следствие и разделить ответственность... В конце апреля убить и линчевать Машу специально пригласили Натана... Его вызвали, потому что он один из немногих, кто мог убивать королевских особ...

Маша с младшим братом сделала аудио и видео записи, как Эдам и Ко занимался контрабандой оружия, она давала против них показания... Эту запись она хранила, как гарантию у родителей. И сделала одну копию, отдав ее знакомому полицейскому Георгию Семеновичу Зайцеву... На ее бедре было родимое пятно, этот знак искал Эдам, ее он должен был пытать и это был следующий шаг на его пути...

Маше в январе растворили раковую опухоль головного мозга, которая быстро росла и вызывала сильные головные боли, сказали, что дали каталлизатор, а потом на самом деле дали. Уже в конце марта-начале апреля она страшно мучилась головными болями... Американцы играли в кошки-мышки, и Маша проиграла Лене Ситоковой. Машу пригласили на склад к Эдаму на ритуальное убийство, сказали, что там после пыток дадут противоядие. С одной стороны это был подвал с лестницей вниз, но этот подвал переходил в склад с выходом, значит, был расположен на холме...

Маша пришла к Эдаму, когда головные боли стали совсем невыносимыми:

– Попробуйте. Убивайте. Так жить больше невозможно! Невозможно терпеть такую боль!

Маша думала, идя к Эдаму, что ее немного помучают, а потом дадут таблетку-противоядие от рака, и она уйдет. Как в прошлом году думал семилетний Саша-колясочник, идя к Майклу, что он после пыток сможет ходить. Но нет, здесь не отпускали.

Ее пытали около двух недель в каких-то складах Эдам и Морген, а потом убил Эдам...

В марте ее пропустили через гарнизон солдат, спортсменов. Ее, девственницу, жестоко насильовали... Сначала она ничего не помнила, потом на пятках начала вспоминать...

На пикник к Ясе мы ездили два дня, 22, а потом 24 апреля, и я даже брала сменную одежду и там переодевалась.

Двадцать второго апреля на пикник к дому Яси приехали Шерил, Тюши и Олеся. Мы уже недолго были у Ясиного дома, когда подъехали Егор, Натан и девушка Женя...

Меня держали на тормозящих веществах, болезненном восприятии, «ужасе», но все равно отправляли на пикники к американцам – дома сидеть хуже, пускали галюны.

Натан был высоким, крепким, светловолосым, его волосы были как солома и немного торчали. У него была аккуратная светлая борода, небольшие глаза и нос, и его лицо было как будто немного вдавлено вовнутрь. На пикник он пришел в белой майке и светло-серых шортах, он читал Библию и на самом деле был верующим, в его теле жили черви...

С Женей мы через пару лет подружимся. Олеся написала на камне «Friendship forever¹», и мы в полном составе сделали фото на память у обшарпанного одноэтажного дома, соседнего с Ясиным.

Потом мы пошли переодеваться и еще делать фотографии у воды. Я сижу на сцепленных руках у Шерил и Тюши. Потом также Яся. Мы переодевались в ту же одежду, в которой собирались приехать через день, теперь уже на пикник к озеру в поселке Плодородный у Ясиного дома.

А двадцать четвертого апреля у нас был там же, около дома Яси пикник с Натаном на покрывалах на берегу озера в том же составе и той же одежде.

Сначала мы пришли к Ясиному дому, а потом решили сделать пикник на озере, расстелили покрывала и сели на траву перед водой. Здесь, на берегу, мы встретили Натана, «страшилус». Его волосы были соломой

¹ Дружба навсегда

и также странно торчали. Он сказал, что ему двадцать семь. Именно он гостил у Виолетты Генриховны еще в 1996 году. И это был «ее» американец... Как тесен мир...

Но сегодня вместо Натана был клон, полицейский, под маской Натана, под него замаскированный, он же летом прошлого года играл Джейка, а где был Натан — никто не знал. И мы обеспечивали ему алиби. У него были уши меньше и другое лицо, поэтому «клон» носил очки. «Клон» позвонил настоящему Натану:

— А можно сказать Арине, что ты сейчас убиваешь Машу?

В трубке видно ответили «да».

— Все, он мне подтвердил...

И он сказал мне...

— Я убил Машу... Ты знаешь ее... Она сейчас в подвале... С Эдамом...

Блядь.

Потом он как будто промотал время на два дня...

— Ну вот... Я убил ее... Сука...

Именно так он мне и сказал...

— А этот не наш, — он показал на еще одного клона Натана из полицейских. — Он берет деньги у американцев. — И этот клон Натана, прошлогодний Джейк, ушел, его пинками увели полицейские... — Эй, за что? — кричал он. — Это за национальные богатства. — И появился уже другой Натан... Главное, найти одинаковую одежду.

— Я Леша, — сказал он мне...

Про Натана тоже говорили, что он болен раком и что он с собой взял химиотерапию. У американцев все болели раком, и в это я не верила... Натан уже купил билеты и должен был уехать через два дня.

Полицейские решили, что американцы убивают Машу где-то поблизости, а ее убивали на Карасунах около универа. В Плодородном в это время убивали кого-то другого...

Машу пытали зверски, ей выжигали анальное отверстие калеными щипцами... Ей в позвоночник кололи сперму, цемент, клей момент, суперклей и смотрели, как у нее каменеет позвоночник и она обездвигивается... Так американцы проверяли последние исследования врачей и говорили, что травмы позвоночника не всегда вызывает паралич... Маше выкололи глаза, потом удалили голосовые связки... С нее живьем содрали кожу на обезболивающих таблетках. А небольшой кусок кожи сняли без обезболивания... Ей сняли скальп, из волос сделали парик и несколько волосинок вплели в шарфы. Ее органы Эдам развесил по складу: — И это живой человек. — А потом ей в сердце Натан вонзил кол... Ее пытать могли разные, но убил, остановил ей сердце именно Натан — только он мог умерщвлять особу королевских кровей.

Из ее черепа сделали кубок, из которого потом пил Эдам...

Весь апрель «клон» Маши, девушка, похожая на нее как две капли воды, жила жизнью Марии...

В мае мне позвонила Морген и сказала подъехать к Карасунам. Меня сказала пригласить судья, мать Маши, когда-то убитой Джессикой Рэбитс, с которой я познакомилась у Виолетты Генриховны еще школьницей. Джессика Рэбитс была серьезным криминальным авторитетом Америки. Все-таки не просто так американцы едут в Россию...

Эту встречу я плохо помню... Я оказалась на каком-то складе с бетонным полом. На этом складе было много больших белых морозильных камер мне по пояс. Эдам и Морген открыли одну и стадии доставать в пакетах части тела адыгейки-Маши, рядом лежали замороженные пельмени, полуфабрикаты... Чтобы скрыть следы своих преступлений, Эдам решил труп Маши сильно расчленить. Они уже месяц хранили части тела в морозилке и сегодня под покровом ночи собирались кинуть в разные части Карасунских озер... Они доставали пакеты с ее частями тела... Это было ужасно... Рядом были куски говядины...

Из ее лица он вырезал один глаз и хранил его в прозрачном пакете... Эдам из холодильников достал еще два трупа негрятят, мальчиков лет десяти. В остальных холодильниках были замороженные пельмени, вареники – это был склад продуктового магазина...

Американцы решили кинуть труп Маши по кускам в воду только в мае, чтобы запутать следствие – месяц ее тело лежало у них в холодильниках на складах на Карасунах...

Эдам и Морген бросали разные части тела Маши в разные части обоих озер. Их раскидывали по озерам... Спустя месяц после отъезда Натана. Ее труп специально держали в холодильнике месяц, чтобы запутать следствие и точно не установить дату смерти... Чтобы обелить Натана, чтобы его имя никак не было замешано в смерти Маши. Убили ее тогда, 22–24 апреля 2004 года рукой Натана...

Голову без глаза они кинули в густые камыши у берега... Это тоже что-то значило...

– Тут они будут ее долго искать... – сказал Эдам и вывалил в камыши ее голову без глаза.

Все трупы они кидали в холодное озеро... Когда Эдам кинул последнюю часть тела Марии, он сказал мне, глядя на озеро:

– Слава Богу все закончилось. А то мне все время было как-то не по себе. Она королевских кровей... – он говорил это сдержанно и хладнокровно, глядя перед собой и выдохнув в конце. В холодном озере ее тело еще полежит, и полицейским будет сложно установить точную дату ее смерти... Трупы негрятят были свежие, а тело Марины лежало в холодильнике уже месяц...

Потом Эдам достал два трупа негрятят. Одного он кинул прямо у берега, чтобы его нашли быстро. А другого он кинул в центре озера, он отплыл туда на плоту, которым управлял шестом... Здесь было сильное течение, и его должно было отнести... Второго негритенка будут искать, Эдам скажет, что он «сердце»... Негрятят кидали целиком...

Они договорились с полицейскими не искать трупы две недели... И можно сколько угодно писать заявления — в полиции, сотрудничающей с преступниками, их все равно теряют.

Негрятя обнаружили быстро, а Машу еще много месяцев доставали по частям... Полицейские решили, что время ее смерти — конец мая... Наши ее тело собирали по фрагментам. Эдам был живодером...

Полицейские потом говорили, что американцы совсем звери — ничего человеческого. Совсем живодеры...

Американцы думали, что этот период жизни — полгода — мне вырежут из памяти из-за «бегунов», и я все забуду. И их в том числе...

Эти склады у Карасунов, в холодильниках которых американцы хранили трупы, сгорели в начале июня, навсегда стерев все следы тех страшных преступлений...

После пыток и убийства Маши у Эдама совсем перестала спать жена-проститутка Морген. Она уже не была беременна, ее живот был муляжом, они купили суррогатную мать и ждали первого «настоящего» сына уже через год. Кто бы присматривался к срокам? Эдам ругал Морген, что она даже выносить ребенка сама не хотела и вспоминал свою Мэри... Второго сына через несколько лет она уже выносила сама...

Обед

— Я хочу лечь и умереть!

— Вставай! — ко мне пришла какая-то судья, мать убитой Маши. — Если тут оставаться, то только галюны пускают, а это еще хуже! Ты радуйся, что тебя везде таскают, так, может, в живых останешься. Хуже когда никто никуда не зовет, тогда точно умрешь!

В моих «бегах» перешли за точку невозврата. То лучше, то хуже, но легче не становится никогда. Проколы, как у матерей, похоронивших своих детей.

Меня отвезли к общежитию американцев.

— Да Арина, заходи. — Пригласила меня дружелюбная Морген в общежитие. — Блядь...

Меня провели в светлую комнату, где был накрыт стол, стояли тарелки со светлым супом. У меня в тарелке был овальный глаз... На обеде была и Ира Штолярова, и Марина Ковач...

Это было через несколько дней после казни Маши-мауса. И суп был сварен из костей недавно убитой Маши... У меня в тарелке был ее глаз... Нас угощали супом на ее костях...

На столе в углу была голова манекена, на которой был надет парик из ее длинных черных волос.

— Это ее волосы и ее скальп, — сказал Эдам. Значит, Маше и скальп сняли...

Этот парик примеряла и Морген, и Ира Штолярова. а потом его надели на меня...

— Ешь, Арина! Ешь глаз! Если ты не съешь его, то ослепнешь!

И я стала жадно ее глаз, а потом суп в тарелке...

Так запугивали свидетелей... Мы сидели за столом и ели суп из ее костей и мяса... Свидетельницы, которая собирала компромат на Эдама...

Волосы Марии вплели в шарфы... Куски ее кожи потом обнаруживали на разноцветной кожаной сумке, женских лодочках, которые носила одна богатая судья по городу... Из ее кожи делали декоративные части на женских сумках... Ее отец искал эти куски кожи дочери и захоранивал на ее могиле вместе с ее останками. Брат Маши хотел стать полицейским, искать преступников, убивших ее сестру. А Георгий Семенович хранил видеозаписи и аудиозаписи Маши контрабандных сделок Эдама и его Ко, как гарантию, что ее младшего брата Гию не будут «крутить» бандиты и он сможет перейти на сторону полиции и там и оставаться...

Гейзеры

Я чувствовала, что умираю... И даже написала Джейку «Could you please help», у меня лежал его имейл...

Меня «водили» 184 дня, где-то на 150 день остановилось семнадцать гейзеров на севере, у планеты появился сосальщик, потом черная дыра-могила и на другом полушарии закрылся небольшой кусочек солнца... Некоторые думали, что это из-за смерти королевской особы, и Эдама тоже отправили в «бегуны» из-за этого, но потом подтвердили, что из-за меня... Меня нельзя было записывать в «люди бегущие» — я была в списке людей, которые сделают важные научные открытия. Земля сошла с орбиты, стала удаляться от Солнца, полюса сместились на несколько сантиметров. На первых строчках списка подключается природа. Это и до меня случилось, но всегда природа восстанавливалась. Но мои гейзеры «Арины Симоненко» так и не заработали.

Все хорошо, пока вы не влезете в законы Вселенной. Все хорошо на середничках. Приучили нарушать правила, а потом неудачно попали на законы Вселенной. А законы Вселенной решают все! Хотелось поступить правильно, но было очень сложно...

В мае уже появились хранители замарывать все население — раз вы отправили в «бегуны» первую строчку списка, тогда собирайте подписи по всей планете...

«Бегущих» людей надо делать по-другому — не отдавать их «бегать» в общество, помещать их под купол и там убивать большинство, чтобы остались единицы, чтобы большинство не выживало. Выживших конкретно награждать, сразу давать им «внешнее». И, конечно, не отправлять туда вершины списков науки. Тогда последствий для общества не будет... Гейзеры не останятся, и науку по всему миру не закроют, научные открытия не закончатся. А зачем делать ученых, если с ними так поступают? Если над ними так издеваются.

Работоторговцев надо было меньше слушать, работоторговля ни одну цивилизацию похоронила...

Следующий американский лагерь, навсегда изменивший мою жизнь

...и мое зрение

Я опять поехала в американский лагерь. Вернее, меня отправили. Стравливать с Шерил. В этот момент меня как раз «водили». Прокляла все на свете, думала, умру, хорошо, хоть вены не порезала. Думаю, меня бы не спасли! Повезло! Гейзеры уже остановились... По состоянию психики я уже приближалась к Бухенвальду. Дома у «бегунов» были га-люны, что еще хуже, и меня опять отправили в лагерь, на природу... Как он отличался от прошлогоднего! В этот лагерь поехали и Саша Янченко, и Яся, и Егор... И даже был еще один бегун, внук судья, я была не в одиночестве!

Приехали новые американцы, но на американские встречи я уже не ходила... Новые американцы, как и прошлогодние, состояли из преступников и полицейских. Они тоже приезжали на несколько месяцев...

— Говорят, что Егор продал сердце матери за невесту — растворил матери раковую опухоль. Инсульты и инфаркты не то, — сказала мне Яся. — Паскуда...

— А так можно? — спросила я.

— Не знаю...

Егор вскорости женился, и у него родилась дочь. А некоторые говорили, что он из полицейских и скоро будет пить раковую опухоль и умрет, поэтому Эдам его близко и подпустил.

Ехали мы на автобусах, подписали тарелку фризби с именами. Егор рассказывал анекдот про Джеймса Бонда «fuck off!»...

Лагерь был в том же месте, мы жили в тех же домиках... Из американок я запомнила невесту брата Шерил Кейти с Библией... И высокую Кейти, дочь полицейского. Ее глаза должны были покрываться постоянно

бельмами, и она должна была совсем ослепнуть. Куклуксклановцы придумали лишать детей своих врагов — полицейских самого ценного — зрения. В этом году приехало много Кейт...

Я была уже на жуткой болезненности, поставив все мыслимые и немыслимые рекорды по психиатрии... Я уже сильно похудела...

Лагерь достаточно скучный. Нас также разбили на команды, как в прошлом году, и мы ходили в поход на водопады... Мы пели любимые песни по кругу, помню, что Джаспер пел песню популярной молодой американской певицы «I am innocent²», я пела песню о превратностях любви и любовных треугольниках, а малознакомая девушка, которая стояла в кругу рядом со мной, сказала Джасперу «рооф Russian song³» о моей песне. Мы также говорили о боге, Кейти из постоянных американцев говорила, что по сравнению с Иисусом Христом мы все «not babies, just kids⁴». Она как будто сначала качала младенца на руках, а потом показала рост пятилетнего ребенка. Кто-то играл во фризби на поле. А мне постоянно говорили маты в лицо и в спину...

Лидер моей группы Ник в походе рассказывал мне, как стал полицейским — он случайно увидел, как важный криминальный авторитет убивал своего свидетеля, а потом ел его. Как Нику предлагали деньги за молчание... С тех пор его отец покупал Нику забвение, а он стал полицейским... И хотел когда-то этого убийцу посадить...

Вечером мы гуляли по лесу по парам, я с Шерил и должны были рассказать друг другу какой-то свой секрет. Мне растворили «черный мухомор», и в голове были шумы, волны... А Шерил рассказывала мне:

— Fuck... Моя мать очень слабая женщина. Она была неверна моему отцу... Именно поэтому я считаю ее слабой... А отец наоборот сильный человек, что он с ней не развелся... Slut... Именно поэтому я уважаю его... Он очень много молился... Он продолжил жить с ней... У нее потом обнаружили заболевание щитовидной железы... Bitch...

А я рассказала Шерил, что думаю, что у меня дома повсюду камеры... За полгода в «бегунах» у меня совсем съехала крыша...

Шерил рассказала мне свой секрет, и теперь должна была меня убить... но слепота бы тоже подошла...

Американцы кидали сначала куски говядины, а потом негрят в мешках и без с горы, и их у подножья терзали и ели грифы...

Вечером Ясе в рот запихнули выхлопную трубу и завели машину, хотели, чтобы она задохнулась угарными газами...

¹ Отвали

² Я невиновна

³ Слабая русская песня

⁴ Не младенцы, но дети

Какао

— Арина, иди сюда! Дура! — меня позвала Шерил в крытую столовую. Была ночь. Она о чем-то шушукалась с брюнеткой в очках с опущенными уголками глаз по фамилии Стоун, то ли Кейти, то ли Эмили... Американцы редко носили очки, эта девушка была исключением... Они все время немного спорили...

— Будешь с нами пить какао? Сука...

— Да...

Они зашушукались над двумя чашками. В столовой были только мы трое, тускло горел свет в единственной лампочке. Шерил как будто сомневалась, какую чашку мне дать, и протянула правую... Она все время спорила с брюнеткой. Чашки были небольшие голубоватые и без ручек... Я выпила какао... А напиток с ними не выпьешь, так они в еду что-то подсыпят... захотят растворить слепоту — все равно растворят!

Гейзеры остановились, самое время мне растворить слепоту... Медики говорили, что хорошо, когда первая строчка списка науки — это не ты. И слепнешь не ты... Так Шерил стравили с вершиной списка науки...

Шерил со Стоун подсыпали мне в какао таблетку, которая со временем вызывала накопление металла в организме и самое серьезное последствие — отслоение сетчатки и слепоту... В другой чашке они растворили раковую опухоль. Хорошо, что напоили они меня все-таки слепотой — это хотя бы лечится!

Эта таблетка слепоты предназначалась как раз для второй девушки Эмили Стоун. Ее фамилия переводилась как камень. Эмили Стоун тоже должна была ослепнуть, ее отец был наркобароном и всегда ослеплял своих свидетелей. Именно брат Эмили соблазнил мать Шерил... Шерил и мне слепоту растворила, и якобы «подругу» подставила. Одним ударом семерых. Именно эту таблетку Шерил привезла в прошлом году в Россию и хранила год...

В России такие таблетки были запрещены или очень редки — много последствий. Русскую таблетку растворить мне тогда побоялись, а американскую нормально. Шерил растворила запрещенный в России препарат слепоты, который никто в России искать не будет. Чтобы я ослепла. Чтобы ослеп свидетель работоторговли. Им на наших детей наплевать... В Америке этот препарат был разрешен, его иногда прописывали, но его надо было пить совместно с другим препаратом — противоядием в течение суток, и последствий никаких... Но второй препарат мне никто давать не собирался... Эту таблетку в Америке врач прописал Эмили Стоун...

Шерил, поверив непонятно во что, растворила мне в какао таблетку со слепотой с разрешения Эдама. Она думала, что меня как свидетеля работоторговли бросят под машину и до «разборок» я не доживу. И я стала

«магнитом», вызывающие отложение металлов в мягких тканях, отслойку сетчатки и, если не прооперировать, то слепоту... Мои осязаемые проблемы со зрением начались бы через два года... Через три-четыре года я должна была ослепнуть совсем...

Что я вам сделала? Что я вам всем сделала?

Собралось собрание, проделку Шерил сняли на камеру, стали открывать черные дыры, появились врачи. Яся тут же накинулась на Шерил.

— Ты меньше улыбайся, дура лупоглазая. Почему это именно тебя подставляю? Среди них нет идиотов таблетки со слепотой растворять. Почему это именно ты должна растворить эту таблетку?

Эдам решил так обо мне: — Если ты такая крутая звезда, то ты и так вылезешь, тебе слепоту свернут, и нас через тебя пересажуют... А если нет, то мы все делаем по правилам...

— Только такие беспредельщики, как американские преступники, могут и звезды от Арины брать, и неизлечимую слепоту ей растворять. Если вы берете звезды от кого-то, то вы ему уже не вредите... А то звезды не работают...

— А я для себя звезды от Арины не брал... — говорил Эдам...

— Эдам и звезды от свидетельницы берет, и одновременно его убивает. Он не может иначе, как казахстанские работаровцы... А потом удивляется, что свидетельницу и убить не получается... Что его наказывают...

Эти американцы во главе с Эдамом, как стая животных... Американцы абсолютно безжалостны. Эти люди кинут тебя в овраг, перережут тебе горло и всю жизнь поэтому будут жить в почести...

А американцам надо почаще повторять, что они тут в гостях и ничего не решают... Ради них умирать никто не будет... Какой бы козел наш не был, он тут приبلудный... Эдам, ты тут никто, правила не устанавливаешь...

Преступников плохо сводить с талантливыми детьми. К сожалению, сейчас мало думают, что талантливые дети реализуются. А под середнячок можно и слепоту растворить... Как Шерил.

И на следующий день, в последний день лагеря Шерил не растворила мне противоядие, которое было у нее и Дажуху, он тоже приезжал... Шерил поверила Эдаму, что я умру через год-два — как я уже говорила. А если меня прооперируют, все еще будет хорошо, линзы уже изобрели. А отслойку сетчатки никто не учитывал.

Как сказала про Дажуху Элен, которая пришла в этот лагерь через черную дыру: — Падла. У него сын деревянный, он противоядие никогда не растворит... А там поставщики... Сука. — Мы стояли на обрыве и смотрели на горы: — Говорят, что земля поднялась и стала стеной... Паскуда...

Шерил растворила мне слепоту и в последний день лагеря выпила заведение, все напрочь забыла — очень удобно...

На самом деле мой глаз продали к тому моменту уже несколько раз. Во-первых, бабушка и дедушка по маминой линии. Они тогда не знали,

что можно отказаться и ничего не продавать. Тогда многим портили зрение, верили в чудодейственную силу контактных линз, и небезосновательно! Что легко можно победить близорукость. Только отслойку они не учили и изменения на глазном дне. Мой глаз родители «второго поколения» по линии мамы продали за дачу, которую сами построили... Мама любила шить, была швеей, а бабушка – вышивальщицей – белошвейки! Тогда всем швеям портили зрение, делали очки и так «закрывали» глаза.

Второй раз мой глаз положили на алтарь литературы еще в школе – все равно глаз «закроют». И все вспоминали Владика... Чтобы я стала хорошим писателем. Чтобы меня учили хорошо писать... или нет. Не так. Чтобы мне не отбивали старание писать книги. Сделали хотя бы грамотной...

Если мой глаз продали «прародители», то такую таблетку мне должны были растворить дома, и такую ли, еще вопрос. Но меня пока за старания отбивали. Слепоту на один глаз переносили на старость, говорили, что еще рожать и где-то долго и упорно работать. На благо науки скорее всего... Так что Шерил хотя и имела на это основания, но не имела право растворять мне «слепоту», как ни посмотри...

Такие, как Шерил, верили, что если убить талантливого ребенка или подростка, то жизнь удалась, так можно «купить» себе хорошее будущее. Шерил поверила, что если она ослепит крутого писателя будущего (то бишь меня), то сама выбьет себе счастливую жизнь, сама станет хорошо писать, ей вколют гены или кровь великого русского классика, Льва Толстого. Кстати, Льва Толстого ей вкололи... Ей оракл Эдам подтвердил, что я скоро попаду под машину, и никто ничего не узнает... Ее проделка останется незамеченной. Я была важным свидетелем массового похищения детей и по идее не должна была выжить...

Мне тогда повезло, что мне не растворили раковую опухоль – такие таблетки выдавали под конкретного человека. Раковая опухоль была определенная. Предназначенная под конкретного мальчика. У него именно такая должна была потом «прорасти». Все согласованно. Где потом такую опухоль взять, чтобы ему растворить? Кто тебе именно такую таблетку продаст? А таблетка «слепоты» американская, не русская, ее бы и не искали... Американцы слепоту растворили и пошли... Так что мне еще повезло, что только ослепла – могла вообще умереть. Съездила девочка в лагерь с американцами. Так бы я уже умерла, наверное. С агрессивным раком больше десяти лет не живут...

«Раковую опухоль» тогда выпил другой мальчик, для которого она и предназначалась, раковая опухоль в молодости – привет от родителей! За финансовое благополучие приходится платить жизнью детей, особенно шлюхам.

В конце лагеря меня наградили грамотой «Courage», что переводилось как смелость...

Эти полгода я, конечно же, закончила в психушке, уйдя в агрессию – я начала крушить потолки, ища камеры скрытого наблюдения, очень пора-

довав и работорговцев, и американцев, мои показания несколько лет не имели бы юридической силы... Когда меня перестали «водить», гейзеры не заработали, но кусочек солнца открылся и сосальщик пропал...

В итоге все это было бессмысленно... И Арину не убили, она жива-здорова, в себя приходит... Только гейзеры потушили и науку по всему миру закрыли... А зачем нужна наука, если талантливых детей убивают, опухолями в том числе... Арину что так нельзя было убить, наемником, что в «бегунах»...

Зря вы правила не соблюдаете... И умных людей не слушаете...

Часть 4. Перекупщики калашниковых

Владимир Нагорбов

Четверка поставщиков калашниковых — Далила, Владимир, Марина Шайн, Никита с дочерью и зятем были основными по калашниковым в России.

Владимир Нагорбов был высокий брюнет, верхнего типа — ноги худые, а тело, торс крупные, полные. У него было темное красное лицо. Когда он ходил, его ноги ниже колен сильно выгибались вперед при ходьбе, это заболевание называется степпаж. И чем-то он при ходьбе напоминал скелета.

Владимир занимался контрабандой с детства, тоже быстро вырос, как и его дочь. До него контрабандой занималась его мать Анжела, подруга Далилы, ее настоящее имя было Дарьей, но об этом мало кто знал...

Владимир Нагорбов спонсировал многих преступников, давал им деньги под проценты, требовал возврата или нет. И являлся спонсором многих перестрелок и ограблений... Если говорили о Нагорной проповеди, значит, последующие операции спонсировал Нагорбов. Так делала его мать, так делал и он сам. Поэтому преступники его любили... Остальные контрабандисты других преступников не спонсировали... Далила... Марина Шайн... Никита Кривогор... Владимир решил, что если отмаливаться, то можно долго и без проблем заниматься контрабандой.

Владимир был меценатом, давал деньги артистам на их концерты и клипы, зачастую был их первооткрывателем, поощрял молодые таланты, чтобы они опровергали свидетельствующих против него.

Владимир много занимался благотворительностью. На «оружейные» деньги он занимался строительством, был меценатом, много молился. Был новым типом оружейника — меценатом... Но он пришелся не по вкусу и градостроителям, его здания не любили, и администрации — меценат нашелся! — Бросай ты этот бизнес, — говорили ему. — Займись чем-то другим, строительством, например, это не твое... — Но он не хотел бросать. Он хотел так жить... Он хотел показать всем, что можно иначе... А наши говорили, зачем эти деньги, если ты не можешь их потратить? Зачем такие деньги, если твои дети умирают рано от рака...

Келвин Спенсермэн-старший с поездки в Россию в 2003 году поддерживал контакты с Владимиром, как-то сказал ему: — Так много денег нель-

зя отдавать. Ты хочешь отдать им все... А это им не нужно... Ты хочешь купить их. Твои деньги им не нужны. Такие деньги им не нужны... Если люди живут сильно плохо, бедно, они эти деньги примут от безысходности, но если живут хорошо, то нет... Поэтому брось, не отдавай... Вот мы сажаем цветы... Они недолговечны, и их люди принимают... Ты проводишь операции, убиваешь их детей, чтобы строить им здания?

А он все хотел что-то доказать... Объяснить, что он не так плох... а они говорили, что это не его... Он продавал оружие, чтобы им убивали их детей... Он строил им небоскребы и торговые центры — а они похоронили его дочь... Это грязные деньги, это все на костях... Хочется быть преступником и делать добро, чтобы тебя не осуждали... Но так не бывает.

Его три раза спрашивали, готов ли он отказаться от контрабанды, и он три раза оказывался...

Келвин-дед однажды сказал Владимиру, приведя на поле после перестрелки, когда убирали трупы, горы трупов... Они поили умирающих солдат...

— Вот видишь, поэтому они никогда не примут тебя... Ты торгуешь их смертью... Не отдавай так много... Оставь себе, знаешь, что они с тобой сделают, если ты обеднеешь...

А Нагорбов говорил:- Им дают таблетки перед битвой, и они умирая ничего не чувствуют...

Старый Спенсермэн только качал головой. — Так ведь не всегда...

— Единственное, что ты можешь сделать для них, чтобы они тебя приняли, — говорил ему старичок-полицейский, — это не выходить за рамки, не продавать больше положенного оружия... Помнишь бабушку Марины Шайн? Чтобы не убивали больше, чем определено солдат.... И это единственное... Не выходить за рамки...

А он как будто все заключал сделки с совестью... И отмаливался...

У него мать тоже все отмаливалась...

Владимир хоть и не выходил за рамки с размерами поставок, но был беспощаден по отношению к свидетелям, каждый год он убивал по двадцать человек — его правило и Анжелы — не оставлять свидетелей. Никита был мягок по отношению к свидетелям. Владимир убивал и поэтов, спавив известного актера, его особенно не любили родственники убитых. Владимира особенно запомнили за жестокую расправу над журналисткой, дочкой начальника администрации, которая собирала против него компромат, поднимала общественность против его контрабанды — он ее посадил в колодец и залил водой — избавился навсегда. Так его учила мать — не оставлять свидетелей. А их у него почему-то всегда оказывалось много... Он всегда покупал забвение и забывал свои убийства, чтобы человечнее быть... Именно он убил мать за контрабанду...

ЗАТО поселок Лиан

*Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...*
А.С.Пушкин отрывок из поэмы «Руслан
и Людмила»

В разные периоды жизни мы встречаемся с одними и теми же людьми, которые каждый раз меняют наш жизненный путь, иногда круто его разворачивая... Являясь вехами, столбами нашей жизни... И так я встречалась в разные возрасты с Владимиром Нагорбовым, главным контрабандистом калашниковых в России... Первый раз я увидела его, когда мне было три... Это был Лиан, ЗАТО, закрытое административно-территориальное образование, глубоко в тайге, где тогда служил мой отец...

ЗАТО не наносят на карту. Об их существовании вообще догадываются немногие... Пять пятиэтажек на холмах... Среди тайги... Мы жили в двухкомнатной квартире на пятом этаже. Родители работали. Садик, в который я ходила, то работал, то нет. Поэтому я просто слонялась по улице с утра до вечера, детей-ровесников было мало, поэтому я, будучи активным и общительным ребенком, прибилась к больнице... Я крутилась среди медиков, меня не выгоняли, я им нравилась... Теперь я понимаю, почему, под меня им скручивали кровожадность и «звериность», со мной они не ели трупы животных и не бились головой о стенку. За меня под будущее им давали «звезды», улучшали жизни. Родители радовались, что я не шаталась на улице, где ходили люди-мутанты, а сидела в больнице. Все решили, что потом мне просто сотрут память, как всем взрослым.

Тогда шла военная компания в Афганистане и солдат после битв доставляли в Лиан... Солдаты думали, что на лечение... Шел 1987 год и огромная, недавно сделанная страна СССР с сильнейшей экономикой вот-вот должна была развалиться, ей остались считанные годы. Российская империя возвращалась в свои границы... Все готовились к этому развалу. Медики в том числе...

В ЗАТО можно беспрепятственно проводить опыты – никакой прессы, никакой гласности. Никто никогда ничего не узнает.

Врачи в больнице менялись сменами, больницу оборудовали на первом этаже заброшенного кинотеатра, несколько коек и инструменты – врачам много не надо. Врачей было несколько комплектов, просыпались партиями, то одна партия врачей получше, подороже, то другая – более жестоких, кровожадных и управляемых.

Сначала мы думали, что это больница, но потом поняли – это лаборатория для экспериментов. Здесь делали уколы, накладывали повязки, выдавали таблетки, но что происходило за закрытыми дверями, что там делали врачи, откуда появлялись монстры и куда пропадали, никто не знал...

Владимир Нагорбов доставлял солдат, покалеченных его калашниковыми, иногда через черные дыры в Лиан для опытов, для генетических экспериментов... Иногда сюда доставляли раненых совсем незначительно солдат... выходили отсюда здоровыми единицы...

Врачи сделали себе исполнителей-палачей – за них всю грязную работу делали поднятые из зверей люди. Также маньяков-убийц делали животными.

Если солдаты были недостаточно ранены, но нужен был материал для экспериментов, то помощники врачей, люди-звери пускали в их палаты углекислый газ, убивающий мозг, чтобы они становились растениями. Или выкалывали им глаза – тогда солдаты становились абсолютно профнепригодными и можно было проводить над ними свои незаконные эксперименты.

Я много страшного видела в эти годы... Как говорили мне в больнице-лаборатории, здесь как в сказке, ходят сказочные животные, люди рождаются, люди умирают. Я не боялась ходить в больницу, видеть раненых солдат. Врачи говорили, что я могу стать хирургом.

В Лиане распыляли специальный порошок и животные становились людьми, кровожадными убийцами. Врачи пересаживали сознание животных в мои игрушки и оживляли их.

Здесь ходили люди-Франкенштейны. Здесь я видела человека с одной рукой вместо ноги и ногой вместо руки, ноги и руки были пришиты и функционировали.

Мое самое яркое воспоминание детства – это огромный домик на человеческих ножках, под потолок, домик, созданный из тел солдат с головой какого-то солдата наверху, тела солдат сращивали через основные артерии, приклеивали смолой. Этот домик был живой и мог дышать, у него были легкие, у него работала и половывыводящая система – домик мог ходить в туалет. Потом этот домик разделили и опять сделали людьми, пришивали солдатам руки, ноги, если успевали и могли...

Отсюда уходили солдаты с двумя правыми ногами и были рады, что вообще уходили и могли ходить.

Здесь проводили такие же страшные эксперименты над людьми, которые тогда были распространены в Эстонии...

Саша

Как раз подняли партию плохих врачей, Владимир Нагорбов привез новую партию солдат из Афганистана для экспериментов. Солдат доставили 19.12.1987, мама делала подписи с датами на наших домашних фотографиях из Лиана...

Среди солдат был молоденький, семнадцатилетний, совсем непригодный для военной службы солдатик Саша, очень умненький, от него ждали небывалых научных открытий... Его старший брат уже погиб в Афгане, Саша надеялся после ранения отправиться домой и никогда больше не попадать на войну. У него была небольшая травма правой руки, ее неудачно отдавили.

Саша и не помнил, как подписал те бумаги. Проснулся уже завернутым в тряпку в едущем вагоне. Решил, что это веселое приключение. А у родителей начал жить клон, загримированный под него парень, подосланный Владимиром. Клоны даже делали пластические операции, чтобы было не отличить от оригинала...

Сначала кровожадный врач выколол ему один глаз. Саша все ходил, думал, что ему дадут таблетку, и он опять будет видеть двумя глазами. Потом Владимир ему выколол второй, а другие солдаты говорили ему, чем он лучше их всех. Ходил слепой, искал помощи, думал, что это страшный сон, а Владимир все смеялся: — Какой идиот!

Для Саши приготовили чудовищный эксперимент. Ему отрезали голову и на ее место пришили голову кабана. Зверей охотники ловили в тайге. Иногда сами животные выходили к охотникам на эксперименты, чтобы хоть раз в жизни поесть досыта, чтобы почувствовать себя человеком, чтобы умереть за науку.

Врач Дмитрий Иванович (очень кровожадный) провел операцию, отрезал у Саши голову и пришел на его тело голову кабана, выколол своему созданию адреналин, и это существо начало бегать по Лиану, человек с головой кабана, по его холмам... Медики все гадали, будет ли у этого мутанта сознание кабана или человека. Все думали, что человек перебьет гены кабана, на тот момент существовала такая теория, что в подобных случаях гены человека преобладают, гены поднимаются вверх, и человек как бы распространяется, то есть голова зверя становится человеческой, но я была уверена, что голова все определяет и у существа будет сознание кабана... Сначала монстр бегал как человек, на двух ногах... Ему подключили все, кроме левой руки... Потом стал на четвереньки и стал бегать как кабан на четырех лапах, руках и ногах... Но ему было неудобно и непривычно, у него все не подключалась левая рука, и он нервничал, бегал на четырех конечностях, пытался подключить левую руку, злился, тряс неподключенной «лапой»... Потом врач Дмитрий Ива-

нович «подключил» левую руку и кабан стал бегать по Лиану уже ровно на четырех конечностях.... Врач говорил с кабаном, спрашивал, кем он себя ощущает (кабану вкололи русскую речь), и кабан рассказывал о себе, о своей жизни в лесу, как он любит желуди и орешки, жаловался, что у него барахлит левое переднее копыто, жаловался на глистов. Его кормили из ложечки, но не получалось, еда вытекала... Потом Дмитрий Иванович подключил пищевод. И еда стала поступать в желудок Саше... — Вот какой Дмитрий Иванович молодец! Кабан хоть поел за столько лет... — врачи тоже были голодные и на препаратах... Потом кабана опять пустили побегать... И кабан с телом человека, не человек с головой кабана стал бегать на четырех лапах по Лиану... даже вполне освоился, привык к новому телу... Ему уже было не так неудобно...

Я даже кормила это создание кашей из ложечки сама, мне в лаборатории доверили. Пыталась узнать у кабана о его семье. Он спросил, кто это, мне даже дали картинки и я пыталась объяснить кабану, что такое семья, показывала на картинках ему генеалогическое древо, папу и маму. Ну кабан начал рассказывать о кабанах, все думали, что он будет рассказывать, что мама у него домохозяйка, а папа профессор по математике. Спрашивала, как его зовут и какая у него фамилия, но он не понимал. Я разговаривала с кабаном, а не с Сашей Нагорбым.

У Саши была живая мозговая жидкость. Перед тем, как ему отрезали голову, ее пустили по телу. Когда пришили голову дикого кабана, думали, что жидкость поднимется, вернется в мозговую коробку и заменит мозг кабана, так уже делали одному исследователю, и та жидкость приросла. Думали, эта прирастет или нет. Но «живая мозга» не приросла к хряку. Жидкость если и прирастала, то к умному человеку, а не к свинье. Голова прижилась, но жидкость не приросла. Свинья — не человек. Такая жидкость даже не к каждому человеку прирастает, даже к умному, а в лаборатории хотели, чтобы она к свинье приросла. Но голова приросла без вопросов.

Несколько дней это существо держали, ждали, что животное станет человеком, а он все больше становился кабаном, начал хрюкать и уже не ел человечью еду, кашу — просил нарвать ему в лесу желудей.

Потом кабан даже погрелся на солнышке, породавался новому дню... ему сказали, что этот день у него последний. Когда за кабаном идет охотник в лес, он трубит клич, и кабан знает, что этот день последний и его сегодня подстрелят, убьют, прощается с лесом, ест вдоволь, нежится на солнышке на опушке, готовится к смерти... В лаборатории говорили, что лесные животные по-другому относятся к переходу в мир иной. Более обыденно... Лес должен выдавать охотникам дичь на убой в умеренных количествах...

А Саша оказался младшим сыном моего профессора математики в университете Нагорбого Станислава Витальевича... Как тесен мир, подумала я, узнав это. В университете Нагорбого называли «кленовым листком» как

предателя. Нагорбый, когда у него родилось два сына, решил уехать из страны на Украину, чтобы уберечь сыновей от работорговли, чтобы его детей не продали в рабство — на Украине рабов не набирали. Тогда его приравнивали к врагу народа. Он пытался отомстить сыновей, как мог, стал писать стихи и отдавать их эстрадным певцам, начал бороться против Далилы. Но все предчувствовали катастрофу. Ему надо было вернуться. В Москву, например. С большим населением, где шанс попасть в рабство значительно меньше, но он этого не понял. Мой дедушка говорил, узнав историю Нагорбого, что если остаться в стране, в России, то продажа в рабство может пройти стороной, но если вот так уехать, сбежать, то пойти на рожон, и тогда точно продажа в рабство тебя не минует. Или если уже уезжать — то за границу, а не на Украину, часть СССР.

Старший сын Нагорбого был не таким умным — жена во время беременности выпила таблетку, тормозящую развитие мозга ребенка. Зато младший — весь в мать, чудесный прогрессивный математик. Тесть Нагорбого проводил эксперименты со свиньями, часто вскрывал их черепные коробки, тогда верили, что ДНК свиньи и человека сходны и, убивая свиней, кабанов, можно становиться умнее. Саше не было и семнадцати, даже документы подделали, когда двух сыновей Нагорбого закрутили в военную компанию в Афганистан... Других детей у моего препода не было...

Саша все верил, что все будет хорошо, верил в людей, такой наивный был. Все убежать из армии боялся. Думал, поймают, накажут, могут даже расстрелять за дезертирство... Верил, что после больницы подлечат и навсегда домой, к родителям отправят...

Голова Саши, пока занимались кабаном, все время стояла в лаборатории, на столе, с закатанными глазами. С ней Дмитрий Иванович тоже разговаривал, подключил ее к электродам. Врач периодически проверял, что ее можно пришить без последствий, пропускал ток и на голове дергался глаз. Когда пустили жидкость, Саша ожил, понял, что голову отрезали и у него нет тела, он начал плакать, кричать и звать маму. Такой молоденький...

Сашину голову пришивали к телу кабана, и он мычал, думал, это ему поможет вернуться в свое тело или в любое другое...

Потом, отрезав опять голову кабана, врачи даже пробовали прирастить голову с живой водой к телу Саши, и она прирастала, но появлялся Владимир Нагорбов и опять ее отрубал... протыкал ее палкой, колошматил мозги... Тогда открыли черную дыру родителям проститься с ним...

Чтобы Сашину голову не пришили обратно такие талантливые кровожадные врачи, Владимир поливал голову мертвой водой, опустил ее в ведро с жидким озоном, потом спалил... Нагорбов съел его мозг целиком, натошак и сырым... Ему открыли черную дыру, появилась уже взрослая Марина Шайн и Далила вышла из лесов, и они стали вместе заливать голову смолой. Чтобы эту голову уже никогда нельзя было пришить, и она бы не приросла даже с живой водой. Они держали голову в смоле,

чтобы уже ничего нельзя было сделать, заливали глаза смолой. Дмитрия Ивановича они усыпили...

Одна служительница в домовой церковной комнате при больнице пыталась отмыть голову в керосине, так ее избил Владимир и запер в комнате. Ее даже вешали на крест у больницы, но недолго, просто запугивали...

Она говорила Владимиру, что нельзя становится безбожником, что если у мальчика будет отрублена голова, то его не примут небеса. — Какие небеса! — Владимир все поднимал к небу глаза. Бог забыл о Лиане, Бог просто ослеп...

Как можно с талантливыми людьми поступать...

У Саши был «чистый разум» — его готовили для науки, для серьезных открытий. Он был совсем незначительно ранен. Но домой его никто возвращать и не собирался. До этого его «репарировали», стерли память и все данные из головы. Он даже заново учился говорить, но все можно было восстановить...

Сашу, конечно, не воскресили. Его голову в смоле Владимир повесил перед больницей. Она долго висела на колу у больницы... ее держали более трех дней, чтобы и живая вода точно не помогла.

А где-то зашло солнце... Солнце науки больше не светило...

Зато Владимиру после смерти Саши дали много стимулирующих развитие мозга препаратов, он резко поумнел. Мозга досталось и Далиле, и Марине Шайн из будущего...

Далила, Владимир и Марина Шайн ели органы Саши, вскрыв его грудную клетку. Когда Владимир ел его кишки, он оставил в теле слюну, свое ДНК.

Получив тело сына без головы и разобравшись, в чем дело, Нагорбый поменял фамилию на фамилию врага, только с другим окончанием Нагорбов — Нагорбый. В итоге Нагорбый похоронил двух сыновей, одного очень талантливого математика, умершего страшной смертью. Через пару месяцев в коробке Нагорбому прислали голову сына, отмытую керосином... В итоге Нагорбый поменял фамилию и решил посветить жизнь мест. Если незначительно переставить буквы в фамилиях контрабандиста и мстителя, без окончаний, то можно получить слова «на гроб». Символично.

После смерти Саши Владимир «наелся», прекратил поставки калашниковых в Афганистан. То же решила сделать и Далила, она решила двадцать лет не есть детей, правда, хватило ее ненадолго, только на пять, опять резко стареть начала. А бабушка Марины Шайн на два года официально отказалась от поставок калашниковых. А Станислав Витальевич с женой все глаза выплакали по сыновьям...

Потом Владимир появился у них «на районе», стал показывать соседям и друзьям фото головы Саши на колу... Мол, что стало с сыном предателей. Ничего святого у контрабандистов нет. Это звери, а не люди.

Далила тоже Владимиру не простила этого Сашу. Что он втянул ее в это нарушение. Тот мальчик тоже был в списке большой науки...

В январе 1990 года открыли черную дыру из 1991 года, и Горбачев пошел по больнице смотреть, что делали в Лиане с людьми медики. В ужасе, после создания СНГ в Беловежской пуще, он сложил свои полномочия, а на следующий день СССР перестал существовать. Так пугали политиков... Говорили, что откроют генетические уродства, если Горбачев не отречется...

Когда Горбачев отрекся, через пару месяцев в Лиане началось восстание солдат против врачей... Люди в страхе бежали из Лиана, а монстры, созданные в лабораториях Лиана, люди-звери стали его разрушать, крушить все... По-моему, на данный момент ЗАТО Лиан давно заброшен. Хотя, кто знает?

Ариадна

В следующий раз я встретилась с Владимиром Нагорбовым в 1990 году. Мы с семьей переехали в Казань из Лиана, успели как раз вовремя, до восстания людей-животных. Я ходила в детский садик с мальчиком Витей, сыном полицейского. Отец решил растворить сыну таблетку с опухолью, проиграл его. И Владимир приехал его убивать и выпивать его кровь...

Я тогда осталась ночевать в садике...

Но утром мальчик Витя опять появился в детском саду. Это, конечно, был уже не он, а другой загрированный под него мальчик...

Владимир потом все забыл, пшикнул в лицо препарат с «забвением». Удобно убить ребенка, а потом вколоть себе забвение и все забыть...

В 1997 году жизнь опять меня столкнула с Владимиром Нагорбовым, я познакомилась с его дочерью...

От одной из своих диспетчеров Владимир решил завести дочь, она ему как раз подходила. Жена, конечно же, умерла в родах. Но у него в 1992 году появилась дочка, и он назвал ее Ариадной как в легенде о минотавре – Владимир не хотел забывать историю о человеке-кабане Саше Нагорбом. Я вообще думаю, что весь Лиан построили, чтобы Владимир голову этому Саше отрубил и следующий шаг сделал, поумнел и «чистый разум» съел, великого математика убил...

Ариадна долго спала, а потом быстро повзрослела. С пяти лет сразу до одиннадцати... С Ариадной мы вместе играли на балалайках в оркестре. Я уже несколько лет играла на инструменте, а Ариадна только поступила и только училась играть. Ариадна была младше нас, говорили, что ей

было одиннадцать, мне тринадцать. Она была очень высокой для своих лет, как и Марина Шайн. И дочка Нагорбова была такого, «шлюшного» типа, и напоминала «доярку» — полноватая, светлые волнистые волосы по плечи, голубые глаза. Она немного шепелявила. У нее тоже было какое-то умственное заболевание, отставание в развитии что ли, она немного притормаживала...

В этом году Владимир Нагорбов продал в рабство через Байсека сына полицейского и сына преступника, выступавших против его... Но никто так ничего и не узнал... Дети пропали без вести.

Ариадна недолго ходила в музыкальную школу, быстро бросила... Знаю, что она поступила в вуз на экономический факультет... Владимир похоронил дочь в 2002 году от раковой опухоли... Никита поставил голосование, и общим мнением ей растворили раковую опухоль, она умерла за считанные месяцы... И немалую роль в этом сыграл мой препод по математике, похоронивший сына, Нагорбый Станислав Витальевич...

Просто Ариадна, кстати, тоже Ариша, и ее иногда называли Ариной, как и меня, была уже третьей поколением контрабандистов калашниковых, а Никита только первым. Никита с семьей были новичками и поэтому многим подходили... С поколениями проблемы нарастают...

Кстати, да, любимая парочка Эдама Леша и Маша сошлись, у них родилась дочь. Владимир похоронил дочь Аришу, а Никита-осьминог нянчил внучку. Но преступники так и не приняли Никиту-осьминога...

В следующий раз мы встретились с Нагорбовым летом 2003 года, когда мне было восемнадцать. Он был хозяином того лагеря в Лаго-Наках, куда я поехала с американцами. Как тесен мир! Мы пересекались почти каждые десять лет! Он был очень кровожадным, до этого, оплакивая дочь, за вечер он убил и съел двадцать пять маленьких трехлетних детдомовских детей. И теперь требовал, чтобы ему свернули кровожадность, он пил кровь литрами, вешал на кресты полицейских, убивал... Мы ходили в походы, а в лагере убивали солдат и полицейских, к нашему возвращению успевали убирать трупы.. Нагорбов был под снотворными препаратами в одном из домиков в очень плохом состоянии. Он кинулся на меня, повалил и начал есть, как зомби... Эдам его от меня еле оттащил...

Смерть в виде Владимира Нагорбова как будто преследовала меня... или я ее...

Далила

*Ну, случайно, ну, шутя,
Сбилась с верного пути!
Да ведь я – дитя природы,
Пусть дурное, но – дитя!*
Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого
молодца»

*Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно...*
Песня В. Высоцкий «Лирическая»

Осенью далекого 2002 года на одной из встреч Эдам абсолютно неизвестно почему сказал на древнерусском диалекте, прочитав по бумажке: – Приди Дэлайла! Восстань из ада! – И вызвал еще одну поставщицу калашниковых Далилу. Она жила в далеких лесах и вышла впервые за много лет к Эдаму. Она помнила еще царей, пережила революцию, а потом великую отечественную. Она ушла в леса, убив из пистолета гвардейца императора. И жила уже около ста лет в лесах. В центре леса у нее был домик, даже отапливаемый дровами с подобием водопровода.

Чудо-юдо Далила появилась внезапно, за много лет она отвыкла от людей, просто ворвалась в аудиторию, ее как будто занесло ветром или скорее тайфуном... Она много лет жила в лесах и уже потеряла человеческий облик. От нее странно пахло. И Арине она напонила бомжиху.

Эдам сказал: – Так бомжи выглядят лучше, чем Далила...

– Да какая она бомжиха! Внимательно посмотри! – возмущались студенты.

Рядом откуда ни возьмись появился бомж, от него плохо пахло, он был оборванный и грязный... А Далила чистая и лесная – хозяйка лесов!

– Ну какая она бомжиха.

Каждый, кто видел Далилу, слеп минимум на один глаз, за исключением своих. И я подходила...

Далила прискакала к Эдаму на чай в балахоне из мягкой темно-графитовой ткани, она была с распушенными длинными темными нечесаными волосами, висящими сосульками. Ткань ее платья на вид была грубой.

– Да какая это грубая ткань? – возмущалась Далила Арине. – Это редкий вид шелка... Попробуй, какая ткань мягкая... Знаешь, какая она редкая.

Я попробовала ткань на ощупь – она была мягкая как шелк.

У Далилы в сундуках хранились еще метры такой ткани, редкой, единственной в своем роде. За этой тканью охотились дизайнеры. На подоле платья Далилы были нашиты небольшие кустики редких трав и ягод, пучок черемши... Была осень, поэтому Далила носила на платье веточки рябины, осенние цветы и разноцветные листья. Она их пришивала разноцветными нитками, одни веточки желтыми, другие – черными. И это были своеобразные обереги от духов леса и от людей, желающих зла, и от людей в принципе. Далила появилась у Эдама осенью и сама походила на осенний лес, на осеннюю елочку. Полицейский рядом говорил, что зимой у Далилы на платье нашиты редкие веточки и елочки... И подол почти пустой, потому что пустой лес. Иногда зимой она носит шкуру белого зайца и ходит в меховой шапке из зайца серого.. Летом на ее подоле нашиты цветы и темные бусины, одуванчики, она их покрывает воском, чтобы сохранить, и они не вянут все лето. Далила пахнет редкими полевыми травами... И пробуждается Далила вместе с весной. А весной расшивает Далила подол зеленой травкой с тонким слоем грунта, и поливает траву на платье Далила, чтобы трава не засыхала. И носит такую тяжелую юбку с грунтом, как весенний лес...

Осенью собирает Далила гербарий осенний, а весной – весенний... Орешки редкие собирает... Иногда своих угощает... У ее домика висят сушеные мухоморчики.

У наших перестрелки... Никита заключает выгодный контракт. А Далила с зайцами разговаривает на опушке... Много, говорит, зайцев у нас в лесах. У наших контрабанда за границу – а у Далилы консервация, сбор урожая.... – Да какой урожай в лесу! – возвращается она. – Ну какой... Ягоды, земляника, грибы, засолка. – Ой точно.

У нас зима – а Далила на охоту вышла. Она на лыжах в заячьей шапке на зайцев охотится! Охотница наша... Теперь какой-то редкий мох на подоле носит! Контрабандистка калашниковых называется!

– Может, позовем Далилу в долю? – как-то спрашивает Никита Владимира. – Еще один заговор поставит, чтобы наши грузовики не видно было. – Не мешай! Сами разберемся! Не трогай ты ее, у нее гербарий... У нее охота... Она человек природы. С НИИ сотрудничает! Сейчас НИИ начнет возмущаться! У нас контрабанда, а у Далилы борщи!

Каждую осень Далила редкие травы и цветы ищет! Для биологов редкие травы собирает! На благо науки старается! Ее проклял какой-то биолог, и она должна теперь блюсти фауну и флору лесов.

А один солдат из лесной речки ей в домик воду наладил.

А было время, когда Далила была главной по контрабанде...

– Главной и единственной... – рассказывала нам сама Далила. Выглядит она хорошо, но голос у нее старческий, старушечий, ей на самом деле сто семнадцать лет. И говорит она по-древнему, не по-современному. – Но давно это было... И недолго... А потом появилась мать этого... Вовки... Дашка... И стали мы делиться... А бывало дашь солдатику камешек, и он

как бы невидимый стал... И проходит он все посты охраны. И прямо в руки доставить может автоматы. А иногда и на самом деле невидимым становится, представляешь? Правда, редкие эти камни. — Их Далила на берегу своей реки ищет... Они белые, с единственными редкими черными пятнышками.

Далила биологам и фауну поменяла, семь лет молилась и бедствия на биологов посылала, тайфуны и ураганы. И теперь у нее в лесу река бежит... Теперь она требует в лес озеро. Так биологам флору и фауну меняет! Они ругаются! Далила против биологов!

И с медведями она разговаривает, и с белками... А зайцы такие болтуны, говорит, силы нет...

А Далила зайцев зимой засушивает, хранит, консервирует. Говорит, что зайцев в лесу полно. Мухоморы собирает, тоже сушит, тоже в хозяйстве пригождается зайцев травить — они ее огород обворовывают. Мы травим тараканов, а Далила зайцев дохлых собирает и засушивает. На мухоморы у Далилы уже иммунитет.

Да, завела Далила себе в леске огородик около домика, и морковку сажает, и капустку, и картошечку. Долго у нее ничего не росло — книги по огородничеству она читала. А летом она с сорняками борется. Чтобы морковка лучше росла. Биологи опять недовольны — меняет им флору и фауну леса. Ей коллеги, Владимир и Никита объяснили, что морковку и картошку перед едой надо чистить — совсем дикая Далила в лесах стала.

Раз Далила, наконец, вышла из лесов, то ее решили помыть мылом и шампунем... Мытье ей пошло на пользу. Потом Далила опять пошла жить в леса. Но Эдам узнал у своих и решил провести через Далилу пару поставок, ему наверху разрешили иметь с ней дело! И деньги дали! Поэтому мы еще несколько раз видели ее на американских встречах — она приносила коробки с автоматами прямо на встречи. Остальные картонные коробки хранили в коридоре, пока Эдам не пристроил. И много коробок там было — это же Далила дела ведет! Далила продала им очень дорогое и редкое ружье, который украла у одного генерала из частной коллекции. Ружье было старое, редкое, коллекционное, резное, с белым керамическим стволом... Ружье попало к Спенсермэнам и пополнило их коллекцию...

Эдам сам потом забыл, что совершил эти сделки и купил так много автоматов с Далилой. Коробки отвезли к порогу дома Спенсермэнов в Америке.

Потом Далила поняла, почему так много у нее в лесу зайцев. Что убитые ее ружьями солдаты в зайцев превращаются и к ней бегут... И заботиться она о них и кормит... — Ох и много этих солдат... Слишком много, — стала Далила сильно сжимать руками голову и закрывать ее, как от сильной головной боли и кричать. И выволокли ее тогда из американского центра...

Все хорошо, только детей Далила ест... И лесники ее не любят... И не один мальчик, а иногда девочка сгинули в омуте ее черных глаз.

А Далиле дали таблетку молодости... Она недавно съела очередного ребенка...

Если до этого Далила выглядела как старуха за пятьдесят, правда стройная и прямая, то после таблетки стала выглядеть молодо, не больше двадцати. Но и старела Далила быстро, за пять лет с двадцати до шестидесяти могла состариться, если детей не есть. Далила и жила долго, потому что каждые пять лет детей ела... Она воровала маленьких детей из деревень и станиц около своего леса и съедала... Только мальчиков, но иногда попадались и девочки. — Сердечко с первыми лучами солнца на заговоренной опушке... Это помогает от старости, — рассказывала нам на встречах Эдама Далила. Она зажаривала их в своей печи в доме в лесу... Как баба Яга, только баба Далила... Она ела редких животных и редкие растения, если разрешали биологи, и так выбивала себе долголетие. Поэтому ее терпеть не могли лесники.

А до революции Далила была проституткой: — В публичный дом я не пошла, по домам ходила... На улице клиентов искала. Но пару раз меня сильно избили. Сказали в публичный дом иди, а я возьми и не пойди, — Далила захихикала. — Оттуда и уйти невозможно, из публичного дома. Это меня и спасло. Но я недолго... Так, — Далила махала рукой. — Но все равно... За подругой пошла. А потом пожалела. Ой, сильно пожалела... — Далила качала головой. — Я-то поэтому в леса-то и ушла, от людской злобы, жить с людьми невыносимо стало. Я поэтому тогда в офицерчика-то и выстрелила, в леса хотела, от людей сбежать. Да когда это было? Еще до революции... Сколько лет уже прошло. Уже и не помнит никто. Уже и в живых-то их нет всех... — весело отмахивалась она.

— Ох и нравился мне один... А я из простых была. Но заговоренных... А он шишка. Военный. Крутой, как вы сейчас говорите. И подруга мне: — Зайди к нему, да зайди. Ты ему нравишься. — Ну и я зашла... А он стал приставать... Ну мы и того... А я и девчонка. А он, видно, нет. Сразу разобрался. А он мне деньги на тумбочку положил. Ну я думаю, возьму. А он взял и дверь закрыл... Как будто меня и не было... Получил свое и того... Мужики — они такие... Ну я и запуталась тогда... Ушла от него. И не поняла даже, что он меня оплатил и теперь я... того... попорченная что ли... И со мной другие мужики уже не стали. — Шлюха, — говорят мне. — Иди работай... так же, как умеешь. Передком! — И домой больше не пускали меня... И отец бил... И пошла я к нему и говорила ему, чтобы он теперь женился на мне. А он того, сделал вид, что меня не узнал... А потом сказал, что он женится собирается. На другой... И расплакалась я. И дал он мне денег, чтобы я не приходила больше... Он думал, что я проститутка, а потом другая проститутка пришла. И он перепутал... И он не хотел... И сказал мне, чтобы я больше так не делала... Но он мне улыбался на улице... — говорила Далила задумчиво и с укором. — Он мне улыбался. А это тогда значило, что можно... Мне подруга говорила. Но уже я того, испила из кубка и должна была принимать людей, мужчин... Но заговоренная я, и не будет

им счастья... Ему и его жене... И не было. Я тогда не поняла, что первый раз нормально было. А вот в остальные... Уже не то совсем... Запуталась я... Перестала понимать, что хорошо, а что плохо... А мир уже не принял... Тогда много таких было. Как я... Запутавшихся, что ли... Так сейчас говорят. А потом ребеночек во мне забился его... Но поздно уже было... Уже была я того, другим попорченная... И не могу я больше стать матерью за ребеночка того, что ночью убила в себе... И вышел он... И мертвого его ела я. И сказала себе тогда, что больше ни-ни. Никогда не буду. И поклялась на крови, своей и его. И больше не стала. И били меня. А потом жить невыносимо стало. Все стали клевать меня... И дома меня так не приняли... И отец так и сказал мне: — Иди в леса! — и закрыл перед носом дверь. А я думала, что он меня примет обратно, — она говорила медленно и задумчиво. — Я ведь съела мужчину его рода. Но нет... Это потому что я была проституткой, — она горько вздохнула. — И семью я потеряла тогда и ушла и больше не вернулась... И я задумала выстрелить в офицера... И уйти в лес, — и опять смотрела она куда-то перед собой и гордилась собой... А подругу-то я мало знала, мы с ней вместе в телеге ехали в город из деревни. А тот... потом сутенером оказался, и все это было подстроенно, — и она горько вздохнула. — А отец приходил в лес, да, где я жила и видел меня... Еще до войны было. А в войну он того, умер... И дом наш спалили за колдовство. Никого из моих не осталось. Может, он и видел будущее... Говорят, дети сестры живы за границей. Но кто уже искать будет, — она всплеснула руками и почему-то обрадовалась... Марина Шейн обещала ей найти ее племянников или уже их внуков, потомков в общем. И нашла потом, говорят...

С проституткой жить сложно...

— Ох и тяжело в лесу было. Но я выстояла. И ела я корешки, и ягоды, и корни... А однажды на меня медведь пошел. А я закрылась от него руками, присела. А он того меня не тронул. И долго я по пещерам и по опушкам ютилась. А потом набрела на заброшенную избушку лесника и осталась там. Заползла в избушку, упала и там и уснула. И была гроза, и долго грохотало в лесу... Но та избушка почему-то потом развалилась... Гнилая была. Это из-за солдат... — говорила Далила. — Потому что не солдаты ту хижину строили... Я и подругу ту тогда нашла и того... Горло перерезала... — Далила оскалилась. — И... того... Так же. За себя я отомстила, — она смотрела перед собой и говорила с гордостью. — А они того, видели, что я потом автоматами торговать буду, ораклами были и хотели это будущее предотвратить. Но все равно нельзя так... Будущее оно ведь того, меняется... — и она качала головой...

Один солдат срубил Далиле дом в лесу. Она потом двадцать лет операции по контрабанде не проводила — так радовалась! Другой хотел ей туалет сделать, но тоже сложно, водопровод тянуть в самую чашу леса! А в реку нельзя, лесники ругаются...

Она помнила еще мать Владимира и была ее подругой... Говорили, что она его мать Анжелу, то есть Дашу и отравила. — Нет, это не я, — говорила Далила. — Это сын ее, Вовка. Мать так... — В американском центре ее любили слушать, она родилась еще до революции и помнила царей...

Контрабандисты не любили друг друга. Эдам и американцы поддерживали новенького Никиту с семьей и Марину Шайн... А Велунд и Ко хотели вернуть Владимира, считал, что Никита поступил с ним нечестно и не могли простить Никите гибель дочери Владимира Ариадны. Велунд был главным по Краснодарскому краю, как Кай Беспощадный в своем городе Сиапуле. Далила не нравилась никому... Хотя была, наверное, самой страшной контрабандисткой — самой заговоренной, самой сильной колдуньей. Поэтому-то она и мухоморы ела и не болела потом, и травы редкие — чтобы заговоры ставить.

— У нас двадцать первый век, а Далила все в лесах! — говорили о ней ее конкуренты Владимир и Никита.

— У нас телевизор и стиральная машина.. А Далила все в лесах... С птичками и рыбками... Детей жрет... Охотница Далила... — говорил Никита Владимиру, выпивая с ним на брудершафт. — Нет, в лесу она долго жить может!

Ей даже Никита стиральную машину подарил с телевизором, который работал на выносном аккумуляторе. Чтобы она оценила блага цивилизации и из лесов вышла... Телевизор долго работал. Пока аккумулятор не разрядился. Далиле понравился телевизор, она даже хотела себе в домик электричество провести, но решила, что полицейские найдут ее по проводам. Покидать лес Далила не хотела ни в какую. Потом стала искать большие выносные аккумуляторы и на зиму телевизор себе включать.

И телефон у нее в лесу не ловит. Совсем... А жалко...

Так Владимир однажды специально заказал Биологическому НИИ ей мхи раскидать, чтобы она несколько лет делом была занята и с контрабандой не мешала... Вот она старалась, все горы и предгорки обошла...

— Далила теперь мхи ищет и лишайники по горам и предгорьям! На благо науки старается! В НИИ относит! Молодец какая! Теперь Далилка в горах была человеком леса, стала человеком гор!

— Она ест слишком много детей, — сказал Арине Келвин Спенсермэн летом 2003 года. — А там мать последнего ребенка все успокоиться не может, все плачет. Все сына вспоминает... — Поэтому Келвин не стал с ней вести дела...

— А Келвин Спенсермэн зайчик, — посмеивалась Далила. — Поэтому ружьями и торгует. Но это ничего. Это бывает...

Эдам решил, что американцы будут работать с Далилой и дальше, но Келвин сказал нет — много она детей ест. Они будут сотрудничать или с Никитой и его дочерью Марией, или с Владимиром. Но Никита Владимира выводил из игры, и они выбрали Никиту. Марина Шайн им нравилась всем меньше. Келвин Спенсермэн остановился на Владимире,

самый старый контрабандист. Единственный, кто не превышал допустимые нормы.

А богатая эта Далила! Но деньги она в лесу хранила, перевела в золото и сложила на опушке у себя на полянке, посыпала порошочком, и золото стало невидимое... А тут кто-то забрел в эту чащу Далилы, увидел золото и забрал... Вот горя-то у бабки было. Его биологи вернули, деньги частично отдали. С тех пор Далила хранит деньги в банке... Из лесов выходит и в банк...

Далила как седьмое чудо света, фея лесов, на подоле носит всю флору и фауну леса и иногда гор. Вот ее журналисты фоткают, когда видят...

И охраняет Далила лес, и бережет редких животных и растения! И уважают ее лесники... Но все равно не любят...

И все наши контрабандисты иногда хотят жить как Далила в лесах на природе круглый год, а большую часть времени как мы, в цивилизации, с телевизором, стиральной машиной и туалетом. Далила — наш лесной человечек.

И иногда встречаются наши контрабандисты. Песни поют грустные, Марина Шайн с Далилой в обнимку, могут так, самогон Далилы пьют, она его из мухоморов гоняет, и даже не травят друг друга, доверяют, значит. За столько лет подружились!

Раз в двадцать лет рождалась новая лесная хранительница, и если Далила ее находила, убивала и ела, то оставалась единственной в своем роде. Молодую хранительницу сдал Далиле Келвин Спенсермэн в благодарность за поставленное оружие...

На американские встречи приходили и сестры Далилы, Дэоника и Моргула. Далила была хозяйкой лесов, Дэоника — хозяйкой степи, а Моргула — хозяйкой морей в России. И все они были на одно лицо, все пили таблетки и становились похожи друг на друга. Как капли воды. Только хозяйка морей была выше. И все они считались сестрами и жили более ста лет. Моргула носила темно-синий наряд, а Дэоника пшеничный, как цвет песка. На встречах они водили хороводы, переодевались одна под другую, и мы их, конечно же, легко путали.

Моргула жила под водой в подводном дворце, у нее были жабры, и она могла жить и дышать под водой. Далила могла посылать бедствия, ветры в лесах, посылать дожди и смерчи, а Моргула посылала ураганы на морях, Дэоника — вихри в степях.

Моргула носила на платье редкие кораллы, морские звезды, морских коньков и речных рыбок, некоторых даже живых. Она хотела стать владычицей океанов, и мы все дружно ей это пожелали. И волосы у нее были убраны в ракушку или распущены. Она сбрызгивала подол водой, чтобы рыбы не засыхали. Рыбы на ее подоле были аккуратно пришиты к плавникам. Моргула была сутенером — выводила девушек на панель. Она часто видела, как девушки кидались в воду из-за обид или неверности мужчин.

Платье у Дэоники было пустое. Только редкие травы, веточки, колючие стебельки — степи не баловали жителей богатой флорой.

Три хранительницы воды, леса и степи различались ногтями. У Далилы были длинные пальцы, длинные желтые крепкие ногти, чтобы легко орехи выковыривать. У Моргулы были перепонки между пальцами, а у Дэоники ногти были короткие, практически незаметные — дикие звери степи совсем не любили длинные ногти.

Моргула и Дэоника как появились познакомиться, так и исчезли, а Далила осталась вести переговоры с Эдамом.

У нас осень — а Далила с лесом разговаривает. У нее беседа с зайцами. Говорит: — Зайцы такие болтуны! Постоянно поговорить хотят. Ко мне на опушку прибегают... И белочки... Это девочки маленькие, убитые или съеденные, — Далила прячет глаза, потом продолжает. — А я зайцев не убиваю просто так, только ради пропитания. Не то что охотники, ради забавы. — Ты бы лучше людей жалела, а не зайцев... — говорил ей у Эдама полицейский. — Из твоих пушек сколько людей убили... — Так от людей я отвыкла совсем... Так где люди, а где зайцы...

Марина Шайн и Елена Шайк

В середине июня 2003 года на стадионе университета появилась троюродная сестра Марины Шайн Елена Шайк. Елену доставили на стадион, чтобы новопоявившиеся свидетели думали, что контрабандой занималась Елена, а не Марина. И путали их. На стадионе даже сделали пару снимков и с Еленой, и с Мариной.

Троюродные сестры не любили друг друга. И это была давняя вражда. Однажды в фамилии Елены Шайн сделали ошибку, неточно написав согласную «н» как «к», и она стала Шайк. Так она и осталась, желая не иметь ничего общего с сестрой-контрабандисткой.

Прадед Марины женился во второй раз на прабабушке Елены. Их бабушки были сводными сестрами с небольшой разницей в возрасте, но по внешности сильно отличались — бабушка Марины была типа «скелета», худая, красивая, лопоухая, ходила, сильно выбрасывая голени вперед. По матери контрабандистка. А бабушка Елены была совсем другого типа, слишком красивая и хорошая для этого мира... Сводная сестра тоже поднимала против бабки Марины восстание, они делили большое состояние отца. Но тип внешности у нее был не тот. Ее-то и решила принести бабушка Марины как жертвоприношение, сначала убив и съев ее нерожденного ребенка — девочку. А потом, после того как она родила мать Елены, она ее убила, заколов кинжалом и путив ей кровь. Бабка Марины ставила своей

целью извести весь род сводной сестры. Контрабандисты стремились изводить другие ветки своего рода. Она морила сводную племянницу голодом, пока та не сбежала и не отказалась от всего наследства деда.

Бабушка Марины убила и отца Елены, растворила ему, здоровому солдату, очень агрессивную раковую опухоль. Мать Елены одна воспитывала дочь в страшной бедности — она не хотела иметь никакого отношения к проклятым деньгам сводной тетки, которые та получала за убийства солдат.

Елене было шестнадцать, когда она оказалась на стадионе с троюродной сестрой. У нее, как и у всех членов ее семьи, была «могила», опухоль от двоюродной бабушки.

Сначала Марина хотела перенести свое тело в тело троюродной сестры, они вместе легли в могилу, но перенос не получился.

Марина открыла черный ящик с растяжителем времени, сделала так, что ее сестра забеременела от одного солдата, а потом съела ее зародыш после выкидыша. Так делали все члены ее семьи — ели детей сестер и братьев. Елена, конечно, ничего не помнила.

Марина в могиле сначала убила невинного младенца от солдата, убила его автоматами, чтобы унаследовать бабушкин бизнес, а потом старого заслуженного солдата, сначала сделав его безногим инвалидом, а Елена сделала фото и видео этого преступления, сохранив доказательства в могиле своего отца, но потом выпив «забвения» и все забыв...

Так Марина Шайн стала контрабандисткой...

Слава троюродной сестры не давала Марине покоя — Елена была красивой и высокой, заграницей она стала популярной манекенщицей. В одной стране сестры не уживались. И Марина тоже решила стать известной медийной личностью — она решила стать певицей...

Мать Марины Шайн убили солдаты, повесили на дерево, пытали, насиловали... Жестоко линчевали и пригласили бабушку Марины смотреть на мертвую дочь... Она обнаружила труп дочери в своем дворе, как раз держа за руку пятилетнюю Марину...

Именно Владимир Нагорбов сказал ее бабушке, что можно не задумываться о величине поставок, все равно «плащ» поставят, зная, как это наказуемо. А конкуренцию среди контрабандистов никто не отменял!

Умные контрабандисты решили быстренько скинуть на Эдама всю свою контрабанду по такому случаю... И Владимир, и Марина... И Спенсермэны решили последовать их примеру... На Эдама, и Элен... Кого земля принимает! И пошли собирать доказательства против них, чтобы не прикопаться... Осталось только судью найти...

У нас одна контрабандистка калашниковых Марина все по колдуньям бегает... Далила гербарии собирает... Владимир все отмаливается... А Никита с дочерью все «левачат» и за рамки разумного выходят...

Часть 5. Религиозная миссия. Питер-2005

Осень 2005

Я приходила в себя после «бегунов». Мою травлю прекратили только потому, что остановились гейзеры и закрылся кусочек солнца... Я страшно похудела. Говорили, что от меня осталась одна тень... Но все вокруг вели себя как ни в чем не бывало, только маты мне не говорили. Многие думали, что я забыла те полгода, мне стерли память, и так было легче вернуться к прежней жизни... Когда все вокруг думали, что я ничего не помню...

В американском центре рассказывали, что горбатый Джейк также встречался с Сулгвин и что у них все серьезно... Мне говорили, что Морген и Эдам уехали рожать в Америку и больше в Россию не вернуться. Что они собирались продолжать религиозные миссии по миру. На самом деле они также жили на съемной квартире на Ставропольской.

На третьем курсе в моей жизни появились горбуны — парень подружки, однокурсница... В мою параллельную группу перевелась новая девушка. У ее брата тоже был горб, как и у ее отца... Ксюша говорила, что она в маму, с ровной спиной, а брат в папу. Горбунья писала красивые стихи. Если бы я была мужчиной, я бы тоже в нее влюбилась...

Ясю летом американцы даже крестили, и она стала баптисткой. Она также ходила на американские встречи и читала с ними Библию.

Чтобы прикрыть проделку Шерил, американцы придумали, что русские играли в рулетку — растворяли в чашках слепоту, опухоли и инфаркты, потом пили что придется, это делали «смертники», «козлята», кого продали родители... Американцы нас и убивали, растворяли слепоту и инсульты, как мне, и дружили с нами, и помогали нам... В Африке ребенка убили раковой таблеткой, здесь слепоту мне растворили, в Литве девочку убили инсультами. Американцы борзеют на глазах. Такие смелые стали. Мы для них как страны третьего мира.

Райли Щопенгаузер горел в собственной машине. Эдам подстроил аварию... Райли давал против него показания... У него осталось двадцать пять процентов кожи. Слава Богу, сохранили зрение... Сгорели мышцы... Райли сгорел так, что на человека перестал быть похож... Не поднималась одна рука... Ему предстояло множество пластических операций... Родители брали кредит, чтобы ему отчистили лицо... хотя бы вернули прежнее. Чтобы их Райли можно было узнать... У него осталась жена и двое детей. Когда его

отец выходил на пенсию, они купили дом с участком и стали все вместе там жить... Мышцы руки потом пришили, и рука стала двигаться... Но восстановили только лицо...

Лена Ситокова влюбилась в своего инструктора в спортклубе... Но он не обращал на нее внимание, и она очень страдала... Лену на третьем курсе родители устроили в общежитие, она съехала со съемных квартир — она была то очень богата, то бедна...

Когда я была на третьем курсе какой-то клон блондинки Саши «зати-кал», а клон-Саша умерла в канаве за городом через три года после того лагеря... Ее показания остались и противоречили остальным...

Надя Сафоронова всегда хорошо выглядела для своего возраста, с двенадцати лет практически не изменилась, отличалась богатырским здоровьем, колола орехи ногтями. Сидела на моих парах в университете... на лекциях... Ее уже обесплодили, сделали «каменным цветком» после неудачного аборта от миллионера, она могла теперь зачать, но не могла выносить ребенка.

Пару раз вечером поздней осенью в темноте Надя приходила под мой балкон и кричала, что убьет меня, показывала мышьяк в зубах и говорила, что выпьет мышьяк, если ее посадят в тюрьму.

— Я отложила деньги на киллера для тебя! Слышишь меня! На киллера! — я зашла в подъезд. — Два миллиона!

Дорогая я свидетельница...

Потом Надя приходила с новым адыгейцем, говорили, что Байсек уже уехал в Казахстан, но на самом деле он еще был в России, ждал моего признания. Казбек оставался в России, меня убивать, подчищать концы, его не отпускали из страны. Он хотел бросить меня под машину. Новый адыгеец, с которым приходила Надя, невысокий и немного полный, был наркоторговец.

— Он брат, теперь мой брат! Ты обещаешь, что убьешь ее!

— Да, убью, убью...

— Обещай!

— Да обещаю... — он отмахнулся от Нади, и они ушли...

Потом он сам пришел к моему подъезду:

— Ты давай показания... Это работорговля, там дети в рабстве, я на это не подписывался!

Приходила его мать под мой подъезд и тоже говорила: — Ты не бойся! Он вмешиваться не будет! Это работорговля! Ты давай показания...

Но больше он не приходил, потом появилась его мать:

— Он покончил с собой в тюрьме, порезал вены ключом... Надька дала против него показания... Подставила его...

А обо мне у американцев говорил Майкл: — Арине достаточно нарастить свою кровожадность, чтобы начать убивать. Знаешь, как она может убивать.

— Только, по-моему, она не собирается ее наращивать. У нее дома кошка...

— Тогда Арину, главное, каждые десять лет держать в психушке... Как свидетельницу... И так ее показания никогда не примут.

Поездка в поезде. Игра слов

— Оо, а ты действительно учишься на информатике, — Шерил проверила мою зачетку. — Прямо как жена Джейка.

— Шерил, ты думаешь. Арина стала бы подделывать зачетку, чтобы выгнать, как жена Джейк а? — Саша Янченко даже рассмеялся. С учетом того, как вели себя русские девушки, Шерил уже ничему бы не удивлялась...

На американских встречах Саша Янченко сказал мне:

— Вот и третий Джаспер появился. Он «блин», — у него было немного приплюснутое лицо. — Он пока еще не выучил, кто есть кто. Плохо вчера спал. Элен для него писала подробные комментарии. Он какой-то шериф в Америке. — Джасперы отличались ушами...

Зимой 2005 года американцы собирались в религиозную поездку в Питер на миссионерскую встречу верующих. Я почему-то думала, что это будет как лагерь лидерства. И тоже решила поехать, меня не отговаривали. Поездка была как раз на каникулах после моей сессии, в конце января-начале февраля. Мы уезжали двадцать четвертого января и возвращались пятого февраля. В питерском пансионате тоже растягивали время.

С нами поехала и Оля Горбатова. Из американцев не поехали полицейские Андрэа с Эдамом Взном, Джаспер и Кейти, которую сейчас все называли Китти.

Саша Янченко говорил, что в Питере что-то закрутится. И меня, конечно же, туда отправляли...

— Это миссионерская поездка, — сказал мне Аня с американских встреч первого курса. — А не просто экскурсия по Питеру. Арина, тебе лучше не ездить по протестантским поездкам! Ты сильная хранительница, — я тогда еще плохо представляла, что такое миссионерская поездка. Она училась на филологии, у нее был пухленький младший брат Антон. Аня не смогла поехать, хотя собиралась, ее брата кто-то ударил по голове, и она осталась с ним в Краснодаре. С нами поехала и старшая сестра Иры Штоляровой Наташа. С Ирой они были очень похожи, но Наташа была выше и крупнее. У Наташи тоже были короткие светлые волосы по плечи, у них с Ирой было как будто одно лицо на двоих — так были похожи их лица — маленькие глаза, носы и рты без бровей. Наташа собиралась замуж и часто писала жениху эсэмэски.

Я ехала в одном купе с Брэндой, мы играли в карты, я часто читала. Мне даже разрешили взять с собой фотоаппарат, который я выиграла, и делать фотографии, и купить обязательно крупнозерновую короткую пленку на двадцать четыре кадра. Этот пластмассовый фотик я выиграла — собирала этикетки от маленьких пластиковых бутылок с водой, насобирала двадцать этикеток и получила за это фуфлыжный пластмассовый фотоаппарат. Но он, к всеобщему удивлению фотографировал, механизм был тот. Меня с пластмассовым фотиком и крупнозерновой пленкой опять отправляли в осиное гнездо мафии, и вся полиция молилась, чтобы мой фотоаппарат не сломался в питерские морозы... У меня с лета крутилась слепота, я как раз хорошо подходила на роль хранителя фотографий — если бы я ослепла, все фотки скорее всего бы выбросили... Все фотки хранили у слепого...

Я пришла ко двору у американцев, под меня им медики скручивали и кровожадность, и давали успокаивающие...

Из русских знакомых ехали Яся с Сашей Янченко, сестры Штокаревы... Мы ехали поездом туда и обратно и шесть дней жили в пансионате за городом... Главным по поездке назначили Дэвиса. Американцы также частично оплачивали эту поездку, мы доплачивали по три с половиной тысячи и брали деньги с собой на мелкие расходы. В пансионате должны были кормить...

Мы ехали в плацкарте. Я была в «комнате» вместе с Брэндой и двумя незнакомыми мальчиками. Яся ехала в соседней. В поезде мы вечерами играли в игры, карты, «уно»... Было много новых людей, и мы мало знакомились.

Один раз вечером мы играли вместе с Наташей и Ирой Штолярowymi. Игру предложила Наташа — она была заводилой и объясняла правила:

— Каждый по кругу говорит какое-то слово, а следующий должен был повторить все предыдущие слова и сказать какое-то новое слово. Например, свет-омлет-диета... Выиграет тот, кто назовет все слова до и не ошибется... — она жестикулировала, когда объясняла... Начали с нее:

— Стол...

— Стол — цветы;

— Стол — цветы — табурет, — сказала Ира Штолярова;

— Стол — цветы — табурет — шкаф;

— Стол — цветы — табурет — шкаф — кошка;

— Стол — цветы — табурет — шкаф — кошка — игра...

Было игроков восемь. Прошло несколько кругов, и все уже путались: — Стол — цветы — табурет — шкаф — кошка — игра — осьминог — конфета — мама — ладонь — Гитлер (даже разрешали имена собственные) — капут (ха-ха-ха!) — Тициан — дом — книга — волосы...

Каждый, кто ошибался — выбывал... Я называла легкие слова и выбирала главные, хорошо запоминающиеся — Гитлер, Тициан... И нанизывала на них остальные... Вспоминала свои слова...

– Так, пятый круг, все, сейчас начнут выбывать, ошибаться... – Наташа как будто скомандовала, что этот круг последний, память на исходе.. Стали ошибаться один за одним... Теперь выбывали быстро...

– Ну все, я не знаю, – сказала Ира Штолярова улыбаясь... Она уже ошиблась... И посмотрела на Наташу...

Наташа хорошо запоминала слова, осталась одной из последних... Слова повторяла я, потом Наташа. Я запоминала, как последовательность слов, именно последовательность...

Я повторила почти все, но пропустила часть слов... Наташа начала называть слова, назвала все... Она смогла восстановить достаточно длинную последовательность слов... Из моей памяти выпала цепочка слов, а Наташа назвала табурет стулом упростив...

– Вот кто как запоминает слова? – спросила она.

Какой-то парень усмехнулся и отмахнулся от нее... – Да какой там запомнить!

– Я запоминаю как последовательность, – ответила я...

– А надо строить визуальные ассоциации. Стол, на столе цветы, сверху табурет, сбоку шкаф! Все представлять визуально! – говоря это, она жестукировала, как будто нагромождала один объект на другой.

Я запоминала как словарь – последовательность слов, а она строила визуальные ассоциации. В этом она и ошиблась, она назвала стул, а был табурет, потому что она это представляла... Как комнату с предметами... В визуальных ассоциациях появляется лишняя информация, кошка, например, черная, появляются краски, представляешь цветы, например, в вазе или без...

– В этой игре победила Арина! – сказала Наташа. – Писатель.

Я почему-то совсем не чувствовала себя победителем. И удивилась своей победе – я ведь ошиблась и пропустила часть слов... Но мне было все равно...

Все знали, что после свадьбы Наташа выпьет раковую опухоль.

После игры мы разошлись спать...

Пансионат

*Здесь птицы не поют,
Деревья не растут,
И только мы, к плечу плечо
Врастаем в землю тут.*
Песня Б. Окуджавы «Мы за ценой
не постоим»

Я плохо запомнила и пансионат за Питером, в котором мы жили... По моему, он назывался «Чайка» или как-то похоже, длинным именем какой-то птицы на «г». Он был в нескольких остановках на электричке от самого Питера. Это был небольшое двухэтажное длинное строение типа санатория, с большим концертным залом, большой столовой. Вещей мы брали мало, ехали ненадолго... На улице было холодно, везде лежал снег...

В пансионате было много новых лиц — сюда приехали со всех концов России, здесь собрались из разных городов. Днем мы приехали, вечером разошлись по своим комнатам. Я жила в комнате на втором этаже с двумя незнакомыми девочками, за время поездки мы так и не подружились. Одна блондинка в очках с широким лицом, вторая выше меня с темными короткими волосами. Потом одну девочку отселили, а другую подселили вместо нее. Иногда с нами вместо девочки ночевал светловолосый мальчик. В мою комнату селили то тех, то других... Американцы были как будто мне уже не рады. Поездка была религиозной. И неверующая я чувствовала себя там лишней...

Мы разговаривали по комнатам, утром и вечером собирались в большом конференц-зале на общие встречи, в первый день нам раздали голубенькие листовки на шероховатой бумаге с анекдотами. Я прочитала в листовке: «На уроке: — В русском языке два отрицания: Я ничего не хочу. В английском одно — I don't want anything. Но нет ни одного языка, в котором два утверждения означали бы отрицание. — Голос с задней парты: — Да, конечно!»

Столики в столовой были пластиковые, круглые, концертный зал старый, с пыльными бордовыми креслами...

Через черную дыру появился один из Келвинов Спенсермэнов с замороженной головой кошки Нади, которую они отрубили в июле 2003 года. Они все смеялись, как она рассказывала за несколько дней до смерти о всеобщей любви и прощении и просила Владимира не убивать солдат на перестрелках...

Спас на Крови

В первый день мы втроем, Саша, Яся и я, отпросились у Дэвиса погулять в Питер. Мы сели на электричку до Питера. Пансионат был в сорока минутах езды от центра.

Питер был красивый и заснеженный. Мы шли по Невскому Проспекту и заходили во все достопримечательности по дороге, храмы, музеи. Было солнечно, и погода располагала к прогулкам.

А в это время в пансионате расчленили какого-то полицейского, когда бы его убили окончательно, мы смогли бы вернуться... «Саша Янченко» ждал какого-то знака от своих, что можно возвращаться...

И весь день мы смотрели достопримечательности вдоль Невского проспекта. Это называлось галопом по Европам. За сутки мы побывали частично в музеях, пофоткались на фоне храма Спаса на Крови, погуляли внутри, посмотрели Исаакиевский собор, немного прогулялись дальше по проспекту.

Большую часть времени мы ходили по Русскому музею, где встретили Марину Ковач и Иру Штолярову с каким-то молодым человеком в одном из залов. Они тоже на бегу смотрел картины. Мне показалось, что у билетера я увидела девушку, очень похожую на себя в синем вязаном свитере, которая что-то ему отдавала...

Я зашла в храм Спас на Крови, который мне напоминал храм Василия Блаженного в Москве, посмотреть храм изнутри, его иконы, алтарь, может, поставит свечку. Мне кто-то крикнул спуститься в подвал, я подумала, что кто-то знакомый...

— Эй, Арина! Держи коробку, — по-моему, Владимир Нагорбов передал мне коробку с автоматами. — Подними наверх... — В подвале был еще голос Эдама. Я отнесла коробку к выходу из храма, ее спрятали в каком-то закутке за занавеской. Я вышла.

Нагорбова я хорошо знаю. Я, можно сказать, с трех лет свидетель некоторых его преступлений.

Храм Спаса на Крови сейчас был основным складом контрабанды оружия Владимира Нагорбова, автоматы Калашникова здесь хранили и отправляли через порты за границу. Какая котовасия творится в этих прибрежных городах!

На самом деле Сашу Янченко сегодня играл полицейский, который два года назад был Джейком. А настоящий Саша все это время был в пансионате... Они поменялись уже вечером до электрички...

— Здесь Эдам со своими недавно бегал, перестрелку устраивал, — «Саша» показал на угол одного дома на Невском.

— Мы с родителями уже гуляли по Питеру. Отец возил меня в Питер в десять, — рассказывал нам «Саша Янченко». Иногда клоны могли рассказывать нам истории из своей жизни, а потом передавать их своим персонажам, перемешивая с ним. Сашин клон Леша неплохо ориентировался в городе, вечером обычно сам Саша Янченко читал туристические справки, чтобы рассказывать нам о достопримечательностях и создавать ощущение собственного превосходства. Он это любил!

Леша Верховоз был сыном судьи, который открыто выступал против Спенсермэнов, поднимал против них восстания. И нелюбовь к Спенсермэнам передалась ему по наследству. Он был «ежом». Его отца убили — он продавал материальные блага, закрыл месторождение изумрудов, сохранив при этом крупные уникальные драгоценные камни. Закрыть месторождение ему тоже посоветовали по наводке Спенсермэнов, зная, чем это для него закончится. Месторождение бы все равно закрыли, просто искали дурака, который это подпишет. Скорее всего бы закрыли. Спенсермэны

оплачивали дом, в который переехал судья и в котором жил после продажи месторождений, и регулярно выписывали ему крупные суммы из своего кошелька. Спенсермэны его просто купили... Через два года после смерти отца убили мать Леши Верховоза по наводке Далилы, и в четырнадцатый он оказался в детдоме. Сейчас так часто поступали с детьми полицейских. Через два года его забрали свои, полицейские, и с тех пор он служил в полиции... В двадцать один попал в группу американцев, где стал прописанным клоном и где познакомился со своими свидетелями, к которым приставился. Он мечтал отмыться от позора отца и вернуть проданные после кражи редкого желтого топаза месторождения. Говорили, что он будет одним из основных противников Спенсермэнов, потомственный враг Спенсермэнов. Он был приставлен к этим американцам и их свидетелям — Ясе, Яне, которой было уже девять, мне, Саше Янченко, Ире Штоляровой и т. д.

— Все, можно возвращаться! — Саше-Леше дали знак, что пятки закончились и можно возвращаться...

Напоследок, мы дошли до Адмиралтейства, посмотрели фигуру Медного всадника и отправились на электричку. Кунсткамера в пять уже закрывалась, и мы туда не успели. В конце «похода» перед электричкой мы перекусили в светлом кафе пиццей и соком в пластиковых белых стаканчиках...

Около электрички Саши поменялись. К нам присоединился настоящий Саша Янченко, а его клон быстро поехал в пансионат на машине пить таблетку и становиться Дэвисом.

От электрички до пансионата мы шли пешком, было недалеко. К вечеру мы вернулись в пансионат.

— Вы приехали в миссионерскую поездку, и вас не было весь день. Я думал, вы уедете на пару часов и вернетесь к обеду, но вы уехали на целый день. Вы пропустили две религиозные встречи. Вы будете наказаны, и вам запрещено покидать пансионат до конца миссионерской поездки, может быть, в последний день, — Дэвиса тоже уже играл полицейский Леша Верховлаз. Он уже успел переодеться и выпить таблетку — быстро он!

Нам запретили покидать пансионат. Я была в шоке. Как нам могли запретить покидать пансионат — мы свободные люди! Но лучше было не спорить.

Вечером я познакомилась с невысоким темноволосым американцем в очках, которому сказала, что учу немецкий. Он спросил: — *Wie gehts?*¹ — но я не поняла что, и не смогла ответить. Он как раз искал богатую русскую девушку-брюнетку, изучающую немецкий, которая должна была стать его партнером-спонсором и была его сводной сестрой, когда-то похищенной и кем-то усыновленной. Но это была не я. Он тоже оказался

¹ Как дела? (немец)

преступным авторитетом и на самом деле был немцем, голубоглазым блондином, ищущим сестру.

Поездом приехал из Владивостока Саша Сколов и тогда уехал Саша Янченко — в том пансионате должен был быть только один «медведь»...

На следующий день все вокруг читали Библии. И тут я пожалела, что вообще поехала — это была именно миссионерская поездка, а не прогулка по Питеру. Не было интересно и весело... Но американцы были в принципе правы, миссионеры оплачивали эту поездку, и надо было соблюдать их правила. Куда-нибудь еще ехать с ними я зареклась!

Американцы не разрешили мне оставить открытки-закладки, которые я купила в Русском музее, сказали, у меня не должно было остаться воспоминаний в памяти.

Утром и вечером были молитвы, и тут я совсем пожалела, что вообще поехала. Мне дали маленькую Библию с прозрачными страничками и мелким шрифтом в тонкой синей дерматиновой обложке (все Библии протестантом были в принципе похожи). Все вокруг говорили о Христе и религии и только о Христе, читали любимые места, и я в принципе отличалась. И меня часто спрашивали, хочу ли я принять Бога и поменять религию. «Куда я попала!» — думала я... Мы уже жили в пансионате, но непонятно откуда появившаяся Морген говорила мне, что я еще ехала в поезде, американцы скручивали и растягивали время...

Один из полицейских показывал мне электронного таракана с прослушкой, его пускали в комнаты американцев, чтобы знать, о чем они говорят. Параллельно проходили перестрелки между полицейскими и контрабандистами. Во время перестрелок мы закрывались в комнате...

Открыли черную дыру, и кто-то шпионил за Нагорбовым и его поставщиками...

Саша Сколов сидел в своей комнате и говорил нам: — Кто-то шпионит за нами, но это не я. Какие-то девчонки! — Они ходили по широким карнизам к комнате Нагорбова и делали аудио и видеозаписи разговоров Нагорбова с его посетителями. Потом их вывели на улицу, приставляли к голове пистолеты и требовали записи обратно. Мимо ходил какой-то генерал с ногами петуха и показывал фокусы, творил чудеса... Мы смотрели за ними из окон номеров...

У нас было только шесть дней, и мы проживали их снова и снова в разных ролях, сначала миссионеры, а потом...

История Георгия Семеновича Зайцева

Георгий Семенович Зайцев был полицейским. Это был мужчина среднего роста тридцати пяти лет, еще молодой, невысокий, с плоским круглым лицом и прозрачными большими глазами, которые периодически зарастали бельмами и он делал операции. Его мать была проституткой, долго принимала мужчин, поэтому у Георгия Семеновича была заячья губа, и он носил усы, которые ее маскировали. От кого она его родила – неизвестно... Его мать долго жила с ним, в старости ослепла, и Георгий Семенович сам растворил ей опухоль... Он женился на основной и практически единственной свидетельнице против Нагорбова. Его жена была младше. Ей было пятнадцать, когда Нагорбов напал на ее детдом, убил и съел при ней пятнадцать человек, ее друзей по детдому. Она тут же дала показания, и Зайцев на ней женился. Первое, что он сделал – ей сына. И заставил дать показания. Она родила в семнадцать, но Георгию Семеновичу не было суждено его воспитать. Еще из роддома его украл Владимир Нагорбов и отдал в рабство в Казахстан... Тогда супруги Зайцевы взяли приемного ребенка от умерших знакомых-полицейских и стали воспитывать его как своего...

Так что Нагорбов был его личным врагом. Его сын рос в рабстве. Его жена почти никогда не забирала свои заявления. Георгий Семенович занимался всеми свидетелями по Нагорбову и, говорят, в своем деле был одним из лучших...

Зайцев в своем роде был не так плох. Он был «генеральским первого рода», каким-то отчаянным и фанатичным, наверное, только такие чего-то добиваются с контрабандистами... Он нравился и преступникам, и полицейским. Его предпочитали многим другим. Он занимался американцами уже несколько лет. И нравился всем!

– Я хочу, чтобы глядя на него, ты думала о нашем сыне, каким он может вырасти! – говорил Эдам Морген... Она ведь тоже была проституткой...

Все в твоих руках...

*Сделай первый шаг
Будь же посмелей сейчас
Послушай...*

Песня А. Варум, Л. Агутин «Всё в твоих руках»

В то утро две девушки сели за мой столик в столовой, где уже сидели пару полицейских. Одна невысокая блондинка, известная фигуристка Анна Новак, а другая, ее подруга, высокая брюнетка, дочка судьи, юрист... У этой фигуристки ноги луженые, а дышалка нет. Они мило щебетали между собой, много смеялись и даже познакомились с нами. Я вкратце рассказала о себе: — С факультета информатики...

Девушки мало мной заинтересовались — они были здесь на концерте... Они приходили сюда через черную дыру из весны... Каждый раз приходили из недалекого будущего...

Как говорил один из друзей Нагорбова, с тех пор, как он убил того мальчика с чистым разумом, он стал невменяемым, то помнил свою жизнь, то нет. Он часто даже не помнил, как его зовут... Неделями не понимал, кто он. До этого он был практически нормальным человеком, адекватным собеседником... — Вот до чего доводит «чистый разум», — говорили они между собой.

Его дочь Ариадна уже несколько лет как умерла от рака, и он то помнил это, то нет... Он иногда называл меня дочерью, ее тоже сокращенно звали Аришей...

Нагорбов на концерт пригласил своего поставщика, у которого он покупал автоматы... Ему нравилось сложное пение, его мать долго работала в театре... Нагорбов любил романтические и любовные истории. Он договаривался со своими поставщиками от производителя, утечка шла на уровне Минобороны России.

Все напряженно ждали...

Среди зрителей сидел Нагорбов и внимательно слушал концерт. Некоторые из миссионеров переодевались в русские народные костюмы и шли на сцену выступать. Например, моя соседка по комнате Наташа. Правда, соседи по комнате часто менялись. Наташа похоронила на войне старшего брата. Тоже так убили, своими автоматами, из контрабанды... Меня тоже отправили на сцену — у меня очень низкий голос для женщины и хорошее дыхание, жабры. Меня поставили в хоре с правого края у басов. Песня была сложная, на хорошее дыхание, рассчитанная на профессионалов. Все пели заунывными голосами на просторечном говоре, кто-то постукивал, отбивая себе ритм ногой...

Что ты хошь, да что ты хошь...

Лучше мэнэ не найдешь...

Ты рота не разевай,

Мэнэ сразу выбирай...

Нам с тобою по пути,

Лучше мэнэ не найди!

И в песне был зашифрован пролив Мордвинова, за который сейчас шла борьба. Красавица-фигуристка тоже пела в хоре — мы повторяли од-

ну и ту же песню несколько раз. Потом танцевали танцоры тоже народные танцы...

Сначала появился кто-то в маске президента. Спенсермэны поговорили между собой и решили, что утечка не может быть на уровне президента, где-то ниже...

Кто-то из Спенсермэнов учил наши звания военных, чтобы понять на каком уровне появился предатель, сбывающий автоматы Нагорбову.

Я должна была ослепнуть, поэтому младший Спенсермэн проводил со мной время и был добр... Пока я слеpla, мне показывали всех шишек преступного мира и разрешали делать фотографии на мой фотик... Как говорили полицейские — пока слепнешь, все хорошо запоминаешь, потому что тебе покажут все, что не покажут другим...

Поставщиков пришлось ждать, они опаздывали. Наконец, под покровом ночи приехал только один бронированный черный джип. Вышел генерал с только одним телохранителем, которого играла его бухгалтер. Генерал всегда носил разные маски и в этот раз был с рыжей бородой — его ждал хороший куш...

Они стали слушать концерт вместе.

Спенсермэны решили, что генералов было два — он носил накладные губы, приклеивал их, а Спенсермэны с таким еще не сталкивались.

Генерал приехал со своей женщиной-бухгалтером, которая поддельвала для него отчеты для Минобороны. Бухгалтер была старой, но носила маску моей молоденькой соседки по комнате Наташи.

У генерала был сын и уже внуки, он был конечно моложав, невысок... Еще его отец занимал этот пост и осуществлял сделки с Нагорбовым... Контрабанда передалась ему по наследству... Назовем его генералом, хотя его звание было майор, потому что он был очень влиятельным...

Генерал поставил опыт в концертном зале — он поставил два автомата и оживил их, и они стали целоваться. Генерал смотрел очень внимательно. — Ну, сделке быть! — засмеялся он, наклонив голову к Нагорбову...

Генерал и Нагорбов долго договаривались по поводу цены, генерал хотел больше, чем обычно. Они долго спорили в сторонке... Но в дело вмешались Спенсермэны, цена поставок увеличилась, и сделка состоялась! Еще всех волновал какой-то новый дальнестрел с оптическим прицелом, который рассматривали мальчишки-Спенсермэны. Но генерал сказал, что это опытный образец, и пока его продавать рано... — В следующий раз, — сказал он, приторно улыбаясь.

Но не все было так просто — у генерала была дочь в рабстве, связь с которой держал Нагорбов. Если генерал подписывал очередную партию на десять лет вперед, он мог проводить время с дочерью, правда, потом он это плохо помнил... Еще мать Владимира учила его, что как бы он ни доверял своим поставщикам, всегда надо держать их за горло... И Владимир так и делал...

— Не так-то просто быть отцом! — говорил ему Нагорбов.

— Да, — отвечал генерал....

Дочь Нагорбова уже умерла, а дочь генерала была продана его собеседником в рабство. Они закончили переговоры как старые друзья, оставшись довольны друг другом. Они договорились о поставках на следующие десять лет.

Наташа рассказывала мне притчу, которую обычно рассказывали, когда проходили переговоры по поводу новых поставок калашниковых Нагорбову, когда поставщиком был этот генерал. Это была притча о старце, который держал в руках бабочку, и от его решения зависело, останется бабочка в живых или нет, раздавит он ее или нет своей рукой. В этот раз бабочка полетела... Сделка совершилась. Наташа играла и в театр теней — приезжала другие поставщики, но сделка с ними не состоялась — их автоматы не целовались.

— Нельзя быть прямым, как стрела, надо устраивать показательные выступления. Они должны за тебя сражаться, — сказал мне генерал и надел черные акриловые перчатки меня душить, но Георгий Семенович вовремя достал меня из его черного джипа.

Генерал и его бухгалтер говорили между собой:

— Все равно автоматы надо продавать. Так почему не нам? Чтобы сделать эти автоматы, конструктор совершил сделку с дьяволом, их надо продавать за границу...

Потом генерал ругался со своим бухгалтером, она требовала больше, чем обычно, а он отказывался ей заплатить, сколько она хочет. Они ругались так, что было слышно на весь первый этаж... Потом они уехали...

Девушка-брюнетка, подружка фигуристки тоже следила за Нагорбовым и этим генералом... Ей уже растворили раковую таблетку...

Потом приезжали другие машины, несколько картелей, отводя подорожную от этого позднего ночного визита...

В свете софитов

— Не волнуйся, милая, я с тобой.

— Вот этот-то меня и беспокоит...

Я возвращалась с прогулки, шла к пансионату. В руках у меня был мой пластиковый фотоаппарат. Уже смеркалось.

— Эй, у тебя фотик. Иди сюда, — позвал меня кто-то из пансионата. Я подумала, что это опять полицейский. Он взял мой фотик:

— Тут еще остались кадры?

— Да, много...

Он проверил.

— Около семнадцати... Давайте пройдем, тут недалеко... Мне будет нужен ваш фотик... тут два километра идти... Не так далеко... Эй, я нашел фотик!

И мы пошли втроем. Я, Георгий Семенович и «ежик» -полицейский Леша Верховоз, светловолосый, на полголовы выше меня. Он здесь играл роли и менял маски.

— Мы идем снимать убийство, — объяснил мне Леша. Дальше мы шли в основном молча. Это называется: «Пойдем, девочка, я покажу тебе... убийство».

Все больше темнело. И как будто теплело. Было странно, на улице зима, а тут почему-то тепло. — Это потому что здесь недалеко теплоэлектростанция, — объяснил Георгий Семенович. Можно было идти два километра, а можно было пройти через черную дыру... Но готовилось убийство, и мы торопились... Контрабандисты любили интересные места для встреч со своими поставщиками. В этот раз на термальных грязях.

Мы подошли к черной дыре, прошли через колыхающую материю и очутились около места преступления... Здесь было темно... Мы попали в весну — это преступление должно было состояться весной этого года... — Все, ложитесь, — тихо скомандовал нам Георгий Семенович, и мы легли прямо в грязь. На мне под шубой был красный фланелевый костюм, который я брала в 2003 году в лагерь. Прямо в костюме в грязь... Шубу сняли... Георгий Семенович взял бинокль, в котором видно в темноте, мой фотоаппарат взял Леша.

— Ты можешь ослепнуть, поэтому бинокля тебе нет... Сейчас нет лишнего... Такие бинокли наперечет...

— Вон Юрий Павлович тоже смотрит, — Георгий Семенович увидел какого-то важного полицейского в бинокль. Биноклей было два, у нас третий... Американцы закрыли покупку таких биноклей с ночным видением за пару дней до — их искали с собаками, за бинокли теперь отдавали жизни...

— Вот-вот, — шептал он нам. — Все, ложитесь, и будем ждать...

Все сидели напряженные, и было очень тихо... Можно было услышать, как муха жужжит над ухом...

Ждать пришлось долго... Лежа в грязи... Минут через сорок появилась темная крупная фигура Нагорбова и фигура высокой девушки с длинными волосами. Она что-то говорила ему, потом кричала...

— Давай поменьше говорить, лежи тихо, а то Георгий Семенович очень нервничает...

— Вот сейчас, — Георгий Семенович смотрел в бинокль и делал мах рукой вниз, когда делать кадр на мой пластиковый фотик, и в этот момент Леша делал, ничего не видя, кадр. — Сейчас, — опять говорил Георгий Семенович и опять делал жест рукой вниз, и Леша опять делал снимок и т. д. Так в темноте на мой фотик они сделали фотографии того убийства...

Нагорбов начал душить девушку. На нем были черные тканевые акриловые перчатки, которые потом можно было легко постирать... Девушка кричала, потом хрипела... Она согнулась и опустилась на колени... Какая-то другая девушка закричала, увидев это, и было слышно, как зашуршали камыши — та девушка убегала. Все произошло быстро... Нагорбов отволоч куда-то ее труп, и я была готова поспорить, что на следующий день появился ее клон, который продолжал жить ее жизнью — так проще заметались следы преступления и стирались его сроки...

Но снимали в полной темноте, на что ни мой фотик, ни пленка не были рассчитаны. Кадры получились просто черными... Только в какой-то серьезной лаборатории их могли сделать четче и рассмотреть, что там было сфотографировано.

Со всех сторон лежало много людей, многие делали снимки на фотки, даже цифровые, многие видели то убийство и делали снимки... Со всех сторон вспышки фотоаппаратов, кто-то даже делал видео. Нагорбов чувствовал себя настоящей звездой! Девушка умирала под вспышки фотоаппаратов.

Это была та брюнетка, дочка судьи. Ее подруга, известная фигуристка, тоже видела это убийство в бинокль...

На самом деле Георгию Семеновичу Эдам дал таблетку слепоты, он выпил ее, когда лег в грязь, и ослеп, и мог различать только дальние красные огни. Кто-то издавек с биноклем подавал ему сигналы. Он снимал те фотки в полной слепоте, смутно видя лишь красные точки, а ключевым словом для него была фраза, сказанная мне Лешей: — Арина, лежи тихо. — По снимку каждые пять секунд. Ровно семь фотографий...

Когда мы вернулись, мой костюм забрали стирать от той термальной грязи... Многие стирали одежду. Грязи были какие-то уникальные... Они забивали стиральные машинки, и те ломались — на первом этаже пансионата около термальных вод была прачечная. Несколько машинок сломалось тогда. Потом увезли испорченные стиральные машины и завезли партию новых — это оплатил Нагорбов.

На следующий день фигуристка одна села за мой столик. Она была сосредоточена, от прежней веселости не осталось и следа... Как будто она что-то забыла или потеряла... Или кого-то... Клон вчера убитой подруги уже писал ей эсэмэски.... Убийство подруги она уже забыла... Мы молча поели, и она уехала на гастроли...

Утром Георгий Семенович вернул мне фотик со словами: — Я сделал семь кадров, — и почесал затылок.

На следующий день многие отдали свои фотки с кадрами Нагорбову за большие деньги и купили себе забвение, чтобы ничего не помнить... И никогда не вспоминать... Их делала и отдала ему и моя соседка по комнате брюнетка Наташа. Он публично разбивал фотки камнями при полицейских. Нагорбова любили преступники...

Потом полицейские опять моделировали то убийство еще несколько раз с разными свидетелями уже сейчас, не переходя в будущее. Со мной моделировали еще один раз уже с биноклем у меня, бинокль тогда взял и Леша — он и делал снимки, и одновременно смотрел в бинокль. Теперь мы шли пешком до места преступления... Около часа...

— Теперь Нагорбова играет Геннадий Васильевич, — говорил мне Леша, когда мне в бинокль показывали это убийство... На моделировании уже царил непринужденная обстановка, все шутили, читали анекдоты. Пленку с убийством передали судье, отцу убитой девушки... И так он увидел будущее убийство своей дочери... Брюнетку убили весной в марте, а мы увидели это убийство еще в конце января...

Так я стала свидетелем еще одного убийства... Одним больше, одним меньше, как говорится...

— А девушка, которая закричала тогда, уже дает показания, — сказал мне Леша с укором. Она была дочерью какого-то полицейского и уже умерла от рака. Она долго лечилась от бесплодия, ей поставили «цифру» — она переспала с иностранцем, и он заразил ее серьезным венерическим, врачи лечить ее отказались, и она стала бесплодной... Она тут же стала встречаться с каким-то молодым полицейским. «Ну хоть последние годы проживет счастливо», — думала я.

Владимир заметил говорливую белку на ветке и стал ждать Никиту Кривогора. А Пескин, пресс-секретарь президента РФ, уже тайком от первой жены встречался с фигуристкой на лавочке у пансионата...

Эта фигуристка начала давать показания в 2014 году, вспомнив убийство подруги. На ней потом женился этот пресс-секретарь президента Пескин, чтобы укрепить ее в бесперспективной борьбе с контрабандистами калашниковых. Он кстати тоже бегал по этажам этих питерских пансионатов, как и министр обороны России, который даже переодевался уборщицей в нашем пансионате и работал в прачечной другого пансионата на грязях, нося прослушку в обветренных губах.

Пресс-секретарь Президента РФ закрыл в 2005 году Марине Шайн поставки калашниковых от Далилы, растворив семнадцатилетней дочери от первого брака раковую опухоль...

Елочки

Через черные дыры появились из Венесуэлы братья-наркоторговцы Хаюзовы, они активно сотрудничали со Спенсермэнами, были их бизнес-партнерами.

Старший брат Эдуард присматривал за младшим, у которого было раздвоение личности. Их мать Урсула вела работоторговлю маленькими детьми в Южной Америке, занималась контрабандой и сейчас подминала под себя и наркоторговлю. У нее было два сына Роберт и Эдуард. Оба высокие, худые... Младший был странным. С детства отличался — она загадала, что если она станет самой влиятельной женщиной Южной Америки, то отдаст младшего сына, чтобы «скрутить», уменьшить желание ее подчиненных убивать. И все это она «зашьет» в младшем сыне. А чтобы его желание убивать, собранное с тысяч человек, было менее заметно, чтобы ее младший сын мог как-то жить в этом мире, она раздвоит его, сделает второго Роберта, доброго, умного и милого, наивного, как ребенок, который не будет ничего помнить о проделках своего тезки, соседа по телу.

Итак, в теле Роберта жило два человека — один страшный, жуткий убийца, ничего не помнящий, кроме своих убийств, который был обязан убивать каждые две недели, желательно детей не старше двенадцати, а потом реже, пить кровь своих жертв, терзать их тела, потом мучиться, избивать себя плеткой, наказывать себя... А потом все забывать... И становиться другим человеком, добрым, смысленным и милым, любимцем всех вокруг... И так снова и снова... Второй Роберт верил, что его избивал старший брат за непослушание и что он все гонится и никак не может поймать страшного убийцу, который убивал и линчевал маленьких детей. А этим убийцей был он сам... Как это все напоминало классическую схему, уже реализованную в работоторговцах Казахстана Нагайновых Кейзеке и Халиме. Роберт все верил, что этот убийца его старший брат Эдуард и даже прикрывал его, заматывая следы и уничтожая мелкие доказательства, как и советовала их обожаемая маман. Частый Роберт поражал окружающих умением делать выводы, своим умом и начитанностью. Люди хорошо различали братьев и даже не могли представить, что убийца и его преследователь — это один и тот же человек. Эдуард присматривал за Робертом. В человеческом понимании это было очень сложно. У младшего брата была отличительная черта — шрам над верхней губой слева, немного обнажающий верхние зубы. Этот шрам нанесла ему сама мать в детстве, делая тот заговор, расщепляя его на двух разных людей и зашивая в нем желание убивать миллионы, тысячи точно! И возвышаясь над всеми вокруг и становясь их предводительницей.

И как только Урсула сделала разрез младшему сыну над губой, как только дала ему таблетку расщепления личности, она стала возвышаться над всеми преступниками Венесуэлы, а потом и Южной Америки и стала самой могущественной из них!

Братья отличались улыбкой, и улыбался только кровожадный Роберт, милашка был несмеяной.

Именно младшего брата видела Арина Симоненко в день вечеринки в пижамах в апреле 2003 и именно из-за него должна была ослепнуть...

Невысокая короткостриженная питерская судья за пятьдесят отправляла нас с Георгием Семеновичем шпионить за братьями из Венесуэлы

и смотреть на убийство очередного мальчика... Меня опять отправляли. Я, конечно, возмущалась:

— Если еще не умерла, то уже не умрешь! Там гейзеры! — сказала мне судья. Братья-венесуэльцы решили, что меня приняла земля.

Оракл подтвердил ей, что мы вернемся здоровыми и останемся в живых. Судья перекрестила нас напоследок: — Благословясь! — И мы пошли шпионить за братьями-венесуэльцами и наблюдать еще одно убийство... Сегодня Роберт должен был убить и съесть пухленького двенадцатилетнего мальчика. Если есть детей, то можно есть реже — один ребенок за двух взрослых идет... И так можно меньше убивать...

Роберт Хаюзов убивал только толстяков, потому что боролся за здоровый генофонд планеты и считал, что полные люди, дети в том числе, априори более больные.

Было очень темно, и мы различали только отдельные фигуры... Медленно шли почти в темноте по тропинкам пансионата, Георгий Семенович светил впереди неярким фонариком. Мы шли по палисаднику, остановились неподалеку от какой-то редкой елочки и стали ждать... Минут через двадцать мы увидели две фигуры братьев... Роберт нес мешок, у него в мешке был спящий мальчик... По-моему, мальчика звали Вовой Гришко... Они подошли к той самой елочке. Эдвард встал неподалеку, смотрел на брата... Нас видно было плохо, но братья могли бы нас рассмотреть... Мы присели, потом прилегли и спрятались... — Смотри, — сказал мне Георгий Семенович. У меня на шее висел бинокль с ночным видением...

Роберт-убийца был страшен, у него ходили желваки, он ходил, сцепив зубы, даже дрожал, так он хотел начать убивать. Казалось, он хотел уничтожить все живое, хотел растерзать все вокруг... Он ненавидел весь мир и никак не мог утолить свою жажду... смерти... Он еле сдерживался, чтобы не накинуться на родного брата...

К Роберту подошел старший брат и перекрестил его напоследок, достал икону.

— Именем бога нашего, Иисуса Христа! — сказал он громко и возвышенно. Роберт грубо вывалил мальчика из мешка... Тот понял, что это уже был его беспощадный убийца, а не милашка-интеллектуал... Мальчик выпал и ударился об асфальт. Они стояли под фонарем, но в округе никого не было...

Роберт взял лопату, и мальчик в последний раз посмотрел на своего убийцу, он лежал на асфальте. Возможно, ребенок был под успокоительными препаратами. Роберт подошел к нему с лопатой, он сейчас был очень жестоким и беспощадным, как хладнокровный робот-убийца, мальчик начал отползать и Роберт сначала перебил ему ноги лопатой... Все это время Эдвард громко читал молитву и держал икону над головой... Истинно верующие люди не убивают. Это убийство было тоже, как ритуальное... Мальчик начал кричать...

— Не смотри, — сказал мне Георгий Семенович...

И тут Роберт накинулся на ребенка с лопатой и начал с остервенением пить по нему лопатой. Главное, перебить ему артерию. Он ударил много раз — все сбились со счета... Потом он накинулся на ребенка и начал его есть.

— Теперь можешь смотреть...

В это время Эдвард что-то крикнул брату, типа «стой». Он подошел и проверил ребенку пульс. Тот был мертв... Он опять что-то сказал брату по-португальски уже более спокойно, типа «теперь можешь есть»... Роберт опять с жадностью накинулся на только что убитого мальчика, утоляя свою кровожадность; как шакал, гриф-падальщик, начал терзать его тело и стал пить его кровь, есть его мясо... Я вспомнила Спенсермэнов и «кошку» Надю... Он прикладывал губку к его артериям, наполнял ее кровью и пил с губки... Братья не хотели быть как вампиры.

Потом Роберт склонился над трупом мальчика и стал плакать. Завыл. Он упал на колени, повернулся на бок и свалился на землю... Он очень горько плакал, схватился за голову и начал выть...

Теперь к мальчику подошел Эдвард, он тоже стал через губку пить его кровь, но недолго... потом стал срезать его мясо и складывал в банку с раствором — он был с рюкзаком. Эдвард отрезал части его бедер — ребенок на самом деле был толстым... Эдвард любил повторять: — Хорошо убивать толстых детей — с них много мяса! — Но сам срезал только несколько кусков с бедер...

Затем Эдвард достал лопату и стал копать яму около недавно посаженной елочки, наверняка повредив ее корневую систему. Мальчика решили похоронить прямо под елочкой. Елка была редкая и голубая, во всем мире таких было не более трех. Эту ель лесники ни за что не разрешили бы спиливать или под ней искать трупы. Убийцы часто закапывали трупы под редкими елками, смотрели, покраснеет елка или нет. И были случаи, что ели краснели... Редкие ели никто спиливать не разрешал, это даже каралось уголовной ответственностью...

Роберт так и лежал на асфальте, схватившись за голову и воя, содрогаюсь от рыданий. Он хотел забыться... Брат вколол ему дозу — этот Роберт был наркоманом...

То убийство наблюдали в подзорную трубу и Морген с Эдамом — она была свидетелем многих преступлений Роберта. Георгий Семенович показал на их красную точку вдалеке...

— Все, уходим, — прошептал мне Георгий Семенович. Мы не стали досматривать все это до конца... Мы попятимся назад. Последнее, что я увидела, это как Эдвард с Робертом склонились над трупом ребенка и тащили его к недавно выкопанной яме...

Эдвард громко вскрикнул — он услышал треск кустов... Он стал что-то громко кричать по-португальски. «Есть ли здесь кто-то», наверное, спрашивал он у темноты... Ему никто ему не ответил... Мы замерли... Эдвард послушал тишину... Эдвард кинул мне вдогонку вшей... За нами не было

погони... Сначала мы долго пятились, а потом просто быстро и тихо пошли к пансионату. В других кустах это убийство в бинокль наблюдали Леша Верховоз и Ира Штолярова...

Вернувшись мы встретили судью, она все время ждала нас. Георгий Семенович сразу же пошел писать отчеты по увиденному, их сложили в сейф к судье...

Старший сын Эдвард сражался с матерью за власть. После событий в Питере Урсула решила поменять своим сыновьям имена, чтобы еще больше запутать полицейских. Теперь младшего звали Эдуард, а старшего Роберт, и раздвоение личности началось у старшего Роберта...

Мать Эдама

Мать Эдама тоже была проституткой, таких называют «чубчик кучерявый», у нее плохо росли волосы на лбу и макушке, из проституток, пропустивших через себя гарнизоны за разы, по сорок мужчин за неделю. Поэтому Эдаму было нормально жениться на проститутке, проститутка его родила, проститутка ему родит мальчиков... Все правильно...

Отец Эдама женился на его матери, когда у нее уже было два сына. Она опять начала изменять ему с партнерами, с друзьями. Не могла иначе. Он решил убить ее. Также иначе не мог. Эдаму было десять. Она на самом деле попала в аварию, но погибла на месте, ее было уже не спасти. Отец Эдама сам ее похоронил на семейном кладбище.

А для Эдама нашел клона матери, очень похожую по комплекции женщину, а пара пластических операций сделало сходство полным. Она и жила с мальчиками еще пять лет. Они на самом деле верили, что это их родная мама.

Когда Эдаму было пятнадцать, за неделю до его шестнадцатилетия, отец организовал аварию клона, «мать» «умерла» в больнице, а кости поменяли... Эдам потом нашел и убил врача, который ее «специально» не спас, замариновал его глаз, всегда хранил, возил с собой и иногда разговаривал с этим глазом представляя того врача...

И Эдам все думал, когда сделал эксгумацию останков матери, как же это возможно, что кости его матери были на пять лет старше, как ж она могла умереть на пять лет раньше... Или кто подделал ему экспертизу?

Перед смертью мать Эдама давала показания против братьев Хаюзовых. Она видела, как Роберт ел маленького мальчика, и у следователя, посмотрев на своего маленького сына Эдама, не могла молчать... Урсула имела к ее смерти непосредственное отношение. И Эдам, когда немного стал разбираться в жизни, поклялся при всех отомстить Урсуле и жениться

на той, кто будет давать против братьев Хаюзовых показания не смотря ни на что... И не будет от них отказываться...

И Морген, уже став проституткой, тоже видела убийство маленького мальчика младшим Хаюзовым и начала давать против него показания, как когда-то мать Эдама... Эдам это знал, помнил свою клятву и женился на ней... Эдам говорил, что если ему удастся с помощью Морген посадить кого-то из венесуэльских братьев, то он займет место Урсулы в криминальном мире... И Урсуле нагадали, что именно Морген будет той, из-за которой она потеряет свою власть... Эдам заставлял Морген давать показания против братьев, и она была практически единственной свидетельницей против них в мире...

А потом Эдам приехал в Россию, где стал святым козлом...

Эсэмэс

Парень из Владивостока, которого звали Сашей Сколовым, был внешне очень похож на Сашу Янченко, такой же высокий, худой, с похожими чертами лица. Когда Саша уезжал из Владивостока, его девушка уже была беременна, о беременности он не знал. Перед отъездом они поругались. «Умирать лучше одному», — думал Саша. Ему предсказали в этой поездке смерть, но он все равно не верил и надеялся... на свою неуловимость...

Саша сначала мне не верил... Считал, что я из прокуратуры... Однажды он открыл черную дыру на стене и ушел куда-то в лето. Через минуту он вернулся. — Я там Наташу встретил. Мы с ней так поговорили... Ты тоже была там... Я умру, говорит... — и он задумчивый ушел в свою комнату... Он иногда ставил на этой стене черную дыру и уходил куда-то в лето... А у нас была зима...

Саша шпионил за Нагорбовым и его поставщиками, в данный момент генералом, и делал аудиозаписи переговоров генерала с Нагорбовым, записал номер телефона того генерала для связи. Этот номер генерал использовал для разговоров с Нагорбовым и только с ним, его купил ему его подчиненный на имя генерала. Подчиненный не стал ничего покупать на свою фамилию. Генерал тогда похвалил себя, что смог купить номер телефона и не вызвать никаких подозрений. Именно этот номер он продиктовал Нагорбову в ту ночь в пансионате в пригороде Питера, и именно его тогда услышал Саша, подслушивая за ними, запомнил номер и тут же отправил эсэмэс матери-судье во Владивосток. Номер был ничем не примечательный, МТС 89188361911 абсолютно обычный, генерал якобы купил его для одного из своих внуков... Саша только успел отправить эсэмэс матери с номером того генерала, который являлся по-

ставщиков Нагорбова... Она, конечно же, была занята и не поняла смысл того эсэмэс...

Генерал с Нагорбовым использовал код, каждый раз при созвоне Нагорбов сначала произносил кодовое слово, а потом начинался разговор, и сейчас они договорились, что кодовым словом будет «лопата». В конце каждого разговора Нагорбов называл новое кодовое слово для следующего разговора.

Тогда из Питера во Владивосток было отправлено и получено важное эсэмэс. И теперь оно хранилось в базах данных двух номеров — в отправленных у Саши Сколова и в полученных у его матери-судьи...

Но Саша никогда не слал то эсэмэс... Саша следил за Нагорбовым, делал аудиозаписи разговоров и видел его главного поставщика... Но телефон переслал матери не он...

Ночью Георгий Семенович зашел за мной, у меня сработал будильник, и мы пошли шпионить за Нагорбовым. Он взял с собой телефонную трубку Саши... Он потащил меня в ту комнату подслушивать за «генералом-майором» и Нагорбовым... Конечно, он потащил именно меня! Кого же еще ему тащить! И с телефона Саши именно я тогда отправила то эсэмэс его матери, только одиннадцать цифр номера генерала для созвонов с Нагорбовым. Когда полицейский вошел в комнату, соседнюю к той, в которой договаривались Нагорбов и генерал, у Георгия Семеновича вдруг стали пропадать пальцы с рук, у него тут же стерся рот... чем ближе он подбирался к телефону, тем быстрее он терял пальцы, и его память постоянно стиралась. Так сделали американцы... В комнате сидела Морген, там поставили магнит, вихрь, цифры на телефоне не нажимались и не отправлялись... Георгий Семенович все усыхал, таял на глазах... Чем больше он старался дотянуться до телефона, тем больше он слабел... Он все пытался достать телефон, но каждый раз падал... Я на него скептически посмотрела, подошла к телефону и набрала цифры... У меня было противоядие, заговор 1997 года... Цифры набирала я... Только я могла тогда... Когда-то прабабушка поставила на меня «плащ», тому генералу отмолили тогда инцест на пятнадцать лет. Тот номер могла отправить только я, из семьи потомственных военных... — Надо дать солдатам шанс, — говорил подельник генерала тогда, давая разрешение на «руки», меня. Я была шансом солдат на жизнь. Поэтому это эсэмэс могла отправить только я... А мать и сын на самом деле использовали код и всегда писали друг другу веселье смайлики, всегда в сообщениях ставили знаки препинания... А я отправила ей только номер... Только одиннадцать цифр, начинающиеся с восьмерки. Как я обычно пишу, без плюс семь... На один знак меньше... Быстрее набирать, меньше дрожат руки... Меньше шансов сбиться... Без смайликов. Я равнодушно набрала цифры и отправила сообщение, нажав «enter»... И пошла спать... А Георгий Семено-

вич плакал в углу... И мать Саши знала, поняла, что это не сын... Скорее всего не он... Сообщение было доставлено. Утром проснулся Саша... Уже с телефоном... Ему быстро все внушили, что телефон отправил он... и Саша уже к вечеру следующего дня удалил его из памяти телефона, запомнив цифры навсегда и тут же все забыв... А в памяти сотового оператора остался тот номер... Надо все хранить в памяти... 89188361911 в памяти сотовых операторов... После той ночи Георгий Семенович стал как старик... Или из-за показаний против Урсулы... И этот номер навсегда связал продажного контрабандиста из Минобороны с перекупщиком калашниковых Нагорбовым...

Зуб за зуб

Стивен готовился к убийству, сидел согнувшись, задумавшись, опустив голову, что-то бубнил себе под нос и ждал правильный револьвер... В этот день ему привезли револьвер в коробочке, тяжелый, с длинным дулом, резной, какой-то старинный... Этот револьвер ему привезли из Дальнего Востока из вещдоков по делам, которые лежали в столе судьи, матери Саши Сколова. Револьвер доставили из хранилища, отдали свои — мать была в пушку... Она отдавала орудия убийства из вещдоков за большие взятки, и сына друга Стивена посадили за не его преступление на двадцать лет... Он не был виновен в этом преступлении, но все равно сел из-за этой судьбы...

Она подделывала вещдоки.

Судьи, понимая, как все бесперспективно, начинают лавировать, доваживаться с преступниками, а потом втягиваются. И переходят все границы разумного, так что их детей не жалко...

В совершеннолетие Саша Сколов получил записку от вампиров, что смерть его настанет, когда запоет тетерев, появится на опушке белый заяц, и кукушка прокукует трижды. И все это произойдет в три дня, не больше...

В первые дни в Питере ему передала помощница прокурора полицейский факс, и из будущего от себя он получил небольшой список — это был список поставщиков оружия из Минобороны. И решили они отправить тот список по факсу... И отправляли в ЗАТО подальше... И решили в Лиан, но не было уже Лиана. Тогда решили в Северск, Томск-7. И отправили туда вечером... Все факсы из ЗАТО попадали в районный центр. И для Северска это был Томск.

И пропел тетерев и подошел прямо к пансионату...

И появился белый заяц на опушке...

И прокуковала кукушка у окна Саши Сколова... И пробил его час... И знал это Стивен... И готовил свой револьвер...

Стивен — американец из новых, некраснодарский, я его в Питере увидела впервые...

Нагорбов получил от себя сообщение из будущего, что Сашу Сколова надо непременно убить, и настаивал на его незамедлительной смерти. Саша доставлял американцам слишком много проблем, со своим эсэмэс, например. И убить Сашу должен был именно Стивен.

Когда Саша ехал в Питер, он вез с собой оберег — зуб единорога — и был уверен, что с ним ничего не случится. Саша знал, что здесь будет заварушка. Но на этот оберег у Стивена был свой — зуб дракона. Саша не знал, что на каждый оберег есть обратный, как противоядие. — Они такие... когда верят в свою неуязвимость, — говорил Стивен... Самоуверенный Саша часто в своей комнате устраивал собрания и мозговые штурмы, что дальше будем делать. Он был убежден, что мать его продала и ему должны были растворить раковую опухоль, а он и не должен был родиться — она была бесплодной... Ей колдунья дала таблетку, и она смогла зачать...

Саша Сколов был заговоренный, его заговорили вампиры, но его убийца пришел из времен, когда вампиров убивали сотнями. И заговор спал... Перед смертью Саша очень паниковал, искал выход, которого не было. — Умри как мужчина, — напоследок сказал ему Стивен, готовясь его убить...

Эдам говорил, что Стивен восстал из могилы недавно. И чтобы «закрепиться» на земле, он через черную дыру вернулся в 2004 год и вместо Эдама убил и закопал в пустыне в Америке пару, дочь оружейника и сына наркобарона. Арина слышала, что их убили в 2003 году, но американцы постоянно путали даты. Эдам со Стивеном были внешне похожи — примерно одного роста, только Стивен внешне старше, седой, плюгавый, с седой небольшой бородкой и опущенным носом крючком... Эдам сделал ему документы с 1960 годом рождения.

Эдам говорил, что восставшие из могил, более жестоки и кровожадны.

В ночь перед убийством Стивен много молился у себя в комнате...

...Я стояла в коридоре на первом этаже с девушкой-полицейским, когда увидела в дверях у выхода из пансионата Стивена — он стоял боком ко мне и не видел меня... Он громко и горячо спорил с высоким Сашей Сколовым и был ему по плечо. Сашу я видела плохо, он стоял дальше в проходе. Стивен кричал на него из-за эсэмэс и какого-то списка. Вдруг Стивен достал револьвер с глушителем и выстрелил ему в грудь — Стивен был на голову ниже и стрелял ровно. Парень громко упал... Я быстро поднялась в свою комнату. Стивен был в серо-черном свитере крупной вязки с молнией на воротнике, которая была открыта, и джинсах... В этот вечер из комнаты я больше не выходила...

Это же убийство, но со стороны улицы видела молоденькая девушка Вика Шелковая из Краснодара, она играла с друзьями в снежки, повернула голову, когда услышала выстрел, подумала, что это просто громкий хлопок, увидела, как крупная фигура обмякла в дверях, Стивен подхватил ее и занес в пансионат. Она получила свои свидетельские показания, в этот же вечер уехала в Краснодар...

Вика Шелковая выйдет замуж за полицейского, будет то давать свои показания против Стивена, то забирать их за успокоительные препараты для мужа, чтобы он не бился головой за стенку...

Полицейские еще несколько раз моделировали убийство Саши Сколова и набирали свидетелей. При одном моделировании Стивен увидел девушку в синем вязаном свитере, «полицейскую», загримированную под меня и бросился за ней... Синий свитер, вязаный косами — как кольчуга против вампиров, в которую верил Стивен. Все свидетели были заговоренными, других не отправляют, и я в том числе.

На следующее утро в столовой парень, которого убили вчера, сел за мой столик. Но это был уже не он, а его клон, загримированный под него полицейский. Он продолжал теперь жить жизнью того Саши Сколова, собирался вернуться во Владивосток — говорили, убитый собирал много компромата на американцев...

— Его труп полицейские отвезли и бросили в колодец... — говорил сидя за столом со мной какой-то полицейский. — Все уже, сработали... Сегодня утром вернулись... Они бросили его лицом вниз и сломали череп...

За столом у Стивена было очень оживленно и громко, он много смеялся и кричал — сегодня это был самый громкий столик.

— За нас всю грязную работу делают полицейские, — говорил Эдам, и американцы смеялись...

После убийства американцы стали много смеяться и веселиться, чтобы развеселить Стивена, разрядить обстановку...

— Знаешь, прошлые, — Эдам восставших называл прошлыми. — Прошлые легче нажимают курок, но потом больше переживают... А наши наоборот, тяжелее стреляют, но потом меньше переживают... Это потому что он жил во времена вампиров, когда людей массово ели. И убить для него — как приравняться к вампирам... Он ведь до конца дней будет этого Сашу помнить и корить себя... Наши редко так себя корят...

Потом мы делали последнюю фотографию со Стивеном на мой пластиковый фотик.

— Арина, это я, — говорил мне Володя, клон убитого вчера парня, он был мужем Нади, женщины-полицейского, которая сейчас играла Ясю... — А я Маша, — сказала мне невысокая девушка, которая когда-то была клоном убитой адыгейки Маши. Стивен стоял в сторонке и ругался себе под нос, тихо говорил себе маты — он ведь вчера убил человека... Ему показали фотографию трехлетнего мальчика с мячом Саши Сколова, которого взрослым он убил вчера. Эту фотографию ему из будущего через черную

дыру передала вчера мать убитого, и он специально не стал ее смотреть. У Стивена хранилась точно такая же фотография собственного трехлетнего сына с мячиком, которого взрослого повесили на крест и жестоко убили в Лиане в 1987 году...

Судья имела в виду, что если он помилует ее сына, то она всю жизнь будет признательна ему и будет помогать... Так судьи становятся подкупными... Но Стивен знал это и предпочел перед убийством не смотреть ту фотографию... Перед убийством он не хотел сомневаться...

А судья, узнав, кто убил ее сына, поставила черную дыру в Лиане 1987 года и отправилась туда вешать на крест и убивать сына Стивена. А он стал молиться, чтобы она его все-таки не убила...

Когда я приехала домой, я почему-то совсем забыла про пленку из Питера, отложив ее на много лет... И забыла практически все события того периода. Полпленки почему-то оказалось полностью засвечено и засвеченная половина отрезана вместе с номером пленки и затеряна среди других пленок... Ту пленку я так и не проявила тогда, напрочь забыв о ней...

Клон Саши Сколова должен был три года жить на Дальнем Востоке, его матери-судье американцы хотели показать, как плохо она знала сына, что за три года даже не отличила подделку от оригинала... Через три года они собирались устроить его смерть и поменять трупы – в колодце трупы практически не разлагались, американцы лили туда специальные бактерии, которые сохраняли трупы, «консервировали», и время смерти было практически не установить... Время смерти могло отличаться на три года, и никто этого не мог доказать. Его мать должна была через три года беречь этот револьвер в своем тайнике как зеницу ока, револьвер, из которого убили ее сына, и теряться в догадках, как это могло произойти, что ее сына убили из револьвера, который точно лежал у нее в тайнике и никуда не пропал... Но на самом деле он умер тогда, в этот день... В конце января 2005 года в Питере... А в 2005 году этот револьвер охраняли еще не так тщательно...

Через три года в 2008 году клон Саши Сколова якобы после огнестрела в грудь упал с балкона головой вниз (чем можно объяснить сломанный череп) в родном городе Владивостоке. Мать-судья надеялась, что он потом за ее заслуги перед Отечеством сможет восстать из могилы...

Судья посадила сына друга Стивена на двадцать лет, а Стивен убил ее сына...

Только через несколько дней, уже после смерти настоящего Саши мать обратила внимание на то эсэмэс, набрала сына, услышала его голос, успокоилась... Но через несколько дней она все-таки набрала тот номер, услышала голос того генерала, быстро сбросила, но потом навела справки, кому звонила... Генерал наводил справки о ней, а она о нем... Он даже хотел перезвонить ей, но не стал, вовремя одумался... И еще много лет она гадала, почему ее сын когда-то отправил ей номер какой-то шишки из Мино-

бороны из Архангельска... Генерал тогда, конечно же, запаниковал, сразу созвонился с Нагорбовым, долго ругался с ним... И Нагорбов подтвердил себе, отправив сообщение в прошлое, что Сашу надо обязательно убить...

Но в целом проблемы у генералы не последовали, и он успокоился... Проколы иногда случались... От номера он, конечно же, тут же избавился, купив инкогнито новый... Проблем не было и через год, и через два... Генерал успокоился было совсем, но про тот номер он все-таки помнил и поменял себе подчиненного...

А в Минобороны думали, что иногда вся жизнь зависит от того, на кого ты купишь номер телефона, на своего руководителя или на себя самого... В Минобороны телефон для руководителя лучше покупать на самого руководителя... Но генерал вызывал вопросы, и к нему приставили именно этого подчиненного, на первый взгляд совершенного дурачка из потомственных военных... Потом к нему приставили акулу своего дела, и тот генерал не раз пожалел, что поменял подчиненного. С этим ему дышалось намного тяжелее... Хотя этот был попроще...

Мой отец говорил, что сотрудники в Минобороны живут столетиями и практически несменяемы.

Использовали ли сын с матерью еще какой-то код, переписываясь эсэмэсками, поняла ли она тогда, в конце января 2005, что разговаривала уже не с сыном? Почему она все-таки позвонила по совершенно незнакомому номеру и навела по нему справки? На эти вопросы мы, наверное, никогда не узнаем ответы...

Эсэмэс Саши не содержало никаких знаков, только одиннадцать цифр, начиная с восьмерки, и это было странно для матери, но все может быть... Так телефоны легче найти в базах данных... А Эдаму и Спенсермэнам пришлось сильно постараться, чтобы отвлекать внимание важной судьи Владивостока от того номера, который когда-то в очень сомнительной поездке отправил ей сын за несколько лет до смерти и который теперь навсегда хранился в базах данных сотовой компании, самого крупного сотового оператора России, именно самого крупного... Если купить немногочисленного и малоизвестного оператора, то его могут закрыть, слишком велики ставки, но только не МТС, он был самым крупным сотовым оператором страны на тот момент...

Умирая Саша думал, что положит к ногам Минобороны их очередного предателя. Мать не подведет, свяжет концы с концами, и он обязательно восстанет из могилы лет через двадцать... А Эдам начинал отчаянно отвлекать внимание судьи от того эсэмэс...

Похожий номер 89188351911 запомнили Спенсермэны, чтобы путать следствие... Его купил другой генерал, который как раз боролся против таких контрабандистов, как Нагорбов и который очень не нравился Спенсермэнам.

Поставщиком Далилы был этот же генерал, но в меньших объемах... Он любил всех своих покупателей... Никита перебивал Владимира, а Ма-

рина Шайн работала через Далилу, не зная об этом... Через младшую Далилу... Так было проще всем... Марина была не той... И в контрабанде ненадолго... Владимир был очень крупным поставщиком калашниковых... И он был основным, пока... Обороты набирал Никита... Но он тоже был не тем... И генерал это понимал...

Потом приезжал кортеж Никиты Кривогора узнавать, кто у Владимира главный поставщик... Никита кричал и ругался... Она даже подрались. И главное, что произошло в конце января в Питере — это обмен контактами между Никитой и поставщиками калашниковых от производителя, одной генеральшей. Приехали договариваться с Нагорбовым, в итоге договорились с Кривогором. Никита обещал делиться с Нагорбовым с этих поставок, и кто-то в кустах делал видео всех их переговоров...

Никита думал, что сейчас покупает втридорога, а потом перебьет у Владимира поставщиков (Владимира сольют из-за «частого разума»), и он будет работать по его схеме. Сейчас не было хороших и «долгих» перекупщиков калашниковых. Разве что американцы? Но это очень просто.. Нет, практически нереально... Разве что пока они здесь... Эти мальчишки Спенсермэны... И генерал на всякий случай обменялся контактами со Спенсермэнами, зачем им посредники? И договорился о паре поставок. Никита на самом деле не так плох, если кто-то вправит мозги — не превышать размеры поставок... Хоть свидетелей не убивает так жестоко...

Шпионаж

Сашу Сколова уже убили, и мы доживали последние дни, часы в пансионате, когда нам поставили черную дыру, и мы оказались в прошлом, в первый день нашего приезда. Арина как раз уезжала в Питер на экскурсию с Сашей Янченко и Ясей Ворониной. А мы с двумя девушками-полицейскими поселились около номера Нагорбова, чтобы делать аудиозаписи его переговоров... Я старалась не пересекаться с Ариной, с собой... В первый день я даже столкнулась с Сашей Сколовым в проходе, еще живым... — Ты же вроде была в столовой, — сказал он мне... Я сделала вид, что не услышала...

Полной жизнью могла жить только одна из нас. Днем я спала, пока полной жизнью жила Арина, я еще неделю назад, а вечером она засыпала, а я начинала шпионить...

Итак, мы жили в номере и делали аудиозаписи, я — писатель будущего, известная талантливая фигуристка Анна Новак и две девушки из полиции, загримированные под нас. У Анны были большие глаза, нос крючком, огромный рот — очень нетипичная внешность для свидетельницы... Ведьма ведьмой...

Все было не сложно — мы проходили по широкому карнизу, подходили к окну Нагорбова и включали диктофоны или цифровые телефоны, садились за занавесками и делали видео и аудио. Прослушкой нас снабдили полицейские. Можно было делать видео на свой телефон, а потом сбрасывать файлы полицейским на флешки. Тогда-то я увидела всех поставщиков Нагорбова из Минобороны...

Мы старались не покидать комнату, все жили в одной. Нам приносили есть в комнату, чтобы в столовой мы не сталкивались сами собой — тогда между нами проскальзывала молния. К себе из прошлого нельзя было приближаться.

Видео и аудио мы делали сначала с девушками-полицейскими, а потом уже сами, и каждый вечер мы снимали и записывали аудио... Кто-то повесил над пансионатом «плащ». Это был заговор, что писательница и фигуристка будут собирать компромат на контрабандистов, в который верил Нагорбов.

В кой-то веки появилась старшая Далила. Это бы высохший скелет. Она подумывала, чтобы восстать из могилы. — Пойду в какой-нибудь детдом, съем ребенка, — сказала она и отправилась в город... Утром она уже была худенькой длинноволосой женщиной средних лет, от скелета не осталось и следа... С тех пор как Арину отправили в бегуны и остановились гейзеры, Далилу не принимала земля...

Никита снял целый соседний пансионат, тоже ждал поставщиков от Минобороны и вел с ними переговоры параллельно с Нагорбовым.

Наступал вечер. — Сегодня идет Арина, — говорила полицейская Маша, невысокая брюнетка, которая часто была моим клоном... Я снимала на свой телефон... За нами издали наблюдал министр обороны. Он видел в бинокль, как мы шли по карнизу и шпионили...

Карниз был широкий, ступать было легко и сидеть удобно... Когда идешь, руки говорили держать ближе к телу, а диктофоны складывать в карманы — на нашей одежде обязательно должны быть карманы... Я подошла к окну:

— Ну мы с вами договоримся, — говорил старый подтянутый мужчина Нагорбову...

— Вы же знаете...

— Ну будем и дальше сотрудничать...

Я делала видео.

— Итак, мы договорились. Автоматы будете перехватывать сами, о документах не беспокойтесь, я сообщу, когда и где будет трансфер. — Они пожали друг другу руки.

— Связь будем держать через диспетчеров... Как всегда... — Поставщик попятился к двери, накинув капюшон. Я пошла обратно... До того момента, как поставщик выходил из пансионата надо было вернуться в номер.

Диспетчеры были очень важными людьми в контрабанде, они подбирали для перевозок подходящие даты и поезда, чтобы обмен документов и изъятие оружия прошли как можно незаметнее.

Мы незаметно появлялись и исчезали, ничем не выдавая себя.

Из будущего через черную дыру Саше Сколову передали отксерокопированный длинный список, две страницы с хвостиком. Он пытался его учить. Потом понял, что это список поставщиков Минобороны, и решил его спрятать. Первые строчки отправил себе, чтобы переслать факсом в Северск. Список кто-то переписывал, но он не сохранился. Мы учили короткие списки... Нам каждому раздали по фамилии из этого списка, и мы пытались их учить. У каждого по фамилии. У меня вершина списка — главные поставщики сейчас... Спенсермэны были на какой-то перестрелке. Кто-то из Спенсермэнов убил полицейского в высоком чине в Питере.

Мы с Сашей пошли к его тайнику... Он тоже следил за Нагорбовым, тоже делал фото, видео и записывал его разговоры с поставщиками... Саша выложил все файлы в Интернет, но Спенсермэны глушили в пансионате всемирную сеть. Он думал вынести файлы или переслать матери, но это было уже невозможно...

Вечером я заглянула в комнату к Саше. Какая-то девушка сидела за столом около Саши Сколова, около его ноутбука. А девушка чем-то напоминала меня... Он скинул ей все важные файлы на телефон... И она куда-то пропала...

Мы шли ночью... Прошли опять через черную дыру... Мы ушли из ночи, а попали в другой пансионат в лето, это был июнь... Солнечно. Это был светлый пансионат недалеко от лесополосы. Он был весь в квадратах — его территория была разделена на двухметровые гранитные квадраты. Сашин тайник был в начале лесополосы. Он не прятал файлы на территории пансионата. Саша был «медведем» и прятал все в лесу. Мы пересекли забор около мусорки, вошли в лес, но недалеко, стало пасмурно и темно. Он начал копать около пня с белыми поганками и нашел свой тайник... Он сложил туда список и опять стал закапывать... В тайник он положил свой телефон и длинный список... Завернул в целлофан... Мы опять вернулись через черную дыру в ночь и зиму... Нас караулил Стивен, и больше эту черную дыру Саша не открывал... До этого он показывал этот тайник Наташе, моей соседке по комнате... Стивен тогда запомнил, что черная дыра вела в лето...

А потом мы учили расположение его тайника, он даже нарисовал схему, где его искать... Спенсермэны перекопали уже весь пансионат. Они подыгрывали Саше — он скоро умирал...

Вечером в нашу комнату зашел Саша Сколов. — Хотя посмотрю на тебя в последний раз, — он посмотрел на меня и вышел... А другая Арина со знакомой полицейской уже выходила в коридор смотреть его убийство... На втором этаже выстрел было плохо слышно... Мы тогда не выходили, смотрели из окна на Вику и ее друзей...

Но «плащ» заканчивался. Нагорбов делал вид, что не замечает нас на парапете, он всегда жил по этим правилам. Он уже стрелял в полицейских... Последняя делала видео я, в меня даже стреляли, какую-то де-

вуху ранили, она упала вниз со второго этажа... Ее отвезли в больницу...

— Сейчас у Нагорбова новый поставщик... какая-то генеральша. Я ее видела... Она только приехала. Но уже будут отстреливать, — сказала Ма-ша. — Если идти с прослушкой, то идти на рожон...

А я все таки решилась... Я прошла по карнизу, присела около окна Нагорбова и начала запись на телефон.

Генеральша была типа душечки, дородная, полная... Главное, записать время поставок и контакты, желательно, весь разговор, но аудио иногда не хватало...

Вдруг кто-то закричал, я обернулась, кто-то наблюдал с территории, и в меня начали стрелять... Я закончила запись и пошла обратно... Если в фильмах вы видите, что снайперы не попадают, не верьте, достаточно хорошо прицелится... Мне было достаточно двух выстрелов... Я шла быстро... Я уже подходила к нашему окну, когда опять услышала выстрел и ощутила жгучую боль в левой ноге, мне попали в икру... Стреляющие подумали, что это фигуристка... я споткнулась, сползла, свесилась с парапета, повисла на дереве. Этаж был второй, и упала я не сильно. Мне повезло... Я тогда истратила одну свою жизнь, «кошка» Надя перед смертью одарила меня одной дополнительной жизнью... Но в ногу попали... Пуля осталась внутри. Шла кровь... Стрелял кто-то из Спенсермэнов, попал, как и хотел. Внизу караулили полицейские, и Леша Верховоз повез меня в больницу, сразу дал обезболивающее... Пленка с записями осталась у меня, девочкам в комнате я ее отдать не успела...

— На рожон идет, на рожон, — кричал нам вслед Нагорбов. Но его поставщицу мы спугнули. Она закончила переговоры и пошла в соседний пансионат к Никите.

— Вот Георгий Семенович будет в американцев стрелять сейчас, — говорил мне Леша в машине... — Мне телефон не отдавай. Отдай кому-то в больнице. Лучше медсестре. Я скажу, кому...

— Хорошо...

Он отвез меня в больницу в центре Питера... Я впихнула свой телефон медсестре в руку... Всех волновал мой огнестрел... А сестра отдала телефон главному врачу... Он сбросил файлы записи на свой компьютер...

В больнице я пролежала два месяца, перенесла какую-то лихорадку, не раз была между жизнью и смертью... Арина уже вернулась в Краснодар и продолжила обучение в университете. Говорили, что пули, которыми в меня стреляли, были отравлены. Врачи тестировали лучший генофонд планеты, проверяли мои кости на прочность...

По выходным мне открывали черную дыру, и я гуляла по пансионату, сидела на лавочках, дышала свежим воздухом. Пока на ногу нельзя было наступать, Леша носил меня на руках. Иногда на всех лавочках в поле зре-

ния сидела девушка — я в разные моменты моего лечения ноги, иногда между нами мелькали молнии, но мы не подходили друг к другу. Потом я уже ходила с палочкой. Нагорбов тоже тут прогуливался со своими поставщиками... Через черную дыру я возвращалась в больницу... Я давала интервью журналистам о том, что происходило в пансионате, но все тут же все забывали... Иногда меня возили в пансионат на машине....

Через два месяца мне опять открыли черную дыру, и я вернулась в день после моего падения в пансионате... Покинув черную дыру, через пять минут я все напрочь забыла... На шрам на ноге Спенсермэны налили мне живой воды, чтобы и следа не осталось... Чтобы не осталось никакой памяти о том падении...

А флешка с файлами переговоров нового поставщика и Нагорбова осталась в сейфе у главного врача в больнице...

...Нагорбов делал обыски всех комнат, искал пленки. Мы сидели в комнате, Маша вышла на подоконник с пленками, пока делали обыск у нас...

— Пленки надо спрятать здесь, вывести их не получится, — сказала нам Маша. — Закапывать будете вы, — она показала на нас с Анной.

Вечером мы вдвоем спустились вниз закапывать пленки и флешки, внизу уже стояла лопата. Старый полицейский дал нам коричневую пластиковую коробочку в виде сундучка, она бы хорошо сохранилась в земле. Такие же синенькие коробочки были для муляжа... Нигде ни дырочки, никакой червячок не прогрызет. Мы недалеко отошли от пансионата, с левого входа, если смотреть лицом на пансионат, третья лавочка вдоль дорожки. Мы закапали около скамейки сбоку, здесь был фонарь, но мы копали там, где свет фонаря уже закончился — на краю света... Копала я, Аня боялась за ступни, у нее скоро опять были гастроли... Сложили все пленки в сундучок... Новак сверху на сундучок положила большой голубой топаз на веревочке — который носила ее убитая подруга Вика. — Знаешь, какой это дорогой камень, — сказала она мне. — Ей мать подарила. Тысяч двести стоит. Кто-то найдет, и она восстанет из могилы... А так камень защитит наши пленки... — Мы сначала закопали сундучок, а потом насыпали еще земли, положили полудрагоценный камень в мешочке и закопали...

Территория пансионата была все недавно перекопана... Здесь сажали молодые саженцы...

Ключ от сундука повесили на шею Маше, но если сундучок найдут профессионалы, то они откроют...

Ночью двое полицейских перекапывали наш сундучок, Леша Верховоз и тот же старичок, мы закопали его недостаточно глубоко... Сундучок они обернули в красную ткань, а потом положили в целлофан. Они выкопали яму поглубже, на полметра точно и сверху также положили голубой камень умершей Вики, как оберег... Сверху полицейские посадили молодое деревце...

На следующий день я гуляла по территории пансионата и заметила, что наша скамейка как будто сдвинулась дальше от пансионата, потом еще дальше. — Это Далила, — говорил Владимир. «Чудеса, да и только» ... — думала я. Потом я замечала нашу скамейку и слева от пансионата и даже сзади него. Кто-то на нашей лавочке почему-то прочертил ножом свежую вертикальную линию...

Ночью я почему-то спустилась на территорию пансионата и рассказала министру обороны Шалгу, а потом маме, что мы делали видео и где закопали пленки... Кто был заgrimирован под мою мать, я не знаю... Аня тоже призналась своему тренеру по фигурному катанию...

Утром нас вывели на улицу и стали допрашивать — Спенсермэны узнали о пленках. Мы сидели на корточках и по очереди к нашим головам приставляли пистолеты братья Спенсермэны.

— Где пленки, — кричал на нас Нагорбов. — Я сейчас вас всех порасстреливаю!

По двору ходил военный, один из поставщиков Минобороны.

— Одни девчонки... А вот раньше были одни парни...

— Вячеслав Григорьевич, это и хорошо, что девчонки... Сейчас девчонки хорошо, раньше мальчишки были... — Полков, раньше Полонов, очередной поставщик Минобороны, ходил по двору, заложив руки за спину и чем-то напоминал петуха. А в народе того петуха Тицианом зовут. — У меня тоже внучка, вы же знаете, — сказал он.

— Да...

— Где пленки?

Все молчали...

— Ну, какие вам показать чудеса? — и его тонкие ноги вдруг стали ногами петуха. — А раньше покажешь чудеса, и все сами признаются...

— Ну, когда это было...

— Вячеслав Григорьевич, давайте не будем людей понапрасну убивать... Давайте они все выпьют забвения. И все забудут... И никогда не вспомнят... — Нас подняли и нам по очереди стали давать таблетки с сильным забвением... Я выпила сразу. Некоторые не глотали, а держали за щеками или таблетки попадали в специальные кармашки... Их потом проверяли... И мы постепенно все забывали...

Как только меня начинали убивать, я сразу хотела уйти. — Никуда ты из пансионата не уйдешь. Отсюда одна дорога в могилу ногами вперед! Будешь уже здесь все до конца!

На следующее утро уже никто ничего не помнил... А в недрах территории пансионата остались файлы с переговорами...

Итак, в Минобороны была утечка автоматов и не одна...

Часть 6. Контрабандисты из Минобороны

Есть такая профессия – Родину продавать

Пустили козла в огород... Писатель среди контрабандистов калашниковых как козел в огороде!

Инкогнито

Генерал был потомственным военным в трех поколениях. На самом деле он был невысоким и ничем не примечательным. Невысокий – значит, создан для работы в части. Он был весь бесцветный, как потомственные военные, белобрысый, без бровей и ресниц, тонкие губы... Любая маска ложится хорошо... За исключением некоторых, за исключением инцеста... Странно, но именно ему маска инцеста совершенно не подходила. В этом парадоксы жизни... Он усмехнулся... Не то что его сыну...

Он прошел и горячие точки, как дед, и даже помнил много боевых компаний. Его называли «инкогнито», его прадеду пересадили ноги коня – кони во время битв хорошо топтали солдат – и своих, и чужих. И он даже прожил с ногами коня несколько лет... Генерал даже этим гордился, но потом старик на работе Дмитрий Владимирович Буйнов, сказал, что это не очень, и этим не стоит гордиться...

Он любил маски и часто менял внешность. Редко кто видел его без маски... Его должность уже позволяла ему не делать пластические операции... Слишком он был малоизвестен и незначителен... Он не был на виду, очень скрытен... О нем мало кто знал, но положение его было незыблемо, благодаря отцу и деду и их службе Отечеству... Как говорила его бухгалтер, или мы, или кто-то другой, автоматы все равно будут продавать за границу... Они хорошо сработались с Надеждой Николаевной... Долго и надежно... Она его семья, как мама и папа, теперь... Спустила столько лет...

Была ли та девочка, которую каждый раз показывал ему Нагорбов его дочерью на самом деле? Была, он склонялся именно к этому... У него были женщины на стороне и случайные романы, в том числе и курортные... По молодости он гулял... И была одна женщина, от которой он хотел дочь,

очень. Но это было давно, очень... И сроки не подходили... Потом он узнал, что это все-таки она, ее мать... Но он дочь никогда не знал... Он не был к ней привязан... Но для Нагорбова он делал вид, что беспокоиться о ней. Даже плакал при нем и не раз. Контрабандистам надо во что-то верить... Что он управляет. Он знал, что у Нагорбова умрет дочь... Должна была умереть... после того «чистого разума». Он говорил ему не лезть в это. Но кто послушается, когда такое творится в стране? В мире? Нагорбов рискнул и проиграл. Но проиграл ли? Да, проиграл... Он, генерал был в этом уверен... Владимир медленно идет на дно... Генерал вздохнул... Или он беспокоился о ней (дочери) на самом деле? У него была семья, жена и сын... Были даже внуки... «Нельзя получить все», — думал он. И эту фразу он часто произносил. Он бы нашел эту девочку, но Нагорбов не даст... Он его за грудки держит, должен держать, или так думать... Он опять усмехнулся...

Была ли та бухгалтер его сестрой? Конечно, была... Это семья и родственные узы, что так хорошо понимали Спенсермэны. Хорошо, когда женщина бесплодна, он обесплодил ее собственными руками, или так, или никак... Эти мужики никому не нужны... Он был и ее любовником, и даже иногда мужем... Но это было уже очень давно... Она давно не заводила любовников и уже не будет... После того что он ей устроил однажды... Как он отбивал ей яичники и сделал бесплодной бесповоротно и окончательно... Побочные ветки должны отрубаться... У него ведь есть сын, ее племянник... Пусть думает о нем, как о своем сыне... А она все вспоминает своих нерожденных детей. От него в том числе... Но уже поздно, не в ее возрасте... И он перевернулся на другой бок...

Он спал со сводной сестрой, и из его оружия убивали очень много людей, но перед Богом и людьми его обеляла Далила, обе Далилы. Не только та, которая с зайцами общается, а та Далила, страшная, старая, которая круглый год в гробу лежит в лесу на глубине двух метров. И иногда просыпается, когда зовут, и делает свои дела...

Надя даже была проституткой, а он ее спас... Он сам сделал ее проституткой, а потом снял с панели. Так бабы более управляемы. Снял с панели, и она этого не забыла... И поэтому верит ему как себе... И поэтому ручная... Только один аборт она ему никак не простит... Или простила, или нет... Он задумался, но отмахнулся от этой мысли... Кто поймет этих женщин... Когда у них есть дети, они хотят что-то для себя, а так только для нас...

Наркоманка и бывшая проститутка, он ее и подобрал, он удивился, когда узнал, сделав ДНК-тест, что они родственники, старый прохвост Колька, он так и знал, что отец еще что-то придумает... Она была, конечно, намного младше его. Ей пятьдесят девять, ему семьдесят три, а так и не скажешь... Но они будут долго жить... Как и все в Минобороны... Он, конечно, тогда пошел ва-банк, когда признался ей. Но все прошло гладко, она уже была его любовницей... И порошки завершили свое дело...

Она женщина, а их только проститутками делать – бабочками. Такие, как генерал, ценили только сыновей. Его поэтому «бабочкой» и называли... Он специализировался на проститутках, любил делать женщин шлюхами. Особенно он любил делать падшими женщинами своих свидетелей. К каждой поставке прикладывалась какая-то хорошая девушка, которую сделали проституткой – или родители отдали, или система закурила... Чаше родители... Он почему-то опять вздохнул... Он делал проститутками этих девушек, чтобы никто не замечал, что его Надя сама из проститутки.

Отец говорил, что если военные видят, что ты все равно плохо живешь, то сильно не вредят – деньги ты ведь все равно не используешь... Живешь также, как все. А деньги потом можно и забрать, они так думают... А ты деньги не отдавай, говорил ему отец, найди путь и не отдавай... Это были его последние слова...

Он ел гавно, проходил свои круги ада. С сыном он хотел поступить также – сначала отправить его в горячую точку, чтобы он насмотрелся ужасов, а потом держать при себе, до поры до времени помалкивая о своем богатстве...

Он хорошо жил, очень хорошо, привык хорошо жить... Как учил еще отец... Главное, чтобы никто не знал, где он проводит каникулы и куда ездит. Главное, чтобы не за границу... А у него была вилла под Москвой... Главное, туда добраться незаметно даже для самого себя. Он никогда не возил туда жену и сына, а хотел, правда, хотел. Только Надю, но она в курсе... Но она его, а это главное...

Он не устанавливал цифры поставок, он должен был только утверждать их, и он был последним звеном... Именно последним... Ведь на первых звеньях еще могли быть какие-то корректировки, но именно последние цифры приходили уточненными и скорректированными, именно последние цифры можно было уменьшать незаметно, зачеркнув какой-то ноль... Кто будет следить за нолем в середине какой-то поставки? Поставки начаты, оборона идет... Если поставка идет, то никто уже следить не будет... Ведь если поставка тысяча, а ты зачеркиваешь ноль, то поставка становится стами, и у тебя есть еще девятьсот автоматов... Те отправляли партию, а эти получали допоставки. Одни отправляют тысячу с одними документами, а другие уже получают сто с другими. Кто же проверяет калашниковых? У нас никто не проверят... У нас все доверяют друг другу... А что? Ну он и проверяет (генерал наш). И бухгалтер его, и совхоз по совместительству, Чухова. Межгородские звонки он сделал очень дорогими, и Надежда Николаевна Чухова каждый раз долго ругалась, когда кто-то звонил по межгороду... Дорого очень... Генерал усмехнулся...

Главное, поймать автоматы между пунктами отправки и приема, но на это и есть Нагорбов, он ловил их сам и сам договаривался. У него везде свои люди и всем платит он, и это хорошо, генерала никто не запятывает. И это главное. Есть перестрелки, подкупленные офицеры – ему

надо было говорить только когда и откуда сколько отправляли, и куда и сколько поставляли... Ему марать руки в этом не приходилось... Отправляли тысячу автоматов, а принимали уже сто... И по документам не было несоответствий, жена, то есть сестра помогала, меняя накладные и подделывая подписи и цифры... Он иногда любил думать о Наде, как о жене... Для тренировок... Жена Вера, конечно же, ничего не знала... Жена Вера, любовница Надя, не хватает только Любы... Генерал улыбнулся... Ему нужна была и жена, и сестра... Но сына когда-то он собирался посвятить в свои дела... И генерал опять перевернулся на другой бок...

Он жил с Надей, да он жил с ней и занимался сексом, когда она хотела... Так надо, так ей лучше... Она ведь была немного наркоманкой... И он иногда давал ей таблетки... Всегда обеспечивал наркотиками... Ее зависимость уже так просто не скрутить... И они это знал... Медики всегда любят, когда военные страдают, и то пьют, то колются... Он вызывал зависимость у нее, но не у себя... А показательные скандалы с ней он устраивал для Нагорбова. И не надо никого кормить на местах, так легче и проще... так делал еще его отец... Никаких свидетелей, только она. А она его... Он специально сделал ему сестру, чтобы помогала... Только сводную, так проще... Отец все знал... Она ест у него с рук... Он кормит ее конфетами страсти и держит на специальных препаратах... Она верит ему и легкоуправляема, а это главное... Он на нее скидывал свои заболевания ног и коленей. Контрабандистов видно сразу. А на гимнастках меньше.

Однажды Надя пришла к нему, думала, что их раскрыли, но кто будет поднимать старые архивы, все понемногу кормятся. Но только понемногу... Он даже закрывал иногда глаза на незначительные поставки подчиненных, о которых знал... Но только иногда и только на незначительные... И поэтому его любили и держали... И это всем нравилось, и начальству, и подчиненным... Но о нем мало кто догадывался... А так пусть... Эти дубинноголовые военные никогда не будут ничего перепроверять... Закрыли и ладно. Иногда даже хорошо оставить в крупной поставке маленькую брешь, чтобы свои быстрее сдавали документы в архив. Это и знала Далила, что можно воровать по мелочи из крупных его поставок — Нагорбову идет девятьсот, а Далиле сто пятьдесят... А раньше он отправлял Далиле тысячу с каждой сотни Владимиру, но время Далилы прошло, слишком долго она живет... С белками разговаривает... К зайцам ушла. От людей скрывается... Это потому что проституткой была... А зайцы тянут ее в омут... Детей жрет... Сбрендил совсем... И он опять перевернулся на другой бок...

А Владимир да, хороший покупатель, но зря он того парня убил. Теперь почти всегда на таблетках держат...

Он это даже приветствовал, про себя, конечно... Чтобы те поставки быстрее закрывали и архивы не ворошили. Подчиненные думали, это из-за их незначительных поставок... Но нет... Не все в это верили, особенно новенькие... И было тоже пару скользких моментов.. И Дмитрий Владими-

рович косячил, и пил сильно, и списывал незаконно. Своих прикрывает генерал, решили новенькие... И их быстро отправляли на другую работу по его личной просьбе... А Дмитрий Владимирович ему помогал, потому что знал еще его отца... Потому что верил, что это Надежда Николаевна левачит потихоньку и пьет, и своих нерожденных детей оплакивает, и жалел ее... А он, добрый генерал, ее покрывает... И Надя иногда носила очень дорогие украшения, чтобы поддерживать эту легенду... Все должны во что-то верить... И это надо поддерживать... А когда в их части появлялись новенькие, было слышно, как воздух звенел... Как все вокруг напрягались... Как хорошо было работать постоянным составом и как не любили здесь новеньких. Но в общем все шло гладко... Но были пару мест, где он мог проколоться, как с тем телефонным номером в Питере в 2005 году, как поставки 1960 или 1997 годов, когда не все прошло так гладко... Когда остались доказательства, те поставки хранились в столе одного генерала, до которого он никак не мог добраться и под которого было очень сложно копать... Такого, как он, приличного и породистого... Но это ладно... Еще не вечер... Это давно было... И генерал опять перевернулся на другой бок...

Будет еще какая-то девочка 1984 года рождения, которая ему сильно навредит. Но ему было не с руки заниматься какими-то детьми. Не в его положении и не с его репутацией. Ну что же! — он опять раздраженно перевернулся на другой бок. — Солдатам надо давать шанс. Еще отец так говорил, а девочка и была этим шансом. Так ведь 1984 — это уже много. Она могла быть и среди этих миссионеров. Она и отправила этот номер. Но вдруг он пять все забыл или сделал вид... Тогда в 1997 ему отмолили постоянный инцест и на много лет за это забвение. Конечно, все вокруг всё знали, или делали вид... Или он, или кто-то другой...

Вот баба 2005 года — это другое дело, это проблема, это да, ее надо убрать... Но быстро тоже не получилось... Важная шишка... Ну звонок и звонок, ничего особенного... У него этих звонков были тысячи... Ну сотни... Ну десятки с проколами, максимум... И он почему-то улыбнулся сам себе... Он Николай Максимович Паленко... Паленков, так сейчас модно... Сначала его фамилия писались через «о», а потом он поменял документы и стал писать ее через «а». Он даже думал менять себе фамилию, но он решил остаться Паленко, как дед и отец, их тоже писали через «а», их любили еще при дворе императора Николая Второго, не Первого же, конечно! А то сейчас много «полевых» развелось... И он опять усмехнулся себе...

1997 год

Он всегда отдавал половину, ну или примерно, своему начальнику, Павлу Николаевичу Ивлеву с 1997 года. В 1997 году был такой случай. В этом году из его автомата, проданного Нагорбову, убили сына их техника Дмитрия Владимировича Буйнова. Вот старик горевал, говорят. Пошел служить парень. И отправили по распределению... А Паленко все боялся, что отправят его в часть, неподвластную Паленко... А так и получилось... И боялся старик, что сын в горячих точках служить будет, и суетился тогда... Очень суетился... Но на него строго посмотрели... И успокоился он... Вот он гордился сыном, говорят, награды показывал, фотографии... Думал, может, пронесет.. Паленко строго-настрога запрещал стрелять в синюю шапочку сына старика... Но солдат вдруг надел шапочку друга с красной ленточкой, и пуля досталась именно ему... Паленко сильно переживал, когда его сын служил, думал не вернется. Но сын вернулся, значит, Паленко не так плох, решили все...

Старик верил, что левачит Надя, а Паленко ее прикрывает, потому что она его сестра. Он и подсказал Паленко, что они родственники, как-то по ногтям вычислил. Семейные узы. Но никому не говорил...

А старик знал же, знал, что это был наш автомат, по входному отверстию понял... Он бабку свою продал, чтобы поближе к калашниковым быть, дорогие ружья любил... «Отверстие у наших другое, оно немного косит, что ли» — думал старик. «Только нам поставляют такие автоматы. Значит, предатель где-то рядом. И стрелял профессионал, это сразу видно. По входному отверстию»... И стал он отчеты проверять. И недостатки искать. Есть хода, и это все знают...

Паленко даже думал, что старик сам когда-то промышлял контрабандой калашниковых, по потом кого-то похоронил в части и после этого завязал. Все-таки плохо, когда из этих ружей убивают своих... Паленко вздохнул... Всегда что-то закручивается. Есть правило, если твоими автоматами убивают своих, то идешь под трибунал. И помнил он этого мальчика, и даже на коленках его держал... С этой поставкой все сразу пошло наперекосяк. И документы подписали... И недопоставку тогда обнаружили, и отчеты он писал... И перехват не удался... И полицейские погибли тогда... Старик так сдал тогда... — Что ж, сына похоронил... — говорили в части. И продал сердце старик, говорят, чтобы убийцу найти... И завертелось тогда... И сняла Далила плащ с Паленко, пропала его неуязвимость, и стал он ждать кошмара. И пришел кошмар... И начал писать Дмитрий Владимирович доносы, требовать проверок отчетности. Нашли недостатки, звонили на завод, проверяли отчетность... Вычислили его, начались проверки... Его подписи под подделанными накладными. Его и Надежды. Она плакала тогда. Ее тоже посадили... Он хотел бежать, но не успел... Отправили под

трибунал... Судить собирались... Но тут все вдруг все забыли, как раз перед судом, и она забыла. Он уже сидел... Все забыли, кроме Дмитрия Владимировича... Старик все знал... Не забыл. Паленко думал, что это Далила опять плащ поставила... А это его начальник Павел Николаевич Ивлев какое-то новое забвение купил... И все забыли всё... Только у старика был иммунитет — он сына похоронил... И пришел Паленко к Павлу Николаевичу в кабинет. И показал тот знак отца... И понял Паленко, откуда все, и согласился... Нельзя под трибунал.. Под суд... У него семья и сын... и думал он ночь... И принял условия Павла Николаевича... И с тех пор делился с ним пополам за забвение, которое он никак не мог купить... Знает, сучонок... Он бы и так согласился... Но надо было подумать, поколебаться... Произвести впечатление... И согласился он... И делился по-честному, потому что Павел Николаевич его перепроверить мог... И заказал он старика тогда... Чтобы убили его. Никак он успокоиться не мог... Но отказался наемник... Не получается быть чистеньким и продавать оружие... И сам Николай Максимович взял нож и убил старика, и в глаза посмотрел, и бросил как собаку, а потом на труп смотрел и опознавал... Паленко связался с Нагорбовым, а тот всегда убивал своих свидетелей. С кем поведешься... Тогда эту девочку ему и подписали, Арину какую-то... Ну и хорошо, подумал он тогда, хоть так. Не мог смотреть на убитого им Дмитрия Владимировича... С тех пор ему каждый раз приходилось с ним делиться... Но ничего не поделат, вздохнул Паленко... — Прокалываться нельзя, — опять подумал Паленко и перевернулся на другой бок...

Потом Паленко сделал тест ДНК того мальчика и убитого старика, проверил родство. И плакал он полночи, вспоминая старика и его доброту. «Он хоть еще плакать может», — думал, глядя на это, Ивлев, в этот день он поставил у Паленко камеры.

Больше всего Паленко боялся, что Ивлев будет держать его на наркотиках. И он держал. Но врачи снимали Паленко с наркотиков. Ивлев был не тот, слишком большая шишка. А здесь нужен кто-то поменьше, понезаметнее. Самые сытные места всегда в середине, так говорил его отец...

Такие документы обычно не подписывают высшие чины. Их подписывает кто-то ниже рангом, и поэтому они важнее. Ивлев хотел сделать наркоманом Паленко, но Николай Максимович наоборот сделал наркоманом Ивлева. Но Ивлеву тоже дали противоядие, конечно же, для начала. А там посмотрим. Но рука руку моет. А эти руки мыли друг друга и были друг другу нужны... Отец всегда говорил — никаких соучастников, только ты и она, но вот как повернулось. Не получилось иначе...

Сын еще мал и глуп, чтобы вводить его в дело. А Ивлев втянул жену... Но она инвалид... Будет на эти деньги ее лечить... — Ты хоть немного трать. Не пались, — говорил он Ивлеву... А он все отдавал... И жена была в курсе дел Ивлева. Хорошо он устроился, ничего не делает, а половину денег всегда складывает. Но это хорошо, ненадолго, или надолго... думал он, смотря на поддельные отчеты, подписанные Ивлевым. Паленко

все же хотелось разделить с кем-то ответственность... И прямо гора с плеч...

А старик специально отправил сына, знал, что Паленко предатель, чтобы те отчеты написать, чтобы тот суд закрутить, чтобы Ивлева к Паленко приставить... И специально продал старуху, чтобы поближе к Паленко служить... Есть такая профессия — родину защищать...

1960 год

Тогда у него еще не было Нади.

Он тогда только вступал в дела. И перенимал дела отца, отца уже не стало, и он занял его пост... И его втянули, именно втянули в то нехорошее дело, а он уже был в контрабанде... Его втянули тогда в убийство молоденького полицейского из своих. И втянули свои... Они нашли тогда его труп, Паленко склонился над трупом, и тут подоспела охрана, Паленко повязали и собирались судить за убийство... Он даже не успел сообразить, как все произошло...

Убийство неизбежно приписывали Паленко, его хотели сделать козлом отпущения — он был новеньким и его тут сразу невзлюбили... Ему уже грозил суд, когда во сне к нему пришла Далила и сказала дать тем солдатам, которые писали на него донос, крупную взятку. Он достал из записной книжки отца деньги и откупился... Дело закрыли, написали, что труп не был опознан и преступник не найден... А Паленко подозревал сына начальника... Он понял, что труп, главное, не опознавать... Если опознавать, то закручивается серьезное дело... Тогда он решил, что сын начальника тоже сбывает незаконно автоматы. И стал за ним следить... и постепенно копать под него... И он доказал, что тот сбывает незаконно автоматы и отдал его под трибунал... — Сложно быть чистым до конца, — сказал ему тогда этот мальчик, думая, что он свой. А Паленко сам боялся проверок. «Или ты, или я»... Сына начальника судили. Вот зауважали все тогда Паленко. И он прямо почувствовал, что место его. Но остались документы, и тот труп, и он как главный подозреваемый... Стоило только найти тут папку...

А тот парень под него тоже копал и тоже нашел несоответствия в поставках, между отправленным и полученным. Он даже приходил к отцу и показывал разницу в цифрах. Но отец уже ничего не видел, он только смотрел на накладные, подделанные его сыном и горько плакал... Сына отдали под трибунал, а отца вскорости сняли... Но в папках дела Паленко остались те накладные, которые не сходились, и стоило кому-то внимательно прочитать те папки... А сейчас они были в столе у Ивлева... И он их внимательно прочитает, Паленко не сомневался.

Паленко потом понял, что убитый молоденький полицейский, который числился пропавшим без вести, тоже следил за тем парнем и тоже подождал его...

И старик этот Буйнов знал про то дело, Паленко думал, тот начнет его шантажировать, но нет, старик был добр, думал, что он свой... Верил ему сильно, Паленко думал, что старик ему слишком сильно верил... Старик тоже не старел, как сюда попал в 1983 году, так в одной поре и оставался. И старуха его тоже мало старела...

Надежда

*Надежда – мой компас земной,
А удача – награда за смелость*
Песня А. Герман «Надежда»

Ее мать была гимнасткой. На гимнастках заболевания ног не так заметны.

Наташа, а на самом деле Надежду Николаевну Чухову звали именно так – каждый, кто поступал в часть, полностью менял ФИО – выросла в страшной бедности. Иногда им с матерью нечего было есть. Отца она никогда не знала, и мать никогда о нем не говорила... Они голодали уже три недели, когда к ним постучали... Она взяла хлеб, на него жадно накинулась... Мать что-то подписала – мать тогда продала ее в публичный дом... Им тогда стали носить хлеб и мясо, потом даже овощи. И так три года, в восемнадцать ей положили тот камень, и теперь она должна была спать со всеми, кто показывал ей определенный знак пальцами... Ее забрали в публичный дом, а она взяла и убежала... Взяла документы какой-то девушки и убежала...

Ее окликнули на вокзале, назвали чужим именем, именем той, дали какие-то бумаги, и почему-то отправили в часть... На вокзале долго сверяли ее с фото... Здесь она познакомилась с Колей, Николаем Максимовичем. Здесь она стала работать – работа была нехлопотная. Она под документами той девушки прошла обучение. В части ей опять поменяли имя... Перефотографировали.. Иногда она думала, что стало с той девушкой в публичном доме... Она тогда лежала под препаратами... Когда Надя убегала с ее документами.

Потом ее кто-то узнал в части и стал показывать знак... Или появилась та, настоящая... Надя.. Она отказалась, но ее избивали ногами всей частью... Коля тогда уехал... Она сжималась под их взглядами, от их смеха в столовой... Это случилось трижды со всеми в части, когда Коля вернулся,

и все стали все забывать... Или делать вид... Она сначала думала, что по-нарошку, но потом поняла, что на самом деле...

Она была так благодарна ему! Что он был! Что он ее спас! Ей уже не важно было, что он был женат...

Паленко говорил, что любил ее уже двенадцать лет, когда признался ей и они стали любовниками... А Коля какие стихи пишет и ей посвящает...

Она не знала, что ему сводная сестра...

Коля упал на колени и целовал ее ноги, когда она узнала, что он во-рует автоматы и перепродает их. — Как же так можно? — Он клялся, что прекратит, что ему угрожали, что он запутался, а теперь уже не может бросить, что его просто убьют. — Но ведь можно рассказать Дмитрию Владимировичу. — Меня все равно убьют. Уже нет пути назад... — Он закрыл глаза тогда и расплакался. А потом просил ее о помощи... И она не смогла отказать... Прикрывала его. Сначала она думала, что он выпутается, но потом поняла, что он и не собирался. Он только все больше запутывался. Она поняла, что он и не хотел это бросать. «Ну ты и прой-доха», — подумала она тогда...

Но и Надя была не так проста... Она уже давно поняла, что Коля дер-жит ее на каких-то препаратах. Старик, Дмитрий Владимирович намекал ей, что Коля что-то ей подсыпает, что из-за него она делала аборт, и он провоцировал у нее выкидыши. «Коля не так прост, если бы Дмитрий Вла-димирович знал, чем мы занимаемся. Добрый старичок», — думала она о Буйнове. Однажды она хотела намекнуть Буйнову, что проделывали они с Колей. Но он ничего не стал слушать... Старик считал его очень добрым. Он думал, что она левачила и продавала калашниковы, и Коля говорил ей старика не разубеждать... Он все сожалел, что у нее нет детей. — Да, — она только кивала головой и плакала... Однажды он положил ей чью-то сперму, какого-то солдата, и она забеременела... Она носила ребенка шесть месяцев, боялась девять, чтобы Коля не узнал, он и так говорил, что она раздобрела... Потом они спровоцировали роды... Уже через пару дней она вышла на работу, чтобы Коля ничего не понял — он не хотел, чтобы у нее были дети, каждый раз говорил ей о своем сыне и внуках... Своего сына, мальчика, она сразу же отдала на воспитание жене Дмитрий Влади-мировича, она, конечно, не умерла, он говорил всем, чтобы жить поспо-койнее... Сына она часто навещала. — Мы все тут, как семья, — говорил ей Дмитрий Владимирович и улыбался... Они все делали через Далилу, это старик на них «плащ» поставил, когда она беременная ходила...

Николай всегда недооценивал Надю, он не принимал во внимание ее отца, и ее гены, их общего отца, который тоже всю жизнь занимался кон-трабандой. Старик был «клином». Он должен был вбить клин между Па-ленко и его сестрой...

Когда погиб сын Буйнова, и кто-то убил самого Дмитрия Владимирови-ча (про трибунал она забыла), она не находила себе места. И она почему-то поняла, что это Коля, только он мог его убить, он всю жизнь ее беспло-

дил... И у них теперь появился Ивлев... Ушел Дмитрий Владимирович, и появился Ивлев. Она знала, что старика убил Коля, именно он. Никто другой не мог... Она даже подумала, что если ему перерезали горло, то это Коля, так редко кто делал... На опознание она не ходила... Она даже заката Коле скандал, обвиняла в убийстве старика, плакала, а он все отрицал...

Надя догадывалась, что ее сын был сыном Ивлева, и старик был с Ивлевым заодно. Ивлев, узнав, что Надя от него родила, начал ухаживать за ней, Паленко, конечно ревновал. Но оба были женаты и разводиться не собирались. Паленко переживал, что Ивлев его просто вытеснит и заберет себе поставщиков... Но свято место пусто не бывает, на его место придет другой... И лучше Паленко, чем кто-то другой...

Ивлев перекупил старшую Далилу, и все деньги, которые получал от Паленко, отдавал Далиле. Хорошо, когда они управляемы. И Ивлев воспитывал внука Дмитрия Владимировича... Далила сказала складывать ее деньги в банк... Паленко следил за Ивлевым и узнал, что тот открыл банковский счет на другое имя... «Так-то оно и лучше, а то лечение, препараты», — думал Паленко... «А то и проверить могут»... Главное, никаких больших трат, учил его отец...

И клин между Паленко и его сводной сестрой был вбит, разлад начат, когда в 2005 году в Питере было отправлено эсэмэс, и потом совершены три звонка с разных концов страны, из Владивостока, Балашихи и Краснодара. И Паленко бросился на поиски и устранение свидетелей...

После Питера-2005 Паленко запяtnали. В сотовых операторах оставили твердый след к нему, остались свидетели. И уже для Паленко не было речи, чтобы передать бизнес сыну.

Чем закончится вся эта история — неизвестно... Так фактически слили Николая Максимовича Паленко...

Дмитрий Семенович

Дмитрий Семенович Паленов и был ангелом-хранителем Паленко. Он не работал в его части, работал в районном центре Архангельска, приезжал редко, но Паленко всегда чувствовал на себе его защитное крыло. Он намекал ему, когда лучше прекратить поставки, а когда все спокойно, никто особо не проверяет и можно левачить.

У них и фамилии похожи. И Паленко не раз пользовался сходством их фамилий. И когда Паленко пришел к нему с рассказом об Ивлеве, Паленов быстро его успокоил. Ивлев был свой, еще его отец промышлял контрабандой и он тоже был потомственным, но по мелочи и за рамки разум-

ного не выходил... Он его и сольет, подумал Паленов. Самое время... Сколько можно сидеть... Ему не раз за него по башке стучали, идиот он и в Африке идиот. Не раз его прикрывал... Ему казалось, что все вокруг знали, что Паленко предатель.

Но не все было так просто с этими автоматами. Разработчик автоматов Калашников заключил сделку с дьяволом для их создания. Они очень отличались от обычных автоматов, попадали и пробивали мишени на беспрецедентно далекие расстояния... Они не оставляли противнику шансов... Их контрабанда не то чтобы поощрялась, но точно не наказывалась... Ведь они не давали противнику шансов...

В 1973 году один главный инженер Лиховцев увез с завода на Урале схемы автоматов за границу, и в Венесуэле построили завод по производству калашниковых по тем схемам. Этот завод был скрыт от посторонних глаз, и мало кто о нем знал, за исключением их министров обороны и Урсулы... Даже Арина держала у Эдама автоматы с клеймом Венесуэлы. В России об этом узнали и открыли черную дыру, добавили в схемы одну неточность, и автоматы перестали стрелять. Иногда наши мастера исправляли им автоматы... А все дело было в тонкой прокладке, которая должна быть резиновой, а они делали железной... Или наоборот... И внутренние части не совсем те...

Паленов был за систему. Он считал, что Паленко неплохой вариант. Он не превышал поставки. Его отец был хорош и разжился. Главное, не давать им пользоваться деньгами, тогда им все это легко бросить. А деньги потом легко забрать. Паленов не раз так делал...

Иногда Дмитрий Семенович думал, что все вокруг подозревают Паленко. Как и всех...

Паленов был смежником — и нашим и вашим или ни тем ни другим... Паленов любил всех своих контрабандистов, и они его иногда очень радовали, например, когда продавали просроченные автоматы, у которых истлевали прорезиненные части или был явный брак с обратным ходом...

Паленко-младший был не так хорош, как его отец, уже тугодумнее и тупее. Его уже собирались сливать, он оставлял слишком много следов и слишком мало делился. Что хорошо сорок лет назад, уже плохо сейчас. Паленко называли «-цать», его поставки обычно не превышали сотен автоматов... Не так много по современным меркам... Паленко-старший учил много не торговать. А Николай строго соблюдал правила отца... Но убивал. А начал убивать, значит, здесь ненадолго... И Надя была не той. Паленко-старший тогда сильно радовался, что нашел хороший вариант для сына, а Паленов думал, что этот вариант не такой и хороший. Проститутка и есть проститутка. И доверять ей нельзя... Паленов любил поставщиков — принудительных трансвеститов. Они были не так хороши на местах, страдающие. Но вот на производстве... На производстве они были хороши, жадны и иногда сбывали попорченный товар, что иногда бывало весело... Например, автоматы с обратным ходом Марины Шайн 2003 го-

да – вот тогда все посмеялись. Паленов улыбнулся... Главное, найти подход...

Но и хороших напродавали тогда. Паленов нахмурился... И закрутилась же она тогда... Говорили же, что ее не берем! Минус один перекупщик... Но американцы... Но давайте поподробнее о поставщиках от производителя...

Есть в России два завода по производству дорогих и редких автоматов Калашникова, и на каждом есть утечка... Паленов усмехнулся... Два основных поставщика Минобороны, бабочки Паленко и тени, работали с но-лем – уменьшали поставки в десять раз, а остальные на двух заводах при производстве...

Поставщиков на производстве немного, раз, два и обчелся. А вот нолей можно развести... Надо быть сильно смелым, чтобы с но-лем связываться, и сильно своим...

От производителя

И вспоминались мне истории из моего детства, которые вместо отца и деда мне рассказывали офицеры из Минобороны, загримированные под них, с засекреченных заводов... Один из них, старый показывал мне фотографии с поставщиками и перекупщиками... И рассказывал их истории... Ох и давно это было... Старик был загримирован под моего дедушку Игоря, носил его маску... И дальше я приведу рассказы тех двоих...

– А это уже Боги, – говорил о поставщиках от производителя тот старик, именно они вершат судьбы и творят историю... От их решений зависят жизни и смерти...

– Где-то это ценнейшие дорожайшие автоматы, а здесь это расходный материал... Работа... В мусорке можно найти части автомата и тут же собрать, который от заводского и не отличить... Части калашниковых валяются прямо на свалке, их утилизируют...

– А как они делают этот брак? Директора на производстве сначала немного снижают требования к автоматам, типа нехватка материалов или наоборот переизбыток, ведь по нему мы тоже отчеты пишем. А потом якобы после проверки списывают автоматы целыми партиями якобы за несоответствия нормам... А автоматы-то хорошие, стреляют как надо. Их утилизировать должны. Но кто за этим следит? Их отвозят в свои склады и как можно быстрее сбывают... А отчеты по утилизации подделывают. И если совсем смотрят, то утилизируют автоматы, да не те. На это у директоров всегда есть свои складки с полным браком. Но это редко бывает. Обычно достаточно горящих печей и полных паллетов...

— На заводе работать легче, думаете вы, но нет, легче уменьшать поставки в разы на местах. Потому что по каждой списанной партии они пишут отчеты и отдают на склад... Поэтому они и продают дороже... Знают наизусть стоимость каждого автомата. Это эти дурачье... А на заводах умные сидят... Цену всему знают...

— Они списывают хорошие автоматы партиями, забирают себе на склады и продают. Вот у нас такой случай был, когда списали две сотни автоматов за то, что у них была клепка на два миллиметра меньше, чем положено. На работе автомата это никак не сказывается и даже редко кто заметит разницу.. Ну наш директор тут же списал и партию себе на склад отправил, а потом продавать пошел... Нагорбов и остальные своих мастеров имеют, которые автоматы могут немного поправить. И брак уже будет не браком. А мастера хорошие, из наших...

— Потом долго искали партию, думали, что директор даже пойдет под трибунал... Но как-то замяли, как всегда. За взятку, конечно, а главный инженер тогда подавал заявление на увольнение — не хочется работать на идиотов... Но его не отпустили, слишком хорош, а за Полковым, да, стали еще пуще следить...

Таких поставщиков «от производителя» было два, и оба приезжали в пансионат к Нагорбову той зимой 2005 года. С третьими, новыми Никита договорился, Владимир их и так знал, но с ними не работал, у них было значительно дороже... Владимир предпочитал работать с нодем, а Никита довольствовался производителями, он был значительно богаче — вот они рынок и поделили. Владимир всегда при переговорах с Минобороной сбрасывал цену, он не любил переплачивать, ему они доставались дешево. Его мать бы точно так делала... Но генеральша со вторсырья не всегда соглашалась, были те, кто мог заплатить ее цену... Да и автоматы у нее не всегда были так хороши. Брак есть брак... Другое дело снимать их прямо с поставки. Но при снятии с поставки могли случаться проколы, перестрелки и непредвиденные обстоятельства, а здесь тебе производители просто сгружали автоматы.

— Сложнее всего для директоров наших было выбивать долголетие, всем хотелось, чтобы директора заводов были несменяемыми. И они хотят быть именно такими... Сложно, говорят, найти человека, которому можно доверять...

Иван-да-марья

*Ты скажи, ты скажи, чё те надо, чё надо,
Может дам, может дам, чё ты хошь*
Песня Балаган Лимитед «Че те надо?»

*Утром встанешь, как подобает, до свету,
Избу вымоешь, двор уберешь, коров подоишь,
на пос скотину выпустишь, в хлеву
приберешь –
и СПИ-ОТДЫХАЙ...
С.Г.Писахов «Как поп работницу нанимал»*

– Это не люди, это Боги. Директора заводов по производству калашниковых... Директора несменяемые десятилетиями, бессмертные... Эти автоматы не оставляют противников шансов и поэтому их надо продавать за границу для баланса. А вот сын думает, что их продавать не надо, – старик показал на сына в погонах. – А это тактика боя... Так нельзя... – И они с сыном стали расставлять на шахматной доске фигуры, играть партию и говорить о тактике боя...

– Люди, которые управляют такими заводами по производству калашниковых, имеют огромную власть. Огромную власть... И была на заводе в Калужской области у нас одна Маруся. И власть в ее руках была огромная... Она заведовала складом. И долго держалась она, правда, долго... И всегда ни-ни... Но один раз было, но всякое бывает... Меха она любила дорогие и драгоценности... так купила себе шубку... А как узнали, что она из баранов, так стали соблазнять. Но на заводе говорили, что она не та... Из баранов... Поэтому... И будет поставщиком, вот посмотришь... Но и нужны они, так тоже говорили на заводе...

– И соблазняли ее очень... И долго держалась она. Ведь на таких заводах все вечные работают, и долго живут все, от директора до дворника... И власть огромная у них в руках, у людей этих...

– И был у нее сын... И любила она его. Очень любила... Но забрали его на фронт, и отдал один командир приказ убить его... Это как шапочку одеть с красной ленточкой, но там не шапочка была... – старик усмехнулся... – И убили сына тогда...

– И горевала она очень... И хозяйка она была хорошая... Кладовщица, то есть... Заведующая складом... И хорошо заводом тем управляла, складом... А как сына похоронила, так пошла в разнос... И пришла она к директору... И все на фото сына смотрит и автоматы требует продать тем, кто в ее Алешку стрелял. Чтобы того командира убить. А он и сделал вид, что не понял, сначала... Так она опять пришла, вся слезами залита...

Знает правила, что один раз попросить можно, если месть, то особенно... Это даже правильно, говорят... А он возьми и скажи: — Можно, Мария Степановна, можно... Продавайте... Я смотреть не буду... — Тогда она через Нагорбова партии продала противникам и убили того командира, что ее Алешку-то дал приказ убить, из проданных ею автоматов... Мстила ему, командиру тому... Он отдал приказ убить ее сына, как убил своими руками. Вот этими руками он убил его... И я понял ее тогда. Правда, понял...

— И пить она даже стала... И пол даже поменяла... Я говорил ей и ребенка еще завести... Но нет... Ну, думаю, не к добру... Так оно и вышло... И умерла тогда та женщина, и появился на ее месте новый генерал. Будем звать его Ивашкой, хотя нет, Ивашка — это наш директор... Тогда Генкой назовем. Популярно сейчас это имя... А это была она, та женщина. Машей ее звали... — Он почему-то расплакался... — И говорил я ей не делать этого, ведь сына не вернешь... Я сам плакал с ней. И говорил, отомстила и будет. И стала мстить всем... Всему миру...

— И стала она сбывать автоматы, давать на это разрешение... И отомстила она, и думал я, бросит. Но не устояла она один раз, и опять стала продолжать поставки... Ну, думаю, потом успокоится... Но нет... Думал, может, кровожадность ей скрутить, или топор... Но нет... баба с цепи сорвалась. Дорвалась до власти...

— И звали ее Марией Степановной Беловой, или Беляковой. И так и так... И она да, баран... Из баранов... И Буденной она была... Все ее фамилии были на «б», потому что баран, и это тоже был ее оберег... Сын, говорят, ее бараном стал, до сих блеет на каком-то пастбище... Им надо верить в загробную жизнь... В то, что все можно вернуть и умершего воскресить. А иначе никак...

— А завод тот до сих пор стоит, и Генка тот, то есть Машка там до сих пор работает и эти автоматы ворует. Она прямо со склада иногда берет и все списывает на недостачу... И партиями откладывает... Сложно это, но ей можно... ей разрешают... может она так вертеть, что потом недостачи как бы нет... Видно, ей Бог помогает... И большими партиями она ворует, бывало сотнями, и ничего... Думаю, как так... А она с Богами связалась. А Боги эти — это директора тех заводов... И редко кто проверяет, сколько материала приходит на завод и сколько выходит автоматов... Это редко кто и проверить может... Эх, думаю я тогда. Это уже плохо... Ну дела. Раз хозяева с ней дела вести стали... Это уже не к черту... Да Бог с ними. Что мы-то поделаем... Подумал я тогда и стал дальше мести двор... А что мне еще делать? А я представляю народ. Поэтому и дворник... Но это нормально. Это то, что надо...

— Так ты дворник?

— Да, а что это не люди?... Это можно сказать самые главные люди! Вот вырастешь, потом поймешь... И она, Маша, любит редкие меха. Они все что-то коллекционируют, наши контрабандисты, и где-то берегут. Так про-

ще оправдаться... Перед собой и людьми... А коллекции потом куда-то отдать можно... — он вздохнул.

— А потом она самого директора проверять стала. Ну, думаю, тут они друг друга и сожрут, начнут друг на друга доносы писать... Но нет, ни одного доноса они не написали. Знают, что с завода ничего выносить нельзя, никакой сори. Начнутся проверки, всех пересажуют, всех перебьют!

— Когда наш директор начал вести дела с баранихой, то даже приставал к ней немножко. Вот смеху-то было. Кабан на барана залез. Но она его быстро отбрила. — Негоже, вам Иван Дмитриевич, — говорит... — Вы женатый человек... — И все тут. Он руками и развел тогда... А они все внуков хотят, да жены никак зачать не могут, — старик только пожал плечами... — Не положены им дети теперь. Уже ни Далилы, ни Марины не помогают... Ни заговоры древние. Они исчерпались. А Тициан да, может еще, и на правнука своего поглядит, я думаю...

— А в народе про наш завод стали песню слагать, люди это любят... Как они друг с другом диалог ведут, кладовщица наша и директор. Она его спрашивает «Че те надо?», а потом отвечает дам или не дам... Это директор наш Иван Дмитриевич Нагиев просит у своей ключницы, то есть теперь ключника, ключи от заветной комнаты, в котором бракованные автоматы лежат. Там брак такой бывает, смеху да и только... Такой брак и продают... А она ему эти ключи не дает... Это они про ключи от склады. Он у нее ключи просит, а она все не дает... Типа просит ее в долю, это она рулит всем процессом. С тех пор и ведут дела, договариваться научились. Есть такая комната под лестницей, где спрятанные автоматы лежат... Склад называется. Вот они ключи от этой комнаты просят... Директор Иван и кладовщица Маша ругаются по поводу доступа к складу бракованных автоматов. Так они и воруют сообща или по отдельности. Как придется. Одно кабан и баран... Вот они и перекликаются Иван у Марии спрашивает, а она ему отвечает... Иногда работает один Иван, а иногда одна Марья. Но рука руку моет, и друг с дружкой они делятся, говорят... А мы и не лезем. Мы люди подневольные. Властью не обладаем... А накладные да, они подделывают... Но разве кто докапываться будет. А автоматы, да, пропадают. И люди воруют с завода себе, на охоте пострелять, например... А недостачи они списывают. И правильно, это говорят. Но вот заговорались они совсем, говорят у нас на заводе... Слишком много продавать стали... Их и списать хотят... Вот и песня под них сложена...

— А потом она возьми и позвони мне, ключница наша. Уже и тело вернуть решила, неудобно-то мужиком-то ходить. Да и зачем ей. Это если званий и чинов надо. То мужиком, оно лучше, конечно. Опять Мария, значит... А фамилию она Буденного взяла тогда, пока мужиком-то была. Но она когда тело себе вернула и фамилию опять поменяла... Часто они теперь фамилии меняют, как засветятся где-то, так и меняют... А это начальству не нравится. Следы замечают, значит...

— Ну звонит мне и спрашивает, можно ли поставки превышать. А я и говорю ей, что нет, конечно, что чем меньше, тем лучше... Она-то и разговор завершать не стала, быстро трубку бросила... Но с тех пор наши тихо сидят и мало левачат... Наших как подменили. Это у них в будущем волны пошли. Это значит, что мы их снимем все-таки, — он даже как-то приосанился. — А завод, пусть. Завод пусть стоит... Станки-то не виноваты, что люди делают...

— Но и их понять можно. Хорошо их в дугу гнут... Их ведь тоже ломают. Они ведь тоже люди... Как сказал мне один генерал, к каждому надо найти ключик... А ключики вот эти ищут, как Нагорбов и Кривогор... Они все и покупают...

— Это Калужский завод... А есть еще завод на Урале... Так там попроще все. Там один этот петух сидит, Полков наш, люди его Тициан зовут... — старик усмехнулся и продолжал...

— Итак, на заводе в Калуге два поставщика — это директор наш Иван Дмитриевич Нагиев, и кладовщица Мария Степановна Беляева. И семья директора-то вся замарана, и дети. Двое у него. Они даже иногда на заводе вместо него... Жена часто вместо директора сидит... Но разрешают. Значит, свои думаю... Но сына у них уже на войне убили. Одна дочь осталась... А на Урале только один, но какой... Есть еще мелкие, а это основные... Ты пиши-пиши... Или запоминай... До кабана тоже директор был, так он вообще застрелился. Работать так не смог... У нас только такие приживаются. Многие не могут...

— А Тициан этот старый, да. Так он уже лет сто пятьдесят у власти...

— Они-то, кабаны, до барана своего так, помаленьку воровали. Кабаны-то и в Африке кабаны. А как верховного нашли, как баран их впряг, так совсем осмелели... Как нашли главного, так вышли изо всех норм... И поставки гонют и гонют... А Нагорбов — это их основной покупатель. Из их автомата и того пацаненка ранили с «чистым разумом». Или не ранили. Вот мне сын, Дмитрий Павлович подсказывает. Но партия это их была, поэтому и на нас за него ответственность лежит. А «чистый разум», его нельзя... Это уже совсем нехорошо. Но разве это им, зверям этим объяснишь. Они и не люди ведь. По крайней мере потом станоятся... Со временем... Так что и за «чистый разум» сливают их. Этого пока не видно. Но уже сливают... — он опять махнул. — То поставки их задержали. То донос написали, а как проверки пойдут! — тут старик прямо рассмеялся и схватился за коленки. — Ой, не сдобровать им... Ох, не сдобровать... Много они совсем стали... Раньше только с Нагорбовым дела-то вели. А сейчас и с Мариной этой... Шайн... В общем все считают, что за высший разум их. За того пацаненка... А я думаю, нет, за тех солдат... — А под глазами на щеках старика были шрамы от постоянных пластических операций, как у матерых оружейников... У него было широкое круглое лицо и темные плешивые волосы: — За солдат, я думаю... Эти поставщики утонули в поставках... Утопли они уже...

— То один Иван поставки проводит, с Марьей, кладовщицей нашей не делится. То она одна... может, поэтому так много наш завод автоматов за рубеж поставляет и так много наших ими стреляют... Но завод уже про- штрафился. Пора их снимать! — И старик как будто ударил в посох...

— А у того, кабана нашего, директора, Ивана Дмитриевича Нагиева, раньше Игнатьевым был, а потом Беляевым, семья, и все в курсе. Вот им не везет сейчас. И все у них из рук вон плохо. А это все из-за поставок... А семья почему. Потому что плохие они все. Он как болеть начинает, так они его подменяет. А как болеть? Ноги гниют у них и как копыта становя- ся, потому что кабаны. У Игнатьева зубы гниют и постоянный запах гнили изо рта... Около него летают мухи... Пальцы у директора гниют и даже от гнили полностью отваливаться могут. Он их хранит в холодильнике. Правда, иногда прирастают. А как им ходить больно! Потому что левачат... Потому что продают... И гнилью постоянно от них пахнет. И не помогает ничего... И не поможет... Как левачить начинают, так и гниют все. И все равно делают! Они специально ходили к колдунам, «покупали» заговоры кабанов и петухов, чтобы от постоянных убийств не терять человеческий облик, работать, чтобы так сохранять психику...

— От них идет постоянный запах человеческого гниения, на то и каба- ны, свиньи, то есть. Им сказали, чтобы меньше болеть, можно убивать де- тей в детдомах и пить их кровь. Так они всей семьей стали так и делать. Тогда им поменяли фамилию на Нагиевы. Так они нарастили свою крово- жадность... Стали ее стремиться отдать... Решили, лучше болеть, чем быть вампирами и на людей кидаться...

— У них тоже подземный дворец, или выкопанный, где они хранят свое богатство — шелковые подушки с самым дорогим наполнителем, са- мые дорогие в мире одеяла... Наверху все попроще, внизу все самое до- рогое в мире — они любят роскошь. Игнатьев даже сделал документы на вымышленную племянницу, чтобы дочь и жена могли за границей со- рить деньгами... Недолго разрешали... Их подземный дворец расположен как бы кругом. И удобно, говорит Игнатьева.

— Одной из своих пуховых подушек Игнатьев убил пронырливую жур- налистку, которая начала за ним шпионить. Она даже залезла к нему в подземные хоромы... Она так била руками по подушке, которой он ее душил, что пух летел во все стороны. На той подушке осталось ее ДНК. Он потом долго не мог в эту комнату входить... Говорят, кто-то следил за зана- веской...

— А раньше-то как было. Их было двенадцать «братьев», двенадцать месяцев, но не братья они были, конечно. И каждый месяц был один по- ставщик. И в следующий месяц они сменялись. И были крупные месяцы, и мелкие, большие поставки и маленькие. И каждый раз это была рулетка. Но слишком много их стало. И делиться они не хотели... И стали соревно- ваться. И отстреливать сами себя. И осталось тогда несколько. Остальных, того, — и старик поводит ровной ладонью ниже подбородка, как отрезал

себе голову. — Убили их всех. Полков тогда январем был... А Нагиев декабрем... Расходились они всегда... Сейчас тоже так можно, но не нужно... Полков это начал, ту систему рушить... И неудобно им было, одни месяцы популярны, а другие нет, у одних сплошь контрабанда, а у других голяк! Полков тогда всех и отстрелял!

— А я да, мету да мету, кому какую прослушку ставлю, а потом так слушаю помаленьку. И невидимкой походить могу. Так они прям при мне тот диалог вели, который в песне тепеь поют. Дай, да дай ключи. Очень надо. Ха-ха! Служу на благо отечества, — старик приложил ладонь ко лбу. — Ну как могу, — сказал он уже согнувшись и как-то сжавшись. — Как могу, так и служу.. А я дворником и там и здесь подрабатываю. И смотрю за всеми, за всеми наблюдая. Все всё понимают, не пойдешь ты против системы, ты один не пойдешь... Это я вампирам ту песню заказал, чтобы посмеялись все... И как бы знак дал, что пора. И чтобы их основному поставщику Нагорбову понравилось...

— На самом деле тогда, на войне, умер не ребенок баранихи. Это мы потом узнали... Она клон вместо своего отправила, а директора знали, ДНК сделали. А свой сын уехал. Спрятала она его, а как начала левачить, то наемник убил его, ребенка ее. Контрабандой занялась — ребенка похоронила. За обман убили... перед людьми тогда хотела себя обелить. Интересно с людьми жить, интересные они такие... Правда?

— Они и журналистку одну убили, которая нос везде совала, кабаны эти... Но что я тебе рассказываю?.. Другую просто выгнали. Пришла она работать тут под видом помощника бухгалтера. Так они ее работой загрузили, она сама и сбежала...

— Ох и нехороший этот Нагорбов. Я разбираюсь, ох и нехороший он...

... — А Сергей Аркадьевич Горюнов, а теперь Новакова ему дали и Владислава, а так Колька он, Колька, сам из оружейных баронов. Поэтому у нас и прижился, — рассказывала мне Мария Степановна, бараниха-ключница Калужского завода. — Он знает все тонкости нашего дела. Может вовремя закрыть глаза, вовремя написать донос. У нас новенькие не приживаются. Их сразу выживают. Сначала грузят работой непомерно... А если не понимают, то подставляют и отдают под трибунал. Так только чтобы по-тихому, через своих, без лишней огласки, чтобы не привлекать внимания к заводу... Здесь приживаются только свои... Дети своих... Родные... Кому мы можем доверять... А старик этот, дворник, это их волк и он их иногда гоняет... Волк, зубами щелк, бедный, значит...

Иван Игнатьев

Отец Ивана Игнатьева, будем называть его так, хотя сейчас он взял фамилию Нагиева, фамилию отца, фамилия Игнатьева была фамилией матери. (слишком много они семьей ели детей) тоже был военным. Он служил Отечеству верой и правдой, не воровал никогда. Именно поэтому сыну достался такой высокий пост, хотели наградить отца, а наградили сына. Все хотели видеть в нем отца. Но на отца он был похож мало. Он был похож внешне на мать...

Дмитрий Иванович Нагиев женился рано... на сироте из военных. Хорошо женился, говорили. Ее родители не так давно погибли в автокатастрофе. Его жена была его полной противоположностью. Только была она из семьи таких же контрабандистов, торговцев оружием Минобороны. Она знала, что такое хорошая жизнь и богатство. Она любила другого, но вышла за Дмитрия – у него была выше должность... Перед свадьбой к ней приходил ее прошлый жених Толик и сам настоятельно советовал выйти замуж за Нагиева. Плакала она долго тогда...

Жена появилась в его жизни и стала его поездом есть, мол, живут они бедно. Дмитрий Иванович был человеком мягким от природы и не выдержал ее нажима, попросился, а потом ушел на фронт... Он сбежал из дома, от жены на фронт.

Через полгода он вернулся к родам жены. Дмитрий Иванович назвал сына в честь отца, Ванькой. И опять ушел на фронт. Жить с ней было невыносимо. Дмитрий Иванович вырос в очень любящей семье, и такое отношение жены не принимал, но жил с ней ради сына. Развод для него был неприемлем, да она от него и не ушла бы!

– Если бы он думал о себе! Если бы он только о себе думал... А как мы могли бы жить! Ведь предлагали ему...

Но Дмитрий Иванович в этом вопросе проявлял неожиданную твердость, чем удивлял окружающих... Так он служил лет десять по горячим точкам. С семьей он ездить по горячим точкам не хотел, из дома бежал...

Его жена кляла всех вокруг... Она думала, что из-за постоянных руганей он перейдет на другую сторону, и как ее отец займется контрабандой. А он вместо этого сбежал на фронт и не жил дома.

«В полях» он встретился с возлюбленным жены Анатолием, на смерть его не отправил, а следовало... Когда они потом поменялись местами, тот не задумался... Дмитрий Иванович израсходовал запас своей удачи и смертности... Его жена последние годы изменяла ему со своим Анатолием, жалея, что в свое время не вышла замуж за него. Ее муж болел, лечил желудок, у него уже барахлило сердце. «Как отец», – думал он, а жена его втихомолку подтравливала, рассчитывала после его смерти разжиться

с Анатолием – его жена тоже болела. Перед его смертью она решила пожить с мужем в ладах...

Дмитрий Иванович на войне был убит... Его жена ненадолго пережила мужа, сильно заболела, ее тоже могли травить втихомолку... Своему Анатолию она была не нужна. Она умерла на руках у сына-подростка... Перед этим моля его по всем вопросам обращаться к Анатолию Владимировичу, возлюбленному своей юности...

И боролись в Иване Дмитриевиче две противоположности – жадность матери и честность и доблесть отца. Но отца давно не было, а мать все детство пела ему на ухо свои алчные песни и. Он на всю жизнь запомнил, как они могли бы жить, когда Дмитрий Иванович с семьей отдыхал в гостях у важного подполковника... Если бы его отец был сговорчивее... И на таком посту, который он сейчас стал занимать, победила его худшая сторона. Иван Дмитриевич ввязался в контрабанду и Анатолий Владимирович, «хороший знакомый его матери», имел к этому непосредственное отношение... Иногда Иван Дмитриевич задавал себе вопрос «Одобрил ли мою жизнь отец?» и отвечал себе твердое «нет», а потом задавал себе такой же вопрос про мать, и отвечал твердое «да». Иван Дмитриевич благодарил Бога, что хорошо женился... За это он был очень благодарен судьбе...

Его жена, урожденная Мария Степановна, в девичестве Нагорная, не чаяла в муже души. Когда они поженились, он уже промышлял контрабандой. И то, чего очень не хватало Ивану Игнатьеву – внутренней уверенности в себе, он нашел в своей жене, опору в жизни.

Кабаниха Мария Степановна, бараниха Калуги тоже. И все в этом видели знак... Потом бараниха стала Мариной...

Тициан

– Вячеслав Григорьевич Полков или Полонов, не знаю уже, а раньше его Игорем Львовичем Каляевым звали, а потом Дмитрием, все тогда Дмитриями были... Так вот это директор нашего завода на Урале.. Автоматов... И долго он уже директор. Директоров-то много, но это он внутренний, всегда на месте... Очень долго... Уже и не помнит никто никого другого... Петух наш... Тициан...

– Очень хотел петух Львом называться. Именно он убил директора того завода Львова, и поэтому Львовичем стал. Правда, давно это было. А тот лев был, детей жрал. Вот он его место и занял...

– Нас тоже всех постоянно проверяют, ДНК-тесты делают, кровь берут, клонов боятся. Так просто никуда не уедешь... И клона надолго не приставишь.

— Ух, этот Тициан весь завод в страхе держит, чужих не любит и не пускает... И молится на него начальство и верит, как себе... А он, того, левачит и автоматы Нагорбову и сейчас Шайн продает...

— А Тициан наш свою кладовицу в дугу скрутил. Он единственный контрабандист на своем заводе... Она у него часто висела. Плеткой ее избивал. А я ей и говорю: — Оно тебе надо — воровать. Ты на него посмотри, он и ходить-то нормально не может. То костыли, то палки в ногах... А у тебя и дети будут, и внуки нормальные и здоровые... За деньги счастье не купишь... — Она и успокоилась... А кабаны прямо выдохнули, когда их баран припряг.

— А Тициана нашего, а я Дмитрием Львовичем зову по старинке... Да, подстрелили в 1992 году его же автоматом, проданным Нагорбову, — старик опять хлопнул себя оп коленкам и прямо расхохотался. — С тех он хромает, петух наш, значит... За «чистый разум» подстрелили... Пацана одного убили тогда... О и шуму было, говорят... Отец его математик известный, поэтому, значит. Поэтому и подстрелили...

— Видишь, Полков старый, седой, значит, очень больной. Значит, много левачит. Ему проще объяснять болезни старостью. А мог бы выпить таблетки молодости. Да ноги не ходят, все гнутся и ломаются... Поэтому и старик... И он часто, почти всегда носит яркие брюки в вертикальную оранжевую полоску, думает, что это визуально скрывает худобу его ног.

— У кабанов ноги гниют, а у Полкова нет, знает, старый хрыч, что делать, чтобы не гнили. Поэтому петух он. Как главный на дворе... У него ноги сохнут и как палки выглядят. Палки не больше трех-пяти сантиметров в ширину. Он как левачить перестал, так на ногах даже жирком оброс, в шортиках ходить стал, радовался. Зато потом как спички ноги стали... Это от поставок. Так он их тряпками обматывает, палки накручивает, чтобы ходить мог; как на ходулях, ходит на палочках... Это поэтому он как старик выглядит, чтобы палочка ему шла... Иногда даже на костылях ходит... А кабаны говорят, что и не левачить нельзя, тогда убьют их. Нагорбов сам и убьет... И пытал он их... Было дело... Поэтому они и поставки проводят, чтобы жить... Вот такая у нас работа... — старик развел руками... — Но говорю им, уволься и живи дальше. Но нет, отвечают. Это мой долг. Служат так они отечеству... Это долгом называется... А ноги да, это страшно эта ходьба его... Петух наш носит каблучки, чтобы ноги длиннее казались. Чтобы было незаметно, как они сохнут... А те носят калоши, а то ноги пухнут и гниют...

— На деньги от контрабанды он редкие картины покупать стал... Наши все что-то дорогое коллекционируют... Ох и много у него этих картин... В подвале держит, в секретных комнатах. И Рембрандта покупает, и Ван Гога. Меня как-то раз туда приглашал... А я не особый ценитель. Так посмотрел... Но восхищаться не стал, на деньги от контрабанды. На костях все это! Я им свой теперь стал. Как третий десяток там отслужил... Уже свои мы-с...

— А почему Тицианом? Так случай один был... Так вот, он очень любил редкие картины и собирал коллекцию... Дмитрий Львович, да, давай называть его именно так. Он последнее время часто меняет имена и фамилии, отчества обычно не трогают, но этот и отчества меняет... сейчас он Полков Геннадий Иванович, по-моему, или Вячеслав какой-то... Но Геннадием точно был... Для всех по-разному. Но давайте будем называть его именно Дмитрий Львович по старинке... Так вот, он купил себе огромную картину Тициана. Я еще думал, где он будет ее вешать, она же громадная. ... Он ее и так городил и эдак... Вот он с ней намучился, говорят... Он и комнату под нее сделал. На стену повесил... И сидел-любовался. Картина во всю стену! А оказалось, что Тициан делал фотографии, это была увеличенная раскрашенная фотография! — старик громко расхохотался. — За десять миллионов долларов! Сначала он чуть не умер, когда узнал, сколько стоит картина. Потому, что это раскрашенная фотка. Тициан фотки раскрашивал. И пока он переживал по поводу Тициана, не провозил поставок с Нагорбовым.

— Он и судиться хотел, но дело бы приобрело огласку... А огласку ему никак! Нельзя ему было такую дорогую картину покупать... Вот хорошо тогда в галерее картину эту продали и попали! — старик опять хлопнул себя по коленям и захохотал. — А то судебное дело, гласность! Он и покупал ее инкогнито! До сих пор себя простить не может. На картину эту он долго собирал! А это фотография! Зато большая! Почти все деньги тогда спустил... Побаловать себя решил! Они все ждали ее обратно, уже извинения готовили, а он оставил. Решили, тонкий ценитель прекрасного! Даже такое искусство понимает. Вот в галерее порадовались! И Тициан взлетел тогда! Цены прямо выросли! А он контрабандист! Вернуть ничего не может! Его отследить могут! Как удачно продали! Вот погрузился он тогда! Инфаркты пил... Я думал, он умрет или руки на себя наложит... Так и весит у него та фотография, он думал ее сначала закрыть совсем, но потом решил, что старая и оставил. Ей уже столько лет... Какая редкость! Оставил за древность. Он даже немного пить тогда начал, но вовремя остановился... С тех пор его Тицианом и зовут... Теперь тоже фотки увеличивает, как Тициан. Стал разбираться в древнем искусстве. Фотку сделали, увеличили, раскрасили — вот, пожалуйста, картина получилась! Вот посмешил нас тогда... А мы ему камеры тогда поставили, посмеялись на славу. До сих пор вспоминаю, смешно становится... Есть в жизни моменты радости! Любим мы нашего Тициана за такие моменты, любим... Ему тогда «плащ» поставили, и он по галереям походил с внучкой. Может, потом кому сможет впихнуть! Я думал, он ее спалит совсем. Но он оставил... Молодец, говорят искусствоведы. Если бы он Тициана спалил... А Тициан да, говорят картины сам рисовал... редко фотки раскрашивал... Так нашему даже редкая досталась... Картина-фотка... Так наш Тициан купил древнюю фотографию! — И он опять рассмеялся, искренне и с душой... Так смеялся Дмитрий Семенович, когда говорил о поставке Мариной Шайн автоматов с обратным ходом...

— Думал, потом левачить опять начнет. А он нет. Также как обычно, потихоньку, полегоньку, помаленьку... И с Мариной Шайн через Далилу... Только с ней. Думал, с Никитой будет. А он с Владимиром начал... Кто их поймет, этих поставщиков калашниковых... А она без матери росла, как и он... Поэтому с ней, чтобы помочь... А теперь вот с Владимиром, и она не та стала... Они все со всеми...

— Контрабандисты покупают такие картины, и зачастую они не так плохи. Потом он уточнил, как в средние века фотки увеличивали, оказалось, что лягушки, и он стал лягушку-самца ждать и девиц ему готовить. К картине лягушка прилагается. Решил, может договорится, и солдатами будет брать... Потом уточнял, может, ему надо самому лягушку искать... Потом Тициан наш лягушку по России искал. Потом понял, что лягушку давно откупили — когда это было! Увеличить фотку — это не так дорого!

— Потом ему сообщили, что картины-фотки и обычные картины давно приравнили. А с помощью лягушек и статуи делали. Людей делали каменными, а потом увеличивали или уменьшали. Век живи, век учишься... Но он все равно остался недоволен покупкой... Не сидит больше в той комнате, на картину не любит... Он хотел, чтобы это не фотка была и рисованная картина... — и старик опять расхохотался.

— Когда-то великий, а он поистине был великим, художник Тициан увидел поставщиков оружия с крыши и быстро сделал фотографию их лиц. Потом увеличил, чтобы фигуры на картине были по росту такими же, как в жизни. Но не стал перерисовывать, чтобы не испортить лица, а просто раскрасил фотографию... Так получилась картина с реальными поставщиками оружия... На той картине их петух был сфотографирован. — Ах вот оно что, — сказал Полков, когда узнал эту историю. Теперь картина заинтересовала его еще больше. Но говорили, когда сливали поставщиков, потом тонули в войнах. И следующие картины Тициана были как раз о войне. В двадцать первом веке это правило уже не работало. Это сами контрабандисты придумали, говорят...

— Контрабандисты любят выезжать за границу, переводить свои документы на чужой язык и в обратном переводе получать другие документы... Полков даже ездил за границу, в галерею, где купил Тициана. К нему вышла искусствовед инкогнито и горячо убеждала его, что фотография — это ничего страшного. Что ни один искусствовед в мире не будет позорить его картину, что они давно приравнены. Что так художники учились рисовать... Она даже плакала, говорила, что люди не понимают такие фотографии... А это когда было? А сколько девушек за нее убили, и как Тициан учился рисовать... Она еще раз горячо пожала его руку и исчезла. Он приехал домой успокоенный... У него как-то потоп был. Он Тициана своего вытаскивал... Еле вытащил... Сначала думал не вытаскивать, пусть мокнет... Но потом вспомнил, сколько он за него заплатил и все-таки вытащил... Они даже стену рублили, чтобы Тициан поместился. К нему тогда Нагорбов пришли с Шайн и помощниками и помогали картины спасать. Он тогда по-

нял, почему в галереях всегда широкие двери. Так он один из крупнейших коллекционеров Европы теперь...

— Наши все себе подземелья повыкапывали... И петух наш... Небольшой домик сверху. А под землей прямо дворец. Прячутся. Он сам свой подземный замок и копал. Сам его теперь убирает. Ему, правда, внучка помогает иногда. А как он себе замок копал и выносил землю в тележке! А сам на ходулях... Еле ходит после поставок... В подземных замках и крыши обваливаются, и если сверху дом, то канализация прорывается. Все вредят по мелочи... Соседи недовольны, что ты под ними живешь... То они себе новый туалет копают, то сливную яму делают. Над спальней Тициана нашего сливную яму сделали... И ему воняет постоянно. Один что-то копал, и к нему во дворец попал... Но забыл все, Слава Богу! Мы та все рядом живем, закрытой областью... Копают и попадают в подземелье нашего короля. Я ему говорю, ты хоть картины нормально повесь, чтобы над ними сливной ямы не было. Так он решил всех соседей разогнать. С Нагорбовым договорился. Он их дома посжигал, по дому в пять лет... За поставки... Они и поразъезжались. А новые не покупают, бояться... Говорят, тут разбойники орудуют... И дом старичка нашего, он заговоренный. Святой человек, значит... — он опять рассмеялся. — Все молодеют, а он отказался... А он так старичком и ходит... Считает, почетно это. Оно и правильно, вон он сколько уже живет...

— А как он себе внучку делал... Был у него сын, значит... И он за двадцать лет до ни-ни. Я тогда еще не работал, правда... не знал, его. Думал, он чистый. И долго за ним наблюдал. А он петух, значит, должен. Его и соблазнили, а он ни в какую. Ни по мелочи, никак... И в склад себе хороший брак складывал. А как его невестка зачала, он ее тут же увез куда-то и начал левачить, как внучка родилась. И как начал левачить, и партия за партией. И продает! И продает! Прямо партиями! И свой брак сгружает и сгружает... Полностью опустошил склады тогда, — старик вздохнул. — Левачил он хорошо тогда, но двадцать лет ни-ни. Я ему даже черную метку тогда положил. И свои положили. Знают же, что петух. Но свои разрешили. Это двадцать лет. Это он внучку ждал и поэтому не сбывал оружие. У них дети долго растут, они ведь долго живут. Десятилетие за пять лет. Если ей двадцать, то ей как бы десять. Уже ей под тридцать, то бишь выглядит на пятнадцать. Ну да Бог с ним! А старик тот, петух наш, жену похоронил и левачить начал... Боялся за внучку, значит. А так детей им никто не делает. А у него вот внуки... — старик развел руками.

— А Тициан, да, похоронил сына... На войну его отправили, там и убили... А жена его, невестка Тициана, умерла, когда Наде было три. Полков тогда мегапоставки проводил... Его внучка Надя мать совсем не помнит...

— Женой Полкова была бывшая рабыня из Казахстана. Контрабандистов тогда часто женили на рабынях. Их детей в рабство продавали. Его сын уже умер... Полков же старше Игнатьева. Контрабандисты верят, что надо замаливать, чтобы не болеть, и инцестом замаливают. Тициан соби-

рался спать с внучкой и делать ей сына. И когда его внучке было пятнадцать, он начал спать с ней, сделал ее своею любовницей. И хочет от нее детей, говорят... Но и девка не проста у него, тоже я слышал...

— А они, да, и детей хоронят. И живут несчастливо... И болеют дети у них. И сами они болеют... Ох и плохая дочка была у Владимира, ох и плохая... А все думали ничего. А я видел...

— Он один видел, — поддакнул его сын, генерал-майор.

— Вот накуролесить она могла. Но умерла уже... Бог им судья... — и старик стал креститься... — И говорят, если бы можно было продавать за границу автоматы, то поставщики бы не болели, а если болеют, то нельзя...

— Все равно бы болели... И все равно нельзя, — говорил его сын.

— А бабы да, бабы у них несчастные... И внучка того Тициана тоже несчастная... Ну не положено им женское счастье. Ну не положено! Потому что автоматы продают, которыми наших солдат убивают... А за границу им нельзя. Это трибунал...

— А то, что никто не может проверить полученный материал и выход автоматов, так это неправильно. Тащиан проверяет и отчеты подделывает... Умный мужик... Но к нему не прикопаться... Хорошо заводом руководит и люди его любят... И безжалостный он, конечно...

— И я тоже всегда вспоминаю, как он отдал приказ убить одного молоденького мальчика... Ему нового зама поставили. А мальчик чистенький-чистенький. И старался так, во всем разбирался. И петух в отпуск ушел, а пацан дела вел. И все сделал. Без сучка без задоринки. Давно я таких старательных не видел... И свои приставили. А он ему никак. Тот левачит... Ему никак этот мальчик не подходит. Ему надо глаза на недопоставки закрывать, а он не может, из своих. Он ему пару раз на ошибки показал и докладную написал. Тогда он его того. Убили пацана. И так, чтобы никто не знал... Типа уволился, перевод попросил. И нет его. И хороший пацан был, и нужен был нам такой... Значит, еще левачить будет, думаю я тогда... Если ты так можешь... И до сих пор того пацана ему не простили. И не простят никогда... Это потому что из своих. Не простит и генеральша наша, Марфа Васильевна, мать его... Это ее приемный сын был. А ее настоящий сын умер в рабстве, говорят. И умные отсюда бегут. И бегут сразу. Это работа неблагодарная, и она затягивает. Затягивает, поверь. И сложная работа, сложная.... Поверь... И платят мало. И испытывают тебя здесь... Постоянно испытывают... И редко берегут...

— Если из верхушек кто-то ребенка похоронит, значит, Тициана сольют. Или его, или ее, Марфу нашу...

— А как узнала Марфа наша, что Тициан и Нагорбову поставщиком был, и Шайн этой — он еще с ее бабушкой работал — так тут же отдала приказ убить его сына... И похоронил он сына тогда. Получил внучку и похоронил сына. Надо, чтобы их семьи всегда были на виду. И это правильно... Марфа Васильевна говорит, что потихоньку, помаленьку,

а он почти основной поставщик Нагорбова и Шайн. А левачит по-крупному...

— А Тициан да, крепко сидит. И давно. И нравится многим... И его прикормить надо, как без этого? Но он свой... И в чести... И не умирай за это, Арина... Не умирай. Не стоит оно того... Жить надо, молодая еще... Или если умирай, то наверняка...

— И знал же Полков, что не может у меня детей быть. И сделал мне сына. И с тех пор мы с ним как братья стали. И тошно мне, и плохо... мы с ним долго работали. Но тошно мне с ним. И пошел я на другой завод... Ушел, говорю, у тебя порядок, а там бардак... Новые порядки наводят, значит, я туда пойду...

— А Тициан не так плох в своей роли. Так считает большинство... И получился прямо скотный двор, Паленко — конь, его прадед конем был. Игнатьев — кабан, Белова — баран... И Полков — петух, во главе... Весь скотный двор как на ладони... — Он почему-то усмехнулся и посмотрел на меня... — Есть еще другие, но они поменьше, — и старик махнул рукой...

— А сейчас да, сейчас новые полезли. Но этих я не знаю совсем... Это которая работает недавно. С Никитой дела ведет... Но это с Дальнего Востока, там не завод, а заводик... Вторсырье продают. Но наворовать и там можно... Они под Тицианом. Но тот завод относительно недавно открыли. Рано они воровать начали... Все гадали, надолго ли их хватит. Хватило ненадолго.

— Они бэушные автоматы продают. Которые на утилизацию приезжают. А что, это часто хорошие автоматы, потер и что надо... Да ну их, — старик опять махнул рукой... — Бог им судья... А мы все считаем, сколько автоматов и куда продали... Эти поставщики как-то тонут. Вот Тициан почти на плаву. Мало продает и втридорога. Держится хорошо. Но очень уж нечист. И кого-то к нему приставить трудно... Не доверяет никому, только своим, проверенным... А эти с завода в Астрахани все никак всплыть не могут. Или потому что их двое... Уже под дверь гири на ногах наели... Все продают и продают... Снесут их точно, вот посмотришь, точно снесут... Это они и с Далилой работали, и с Нагорбовым. Их и топить уж совсем можно... А эти недавно, да. Этих мы не знаем совсем...

— Ну а других я уж и не знаю... — старик развел руками... — А ты пиши-пиши... И запоминай, как рассказываю...

Мастера

— Вот у нас случай был... Давно правда... И мастер у нас один был... Молодой еще. И кто же таких сюда отправляет? Сюда служилые нужны или уже со сроком, но умные. Таких тоже полно, поверь... А этот к чему? Это она была, Марфа наша Васильевна. За сына мстить начала. За убитого тогда его помощника... И дальше будет так мстить. Посмотришь. И молодых и глупых посылать... И знает это Полков. Знает... И мастер этот, глюпыш наш, не шел директору на встречу...

— А Тициан наш, да, это и есть наш Полкан. У них много имен теперь...

— Он только немного освоился на производстве и пошел разбираться, почему они сначала скрутили настройки, а потом забраковали две партии автоматов с этими самыми настройками! И пошел он тогда с директором разговаривать! И посмотрел ему в глаза... А Полков говорит, делай и все тут. И без разговоров, а то пожалеешь. Он, конечно, так не сказал, что пожалеешь, но умный бы и так понял, это автоматы, это контрабанда и большие деньги...

— И руки гниют у них, у мастеров наших, если не слушаются. Это чтобы мастера настройки те крутили, которые ему нужны и не бунтовали. Это Полкан так делает. И ему гнилье добавлял, нашему мастеру новому. И мучаются они. И спать нормально не могут. От боли воют! И уйти уже не могут. Отсюда уже не уходят. Только на тот свет разве что... И жить можно долго, если помогать. И гореть в аду, если нет... И руки им отбивает... И мастеру тому отбивал... Он тоже сотрудничать с ним не хотел. Долго правда понять не мог, в чем дело, почему то одни настройки, то другие... А потом понял, это брак становится. И отчеты писать хотел, и уехать потом...

— Смотрю я тогда, и гниют глаза у него, и гниют. Думаю, не к добру. Раньше глаза липнут, значит, заберут в гору... А теперь — значит умрешь... И липнуть у него глаза стали. Значит, скоро его заберут, думаю я... Это его хозяйка призывать стала... А хозяйки-то нет никакой... Это он, Полков наш... Хозяйка — значит, скоро замурует и будет уродовать... И мучить...

— А он все в город ездит, мастер тот, и доносы пишет. Дурак, думаю. Город-то весь свой... проданный полностью... Это в краевой центр надо и не доносы. А куда пострашнее... Поэтому и гниют глаза у него. А Полкан сидит, все своего часа ждет... И пробили часы... И час настал... И написал тот мастер тогда заявление, когда никто с проверкой не пришел... И понял он, понял, что надо бежать... Но прав был он, прав... Сотрудничать не хотел, и машины подкручивать... И Полкан отдал приказ, и поймал его охранник Полкана и запер в подвале... И не вышел он уже оттуда...

— И долго он у него в подвале сидел. И пытал он его... А у нас уши пухли от его криков, как он его каленым железом жег и глаза выжигал... Как тот волком выл... Как плеткой своей, кошкой бил... Как руки связал и пу-

стил ему в глаза голодных червей, а те ему глаза живьем выели... Как мастер кричал и просил помощи... Мастер этот никак не хотел ему помогать... Так он и умер, в подвале, изъеденный червями, в выгнившими глазами, с обрубленными пальцами... И нас всех отправлял на него смотреть, еще на живого смотреть... Как он просил пить, а нам запрещено было ему воду давать, чтобы мучился побольше... И смеялся Полкан, что мы даже помочь ему боялись. Вот такие мы друзья... А он мне друг был... Брат почти... Но молодой еще... И умер он. И бессмысленно умер... Полкан его потом воскресить хотел. Но он не восстал уже.. От пыток не восстал... Вот тогда на заводе бунт был. Я даже думал, что завод тот закроют... Рабочие тогда на работу не вышли из-за того парня... Или скинут Полкана наконец-то... Но на следующее утро все улыбались друг другу как обычно, бил их Полкан вчера, всех плеткой, своей кошкой бил... Боялись его... Все боялись... И я боюсь. Но мне его бояться нельзя... — он покачал головой. — А как-то хочется к нему подойти сзади и пырнуть ножом, правда хочется. Но не получается... Оракл у него свой от Нагорбова... И не получается никак... А Марфа эта все знала... И не дала ему больше святой воды для мальчика этого и никогда не даст, говорит... И зашло тогда над нашим заводом солнце, и думали мы, что больше оно не встанет. Без святой воды. Но нет. Перестал он нас в дугу гнуть... И пытаться стал поменьше... Без воды... Уже без последствий ему не обойтись...

— И тебя пытал?

— И меня... И больно было. Но терпел я все равно... Но я им уже давно свой. В системе.. И смотреть на себя в зеркало я иногда не могу. И тогда не мог... И презираю себя... И плеткой бью... И жить не могу... И навсегда я запомнил того мастера с изъеденными червями глазами, слепого, уже немного... воющего, который так просил воды. И как умер он... И ее с мертвой водой. Без живой воды... Это она его убила, говорил мне Полков тогда.. Нет, говорю, ты убил. Ты один и никто другой. Он на меня тогда даже замахнулся... но не ударил. Знал, что этого мастера ему не простят никогда. Он один шурупчик подкрутил, и машина заработала как новая, а на ней проблема была. Полкан сам себя винил. Знаю, что винил... Но уже ничего не поделать было. Отчеты по нему писали. А труп в море кинули, отвезли специально, чтобы его рыбы изъели совсем и никто ничего не узнал... Но помним мы его, все помним... И ее без живой воды. И мяться что-то стало тогда... И семья его искать стала...

— И допросы начались, кто труп в море скинул. Почему умер тот мастер... Кто убил... Это ведь смерть была насильственная... К нам даже полиция иногда приезжать не хочет... Бояться. И Нагорбова. И особенно Полкана нашего и его киллеров. И много тогда Полков наш отчетов писал. И даже спать нормально перестал... — старик усмехнулся. — И почему у парня глаза так изъедены... В море так не изъедают... Полков наш и платил, и подкупал... Но до сих пор то дело на нем висит. И все всё знают. И следы на теле хорошо остались... И плетка его с шипами... И к нему все

ведут... Но дело, конечно, закрыли за недостачей улик... Но шуму тогда много наделали. И трусил тогда наш Полкан. А это она, Марфа... Хозяйка медной горы. И дальше будет мстить... Я думал, что нашего быстро сольют тогда. Но кто же его сольет?... Хотя кто знает...

— А за мастера того он штраф получил... За мастера того... А живую воду теперь забирать будут...

— И все тогда решили забыть, что тогда он с мастером этим сделал. И все сложили себе что-то. А у меня тогда сын появился. Своя девушка родила... Мой сын быстро вырос, сразу до пятнадцати, ну куда он мне маленький. И дело тогда против Полкана-Тициана закрыли из-за нас. Мы все его выгораживали, как могли... А как иначе. Мы люди подневольные... А мастер хороший, видно, был и по автоматом. И стали тогда все отмаливать Полкова. Наш он и все... И все приняли это... Но не забыли... Просто руки у того мастера золотые были... И что он с ним сделал... И бояться его стали тогда, после того паренька...

— Не дай Бог попасть мастерами на те заводы по производству оружия, калашниковых в том числе.

— Ох и мастера у нас несчастные... И помогать нельзя ему, и не помогать... Говорят и болеет Полков наш все за мастеров. А мастера должны быть свои, передали ему с другого завода... А где ж своих столько наберешь? Завод у него большой... Больше калужского...

— И бил он одного мастера на этом заводе плеткой до смерти и останиться не мог... И умер он, тот мастер, тоже умер... И тоже не простили ему его. Еще до этого парня было. До золотого. И думал потом живой водой его воскресит. Но не воскресит. Мастер тот убил уже. Молод был и убил... Случайно или нет, никто не знает... — старик пожал плечами. — И того убил, и этого...

— После смерти сына Марфы началось у них противостояние тогда... У Марфы и петуха нашего... Полкана. Или она его, или он ее. Но думаю она будет... А наше дело, оно маленькое... Вот такие они, директора наши... Поэтому и бегут все с этой работы... А мы не бежим... Мы можем... — и он посмотрел на сына... — И стала она ему посылать молоденьких мастеров, и стал он их отпускать... Типа не тянут они. И не хотят работать на заводе после того случая. И стал он просить поопытнее... Да поумнее...

— А как он мастеров пытается, чтобы они ему помогали. И в нищете держит... И детей убивать отправляет. И под пытками мрут они, и не соглашаются... Помогать не соглашаются. А что он с ними делает! И шлюхами их дочерей и жен делает... Поэтому они прощают женщин своих и детей... А что они с женщинами делают... Нет, не люди это. Поверь, не люди...

— Но с тех пор мучить он мастеров перестал... И знает ведь Марфа, один труп в десять лет, и сольют Полкана. И знает... И сольет... Но и у него на нее компромат имеется, я думаю... — старик вздохнул...

— И Марфу эту Нагорбый пытал и не раз. И умирать так бессмысленно... — говорил Горюнов мне... — Все сложно... Но умирать просто так точно не надо...

Никита Кривогор

У Никиты был продолговатый и заостренный череп, как у его отца. Яйцеголовый, про таких говорят.... Седым и немного кучерявым, Никита чем-то напоминал овцу. Был полноват, с брюшком...

— Его отец, то есть мать, ... честно служил Отечеству. Сначала честно, а потом и не очень. Он занимался контрабандой оружия в Минобороны. Продавал оружие контрабандистам, он зачеркивал ноль. Так его «отец» заработал свой капитал, большой капитал он заработал, и поэтому Полков его сильно не любил. Покупателей он ему перебивал. И говорят, что Полков его контрабандистом сделал и уговорил на другую сторону перейти... Все это дело его рук. Петуха нашего. Но я уж не знаю... Что у Полкова в голове творится... А его сын, Никита, то есть дочь, ... перешел на другую сторону... Стал сам покупать автоматы и перепродавать их...

— Никита был из овцебыков. Его отчество было Александрович. Его отец был одним из основных поставщиков Далилы, еще той Далилы, которая сейчас спит... Он и ноли зачеркивал, и заводы обворовывал. И Петуха его не любил, Полков он сейчас, а раньше он Львовым был. Я его еще Львовым помню... Игорем Дмитриевичем, то есть Львовичем... И Дмитрием Львовичем был совсем недавно. Я уже во всех именах его запутался совсем. Он и Дмитриевичем был, но сначала Львовичем. Все по-новому его зовут, а я по-старому, Львовичем... Так привычнее, и мне переучиваться сложно, да и незачем... Столько новых имен у него... Из первых мы... давно уже... А Лев, да, хорош был, ни одной левой поставки не сделал. Но детей сильно ел... Поэтому его Полков и снял тогда...

— В общем, левачил он сильно Кривогор, как сейчас говорят... Александр Кривогор. Да и не Кривогор он вовсе... А обычный Филькин... Как Филькина грамота. Видишь, какая фамилия. Поэтому... Филькина, говорят, тоже ненастоящая... Но какая у него, я уже не знаю... Фокин, что ли... Он ее постепенно менял до Филькина. Фолкин, Филкин и т. д. Но и его понять можно. Из женщин он был... А потом как мужиком стал, так озверел совсем... Озлобился он сильно... С цепи сорвался. И свои его... того... Мужиком сделали... И Полков этот... Один из них был... И подбивал всех. Он за его трансформацией и стоял. Филькин потом понял, чтобы оружие на сторону продавать, надо что-то потерять, чтобы тебя все жалели... Как бы оправдание... А потом мне говорили, что Александр, того, сам хо-

тел мужиком стать, чтобы контрабандой заниматься, и специально спал со всеми, но не верил я... Не думаю...

— И он еще работал, а даже на завод его брали... Александр Филькин. Но Полков его не любил сильно... Соперниками они были по сбыту оружия. Он его и подставлял... Филькина тогда на Калугу перевели... Но и там не прижился. Там кабаны... И он как вены резанул однажды. Тогда на нем и крест поставили... Думаю, ты тут не удержишься... А, может, он и специально.

— Но службу он хотел бросить. И верен Отчеству не был. Он потом уже фамилию поменял, когда свое самоубийство организовал. И клона растил... Самоубийство свое организовал и исчез... Но старый он уже стал. Все знали, что его на заводе не оставят. Он старел. И молодильные яблочки ему никто не давал... И смолчал я тогда, правда смолчал... После его самоубийства... И пожалел потом... Когда узнал, чем он теперь заниматься стал... Он сам хотел уйти, я думаю... Сам хотел контрабандистом стать. Но таких много... Желающих. Тут заговоры нужны. Вот он и придумал фамилию на Кривогор поменять, а это сильная фамилия. И слушаться его будут. И город есть, и «гора», И как бы кривит он Нагорбова... И в дугу Далилу сгибает... И Шайн перекрывает... Ну это ладно... — старик, другой уже, махнул рукой... Из старой гвардии. Они их когда-то всех на поста и сажали.

— И на заводе праздновали неделю, когда Филькин свое самоубийство организовал. Полков даже ушел в запой от счастья! А мне сразу сказали, что если фамилия Филькин, то уйдет он в контрабанду, мы даже спорили.

— И сын у него был, Александра того. То есть сначала дочь, а потом и ее мужиком сделали. Он ей тоже военную службу готовил... Но потом бросила она, уже став женщиной. И переименовал дочь Олю в Никиту. И стал «он» продолжать дело отца... И стал новым контрабандистом оружия. Говорят, больше Владимира Никиту любят... И здоровый он еще... Но недавно в контрабанде. Владимиру основной конкурент. А Александр умер тот уже... На руках у Никиты, сына умер... И жил он недолго, говорят. Далила так сделала. Чтобы он умер после того заговора на фамилию новую. Контрабандисты всегда что-то «кладут», отдают... Чтобы детей иметь, чтобы дела вести, чтобы поставки были... Они постоянно кого-то убивают... Так Полков избавился от основного конкурента в Минобороне. Из конкурента Кривогор стал покупателем. Но не работает с ним Полков, только с Владимиром. Не любит...

— А сперму Никита взял у отца, тот еще хранил сперму деда. Или солдата какого, думал Никита. Но нет, деда оказалась. Итак, он думал, что стал воспитывать тетку, а на самом деле сестру — Александр сам брал сперму отца, чтобы сделать себе дочь... Дочку назвал Машей, как его звали когда-то. И Олей он был. Но сначала Машей. И всегда Машей, а Олей недолго совсем. Перед трансформацией... Он даже всплакнул, как вспомнил... Александр еще жив был, когда Маша родилась... Как Никита стал за-

ниматься контрабандой, так глаза слепнуть стали, от постоянных операций слепнуть. Как отец Никиты все время превышал поставки на заводе, так и его сын, уже контрабандист, превышал лимиты по поставкам оружия... И болеет он уже, говорят. Ноги у него болят. Овцы они такие, слишком бесстрашные... Только блеют, болят то есть... От больших поставок...

Как Анна Фокина стала Александром

*Ах, какая женщина, какая женщина,
мне б такую...*

Песня группы «Фристайл»

— А как тот Александр мужиком стал. Так кто не знает. Это Полков наш постарался. Даже песня такая есть. Видишь, ах — это междометие, значит, контрабандистка... Анной он был. И предсказал Полкову наш оракл, что будет та Анна продавать много оружия на сторону, а он сам продает. До этого она продавала, но немного, редко, так, для баловства. И решил он бороться. И нашел оракла Анны и купил его. И предсказал тот оракл ей встречу в ресторане с женщиной, которого она будет любить всю жизнь, за которого выйдет замуж, и от которого у нее будут дети. И даже рисунок передали ей видного мужчины за столиком в ресторане... И вот она стала его ждать в этом ресторане, Анна еще... Сначала каждый год в условленную дату, а потом и каждый месяц. И этот мужчина даже с ней общался через ее оракла. И говорил ей сначала потанцевать с ним и сразу ему отдаться. Вот она в ресторане ждала своего возлюбленного, всегда при параде, накрашенная, напудренная, и сорила деньгами она, на свои рестораны в контрабанде и зарабатывала. И чудила, и в зале плясала. И гостей пугала. И выгоняли ее даже.. А это все Полков... И если к ней кто-то подходил и приглашал на танец, то она всегда соглашалась и вела его в свой номер, всегда делала ему минет... Прямо так... И рассказывала всем своим мужчинам та Анна, где она работает, чем промышляет и как зарабатывает. Даже о контрабанде рассказывала сначала. А потом как пару так сбегали, уже ни-ни... А он утром наутек... Какая шлюха, думает. И избил ее однажды после ночи такой... Потом потише стала себя вести... А она все суженого своего ждет и на возвращение какого-нибудь ухажера надеется. А тогда какое время было... И сильно крутил ее Полков, и дочку предсказал... Так у нее было с одним — он пропал, ну не тот, думает. Потом со вторым... третьим... И все за несколько месяцев — все на танцы зовут. А там уже и трансформация подоспела с таблеткой. Полков все смеялся над ней, какая сме-

лая... Не успела та Анна оглянуться, как осип у нее голос, вырос кадык и дали ей таблетки для дальнейшей трансформации... Так стала она Александром... Но продолжала ходить в ресторан и сидеть за тем столиком... И однажды поняла, что мужчина тот на рисунке — она сама, что себя после трансформации она видела на рисунке за столиком... Подошла к зеркалу и увидела своего суженого, за которого выйдет замуж и с которым проживет всю жизнь, от которого у нее будут дети... И больше в кафе не ходила... Я хотел ей сказать тогда, чтобы не переживала. Что был у нас такой генерал, который мужчиной стал, а потом ему таблетку дали и опять он стал женщиной... Но не стал говорить, Полков запретил... И мучилась она в чужом теле и вены тогда резала... И стала еще больше орудия контрабандой продавать... Сбылось пророчество Полкова... Стала она серьезной контрабандисткой, а таким таблетки не дают уже... Не вернуть ей стало прежнее тела... И все это на заводе знали теперь... Ох, и мучился тот Александр в новом теле... Я многих принудительных знаю, но есть кто совсем плохо, он был, конечно, не так плох, лучше многих, но не очень...

— А потом и дочь ее также Полков сделал мужчиной, по той же схеме, через их оракла — предсказал ей в кафе встречу и говорил, сразу сексом с этим мужчиной заняться... В ораклов надо верить, но не так серьезно, как бы наполовину... А ты слушай-слушай...

— А это Полков надоумил Александра организовать свое самоубийство. Говорил, и с начальством меньше проблем, и никакого трибунала. Только поставки где брать, и там тюрьма, а не трибунал!

— А потом Александр узнал, кто за всем это стоял, я и сказал ему — их сталкивать надо, наших контрабандистов. И пообещал мстить ему до конца дней. И началось у них противостояние за продажу оружия... Петух против овцы... И звенел воздух! И дрались они не на жизнь, на смерть. И доносы друг на друга писали... И боялся его Тициан наш. Но хитрый петух наш, придумал его на другую сторону вывести, стал друзей подкупать... И перешел Филькин на другую сторону...

— Но череп у Анны не тот был, яйцевидный... Поэтому... Овцы они... И не один Полков был, а с быком нашим Борей Жориным. И хотели контрабандисты, как Нагорбов, их свести, объединить, что ли... И поженить нашу Анну-овцу с тем быком Жорой. Но не клонула она на него тогда, Полков не допустил, отвлекал ее. А потом она уже мужчиной стала. И отдал приказ Александр убить своего главного конкурента по контрабанде на заводе Жорина, и убили его. И проглотил овец (самца овцы мы зовем овец) быка и стал он овцебыком, и сын его... А так да, мог быть союз... Но куда Полкову это?

— А быки-то какие? Глупые они, обычно. Их часто последнее время поглотать стали... А раньше они не так плохи были. Но когда это было? Сейчас наркоманят они почти поголовно... Поэтому... И это тоже петухи их наркоманами делают, бояться, значит...

— А пока наша Анна сидела в одном ресторане и ждала суженого, Жорин сидел в другом на другом конце города и ждал ее. Полков развел их. А мы не стали мешать. Есть правило, когда звери едят друг друга, мы не вмешиваемся. Это нам на руку. Вот эта парочка натворить могла... А мы кто? Охранники оружейного завода... А сводили Анну и Жорина покупатели, Нагорбов, Шайн... И рисунок тот, который она получила, был рисунок Жорина в ресторане. А рестораны все похожи между собой... А он ей свои стихи через оракла посылал... Стихи ей писал... Песни... А она в другом ресторане сидела и его ждала... Она его песни слушает и идет с другим в кровать... Шлюха, значит... Петухи это, петухи. Беспощадные они. Клюют всех... Но это и хорошо... Нам на руку... А он с другими спал каждый раз, когда получалось... Ха-ха... Они даже один раз в ресторане встретились, рядом сидели, но он ее не узнал... Его избранница должна была быть в черном платье, а эта была в светлом... Так они и разошлись, с разных заводов были. Он к нам ездил, далеко каждый раз... Она «ах», а он «ох».

— И узнал о том Александр, когда отдал приказ своему киллеру убить его, уже после... И жалел, и опять вены резал, но так чтобы никто не знал. С работы выгонят... Воскресить его хотел. Даже ДНК дочки делал, не дочь ли она Жорина, но нет... Сперма отца, а мать — женщина с завода... Какая дочь. Он и черную дыру открывал, приходил в тот ресторан смотреть на него, говорил ему: — Это я... — Но было уже ничего не исправить. И даже приходил он в женском обличие, один раз так можно было... И танцевали они, но Анна-Александр уже стар был, за шестьдесят, морщинистый. И не поверил тогда Жорин, но понял, наверное... И жалел Александр, мы все хотели, чтобы он жалел. Так они еще сохраняют что-то человеческое в себе, если жалеют... А что они не люди разве? Не могут влюбиться?.. И, говорят, последние мысли и слова Александра перед смертью были о Жорине...

— Он потом и жалеть совсем перестал, что мужчиной стал. Говорил, что так удобнее дела вести... Контрабандой заниматься, то бишь... Но я уж не знаю... Ему виднее... Видишь, какой это мир... А замуж хотеть — это хорошо, это тоже надо...

Поэтому Никита так хотел дочери семейного счастья, которого не было ни у его отца-матери, ни у него самого... И так был рад союзу своей Маши и актера-«пояса» Леши, и так был рад внучке...

Старая гвардия

— А они все бывшие из Минобороны. А как по-другому покупки начинать. Только через своих... И Далила, старшая, конечно, тоже... Она на заводе еще при царях работала и завскладом была. Так ее Николай Второй снял, понял, что контрабандистка, и в леса отправил. Тогда младшая Далила еще маленькая была, между ними-то разница небольшая... Лет пятьдесят... И прокляла Далила царя, и утонул он в войнах. Это конечно сказки все, что после поставщиков обязательно войны начинаются. Сейчас так, говорят, не будет... А тогда было... но это не потому все... Работала у нас Далила эта, завскладом на Урале была, и тоже ее Машей звали. Заговоренное это имя какое-то, что ли... Контрабандистами с ним становятся потом... Все или Маши, или сейчас Марины. И на заводах это знают, Маша — значит контрабандистка. И потом она продавать начала, и продает на сторону, и продает, и спасу от нее нет. Тогда Лев Николаевич директором был. Его Полков снял потом. Но Лев был ничего, лучше Полкова точно... И Николай Второй заговор на Далилу сделал, и стала она страшным злом, и ушла в леса. И детей она ела говорят, без разбора, сотнями... И убили ее тогда. И восстала она... И видел я ее, и воскрешение ее. И царь отправил ее в леса, потому что неумоготу всем стало с ней. Страшная она очень... И детей много ела, говорят... И стала лесным чудищем. Та Далила. Но много она продала уже, ох и много...

— Но Николай Второй ее не потому снял, Далилу, про Аляску он забыть хотел, как продал ее, в карточную игру продал... За жизнь продал на самом деле. Думал, что мать его продала. А потом уже не смог вернуть... И переживал он, говорят. А это все трансвеститы. И вампиры. Надоели они народу уже... Знаешь, времена приходят и уходят... А эти стены, заводов, остаются неизменными. Они стояли, стоял и будут стоять... Всегда! Несмотря на время! На войны. На революции...

— И появилась Далила младшая тогда. Из проституток она, говорят. И замуровали тогда Далилу-старшую, в землю, вдвоем им никак не царствовать... И стала она спать, та Далила. И спит и сейчас, в земле, и дела свои из земли ведет. И потому что она прокляла тогда последнего царя, и сила ей дана невиданная. И она матерью была, Далила наша, а младшую мы и не знаем совсем. Но с зайцами она беседует... Не та она, значит... Родила Маша значит девочку, дочку. И дочь она тоже привела на свой завод работать. Но, думаю, теперь ты будешь потише, дочь-то, посмотри... О девочке подумай. Но она никак... Пуще прежнего поставки гонит и за рубеж продает... Сладу с ней нет совсем. А как ее замуровали, Далилу нашу, так девочку ту на заводе оставили, повзрослили ее быстро. Год за три. И мала она очень не была тогда уже... Так вот, девочка эта, Даша, Маша-Даша... Девочка эта тоже пошла по стопам матери, и стала контрабандой зани-

маться. Девчонка еще совсем, а туда же... И ее выгнали, даже быстрее матери. И тогда она стала не поставщиком, а перекупщицей. У своих стала покупать. И Полков уже сидел тогда... И с Далилой-младшей дружила та Дарья, дочь старшей Далилы. И в леса к ней ходила. И мать искала... Думали все, что она в леса уйдет, к матери. Но нет, с солдатом одним она уже жила и матерью стала... А сына ее звали Владимиром... И фамилию она дала сыну заговоренную, Нагорбов... Мать ей помогала... Так вот старшая Далила — это бабушка нашего Владимира Нагорбова... Но разругалась Дарья с матерью... В пух и прах, и никогда больше к ней не обращалась. И сыну строго-настрого запретила к бабке ходить... А как Владимир контрабандой стал заниматься, так мать и убил. Сам убил... И кровь ее пил, и вампиром так стал... Но забыл, он вообще все забывает, забывчивый он очень... — старик рассмеялся. — До сих пор не помнит и молится на мать, и вспоминать не хочет, говорят... Ну да ладно... И говорил я ей, Дарье, не рожай так рано... Успеешь еще, но болеют они, контрабандисты наши... Рано не родишь, а потом уже, может, и никак... Ты же знаешь, Арина, они все из наших, из Минобороны. Все они свои, по сути... Но уже не те...

— А Дашка да, долго с Далилой-младшей дружила... Подружками они были. Но разругались из-за поставок... Из-за денег, в общем... И больше не общались они... А отцом-то той Даши знаешь кто был? Да кто-кто... Не Полков же... Да я был, я! Поэтому на заводе и оставил. И помогал ей. Дочь все же. Но не дочь она мне. Уже не дочь... — я внимательно посмотрела на старика. «Это сколько же ты живешь?» — подумала я. Но не спросила... Он был отцом Дарьи, мужем старшей Далилы и дедом Владимира Нагорбова... Вот семейка. «Хорошо сохранился», — думаю... «Как все намешено. Просто мыльная опера. Семейные узы, они всем друг другу родственники...»

Рядом сидели какие-то люди, все примерно одного возраста за сорок, и тоже смеялись над стариком. И говорили они как пахари, и показались мне такими: — Его возлюбленная в земле лежит, людей пугает... Влюбился он... А она вон какая! Все о Машке своей думает. А как увидел ее, так упал замертво, трупы и то лучше выглядят. А как ухаживал за ней... Петухом ходил, цветочки носил, целовались они по уголкам... А влюбленный был! — и они опять смеялись.

— Да не был! — он смутился и рассмеялся... — Мы тогда тянули спичку, кто за ней приударит. Баба ребенка хочет, значит, надо!

— Иди вон к внучку!

— А он дракон, — сказал другой, — и дед его был, и отец. И он сам, когда воды попьет... На машинах он работает... На заводе в Калуге, а раньше на Урале... Не любит он, когда ему о Далиле напоминают...

«Им лет по сто пятьдесят точно», — подумала я.

— Да какой там сто пятьдесят, — старик махнул рукой. Он читал мои мысли. Он был главным среди них из-за Далилы. Что разрешил ее в земле замуравать и прекратил к ней поставки. А младшая Далила послабее, го-

ворят. – Мне двести восемь по этим цифрам, они ведь года увеличивают... Так лучше, говорят. Чтобы тысячи были... А люди потом возмущается, что живут мало, но им тогда другие документы дают, чтобы возраст совпадал... Далиле тоже примерно так... Подожди ты, – и он откусил небольшой кусок моего плеча, а под ним чернота... Плохо, говорит... Потом он потрогал мне грудь: – Значит, ты мать, это хорошо. И мальчик будет! – потом прошло время, и он опять укусил мне плечо, но под кожей уже все было белым. – Значит, все хорошо будет! Нормально! Нам просто так ходить нельзя... Нельзя удачу испытывать... Я думал, тебе руки и ноги поотрубаяют... Но нет... Значит, сыну моему. А Бухенвальд – это нормально, это еще не смерть... Ох, и страдать ты будешь. Но они все страдают, кто бороться хочет, и кто борется... И жизни отдают... И правильно это. Это баланс... Бегуны-бегуны... И бороться надо, и не бороться нельзя... И жена будешь, и мать. И развод потом... И любить будешь... И книга будет... И снесут их, а это главное... Нормально! И Марфа знает, а это уже хорошо...

– Что ты тут людей пугаешь? – вдруг откуда-то появилась невысокая женщина. А друг его рядом сказал:

– Ты считаешь, что Бухенвальд – это еще ничего... А я вот так скажу тебе, что нет... Что с такой психикой они вены режут и с жизнью кончают... А руки-ноги поотрубить, еще жить можно. Ноги – сейчас протезы делают, а руки еще пришить можно. У нас пришивают... А с того света уже не вернут... От Арины зависят жизни миллионов, десятков миллионов... А девочку другую сразу крути, фамилию Горюнова давай, чтобы внимание отвлечь...

– А сейчас все по-новому. Но мы и так живем... Правда, – он посмотрел на друзей. – Телевизор вот, но нам не разрешают. Иногда в кино можно сходить. Нам сложно, мы из другого времени... Мы этого не понимает. Нам природа... Лесок...

– Далила, – опять захихикали товарищи...

– Ну вас...

– Мы в кабак как-то идем, а он к мумии своей совещаться...

– А как на завод на Урале бомба попала, думал я, всех убьет, но нет, все живы остались. И хотели немцы тогда наши автоматы... Но не дали их тогда. А я думал, дадут... Сначала не дали, а потом... Потом стала истекать наша удача, а это война... И истекла совсем... И стали они наши автоматы на фронт поставлять. И Полков продавал, чтобы завод не бомбили. И начальство знало. И Марфа тогда плащ новый поставили. И разобрали завод и увезли. Все машины увезли. Чтобы немцам не продавать. Это Марфа. Поэтому работает. А Полкову лишь бы левачить...

– Ох и смеются надо мной на заводе теперь из-за Маши, Даши и Владимира... Я ж ему дед, получается... Самец, говорят... А я в чем виноват. Откуда я знать мог... Она и ничего была, красивая... Но кровожадная она была сильно, это да. А так ничего... Симпатичная... Сейчас она высохла вся... Страшно вспомнить! Кто их поймет, кто контрабандист,

а кто нет... А старик это знал, что она будет. Но в земле он уже. И давно...

— Женщины нам рожают и уходят, здесь не задерживаются. А потом забывают... У нас мужчины в основном работают. Как Машу выгнали, я Дашу себе оставил и быстро растил. Год за три, иногда за четыре, но я за три выбрал. Так лучше, говорят... Даша на заводе работала со мной, сначала на машинах — одеваешь робота и все! Потом ее на склад забрали. Ну в мать, думаю... А потом она продавать автоматы на сторону стала... Как мать! И тоже потом выгнали ее, как с Машей ждать не стали... Пригрел на груди змею я... Мы и не знали, что с Машей было... Это после войны мы узнали, что с ней... То чудище в лесу — это моя Маша...

— Он как-то в лес пошел и руки опустил в пруд, — рассказывал его друг. — А его кто-то хват, чья-то рука как из веточек в пруду. А то она. Маша, то есть Далила. Теперь она так выглядит. Вся из веточек и в земле. Видишь, эк у ней руки растут. Длинные становятся... За солдат, думаю... Он и Дашу приводил, мать показывал...

— А Владимир потом ходил к бабушке, но не приняла она его уже, она уже в земле и сама по себе. Она с червями общается. Ей черви все доносят... Одна с зайцами, другая с червями. Да и что у нее осталось человеческого от Маши, которую я когда-то знал... И любил, говорят... Но нет, я ее не любил. Других любят, понимаешь? И ко мне Владимир ходил за поставками, но не принял я его... И выгнал.. Ну какой он мне внук?

— А они страшные, петухи эти. Ох, и страшные они. Поэтому и главные... Все под ними живут. Никого они к своему богатству не подпускают... Только сами работают... У нас как только козел заводится, так сразу надо петуху докладывать. Он у нас по козлам! Всех козлов изводит...

— Они все, контрабандисты, ставят заговоры... К Далиле старшей ходят, к моей, и ставят... Становятся этим зверьем... Становятся неуязвимы и защищены. Так они думают... И они все платят потом, платят своим здоровьем. Петухи и кабаны ногами, овцы глазами и потом тоже ногами...

— И бабка Марины Шайн тоже из наших. Тоже ключницей на заводе была, правда, на Калуге... И тоже Машей, вот совпадение! И тоже как Далила, то есть Маша, — он даже как-то погрустнел, когда ее имя произнес. — И стала она автоматы бракованные сбывать. И выгнали ее. И стала она тогда покупать их. Сначала продавала, а потом покупать стала. И с Полковым работала, и с Игнатьевым. Но недавно он на заводе своем. Кто их поймет. Тут лет пятьдесят надо. Лет через пятьдесят директора начинают проявлять себя. И тоже она и Дашу мою знала, и с Далилой-младшей дружила. По лесам они прятались, когда солдаты их искали и били. А новых на Дальнем Востоке я и не знаю. Это не наши... Эти по старью... С переработкой работают... Это уже не по мне...

— Они все контрабандисты из наших. И дети, и внуки в деле. А мы всех помним... Все наши. Из наших...

— Пришел ко мне как-то внучек, Владимир ваш. Говорит, помоги, дедушка. Поставки ему нужны и заговоры, чтобы не болеть. Дедушкой зовет... Я сначала думал, утоплюсь, потом хотел повеситься... Потом думаю, ладно. Говорю: — Мать как? — Умерла уже. — Небось, ты и убил... — Нет, нет, это не я. Это солдаты. — Ага... Опозорил ты меня! Уходи, не позорь, ради Бога! Меня, как ты приходишь, свои бить начинают. Я в могилу слягу раньше срока из-за тебя! — Дедуля, помоги! — Ну что тебе? — Болеет он, и ничего сделать не может... Говорю не приходи больше, еще сильнее болеть будешь. Не мой ты, мой, но это другая сторона... И болел он сильно, и все равно приходил. Но потом перестал... — А мать любил? — просил он меня напоследок. — Любил, говорю. И сейчас люблю... И я прямо услышал, как Далила вздохнула в земле... Но сын у меня еще есть. От нашей девушки... Ванькой зовут. И тоже на заводе работает, на машинах. Володя и к нему ходил... Но он тоже его выгнал... А Ванька, да, он мой... Весь в меня... Может, поэтому Дашка и не ходила... Боялась проклятия, что прокляну ее, и больше она работать не сможет... Я-то на заводе как себя помню. А раньше, да пахарем был... А как завод построили, туда пошел... За сорок мне было...

— Он как тогда решил вести себя с Нагорбовым, — добавил его друг, — как родители с уголовниками себя ведут. Сын в тюрьме и убивает. И убийца. Он также с Владимиром себя вел. И правильно это было, я думаю... А что мы? Мы люди маленькие...

— Потом, когда Ариша умерла, тезка твоя, он тоже приходил. Плакали вместе. Он дочь похоронил, а я правнучку. Кровь родная, как-никак... Говорю ему, это все из-за «чистого разума», которого ты убил, солдата того. А он и не помнит... Потом вспомнил, понурый пришел. Это все Дашка его учила... Умная была. Но не в меня, а Машу, в мать... И долго работала. И сына к работе не подпускала. Только после сорока. И болела она... А потом ко мне ни разу не пришла. Не знала, наверное...

— Он из старожил Уральского завода, правда, сейчас его в Калугу перевели. Там поспокойнее... — рассказывала мне Марфа Васильевна. — Эти люди работают на заводе с самого его основания, это старая гвардия, они перешли к нам с другого завода. Помнят еще Николая Второго, слышала? Они едят крыс, очень кроважные... Но крысы — это нормально... Не люди и ладно... Это люди старой закалки и рассуждают по-старому. Они еще царей помнят... И другие они, эти люди. Все заговоренные... И долго они. И правильно это... И работают они на заводах этих столетиями. И другой жизни не знают... А с недавних пор каждый, кто уходит с завода, пьет инфаркт и умирает. Это правило сейчас такое. После завода в могилу. Но его, конечно, нарушают... Но они все равно к жизни приспособиться не могут... Дохнут все сразу... Они все на заводах оружия болеют. И залечивают так раны, в работе... Здесь все больные... Потому что оружие делают, и это правильно...

Арина видела, как прилетел дракон, выпил таблетку и на ее глазах стал человеком.

— Это Игорь Михайлович, раньше Михаилом Владимировичем был... А теперь вот Игорем стал, как Дашка его контрабандой занялась, — рассказывали мне. — А он все воспитывал ее, за ручку ее водил, на завод устроил, любил дочку-то... И долго поверить он не мог, что в мать она... А как Дашка-то в контрабанду ушла, то думал я, он вены порежет... Так себя наказывал и презирал... Ее только сын убить и мог, из драконов она... Он ее и убил... Но не помнит он, так легче ему, видно, постоянно все забывать... И таблетку ему надо дать, чтобы дракон наш перестал винить себя за Дашку свою и жить дальше смог. — И дали ему таблетку от Арины, и стало легче ему, и перестал он винить себя... — Время такое тогда было, страшное время... И войны впереди. Видно, поэтому ему тогда разрешили с Машей той быть, и красавица она была. А потом узнал он, что это был «плащ» от английских королей, чтобы был с Машей и дочка у них была... Ох, короли, короли... — и качал тот рассказчик головой.

— А он Дашкой гордился своей. И песенки она пела, и пританцовывала... Редко им, драконам-то разрешают детей иметь... А он все вспоминал, как Дашу за ручку водил, как у нее глаза угольками горели и его пальцы от ее прикосновений плавилась. Как она вся слабела и ходить не могла и только от его руки силы набиралась-то... И как горел он живьем, когда ее за руку вел... А потом как силы набралась после четырнадцати... Пригрели на груди змею... И как горел он в адах за дочку свою... но не виноват он, дети сами решают... — таков был общий глас... — Они сами себе хозяева...

— Она все болела и болела, а он ее все лечил и лечил... И заговоры древние ставил... Это английские короли ее все убивали, знали, какая вырастет. Или нас хотели между собой поссорить... Не приняли Дашу на фабрике, огнем жгли, когда нам подтверждать стали, что будет она автоматы за границу продавать. И сама сбежала она, и поверить не мог дракон наш... И сам бил себя плетью и жег каленым железом.

— А потом она обращаться стала драконом, как и он. И даже огонь извергать могла, а он не мог... Вот и гордился он своей Дашкой. И летали они вместе, обращались и летали... Он не знал тогда, что с Машей стало, что ведьма она лесная теперь. Думал, что ушла она и где-то живет, а про дочь забыла, как все забывают, когда с заводов уходят. И ты забудешь все, Арина...

— И когда чахла она, лечил он ее всегда, и коренья древние искал... И отцом звала она его, до конца дней звала... Он думал, Даша станет директором завода, а она стала заниматься контрабандой, как мать...

На заводе

Как часто жизнь возвращает нас в прошлое! Погружает в воспоминания, и в своем прошлом мы находим ответы на все вопросы, вспоминаем людей, которых знали когда-то... С которыми уже когда-то нас сталкивала жизнь... Оказывается, что жизнь снова и снова сводит нас с одними и теми же людьми. И ваши судьбы оказываются тесно переплетены... Изуродованные солдаты из Лиана; свидетели, убитые работороговцами; адыгейка Маша, кошка «Надя», жестоко убитые американцами, другие свидетели... Мое странное, темное и сложное прошлое все никак не отпускает меня и, наверное, никогда не отпустит...

— Арина, это солдаты не отпускают тебя, солдаты, которых ты могла бы спасти...

Мне было четырнадцать, и отца и деда по отцу отправили на военные заводы по производству оружия. На заводах тогда орудовал маньяк, убивая сотрудников производственного цеха, и отец должен был его найти... Военных отправляют с семьями, чтобы легче проходила адаптация, легче жилось в сложных условиях. Нам дали другие документы и имена. Так я стала Настей Полянской. Для школы сделали клона, а потом нас просто объединили. При заводах мы прожили два года, мои шестой и седьмой класс. Потом говорили, что эти два года мы прожили в муравьях...

Мы жили при заводе на Урале в общежитии при заводе, очень скромно. Между заводами была черная дыра, и мы беспрепятственно ходили между ними... Между заводами часто была черная дыра-тоннель, чтобы экономить время на проезде, наша дыра стояла постоянно уже третий год...

Здесь по временной вакансии также работал дедушка Анны Новак с внучкой... Здесь сейчас служил и судья с дочерью Викой, она была старше нас, ей было шестнадцать или семнадцать... На детях тогда всегда была прослушка... мы шныряли по заводам — очень удобно.

Анна Новак была кровожадной и ела трупы животных в лесу. Ее бабушка была главой детского дома... А дед тоже раньше промышлял контрабандой бюджетного оружия. Но он похоронил друга, убитого из проданного им автомата, и дал себе обещание навсегда с контрабандой завязать. Он был из «мертвецов», и за это ему дали таблетку, продолжающую жизнь. Так что Анна с дедом была из «кабанов», но перебежчицей. Они стали на другую сторону. В свидетели берут нуждающихся. Тогда предатели женились на детдомах...

Когда мы приехали — автоматы за заводе побелели, они перестали попадать в руки контрабандистов, у директоров в кабинетах пошел дождик — они достали зонтики... А над холлом завода засветило свое заводское солнышко — погода на заводе была своя и не зависела от внешней среды... Иногда даже в холле появлялась радуга...

— Если автоматы остаются в руках своих, — рассказывали мне, — то они могут сделать очень мало выстрелов, например, когда с ним охраняют границу. Или наоборот, очень много — когда попадают в руки контрабандистов, тогда автоматы чернеют...

Конечно, новоприбывшие никому не нравились, от сторожей до директоров, но начальство сказала нас терпеть, и все надеялись, что мы ненадолго... Я тогда так остро почувствовала, как они все не любят чужих, как выживают чужаков, какими были мы тогда...

Везде темнота, чернота и полумрак. Жуткое место, где делают смерть... Эти темные и сложные люди работают на своих машинах, производящих смерть, со временем они срастаются со своими машинами. Некоторые живут уже более двухсот лет. На «старой гвардии» когда-то испытывали ядерное оружие американцы, они чудом остались живы, некоторых поднимали из могил. Им зарашивали раны и брали на завод рабочими. Они работали по сменам, как и на всех заводах. Здесь есть те, кто когда-то писал некоторые басни Крылова, делал сцены с «простым человеком» за Салтыкова-Щедрина или писал про свет в темном царстве за Островского... Тут же работал клон Ленина, уже не помня свою прошлую жизнь... А во Франции клон Наполеона на таком заводе стал перебежчиком, теперь там вырастет контрабанда, но, говорят, его убьют...

Если делаешь партию автоматов, которые будут у своих, то как будто белеешь изнутри, а если автоматы, которые попадут к контрабандистам — то наоборот чернеешь... Винтики были живые и бегали и плясали...

У каждого автомата есть список тех, кого из него убьют. Бывают совсем «белые» автоматы с небольшим списком. И совсем «черные», у которых списки больше сотни... Есть автоматы, которые попадают не в те руки, и в те...

— По одной версии из этого автомата убьют Арину, то есть сейчас Настю... — Мне показали этот автомат. — Один из наших военных, отвечающий за поставки... Тогда всех наших свидетелей из Питера расстреляют... Но всегда идут волны... — я подержала этот автомат в руках.

Здания заводов раньше были невидимыми, потом их решили зарастить лесом и не покрывать больше невидимой вуалью...

На заводе орудовал маньяк, было много трупов. Почему-то прислали смелую журналистку Наталью, которая шпионила за директорами, но на заводе в Калуге... И директор, тогда Игнатъев, сейчас Нагиев решил убить ее... Появился маньяк — наши из Миноброна стали убивать неугодных свидетелей.

Мы с Аней гуляли по Калуге — была весна, и здесь было теплее, чем на Урале, где еще лежал снег — когда обнаружили подвал — дом Игнатъевых, залезли туда, ходили... Мы мало общались между собой — вся атмосфера не предполагала общение — везде напряжение... Здесь в округе убивали людей... И убийцей был кто-то из своих, из работников...

Про подвал я рассказала папе, он тоже спустился туда, походил, посмотрел, какая красота и роскошь, и пошел докладывать, куда надо... Он постоянно писал заявления в полицию.

Однажды мы залезли в подвал, ходили по круговому замку Игнатьевых. Журналистка сидела в одной из комнат, разговаривала с Иваном Дмитриевичем, они жарко спорили — она сделала видео его переговоров с Нагорбовым и сейчас шантажировала директора. По крайней мере, пыталась. Мы остановились и слушали за занавеской... Нам говорили взрослые держать ухо в остро, все замечать и потом рассказывать... Подушки в комнате были мягкие, я уже здесь лазила до этого и даже спала на них...

— Вы же знаете, я могу доложить, кому положено! — громко говорила журналистка. — Я знаю, что делать с этими пленками! — Наташа трясла пленками перед собой и показывала ему. Игнатьев тихо стоял рядом с ней, покорно сложив руки перед собой, и молчал...

— Я отдам эти пленки куда надо, если вы мне не заплатите! — зачем она говорила о шантаже? Настоящие пленки она уже зарыла на пригорке поляны около завода...

Она хотела встать с кровати и уйти, но он быстро накрыл ее лицо подушкой, повалил на кровать и начал душить... Она сопротивлялась, била по подушке руками. Порвалась наволочка и комната наполнилась перьями подушки... Как в белую метель... Журналистка сильно брыкалась, а он держал подушку у ее лица положенные три минуты... Он оглянулся — вся комната была в перьях... Труп они оттащили вместе с женой... И бросили в канаве, типа ее убил маньяк... Но на подушке в доме-подвале Игнатьевых осталось ДНК журналистки.

Вике с отцом открыли черную дыру, и они тоже оказалась около нас... Она делала видео этого преступления на сотовый телефон, такой мы еще не видели — они появились только через восемь лет. Вика была уже взрослой, пришла из будущего, Питера 2005 года... Через черную дыру появились мои дедушка и папа с попкорном смотреть убийство... Потом они писали заявления в полицию...

В этой комнате у Игнатьевых были вши. Они никак не могли их вывести. — Потому что это подземелье, — говорили все. Эти вши занес им сын, когда вернулся из детского лагеря. — Он лег на белую подушку, смотрю, а там черненькие точки побежали тоненькой струйкой или двумя, — рассказывала Мария Игнатьева. С тех пор они никак не могли тех вшей вывести. Я оттуда принесла вшей, меня несколько раз лечили. А Игнатьевы постоянно пользовались шампунем от вшей и постоянно всех заражали или держали эту комнату закрытой. В этой комнате он и убил журналистку... От вшей на заводе Игнатьевы стали давать всем противоядие. И мне дали с папой и дедушкой. — Вши — это потому что кабаны. И вшей они никогда не изведут, — вот посмотришь, рассказывал мне Горюнов... — А сын их погиб на фронте... А что в них хорошего? Деньгами пользоваться не могут. Живут в подземельях.

Каким воздухом душат? Сами убивают своих свидетелей. Все время болеют...

Полков на заводе убил своего свидетеля, задушил своими руками. Мы с Марфой Васильевной из черной дыры сделали видео этого преступления на современный цифровой телефон, а потом она все забыла, а я спрятала тот телефон, около завода закопала...

Журналистку нашли через пару дней в канаве... Списали на маньяка...

Я даже пыталась уйти с завода пешком, но в какую бы сторону я ни шла, каждый раз опять попадала на завод...

Но всех вокруг волновал маньяк...

...Маньяк набрел на завод совершенно случайно — он отправился в бег на Урал. Сначала следил за одним работником завода, когда он уходил, когда приходил... Потом убил его, закопал труп, выпил таблетку (капнув на таблетку кровь рабочего) и стал его точной копией — не отличить... Так он попал на завод под видом мастера, одел робота и стал работать, повторяя действия коллег... Так он прожил пару дней. Но его жажда смерти нарастала. Он пригласил поделщиков, и они стали убивать мастеров цеха, становясь их копиями...

Можно пить таблетки и становится полными копиями конкретных людей. Раньше такие таблетки, меняющие внешность, делающие полными копиями, применяли только на таких засекреченных военных заводах, как уральский. Потом такие таблетки стали применять повсеместно, за что мы заплатили планетой — она стала меньше...

Когда Полков, уже осознав, в чем дело, зашел в свой производственный цех и сделал тесты ДНК всех работников, он понял, что из его рабочих не осталось и половины. Он с ужасом посмотрел вокруг, отправил Игнатьевым тогда послание, что надо сидеть потише, все серьезно... Все притаились и затихли... Дело пахло керосином. А на заводе творился беспредел, уголовники работали плохо, завод выпускал брак... Падали объемы производства. Машины бастовали...

Папа с дедушкой все это время вели свое расследование — дедушка сначала работал на заводе сторожем в будке около ворот, а потом дворником. Они бросали везде прослушку, папа ходил постоянно к местному следователю, советовался, как искать маньяка, тот давал ему и прослушивающие устройства, и ценные указания, учил, как следить, как искать... Так папа узнал, что директора заводов занимаются контрабандой своих автоматов, поставив им прослушку... В Калуге заведующая складом тоже прокололась. Папа заметил, что в Калуге намного больше работников воровали по мелочи, Полков держал свой завод в страхе... Папа отнес всю прослушку в участок и писал на директоров, завскладом и диспетчеров заявления в полицию. Их пока морозили... — Козел в огороде, — говорили о нем.

Тогда папа с дедушкой взяли копии материалов, пленки, аудио- и видеозаписи, которые делали в общежитии на ноутбуке, и закопали под сто-

рожевой будкой за заводом, где жил дедушка... Ноутбуки еще не изобрели, но у нас в общежитии они уже были...

Итак, все заявления были написаны, все материалы закопаны. Папе следователь дал чуткую прослушку, он бросил ее на меня — детям тогда не ставили специальные детекторы, как взрослым, и в специальные приборы их не было видно. Папа нашел среди работников производственного цеха маньяка — я случайно играла около кустов, где маньяк разговаривал со своим напарником. В этот раз маньяк прокололся!

Отец сразу пошел к директору завода с доказательствами, поставил на его компьютере аудио прослушку с маньяком, как он признавался в убийствах, закапывал очередной труп...

— Ну вы молодец, Сережа, — сказал ему Полков, пожал руку. — Материалы вы оставите у меня.

— Да, конечно. — Полков сразу засобирался, пошел принимать меры. К вечеру маньяка взяли... Начались пытки... Маньяка привязали к стулу, посадили на первом этаже в центре холла, Полков устраивал прилюдные расправы. Маньяк кричал на весь завод... Маньяк признался, где закапывал трупы мастеров — на опушке... Работников стали раскапывать и воскрещать... Марфа Васильевна наливала на их синие, даже разложившиеся трупы оживляющую жидкость. Они приходили в себя до суток и возвращались сразу на завод. В Калуге было то же самое...

Сначала на экзекуции над маньяком смотрели только мы, потом толпа становилась все больше — добавляли воскресших мастеров. Полков был беспощаден.

Маньяку надели на голову мешок и казнили на электрическом стуле прямо на заводе, сожгли заживо... Мы все стояли и смотрели, в зале стоял запах гари. Я вышла... Папа и дедушка смотрели до конца, как он горел...

Убив маньяка, его труп кинули в реку... Нашли изъеденного через две недели.

Над заводом взошло солнце, стадо даже светлее. Но вскоре Полков получил известие о заявлениях, написанных папой и дедом, повестку. Он был в ярости. Его вызвали в полицию разбираться... На заводе все затихли...

Полков в участке писал опровержения. Им с отцом делал очные ставки — Полков все отрицал:

— Ой, Сережа-Сережа... Это надо же... Какой... Выдумщик. Что же тебе не сидится спокойно, у тебя же дочь!

Папа приводил доказательства, файлы с прослушкой.

Все заявления сожгли (или сложили в сейф), а материалы уничтожили (или тоже сложили в сейф) — все в участке жили на взятки Полкова...

Вскоре вечером отца нашли в грязи мертвым — его ударили чем-то тяжелым по затылку, когда он шел с завода.

С дедушкой мы были на похоронах... Дед умер к утру от инсульта, похоронили. Меня с их трупами, отправили обратно в Краснодар...

Потом они восстали из могил, и мы уехали...
Мы тогда разбередили осиное гнездо...
Конечно, мы все забыли... Забвение — блаженство, как говорится...
Oblivion is a bliss...

На этом заводе жила и Наташа Горюнова, заводы призывали своих свидетелей...

...Когда я была на заводе на Урале, там была делегация таких же работников из разных стран. На заводе было наводнение, и мы все вместе спасали завод. Тогда все перезнакомились и обменялись своими списками контрабандистов. Составили большой список, учили его наизусть, все вывезли по экземплярику... Хранили в книгах, множили, передавали родственникам... Даже кинули несколько бутылок со списком в океан...

Американцы подбирали свидетелей контрабанды оружия... В свидетельстве крутят одних и тех же, так проще их убить... Из такого свидетельства у же никогда нельзя вылезти...

Список

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!
А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века вас будет проклинать
Больное позднее потомство!*
А. Блок «Скифы»

Наташа со старшим братом была из детдома... Но их усыновили, когда Наташа была еще маленькой, она выросла в зоопарке... У нас в комнате она рассказывала о брате. Ее воспитывали бабушка с бабушкой... Она сидела согнувшись, по-мужски, сцепив пальцы перед собой, она была очень мужеподобная. У нее было короткое каре и сильно выщипанные брови дугой, где она выщипала волосы немного отрасли и синели, на них хорошо ложилась прослушка... Она была как солдат... И говорила она так концентрированно и мало, взвешивала каждое слово... Ее слова как будто падали булыжником на грудь.

— Он был такой веселый... Вадик... Всегда мне сладкое приносил. Желать хотел, у него и невеста была, когда на войну ушел... Он наемником был, поэтому... Деда говорил... Мы тогда и хорошо жить стали, ремонт

в квартире сделали... Все так радовались, когда его опять на войну отправляли. Он праздник устроил. Знал, наверное, что это последнее наше воспоминание... Что он больше не вернется... А потом мы похоронку получили... Его расстреляли в упор... — и она даже плакала, такие люди могут плакать... — И я поклялась отомстить. Пусть даже умереть, но отомстить им... И деду поклялась... И поэтому сюда приехала...

У Наташи была заразная раковая таблетка, она уже «тикала», и забвение могло на ней не работать. Фамилия у Наташи была Горюнова. Наш «волк» Горюнов был одним из ее дедушек. Он тогда взял эту фамилию, чтобы ее не забыть... Полгода он работал на оружейных заводах, а полгода жил с ней, правда, загримированный, готовил ее, вместо него на заводах работал двойник...

И раздали нам тогда список, и учили мы тот список наизусть, и носили с собой, и переписывали себе. И даже выносили из пансионата и раздавали. Я этот список когда-то видела на заводе в кабинете у Полкова. Его составляла Темирязева тогда. И сейчас этот список опять оказался у меня в руках... Список-то один и тот же, или мало отличающийся... Список был разделен на смысловые части — междометия, фамилии генералов и т. д. Мы разрезали список пофамильно, и каждый забирал себе фамилию. Девочки скручивали тоненькие полоски бумаги со своими фамилиями и засовывали в уши, чтобы вывести.

А потом... Стали нас будить среди ночи и заставлять повторять список. И пускали в комнаты углекислый газ и через нас электрический ток, чтобы мы тот список забыли... Тогда мы его часто выносили... И у многих в пригороде он хранился... Полпригорода Питера этот список знало наизусть.

А список был вот какой, контрабандистов оружия из Минобороны:

Список поставщиков Минобороны России

Темирязов Виктор Павлович — главный

Полков (Полонов) Игорь Львович, Вячеслав Григорьевич — петух, директор по производству завода на Урале

Нагиев (Игнатьев) — кабан — директор завода в Калужской области

Белова (Белякова) — баран — заведующая складом на заводе в Калужской области

Разумовский (Штолярова запоминала) **«генералы»**

Рокоссовский

Сперанский (Спиранский, Спирит, дух)

Коссанский

Ассандров

Дронов

Дронников

Недолубов — на **«не»**, «нелюди»

Незлобин

Нелюдов

Нелюбов
Неломов
Неколов
Нечаев
Долюбов
Злобин
Людков
Любов
Ломов
Колов
Мохов
Молов
Чаев
Намолков «**на**»
Наколов
Наломов
Наганов
Нагайкин
Налимов
Андрейников (Андрейчиков)
Антонов
Антошин
Анинский
Любимов («любимка»)
Угрюмов
Уваров
Ушаков
Горшков
Уруков
Урюков
Безруков
Озлобин
Озлобин
Оломов
Околов
Пожаров
Пожарский
Поленко (Паленко) Николай — конь — заведует перевозками оружия
Архангельск. Сводная сестра Чухонцева Надежда
Ильин или Ильенко
Чухонцева
Путен Владислав
Симонков Вячеслав «Симона»
Совмиз Иван

Бухонский Владимир
Белецкий Олег
Войтюк Иван
Суханов Владимир
Кациди Антон
Усков Владимир
(3 страница) Горюнов Владислав – новый серьезный контрабандист
Один из них даже специально наркоманом стал, чтобы контрабандой
заниматься...

Последние фамилии были как у моих одноклассников и одногруппников. Так бывает, значит, этим военным дали документы с такими фамилиями...

Коган Александр – петух, его дед делает инвалидов, сам отрубает ноги спортсменам, чтобы свои ноги не сохли

Стратонов

Осипов

Чуриков – большой петух

Нилетов

Низимов

Ниосенев

Нивеснов

Мягков, Сердечный – «сердце», ключевые перевозки, Финский залив, деревня в пригороде Питера, Пеники, раньше он сидел на Дубочках, Сойкино. А его брат близнец или клон на Онеге (Белое море), их два брата.

Жестков

Еремеев – перевозки

Ефремов

Деревянко (Деревятко) – делал инвалидов, «т» написали как «н» и так поменяли фамилию

Глушко

Барутдинав

Камынин – кабан

Птушкин

Тур (Tour)

Решетняк Владимир – «яки», их стало 13, Темирязов вывел свою дочь, портят оборудование специально и берут от контрабандистов деньги

Стояк

Олейняк

Железняк – организовал аварию (Железяк)

Столбняк

Добряк

Мерзляк

Сибиряк

Як

Кояк
Каяк
Кия
Кияк
Медвяк (Медведев)
Погребняк
Мартынюк — «Юки»
Каюк
Левитанский Александр «кий»
Подольский
Вишневецкий
«Евы»
Зверев — «звери» сам же совершал набеги на свой завод и грабил его...
Затеев — кабан
«Волы»
Караулов
Колпаков «ключ»
Абрамцов
Кориков
«Ники»
Хлебников

Список контрабандистов Минобороны США «ладонь» все территории и перевозки поделены и заняты контрабандистами

Тернер — конь
Сил Генри Самюэль — козел, его двоюродный брат (низкий полный негр с выступающими кривыми зубами) работает в Минобороны США на заводе оружия, носит французскую фамилию матери на «О», Огустас...
Клум — овца
Стейтхем — овцебык
Гослинг
Брайан Хайлэнд (Brian Hyland) — петух, маньяк
Вестлайн (Westline) — заведовал перевозками по восточному побережью Америки (Кане-вест, сначала Кани (Мексика), а потом Вест (Америка)).
Харрис
Дэвид
Гейтс Билл старший на заводе в Виктории
Рик Эстли (Rick Astley) — «пират» перевозки
Найи — петух перевозки
Холиуэлл (Halliwell) — средний петух Америка, перевозки, 5 маршрутов
Орландо — перевозки по всей территории одноименного штата
Басс — перевозки
Райан — перевозки на юго-западе Америки

Стюарт – перевозки

Хаф – кабан, «сердце», сидит в глубинке, на тихом проливе, на ключевых перевозках, ему японцы дали сердце, когда он отдал японцам координаты Перл-Харбора, и они ее разбомбили, сейчас он здесь и работает

Паттон

Мортон (Миссисипи)

Миссури

Миссисипи

Холланд Декстер (из Германии) конкурент Хайлэнда

Пиклз – жд перевозки

Генри Джексон Томас (2 брата)

Чиконе – получил эту фамилию от призрака, отца Мадонны

Маки – сын негр

Уэлливер – был замурован, замуровали

Серпико

Мэркури

Юпитер (Jupiter)

Дюамель

Дюпонт

Вайнштейн

Ферлонг

Бил

Кане-Вест – новенький

Вест

Украина (территория Украины якобы вся Европы)

Винницкий (Клон Алены Винницкой с тяжелым подбородком тоже из петухов, «ключ?»)

Семенович «вичи»

Яцкевич

Ясулович

Польный (Польна) «ключ»

Аварум

Манахи́мов

Дакоте

Пьехо – исполнял желаний, у кого на запястьях были нитки, 1996?

Дайнеке

Милявской

Валуив

Баскев

Савичов

Климов

Петренко

Джилленхол

Подкаминский
Мазаев
Змихновский
Левченко
Волков
Лазарев
Плетнев
Киселев
Аверен
Дацко
Шишков
Жадан
Лобанов (Польша)
Пудалов (Венгрия)
Чапова
Паттинсон
Меладза
Тарасов
Джанабаив
Миронав
Кук
Поноровский
Малаhev
Эрнсд
Шурочкин (Польша)
Поплавский (Польша) на производстве
Рудковский
Лысков
Абдулев
Овсиенке
Топалев
Дзюбе
Макаревеч
Ибадин
Орбакати (Прибалтика)
Григорьев-Милимеров
Мариани (Польша)
Хрусталеv (Украина)
Лузан
Королев
Мартиросин
Галустин
Ричи (Англия) – продлил Украину до Англии включительно, через свою букву «i», Ukraine, U – это «и» русская, а «и» – это его буква «i»

Пашков
Тагиев (Польша)
Менщиков
Лебенбаум
Чумаков
Солопов (Латвия)
Монн
Петибский
Губен
Власов (Прибалтика) с ним работает Игнатъев
Водонаив
Седаков
Орбенин
Кудаков «сердце»
Литвинов

Белоруссия

Яскевич

Польша

Йовович – кабан
Роулинг
Цикало
Мейхер – как река

Грузия

Ишханишвили
Окуджава

Дагестан

Мишулин – «сердце»
Карданов
Харламов Александр, «картошка»
Уджуху Иосиф – на заводе, на производстве
Уджуху Юрий Кадырович контролирует пролив «Марина» или «Мариа-но», «морковь»

Казахстан

Билайн
Тапурья
Лепсе «сердце» «ключ»
Сафин «плющ» «ключ»
Иванов
Цой

Лепс

Ингушетия

Барутдинев Саша «кукуруза», брат

Румыния

Лара — «сердце»

Югославия

Ажо

Англия

Уэбб — большой петух Англия, его «крышует» какой-то член королевской семьи, принц Филипп закрывал глаза

Хангтингтон — петух в Англии на производстве

Уайтли — перевозки

Харрис

Тэтчер

Кембербэтч

Вон — был замурован

Элгорт — перевозки 4 (5) маршрутов

Адамс «сердце»

Бэкхем

Копперфильд

Симпсон

Сайкс

Бельгия

Ван Авер — петух

Норвегия

Гольфстрим

Атика — перевозки через Северный Ледовитый океан (Арктика), Норвежское море, теплый Гольфстрим, море Лабрадор, ранней весной осенью до Канады

Контрабандные перевозки из Европы в Америку часто велись через Балтийской и Северное, Норвежское моря, через Датский пролив, вдоль Исландии и Гренландии, через море Лабрадор — через самую узкую, верхнюю часть Атлантического океана, по теплomu Гольфстриму.

Ирландия

Флэнаган

Дания

Батлер – контролирует перевозки по всей Гренландии, вдоль ее побережья

Франция

Пуше
Тарновска – петух
Котийяр – петух
Стерджесс – петух, маньяк, внук Джим
Гарай
Венеция
Тоту – большой петух
Ле Ни

Германия

Я (Ja)
Данст «глаза»
Зиглер (Циглер)
Шиффер, делали «куколку»
Зеллвегер «уши»

Австрия

Генс (Gens) раньше был Gems, но m поменяли на n
Бьюти (Beauty)

Португалия

Noodle
2-mcd, 2-mud сын, внук уже не контрабандист
Murdoc (поменял фамилию на Murdok)
Russel
Маркес
Мерсье
Арантиш (Arantes) – большой петух

Италия

Бове
Рикко – перевозки, спонсоры – богачи
Альтеро – старый
Идеал?
Олейна?

Турция

Босфор
Дарданелла

ЮАР

Ноулз

Венесуэла «ладонь»

Лу Вега – большой петух 2, дед на производстве, внук на перевозках

Колумбия

Маркес – производство

Гарсиа – перевозки

Бразилия

Сантус – большой петух

Мексика «ладонь»

Мартинэс – по перевозкам

Кане – кабан или конь, заведует мексиканским побережьем со стороны Атлантического океана, раньше жил и работал во Франции

Руффо – кабан, перевозки

Кастро – кабан

Индия

Рай – большой петух

Пакистан

Таир – большой петух, «сердце», ключевые перевозки

Зимбабве

Замбия

Нарния

Никарагуа

Нигерия

Намибия

Ливия

Менди

Япония

Кийосаки – крупный петух

Китай

Чан – петух

Австралия

Клуни – делал «куни» своим женщинам

Кидман – почки «kidney», делали «куколку»

Гибсон
Урбан
Касас
Австралия — нарастил землю

Насколько эти поставщики мелкие? Один зачеркнутый ноль, и, например, поставка в девятьсот автоматов... Это военные, отвечающие за перевозки... Уже не руководители на оружейных заводах...

Они же не игрушки продают... У нас вся страна знает, кто поставляет калашниковы противникам. Это наше Минобороны. И наших, и тех обеспечивают. Это для баланса сил. Чтобы никому не обидно было. У нас же равенство, вот мы и продаем за границу...

И открыли тогда мне черную дыру, и вновь оказалась я в Русском музее в начале поездки и быстро сунула тот список контрабандистов России проверяющему билеты... Арина в этот момент обходила залы и смотрела картины. «Ох и давно это было», — подумала я, посмотрев на ее, и опять я исчезла в черной дыре... Вернулась в пансионат...

И много тогда открывали дыр и выносили списки. И много людей его учили наизусть... Но по следам списка всегда бежали Спенсермэны... Они боролись за свои будущие поставки.

Этот билетер был за систему. У него сын работал в полиции, он отдал список сыну, а мог эсэмэс написать хотя бы с первыми фамилиями, и так сохранить его часть в номере. Билетеру потом прописали за это раковую опухоль. А сын поставил его на очередь на факс... И на следующее утро факсом список был отправлен на Дальний Восток, и это был уже май в ЗАТО Северск в Томской области, потому что в Питере сейчас растягивали время... И третьего мая 2005 года список с грифом «особенно важно» попал на стол следователю по особо важным делам Северска, он сложил его в свой блокнотик, ничего абсолютно не поняв, но по предписанию, как и раньше, переслав его еще в краевой центр, как они всегда делали со всей входящей корреспонденцией, будучи очень маленьким и очень важным центром... Он уже раньше получал начало этого списка. Но списки Шаши Сколова и Арины отличались — у Арины список был больше и их почерки были разными. Так список уже был в трех полицейских участках. И этот список распечатанный даже висел у полицейских на досках... Но привлекал слишком много внимания... Потом затерялся по блокнотикам следователей, среди бумаг и входящей корреспонденции того года...

Сына билетера долго пытали... Но потом отпустили, списку никто не дал ходу...

Мы даже раздавали портреты поставщиков калашниковых из Минобороны, нами нарисованные, около пансионатов, Наташа хорошо рисовала, но их потом забирали Спенсермэны...

И сейчас появился этот Горюнов-Новиков, который мне когда-то про поставщиков рассказывал, и опять повторил свои сказки... На лавочке

у нашего пансионата... Потом рядом сидел кто-то из Спенсермэнов и тоже слушал... Я, конечно, тоже потом все забыла... В это время через меня начали пропускать ток через пятку, но не разрешили, только забвение... Наташе, тоже повторили тот рассказ, и весь рассказ пускали ток через пятку...

Появился министра обороны Шалгу, показал какой-то знак, и Горюнов понял, что свой, написал ему заявления на всех поставщиков из Минобороны, которых знал, и приводил доказательства... И забрал Шалгу те заявления... И хранил у себя... В столе в доме у матери... И написал нам Горюнов полный список поставщиков со всеми мелкими — ведь были и мелкие бараны, кабаны и петухи... В Минобороны думали, что мелкие могут продавать побольше крупных, могут быть хуже основных! Две страницы получилось, и одна фамилия на 3 стороне, следующий крупный контрабанлист -- и сложно было учить тот список, слишком большой он был...

И долго он писал тот список, особенно над последними думал. — Вот у этого мать больная, поэтому он иногда операции проводит, но редко правда... Очень редко... И этот из больных. И все лекарства себе покупает... Последние фамилии он то дописывал, то зачеркивал... И даже уходил он, и советовался с кем-то, кого дописывать, а кого убирать. И где-то они среди своих поставили стоп по объемам поставок и составили полный список поставщиков оружия из Минобороны. И зачеркнул Горюнов того, у кого у матери было большое сердце... И не добавлял его больше... И вернулся он с полным списком, мы его называли длинным... И показал Горюнов тот список Марфе Васильевне и добавила она того, у которого мать была больная... И друг Горюнова сказал ему, что специально сделал он мать больной, чтобы контрабандой заниматься... — Знаешь, — сказал он другу, он был сторожем на калужском заводе. — А я вот нет... — И передали мы тот список через черную дыру в недалекое прошлое Саше Сколову, чтобы он сохранил он его в своем тайнике... Спенсермэны уже сильнее за нами следили...

Вот тогда все черных дыр понаставили! И сложил этот список себе Шалгу в сейф... Но Спенсермэны нашли тот список и уничтожили... Сохранить его можно было только в прошлом...

Питер

*Горит и кружится планета
Над нашей Родиною дым
И значит, нам нужна одна победа*

Одна на всех – мы за ценой не постоим
Песня Б. Окуджавы «Мы за ценой
не постоим»

Питер – город-герой, со следами оккупации и фашистского нашествия в головах жителей. Питерцы решили бороться с контрабандистами в Миноброне до конца...

И стар и млад в Питере знал список наизусть. Детишки складывали стишки с фамилиями из списка, чтобы список лучше запоминался. Его повесили в каждой квартире, в каждом доме. В начале и конце всех новостных программ дикторы зачитывали список, и кто еще не успел записать и выучить, записывал и учил. В метро его раздавали волонтеры. Он висел во всех маршрутках и метро. Его даже успели вывести краской на трамваях и троллейбусах.

Кто-то даже повесил список на открытую дверь гаража, гараж потом закрыли, и список сохранился на его закрытой двери...

Питерцы надевали маски, притворялись другими людьми, жили в подвалах, чтобы не забыть список, сохранить его как только возможно, они голодали неделями, вспоминая дедов и прадедов... Один спрятал список в бутылке, раскрасив ее краской в коричневый. Список хранили в семейных тайниках, его вешали на заборы, прятали в книгах, словарях, книги сдавали в библиотеки... Одна студентка хранила в лекциях, зная, что в следующий раз откроет их уже на сессии.

Город разделился на тех, кто за и кто против контрабандистов, питерцев натравили друг на друга... Спенсермэны вызвали в город преступников списки искать и уничтожать. Граждане начали отстреливать предателей. В городе началось восстание.

Спенсермэны проводили пытки по дворам Питера, проверяли и допрашивали всех поголовно, давали «сыворотку правды». Умные отправляли список в Интернет, слали письма себе и друзьям. Связь с внешним миром Питер потерял, Спенсермэны все закрыли... Список сохранился у смертников, умирающих по больницам, они слали знакомым эсэмэс, хранили у старушек по тайникам, в семьях военных, в блокнотах, книгах и словарях... Питерцы давали себе забвение, чтобы забывать, где сохранили список... И не рассказать Спенсермэнам. Животные по зоопаркам их тоже выучили...

Потом в Питере стали отстреливать предателей, тех, кто выдавал списки Спенсермэнам... Питер всегда был жесток с отступниками...

Питерцев убивали, потом они воскресали, и их опять убивали, пытали, клеймили коленным железом, вешали на кресты в память о своем фелисите Эдаме, ставили виселицы и вешали районами... И жгли их жен заживо, и сжигали их дома... И умирали они в муках... За список, за право быть с живыми...

Пока шли бои, Спенсермэны проводили контрабанду оружия через Финский залив. Здесь, в деревне Пеники, сидел Сердечный – сердце кон-

трабандистов России. Он только недавно занял этот пост, до этого он контролировал перевозки недалеко в Дубочках и Сойкино. Как сказал Келвин Спенсермэн: — Когда я увидел, что контролирует Сердечный, я понял, как здесь обстоят дела — здесь правят контрабандисты. — Но нет, Сердечный занял этот пост совсем недавно, офицера, который его занимал до него, замуровали — он «вывел» внука, и все думали, что Пеники со временем будет контролировать его внук... Брат близнец Сердечного, или его клон, контролировал перевозки через Белое Море, на Онеге. В Минобороны контрабандисты особенно боролись за транспортные развязки через Балтийское и Белое море, через все моря, поближе к Северному Ледовитому океану. Контрабандные перевозки из Европы в Америку часто велись через Балтийской и Северное, Норвежское моря, через Датский пролив, вдоль Исландии и Гренландии, через море Лабрадор — через самую узкую, верхнюю часть Атлантического океана, по теплому Гольфстриму.

Спенсермэны выбили забвение для всего города... И Питер погрузили в забвение... Все забыли всё...

И так список оставался, с углекислотой въедался в память... Остались десятки мест, где он хранился в Питере... В городе-герое список все-таки сохранился...

Но список появлялся то тут, то там... И прошло пять лет, а его все равно находили у жителей... И Спенсермэны переехали в Питер, искать список по папкам, выкупать его, пытать жителей, убивать стариков... Стирать список из памяти навсегда...

Они избивали тех, кто хранил списки, отбивали руки... Пытали, мучили... убивали...

И только через четыре года их удалось выгнать...

...Сашин тайник потом обнаружил Стивен, открыв черную дыру, и забрал тот список... Он уже снял все заклятия с помощью Спенсермэнов... Только его забрал... Но в будущем пошли слишком сильные волны на Арине Симоненко, ее убил выстрелом в грудь кто-то из списка, какой-то наркоман... Поэтому Стивен список вернул в тайник Саши Сколова... Список найдут и всех отстреляют... А если не найдут, то мелкие контрабандисты из Минобороны будут отстреливать тех, кто когда-то его видел или держал в руках...

Каждый, кто разьежжился из пансионата американцев, увозил строчку из длинного списка. Я учила первые строчки... Моя другая соседка по комнате блондинка Лена в круглых очках увозила свою третью строчку снизу... Мы уезжали в два этапа... Сначала большинство, а потом шпионить оставались те, кто устраивал всех, и контрабандистов, и полицейских... Меня оставили... Нам открыли черную дыру, и мы начали все сначала... Шпионить... Меня объединили со мной предыдущей... Ясю не взяли — она была клоном...

— Ох, и кашу мы затеяли, — сказал мне старик Горюнов напоследок и опять пропал, просто ушел, как будто растворился...

И список тот, основных поставщиков, короткий, который мы так отчаянно учили тогда... Который так неизбежно забыли... Нас будили ночами, через нас пропускали электрический ток, чтобы навсегда стереть то воспоминание, тот список из памяти... Этот список так навсегда и остался в нашей памяти, замурованный и закрытый...

Наташе пустили в голову мышку, чтобы из мозга она изъела тот список... Но организм Наташи уже был отравлен ядом рака, и мышки в ее мозгу неизменно умирали... За тот список ей мозги «репарировали», память стирали и не раз. А она опять нарастала. Из-за опухоли, наверное... Мне не разрешали мышек, выедающих память, поэтому меня ждал дурдом...

Тот номер. Тайники

Мы учили наизусть короткий список поставщиков, номер телефона Паленко, расположение тайника Саши Сколова... Сидели в пансионате и учили все наизусть... И еще делали фото и видеофайлы...

Мы жили с поставщиками от Минобороны в одном пансионате.

Мы ходили с бумажками и учили наизусть ФИО всех поставщиков из Минобороны. Такие листики были у всех... Но потом я все забыла...

Мы с Наташей вернулись в лето, где Саша Сколов прятал свой серебристый мешочек, в его пансионат в Сибири. Он взял расстояние между Санкт-Петербургом и Владивостоком, разделил его пополам и там выбрал себе пансионат, его строил еще его дед... Нам дали по красненькому пластиковому сундучку, и мы закопали там свои телефоны со слезкой, завернув в полиэтиленовые пакетики — нам опять открыли черную дыру...

— А там Саша свой тайник делает! — сказала мне Наташа, показав на начало лесополосы. «Еще живой», — подумала я. Наташа пошла посмотреть на Сашу, пока я копала свой тайник... Она даже сходила к Саше посмотреть на него, поговорить с ним у лесополосы, еще живым... Он даже помачал мне...

Дедушка всегда говорил — мы обе с Наташкой называли Горюнова дедушкой — не прятать ничего далеко, все самое ценное всегда находилось под носом.

Но в пансионате мне сказали, что мой телефон не наполнен, смысл его прятать. И мне опять открыли черную дыру в зимний Питер собирать файлы для тайника. Главное, хорошо сделать видео Никиты, его еще никто толком не видел...

Я делала видео переговоров Никиты с Нагорбовым. Потом мне на телефон Саша скинул все важные файлы. На мой сундук, как оберег, поло-

жили иголку. Работники пансионата закопали наши сундучки поглубже... Сказали, что Наташин тайник найдут, а мой останется... Я сделал свой тайник у пансионата, а Наташа дальше... В той лесополосе у пансионата Спенсермэны потом раскидали семена непроходимых дубов...

Нам открыли слишком много черных дыр, значит, количество контрабандных поставок оружия за границу у нас зашкаливало...

Мои приключения с черными дырами в разное время и в разных местах заканчивались. Меня вернули в последний день в Питере, и объединили с собой исходной...

В последний день мы тоже могли поехать в Питер на полдня, Наташа поехала, я не стала. За ней отправился Нагорбов. Она поехала искать полицейского, отдавать ему списки, номер телефона Паленко и все сделанные видеофайлы. Она отдала их какому-то полицейскому и днем вернулась обратно. Я не видела смысла уезжать утром, а приезжать днем — город все равно не посмотреть! Я собирала вещи в комнате — мы разъехались днем.

В пансионате я запомнила только разговоры о Боге в малых группах. После этой поездки я начала разочаровываться в американцах и общаться с ними все меньше и меньше. Кстати, на обратном пути в поезде я подцепила вшей. Впервые с десяти лет, по-моему. Потом предупредила Брэнду и Тюши тоже проверить всех американцев на вши...

Я не была верующей, и уйти из американской компании мне было легко.

Приезжая в Краснодар, я еще помнила тот номер. Но потом стала неизбежно забывать. На тот номер Паленко звонили еще двое... Наташа Горюнова и Георгий Семенович. Через пару дней из телефонной будки звонила Наташа, чтобы номер остался в базах данных телефонной компании ее города... Чтобы этот номер сохранился еще где-то, чтобы оставить еще один след, а пока отвлечь внимание от меня, ведь я везла домой фотоаппарат с пленкой с убийством девушки... И Паленко отправился в погону за Наташей... По ее следам... Зайцев звонил со своего сотового через пару недель...

И после этих телефонных звонков впервые за много лет Николай Максимович Паленко позвонил своему хранителю, ангелу-хранителю...

Паленко сначала думал, чтобы отдать тот номер своему подчиненному, и говорить всем, что он купил номер себе, случайно оформив на руководителя. Он тоже работал с калашниковыми. Но подчиненный, еще старый, сказал, что ему новый номер не нужен. Трюк, известный и старый, с номером не удался, чтобы потом посадить подчиненного за контрабанду, не привлекая особо внимания, после того, как он совершит осмелев пару поставок... Его бы забрали в тюрьму, а там убили, а все бы думали, что его просто перевели. А Паленко бы писал отчеты и отвечал перед начальством, как этот прохиндей специально купил на его паспорт себе номер телефона и вел по нему переговоры с перекупщиками... Паленко не раз

пользовался этим приемом — отдавать свои старые номера подчиненным... Но в этот раз трюк с номером не удался...

Летом Стивен перекапывал территории разных пансионатов, искал тайник Саши Сколова... Но не нашел... Стивен перестал копать, он никогда бы не нашел этот тайник, потому что он убил Сашу. Он убил заговоренного крутого полицейского — наши в двадцать первом веке убивали легче... А через несколько дней Саша открыл черную дыру и стал прятать свои файлы... Через черную дыру к нему даже пришла мать, они простились...

Наши контрабандисты, Нагорбов, Кривогор и Шайн, тоже стремились сделать так, чтобы за их преступления посадили Эдама. Собирали против него показания. Против него и его отца... На то он и святой козел... И все в России верили, что за большинство их преступлений будет сидеть Эдам!

Марфа Васильевна и ядерная война

Маргарита Васильевна Тимирязева занималась как раз недорогим оружием, таким как автоматы. Но тут были и дорогие экземпляры, такие как калашниковы. Это была ее область ответственности. Марфа Васильевна была невысокая женщина средних лет с короткими темно-русыми вьющимися волосами. Она знала своих подопечных вдоль и поперек. Она занималась ими уже много лет и знала как облупленных. Для руководства главное, чтобы все проходило без сучка без задоринки. И не было проблем.

И это был даже не ее ребенок. Полков сделал тест ДНК останков мальчика и Марфушки. Но потом оказалось, что это сын ее подруги, и она умерла, когда он был еще маленьким. Да, он что-то говорил о приемной матери... И помнил еще родную мать. А это еще хуже. Похоронить родного ребенка — это ничего, а чужого — это совсем. Того себе никогда не прощай...

Полков сделал ей клона вместо сына, но она не захотела жить с клоном... Ее мальчик... Он застрелили его в упор... И никто ничего никогда не докажет... Она вздохнула...

Однажды людей на заводах сделали ледяными статуями и разбили каждую, и Марфа Васильевна собирала людей по осколкам. Это чтобы больше их ценить... Это были месяцы, иногда годы...

— Ядерная война проходит, Арина Симоненко никогда... Нам на завод на Урале даже кидали ядерную бомбу. Разрушено было все, воздух звенел. Это было во время войны, и атомную бомбу кинули немцы, когда мы отказались им поставлять оружие. Все были убиты...

Когда она зашла на завод — весь воздух был наполнен какими-то частицами, и ничего не было видно... Частицы — это были части людей и машин — машины потом собирали механики. Марфа собирала людей. Она должна была доказать начальству, что эти люди на самом деле нужны ей и она дорожила ими, несмотря на то, что они уже очень устарели во всех смыслах... И давно отстали от всех возможных эпох...

И собирала она своих сотрудников по крупицам, с пинцетом находила. И только на механика забила совсем, устала, жить хотела...

Некоторые нескольких оставляли, некоторые вообще ничего делать не хотели...

— Мы по атомам работников собирали и боялись те атомы потерять. Чтобы восстановить сотрудника надо было собрать хоть пятьдесят процентов тела... А если меньше — то никак. А атомы исчезали, как испарялись. Так бывает. И не спали мы тогда тысячелетиями... А ты думаешь легко атомы человека собирать? А один придумал магнит сделать, настроить...

Потом сначала атомы мужчин и женщин стали делать разного цвета — синим и красным соответственно. И Марфа собирала их уже быстрее... Сотни лет, а не тысячи... Потом каждого сотрудника раскрасили в разные цвета, как радугу и было совсем легко — только десятки лет. А потом придумали магнит... Людей собирать.

С магнитом за три минуты человек собирался... И механика своего старого она тогда собрала... Магнит настраивался на определенного человека, она слала один атом человека в магнит, и он собирался за секунду полностью... Как хорошо иметь магнит в ядерную войну!

— Они если помогают контрабандистам или глаза закрывают, то детей хоронят. А если не помогают, то тоже хоронят. Или эти убьют, или те. У многих из нашей верхушки и детей-то нет, убиты все. И никогда не будет, зачем заводить детей, если потом все равно их хоронить? Есть посты, которые не надо занимать...

— Но они не так плохи. Они все не так плохи... Пока кто-то что-то подписывает на высшем уровне... А если нет. Что тогда? И все равно их надо периодически бить по носу...

— Директора заводов не должны быть несменяемыми. Все директора у кормушки. Зажались совсем. После третьего десятка на троне они теряют адекватность. И долго жить уже не очень хорошо. Отстают они... От эпохи отстают... Они не соответствуют своему времени... Не знают, что такое технический прогресс... И за ними на заводах никто не следит... Следит, но спустя рукава. Ох, как спустя рукава... А по-другому они ругаются и нормально работать не хотят, а это оружие... Если долго держаться, то это уже хорошо... Уже нормально. А разве по-другому бывает? — Марфа Васильевна только пожалела печами... — И следить сложно на самом деле. Это засекреченные объекты и засекреченная информация. На заводах творится бардак. Контроля по существу никакого. Все воруют, но не так... Контрабандой занимается каждый встречный на заводе. От директора

до сторожа. Кто по мелочи, а кто и не очень... Руководство смотрят на это сквозь пальцы...

— Они не должны быть несменяемыми, они не должны верить в свою безнаказанность, в свою вечность. Поэтому их тоже иногда надо менять... Уже если влезли не туда, тогда сидите тихо...

— Их надо периодически менять... И учить жить по-новому. Их пробовали тасовать по разным заводам, но они быстро ко всему приспособились... Они часто в семьи уходят, это и хорошо для них...

— И отправили же вы эсэмэс... И судья тогда на Паленко писал, этот Верховоз... Умер уже... Паленко и убил... Думали, делу ход дадут, но нет... свои закрыли... Не время, значит...

— А наши поставщики верят, что это невезение — проклятие Эдама Хейсонда. Каждый, кто связывается с ним, теряет все, — она рассмеялась. — Все началось с мавра в Америке, потом он в крутую звезду влез, особу королевских кровей пытал и расчленил... С тех пор его преследуют неудачи.

И проклятие Эдама Хейсонда в виде убиенного им мавра все набирает силу... И уже никто не подтверждал, что Эдам «тот» и с ним стоит вести дела.

Темирязов Виктор Павлович

Темирязов Виктор Павлович был в деле давно. Еще при Далиле, старой той. Когда она кладовщицей была, он еще не работал, но ее знал, видел, и даже обращался с ней. А дракона ее не любил... Отца Дарьи и деда Владимира Нагорбова. Все же как тесен мир, особенно контрабандный...

...

Он был со многими влиятельными военными, прошел по всем верхам, но потом он перестал котиrowаться — его мужчин стало слишком много... Некоторые даже говорили, что он специально стал женщиной, чтобы с влиятельными мужиками спать. А потом перестал пользоваться популярностью. Бывало, что в случайной компании со всеми мужчинами он когда-то спал. И это перестало нравиться. Эти женщины ведь не стареют. Живут долго. Потом он начал стравливать своих мужчин между собой — всегда говорил, что женщины обладают большой властью... Они у него даже в самоубийство уходили... Одному рассказывал, что даже сына от него родил...

Военные всегда предпочитали женщин со стороны, не своих... Один из любовников Темирязова рассказывал: — Анна никогда не хотела, чтобы ее любили. Она всегда хотела только власти...

Женщиной он жил лет пятьдесят, тихо работал в бюро при заводе... А через пятьдесят лет он решил вернуть себе тело мужчины, наигрался... Некоторые говорили, что он был проституткой, но он это всегда отрицал, только со своими и по любви... Но много их было сильно, слишком по тем временам. И пошел о нем слухок, что он падок на высокие чины, богатых и влиятельных, и попросту шлюха...

Говорили, что он опять сменил, точнее вернул свой пол под пост — на заводе искали куратора... Но Темирязов быстро продвинулся... Не прошло и пару десятков лет, как он стал заведующим всеми перевозками оружия по России, и на него вышел Нагорбов, внук Далилы... Темирязов был близок к президенту, не раз участвовал в конференциях, был в горячих точках и всегда говорил, что лучшее, что сделал в жизни — это вернул себе тело мужчины... Все посты и назначения проходили через его руки. Он был выше Марфы Васильевны, его однофамилицы — смешно, но им дали одну фамилию, он сам попросил, это было лучшее для него прикрытие, Марфа на одной стороне, он на другой... Некоторые несведущие молодые считали их братом и сестрой...

За ним следил один мастер с завода и поставил прослушку — Темирязова всегда мало подозревали, он мог убедить, что он свой... Мастер сделал видео его переговоров с Нагорбовым... Так на заводе новенькие узнали, что он предатель, «старая гвардия» и так знала... Темирязов следил, чтобы свои сидели на своих местах крепко, всегда обеспечивал им защиту, прикрывал их и «крышевал»...

И поклонялся Темирязов богу войны, и ему одному. И только ему служил, и только его боялся... И в каждом убитом солдате, и в каждой военной операции, в наглой ухмылке Полкова, и в скрещенных пальцах Игнатьева Марфа Васильевна видела его, Темирязова. И боль он терпел по-другому. И бога своего призывал, и выл он как зверь, когда пытали его... И боялись поэтому Темирязова сильно. Потому что не человеком он был, а диким зверем, именно так говорили о нем на заводах... И духи помогали ему ту боль терпеть... Поэтому он был выше директоров, и Полкова, и Игнатьева... На самом деле ему в воздухе давали обезболивающее... Когда Темирязов хотел убить Арину, ему в первый раз не дали обезболивающее в воздухе...

Как только развели клонов, Темирязов сразу купил себе два — Виктора Павловича и Павла Викторовича, а он сейчас был Иваном Вячеславовичем. Сначала Васильевичем, а потом Вячеславовичем. Но на самом деле он родился Виктором Павловичем. Но у него уже было много имен. Он сам уже запутался, с тех пор как стал служить... Он уже долго жил, проводил много успешных боевых операций. Его любили и ценили на работе. И единицы были в курсе, чем он занимался на самом деле и кому служил... Его клоны были точными его копиями, точь-в-точь. И только редкие его любовники по родинкам понимали, что это он сам... У него была выступающая черная родинка на шее — свои сделали...

С тех пор как он поменял тело, он часто переодевался, был то мужчиной, то женщиной. Мог быть и торговкой на рынке, и продавщицей в элитном бутике, женщины особенно у него хорошо выходили, говорили про него на заводах.

И сделал вид Темирязев, что женился. И сам долго гримировался под свою жену или пил таблетки трансформации. Но никогда с женой не замечали их вместе. И долго он так жил за двоих. Лет двадцать. И за это прозвали Темирязева непарой. Не мог он быть и в женском теле, и в мужском одновременно... Потом стали свои ДНК-тесты делать, таблетка-то ДНК не меняет, и вскрылся его обман... И тогда он с клоном пожил, а потом развелся... С женой столько мороки! И всегда говорил Темирязев, что хорошо пожить лет пятьдесят женщиной, вжиться в роль, понять их психику и психологию.

На заводах говорили, что странный он какой-то. Столько лет женщиной жил. И теперь в женщин переодевается. Зачем ему это? Говорил, что был женщиной, чтобы тело худым сохранить, но у него столько мужиков было тогда...

И для своего сына, теперь дочери, он тоже готовил такую же участь... Сына он попросил назвать Виктором в свою честь, но с матерью его он никогда не жил. Мать его сына умерла при родах, Темирязев сам ввел ей препарат, остановивший ей сердце... Его сын Виктор... запел в известной группе «Недуют», а после ее распада уехал в Америку... Рядом с ним люди начинали умирать от инфарктов, у них останавливалось сердце.....

Таким военным разрешают детей раз в пятьдесят лет, и у его сына, теперь дочери был порок сердца. Его предыдущая дочь погибла... пятьдесят лет назад... А сын его, дочь, да, был очень больным... Он сам так сделал, потом сказал будет лечить... В Америке вылечат...

На заводе говорили, что если встречаются однофамильцы, то один обязательно предатель, а один нет. И предатель всегда тот, кто болеет. За убитых солдат болеет.

Марфа долго не могла поверить, что Темирязев был предателем, настолько он подходил на свою роль. Она ставила ему свою дорогую прослушку, записывала его переговоры с контрабандистами, но всегда думала, что это просто розыгрыш своих. Но шли утечки на высшем уровне, и она стала проверять своих. И вышла на Темирязева, та информация была только у него. И на заводах ей подсказали, что Темирязев был не тот... Как она была разочарована... Как она ему верила, кто угодно, но только не он... Он не мог, никак... Но с фактами не поспоришь... Это был Темирязев, кто всегда руководил и благословлял все операции контрабандистов... И тогда Марфа удивила всех, она не стала искажать действительность и делать вид, что он тот. А стала вести себя с ним, как с предателем... Как будто она в курсе, но ничего сделать не может... Она показала ему свои записи... И как он изменился в лица, как побагровел... Как он стал ей угрожать, даже хотел убить, начал душить... Но вовремя остановился...

Марфа Васильевна тогда принимала решение, как вести себя с предателем. И весь завод замер в ожидании, все ждали, что она изберет сторону борьбы, как все «львы», она была из «львов». Она не присоединилась к предателям, покрывать их не стала. Она заняла нейтральную позицию вредить, как только возможно. Это была тенденция времени. В открытую конфронтацию, как делали «львы», она не ушла, чего от нее очень ждали тогда.

И все всё Льва вспоминают, до Темирязева он был, но Далила-старшая его извела. За золото продала... И умер он от отравления., у него желудок кровоточил. И Темирязев встал на его место, и почернели тогда оба завода, и наступила темная пора для нас всех...

Темирязев приезжал в Питер в 2005 году вести переговоры с Нагорбовым. Его видели и собирали доказательства с ним Зайцев и Верховоз...

А заказчиками Темирязева были японцы со своими драконами, и платили ему золотом и всем ему помогали...

Японские драконы

Издrevле боролись японцы за территории, как появились смежные между белыми и черными — азиаты. И были они злыми и кровожадными... И не было для них на планете места, и стали они японцами... И ютились они на своем острове в виде дракона. А рабы их стали китайцами и дали им земли тогда... И много драконов живет в Японии... И поэтому земля Японии стала в виде дракона. И кормили женщинами тех драконов, своими женщинами и чужими...

И раньше в Японии были сады и виноградники, но много они стравливали белых друг с другом и стали уменьшаться земли Японии, как и Великобритания... На заводах хранились еще карты, когда и Великобритания, и Япония были как материки, не меньше Австралии. Пока не уменьшились до прибрежных островов. И высохла земля Японии от постоянных войн в Европе, которые проплачивали японцы... И покупали японцы земли и все равно земля сохла у них... Видно, нет им места на этой планете... Но тогда стали они покупать технологи и стали конструировать роботов...

Японские драконы до сих пор существовали. И древние драконы живут у них на территории... Очень древние. И берегут они их... Как зеницу ока. И до сих пор проплачивают войны, и платят за это своей землей...

И завидовали они чужим территориям и чужой земле и ее богатствам... И стали думать они, как изжить других людей и захотели они, чтобы те утонули в войнах... И радовались всем войнам белых.. И так белые платили за рабство... За равенство белых и черных... И стали спонсировать

японские вельможи предателей, кто продавал свое оружие за границу, чтобы умирали белые от своих же мечей. Я сама Япония напоминала дракона, а огонь, ею извергающий, стал Китаем... И стали белые заковывать японских женщин в кандалы, чтобы изжить их драконов, чтобы не могли те ходить нормально, так хотели они изжить тех драконов, и стали закрываться у японцев глаза за смерти белых от собственного оружия...

Японцы жестоки и кровожадны. Земля сохла за убитых младенцев, японцы полили их кровью свою прибрежную землю — кровожадные драконы требовали жертвоприношений. И так японцы боролись за свои территории и мечтали занимать территории побольше...

И много драконов жили по богатым домам Японии... И любили японцы драконов и не изводили, потому что верили в древнее колдовство... И все их драконы извергали огонь...

Много белых рабынь, украденных в России, живет в богатых домах Японии... И короли их все живут и умереть не могут... Было две королевы, спонсоры контрабанды, английская и японская, и японская была хуже английской и стравливали их всегда... И до ядерной войны они дошли, и бомбили Японию американцы... И всегда английские короли боялись генуев, потому что те могли забрать у них власть...

И в Китае драконы были, да не те они...

И помогали Темирязеву японские драконы, и спонсировали его...

Часть 7. Древний мир Эдама Хейсонда

— Ты посмотри, сколько всего она сделала. Ее надо убрать... Какими угодно способами... ты посмотри на нее, — говорил неизвестный Эдаму Хейсонду.

— Да нет в ней ничего особенного, тихая такая, сидит как мышка. Молчаливая. Постоянно о чем-то своем думает... Ее и не замечает никто.

Подходит совсем молоденькая миловидная девушка, она прижимает к себе папку с тетрадками. Это наша Арина.

— Это она?

— Да, когда-нибудь она может дать свои показания... И слепота, Эдам... Убрать ее любыми способами... Чего бы это не стоило...

Арина очень торопится, строгий преподаватель не пускает опоздавших. Она перебегает дорогу в неположенном месте. На нее мчится машина, небольшой грузовик... и сбивает ее. Приезжает скорая. Но уже поздно...

— Ну все, дело сделано... Слава богу! Убили... Ну теперь все нормально будет!

Эдам сам не понял, как здесь очутился. Он как будто повернул голову и увидел, что он не у универа. Как будто на земле сразу же появился разлом и там песок... Как будто это чей-то неудачный розыгрыш. Вокруг было немного холоднее. Он опустил руку и дотронулся до земли — это был холодный оранжево-коричневый песок. Он не мог понять, где очутился, такого места он не помнил в Краснодаре. Но стало темно... Он решил дожидаться утра... Он был в каком-то лесу, но в каком — не мог понять. Еще с детства он помнил, что на ночь лучше залезть на дерево от диких зверей... Он хотел запрыгнуть на ствол. Но ствол был неудобный. — Пальма! — удивился он, увидев ветви. Наконец, он залез на невысокое дерево, устроился поудобнее... Он порыскал в поисках бананов, но не нашел ни одного. Он зафиксировал себя на пояс и уснул до утра.

Утром он не поверил своим глазам. Вокруг была пустыня, но песок был не желтый, и оранжево-коричневый, какой-то глиняный. Солнце было низко над горизонтом, и воздух был какой-то более насыщенный чем ли, влажный, как в джунглях, но местность была пустынная. Эдам думал, что из-за песчаных бурь ему будет сложно дышать, но нет, дышалось довольно легко.

— Эй, здесь есть кто-нибудь? — крикнул Эдам. И почему-то подумал, что эти люди могут не знать английский. Потом он крикнул по-испански. Ему никто не ответил и никто к нему не вышел.

Эдам на самом деле спал на пальме и залез на нее с какого-то кирпичного невысокого домика. Но домик, единственный квадратный, с пологой крышей, остальные домики вдалеке были похожи на снежные округлые юрты, только сделаны они были не из снежных блоков, а из песчаных... Или домик напоминал хоган индейцев, только состоящий из блоков, а не цельный из глины... Как все это было похоже на Америку индейцев... Эдам хорошо запомнил местный пейзаж — одинокие песчаные иглу в коричневой полупустыне с редкой кустарниковой растительностью... Пейзаж напоминал красные пустыни Аризоны. Солнце было низко над горизонтом, хотя был день, и солнце было больше, что ли. И небо было какое-то желтое, песчаное, наверное, от пыли...

Эдам решил заглянуть в домик и хотел найти там людей... Но домик был пуст...

Все было какое-то доисторическое, стол из камня или глины, тоже коричневый. А столе плоски — в куске дерева выдолбленные углубления, ни ложек, ни вилок. Эдам рассчитывал увидеть шкафчик для посуды с ящичками, нормальные продукты... Сбоку висели тушки обезглавленных зайцев. Кровати тоже били каменные, застеленные шкурами. Эдам подумал, что он попал к индейцам.

Из еды ничего не было. На столе веточки, какие-то засушенные растения, грибы, корешки. Он никогда не видел ничего подобного. Ни хлеба, ни холодильника. На стене висело какое-то подобие удочки для «рыболовли». Эдам как будто попал в древний мир... «Что за чертовщина», — подумал Эдам, поискал хозяина хижины и вышел.

Выйдя из хижины, Эдам еще раз осмотрелся. Какое-то подобие сада, пальмы. Он подошел к одной... Он видел хижины, но нигде не замечал их обитателей. Он нарвал на пальме бананов и подкрепился. Решил немного осмотреть местность. Он никак не мог понять, куда он попал... И Эдам смело направился к хижинам-иглам неподалеку. Там уж точно кто-то будет...

Иглы из камней вблизи были меньше. Эдам потрогал одну — каменная. Он оглянулся — тропицанские джунгли с домиком с крышей хорошо виднелись с низины. Он крикнул: — Здесь есть кто-нибудь? — и нагнувшись вошел в иглу. Она была меньше домика, Эдам ходил пригнувшись. Здесь жили точно какие-то маленькие люди. В хижине было еще беднее, чем в домике на холме. Каменные лежанки были ниже и тоже покрыты шкурами. В домике у двери висело несколько зайцев, здесь только два. Также корешки и веточки... Никакого стола, все лежало прямо на полу. Какие-то железные плоски и котелок... Он точно попал в древний мир!

Эдам вдруг подумал, что здесь нет никакой одежды... Если обитатели этих домой одевались, то разве что в набедренные повязки, как индейцы. Здесь не было никакой ткани, покрывал или одеял... Эдам потрогал шку-

ры — дикие кабаны... Разве могли эти люди не носить ничего и спать на полу? Питаться корнями? Сушить веточки? Собирать камушки? И впервые за долгое время он испугался... Он быстро вышел из иглу... Эдам обошел другие домики — все примерно одинаковые...

Вдруг он заметил костер на площадке среди домиков — домики были построены вокруг этой площадки... Костер еще догорал, черные угольки тлели... Значит обитатели куда-то быстро скрылись... — Эй, кто-нибудь? — закричал Эдам. Но ему ответило только эхо... Кто же должен был услышать его крик. Он зашел в одну из хижин и съел какую-то похлебку прямо из котелка, и она показалась ему на удивление вкусной... Кто-то его боялся. «Ну что ж, нашей встречи все равно не избежать!» Но как он попал сюда! И где он! Эдам все больше и больше беспокоился...

А в это время обитательницы хижин с детьми, иногда крохотными, прятались от него в дальних кустах, пока их мужчины были на охоте. Женщины быстро убежали, увидев незнакомца, бросили огонь и теперь переживали, чтобы он не затух... Огонь мог добывать только вождь племени...

Эдам решил оставить недружелюбное ему поселение, его появление наверняка вызвало здесь переполох. Он решил вернуться к домику вождя племени на холме и джунглям... Зашел в домик — опять пусто...

Эдам все пытался понять, где он находится. Он остановился и пытался привести мысли в порядок, стал чертить что-то палочкой на песке... Это может быть пустыня Сахара, может быть где-то у Больших каньонов в Америке... Но эти плошки... Хотя как живут африканцы в глубинках?

Эдам решил побродить по джунглям... Точно тропики, пальмы, мясистая листва... Он зашел в джунгли и вдруг набрел на рисовое поле, здесь эти древние люди выращивали рис. И похлебка, которую недавно ел Эдам, которая показалась ему такой вкусной, тоже была рисовой... Солнце здесь светило уже ярче... Эдам потрогал пару колосков... Это точно был рис... Может быть, он где-то в Японии, подумал Эдам...

Вскорости он набрел на озеро, как раз вовремя, подумал он. Солнце так палило ему голову. Он сорвал себе большой лист с какого-то тропического дерева и одел, как шляпу от солнца, сделал бандану... Вода была прозрачной, очень чистой. Он попил воды из озера. Тут он услышал какой-то крик, кто-то кричал в кустах... Он быстро побегал туда, но увидел только шелест травы... Он не смог догнать белгца. Но за ним точно кто-то следил... Эдам попробовал увидеть в озере рыбу, достал свой нож, закрепил его на толстой палке и стал ловить рыбу — голод постепенно его одолевал, а бананов не хотелось. Эдам всегда носил с собой карманный складной ножик. С рыбой ничего не получилось — рыба было очень далеко, быстро уплывала. И опять чей-то крик, в этот раз ребенка. И кто-то зашевелился в кустах. Эдам повернулся туда, но никого не увидел... Они сами ко мне выйдут, эти древние люди, индейцы, японцы, африканцы... Он понял, что быстрее устает, быстрее, чем обычно...

В джунглях Эдам боялся диких зверей, боялся заблудиться и решил держаться поближе к границе между джунглями и степью... Как и делали эти древние люди. Он именно так стал их называть про себя. Он наелся бананами — это было его основная еда сегодня. Не считая украденной буханки... И опять чей-то крик, кто-то зашуршал в пальме. «Неужели эти древние люди не ели бананов с пальм?» — подумал Эдам и сам рассмеялся своей глупости... Но кто-то за ним точно все время следил... Он чувствовал чьи-то взгляды, шелест кустов то тут, то там...

Эдам решил осмотреться, пойти по пустыне, думал, найти каких-то людей, в джунгли он не хотел... Думал, где-то тут близко может быть станция, адекватные люди. Он шел и шел, шел и шел. Увидел чей-то след и наступил в него... Он почему-то подумал, что это его собственный след, так он подходил... значит, он ходил кругами... Но нет, точно нет, круга он бы еще не сделал... Края пути он не увидел. Везде только песок... Ему чудились большие города вдалеке, но это был только мираж пустыни... Он подходил ближе, и они таяли... Солнце низко над горизонтом... Пыльный ветер. Он упал на колени... Решил пойти обратно по своим следам. Понял, что идти дальше бесперспективно. Там хотя бы были бананы и вода. Он не увидел, чего хотел, какого-то города, другого поселения...

Вернувшись он опять залез на пальму, взял банан. Все-таки он неплохо устроился, успокаивал он себя. Он заметил, что бананов стало меньше, их уже срывали местные... Он решил сначала дождаться ночи и определить свое местоположение по звездам, а потом принимать решение. Может, пообщаться с обитателями хижин. Он залез на крышу домика вождя и уснул. Прямо на крыше под палящим солнцем. Солнце палило, но не жарило... Все-таки он сильно устал...

Он проснулся уже ночью... Также залез на дерево с домика на холме и взглянул на небо... Он даже начал сначала считать звезды, так легче найти Большую Медведицу. Ну и вот она, это точно. Вот большой ковш, Полярная звезда, Малая Медведица. Это точно Земля, а то он уже думал, что на другой планете, Эдам опять рассмеялся своим мыслям. Его все время немного смущал пейзаж. Точно Земля. Большая медведица там выглядит только с этой планеты. Эдам еще с детства хорошо ориентировался по звездам, мог определить, в каком он полушарии. — Посмотрим, — сказал он себе. — Это северное полушарием, средние широты... — сразу отметил про себя север и юг. Вы не представляете, сколько может дать вам астрология, вы никогда не заблудитесь на этой планете! Эдам стал примерно оценивать угол ковша. Он всегда носил с собой круг измерения углов созвездия Малой Медведицы, чтобы определять широту и долготу по Полярной звезде. Его однажды украли и выбросили около Нью-Йорка на пустоши и по этому измерителю он определял примерно, где он... — Это примерно пятьдесят пять градусов северной широты и тридцать семь градусов восточной долготы... Так, — он задумался. И почему-то вспомнил недавнюю поездку в Москву, там он тоже разглядывал ночное небо — это

всегда было его хобби. Везде разглядывать ночное небо. Нет, этого не может быть! Просто не может быть! Недавно в поездке он видел точно такое же небо! Это была Москва. Он даже сделал засечку на измерителе, где пересеклись ее широты и долготы! Он так решил запоминать звездные неба больших городов. Он даже подписал тогда «Moscow». И сейчас отметка была там же! Никаких сомнений. Это Москва, даже не пригород! Он вспомнил то небо в огнях ночного города, сейчас звезды светили также ярко! Небо было один в один! И тут его на самом деле начало трясти. Это Москва! Столица России!

Он быстро слез с дерева и бросился наутек стремглав куда-то в кусты! Лишь бы сбежать от открывшейся перед ним реальности...

Но все сюрпризы для Эдама Хейсонда были еще впереди.

Эдам побежал в джунгли, подпрыгивая над высокой мясистой травой, в полной темноте... Куда и зачем он бежит, он не знал... Он еще не знал, как пристально за ним следили два огромных глаза... Как его запах прильщал...

Костер

Эдам недолго бежал по джунглям. Он услышал впереди голоса и неожиданно для себя самого вдруг выбежал на поляну, на которой горел костер. И сразу оказался около тех, кто сидел вокруг костра...

Эдам выбежал к костру и огляделся... Вокруг костра сидели обезьяны, то есть это было сборище обезьян. Но они были какие-то необычные. Крупные, что ли. Все ростом примерно с Эдама, или немного ниже. Все покрытые шерстью с обезьяньими чертами лица. Эдам встал как вкопанный и стал оглядываться по сторонам. Одни обезьяны. Какие-то больше, какие-то меньше. Все одного вида, примерно одинаковые, песчано-коричневые...

Одна обезьяна покрупнее громко что-то крикнула Эдаму. Вокруг костра сидели самцы...

Эдам повернулся к крупному самцу. Ему все это нравилось все меньше и меньше. Неужели это обитатели тех хижин? Куда же он попал? Эдам не верил своим глазам в прямом смысле этого слова...

У огня висел котел, в котором кипела вода...

Эдам все оглядывался по сторонам... Он не знал, что делать и решил притвориться обезьяной, присел, опустил руки как обезьяны, даже немного поокал «Ооо»... Чем точно обескуражил обезьян. Потом запрыгал и сел

среди других обезьян. Эдам вдруг захотел стать незаметным... Обезьяны, язык не поворачивается называть их по-другому, древними людьми хотя бы, были очень удивлены. У костра все затихли... Но Эдам медленно прыгал к пальмам, прыг-скок, а там бросился наутек. Теперь он бежал обратно в сторону домика на холме и хижин... Боже, что же это? И где он очутился?

Вдруг он услышал за собой какое-то сильное шуршание, кто-то ломал ветки, догоняя его. Он оглянулся — он думал, что его преследуют обезьяны. Но это был кто-то огромный. «Какая-то огромная обезьяна?» — подумал Эдам. По размерам больше лошади. Эдам убежал, кто-то его догонял. Он оглянулся еще раз и в лунном свете увидел огромный широкий хвост и лапу, как у ящерицы, с когтями. Он почему-то решил, что за ним гонится динозавр, например, диплодок. Он не удивился бы, он же оказался в древнем мире, где могли обитать и эти огромные рептилии.

Этот динозавр точно бегал на четырех ногах и был очень быстр... «Огромная ящерица», — подумал Эдам. Он уже не оглядывался, но иногда слышал за спиной его голодное сопение... Он слышал, как динозавр сметал на своем пути огромные ветки и кусты. Как будто он охотился, и добычей был сам Эдам. Он бежал что есть мочи, так быстро люди не бегают, он думал, что у него выросли крылья... Эдам с детства любил бегать и был лучшим бегуном в своем классе.

И почему-то Эдам опять подумал об Арине, не оказался ли он здесь из-за нее, среди обезьян. Говорили, что она будет крутой. Может, это прошлое. Но звезды не те, звездное небо меняется. Это небо точно такое, как было тогда, в Москве. Значит, это другое измерение... Планета обезьян... Но как это возможно? Значит, он изменил эволюцию! Теперь Земля — это планета обезьян. От этого всего голова шла кругом. То одна, то другая мысль мелькали в его голове. Пока Эдам так думал, он уже приближался к краю тропического леса.

Эдам быстро взобрался на свою хижину с квадратной крышей. Он видел, как зверь выбежал из леса, покрутился около домика, но дальше не заходил... Он его лучше рассмотрел — это точно был огромный ящер, только его лицо было круглее и немного приплюснутое. Но его чешуя переливалась в лунном свете — он точно был рептилией. Он открыл рот, тяжело дышал, и Эдам хорошо рассмотрел его крупные зубы, рот зверя был полон зубов... «Точно какой-то динозавр», — подумал Эдам. Зверь покрутился еще, даже немного поскулил, вдыхал носом запах Эдама... Он чуял его присутствие, но не мог достать... И ушел к себе в джунгли не с чем...

Эдам на крыше чувствовал себя увереннее. Зверь скрылся среди деревьев, может быть, затаился и стал ждать, когда Эдам спустится. Будет ли он караулить Эдама, может быть, он появлялся только ночью.. Эдам вспомнил все, что знал о динозаврах — хищники, этот точно, днем бодрствовал, вымерли... Мда... Наверное, этот динозавр боялся обезьян. Наверное, они пугали его огнем... Потом Эдам вспомнил все, что знал об обезьянах.

Живут в джунглях и любят бананы... Эти бананы не пробовали, он вспомнил, что видел слишком много бананов на пальмах, их бы точно сорвали...

Эдам почему-то стал вспоминать, что он сделал последним. Он кинул под машину Арину Симоненко... «Дробувались... Боже мой, что теперь делать?» — думал Эдам. Он опять уснул на крыше... Он рад был забыться сном... Теперь он спал плохо, вздрагивал и кричал во сне...

Когда он проснулся на следующий день, солнце уже ярко светило... Он был на крыше... Он огляделся — все тихо, быстро спустился. Он заглянул в домик и увидел там крупную обезьяну. Этот домик, который так понравился Эдаму, был домиком старейшины-колдуна... Единственный просторный домик на порядок выше остальных... Обезьяны уже решили обнаружить свое присутствие. Наверное, это был старейшина племени... Он что-то колдовал над корешками у себя на столе, нюхал их и грыз. Эдам опять удивился, он ожидал увидеть человека, а потом во всех подробностях вспомнил вчерашний день... Он понял, что это старейшина, потому что тот носил какой-то тюрбан и набедренную повязку. Вчера у костра все обезьяны были без повязок. Эдам еще раз убедился, что это какая-то особенная обезьяна. Эдам заглядывал в окно свесившись, так он думал, что тоже подходил на обезьяну. Старейшина увидел его, вскрикнул. Высунувшись в дверь, «обезьян» что-то закричал своим соплеменникам...

Обезьяны, видно, искали Эдама, их вчерашнего гостя, на крыше его скрывали пальмы... Другие обезьяны, похоже, за ним следили сутки, сами прятались и не появлялись. Обезьяны побежали к дому старейшины, схватили Эдама и повели его к своему поселению из примерно тридцати хижин. Эдам еще раз удивился, какие все обезьяны были одинаковые, фильмы про мир говорящих обезьян показывали обезьян разных типов — горилл, шимпанзе, орангутангов, мандрил и др. Но вокруг Эдама были только светло-коричневые крупные равноходящие шимпанзе. И Эдам почему-то вспомнил австралопитеков в учебниках истории и муреех древности...

Самая крупная обезьяна-самец ждала их в поселении, Эдам решил, что это вождь, он низко опустилась на колено перед старейшиной. И Эдам подумал, что старейшина все-таки главнее вождя...

Обезьяны привели его к поселению обезьян, в центре расчищенная площадка с костром, одна пожилая обезьяна следила круглосуточно, чтобы костер не потух, сидела-подкидывала в костер дров. Она что-то крикнула старейшине, когда увидела Эдама, а тот поднял руки к небу. Эдам заметил, что обезьяны общались криками, их речь была практически не развита. Эдам подумал, что обезьяны приняли его за божество...

Когда появился Эдам, обезьяны в племени затаились. Как и чудовище в джунглях. Эдам вдруг вспомнил о динозавре или змее... Они хотели принюхаться и присмотреться к нему. Эдам не раз чувствовал, что за ним все

наблюдают, смотрят, как он ходит, ест, пьет. Вождь жил в хижине, как и остальные...

Около костра лежала связка бананов, обезьяны подвели Эдама к этой связке, один из обезьян ткнул в связку пальцем, типа «Покажи, как ты это ешь».

— Да, сейчас, — Эдам говорил с обезьянами на английском... Он быстро и с готовностью взял один банан, почистил и стал есть. Крупная обезьяна-самец, который его вел и сейчас охранял, забрал у него банан и попробовал его сам. Потом повернулся к своему племени: — Эээ, — крикнул он им. Остальные обезьяны взяли по банану и стали их чистить... Они быстро чистили и начали есть, сначала осторожно, потом уже смелее... По виду обезьян бананы им понравились! Они по-другому посмотрели на Эдама. Внимательнее и веселее...

Эдам теперь при дневном свете хорошо рассмотрел своих шимпанзе, да, это были определенно высокие шимпанзе, но они могли ходить ровно, некоторые, правда, как шимпанзе прыгали, угугукали, но все же они были равноходящие. Их вождь, самая крупная высокая обезьяна, ходил ровно почти всегда.

Вождь обезьян был очень крупной обезьяной. Эдам смотрел на него снизу вверх. Его звали Чао. Вождь говорил громче и строже других обезьян. И даже Эдам перед ним немного пасовал. Вождь почти все время ходил прямо, другие обезьяны иногда становились на четыре лапы... Они все бегали по-обезьянски, не как люди... Эдам тоже иногда решил бегать, как они.

Эдам быстро подсел к костру и стал помогать подкидывать старой обезьянхе ветки в огонь. Они как-то странно пахли. Эдам быстро сделал куклу из сухих веток и отдал маленькой девочке-обезьянке. Она стала прижимать ее к себе, точно как делал его старший сын...

Обезьяны начали ругаться, они кричали на вождя и старейшину из-за Эдама. Они показывали на Эдама и кричали на вождя, типа, зачем он его сюда привел, у них и так много ртов. Вождь был молчалив. Одна из обезьян ела банан, и на нее смотрел старейшина. Старейшина тоже был молчалив, но благосклонно смотрел на человека в племени.

Хижина вождя была больше, его обезьяна-самка жила с ним, и у него был маленький детеныш... Эдам хотел поиграть с сыном вождя, но тот не разрешил.

Обезьяны куда-то собирались племением, и Эдам отправился с ними. Некоторые обезьяны думали, что он останется у костра, но Эдам выбрал себе пример помощника вождя и вел себя примерно, как он. Тот собрался и пошел с обезьянами, и Эдам сделал также... Обезьяны смотрели на него. Они даже начали думать, что их змей Вуху специально послал им какой-то газ, чтобы они не увидели своего соплеменника, а решили что это какое-то непонятное существо... Но газ должен был пройти, и они ждали следующее утро, когда гипноз уйдет... Вождь обменялся взглядами со старейши-

ной и одной старой обезьяной, они проголосовали незаметно для других и разрешили незнакомому существу пойти с ними. Эдам так походил на них, что они все решили, что это гипноз Вуху, но тут валялась соломенная кукла Эдама и Вуху в воздухе говорил им, что он при чем...

В общем, они отправились в джунгли. Почти все мужчины и несколько женщин с большими деревянными кадками. Эдам засеменял с ними, он копировал их манеры и походку... Неудивительно, что обезьяны подумали о гипнозе.

У джунглей племя разделилось. Часть пошли в джунгли, в том числе и женщины с ведрами, остальные мужчины стали копать корешки разных деревьев. «Ах вот как они их добывают», — подумал Эдам. Вождь сказал Эдаму пойти с женщинами, а сам остался копать корешки. Потом он корил себя, что оставил незнакомца одного и не сопровождал его везде сегодня. Но он все еще думал о гипнозе, и он отправил с ним друга, как раз кого Эдам выбрал примером...

Эдам быстро оглянулся и увидел, как взрослые обезьяны стали копать корни. Они копали так, чтобы не повредить дерево, только те корни, без которых дерево могло жить, какие разрешал старейшина и вождь, так говорил им Вуху, чтобы лес продолжал расти...

Эдам пошел за их женщинами и остальными мужчинами... Старался за ними поспеть. «Какие обезьяны все-таки быстрые и проворные», — думал Эдам, он еле за ними поспевал... Он старался просто походить на них — все это он обдумает потом.

Обезьяны пошли к своему рисовому полю и озеру. Женщины зачерпнули в ведро воды, а потом все собирали рис. Женщины с водой пошли к хижинам.

Эдам вышел к полю, светило солнце, на поле зрел рис. Вот что делали тут обезьяны днем — они работали на поле... Обезьяны сразу же стали собирать в глубокие деревянные чашки рисинки, у каждой по плошке. Эдам быстро стал делать также. Он даже боялся поднять глаза от поля — он решил, что обезьяны приняли его за своего, чего он и добивался. Колоски были полные и тугие, обезьяны собирали быстрее Эдама...

Несколько обезьян что-то у него спрашивали, но он, конечно же, не понял, что. А они хотели узнать его имя, а потом рассказать ему, как одна обезьяна обнаружила в джунглях колоски, они думали, что этот рис послал им Вуху для пропитания, но старейшина говорил, что это он. Как они стали проращивать эти колоски, засеивать ими поле, и какая вкусная похлебка их них получалась. Они даже немного сохраняли себе риса про запас.

Обезьяны общались между собой жестами и криками, показывали отношение интонацией. Обезьяны разделились на тех, кто благосклонно относился к Эдаму и тех, кому он совсем не нравился. И Эдам чувствовал это двойное настроение... Он собирал несколько часов рис в свою плошку, смотрел на обезьян — ели ли они рисинки. Но они не ели... Он погрыз па-

рочку... Он срезал колоски ножом, что опять же привлекло внимание обезьян...

Через пару часов, когда чаши обезьян наполнились, они засобирались домой... Эдам сейчас определял время по солнцу, его часы остановились в тот момент, когда он оказался в этом древней мире... Солнце здесь не поднималось высоко над горизонтом, но светило ярко...

И женщины племени обезьян, каждый раз рискуя жизнью, добывали воду из озера, боясь чудовища... Два больших ведра каждый день...

Обезьяны и Эдам благополучно добрались до племени... В этот раз чудовище никто не встретил, и это был хороший знак...

Эдам вернулся со всеми к хижинам, его теперь посадили к костру и дали рисовую похлебку. Эдам вздохнул с облегчением — он стал обезьянам своим... Чего он так добивался — он думал, что легче в древнем мире жить в племени... Обезьяны строили домики как пещеры и сами там ходили нагнувшись...

Обезьяны только немного говорили, и отдельные звуки для них что-то значили. К Эдаму подошел вождь, пока Эдам сидел у огня. — Чао, — сказал он и приложил ладонь к груди. Это значило: «Меня зовут Чао», потом он показал на Эдама и сказал: — Мао. — Потом он подвел его к старушке у огня, которой симпатизировал Эдам — он вообще любил старых людей — и назвал ее «Ма».

Но Чао еще хмыкнул и показал на молоденькую обезьянку: — Ама. — Обезьянка была очень милой, с длинными ресничками. Она застенчиво стояла около одной их хижин и засмущалась, когда Эдам на нее посмотрел. И весь день она ждала его внимания...

— Мм, — Чао хотел еще что-то добавить. Он показал на лес и сказал: — Вуху... Наверное, на сегодня знакомств хватило.

Обезьяны сначала думали, что Эдам как их Вуху, тоже будет их убивать и есть. Но Эдам был дружелюбен, улыбался им... Они решили, что он не охотится на обезьян... И он им стал симпатичен.

Итак, Эдама они окрестили «Мао», а ту огромную ящерицу «Вуху»...

— Вуху, — повторил Эдам и взял копье. Чао закивал.

— Вуху! — и вздохнул.

Эдам тоже покивал... И вздохнул...

— У! — сказал ему Чао и ткнул пальцем его в грудь. — Вуху! — и кивком показал на лес.

Эдам понял, что ему надо в лес к Вуху. Вождь дал ему копье, заостренную палку. И толкнул его по направлению к лесу. Эдам пошел в джунгли...

По дороге Эдам старался не думать, как он будет жить среди этих обезьян. «Да меня съедят к вечеру!» — усмехнулся он и вспомнил Вуху.

Был день, и солнце ярко светило. Как будто долина радовалась Эдаму, так думали обезьяны...

Как понял Эдам, некоторые обезьяны даже поклонялись Вуху и считали его божеством, он же дал им рис, но их руководители, старейшина и вождь племени считали Вуху самым страшным злом, он ел их детей. Вуху подумывал, чтобы съесть сына вождя... Эдам уже понял, что обезьяны были телепатами...

Эдам решил идти проторенным путем мимо озера к поляне с рисом. Племя хотело, чтобы он убил змея. Эдам еще не успел дойти до поляны, как увидел спящего на животе Вуху. Он грелся на солнышке, брюшком кверху, и Эдам смог его хорошо рассмотреть вблизи. Он знал, что обезьяны скорее всего следили за ним и не хочет ударить в грязь лицом перед ними... Но больше всего он хотел не ввязываться в драки и просто убежать. Змей был огромный. «Это дракон», — подумал Эдам. Именно посмотрев на Вуху вблизи, Эдам стал читать его мысли... Или это Вуху открыл для него сознание...

Вуху был метра четыре в длину, просто огромный. Он был темный, покрытый чешуей, но его чешуя больше напоминала хитиновый покров крокодила и была очень твердой. Вуху спал, тяжело вдыхая воздух через ноздри и даже храпел... Его веки были закрыты. Эдам обошел Вуху со всех сторон и еще раз поразился, какой он огромный. У него была короткая морда, недлинная. Вдруг Вуху открыл рот, и Эдам смог рассмотреть его огромные зубы, по тридцать сантиметров. На конце его хвоста был наконечник, и Эдам прикинул, что одним ударом этого хвоста он мог запросто убить человека... На его лапах были огромные когти... Это была огромная рептилия, и Эдам почему-то подумал, что она ближе к крокодилу, чем к змеям... Эдам обошел змея несколько раз, крыльев у него точно не было, даже зачаточных — этот змей не летал...

Вдруг Вуху открыл один глаз, наверное, почувствовал запах Эдама. Он быстро поднялся на лапы... Эдам и Вуху посмотрели друг на друга. Эдам оторопел от неожиданности. И только мгновение человек и змей смотрели друг на друга лицом к лицу. Эдам тут же бросился бежать, сразу же бросив копье... Вуху тряхнул головой, отогнав сон, и побежал за ним. Где это видано, чтобы к нему так близко подходили...

Эдам помнил, что Вуху был очень быстрый...

И он опять убегал, а Вуху его догонял...

Потом, вспоминая этот момент, Эдам решил, что Вуху притворялся спящим и красовался.

Эдам уже знал дорогу к племени. Он сразу бежал проверенным путем, по протоптанным тропинкам. Он бежал даже быстрее, чем в прошлый раз... Его крылья как будто стали больше... Он так и остался навсегда в памяти того древнего мира, в памяти Вуху и племени, как человек бегущий, как человек убегающий... Как человек дающий деру...

Эдам вдруг задумался, а может быть, Вуху совсем не хотел его догнать. Он хотел только побегать за ним? Такой большой змей и не догнал Эдама...

Эдам выбежал из джунглей, Вуху за ним... Змей остановился недалеко от границы... Не осмелился идти дальше... Эдам увидел Чао и побежал к нему. Он сильно запыхался, нагнулся, поставив руки на колени, пытаясь отдышаться. Какая-то обезьяна громко и недовольно закричала на него. Чао нахмурился и отошел от него... Несколько обезьян кинули в него камни... Он понял их, опустил голову и показал им, что уходит из племени. — Аа, — крикнул ему Чао. И махнул ему рукой, приглашая его к огню. Но сам садиться с ним не стал... Эдам сидел один у огня. Обезьяны остались недовольны, что он не убил Вуху.

А Чао зашел в свою хижину и думал, что пришелец тоже не убил Вуху. Но кто же его убьет? Это же Вуху! И он опять стал молиться, чтобы Боги посылали им дожди для урожая и закрывали глаза Вуху, когда они шли за водой... И он опять вспомнил, как его тоже когда-то отправляли в джунгли, как Эдама сегодня, и он сражался с Вуху и вонзил ему коготь в лапу... Как же он хотел убить его! Почему же тогда он его не убил... Если бы Эдам сегодня убил Вуху, то он стал бы главнее Чао, а так Чао был главнее и остался вождем... Были еще бананы, но Вуху были важнее бананов. И старейшина сказал, что он вождь. А старейшина Мида повелевал дождями.

На самом деле старейшина просил Вуху, и это он повелевал вождями, но обезьянам было совсем необязательно это знать.

За один день обезьяны вознесли Эдама на пьедестал и тут же низвергли. Вознесли за бананы, а низвергли за Вуху — они думали, он его убьет.

Вернувшись, Эдам заметил, что две обезьяны-женщины у костра эмитировали его быструю речь и смеялись... Эдам считал, что самое главное — это есть к огню, к их защите от Вуху. Значит, ты в их племени...

Вечером Эдам чертил что-то палочкой на песке. Вечера здесь были очень красивые, ярко-синие, и воздух как будто был насыщеннее и звенел... Он подумал о том, какая бедная это все-таки была почва. Он взял в ладонь немного песка, медленно просыпал его на землю. В джунглях почва плодороднее, но там зотот... Вуху. Он теперь его называл также, как древние... Произносить даже про себя «обезьяны» ему не хотелось, «древние» звучало куда лучше... Обезьяны наблюдали за ним все время, и вот один малыш стал тоже чертить что-то на песке. Эдам взял у него веточку и стал рисовать ему человечка. Он хотел показать обезьянам свою дружелюбность. Малыш смотрел, а потом убежал. Все постоянно наблюдали за Эдамом.

У обезьян Эдам уже узнал, извергал ли он огонь, но обезьяны только посмеялись над ним, Эдам сделал строгий вид, как Чао и показал им картинки огнедышащих драконов...

Вуху потом телепатически сказал обезьянам, что он может извергать огонь и он знает таких змеев, но ему это не надо, у него и так все в порядке. Кривил ли Вуху душой, ответ на этот вопрос мы никогда не узнаем... Эдам думал, что кривил...

Эдам уже понял, что он на той же планете, но здесь все пошло по-другому. Почему-то вместо развитой цивилизации (рабовладельцев и кроваво-жадных убийц) теперь здесь был доисторический мир обезьян. Обезьяны только научились добывать огонь, и это все еще было для них проблемой. Костер должен был гореть постоянно, больше всего они боялись, что он потухнет, тогда им надо было молить богов и ждать молнии... Они питались в основном корешками и еще не пробовали фруктов с деревьев, но уже выращивали рис... Эдам показал им фрукты... У них была примитивная посуда и даже мебель... В некоторых самых богатых хижинах горел огонь, и если общий огонь тух, остальные обезьяны могли купить огонь у богачей за корешки или плошку риса... Огонь был самой большой их ценностью.

Он думал пойти спать опять на крышу в дом старейшины, но решил не идти против обезьян и остаться на земле около костра. И он спал на земле, как изгой, пока обезьяны ночевали у себя в хижинах... Обезьяны решили, что если это гипноз Вуху, то обезьяна их поймет, так всегда поступали с новичками. Вуху иногда посылал им такие гипнозы. Или он из другого племени, более развитого, Вуху им рассказывал, что были другие племена, но у каждого племени обязательно был свой змей...

В общем Эдам понял, что Вуху был очень умным змеем-телепатом. Он телепатически общался с жителями племени, чаще всего со старейшиной. Редко с вождем, он считал его просто воином и помнил, как чуть его не съел маленьким. И пока не жалел. А потом Чао воткнул ему в лапку коготь грифона и он стал жалеть, что не съел его тогда... И теперь его хотел съесть, но его нельзя, он же вождь. И Вуху думал, что это как старейшина...

Все менялось, когда Вуху был голоден и требовал себе жертву. И ему выдавали маленького ребенка, обычно он сам выбирал какого. Ему приносили ребенка к границе, и он его забирал и съедал. За это он не заходил далеко на территорию людей-обезьян... Эдам узнал это все из мыслей старосты — тот тоже был телепатом. Вуху также ел многих старых обезьян. Старейшине только удалось добиться, чтобы стариков ели вместо малышей. И за это его очень ценило племя! Старейшина телепатически рассказывал Эдаму, как они последний раз отдавали ребенка молодой обезьянке... Как тогда плакала все племя, как плакала сама обезьянка... Как она горюет до сих пор, и поэтому пока ее поселили в хижину побольше с костром, и он дает ей специальные галлюциногенные грибы... — Ама? — спросил Эдам. — Нет, но Ама следующая. Мы сейчас выбираем кого-то из ее детей...

Эдам видел их духов, они летали над пустошью и их хижинами, духи съеденных обезьян, детей и стариков, как те прижимались к своим детям и матерям, плакали над ними. А тем снились сны о родителях или детях, которых не было с ними...

Обезьяны думали отдавать Вуху только больных детей, которых староста не мог вылечить, но он хотел и здоровых.

Вуху был очень дружелюбным к людям. Но недавно гипнозом он заставил маленького мальчика подойти к границе их территорий, схватил его и съел. Ему никто этого не разрешал, но люди-обезьяны давно не поставляли ему детей. Этого ребенка старейшина ему до сих пор не простил и наказывал его за это огнем. Но Вуху не боялся огня, но делал вид, что боится, так ему легче было жить с людьми в мире... А Вуху был добрым драконом, лучше своих собратьев, по крайней мере он считал себя та-ким... Вуху думал, что он дракон и должен есть людей, и это нормально.

Эдам заметил, что одна молоденькая обезьянка была беременна. И Вуху уже общался с ее ребенком, мальчиком. Он телепатически контролировал всех жителей поселения обезьян, знал их историю, семьи... Этот дракон контролировал всю долину. И сейчас хотел начать контролировать Эдама...

...Огонь в костре трещал... Ночью пошел дождик, и Эдам спал на земле под мелким и холодным дождем... Обезьяны думали, что с дождем уйдет гипноз. Или это небо плакало, что он не убил Вуху? Перед сном Эдам смотрел на звездное небо и опять узнавал Москву. Неужели это было дру-гое измерение? Сможет ли он когда-нибудь вернуться домой?

Ама

*Где бы ты ни бегал,
Что бы ты ни делал,
Все равно ты будешь мой!
Никуда не денешься,
Влюбишься и женишься,
Все равно ты будешь мой!*
Ама Эдаму
Песня Ю. Началовой «Все равно ты
будешь мой»

Но пока Эдам спал на земле около огня, Ама варила для него любов-ное зелье... Вождь племени добавлял туда свои снадобья — обезьяны хо-тели, чтобы Эдам остался среди них навсегда. Он знал больше них... Ама читала заклинания всю ночь, призывала духов любви и эрекции... На ко-решках обезьян Эдам даже перестал быть импотентом...

И с эти пор Эдам каждый раз, когда видел Аму, чувствовал сильное сексуальное возбуждение, а когда разговаривал с Амой, переживал обиль-ное семьяизвержение и сам из-за этого очень переживал. Он решил, что обезьяны-самки именно так действуют на человека-самца, так они пыта-

ются ускорить свою эволюцию. «Какие эти обезьяны!» – потом думал Эдам вышкребая сперму из штанов.

Когда-то отец Эдама, зная от своего оракла о будущих перемещениях сына, специально к этому моменту всеми силами старался его женить, сделать ему детей, даже дать ему элитную проститутку, чтобы он ни в коем случае под воздействие любовных снадобий не женился на обезьяне.

На следующий день Эдам для обезьян выглядел также, как вчера. Значит, он не был, как они. И это был не гипноз, как и говорил Вуху. Вуху опять оказался прав. Но он мог быть из другого племени, о которых тоже рассказывал Вуху. Чао спросил у Эдама, откуда он, но Эдам его совсем не понимал. Пришельца пока решили оставить у себя и хорошенько изучить...

С утра Эдам научил их жарить еду, не сильно, а совсем немного поджаривать со всех сторон, до этого зайцев они только сушили. Он взял зайца в домике у старейшины и слегка обжарил его на костре... Эдам научил их также варить мясо и делать бульоны... Он заметил, что одна обезьянка в возрасте носила на пальце кольцо, сплетенное из ветки гибкой лианы, и такой же браслет на запястье – древние люди были изобретательны.

Эдам обратил внимание, что обезьяны собирали камушки и даже могли обменять четыре камушка на рисовую похлебку. Эдам тоже тут же собрал себе камней, как думал, стал самым богатым и хотел обменять на похлебку утром, но обезьяны над ним только смеялись. Они собирали необычные камни... Чао показал рукой на джунгли и на воду, а потом телепатически послал ему картинку озера. Обезьяны ныряли за этими камнями, и на разной глубине камни были разного цвета, чем глубже они ныряли, тем темнее был оттенок синего на камнях. И самые темные камни были у Чао, он нырял за ними в самую глубокую часть озера, не боясь Вуху... Эдам тоже решил сегодня сходить к озеру и достать себе таких камней, как у Чао... Он хотел нарвать себе бананов, но ему не разрешили, обезьяны собирали бананы для всего племени, а потом делили. Но Вуху телепатически разрешил Эдаму сорвать один. Эдаму совсем не нравился этот змей в его голове...

Вождь знал, о чем думал Эдам, он переживал, что незнакомец хочет занять его место... но, конечно, не показывал виду. Старейшина уже успел его успокоить... Все-таки Чао думал, что вид Эдама был гипнозом и с утра был удивлен...

Эдам теперь точно знал, что обезьяны были телепатами...

Сегодня Эдама отправили собирать корешки с вождем... Полплемени пошли на поле собирать рис, а Эдам остался с вождем у деревьев. Эдам копал очень старательно, сначала также, как древние люди камнем, палочкой, взял у друга вождя кость, а потом достал свой нож. Он знал, что за ним очень наблюдают и хотел показать, что он лучше... Вчера он

разочаровал племя — не убил Вуху... Эдам нашел какие-то желуди и орехи. Он сразу же показал их Чао, которого уже про себя считал своим другом. Эдам хотел попробовать один желудь, положил в рот — он хотел всегда чему-то учить обезьян и быть им полезным, чтобы остаться в племени. Эдам хотел съесть желудь, начал жевать, но вождь увидел это и быстро ему что-то крикнул, чтобы Эдам выбросил. Эдам тут же выбросил желудь — он слушался вождя... Эдам начал взаимодействовать с обезьянами, у Эдама с Чао произошел контакт, он показал, что доверяет ему... Поэтому вождь решил, что этот лысый обезьян тоже жил в каком-то племени и просто заблудился. Он слушался старших и верил им. И Эдам мог быть им полезен — научил их чистить бананы, жареное мясо пока не казалось им таким вкусным. Но оно понравилось старейшине. Значит, то племя было выше по ступени развития — решил Вуху. Он телепатически общался с другими драконами и искал, из какого племени пришел Эдам, но никак не мог найти. Если бы он нашел, они бы потом с его хозяином-драконом решали вместе, что с ним делать... Но Эдам как будто появился неоткуда...

До озера Эдам сегодня не дошел, но так хотел Чао — если Эдам и займет его место, то только за Вуху. Он незнакомец, и старая обезьяна Ма говорила не доверять ему. Поужинали опять похлебкой. Эдам думал о том, чтобы научить племя ловить рыбу, но в джунглях был Вуху, долго рыбачить бы не получилось.

Ама не ходила работать с другими обезьянами, она всегда оставалась в поселении. Эдам исподтишка наблюдал за ней...

Вождь предложил Эдаму переночевать в одной из хижин, здесь даже в центре хижины горел огонь. Значит, это была хижина богачей. Здесь жила семья из трех обезьян. Муж, жена и их маленький сын. Они пошли ночевать в пальмы... Эдам вышел из хижины и видел, как они устраивались. Он удивился, он думал, что они выберут крышу домика старейшины, но они решили спать на деревьях. Он крикнул им и показал на крышу домика старейшины, но они сделали вид, что не слышат его...

Эдам остался в хижине богатых обезьяны. Но здесь было теплее, вчера он спал на земле около огня, ночью шел дождь, и ему было некомфортно. В хижине горел огонь и Эдам заметил, что ветки очень долго прогорали — обезьяны подбирали определенные лианы, чтобы огонь дольше горел... Он думал снимать обувь или нет, но решил не снимать, если что-то случится, он сможет быстро встать, нож тоже всегда был у него наготове. Он остался в одежде и обуви... На столе у обезьян лежали интересные камушки, ими играл их малыш. Эдам думал завтра искупаться в озере — от него разлило потом.

Эдам лег на пол, он опять повторил для себя, что у него не все так плохо. И опять сказал себе, что ему повезло... Особенно сегодня — он же спал в хижине... Он даже похлопал Ча за это сегодня по плечу, но тот был также высокомерен... Это, конечно же, была Арина, после нее он оказался

здесь, сам не поняв, как. Ее не стоило кидать под машину. И гейзеры... Эдам вздохнул и старался больше о ней не думать. Он вообще сейчас старался и даже запрещал себе думать о доме, о том мире. Он старался больше не думать о Морген, об умершей матери, сыновьях... О Мэри, и точно ему не следовало думать о Мэри вообще... Возможно, он никогда туда не вернется... Эдам даже всплакнул... Ровно одна слеза скатилась по его щеке. Но здесь его точно никто бы не видел... Он опять вспомнил заигрывающую с ним молоденькую обезьянку... Усмехнулся. Как ее звали... Ама, что ли... Это все из-за Арины, Эдам вздохнул... Плакать он больше себе не разрешал... Он вспомнил черта Славу, и как он говорил, что если Эдам окажется в древнем мире, он придет его спасать, он же его козел отпущения. Про себя Эдам всегда называл себя именно козлом отпущения. Вспомнив Славу, Эдам немного развеселился. Последние его мысли всегда были о своей семье и Мэри, конечно же... Ах, Мэри, Мэри... И Эдам уснул... Очень крепко...

А в это время обезьяны пришли его подробно еще раз рассмотреть. Вчера, когда он спал около костра, они не решились подойти – он спал под дождем очень тревожно, часто просыпался... Сегодня ему дали снотворное, которое они варили из корешков дикой березы. Это снадобье варил сам староста и его рецепт знали еще несколько старых обезьян...

Обезьяны, староста, вождь, пара старых обезьян, даже любимица Эдама старушка-обезьянка Ма стали рассматривать его руки и ноги... Здесь была семья, которая сегодня покинула эту хижину, отец про штрафился на охоте, упустил кабана, жена с ребенком остались за дверью хижины.

На Эдаме не было, как на них, шерсти, руки и ноги были практически голые... Обезьяны смотрели на свои лапы и на руки Эдама, на его ноги. Обезьяны до этого никогда не видели такое существо, это был не слон, не птица, не рыба... Он был очень на них похож... Только без шерсти... Они подробно рассматривали его одежду, трогали и нюхали... Им понравилась ткань... Обезьяны очень удивились его сандалиям, они сначала не могли понять, были ли они продолжением ног и решили, что Эдам парнокопытное и сандалии – это как копыта лошади... Промежуточное звено между кентавром и человеком, как черти, например. У обезьян таких копыт не было. Они не решились снять сандалии, не знали, как расстегнуть липучки... Обезьяны видели стада кентавров, пасущихся на лугах... А ткань – это как шерсть, но она отходила от тела... Обезьяны его понюхали, нашли нож – Эдам держал его открытым около лица, чтобы можно было легко схватить при нападении, подушки у него не было... У Эдама был большой складной нож. Мужчины-обезьяны долго рассматривали нож, вертели в лапах, они помнили, как легко он им срезал бананы и ловил рыбу... Одна обезьяна провела пальцем по лезвию и порезалась. Закричала. Обезьяны положили нож обратно... Переглянулись. Пришелец был им непонятен, откуда он появился... Но он мог быть им полезен. Он знал больше, чем они. И скоро они собиравались направить его еще раз на их главного врага –

змея Вуху... А пока свести с Амой... Обезьяны хотели спросить об Эдаме у Вуху, но старейшина запрещал с ним разговаривать — тогда Вуху просил у них больше детей...

Изгой

Утром Эдам проснулся очень бодрый. Он слишком крепко спал, значит, ему что-то давали. Эдам в этом был уверен. В воздухе вряд ли могли быть препараты. Значит, ему дали что-то в той похлебке... Но он был бодр, чувствовал себя хорошо, значит, просто снотворное... Ну и ладно. Сам он бы вряд ли сварил такую похлебку... Обезьяны, наверняка обыскивали его ночью. И точно камушки были переставлены, Эдам вчера хорошо запомнил, как он их поставил... Ну что же...

Он вышел из хижины. На обезьянах были набедренные повязки из листьев — этому они уже тоже научились у Эдама. Он обратил внимание, что они смотрели на его сандалии и теперь опять сторонились его...

Эдам сел у огня, решил разуться, и обезьяны впервые увидели его обувь, что она снималась, один малыш быстро стащил его сандалии. — Эй, — закричал на него Эдам... Маленький «обезьян» нюхал его ботинок и не хотел отдавать. Эдам побежал за ним, а мальчик-обезьян начал от него убегать. Эдам в одном ботинке, второй решил не снимать, бегал за «обезьянышем». Но не догнал, он опять сел к костру и заплакал. Ему показалось, что так его обезьяны пожалеют... Мальчик отнес ботинок вождю, тот стал его рассматривать, а Эдам сидел и боялся, что он испортит его сандалий... В это время племя рассматривало его голую ногу. Но вождь только понюхал сандалий и отдал его малышу, а тот вернул Эдаму.

Эдам понял, что ему надо походить босым, обезьяны рассматривали его голые ноги, сравнивали его ступни со своими волосатыми, видели сходство и лучше к нему относились, он не был парнокопытным из кентавров...

С утра семья, в чьей хижине он ночевал, вернулась в свою хижину. Эдама выставили на улицу, и он разложил свои камушки у костра — он решил во всем походить на обезьян. Несколько обезьян обтачивали камни, делали ножи, как у Эдама. «Как они быстро учились», — подумал Эдам.

Та молоденькая обезьянка, которая вчера строила ему глазки, появилась опять скромно в дверях своей хижине не отшибе поселения. За ней пряталось три маленьких обезьянки, два мальчика и девочка. Ама оказалась не так невинна, как Эдам думал... Он, как новичок, мог жениться только на грязной женщине.

Он подошел к костру, ему дали похлебку. Здесь же сидела вчерашняя пожилая обезьяна. Чао показал ему, что ее сын был хорошим охотником, поэтому его мать могла жить у костра...

Эдаму показали, что Вуху убивал и больных обезьян, и раненых на охоте, и стариков... Эдам узнал, что недавно они выгнали из племени обезьяну-самца в пустыню, и он теперь жил там... Чао мысленно разрешил ему вернуться. Он пошел в сторону пустыни и стал что-то кричать... Через время появился изгой... Он был как-то ниже и худее, уже две недели жил в пустыне... Он сейчас был нужен племени, потому что появился Эдам и им нужны были войны, если Эдам захочет восставить, и надо будет с ним бороться... Как понял Эдам, обезьяны окружали непокорного война и пленили – один против всех... им бы так с Вуху... Чао сказал молодой обезьянке, что если она и дальше будет оплакивать своего ребенка, ее отдадут Вуху...

Эдаму показали, что не так давно выгнали непокорную семью, самца, самку, их ребенка и старика-отца бунтаря. Этот «обезьян» не мог подчиняться Чао, он часто ругался с ним, а до этого был его другом... Поэтому Чао изгнал их... Некоторые обезьяны думали, что они уже умерли, а некоторые – что жили в джунглях..

Эдам все вспоминал, видел ли он какую-то семью, когда шел по пустыне, может, они прятались в ветвях пальм, но нет... Он точно никого не видел...

Они хотели жить в джунглях на пальмах, ночевать там, но Вуху не разрешил. Но они продолжали там ночевать – этот обезьян-самец был очень заносчив, и Вуху теперь понимал Чао, он не хотел покоряться. И тогда Вуху поймал их ребенка и съел. Именно эту картинку, ножка обезьяны-малыша в зубах у Вуху, видел Эдам и эту картинку мысленно показали ему...

Этого война специально выгнали, если бы он мог жить вне племени, его бы могли отправить против Вуху... «Нет», – Эдам усмехнулся, он не думал, что кто-то может выжить вне племени... Чао вопросительно посмотрел на него. Как думает чужеземец? Эдам задумался. Выжить вне племени было сложно. Надо жить на границе, как и делали обезьяны, ночевать на земле, а не на пальмах, там Вуху. Чем питаться? Вот эта основная проблема, племя не разрешало отщепенцам копать корни у их деревьев, а Вуху не даст копать в другом месте... Вуху будет есть отщепенцев... Да, выжить вне племени было бы очень сложно... Эдам бы мог выжить один в джунглях, но не обезьяны... Он мысленно сказал это Вуху.

Можно было бы дойти до другого племени. Значит, где-то жили еще обезьяны... Да, Чао неопределенно махнул... Но у них был другой змей... Эдам решил не уточнять про другое племя...

И после этого мысленного монолога Эдама обезьяны решили больше не отправлять самых сильных воинов в изгнание... Ведь и правда, их там всех ел Вуху... Но они сражались с ним и умирали... У обезьян было предание, что один воин уйдет в джунгли и убьет там Вуху, и теперь они думали,

что это Эдам... Обезьяны опять хотели сделать Эдама вождем, но старейшина и Ма не одобряли этого... Старейшина все ждал чего-то и смотрел на небо...

Потом Эдам понял, что это Вуху призывал выгонять самых сильных воинов с семьями и ел их... Это было его условие... И поэтому они могли пока не давать ему других обезьян. Пока Вуху охотился на отщепенцев...

Обезьяны отмахивались от Вуху, но Эдам иногда его слушал, он видел, что обезьянам это не нравилось, Вуху мог свести с ума... Он так свел с ума одного война, и он стал нападать на обезьян... Его убили... Как Эдам понял, Вуху читал мысли и контролировал сознание всех обезьян племени... Он мог управлять всеми, но не Эдамом, у него был иммунитет. Он не был их... Поэтому Вуху искал, кому он принадлежит, и пока не мог найти... У Эдама был иммунитет, и поэтому он мог стать их вождем вместо Чао... Но для этого он должен был жениться на их женщине, например, Аме... Он мог выбрать себе любую другую, кроме жены Чао, если хотел...

С утра Эдам пошел копать корешки со всеми к границе джунглей... Эдам копал корешки, как остальные обезьяны... часть отдавал старейшине, он даже подумал, что здесь можно даже жить...

Эдам стал мысленно задавать вопросы и искать ту семью отщепенцев... Спрашивать, где они и что с ними... Обезьяны молчали — им было запрещено говорить об отщепенцах... А Вуху показывал ему, что они жили на границе, но ночевали в пальмах. Обезьяну-самца звали Роки. Он верил, что надо спать на деревьях и боялся идти в пустыню, там они добывали корни и ими питались... Они уже потеряли сына... дальше Вуху хотел съесть его отца, а потом жену... Дальше он напустил бы на него дыма и отправил к себе. Отчаявшись, воин пошел бы на верную смерть... Этот воин хотел умереть в бою, Вуху ему это обещал...

У Чао была повреждена правая рука... Он показал это Эдаму. Эдам обратил внимание, что одна рука у Чао была короче и тоньше другой... Но она неплохо действовала. Он не мог ее высоко поднимать, руку повредили, когда он воткнул коготь грифона в лапу Вуху... Дракон приказал, и обезьяны послушались и сами порезали руку Чао... Это сделала старейшина. И Чао отдал руку, чтобы управлять обезьянами. И она болела у него иногда... А тот воин был моложе Вуху и сильнее. И не дал бы свою руку так порезать... Чао был более покладист, в системе... Они обе любили одну обезьянку, но она выбрала Чао, он ведь смог ранить Вуху...

Чао мысленно приказал бывшему другу вернуться... «Сейчас?» — спросил его Роки. «Нет, вечером», — ответил Чао. И племя благословило Чао, все были ему благодарны, потому что любили Роки. Только Вуху был недоумен, он сказал племени, что все равно убьет Роки и всю его семью, и уполз в самую чашу джунглей, куда обезьяны никогда не ходили...

А Вуху тоже воин, и он любил охоту, и он хотел теперь охотиться на Роки. И Вуху призвал его через старейшину, и его с семьей изгнали... Вуху знал, что Роки мог убить его и поэтому хотел опередить этого обезьяна...

Чао уважал Вуху, а Роки презирал. Еще в детстве у старейшины — тогда был другой — они тянули камни, и он вытянул синий — это было уважение, а Роки черный — это было презрение. Чао рос болезненным, поэтому Вуху его не убил в детстве. Но они оба будут бороться с ним. Но Чао останется в племени, а Роки покинет его... Чао уважал Вуу и... принимал. А Роки только презирал и не разрешал читать свои мысли. И сопротивлялся ему. Поэтому Вуху не любил Роки и хотел его убить. но это все камень, просто синий камень. Поэтому Чао любил синие камни и всегда за ними нырял. Синие камни — это была как смелость, что обезьяны не побоялись пойти в джунгли и глубоко нырять за камнями в озеро. Рисковали жизнью и добывали их. Самые смелые ныряли глубже всех. Ведь Вуху мог плавать и ловил там храбрецов. Но это было редко, Вуху не любил плавать. Чао собирал камни без Вуху, змей ведь боялся его — он ведь повредил ему лапу. Или Вуху только делал вид — ведь Чао подчинился ему.

Вуху понимал, что контролирует всю еду и воду обезьян... Он считал, что хорошо устроился — ведь обезьяны кормили его. Он давал им жить и размножаться, так он обеспечивал себя едой на много лет вперед...

Эдам понимал, что вся жизнь обезьян крутилась вокруг Вуху, их демона, монстра и бога одновременно. Они хотели нормально питаться в джунглях, но там всегда был их змей... И они всегда жили в страхе перед Вуху...

Эдам подумал, что обезьяны, как дети, слишком доверчивы, слушаются Вуху. Эдам заметил, что старейшина учился обманывать Вуху... Эдам почему-то был уверен, что его будет ждать та же участь, как Роки. Он был слишком умным и не верил, что обезьяны будут долго держать его при себе... Его скорее всего изгонят, и он станет отщепенцем.. Будет жить на границе с пустыней и добывать себе корешки, надо будет украсть себе огонь... но Эдам решил много не думать, потому что Вуху и обезьяны читали его мысли... Но то, что его выгонят, в это он был уверен, или он женится на Аме....

Они копали до обеда... Женщины с обезьянами-воинами ходили на поле за рисом и водой, обезьяны рвали бананы, Эдам порадовался, что они быстро учились. Они уже даже пытались ловить рыбу... Сегодня Вуху не появился...

Вуху

Пока работали, Чао мысленно рассказывал Эдаму о Вуху, показывая образы. Вуху любил легенды о себе. Чао всегда говорил о Вуху и презрительно, и уважительно, как о равном, с которым он просто не хочет связываться. Ведь он уже пробовал и победил, и ранил его... Но не убил. И тут всегда Чао вздыхал...

«Дважды в год Вуху уползал к своим... И обезьяны тогда праздновали, что Вуху у них больше нет. И некоторые радовались, а некоторые грустили. Ведь он защищал их от духов джунглей. И теней. Но он может и не вернуться».

«Не вернуться?» — Эдам усмехнулся. В это он совсем не верил. В этом была главная разница между обезьянами и Эдамом, в размере мозга. Эдам был намного умнее.

«Он ведь всегда возвращается?» — мысленно спросил Эдам Чао, «Всегда», — ответил Чао и вздохнул... Эдам как будто наталкивал Чао на выводы, как с Роки. Вуху должен был уползти сейчас, но появился Эдам, и Вуху пока решил остаться... Пока Вуху не было, можно было сделать запасы, охотиться вдоволь, и рыбачить, и нырять за камнями...

«Нырять за камнями», — Эдам почему-то подумал об этом с грустью.

«Но в джунглях были другие звери. Вуху уходил, и появлялись другие звери».

«Другие звери?»

«Тигры, львы, гиены... Вуху охранял их от других зверей»... Эдам сначала не поверил, но это звучало вполне правдоподобно. «Даже какие-то гигантские ящеры». Когда Вуху уползал, обезьяны даже боялись заходить в джунгли...

«Гигантские ящеры? Динозавры?»

И Чао нарисовал образ тиранозавра... Эдам удивился, но возможно... С чего он взял, что в джунглях был только Вуху. Но тигров можно было убить и это было легче, чем убить Вуху. Но Чао так не думал... Он думал, что с Вуху можно дружить, а с тиграми не подружись...

«Дружить?» — подумал Эдам. Все-таки обезьяны были очень искажены, Вуху прямо вьелся в их сознание... И Эдам попросил показать ему тигра... Чао мысленно нарисовал тигра, но только больше нашего... И показал его клыки... Обезьяны видели его издали... «Что ж, возможно», — подумал Эдам.

«Рядом жил другой змей больше Вуху и злее»...

«А ты видел его?»

«Нет, но Вуху говорит, что он огромный и черный, и старый, а Вуху еще молодой и поэтому добрый»...

Эдам не хотел с ним спорить. И подумал, как все здесь по-другому. Но он старался об этом много не думать — все читали его мысли... Но им лучше было развивать речь, и он намекнул об этом Чао. Старейшина им тоже так говорил, но им было сложно, а мысленно намного проще...

Эдам еще раз подумал, насколько обезьяны примитивны, верят во все, что Вуху им говорит, что он помогает им и что его не убить. Эдам так явно чувствовал, что он умнее. В племени выжить легче. Но не сейчас, ему не стоит покидать племя, но можно исподволь направлять обезьян... И он продолжал копать корешки...

Чао потрогал одежду Эдама. Он показал, что хотел бы, чтобы Эдам это снял... Эдам точно не хотел ходить голым. Обезьяны ведь были голыми... Эдам сорвал листик и показал Чао, что одежда — это как листики. И Чао тоже сорвал широкий лист и прикрыл свои гениталии. — Да, да! — и Эдам закивал и заулыбался. Но Чао был также серьезен и непоколебим. Он решил походить сегодня с двумя листиками, спереди и сзади, старейшина тоже носил что-то похожее, как халаты, из материала, как у Эдама, но откуда он брал такие, Чао не знал...

Чао говорил, что Вуху мог принимать обличие обезьян, старейшины, например. И мог вселяться в разные тела, такой он был сильный змей... Это все больше и больше удивляло Эдама...

И Чао стал ему рассказывать легенды о Вуху. Змей любил их повторять...

Он родился у мамы среди других змей, вылупился из яйца... быстро вырос среди других драконов... И его выпустили в эти джунгли к этим обезьянам, чтобы ими управлять и им помогать... Ему было странно в джунглях, но он не боялся и охотился на ящериц... А потом стал управлять обезьянами. И Вуху был мальчиком и хотел жениться на драконихе, которая жила не так далеко отсюда. И каждым племенем обезьян кто-то управлял какой-то дракон... И это было правильно. И это был закон...

Эдам хотел рассказать ему о людях, которые жили далеко-далеко, на далекой звезде (Эдам решил, что так проще). И строили города, как у обезьян хижины, и шили одежду, и про телевидение, и радио... Но не в этот раз. Эдам боялся напугать Чао...

А вот и Роки, Чао и Роки обнялись. Роки был выше и крупнее Чао. Недалеко стояли старик-обезьян и мододая обезьянка. Старик уже был ранен. «Это Вуху?» Роки кивнул. «Но я думаю, все будет нормально. Или вернемся мы все, или никто»... Чао кивнул — возвращайтесь. Роки сразу же энергично стал копать корешки. Чао сказал, чтобы Роки перестал. Передал: «Вечером», — и Роки с семьей ушли. Эдам отметил, что все трое ходили ровно. И обезьяна Роки была выше и, наверное, лучше. Эдам заметил, что у обезьян все определял рост. Он был, конечно, мелковат... Эдам тут же подумал об Аме, а какова была она? За Аму бы ему дали хижину. В приданое... Он опять почувствовал эрекцию, и это не ускользнуло от Чао... Кошмар... Потом Чао спросил его, может он хочет жениться на самой старой обезьяне племени, которая сидела у костра. Она была самой умной. Эдам подумал и решил, что Ама лучше. Чао весело хмыкнул. Эдам понял, что это шутка... Это Чао шутит так... Эдам даже посмеялся... А вдруг ему нравятся старые обезьянки? Но она уже не родит... Нет, Эдаму точно надо рожать... Тогда Ама лучше... А так Эдама, самого умного, решили сосватать самой умной обезьяне. Она нравилась даже старейшине, но у него не было детей, он не хотел их иметь... Но Эдаму больше подходила Ама. Чао так, на значий случай уточнил. Ама значит Ама. Она всем нравилась... Хороший выбор... И хижина в придачу. Эдам решил не интересоваться другими жен-

щинами-обезьянами, это ведь жены друзей... Он уже дружил со всеми обезьянами... Чао сказал ему, что Ама была дочерью бывшего старейшины, но она неверная, что ли. Спала с разными мужчинами. Но ей можно, она из старейшин. И Чао вопросительно посмотрел на Эдама, как будто интересуясь его мнением. Эдам ничего не сказал... Чао не одобрял Аму... Но Эдаму она точно будет хранить верность, она уже обещала и поклонялась на священных косточках... Священные кости — это бусы из разных старых вещиц, косточек в том числе... Эдам вечером посмотрел на эти бусы — это были разные безделицы его времени и древнего мира, потертый брелок с Эйфелевой башней, серебряное кольцо, зуб тигра, какой-то маленький брелок-телевизор, мелкие косточки, черные круглые легкие бусины, кусочек необработанного янтаря и темно-синие камни... Именно на это ожерелье Эдам обратил внимание в тот день, у университета, его собирал маленький мальчик и игрался с ним, тогда брелки были новые и блестящие... Обезьяны добавили сюда еще кости и свои любимые камушки... Он еще тогда подумал, какой умный ребенок... На этих бусах его древний мир перемешался с его веком... У Эдама сильно закружилась голова, и он упал в обморок... Ему было плохо, и обезьяны отпаивали его кореньями... Как будто он увидел демона, как будто сам был монстром... Его звал его мир и век... Но обезьяны решили, что это колдовство Вуху... А потом все всё забыли... У обезьян на все был один ответ — Вуху! Или так ВУХУ... Или так ВУУУХУУУ... Что-то темное, жестокое, страшное и бесконечное... И только он. Они жили им, постоянно думали о нем... И боялись его, и боготворили, и боялись его потерять...

Когда Эдам проснулся — он уже ничего не помнил... Эдам быстро пришел в себя. Поев, все обезьяны быстро разбрелись по хижинам. Эдам остался с Амой у костра...

Эдам был непонятен обезьянам... Но он им нравился, и они его не боялись... Эдам считал, что обезьяны были не так просты... По крайней мере его опять отправляли ночевать у костра...

Все ждали Роки с семьей обратно... И радовались, что самых сильных из них — а Роки был очень силен — теперь оставляли в племени и не изгоняли... Они теперь ночевали в пальмах у племени. Потом они должны были занять хижину рядом с хижинкой Чао...

Ама что-то мило говорила Эдаму, ворковала... Он увидел новые бусы из корней у нее на шее, это ожерелье так приятно пахло. Эдам чувствовал сильное возбуждение... Потом Эдаму показали, что забрали всех детей Амы по разным хижинам... И Ама пошла в свою хижину, сегодня самую большую — обезьяны меняли хижины, жили в разных... Ама строила ему глазки... Что-то мило ему говорила и мысленно показывала жаркие сцены любви... И призывно посмотрела на него, приглашая последовать за ней в хижину... Он показал им ступни, показал, что не кентавр, и показал, что его одежда — это просто листья... Эдам уже зашелся спермой... Но в хижину за ней не пошел... Она смотрела на него из хижины, пригла-

шая к себе... А он все вспоминал Морген и Мэри, как бы говоря, что он не свободен... Что у него тоже дети... Двое мальчиков... «Ну где они, а где ты? Когда это было? Они ничего не узнают... Забудь, забудь их! Забудь все, и будь счастливым!» Она звала его и как будто пела... Как русалки... И манила к себе... И призывала его к зачатию... Он так и понял...

Но Эдам остался ночевать у костра, не пошел за Амой в хижину, он почувствовал невыносимую горечь и даже немного завыл... Нет, у него Мэри и Морген... Морген он еще может изменять, но Мэри никогда... И Ама поняла, остро почувствовала соперницу... Она ушла вглубь хижины... И горько плакала... А Эдам вскоре забылся сном...

Казнь

Вуху пока узнавал у хранителей, откуда появился Эдам. Он ничего не мог узнать у своих собратьев драконов. Они никогда его не видели и понятия не имели, откуда он взялся. Хранители сказали ему, что Эдам появился из будущего. Его отправили сюда в изгнание, потому что он бросил под машину какую-то девушку... И Вуху пока уточнял, может ли он принять его к себе в племя и контролировать его сознание. Но хранители еще думали... Тогда Эдаму надо было дать специальную таблетку... Они говорили, что Эдам скоро вернется к себе... Вуху сразу и загрустил, и обрадовался. Эдам ему нравился, но он его побаивался... Он был какой-то странный... Вуху никогда не имел дела с людьми из будущего... Обезьяны тоже поняли, что Эдам не их, загрустили. И решили больше не медлить, сегодня же отправить Эдама к Вуху...

Утром обезьяны нашли в кармане у Эдама презервативы. Он хотел объяснить обезьянам зачем. Но они просто надували их как шарики. Эдам мысленно спросил у Чао, они занимались сексом ради удовольствия или только для деторождения. Чао сразу показал ему детей — только для зачатия. Но у них был Вуху и его надо было кормить... собой... Также Вуху отдавали бесплодных молодых обезьянок и обезьянов-самцов. При этом сам Вуху делал их бесплодными... Племя обновлялось достаточно быстро, за десять-пятнадцать лет могло полностью обновиться...

Эдам вчера не был с Амой, и обезьяны остались им недовольны... Он явно чувствовал их отторжение... С ним никто не разговаривал. Он пренебрег их женщиной... Вокруг стали проявляться образы его времени, многоэтажки, огромное здание университета. Краснодар... А вот и та остановка, едет трамвай... Но их, наверное, видел только Эдам... Даже если их видели обезьяны, они не понимали их значение... Думали, что это гипноз Вуху... Как будто появился небольшой грузовик и проехал мимо хижин...

Как тот, под которую он кинул Арину. Но хрупкий мир напомнил о себе лишь смутными, колеблющимися образами, как оазис грез, и опять исчез, оставив Эдаму только безжизненную пустыню с кустами-колючками... Образы появились и исчезли... Но его мир звал его обратно...

Утром всем раздавали похлебки с каким-то кореньями... Эдам смотрел на вождя и делал все, как он... После работы Эдам опять хотел сесть к их огню, может быть, они бы опять поселили его в одной из хижин на ночь и дали риса... Он даже не смотрел на Аму, но знал, что женщины делали какие-то заговоры и собирали новые травы для него... Чтобы победить соперницу, его Мэри... Обезьяны уже поняли, что у него своя женщина...

Неожиданно две огромных обезьяны остановили его и не дали сесть к костру. Эдам показал на собранные им корешки, жестами показал, что он готов делиться. Он собирал больше других обезьян, хорошо работал ножом, старался. Но обезьяны только покачали головой. К ним подошел старейшина, начал кричать и показывать на джунгли, две огромные обезьяны толкали туда Эдама. Был день, и солнце высоко над горизонтом...

Вдруг Эдама подвели к большому камню, и Чао показал ему, как обезьяны ложились на этот камень, и один обезьян бил их другим камнем, нанося увечья... Потом их отправляли к Вуху...

Так вот что это было, место казни, Эдам уже видел этот камень, но не придавал ему значения.... Здесь обезьянам причиняли увечья, выбивали руки из предплечий, отбивали ноги. Среди обезьян было мало калек, значит, их потом съедал Вуху. Чао показывал ему на камень и на джунгли. И кричал...

Эдам все понял, он упал на колени и стал умолять оставить его в племени, он обнял ноги вождя... Он видел, так делала одна обезьяна вчера... Но Чао был неумолим. Опять стал кричать и показывать рукой на лес... Двое других обезьян толкали Эдама туда... Ему дали большую палку с наконечником из камня охотиться на Вуху...

Вождь показывал ему на джунгли и все повторял: — Вуху, Вуху!

Нет, обезьяны определенно хотели, чтобы Эдам пошел в джунгли. Он понял, что больше ему не дадут сидеть у костра... Не дадут похлебку... Его гнали из племени. Он пренебрег их женщиной. Он направился к лесу. Обезьяны разошлись по хижинам... Эдам шел в джунгли голодным, это было правило Вуху... Он устанавливал правила и за это делал перерыв и не убивал обезьян, и давал им охотиться, и пить воду... Они гнали его туда, к зверю, их Вуху... Если бы Эдам убил его, он мог стать их вождем и женился бы на их женщине, древней женщине, как говорил Эдам, обезьяннике...

Эдам думал, что сможет устроиться также где-нибудь на границе, питаться бананами и корешками, сможет украсть у обезьян огонь, а пока ночевать на пальмах, может, найдет пещеру, но вокруг он не видел скал... Обезьяны говорили о каких-то пещерах, и Эдам думал, что они были дальше. Он почему-то совсем не думал, чтобы убить чудовище...

Эдам шел к джунглям... И два голодных глаза ждали его на обед...

Мир Эдама шатался, древний мир обезьян все чаще уступал место миру людей двадцать первого века... Проходили волны, и обезьяны сменялись людьми... их хижины — нашими кирпичными пятиэтажками... А потом наоборот... Но Эдам шел вперед к джунглям... с копьем... к Вуху... по песчаной натоптанной дороге... или по заасфальтированной дороге к остановке университета... К древнему миру прилагалось безумие... Разломы в сознании... И чем дальше, тем больше... Эдам здесь или обобезьянился бы, через несколько дней стал обезьяной и забыл свой прежний мир, или просто исчез бы, растворился, или, что скорее все, вернулся бы обратно. Просто в одном мире его стал недостаток, а в другом избыток. Произошло искажение времени и пространства. Пошли сильные волны на его детях... Эдаму еще повезло, что он был на территории Москвы, где был в командировке не так давно, и наступил в свой собственный след в пустыне... Эдам не мог долго жить в древнем мире... В древнем мире можно было остаться, но не в его случае...

Девушка торопится на пары, перебегает дорогу в неполюженном месте, на нее мчится маршрутка, девушка не успеет! Но водитель вовремя притормаживает... Девушка благополучно перебегает дорогу и убегает на пары... Машина сигналил ей вслед, и водитель провожает ее трехэтажным матом: — Вот дура. Так дорогу переходить, сама под колеса кидается!

На другой стороне дороги к ней подбегает какой-то мужчина средних лет.

— Господи, жива! Ручки, ножки целы, слава богу! Слава богу! — он хочет пощупать ее руку, но Арина шарахнулась в сторону от непонятного мужчины и побежала по направлению к универу. А мужчина остается стоять на краю дороги и повторять:

— Слава богу, жива. Слава богу!

Его друг наблюдает эту сцену со стороны:

— Слава богу! Жива, слава богу! — все повторяет Эдам...

Эдам готов был рухнуть на колени и заплакать, но людное место его остановило.

Эдам как будто проснулся от страшного сна... Как он не понял, как очутился в древнем мире обезьян, так же он не понял, как вернулся в свой мир к краснодарскому универу... Он шел в джунгли убивать дикого ящера, а вдруг дошел сюда...

Около университета появился странный человек, он сразу привлек к себе всеобщее внимание.

Он бросился обнимать и целовать всех встреченных им людей...

— Человек. Боже мой, человек! Родные мои, слава Богу, хорошо-то как. Господи, слава богу! Слава богу! Люди! Люди! Не обезьяны! Слава богу!

Его сочли сначала помешанным и собирались отправить его в психбольницу. Но вовремя появился его друг и быстро увел его, объяснив его поведение нервным расстройством.

— Да, он у нас слегка того... Вы не обращайтесь внимания... Ну пойдем-пойдем. Ты мне все расскажешь... — друг быстро увел его.

— Ой, пусть делает что хочет, пусть работает, ездит... лишь бы жила...

— Ты в своем уме? Что ты говоришь? Ты посмотри на нее, ее нужно убрать!

— Не нужно, вот поверь мне... Я потом объясню... Или не объясню... В общем оставь ее... Или нет, телохранителя к ней поставь... Да, точно, давай к ней телохранителя поставим, чтобы с ней точно ничего не случилось... Пусть ходит за ней по пятам и пылинки с нее сдувает...

— Ты точно тронулся... Рехнулся. Тебе лечится надо... Еще совсем недавно ты отдал бы все, чтобы ее убрать, любыми способами. Совсем другое говорил...

— Тьфу-тьфу-тьфу, ты даже такие слова не произноси, убить ее. Счастья ей и долгих лет жизни. Тьфу-тьфу-тьфу... Это я вчера говорил. Глупый был... Да, точно, телохранителя, в подарок... Это хорошая идея... Или двух... Нет, трех!.. Нет... четырех. Сколько телохранителей может быть у одного человека? Мы все оплатим! Боже мой, надо узнать, нет ли у нее проблем со здоровьем? Пусть приезжает, будем ее лечить! Как она сейчас себя чувствует? Есть ли хронические заболевания? Здоровья ей и долгих лет жизни... Тьфу-тьфу-тьфу...

Он постучал кулаком по уличному столбу.

— Ты больной... Ты там случайно не сбрендил?... Или на солнце перегрелся... у тебя точно жар — Он трогает его лоб. — Да вроде нет... Ты с этими рабами точно умом тронулся...

— Все пошли, надо распорядиться по поводу телохранителей... Господи, здоровья ей и долгих лет жизни... Счастья и процветания!

Они немного поговорили...

— Точно рехнулся... Древний мир! Эдам! Какая чушь! Какие обезьяны!..

— Слава Богу, люди. Слава Богу! — Эдам все продолжал почему-то крепиться...

Это был конец работорговли в России... Эдам все переживал, что ему никто не подписал мою слепоту. Слепоту мне уже два года как растворили, она крутилась и набирала обороты, но никто до сих пор ее не разрешил... Ну никак не хотели Эдаму подписывать мою полную слепоту. Поэтому Эдам собирался замечать следы и решил бросить меня под машину... Даже

вколот себе зверя, чтобы побезжалостнее быть. Он подбежал ко мне, когда я собиралась переходить дорогу, типо с пробежки, в черной мастерке с надетым капюшоном... И резким и сильным толчком бросил меня под колеса машины. Это был темно-зеленый хэтчбэк, а за рулем в капюшоне была Аманда, «дятел-летучая мышка». Она была наемным киллером и уже убила важного полицейского...

Я упала...

И тут машина встала на дыбы! Ее верх повис в воздухе... Машина поднялась и не задавила меня... Эдам сразу же убежал... И по дороге у него переломало все ребра, сломало ногу... Говорили, что это люди-тараканы невидимые его избили. Они сейчас несли ответственность за нашу планету... Байсек и Али Рашид наблюдали эту сцену со стороны, в данном случае Эдам был наемным киллером...

Я не оказалась под колесами... Под машину я так и не попала. К счастью для меня и несчастью для Шерил... Слепоту никто не отменял... А за этот инцидент тараканы на своей планете выбили себе горы вместо пустыни...

Эдам вдруг проснулся от страшного сна... Как будто он был на другой планете... Или в другом времени... И это была планета обезьян... — Обезьяны! Везде обезьяны! — все повторял он как в кошмаре... Морган вытирала у него пот со лба...

Эдам думал о том, что подумали его обезьяны, когда он не вернулся. Он просто исчез тогда... Они, наверное, решили, что его съел Вуху...

И Эдам часто боялся спать, он боялся заснуть и проснуться опять в древнем мире или параллельной вселенной. Его мучили кошмары, как будто за ним гонится Вуху или черные пантеры с горящими глазами, или грифоны, или мамонты... И каждый раз он открывал глаза и благодарил Бога, что это его мир и здесь люди, а не обезьяны...

Мы и древний мир

Эдам, Эдам-то, наш Эдам...

Вся планета

Шло время, двадцатый век привыкал к Эдаму, а Эдам к нему... Пинимал его в свое время и пространство. Древний мир Эдама не забирал. Не все могут покинуть древний мир. Древний мир зачастую не отпускает. Но Эдам смог вернуться — он в древнем мире ничего существенного не сделал, не поменял...

Эдам даже высказал Славе, что он был в древней мире, а тот его не спас! Его там чуть не съел Вуху.

Потом обезьяны выходили на связь из другого измерения и искали Эдама. Ама передала, чтобы он возвращался – у него семья и трое детей. Морген ей ответила, что здесь у Эдама тоже семья и двое детей. Наши сказали, что детей Эдама они забирают, чтобы не мешать эволюции обезьян... Им через черную дыру передали трех маленьких шимпанзе, и они стали делать их ДНК-тесты. Это был самый страшный день жизни отца Эдама, когда он делал ДНК-тесты обезьянам и проверял, Эдам ли их отец.

Эдаму оставили пока детей – у него было двое сыновей и трое маленьких шимпанзе... Морген обратила внимание, что они все разного возраста, Эдам сказал, что это тоже вполне может быть! Возможно непорочное зачатие, сперматозоиды вон как прыгают. Кто знает, сколько он там пробыл! Она хотела устроить их в детский сад и выбить им таблетки, меняющие внешность на человеческую. Они даже договорились об одной, но таблетки не меняли ДНК, а ДНК осталось обезьяньей. Итак, у Эдама были два мальчика-обезьянчика и девочка-обезьянка. Таблетку дали девочке, и она стала ходить в детский сад с другими детьми, но говорить так и не научилась. Мальчики жили затворниками у Морген... Лучший вариант охмурить мужчину – это дать ему детей, и древние женщины-обезьянхи это уже знали! Приезжала Мэри и смотрела детей-обезьян, сказала что будет любить их, как своих, ведь они от Эдама. Приходила полиция, Эдама обвинили, что он украл шимпанзе из зоопарка, он сказал, что отец этих детей, тогда его обвинили в зоофилии и посадили. Черт сразу добавил доказательства его работорговли по всей России. Эдама не собирались выпускать. Выпустили под большой залог.

Древних обезьянок начали изучать и увидели, что они совсем не похожи на современных, у них другие ноги и спины ровнее, позвоночник другой... Сделали рентген – подтвердили! Детей-обезьян забрали у Эдама и поместили в научный центр для опытов. Тут появилась Ама, она доверила детей Эдаму, но других людей он не знала... Ама тоже жила у Эдама и Морген, и они вместе пытались вернуть детей Амы и Эдама. Потом для опытов забрали и Аму...

Пока все разбирались, пришел результат ДНК-теста. Эдам оказался не отцом этих детей, хотя у всех трех малышей были разные отцы и одна мать. Какова Ама!.. Детей-обезьян и Аму отправили через черную дыру в древний мир. Все говорили, что древний мир Эдама не отпускает, и никто не мог закрыть портал... Все даже ждали нашествия обезьян. Эдам только смеялся, они и нож-то делать не умеют... Через портал передели еще двух маленьких обезьянок, может, это Эдама. Тех тоже проверили, и они тоже оказались не Эдама, но уже разных матерей. Потом отец спрашивал у Эдама, был ли у него секс с какой-нибудь обезьяной, он же давал ему презерватив, Эдам все отрицал! Пока делали ДНК-тесты, дети разбежались по зоопарку, и пришлось делать ДНК-тесты всем обезьянам зоо-

парка. Но Эдам быстро нашел своих, они были как-то умнее и ровнее... Он им помахал, они сразу появились! ДНК наших обезьян и древних сильно отличались, у них был другой состав крови, меньше лейкоцитов и больше тромбоцитов у всех. Детенышей-обезьян вернули матерям, те очень скучали... Отец был Эдамом недоволен.

— Я только оглянулся, а у тебя уже трое обезьян на руках... И Вуху не убил...

— Ты видел этого Вуху? Он огромный...

— Вот поедешь убивать...

С тех под Эдам потерял покой и сон... Его отправляли обратно к Вуху. Родители сказали Эдаму, что если он останется в древней мире, пусть женится на Аме. Так будет лучше.... И усыновит всех ее детей... Чтобы маленькие обезьянки не росли без отца!

Вуху тоже скучал без Эдама и даже плакал — он так хотел им подкрепиться! Вуху очень переживал, когда Эдам просто растворился. Узнавал, как он там... И где... Как он живет без него, Эдама приняло племя, и он не мог его отпустить просто так. Он должен был найти змея Эдама и договориться о его судьбе. Эдама решили выдать в древний мир — он им нужнее! Стали ждать портал, а Эдам пока учился лепить из глины, класть кирпичи, делать копья с наконечниками, изучал строение древних змеев, теперь у него был экскурс выживания, то есть развития древнего мира. Черт Слава ругался больше всех и пил инсульты, он поднимал обещанность, чтобы не отдавать Эдама обезьянам! Америка была за перещетыв Эдама в древний мир, а Россия против!

Но открыли портал, и обезьяны походили по нашему миру, всем понравился вождь обезьян, он был такой высокий, серьезный и строгий! И прямоходящий! И старейшина, такая седая обезьяна в тюрбане. Обезьяны из древнего мира попали сразу в двадцать первый век. Обезьяны-мужчины ходили без одежды и смущали наших женщин, их обезьяны в основном остались дома в древнем мире, здесь были только старухи. Поэтому обезьянам решили надеть набедренные повязки, а потом настоящую одежду. И они стали не очень отличаться от людей. Рубашки они носили нормально, но штаны и юбки им совсем не нравились...

Потом Вуху дали таблетку, он стал человеком и тоже ходил по нашему миру, его одежда была агрессивной, желто-красно-черной. Когда он вернулся обратно, все успокоились. Вуху приходил к обезьянам в человеческом облики, они его чуть не повесили.

Если бы финальная битва Эдама состоялась, то Вуху его скорее всего бы убил...

А порталы между мирами открывал Вуху, говорил, что скучал без Эдама. Он считал его древним божеством и просил у него детей. Он хотел себе маленьких деток. И Вуху решил держать портал между двумя мирами, пока к нему не приедет его Эдам... Как же это Эдам будет без Вуху! Он

к нему уже так привык! И Ама скучает! Мы ее в Мэри переименуем, если так надо Эдаму!

У нас тянули время и пока приравняли к муравьям... Время у них шло быстрее.

Эдам сначала не хотел возвращаться в древний мир, там же Вуху! Эдама все-таки отправили в древний мир к своим. Морган нашла Эдаму железные доспехи и копье, и его отправили в черную дыру! Она просила на коленях не бросать ее с детьми, эти-то были точно его! Перед этим Морган дала ему таблетку кастрации, чтобы у него не было детей от обезьян... Эдам вернулся очень быстро пить противоядие. Сказал, что его презирает эта рептилия, он теперь не пахнет мужчиной, самцом... И обезьяны над ним смеялись, им рассказал Вуху, что он теперь кастрат. Эдам с Морган поругались, Эдам сам выпил противоядие и опять отправился покорять древний мир. Морган, недолго думая, отправилась к нему. Они поставили около обезьян палатку и стали в ней жить. Потом она притащила сюда детей. В магазин они ходили в наш мир... Не скучно нам с нашим Эдамом!

Потом другие туристы решили пожить в древнем мире. Поставили палатки президентов. Делегации из разных стран бродили по древнему миру. «Этого делать точно не стоило», – думал про себя Эдам. «Они пока еще не видели Вуху»... Вуху тоже затаился – столько новых существ в шаговой доступности. Обезьяны тоже притихли, смотрели на людей, учились у них. Морган притащила уют и учила обезьян пользоваться уютом, раздавала им свою одежду, туристы кормили обезьян бутербродами.

Один турист-идиот закопал в песок фотоаппарат, вспомнил где, вылез из черной дыры и отправился в Москву раскапывать свой фотоаппарат через миллионы лет. Эдам пошел за ним и вместе они перекопали половину окраины, искали закопанный фотоаппарат, не нашли... Потом вернулись в древний мир, турист раскопал свой фотоаппарат... Потом еще подумал и опять закопал... Опять поехал в Москву проверять, появился фотоаппарат или нет. Не появился... А кто-то в древнем мире раскопал его дорогой фотоаппарат и закопал свой дешевый. Поехали вместе опять в Москву проверять... Закопали дорогую зеркалку, теперь там лежал дешевый цифровой фотоаппарат... Богатый турист подал заявление в полицию о краже... Полиция пришла разбираться... Фотоаппарат пришлось вернуть... Богатый турист пошел его опять закапывать, а потом проверять... Даже поставили табличку, где не копать и где он закопан... Но потом его, по-моему, все-таки раскопали и украли... Но миллионы, а то и миллиарды лет он точно бы не пролежал... Надо было закапывать что-то металлическое... И богатому туристу говорили, что это другое измерение, а не древность.

Потом Эдам стал просить Вуху выйти и показаться... Вуху согласился... Он немножко побегал у края джунглей, чтобы гости его могли хорошо рассмотреть, показался им и при лунном, и при дневном свете... Палатки стали быстро сворачивать, все президенты спешно отправились в наш мир. От туристов не осталось и следа. Морган сказала, что любит Эдама,

но с мальчиками здесь жить не может... Его отец сказал, что он стар и слаб, и Эдам будет бороться с Вуху сам.

— Так наши больше обезьян Вуху бояться?

— А ты хочешь, чтобы они боялись меньше? Обезьяны к нему привыкли...

Потом пришла Мэри, когда Морган бросила Эдама. Но опять появился Вуху, даже подошел немного ближе к поселению обезьян посмотреть на Мэри, самую большую любовь Эдама... Мэри увидела Вуху и ночью сказала Эдаму, что ей немного страшно здесь из-за Вуху. — Ты хотя бы не стала мне лгать, — ответил ей Эдам. Ты хотя бы не бросила меня... — И он ответил ей, что сам не хочет, чтобы на рисковала собой рядом с ним... И она тут же пошла в черную дыру... Как же он любил ее. Утром Ама сказала ему: — Мэри? — Он кивнул... Они с Амой почти не общались... Она обиделась на него...

Все удивлялись, какой Эдам полигамный, и Морген, и Мэри, и Ама, которая все по нему вздыхала и ждала в свою хижину... В отличие от обезьян, Эдам не отличался верностью... Эдам объяснил, что жениться на Морген его заставили родители, а любил он другую, но она умерла в автокатастрофе... А Мэри — это любовь всей его жизни...

Потом Ама поняла, что Морген — это как жена Эдама, но у обезьян могло быть много жен, у них была полигамия, Вуху, правда, это не одобрял, у Чао была только одна жена, обезьяны это не одобряли, но это было возможно. И Ама хотела стать второй женой Эдама. Но у Эдама уже была и Мэри, у людей тоже была полигамия частично, ее также не одобряли, но и запретить не могли. У Эдама уже была вторая жена... Тогда Ама предложила стать третьей — это случалось редко, но тоже было возможно... Но Эдам и с двумя-то не справлялся...

Ама, увидев Мэри, решили освободить их Мао, пошла к колдунье и стала читать заклинания и поить Эдама снадобьями. Тут же появилась Мэри и стала с ней ругаться... Ама решила больше не вмешиваться, так сказал ей вождь...

Обезьяны также ходили к озеру, собирали рис и рыли корешки... Больше не ели еду двадцать первого века, староста им запретил, они его беспрекословно слушались, у них даже иногда болели животы.

Пришли медики и историки изучать древних людей в среде их обитания. Хотели посмотреть на Вуху спящего. Вуху передал, когда он будет спать. К нему в джунгли отправилась делегация. Они его щупали и смотрели, а потом быстро собрались восвояси. Им Вуху тоже что-то совсем не понравился. Они решили, что такая огромная змея — это атас, такой змей может много всего натворить!

Вуху что-то никому не понравился, он был какого-то страшного типа, очень жестокий... Похож на дракона с азиатских карнавалов. Но Эдам точно говорил, что огонь он не извергал. Он хуже динозавра... У него тоже взяли анализы крови и оказалось, что не очень отличаются от наших

рептилий и змей. Обезьяны за миллионы лет изменились, а рептилии нет. Все решили, что детей Вуху делать точно не стоит... И притаскивать его на Землю, возить по зоопаркам в клетке тоже. Все, когда узнали, какого типа Вуху, решили, что он нам здесь точно не нужен, как-нибудь обойдемся. Он тут точно быстро яйца отложит. Теперь вся планета переживала, чтобы им не притащили Вуху. Слушали страшные рассказы стариков о драконах типа Вуху. И уточняли, как закрыть этот гребанный портал. И кляли Эдама.

Фелинологи кричали, что если вы уже хотите разводить драконов, то лучше разводить динозавров — с ними проблем меньше, они не гипнотизируют! Все пересматривали «Парк Юрского периода» и «Годзиллу» и советовали выбирать динозавров, с ними хотя бы можно бороться, они не подавляют волю, Эдам агитировал за Вуху! По всей планете устроили голосование «Хотите ли вы динозавров или драконов», лидировал ответ «Ничего из вышеперечисленного». Эдаму открыли черную дыру, и он оказался на острове динозавров — решил, что с Вуху легче, драконы хотя бы интеллектуальные, с ними можно поговорить... Умные люди говорили иначе... Эдаму показали гипнотизирующих змей — он от них тоже был в восторге! С драконами или динозаврами мы быстро скатимся до обезьян и древнего мира! Фелинологи требовали вернуть остров динозавров, а большинство хотели посмотреть на драконов в зоопарке. В итоге решили оставить все, как есть — живем же мы и без динозавров и драконов?

Эдаму даже обещали сделать своих драконов, если он так хочет. Но только не таскать древнего дракона-телепата и гипнотизера. Такие драконы очень сильно меняли сознание, он ел обезьян, а они его боготворили и боялись, сами отдавали ему своих детей на съедение. Даже Эдам считал Вуху добрым малым.

Вуху пока обдумывал, хочет ли он жить на большой планете... Сможет ли он телепатией контролировать всех жителей планеты и какую территорию ему дадут.

Наши убийцы стали таскать Вуху только что убитые трупы, и он их ел. Так он съел двух, потом это запретили... Но Вуху всегда шел обезьянам навстречу и посчитал те трупы вместо детей, тем более что они были взрослые и более мясные... Так ребенка Амы не съели...

А Вуху все просил у людей деток, говорил, что очень хочет маленьких. Обещал, что жить они будут не здесь, он отправит их в другие племена, он тоже телепатически общался с другими змеями и те говорили своих о людях из будущего. В древний мир даже отправили Арину, и Вуху просил детей у нее. Арине сказали, никаких вухулят, и ее быстро отправили обратно... Клон Эдама спросил у Арины, может ли она подписать, чтобы обезьянам разрешали лепить посуду, она подписала... С тех пор как Эдам разрешил Шерил растворить Арине слепоту, он с Ариной больше не общался, только его клон-полицейский...

Вуху понял, что Арина слепнет, ему рассказал кто-то из людей. Вообще, Вуху не понравилось, что люди приходили и уходили, это было не по правилам. Они должны были оставаться. Так хотел Вуху, но другие змеи ему не разрешили...

Свои Эдамом были недовольны:

— Эдам уже дракона из древнего мира тащит, думаем, что он дальше вытворит! Эдам, ты не хочешь бороться за людей, а не за обезьян?

— Так Эдам Арину специально под машину кидал, зная, что ему цивилизацию обезьян откроют. Эдам, представляешь, что будет, если каждый всех звезд под машины кидать будет? Сколько мы цивилизаций обезьян наоткрываем?

— Так мы люди, все нормально! Арина жива-здорова!

К Вуху в древний мир пришла Елизавета Вторая, королева Англии и рассказала ему, как его поймают и убьют. Она хорошо разбиралась в драконах. Вуху начал закрывать портал, он как понял, что Эдам должен его убить, тут же перестал по нему скучать! Эдам сначала хотел убить Вуху и вернуться в наш мир, но так было нельзя. Он должен был или убить его и остаться, или его должен быть убить кто-то из обезьян... Потом Вуху понял, что люди со странными «шприцами» хотят его усыпить и забрать, а там скорее всего убить... Слово «зоопарк» ему было совсем непонятно.

Эдам побегал около Вуху, покидал в него копье, которое отваливалось от его шкуры, Вуху от него поубегал, все как и договаривались. Эдам с Вуху даже подружился. Все обезьяны на это посмотрели. Спустились хранители — Эдам должен был вернуться в свой мир. Эдам и так слишком вмешался в развитие обезьян. Хранители говорили, что лучше два мира не перемешивать... Вуху часто советовался со своими, такими же драконами-телепатами и гипнотизерами... Эдам показывал обезьянам, как Вуху можно окружить и убить, как мамонта... Но они тут же все забывали... Эдам сказал обезьянам не выгонять сильнейших обезьян, и в этом он уже поменял их путь. И этого уже было достаточно...

Именно хранители когда-то предсказали обезьянам появления их божества Мао. Пока Эдам был в древнем мире, он налепил им из глины горшков, напелл корзин, навыврезал посуды, даже сделал пару ножей и копья для Вуху. Все, что сделал здесь Эдам, обезьянам разрешили не возвращать.

Обезьяны не хотели отдавать Эдама — он был такой умный и им помогал. Тогда обезьянам, чтобы они отпустили Эдама, стали рассказывать, что он маньяк, он ест маленьких детей, убивает женщин. Что их детей он тоже будет есть и расчленять. Чао сказал, что если он убьет Вуху, то они согласны. Потом Чао признался, что если Эдам убьет Вуху, то потом они смогут убить Эдама, ведь он намного меньше Вуху. Обезьянам рассказывали, что люди боятся Эдама и он для них страшный, как для обезьян Вуху. И обезьяны были согласны променять Вуху на Эдама...

Чем больше Вуху узнавал Эдама, тем больше жалел, что не съел его в первые дни, такой Эдам был плохой... Вуху сам говорил, что Эдам на обезьянах хотел отмолить свои грехи, совершенные среди людей. Вся Америка просила Вуху съесть Эдама, а вся Россия была против. Остальной мир воздержался.

Наконец, Эдама вернули в наш мир, и черную дыру закрыли навсегда.

Даже если это и было другое измерение Земли, то спустя столько времени и событий тот мир точно стал другой планетой... Было измерение — стала планета. Так Эдам сделал виртуальное измерение реальным, и обезьяны были ему за это благодарны! Зная, что Эдам попадет к обезьянам, Эдаму даже скрутили наркозависимость.

Людей больше в древний мир не пускали, еще натопчем, только показывали через черную дыру... Вуху был против. Миром обезьян правил Вуху. Эдама в древний мир тоже больше не взяли, Вуху мог сильно поменять наш путь развития, Эдам же наш святой козел. Если бы Эдам остался в древнем мире, то он бы постепенно превратился в обезьяну и мог бы жить с Амой. И его отец это знал...

С Эдамом мы вес то плакали, то смеялись. И устали от этих психологических качель. И больше всего все радовались, что у Эдама не было детей от обезьяны, особенно Морген. Может, ему поэтому заранее и сделали двух сыновей, чтобы он не делал, как Кай Беспощадный, детей на другой планете.

И Эдам решил для себя, что его племя обезьян обитает в другой галактике, что в принципе было возможно... и успокоился. Их могли перенести их другого измерения Земли на другую планету, а звездное небо потом поменяют. Ему было как-то легче, когда они где-то жили и развивались... А всем он говорил, что не хотел вмешиваться в их эволюцию... Когда эти обезьяны эволюционируют до людей, их могут объединить с землянами. И Эдам передавал им привет каждый Новый год через портал! Он знал, что Ама опять вышла замуж и заняла хижину побольше! Он желал ей счастья! А Вуху периодически ел какую-нибудь обезьянку, они его так и не убили, говорят... Ему передали, что Вуху убьют через двести пятьдесят лет, но деток у него не будет. Они его окружают и убьют. И это будет следующий шаг — коллективная охота... Или Вуху умрет от старости... Тех обезьян стали называть «Цивилизация Эдама Хейсонда». Через три года портал сам закрылся — это было очень далеко... Во времени или в пространстве... Трутон был намного ближе... Эдаму обещали, если изобретут быстрые межгалактические перелеты — он обязательно туда слетает!

Часть 8. Слепота

Пульс

Летом после третьего курса приезжала Элен. Она была очень рада меня увидеть, расспрашивала меня об американских встречах:

— Эдам такой креативный! — сказала она.

Как оракл, Элен предсказывала мне, что я выйду замуж за американца, тхэквондиста Майкла, который на тринадцать лет меня младше, чем-то похожего на Джейка, его реинкарнацию, только на восемнадцать лет младше... Рассказала мне историю нашей будущей любви...

С американцами мы гуляли по Красной, и Джаспер говорил, что «Квартал» — самый классный бесплатный туалет на Красной. На встречах из американцев всегда был Джаспер — он был главным действующим персонажем американского клуба и самым запоминающимся лицом. Американцы думали, что он лучше всего реализует образ типичного американца. Осенью американки раздали нам диски с кантри-музыкой, которые привезли из Америки:

— Русские даже не могут выучить адыгейский, — говорил Джаспер. Многие американцы говорили на испанском, языке мексиканцев, их национальных меньшинств. — Так они относятся к своей культуре...

Саша Янченко объяснил: — У нас много меньшинств и языков соответственно. Армяне, адыгейцы, грузины, кабардинцы! И их языков!.. Джаспер говорит, что американцы пьют таблетки для потенции. Хоть узнали... Нам тоже такие надо... Как хорошо, что у нас появились американские протестанты. Может, и у нас появятся такие верующие... — Саша это даже прописал...

Джаспер дружил с Сашей и Егором... Мы с Ясей продолжали общаться и после американских тусовок.

Американцы боялись стареньких бабушек, как свидетелей. Они уже многое вспоминали и не боялись давать показания — все равно скоро умирать. Некоторые старушки шпионили за американцами.

— Ох уж эти бабушки! — говорил Эдам с акцентом, и в слове «бабушки» делая неправильное ударение на «у». Джаспер также говорил «бабушки» и качал головой.

Егору, как сыну следователя, Джаспер пробил раковую опухоль...

Байсек хотел меня украсть, увезти в Казахстан и жениться на мне там. Сделать своей наложницей. Чтобы я его лечила от наркомании. Видел во мне и свое искупление, и надежду, и надежду на спасение детей, и хо-

тел лишить детей в рабстве этой последней надежды... Байсек сам уже собирался покидать Россию...

Лену Ситокову прооперировали, убрали глисты из глаз, и она перестала слепнуть. Частично ее слепоту как бы взяла я. Яся Воронина поступила на юридический факультет в мелкий частный непрестижный вуз в центре города.

Шерил отдавала мне свою старую одежду, полосатую кофту, как будто ставила «плащи» на мою слепоту, чтобы меня не лечили. В этой одежде она перевозила наркотики – чтобы подозревали меня. Говорила, что я beautiful as usual, красивая как всегда. Американцы теперь стали называть свои встречи «Пульс» и собирались с русскими верующими почитать Библию на съемной квартире между Карасунами... Я познакомилась с новенькой Викой Ворошиной, она теперь часто приходила на американские встречи, играла во фризби, ее выдавали прозрачные синие глаза – она убивала для богатого покровителя... Как смеялся Эдам, чтобы найти всех убийц города, надо прийти в протестантскую церковь и искать верующих, читающих Библию. Баптисты-американцы кажутся лучше нас, но на самом деле намного хуже... На самом деле это страшные убийцы. Они только прикрываются религией... Истинно верующие люди не убивают... Такие, как Вика Ворошина, убивают и тут же отмаливаются... Нам теперь рассказывали, что американки выходили замуж. Все подряд, Элисон, Элен... некоторые по второму разу. Отвлекали нас... Много убивали негрятят... Меня еще пару раз приглашали в протестантские церкви, где Ира Штолярова готовила презентации для богослужений, а Марина Ковач пела на сцене...

Меня устроили работать промоутером и отправили по святым местам преступлений. А ко мне опять сватался принц Халим. Сначала на мне хотел жениться Байсек, а потом он... С таблеточкой. Раковой опухолью меня убивать. Мои ему регулярно отказывают. Принц Халим у меня и дома сидел, и даже у меня превращался в льва. И жениться хотел на последней живой свидетельнице... Чтобы у него не было проблем с работорговлей... Один из способов убить свидетельницу – женится на ней и через время дать ей раковую опухоль... Много свидетельниц так похоронили казахстанцы – в браках с ними...

А в Америке Джейк похоронил Сулгвин от агрессивной раковой опухоли... Он встречался с Сулгвин до ее смерти, прошел с ней все курсы химиотерапии и облучения... Они были на одной стороне закона; как говорили полицейские, все свидетели были одной семьей. Скрасил ли он последние годы и дни обреченной Сулгвин – однозначно! Была ли она ему благодарна умирая... Его единственного она благодарила... Бескорыстно ли он ее оплакал? ... Вкололи ли ему здоровье? Думаю, вкололи... Ее убили родители, он ее оплакал – он ее не убивал! Испортил ли он немного органы умирающей Сулвин! Думаю, испортил! Но не он был ее убийцей...

Она от него сделала аборт мальчиком... Плод, конечно, был заражен раком. Джейк, естественно, подписал этого ребенка на алтарь своего здоровья...

В начале четвертого курса в 2005 году мы с Брэндой пошли кататься на каруселях «чашечки» в парк на набережной. Сидения в виде чашек крутились по кругу, вращаясь. Был момент свободного падения, когда чашка разворачивалась. Моя сетчатка могла на таких каруселях отслоиться, и я могла полностью ослепнуть. Но моя слепота еще настолько не закрутилась. Вот если бы через год... — Они не кажутся такими... Ух! — опять хохотала Брэнда, когда нас вдвоем в очередной раз крутануло и перевернуло...

Мне в одной больнице опять вкололи СПИД, Морген переоделась медсестрой. Я ходила теперь со СПИДом, Морген заразили ребенка через три дня, и мне опять вкололи противоядие. До этого мне кололи СПИД на втором курсе в американском центре.

На четвертом курсе американцы однажды в ноябре приглашали меня поиграть в уно в свою квартиру на Таманской, Брэнда любила эту игру. Она часто мухлевала, откладывала карты, а потом прятала их под собой, сидела на них...

— У папы есть девушка, его секретарша, с которой он спит раз в неделю, а когда я говорю ему, что тоже хочу иметь такого дедушку, который будет спать со мной раз в неделю, папа говорит мне твердое «Нет»!

Когда я начала слепнуть из-за растворенной Шерил таблетки слепоты, американцы предпочли меня отдалить от себя, чтобы не присутствовать при моем «ослеплении» и иметь к нему мало отношения. Это соотносилось и с моими интересами, я перестала ходить на американские тусовки, мало ли что мне еще тут могут растворить! Если и появлялась, то очень редко. И зачем я американцам слепнувшая! И скомпрометировать меня не удалось!

В начале 2006 года, на моем четвертом курсе Эдам и Ко в ресторане праздновали, что меня слили. Дажуху отказался предоставить мне защиту свидетелей, подписал таблетку галлюциногенов и шума в голове, которую мне должны были дать в Америке, вряд ли я бы после таких таблеток обошлась бы без психушки. Чтобы мои показания еще много лет никто не принимал в расчет... Потом ресторан снимали Далила, Владимир, Никита и Марина Шайн. Тоже праздновали мое выведение из игры как свидетеля.

После четвертого курса полицейским надо было собирать показания, нельзя было сливать свидетелей. Что эти американцы творят. Пачками убивают и в лицо смеются. Вы бы их хоть как-то на место поставили. И только на показаниях Яси Ворониной они хоть как-то задумались... Хоть как-то...

В 2007 году Брэнда стала делать минеты русским полицейским, чтобы ей давали прослушку шпионить за Эдамом и его подельниками, она спать

с ними боялась и думала, что в минетах нет ничего страшного, серьезную заразу не подхватить. Отец-судья только вздыхал: — Она вся в мать, — и качал головой. Он не вмешивался. Не мог вмешаться. Она не знала, что так тоже можно подхватить серьезную инфекцию, СПИД и гепатит С в том числе через раны во рту...

Ее, конечно же, заразили гепатитом С, Брэнда теперь ходила с руками в язвах. И за таблетку противоядия ее отец отдал Эдаму все доказательства по Питеру, собранные моим миллионером, которые он передал Брэнде. Брэнда была «за систему» и стала сливать собранные доказательства, опровергать показания свидетелей...

Этот миллионер женится на мне, если я вдруг стану известным писателем и разбогатею. Он тоже тогда ездил в Питер, ставил везде прослушку. Он был подписанным клоном Шерил — такой же лупоглазый...

Серьезнее заразить гепатитом С, чем СПИДом, от гепатита сразу садится печень, гниют руки... Все сразу намного серьезнее — не работает система выведения организма, быстро накапливаются яды. Со СПИДом еще можно нормально жить какое-то время, с гепатитом не поживешь.

Через пару лет Брэнда уехала из России в Америку к отцу...

А моя слепота набирала обороты, и я уже начала щуриться под ярким солнцем...

Новая вера

Некоторые русские, ставшие протестантами, принявшие крещение, продолжали ходить в православные церкви, причащаться, и крещение еще и в протестантстве в принципе для них ничего не значило. А почему нет? Почему не креститься сразу в нескольких религиях? Никто не запрещал... Американцы решили, что вера для таких людей ничего не значит, на что Виолетта Генриховна им объяснила, что русские это делали в угоду своим новым нерусским друзьям — просто не могли им отказать... Это стало самым большим разочарованием американцев. Если русские когда-то принимали крещение, это вовсе не значило, что они и дальше будут ходить в баптистскую церковь, читать Библию и петь про Иисуса Христа. Зачастую русские, потерявшие контакт с американцами, часто разочаровавшиеся в них, вообще переставали ходить в баптистскую церковь, читать их протестантскую Библию и вообще забывали, что когда-то они были протестантами. Для них протестантское крещение больше ничего не значило... Они надели веру, как платье, и пока «дружили», общались с американцами, носили его, а потом, потеряв контакт, «снимали» платье и опять оставались в натальной майке, называемой православием. И опять воз-

вращались к своей темной мутной, малопонятной и очень знакомой родной вере. В этой вере было странное и запретное... Которой поклонялись их родители и прародители. Это стало самым большим разочарованием американцев. Русские забывали о протестантстве также легко, как его принимали. И продолжали свой жизненный путь, не оглядываясь на когда-то принятое протестантство — они становились такими же маловерующими протестантами, какими они были маловерующими русскими. Но православие допускало «маловерование», а вот протестантство нет. Протестантам надо было каждый день читать Библию и каждую неделю ходить в церковь. Протестантство требовало усилия и ежедневного поклонения. К чему выросшие в православие русские были не готовы, и они оставались при своем «легком» и ненапряжном, красивом аксессуаре... Протестантство требовало усилий, которых эти американцы не стоили. Религия американцев не приживалась... Потому что ее пропагандировали убийцы...

Американцы, которые тогда приехали в Россию, были страшными людьми, убийцами, дружить с ними не получалось, от них относилось. Кто-кто, а они точно не должны были вести к вере... Приличные, кто серьезно относится к вере, к американцам не ходили...

А вот Саша Янченко и Аня Петрилина серьезно восприняли смену религии. Пока они встречались, они читали вместе Библию каждый день. Их к баптизму привели американцы, и они на самом деле стали слабоверующими православными и глубоко верующими протестантами. Они читали Библию каждый день...

Саша и Аня не смогли найти себе подходящие протестантские церкви, куда могли бы ходить. Они попробовали разные неправославные церкви. Им американцы посоветовали просто дома читать Библию, и они так и делали, дома сами читали Библию. Как легко они отказались от православия... Как легко они приняли новое крещение... Или это было для показаний — чтобы быть поближе к преступникам...

Кстати Таня Соснянская тоже приняла крещение и стала протестанткой, она тоже теперь читала Библию. Как я думаю, в угоду американцам. Ее мальчик Леша, найденный по описанию Джейка, тоже с ее посыла стал протестантом. Они вместе читали Библию у Тани дома, а Таня все ждала, когда придет Джейк, сделает ее своей женой и увезет в Америку... Через пару лет она отчаялась «строить» из себя жену Джейка. Американцы ее не признавали. Джейк к ней не приехал... Ее Леша-программист ее раскусил и бросил...

Лена Ситокова с подружками тоже иногда читали Библию и говорили о Боге с американцами. Но они так и не приняли крещение и не меняли веру.

Американцы удивлялись, но что русские поменяли веру, для них вообще ничего не значило. Русские относились к смене веры несерьезно... Они принадлежали чему-то большему, чему поклонялась вся эта огромная,

необъятная непостижимая страна – и это называлось русское православие!

Как думали американцы, вера русских не была глубока. Но, может быть, она была глубже именно потому, что от нее нельзя было просто отказаться или забыть в угоду кому-либо... она была в крови русских. В ней она и оставалась...

Некоторые русские прибивались к протестантской церкви, думая, что это поможет им в будущем. Что их жизнь потом станет легче. Что здесь они найдут защиту и помощь... К баптистским церквям прибывалось меньшинство отщепенцев, которые искали убежища, которым было очень сложно в жизни найти свое место, которых гнали за их грехи и грехи предков. Замаливал ли будущий муж Шерил верой грехи предков? Отца – директора детского дома? Убитых детей, с растворенными в их чашках раковыми опухолями? Экспериментальными таблетками? Замаливали ли они лысые лбы жен, шлюх в нескольких поколениях, которые отдавались за продвижение по службе, спали с врачами своих детей, чтобы те «случайно» не зарезали их во время сложной операции?

Принадлежность к церкви облегчало их жизнь, они искали себе частных репетиторов для детей среди баптистов их церкви, искали строителей, маляров и плиточников и т. д. среди своих. Так они подерживали в основном своих... Протестантская церковь – была замкнутой группой, обслуживающей себя самой. Одна моя знакомая бесплатно жила в трехкомнатной квартире, которую ей нашли в «баптистской» церкви, даже не приняв крещение, именно потому что была там своей...

Лазер

Летом 2006 года я ездила по студенческой программе в Америку, в штат Поинт Плезант Бич с Ирой Штоляровой и Мариной Ковач. После Америки я опять попала в психиатрическую больницу. В Америке я снова оказалась в самой гуще событий, увидела их «скотный двор», контрабандистов оружия из их Минобороны. У них даже были «козлы»... Мне растворили запрещенные вещества и держали на наркотиках...

Наши американцы украли лазерный аппарат из микрохирургии глаза и сами стали зашивать себе сетчатку, у многих из них тоже крутилась слепота, себе сетчатку они подшивали постоянно... Мы были в квартире Эдама и Моргена на Ставропольской на первом этаже. Для американцев уже запало жареным, я постепенно слеpla, никто ничего делать не стал, слепоту никто не свернул, зрение не исправлял...

– Алина, сейчас мы тебя зашьем, – говорила мне Морген, у меня уже начались изменения на глазном дне... Морген сидела за лазерным аппаратом... Меня посадили за аппарат и стали рассматривать глазное дно.

– Ты только не двигайся...

Но в этот момент раздался звонок...

Это звонил их оракл..

– Нет, Арина, тебе зашить не разрешили... Видишь, говорит, тебя нельзя зашивать... И Марина звонит...

Тут же позвонила Марина Шайн, чтобы она меня не подшивала...

«Как они это делают?» – думала я. – «Как точно знают, когда звонить?..»

У американцев часто крутилась слепота... Серьезных убийц часто делали слепыми, чтобы они не могли убивать, не видели четко своих жертв...

Потом появилась сама Марина Шайн и целовала ноги Морген, чтобы она все-таки меня прооперировала. Дальше лазер бы перестал помогать... Но потом позвонил ее оракл и сказал, что нельзя вмешиваться... Да и таблетка не та... Накапливаются тяжелые металлы. Все равно лазер уже не поможет...

– Это все Шерил! Из-за нее... Это все короли... – И Марина скрылась...

После этого мне растворили таблетку, и зрение у меня на одном глазу стало неровным...

Главный

С Эдамом в Россию приехал и «главный». Он даже иногда появлялся под видом Эдама, загримированный пол него. Это был невысокий старик, от частых пластических операций у него был раздвоенный подбородок с уже немаскируемыми шрамами. На руках ярко выступали вены. Он был какой-то плешивый.

Он был с нами и весной 2003 года, когда мы в первый раз играли во фризби около белой девятиэтажки. Он тоже был из шизофреников и любил поговорить с собой. Сейчас любили самых серьезных и опасных преступников, живших более ста лет, лишать сознания, своей личности, сводить с ума... Они были сумасшедшими...

Когда после поездки в Америку я попала в психиатрическую больницу, его привезли ко мне в больницу... Это был седой понурый старик скрюченный в инвалидном кресле. Ему перелили мою кровь и на полгода с помощью таблетки вернули собственную личность, вернули сознание. А потом его опять расщепили, он стал женщиной и всем стал говорить, что он Арина. Так он стал Ариной. После его решили оставить женщиной – так проще...

Он тогда приехал в Россию, ходил под маской Эдама и в том числе. Он сам был внешне похож на Эдама — небольшие глаза, универсальный тип внешности, правильный овал, средний рот, острый нос.

Он решил держать руку на пульсе. Чтобы мне слепоту незаконно не растворили... И в лагерь вместо Эдама поехал он... Но его потом усыпили, положили под снотворным... И Эдам занял свое место... И разрешил Шерил растворять мне слепоту... и какую никак не вылечить... Не таблетку, которая частично закрывает зрение. А то, что не вылечить никогда, только менять глаз совсем — чтобы раз и навсегда ослепить!

Этот главный работал по старинке, не убивал животных, даже наоборот однажды спас редкого олененка. Он был за порядок и правила, поэтому не нравился Эдаму, который предпочитал другой стиль преступности. Поэтому Эдам его не очень уважал, что ли, считал иногда слабаком... И все ждал, когда же он уедет и больше не будет вмешиваться в его дела... Точнее, когда его увезут... На кресле-каталке... Плачущего, скрученного или кричащего...

Микрохирургия глаза

Арина, ты не победишь нас всех! Всех наших окулистов.

Эдам, ты не победишь нас всех! Всех наших хирургов...

В двадцать два у меня началась отслойка сетчатки. Зрение упало с минус четырех с половиной до минус восьми и начались искажения в центральном отделе левого глаза... На правом глазу у меня с детства был «конус». В любую минуту я могла оступиться, упасть, и сетчатка отслоилась бы полностью.

На пятом курсе, когда мои проблемы со зрением уже меня пугали, я пошла к пяти окулистам. И никто из них, осмотрев меня, даже не проверил мне состояние сетчатки, никто из них не увидел у меня никаких проблем. Хотели американцев наказать, чтобы спрашивали перед тем, как слепоту растворять. Мой участковый окулист по месту жительства, где я даже проходила платное лечение, сказала, что «мой глазик устал»... Я была у окулиста, у которого наблюдалась в детстве... Там тоже лечилась платно, читая проверочную таблицу с разными линзами от плюс восьми до минус восьми. Это тренировало мои мышцы... Та врач даже подделала карточки, якобы смотрела мне глазное дно и состояние сетчатки было в норме... Я была

и у окулиста в межвузовской поликлинике, она несла за меня ответственность. Она даже проверила мое глазное дно под атропином, но не назначила никакого лечения, просто промолчала, даже не дав мне никакого направления. Мой окулист, у которого я покупала линзы, тоже проверила мое глазное дно, правда без атропина, но говорили, что мои изменения было уже видно и так, без препаратов. Некоторые меня даже не хотели смотреть, например, лучший окулист города, восьмидесятилетняя старушка, она тоже была под Спенсермэнами. Вот это наши врачи... Мое зрение уже было минус семь с половиной, левый глаз уже не видел ровные линии прямо, началось искажение зрения в центральной области... Второй глаз у меня не был искаженным, на нем был «конус». Это был заговор Урсулы... Она якобы перепутала меня с Морген, которая давала против нее и ее детей показания...

А страшно слепнуть, хуже видеть при ярком свете, покупать линзы все с большим и большим минусом. Когда ничего не можешь сделать, а врачи делают вид, что все хорошо. И даже все тебя лечат. Платно. И как бы не видят твоей проблемы. Ты будто бьешься о систему, ходишь все по новым и новым окулистам... И чувствуешь свое бессилие... Ты завтра ослепнешь совсем, а никому нет до этого никакого дела... У меня глаз из здорового стал со зрительным искажением. Меня практически сделали инвалидом по зрению, и никто и пальцем не пошевелил. И меня накрывало отчаяние... И чувство собственного бессилия... Завтра ты совсем ослепнешь и ничего сделать не можешь... И никому и дела нет... Это страшно — слепнуть и чувствовать свое бессилие... Это им Эдам за мою слепоту к Центробанку деньги положил... Наше государство нас продает...

В Микрохирургию глаза меня отвел «тогдашний» молодой человек... Я уже полностью отчаялась. Все только удивлялись, как мое состояние можно было так запустить...

А потом врач в микрохирургии спрашивала меня, почему я так затянула, почему так поздно обратилась к врачу, плевала мне в лицо... Я уже не стала говорить, что была у пяти окулистов, и они не увидели у меня проблемы... На тот момент это было правильно, не надо было выяснять отношения и лезть на рожон... На тот момент уже надо было молить об операции и не поднимать скандалы... И молить о противоядии от магнита тяжелых металлов... Анализы сделали за десять дней, операцию за счет бюджетных средств...

У меня зрение упало на четыре диоптрии до минус восьми на оба глаза. До отслойки у меня было минус четыре. Теперь минус восемь, один глаз искаженный. На втором курсе вся эта история с моей слепотой закончилась, на пятом во втором полугодии закончилась. Пока я слеpla, мне показывали всех маньяков и убийц.

Такие таблетки, одну из которых растворила мне Шерил в июне 2004, были запрещены в России, они накапливали тяжелые металлы в мягких

тканях и постепенно вызывали отслойку сетчатки и в запущенных случаях вели к полной слепоте. Окулисты говорили, что такие проблемы никто у меня не искал. Другие говорили, что мои проблемы были видны без атропина... Так наши боролись с типом людей как Шерил. Стравили убийцу с потенциальным гением... Но все же...

За американцев мы не отвечаем, американцы нам бесконтрольные — творят что хотят... И никто им не указ... У американцев ничего святого.

Ах да, меня все-таки, как важного свидетеля, прооперировали. Врач, который делал мне операцию, сказал, что отслойка от сильного стресса. Все болезни от нервов. Вспомнили мои полгода ада бегунов. После операции на левом глазе одна из медсестер растворила мне в чашке противоядие от магнита тяжелых металлов. Чтобы они больше не накапливались. Мама выдохнула с облегчением. Если не растворить противоядие, то металлы также будут накапливаться, и сетчатка все равно будет отслаиваться... Сын этой медсестры погиб от пули калашникова... Он пошел служить наемником. И все думали, может, обойдется... но не обошлось. Он был свидетелем по Нагорбову.

Сначала эта медсестра стала целовать мне ноги, она просила «звезду», чтобы воскресить сына. Но Владимир сделал так, чтобы этот солдат, свидетель по его делу, никогда не воскрес... голову отрубили, глаза выкололи...

Медсестра сидела перед моей кроватью, растворив ту таблетку с противоядием, и рассказывала:

— Его привезли, а он как живой... Только с отверстием в голове... Только синий весь и холодный, — она сидела на стуле около моей кровати, говорила, плакала и немного покачивалась. — Как живой, только мертвый... А у меня один сын. Он наркотиками начал баловаться, говорят... Не жилец... Все деньги из дома вынесет... Но только начал... А мне все равно было... Я бы все равно его лечила... И любила бы... И борлась бы за него...

В этот день она выпила раковую опухоль. И пошла давать показания против Нагорбова. Потом взяла автомат и пошла в Нагорбова стрелять, но ее успел убить кто-то из полицейских, подкупленный Нагорбовым... Ее расстреляли в упор в живот... На глазах у всей больницы...

В микрохирургии глаза в Краснодаре, после операции на левом глазу Эдам захотел поговорить со мной. Мы гуляли по заасфальтированным тропинкам около больницы, была весна, травка повсюду и свежий воздух — операция была позади... Говорили, что меня оперировали врачи из Минобрны... Эдам говорил мне:

— Знаешь, один друг мне сказал, что когда ты делаешь что-то плохое хорошему человеку, все сразу начинает не получаться. Все из рук валится... И это ты, Арина. Ты — это хороший человек. А знаешь, кто был этим другом? Это был Роберт, младший сын Урсулы. Это он был тем другом, кто сказал мне это.

Как я поняла, это сказала милое воплощение Роберта.

— Если бы я был в Америке, меня бы предупредили... — Я почему-то подумала о мавре. — Но здесь... Здесь я чужой... Здесь никто ничего не говорит. Это все твой дедушка. Он разрешил... А теперь вот... — почему-то Эдам хотел сказать мне именно эти слова...

Я вздохнула. Эдам тут же признался, что разрешил Шерил растворить мне ту таблетку слепоты три года назад в горах. Я была в шоке... Ничего не сказала... Он пшикнул мне в лицо забвение, и я сразу же стала все забывать...

Эдам тут же куда-то убежал... Он, наверное, жил в бегах... Это так он сказал «извини». Я ослепла на один глаз, а он сказал «извини»... Я просто не сдохла! Им на наших детей наплевать! Сделать слепым основного свидетеля по работоторговле! Говорили, что вместо Эдама ко мне приходил его основной краснодарский клон из полицейских.

— Знаешь, как братья Хаюзовы избивали медсестру, которая тебе магнит свернула, — сказали мне в больнице...

Через четыре месяца мне сделали операцию на втором глазе, теперь основном... А все радовались, что меня вообще прооперировали. Это потому что страна другая... Не Америка... Там бы и не прооперировали...

Мне растворили слепоту, я ослепла до минус восьми... В итоге все было бессмысленно. И я осталась зрячей, и показания мои не было причины подвергать сомнению... И ослепить меня не удалось...

— Я хочу, чтобы Арина просто была жива... — говорила моя мама, глядя на мои окровавленные глаза после операций.

Хорошо, что можно носить линзы. Слава Богу, мне вовремя сделали операцию, а то могла случайно упасть и ослепнуть совсем. Вот такие дела! Теперь не могу сама рожать. Только кесарево. Нельзя сильное напряжение, может опять сетчатка отслоиться. Если надумаю рожать третьего ребенка, то даже не знаю. Теперь не быть мне многодетной матерью. Множественные кесарева опасны. Во время беременности может разойтись шов и быстрая смерть от внутреннего кровотечения. Мда... Но пока я хочу только двух детей — говорят, что второе кесарево еще нормально. Мальчика и девочку...

Меня вовремя прооперировали. А так бы ослепла совсем. Если это можно назвать вовремя. У меня зрение упало до минус восьми, и началась атрофия центрального отдела сетчатки. И окулисты знали, что я слепну, и ничего не делали... Я почти потеряла глаз и на всю жизнь плохо вижу левым глазом. Мой левый глаз уже никогда не будет видеть нормально... только искривлено, нарушена светочувствительность, жожу, как крот, в черных очках со специальными линзами при сильной солнечном свете... Побывала в американском лагере...

Всех врачей продают и покупают, клятва Гиппократ за частую это просто слова... Мое зрение угробили, из здорового человека сделали инвалида по зрению и сказали: — И не благодари. — Не благодарю. — Арина еще наивная, верит в лучший мир! С таким Эдамом радуйся, что вообще

не ослепла. Они детей в рабство продают и на всех уровнях подписывают. На улицах хватают и деньги к Центробанку складывают! Опухоли, кому хотят, растворяют! А если в рабство продают, то там такое творится, что сказать страшно. И «чистый разум» убили, Сашу Нагорбого, и никто и слова не сказал... Такой беспредел...

Была нормальная, стала слепая на один глаз, с таким одним глазом, как мой левый, не поживешь. Хорошо, когда это не ты... И гейзеры не могли с такими, как Шерил.

Последняя встреча

*Who can say where the road goes?
Where the day flows? Only time*
Песня Ены «Only time»

Я даже не помню нашу последнюю встречу с Шерил...

На четвертом курсе Шерил прислала всем в американском клубе фотку со своего обручения. Со своим женихом она познакомилась в миссионерских поездках. Он был высоким, темноволосым, в очках и на самом деле напоминал Майкла. Его звали Тэри... Его отец был директором детдома. Они растворили раковые опухоли, инсульты и инфаркты в телах слишком многих детей, они проводили эксперименты с опухольями, уродствами, поддерживая современную медицину. Они двигали медицину и, убивая своих детей, сэкономили деньги государства... Кулбертмэны нуждались в «отмаливании», в писателе, который будет замаливать их такие многочисленные грехи. Они думали, что Шерил и будет таким писателем...

По-моему, я увидела Шерил в последний раз на пятом курсе весной после операции по отслойке сетчатки на левом глазе. Меня позвала Яся, она все также верила, что американцы — это ее билет в будущее. Ее бросало из крайности в крайность. Она то помогала детям в детских домах, то развозила бродячих животных по приютам.

Американцы собирались в пиццерии около университета. Я была в очках с сильными стеклами после операции, обычно я носила линзы, и о том, что у меня плохое зрение, многие и не догадывались... Меня пригласила Яся по телефону, сильно настаивая. Я нехотя поехала, после операции в очках я не особо стремилась выходить из дома, тем более встречаться с американцами... Яся все также заигрывала с Джаспером, она все еще на что-то надеялась. Но нет. Американцы общались с русским, но женились всегда на своих. По крайней мере, примера брака между «нашими» американцами и кем-то из русских не было, такого прецедента не су-

ществовало. Правда, потом одна американка вышла замуж за русского мальчика и осталась жить в России, а не наоборот.

Я не хотела говорить всем об операции и проблемах с глазами.

— Арина, ну что ты? Расскажи им! — возмущалась Яся...

Мы пили чай в кафе, я рассказывала всем о своей недавней операции, думаю, в чашку мне опять подсыпали что-то тормозящее отложение металла. Не знаю, насколько мне это теперь помогало... Следующую операцию на втором глазе мне сделали через несколько месяцев, в июне...

С Шерил в этот раз мы не разговаривали... Только с Джаспером. Он немного заигрывал с Ясей. Джаспер тогда даже сильно покраснел, склонил голову набок и засмутился. Он вел себя как стыдливый мальчик. Разве что не ковырял ногой пол пиццерии. Хотя, может, и ковырял. Я не обратила внимание. Он очень хотел мне понравиться! Но он серьезно нравился Ясе, она с ним часто заигрывала... Я не стала вмешиваться. — *Agina is so good!*¹... — сказал мне тогда в спину Джаспер. Он имел в виду, что я не стала составлять конкуренцию подруге, официально в него влюбленной.

Джаспер нравился Ясе. А Джасперу нравилась я. Или он хотел, чтобы я так думала...

Шерил разговаривала с новой подружкой, не знакомой мне, за соседним столом, тоже поила ее кофе. Подсыпала ли она ей в кофе слепоту и опухоли? Я не знаю, думаю, что нет. С Шерил мы только поздоровались... Все теперь боялись пить кофе с Шерил и боялись с ней дружить...

Тогда я последний раз видела Шерил, больше мы не встречались...

Знаю, что через пару лет она вышла замуж за своего суженого миссионера, Джейком предсказанного, и стала Шерил Кулбертмэн. У нее в браке родилось трое детей. Они недолго прожили в Краснодаре, переехали в Москву. Иногда навещали родителей в Америке...

Шерил работала наркокурьером для Эдама. И, по-моему, несколько раз, два или три, перевозила наркотики через посты полицейских. Это было до ее обручения с Тэри Кулбертмэном. И если в Россию Шерил поехала практически законопослушным гражданином, то в Москву она переезжала уже с багажом убийств, наркокурьерства, соучастия, растворенной мне слепотой, и совсем другим восприятием...

Но Шерил никто не торопится наказывать за меня... Аукнулась ли ей моя таблетка и исковерканное на всю жизнь зрение? Тогда ее никто не наказал... И всем вокруг оставалось надеяться, что ее бы наказали со временем, в чем все сомневались... Все ждали, что я реализуюсь и тогда бы стали наказывать Шерил... Если я не реализуюсь, не буду писать или заниматься наукой, то Шерил сойдет моя слепота с рук... Чем все это закончится, могло показать только время...

¹ Арина такая хорошая

Подсчет

В конце пятого курса мы встречались в кафе на Красной, где когда-то пили кофе с Брэндой. Были Саша Янченко, Ира Штолярова, пару раз мелькали Джаспер и Шерил...

Мы также заказали себе по кофе, в этот раз я купила капучино, на эспresso не решилась, другие взяли чай. Все были в приподнятом настроении, за столом было шумно. Сегодня мы считали, сколько американцы убили негритят и кто убил... За время пребывания в России кукуклуксклановцы убили двадцать девять негритят. Случайно убили двух белокожих мальчиков, одного генеральского! Эдам где-то жестоко расчленил очередную дочку судьи, поэтому нам разрешили эту встречу...

Саша пил черный чай с сахаром и лимоном и загибал пальцы:

— Арина, желаю тебе вылезти из могилы, в которой ты живешь с девяти лет! — Саша произнес тост...

— Спасибо...

— Ну, пятнадцать негритят убил Джаспер... Он тут был главный палач негров... Четырех Шерил, одного или двух Ира Штолярова, — Саша загибал пальцы.

— И одного Саша, — крикнула Ира.

— Я этого не помню...

— Одного Эдам, или двух...

— Это тот, который за крестное знамение?

— Да, по-моему...

— Одного или двух Майкл...

— И еще негритенок в Чистяковской роще... Его Эдам, по-моему, убил...

— Или Элен...

— Одного убил сын судьи.

— Которому было семнадцать?

За столом творился ажиотаж.

— И еще одного Майкл, его закопали у футбольных ворот...

— И двух кидали в Карасун.

— Да, точно... Это в 2004 году?

— Да, по-моему...

Ира даже что-то записывала на бумажной салфетке — делала пометки, кто сколько убил и где закопали... Она записывала на салфетке, потом зачеркивала, брала другую салфетку и опять писала, опять зачеркивала и т. д. Салфетки куда-то относили, наверное, полицейские...

— Анна еще убивала, и Элен в 2003 году.

— Блин, тогда не сходится... Давайте заново считать...

— А Брэнда?

– Нет, она не убивала...
– Или не помнит... А Тюши?
– Не знаю...
– Одного негритенка убил клон Дейва. Его отец активно убивал негритят в Америке...

Эдам убил негритенка в Чистяковской роще и закопал там же под деревом. Одного точно. Морген при этом присутствовала. А до этого там негритенка убила Элен.

Джаспер Фогт, главный палач, мясник. Он в основном и убивал негритят. Егор год назад выпил заразную раковую опухоль. Ему ее пробил Джаспер. В России лицо Джаспера становилось все краснее, говорили, что он постепенно спивался. Или его спаивали...

Эдам учил Штоляркову Иру разделять негритят. Одного из двадцати девяти убила именно она. Эдам ее расщепил, сделал раздвоение личности, чтобы одна ее личность убивала, а другая ничего не помнила. Сначала Ира убивала собак, а потом людей.

Шерил к концу 2007 году убила уже четырех, она тоже не помнила свои убийства...

На чаек забежал Эдам, он возмущался, что мы так сидели и считали, ему это совсем не нравилось, но за ним по пятам шли полицейские...

– Да никто не знает, кто конкретно и сколько убил... – подытожил Саша. – Это знают только сами американцы, да и они не говорят друг другу... Через пятнадцать-двадцать лет только сами разберутся. Поэтому полицейские сами будут распределять...

Через несколько лет я заходила на страницы Тюши – она вышла замуж за бородатого американцы, у них родилась дочка, они жили в какой-то пустой необставленной квартире...

Нам всем рассказывают, что американцы уехали и им растворят раковые опухоли, но насколько это правда, никто не проверял... Зачастую, когда потом встречаешь их через много лет, они живы и здоровы.

Потом пришла мать одного из убитых негритят, она плакала в платок... и было кошунственно обсуждать при ней, кто кого убил... Все затихли...

Ира рассказывала:

– Когда папа умирал, мама все просила его, чтобы он принял Христа, чтобы после смерти попал в Царство небесное, и они могли быть вместе. Стояла перед ним на коленях и плакала. Но перед смертью он все-таки покался и принял Христа, и умер уже крещеным. Все-таки он крестился перед смертью, – Ира улыбалась. Она была счастлива. У Ира была очень верующая мать, если можно было верить на все сто, то она верила на сто пятьдесят.

Я потом в социальной сети случайно наткнулась на фото Элисон Гарримэн с лета 2003 года – очень похудевшей. Больше мы с ней никогда не виделись...

Мы еще встречались на квартире на «Пульсе». Тогда я в последний раз видела Сашу Янченко. Он также читал свою зачитанную Библию и шутил.

Ира Штолярова тоже была со своей Библией, она собиралась уезжать из России навсегда. Во Францию, например. Она к тому моменту убила несколько негрят. За день до нашей встречи она убила негритенка. Вика Ворошина приносила свою квадратную книгу для детей про поросенка, недавно изданную... Она убивала с мужем для покровителя. Они тоже кидали убитых негрят в Карасун... Негрят убивали и русские, и наши...

Олеся через два года после универа умела от рака... как и Миша, который ей нравился... Аня Петрилина уехала за границу, в Европу...

Говорили, что Аня Петрилина потеряла девственность с каким-то преподавом на четвертом или пятом курсе. Переспала с ним за оценку. Как и ее мать, яблоко от яблони, как говорится. Конечно же, Аня от него забеременела и сделала аборт — все по классике. «Ну и дура», — подумал Саша Янченко, узнав об аборте Ани от преподавателя.

Перед отъездом за границу, где она продолжала учебу, Аня провела в квартире Саши Янченко две недели. — Что уж стесняться! — сказал ей Саша, зная о ее сексе с преподавателем за оценку и аборте. Аня тоже спрашивала у Саши, надо ли ей зашивать девственную плеву после своего профессора. Он сказал не париться. Все равно она уже девственность потеряла... И они две недели занимались сексом в его квартире... Саша навсегда остался ее верным другом и советчиком. Так он хоть отвлекся от убийства негрят и контрабанды — он ведь тоже теперь был в шайке Эдама. Саша все переживал, что недостаточно опытен, но Аня его успокоила, что все нормально. Хотя на первом курсе он говорил, что у него было много женщин... Из России Аню выгнали, помня прошлое ее матери — как та раздвигала ноги за диплом, родила от своего профессора. а потом всю жизнь обманывала мужа, выдавая дочь профессора за его собственную... Аню, «козленочка», которую ждала в России только раковая опухоль от родителей, «шлюху в двух поколениях», все-таки «сослали» из страны, «спася» ей этим жизнь. Насколько я знаю, замуж она так и не вышла.

...Нашпигованную показаниями Арину Симоненко вынесло из организованной американской преступной группировки Эдама к концу пятого курса окончательно и бесповоротно...

У патологоанатома

Пока мы компанией сидели в кафе, в полицейском участке патологоанатомы изучали кости, выловленные в Карасунских озерах, рассматривали полученные скелеты.

- Полицейский спрашивал у патологоанатома.
- Коровьи кости нашли? – она показывает на собранный человеческий скелет.
 - Да, это коровьи... Молодой буренки... Му-му. И не стыдно нам, ни капельки! Подтверждаем – корова. Очки надень...
 - На следующий день он видит почти такой же человеческий скелет...
 - Вот у нас висит скелет коровы...
 - Да какая это корова, глаза разуй, это человеческий скелет... Ослеп совсем...
 - Как же человеческий... Вчера был коровий, а сегодня человеческий?..
 - Так вчера скелет Эдама был, а это наш...
 - А-а-а, – тогда понятно. – Так бы и говорили... Предупреждать же надо!
 - У нас двойные стандарты...
 - Если то коровы, то мы будем бороться за наших коров!
- Потом показывают на скелет ребенка тоже из Карасунских озер:
- А это собака... Скелет собаки... Я же говорил... Большая собака...
 - А-а-а, это скелет Эдама. И сколько у тебя таких собак?
 - Почти тридцать...
 - Да ты что? Это собачья кость? А это коровья?
 - Да... Если это скелеты Эдама...
 - А какая это часть коровы?
 - Это голова...
 - А это?
 - Это нога...
 - Так в скелете человека умещается восемь коров?
 - Кхе-кхе, получается так... Это же скелеты Эдама... Как вы говорите...

Свидетельство

*Перед кем ты, старый бес,
Тут разводишь политес?
Твой посол, я извиняюсь,
Третий день как с пальмы слез!*
Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого
молодца»

*Наша полиция нас продает. Главное,
не продешевить*

Свидетелям надо выстраивать жизнь несмотря на свидетельство... Им надо продолжать как-то жить дальше...

Я желаю свидетелям дать свои показания — а то им тоже раз в десять лет могилу ставят, и опухоли разыгрывают... Им тоже лучше дать свои показания и отчиститься... Отмыться... И жить дальше, без своего свидетельства, своих ежесезонных могил и опухолей. И жить станет легче... Арина с девяти лет этот крест несет... Знаешь, сколько я похоронил? А она выжила... Не торопись оставлять детей в рабстве без последней надежды...

Арину кинули в этот преступный мир, не дав ей ни работы, ни друзей-полицейских, ни прикрытия, ни мужа. А этот мир очень страшен. Он ее будет поглощать, затягивать. Ни о какой крутой работе здесь и речи нет. Она уже инвалид по психиатрии в свои двадцать три. У нее постоянные истерики.

У каждого из свидетелей было по три клона из полицейских и минимум по клону у Эдама. Девушки, загримированные под свидетелей, подходящие по росту и комплекции, накладывающие специальные силиконовые маски.

Арина — крепкий орешек. На ней и работарговец сели, и американцы съдут! И ослепить ее не получилось, и убить не получится. У них живительных козявочек не было, кто бы их по жизни вел!

Свидетелям надо как-то устроиться в этом мире, несмотря на то, что ты свидетель. Надо быть социально активным, стараться иметь социальные связи, работать, а то с нашей полицией тебя сольют за считанные годы, или опухолевую таблетку растворят, или просто убьют. И пытаешься жить и строить свою жизнь несмотря на весь этот ужас... И хочешь остаться человеком...

Вся жизнь свидетелей крутится вокруг их показаний... Свидетельство чаще ухудшает жизнь, а не улучшает... Свидетельство точно жизнь осложняет...

У свидетелей вся жизнь наперекосяк. То одно, то другое. Поэтому правильно ответственным за свидетелей вкладываться жизнями в жизни. Хотя, может, и правильно оставить молчунов в покое. Правильно собирать показания в свой срок. Когда можно их собрать и свидетеля не похоронить. Как можно жаловаться, когда одни дочь в рабство отдали, спичку короткую вытянули, а другие сели за работарговцев, третьего сына в перестрелке похоронили...

Вся твоя жизнь будет крутиться вокруг этих показаний. От того, дашь ты их или нет. Будешь настаивать, периодически забирать или нет. За этими показаниями стоят миллионы долларов или евро, миллионы контрабандных долларов. Вся твоя жизнь крутится вокруг свидетельства.

Полицейские относятся к свидетелям как к расходному материалу... Хорошо, если свидетели доживают до сорока, и у них нет гепатита С. Главное, свидетелям сохранить жизнь...

А свидетелей вообще отдают как коров на убой, это для полицейских не люди... Это так... средство достижения целей...

И надо встраивать жизнь в свидетельство. И жить несмотря на свидетельство — никто не поможет, никто на работу не устроит, денег просто так не даст... А могилы никто не отменял... И учиться так жить десятилетиями и строить жизнь не смотря на свидетельство. И это хорошо получается у «молчунов», кто никогда не выходит в перестрелки...

Со свидетельскими показаниями очень сложно выйти замуж или жениться, устроить личную жизнь... Хорошо, если ты оказался в своем свидетельстве, будучи уже замужем или женатым. Если не подберет кто-то из полицейских, то не подберет никто. Никому не нужны смертники! Никто с ними не хочет связываться! Ты утонешь в их показаниях... Свидетели обычно не доживают до старости, уже даже сорок хорошо! Хорошо, если от показаний свидетели не отказываются... Преступники вкладывают миллионы, чтобы убить своих свидетелей! Здравый смысл говорит, что не надо связываться со свидетелями вообще.

Свидетельство не помогает устроить жизнь, а наоборот мешает...

Как только вы стали свидетелями, ваша жизнь круто поменялась и зачастую не в лучшую сторону. Поэтому иногда свидетелями делают или сутенеров, как Маша Гоций, или из шлюх и опухолей, как Яся Воронина, или смертников как Саша Янченко... Их жизнь (панель или опухоли) как раз меняется к лучшему в их тяжелом случае... В свидетели берут обычно только тех, кому это нужно. Все стараются быть свидетелями, но в режиме лайт, никто не хочет быть в первых рядах...

Как важно этих свидетелей подбирать. Зачастую свидетели просто хотят по жизни отмыться и иметь шанс жить как все остальные. И не заикливаться на своем свидетельстве. И быть такими же людьми, как и все. И растить детей, и чтобы их детей за их свидетельство не убивали.

И не дай вам Бог быть свидетелем Мурата Дажуху. Свидетели отдают им жизни, а те их топчут!

У нас некоторые преступники лучше, чем наши полицейские!

Свидетели отдают вам свои жизни, а вы их зачастую уродуете и выбираете себе должности посвятнее... Свидетели отдают вам свою жизнь... А Дажуху жизнь Арины потоптали, попинали и стали жить дальше. Ее с ума сводили, и она сошла... Так мы рады были этой справке из психушки. Как ее мать сказала, моя дочь могла жить дальше...

Дажуху «влез» в американцев и ничего не раскрутил. Он делал ставку на Лену Ситокову, ее показания, думал, она будет перебежницей. Но Лена в итоге заняла сторону семьи контрабандистов и перешла на сторону Эдама, перебивала показания всех свидетелей.

«Дажухи» Арину кинули и стали жить дальше... Они были не заинтересованы, они никого в рабство не отправили... И это наша полиция, и это еще не самая плохая полиция!

Арина была «шишкой», она бы не забыла те два лагеря, как многие свидетели под ее препаратами. Ей нельзя было колоть «забвение», как многим. Такое чувство, что Дажуху «шишку» сделали, а показания собирать не захотели... Какой было смысл делать такую свидетельницу? Дажуху хотели везде вместо Арины «тыкать» ее «клона», девушку, под нее загримированную. Но американцы клона не принимали. Не лучше ли было собрать показания у самой Арины? Тогда надо было делать свидетельницу, от которой бы Дажуху согласились принимать показания. Зачем свидетелем было делать Арину? Американцам сильно подфартило, что клона Арины не принимали для показаний... Со свидетельницей Ариной американцам повезло... Свидетельница есть, а показаний нет.

В чем ошибся Дажуху? Он слил основную свидетельницу, которая могла дать показания. А надо было ее постепенно размораживать и мозги вправить. А он все работоторговцев боялся...

Он ошибся в том, что думал, что он похоронит Арину. И сделал все под те похороны, и клона, и показания... Арину должны была умереть в бегунах. А она не умерла, и тут его жизнь, и жизнь всех, кто с ним был связан, пошла совсем в другом направлении... Жизненный путь всех потемнел... И Мурата, и его сестры... Клон вместо Арины во всех показаниях вдруг оказался не так хорош, его не принимали американцы... Показания надо было давать Арине, а ее просили как раз оставить в покое, работоторговля закончилась, прошла стороной, свидетельство ей было уже не надо... Арину всегда относил... И получился свидетель, от которого нет проку... Ее можно разморозить раньше, но ее скорее похоронишь... А хоронить не никто не разрешает! И ее никто не собирался рано размораживать... Нашли за счет кого решать свои проблемы — за счет крутых «звезд»...

Если свидетельство нужно было Арине в двадцать, то в тридцать оно ей было уже не нужно, чтобы выжить в этом мире. Она уже заняла свое место в обществе. Она на свидетельстве жизнь не строит. Свидетельство для Арины прошло стороной... И все дело в разморозке. В двадцать с хвостиком ее еще можно разморозить, это еще разрешат, а в сорок, когда она округеет, ее уже никто разморозить не даст... Показания надо было собрать вовремя, а дальше все будет не так просто... Арину сильно никто не разрешал крутить и не разрешит, она сделана не под свидетельство, а под другое... Под книги, под науку... Ее никто не разрешит разморозить, ее просто похоронишь — и все. Арину просто так в свидетельстве не закрутишь, не проститутка, не смертница... «Звезд» надо крутить вовремя, в двадцать, в сорок ты к ним и не подойдешь... Есть свидетель, который твой, и ты его крутишь, а есть те, которые не твои, и это Арина... Ее разморозить не дадут, потому что ее убьют сразу работоторговцы, а так пока она жива, остается шанс эти показания собрать.

Арина дала бы свои показания, да их никто не стал собирать, она серьезный свидетель работоторговли. Дажуху был марионеткой в руках работоторговцев, дурачок наш, с гор сошел. Он продал все, что можно. И был

связан по рукам и ногам обязательствами. Дажуху не был очень плох, но и не был очень хорош... Сильно много на себя взял... Если взялись за гуж... тогда надо было не лезть. Надо говорить по факту, их свидетельница показания не дала, показания не собрали. Калашниковых тоже не раскрутили. А их свидетельница ослепла до мину восьми, один глаз ровно не видит... Горбуна под Мурата ей сделали... И в жизнь влезли... И здоровье серьезно попортили... Два из трех... И ничего не реализовали...

Свидетели для полицейских — это так, расходный материал. Но можно быть как-то в системе...

Историю с горбуном Арине «прикрутили» под Мурата, думая, что он на ней женится. А так самая крутая свидетельница с правом вето через пятнадцать лет поедет в Америку, значит, ее пятнадцать лет будут «мурыжить» и личная жизнь будет не устроена. А еще через десять лет к ней приедет американец! Кошмар!

Наше коллективное мышление решило так — свидетелям и так сложно жизнь устроить, а ей еще и историю плохую дали. Такую историю свидетельнице наплели — это чтобы каждые десять лет у нее почву из-под ног выбивать. То есть в тридцать пять и карьера у нее не сложится, и замужем она не будет. И ребенка она бросит... Она как глиняный горшок... Неудачно... Ей, главное, родить... Ее надо американцам абортами обесплодить... А замужем она не будет, потому что Леша отшельник, отец у него гулящий...

И Дажуху был тысячу раз прав, что притянул еще одну свидетельницу к Марине Шайн... Но они рассчитывали на смерть Арины... Думали, она не живе. Вот только она этого не знала... Вот только девушка не умирает.. Она не умерла... И тут их жизнь пошла совсем в другом направлении... Их жизненный путь сразу потемнел...

Хорошо полицейским влезать в свидетелей. И родственники все за вас, и она в тебя вцепилась, и ты знаешь, что все равно ее раскрутишь на показания, и тебя за нее двинут по службе. Свидетельницы — это хороший вариант. Но Арина всегда была сильно замороженной, должна была все осознать очень поздно, но и здесь можно было что-то сделать и постепенно собирать свои показания... Но Мурат сильно забит отцом. Дажуху-старший верил, что семья отвлекает от карьеры, и желал сыну пока семьей не обзаводиться.

Дажуху были не так плохи, но и не так хороши... Они, по сути, так ничего и не сделали... И нечего свидетелей так продавать, как Дажуху продавал Арину.

Дажуху-старший много на себя взял, и свидетельницу разрешил ослепить, и детей не вернул... и калашниковых спустил на тормоза.. Понятно, что с Эдамом сложно, но все же... Иногда надо что-то делать, а Дажуху ничего не делают...

Мы все сотрудничаем с преступниками, а потом за это платим, жизнью свидетелем в том числе...

Просто это не свои, это американцы. Они сами пока не понимают, куда они приехали. Это не Африка, это Россия. Они к нам после Африки приехали. Относятся к нам, как к неграм, как к идиотам. И смотрят, что можно, а что нельзя... за что наказывают, а за что нет. А тут не негры, не идиоты! Для них или белые американцы, или все остальные! Американцы глупые и смелые!

Просто наши свои, а американцы чужие! Своих ты хоть как-то контролируешь, а американцев нет совсем!

Американцы беспощадны — вот кто еще растворит такую запрещенную слепоту, никому ничего не сказав, и просто уедет! Начали консервировать детей по банкам — это уже совсем атас. Это уже предел жестокости, зачем они в себе жестокость разводят. Рабство все равно никто не вернет... В пустынях жить никто не хочет.

Хотя иногда лучше без таких мальчиков, как Мурат, обходиться. Хуже всего для Арины попасть на инициативного дурака, дурака с инициативой, который постоянно науськивает, заставляет писать заявления в полицию, а свидетельницу в итоге убивают... Один такой инициативный дурак одну свидетельницу по Нагорбову похоронил, неудачно попали... Он все ее «долбал», чтобы она заявления в полицию писала... Один раз неудачно написала, и ее у подъезда убил наемник, один из братьев-близнецов... Так бы молчала и еще бы жила... А так она на такого «в жопу укушенного» попала и полезла на рожон... умерла... До потепления пять лет оставалось...

Дажуху-старший ошибся в том, что имел дело с американцами, а они нам не свои, их никак не проконтролируешь. Они уехали и поминай как звали... они и слепоту растворили, которую ничем не возьмешь... Такая слепота, что глаз на всю жизнь испорчен... Американских преступников вы никак не контролируете!

Еще в школе Дажуху подписал, что Мурат на Арине женится к концу университета! Дажуху пописал, а Мурат жениться не собирался! Ее кинул на пятом курсе, подбирать не захотел, большую, после двух операций по отслойке сетчатке, в жутких линзах, смотреть больно. Ее с десяти лет готовили к контрабанде калашниковых, думая, что Мурат ее потом подберет. Но он подбирать не стал. Все были в шоке, а так можно? Так бывает? Дажуху можно все! Мурат сказал, не нравится.

Мурат, если она тебе нравится, то она тебе нравится. Жить с показаниями тоже неправильно. Она тебе нравится всегда, а не периодически, может дать показания — нравится, не может — не нравится...

Тогда надо было подругу из полицейских ей притягивать, но если будет муж (Мурат), то и подруга не нужна... Муж соберет показания... Если Мурата прописали, то никого другого прописать уже не смогут... Спенсермэны будут мешать... Им ее фотоальбомс их фотками с лагеря в Лаго-Наках 2003 года покоя не дает.

Это его папа подписал, что Мурат на Арине женится, а он жениться не обязан. Это его жизнь, а не жизнь отца... Так ее через горбуна прота-

щили! Жизнь поломали! Горбуна через пятнадцать лет притянули! Таким свидетелем сделали, что страшно сказать! Слепоту растворили... И жизнь сломали, и здоровье... Надо быть идиотом, чтобы не подобрать такого свидетеля, подчисти за собой! Но он да, он идиот! Только с пальмы слез, не знает, куда попал. Его из обезьяны подняли, был обезьяной, а стал человеком, прокурором Краснодарского края. Дажуху сами влезли, а раскрутить ничего не смогли — надо было не влезать, если раскручивать не собираетесь! А там дети в рабстве...

И не дай вам Бог быть свидетелей Мурата Дажуху! Не дай Бог! Не дай вам Бог! И я знаю, о чем говорю! Ты и ослепнешь, и в горбунский круговорот с ними попадешь! И жизнь свою не устроишь! И умрешь в одиночестве! Ты и показания не дашь и жизнь раньше срока закончишь! Просто после окончания университета Дажуху-старший отказался отправить Арину под защиту свидетелей, за нее поручиться и собирать показания... Но он этого не сделал, и тогда похоронили в Казахстане серьезных «генеральских» детей, сыновей его коллег-генералов. И не простили ему этого... И поменялся жизненный путь самого Дажуху, его старшего сына Мурата в худшую сторону и всей его семьи... Дело было не во Арине, а в тех детях, которых они тогда похоронили.

Дажуху не мог вовремя вылезти... Он просто был в пушку. На него лежал компромат у одного из работорговцев выше Байсека, но не Али Рашида. Дажуху сначала были не так плохи, но пришли работорговцы и все равно сделали на них компромат.

Вместо того, чтобы собрать показания Арины Симоненко, они дают ей таблетку одной ее одноклассницы... Ее сливают своим маленьким кружком... Ее показания не собирают, и она ложится после Америки в психиатрическую больницу... Хотя эта таблетка ей была не показана по обмену веществ. Перед тем как ее отправили в свидетели, лет в двенадцать ей даже вскрывали черепную коробку, проверяли мозговую жидкость, чтобы она была психиатрически здорова, в свидетелей других не берут. И дальше начинается борьба за ее обмен веществ, но Арина уже слишком взрослая, она уже занимает свое место в обществе, ее обмен веществ не получится испортить... Она социальна...

Перед тем, как «влезать» в свидетелей, надо понимать, зачем вы сюда лезете и какова ваша главная цель — спасти детей. А у них главная цель — занять высокий пост! В итоге они мало чем помогли, но много чем навредили... Но серьезных детей друзей они похоронили... В Казахстане какого-то серьезного ребенка похоронили, какого-то своего... Там нескольких похоронили... Но этот ребенок был из своих... И этого ребенка им никто не простит... Какого-то серьезного генерала... Поэтому и отдают в рабство детей генералов, чтобы в системе что-то сдвигалось... Пока они в рабство своего отпрыска не отдадут и не похоронят, они ничего для детей в рабстве делать не будут...

«Если вы делаете такого свидетеля, то вы его раскручиваете, то вы берете ответственность за его жизнь до конца дней. Не до показаний, а до конца дней, еще лет двадцать после». А они свидетеля сделали, а ответственность на себя не взяли... Вот это наша полиция во всей красе... Они были сами лично не заинтересованы. В рабстве никого не имели... Им за Арину поставили три с минусом... После университета Мурата отправили работать подальше от отца в отдаленный район края помощником прокурора...

Они свидетеля сделали, а ответственность не взяли... Это же ее жизнь! А Мурат все ждет продвижений! Для продвижений должен быть характер, а у него характера нет! Он все дрожит, отца боится... А отец все боится, что Мурат размножаться начнет. Не хочет, чтобы ему жена мешала при подъеме по карьерной лестнице. Чтобы он карьеру сделал. Мурат лишь блеклая копия своего отца. Он был забит отцом с детства. А родители Арины сильно на союзе с Дажуху не настаивали...

Полицейские не любят влезать в сильно замороженных свидетелей – они любят раз-два и собрать показания, и жить в чести... А Арина как раз замороженный свидетель.

Арина еще много лет будет разгребать наследство работоторговли и стоять на обломках своей жизни, когда-то прописанной работоторговцами... Единственное, где Арина хорошо выйдет замуж – это в спорте.

Потом над Муратом поставили заинтересованного, и его работала стала адом. У его начальника в рабстве была сестра, и он был заинтересован. И жизнь Арины, и жизнь многих рабов сразу пошла в другом направлении. И только когда ответственных за Арину сменили с Дажуху на начальника Мурата, в будущем пошли волны, и она в будущем дала свои показания, и вернули детей. И посадили Эдама. Когда сменили Дажуху. Но будущее всегда меняется.....

Арину по молодости должен был нормально подобрать Мурат Дажуху. Но он не подобрал... Она ему и не нужна... Тогда надо было обложить ее подружками... Дажуху такой самодур...

Мурат не так хорош, «морковка», Арина не так плоха. Зная о смелости Дажуху после того, как он посадил серьезного криминального авторитета, ему кто-то Арину притянул по большому благу, их классная руководительница, зная, какое будущее уготовлено Мурату...

Арину надо было не притягивать, а если притянули, то приставлять к ней не Мурата... А кого-то, кто выполняет обещания... Кто над ней трястись будет и показания собирать... Здоровье через Дажуху покосили, в жизнь влезли – жизнь перекроили под себя, и ничего в жизни не дали... Два из трех. И даже показания не собрали... И ждут в гости... Работа от Дажуху Арине не пошла, в ее жизненный путь уже было сложно встроиться...

Просто их свидетельница не умерла, как все думали, а вот тут Дажуху прогадали. Они все рассчитывали ее похоронить. Не попали. И жизнь Му-

рата пошла совсем в другом направлении. Одиночество, бездетность, болезни. Если бы они ее похоронили, когда ее «водили» полгода, тогда Мурат (отшельник) нашел бы хорошее прикрытие одиночества. Свидетель по Марине Шайн умер, не сохранились бы фотографии американцев, и много показаний кануло бы в лету.

Все полицейские с преступниками лавируют и не всегда удачно! Никогда не надо лавировать до конца, всегда оставлять себе пути отступления. Можно лавировать и сделать, собрать показания, а можно лавировать и не сделать! Вот Дажуху лавировали и не сделали! Как только Арину передали прокурору, у которого сестра была в рабстве, так в будущем сразу пошли волны, она и показания дала, и детей много вернули...

У свидетеля жизнь очень зависит от показаний, дала показания — одно, не дала показания другое... И показания лучше дать, чтобы не умереть.. Чтобы отмыться... Поэтому свидетелей надо крутить... Это надо всем... И свидетелям, и полиции... Если вы делаете такого свидетеля, то вы как-то его окучиваете, его крутите... и берете за него ответственность... Свидетеля сделали, а ответственность не взяли... А у Арины жизнь под них подписана, и горбатого американца ей подкрутили, думая, что она за Мурата выйдет и никуда не уедет... А он на ней не женился... А у нее жизнь полетела на хер... У нее запрещенные препараты сексуально возбуждающие, под проституцию одноклассницы Оксаны... Для Дажуху это не очень хорошо... Им надо кого-то похоронить, чтобы думать начинать... Они вообще Россию не знают, особенно русских женщин... Они думают, если они одного криминального авторитета посадили, им все простят... А там дети в рабстве... Арина еще ничего, а детей им никто не простит! А за свидетелей надо брать ответственность, потому что они отдают вам жизнь... Они жизнь кладут на алтарь своих показаний... Они же хотят дать свои показания... Но их не принимают... Хуже, когда свидетели договариваются с Эдамом, получают куш, и молчат сознательно. И свои показания не дают... Если вы делаете свидетеля, то вы берете ответственность за него на всю жизнь... Свидетеля такого уровня! Потому что свидетеля будут крутить всю жизнь! Свидетеля будут убивать! Свидетелем быть непросто... Их постоянно стремятся убить...

Просто таких крутых свидетелей обычно не кидают... их как-то окучивают... А Дажуху кинул...

Просто свои, глядя на неустроенную жизнь Арины, будут наказывать детей Дажуху-старшего — в их случае бездетностью и безбрачием...

Ян Абдулович Дажуху девчонку, конечно, подставил. Кинул в центр мафиозной группировки, а как поддержать, крутить, окучивать, так ни о чем... Пусть идет в Адыгею. Нам дети важнее. Много на себя взял. Влез тогда везде, а это не реализовал... Одно дело — серьезных преступников сажать, совсем другое — детьми заниматься... Мухи отдельно, котлеты отдельно. Детей ему не простят... там дети в рабстве... Их мучают, пытаются, убивают... А он чай попивает... И бросил Арину в пасть ко львам — или вы-

живет, или сохнет. Наша полиция нас бережет... Когда она не порезала себе вены за полгода в «бегунах», он, конечно, пожалел, что сделал ее свидетелем, видевшим Марину Шайн. Таким, как Ян Абдулович, бандиты свои. Ему все равно, кого посылать в пасть к тиграм. Он своих детей туда не посылает! Дочь с ним, за юбку держится! Яну Абдуловичу все нипочем! Он и не знает, что его бандиты творят! Эти свидетели никому не нужны.

Как говорила мама Яси, просто нельзя было так людей кидать.. Надо переживать за своих свидетелей...

Дажуху Яна отправили в Адыгею порядки наводить, карьерное понижение, на пост, где он уже не так хорош. Его прощелкали и слили свои. А Мурата за Арину лишили потомства, что вполне устраивало его отца... Пока или вообще...

Просто тогда в десять лет Арины Дажуху-старший под американского горбуна ввел в компанию Эдама еще одного свидетеля – Арину, связав ее с историей про горбунов. И никто не стал мешать, зная, что Арина свидетельница работорговцев и в бегунах. И Дажуху подписал, что Мурат на ней женится, как на серьезном свидетеле, и история с горбуном не будет иметь для нее последствий. Но Мурат сказал, что не должен отвечать за отца... Ее кинул... И история с горбуном стала набирать для нее ход... Родители Арины тогда сказали «Насильно мил не будешь» и «Мы забираем дочь». И все засобирали Арину в Америку к Джейку. Дажуху свидетеля сделал, но реализовать не смог, показания не собрал...

Если вы не готовы все это реализовывать, окучивать свидетеля, то вы в это не влезаете! А если вы влезаете, то вы окучиваете! А воз и ныне там.

Ее надо было оставить только свидетелем работорговли, и не притягивать к калашниковым.

Американцы славятся тем, что они очень сильно подрывают психику своих свидетелей. Применяют запрещенные препараты... Сбивают свидетелей с ног. И косят, и косят, и косят... А потом через психику забирают у свидетелей жизнь... И показания не примут, и на работу не возьмут, и все вокруг шугаются... И машину водить нельзя... И слабое звено в американском свидетельстве была именно Яся – самый слабый, подкупаемый свидетель. В это свидетельстве не надо лезть без серьезной подготовки, без серьезных препаратов и проколотых генов.

Дажуху просто везде лезущие. Они везде влезли, а им надо просто остаться со своим уголовным кодексом. И раз в пять-семь лет сажать серьезных преступников.. Не чаще... Которых бояться посадить другие... А они лезут везде и не знают, куда лезут... И выбивают так себе высокие посты и кресла...

Арине и слепоту растворили, психику препаратами подрывали постоянно... Она такая побитая вышла из всего этого... Ей и двадцати пяти не было, а она уже побитая преступниками... И запозднили ее... И жизнь поломали, и зрение навсегда испортили. Два из трех... А Мурат таблетки пьет, органы себе сажает, потому что свидетеля до признания довести не смог...

Так американцы хвастаются тем, что нарушают правила... И круче тот фелисита, кто серьезнее правила нарушит и останется безнаказанным... Просто есть табу, не влезать в крутых звезд, а они влезли! И все наши ключевые свидетели живы, все здоровы! А американцам это не надо, им надо, чтобы они все были в могилах. Вы знаете, что такое организованная преступность?

Еще один хороший способ похоронить важного свидетеля – притянуть его и к контрабанде калашниковых. И американцы начнут его убивать... И сделают дело работорговцев. Наши начнут этого свидетеля защищать, а американцы убивать. И кто выиграет, еще вопрос... Просто тогда нация сплотилась, и нельзя было не отдать ребенка в свидетели – станешь врагом народа...

Юристы говорили, что Дажуху правильно Арину притянул к контрабанде, но он не должен был ее кидать на произвол судьбы... Надо было около нее крутиться. А умные говорили, такую талантливую не надо было и притягивать... Проблем с ней не оберешься...

Дажуху Ян Абдулович еще в Аринины четырнадцать лет сказал тете Оле, убийце мамы Арины, что горбуна ей притянули, но Мурат на ней не женится, он его делал отшельником и его половую жизнь оставлял на сорок лет. Дажуху же только с гор спустились. Только с пальмы слезли, не знали законов России. Они не поняли, куда попали... Что так со свидетельницей не поступают, а если поступают, то платят до конца дней. Дажуху думал, можно влезть в свидетелей и ничего не делать.

Дажуху как будто реализовал все галочки из списка, но ни детей не вернули, ни калашниковых не раскрутили. Галочки поставил, а толку нет.

Попали Дажуху случайно или нет на крутую свидетельницу, но им здорово с этой свидетельницей повезло... Сколько мы уже похоронили. А она все ходит...

Дажуху свои говорили: – Девчонка ослепла до минус восьми. Вы хоть за собой подчистите! Это вы ее по-крупному втянули. – Нет, подчищать они не стали...

Только лучшие женятся на свидетельницах, но Мурат не относился к лучшим. Они ее конкретно в это втянули и кинули. А мы теперь за ним подчищаем... Большинство на месте Мурата Арину бы подобрали, по крайней мере, себя предложили. Но не он... Работорговцы хороших не поставят...

С другой стороны некоторые еще хуже, Дажуху свою свидетельницу хоть не похоронил и иногда прикрывал. Только историю с горбуном ей через него притянули – это плохо. К таким историям прикладывается психиатрия – суициды, галюны, таблетки... И если Мурат не вылезает, тогда к ней надо приставлять хорошую подругу из полицейских.

Или надо было вовремя показания собирать, но Дажуху не может, он в пушку. А там дети умирают. Сыновья коллег... Дажуху сольют – и не жал-

ко! Истории с горбунами часто плохо заканчиваются... Арине эта история была совсем не нужна... Из Америки можно и не вернуться... Другой континент! Плохая история с горбуном... Такие истории плохо ложатся на серьезные свидетелей!

Свои за свидетеля Дажуху поставили три с минусом... Не дай Бог попасть на таких равнодушных... Свидетеля на произвол судьбы...

Если Дажуху-старший не хотел вкладываться сыном, его жизнью, то нечего было ничего подписывать. И надо было в класс к Арине кого-то другого подтянуть... Дажуху не хотел вкладываться жизнью сына... Тогда не надо было подписывать Арине и горбуна притягивать!

Дажуху хотел влезть в свидетеля, но не сыном. Он хотел сына в девственниках до сорока держать, как многие полицейские и делают. Он хотел на друзьях сидеть и самому показания Арины писать. А надо было влезать сыном. Чтобы быть надежным плечом, опорой. Влезать в постель, в сознание... Там такие эндорфины... и такие препараты... Надо влезать в постель и в жизнь... И здоровье попортили, и зрение угробили, и родить с таким зрением самой не получается... И горбун ее ждет после тридцати, и муж из дома выгонит... И горбун подписан Дажуху... А детей коллег в Казахстане в рабстве поубивали... Вот его коллеги в Адыгейское дерьмо и отравили.

Мурату надо было жениться на Арине, сделать ей ребенка и развестись через тройку лет, как ей и нагадали... И остаться с ней в контактах навсегда. Но все хотят жениться до гробовой доски... О разводе никто не хочет задумываться. Брак и развод по разные стороны баррикад. Честно говоря, Мурат не был для нее хорошим вариантом, сын прокурора с кладбищем... Но если бы он закрутил ее, никто бы не мешал... На ребенке жизнь Арины «фиксанется», она «бледная спирохета», здоровье в пяти поколениях, один из лучших генофондов планеты...

Дажуху не мог собрать показания после Ариного четвертого курса, его тоже прижимали. Рыльце в пушку... А там умер генеральский ребенок — казахстанцы тоже не идиоты, умеют нам показать, кто есть кто и внести раздор наши ряды...

Свидетели винят всех вокруг в своей неустроенной жизни. И Арина не исключение. Но слепоту и Мурата вы не отмените. Арине сразу дали одиночество, но нельзя давать одиночество, надо дать что-то...

Как плохо брать ответственность за чужую жизнь человека, к которому ты не имеешь никакого отношения! Все держать на клонах Арины! А Дажуху взял...

Так что Дажуху были лично не заинтересованы, в рабстве у них никого не было и сами в пушку.

Та встреча с горбуном Джейком будет иметь огромные последствия для жизни Арины на много лет вперед и во многом запрограммирует ее жизнь далеко не в лучшую сторону... Вы, Ян Абдулович, под контрабанду притянули ей сильно плохую историю...

Дажуху за Аринино свидетельство дали черную метку, у Мурата было много возможностей. Дажуху думал, что можно влезть и ничего не делать...

Если бы Дажуху Ян не подписал, что Мурат на Арине женится после универа, то ей бы горбуна и не притягивали бы... Потому что за Арину Мурат будет пить те же препараты, что американцы давали ей. И его зрение станет минус восемь, и зрение на одном глазу сделают кривым, и отслойку он пролечит... И висел у прокурора, начальника Дажуху-младшего огромный плакал почти на всю стену «дети в рабстве», а рядом фото сестры, и каждый раз, когда прокурор сомневался, он смотрела на этот плакат и фото... И когда Мурат спрашивал, за что ему прописали таблетки портить селезенку... ему отвечали, что за детей в рабстве...

Чуда не произошло, Арина не подходила тогда, она не подходит и сейчас... Это не та свидетельница, которая может вложиться жизнью... Ее и тогда относил, ее и сейчас относит... Но показания собрать было можно... Ей это тоже надо.

Все думали, что если крутую звезду втянут по полной, решат все свои проблемы. А звезду вынесло. И показания стало давать некому. Дажуху делал ставку на Лену Ситокову и на ее показания. Но она не никогда не пошла бы против своих! И они стали сливать показания свидетелей и хоронить своих. Клонов вместо Арины никто не принимает! Не надо торопиться выводить из игр свидетелей! Можно было что-то от Арины собирать, но Дажуху предпочли перед Эдамом прогнуться и вывести ее из игр. И как все не сошлось с планами по Арине Симоненко и прогнозами. Зачастую дать показания надо и свидетелю, и полицейским. Все думали, что Арина «проснется», вспомнит все в старости, когда все по большей части будет уже неактуально...

Потому что жизнь свидетелей зависит и крутится вокруг этих показаний. Показания дал — жизнь идет в одном направлении, а не дал — в другом... Свидетели зависят от вас, их жизни от вас зависят... А вы сидите и бездействуете. Все рассчитывали на щелчки, на гипноз, что можно будет что-то внушить. А американцы ничего не дадут внушить...

Если вы берете на себя свидетеля, то вы берете ответственность за ее жизнь до конца дней. И когда-то с вас спросят за нее. И от того, как у нее сложится жизнь, будут вас, казнить или миловать... А Дажуху скорее всего будут казнить...

Подделки

*All I wanna say is that
They don't really care about us*

Песня М. Джексон

Я наблюдала со стороны, как многие «занесенные ветром» русские начинали разочаровываться в американцах, я сама когда-то проходила те же самые этапы... Сама Яся говорила мне:

— Они долго занимают важную часть нашей жизни, а потом кидают и даже не пишут. Они уезжают и забывают нас. Не отвечают на письма. Думают, эти не повелись (на их религию), найдутся другие, которые поведутся. Они фальшивые. Их дружба и улыбки лживы. Это притворство.

Новенькая девочка в американском центре говорила мне о разочаровании в американцах, и я узнавала себя в ней:

— Мы к ним привязываемся. Мы скучаем, а потом они не пишут никогда. Они привлекают нас улыбками. И чистосердечными подарками. Мы вместе ездим в походы и лагеря. А потом они уезжают и даже не отвечают на наши письма. Для них год или два в России — это хороший опыт миссионерской работы. Мы — это опыт.

— Их улыбки фальшивы, а дружба неискренняя. Для них заманивать нас в веру — это работа. Чем больше из нас было крещено, чем большему количеству они рассказали о Боге и Библии, тем лучше и успешнее они работают. Мы — это их миссия. А если эти не ведутся, то можно найти следующих.

Поэтому я с таким сожалением вспоминаю студенческие годы в их компании. Как потерянное время. Поэтому я никогда больше не связываюсь с верующими американцами. Они уедут, а нам здесь жить дальше.

И не одна я. Все, с кем я когда-то была в одной тусовке. Ира, Марина, Яся, тоже не общаются с ними. Подделки. Я до сих пор практикую язык в разных американских кружках. Первый вопрос, который я задаю: — Вы верующие? — Если слышу положительный ответ — меня здесь больше не увидят. Мне не нужны подделки, они приносят только разочарование...

Я иногда поздравляю Шерил с днем рождения. Она меня нет. За что я все-таки благодарна им? У меня осталось пара хороших неверующих друзей, с которыми я дружу уже более десяти лет и познакомилась я с ними в компании американцев.

И так веду себя не только я. Так ведем себя мы все. Вся когда-то дружная компания Инглиш-клуба. Мы общаемся с теми, с кем когда-то дружили, поздравляем их. А с новыми не знакомимся. Не ставим дружбу на поток.

Они не женятся на наших женщинах. Между парнями и девушками возникает естественная взаимная симпатия, которую американцы пресекают.

Браки американок испытывают расстоянием. А чем испытывается их дружба?

Они продажны, их цена — вера. Скажи им, что тебя интересует их религия — они сделаю для тебя все. Скажи — нет, они никогда больше тебя не пригласят.

Когда я поздравляю Брэнду с днем рождения, она мне даже не отвечает... Такие миссионеры приносят только разочарование... Встречами с нами и разговорами о религии они просто зарабатывают себе очки.

Новые американцы, конечно же, опять уедут, как и следующие. Американцев в Россию отправляют как в ссылку, только провинившихся. Это нескончаемый поток низкопробных друзей. Как такая искренняя дружба может ничем закончиться?

Для них дружба — это работа. Иногда работа предполагает командировки в другой город, другую страну, их миссия предполагает. Иногда дружбу, иногда даже брак с иностранцем (иностранкой), чего не сделаешь ради религии?

Преступники города. Пожелание Эдаму

— Эдам-Эдам, что же ты делаешь с моим сердцем! Как же в это можно не поверить! На Эдама надо скинуть все висяки города!

В Краснодар даже стали переезжать преступники из других городов, чтобы на Эдама свои преступления скинуть... И приходят в участок сразу со всеми доказательствами против Эдама. Это не нация, это песня! Как мы устали от этой песни! Не знаем, что с этой песней делать! Уже город для новых преступников закрыли, которые хотят на Эдама свои преступления скидывать.

Все рабовладельческие города вышли требовать себе Эдама в святые козлы! И опять прошли волны восстаний по России.

У русских дети в рабстве — и чем больше на Эдама скинут, тем больше вернут. Для Эдама это заранее проигрышный вариант. И когда Эдама пришли свои доставать из тюрьмы, черт с семьей стоял насмерть и никого к Эдаму не пропустил...

Это прецедент — посадить Эдама за всю страну! Надо или Эдама сажать, или нас всех! Других не принимают! Что не получится у законопослушных работорговцев, получится у наших преступников.

— Как же это, наши отморозки будут сидеть за себя сами! Вот наши

преступники сразу знают, кто за них будет сидеть. Наши пока собирали подписи, что они не против, что за них отсидит американская фелисита.

— Ты болен? Вообще нормальный? Если я еще хоть раз услышу, что мы сажаем Эдама не за него самого, тому я устрою! Рот зашью за такую ложь! Это же надо так врать!

— Эдам, мы тут совещались и решили, что ты должен отсидеть за все преступления, которые мы совершили. Вот тебе список всех твоих преступлений, мы его еще можем дополнить. Это наши преступники специально для тебя составили. Старались. Ты не рви его, не рви... Мы копию сделали! Знаешь, как мы долго его составляли! Сверяли даты, чтобы все сходилось! И чтобы не придаться! Да, Эдам, ты крутой преступник, по три убийства в день... Но ты так и убиваешь... Тебе нормально!

— Эдам, мы не можем отсидеть за себя сами, нам нужны святые козлы! И это ты, Эдам! Тебе вот передали, — и положили черную метку с именем убитого им мавра.

— Наши преступники требуют посадить Эдама за все их преступления!

— Вот не за все! Не за все! Только за самые страшные!

— А он не хочет сажаться! За все их преступления! Не хочет, и все тут! На Эдама мы натравили чертей...

Эдам, ты попал! Вот ты попал на чертей!

— Вы же не сомневаетесь, что Эдам сядет за наши преступления?

— Нет-нет, мы не сомневаемся! Ни в коем случае...

— Надо уточнить, сколько своих преступлений я могу скинуть на Эдама Хейсонда? И все? А как же остальные?

— Он взял на себя преступления Андрея Палыча и не взял мои! Это что же такое! Как это, вы скинете на Эдама все преступления Андрея Палыча, и не скинете мои?! Это что за несправедливость!

— Пусть вернут наших детей, а за все наши преступления посадят святого козла Эдама, — говорили преступники... Много воровали детей у преступников...

— У нас получается, что всех убил один Эдам Хейсонд! Так тебе этот труп заказали!

— Подожди, это не мне заказали, это Эдаму! И не пугай следствие! Когда же ты выучишь? А в Америке так и есть! Там всех через Эдама убивают... Мы можно сказать, перевертыш сделали... Здесь сажаем за то, что сделал он там... И туда преступника отправим, пусть сажают за Эдама...

— У вас получается, что у нас людей только один Эдам убивает!

— А так и есть! Так и есть! Ты не задумывайся!

— Америка тоже ищет своего святого козла! И мы должны ей его предоставить! Или на крайний случай козла отпущения! Кто хочет святым козлом в Америку? Поактивнее, пожалуйста! Там посадят с комфортом! Я договорюсь! Его тоже должна принять земля!

Нашли маньяка Лешу, хотели отправить.

— Ой нет, не приняла его земля... У них денег на святого козла нет... Только на козла отпущения...

— Вот я чувствую, сейчас придет Вера Павловна, и я сяду за себя сам.

— Ну можем мы хоть чуть-чуть порадоваться! Если он святой козел! Ну один раз в жизни! Вот теперь будут смотреть на папку моих доказательств, собранных против Эдама! А мы все ходим, доказательства собираем! Я найду судью, которая по этим по доказательствам выпишет ордер на арест Эдама! Обвинит его в преступлениях... И взятки всегда пригодятся... Он святой козел, и этим все сказано!

— Я не могу посадить Эдама только за половину своих преступления! Только за все! Или за все, или... Нет, подождите, или за сколько возможно... У меня есть Эдам Хейсонд, и я могу не сидеть за себя сам!

— У нас все преступники по городу гуляют! Своего святого козла охраняют! Своего козла отпущения...

— И только пусть кто-то мне хихикнет... Пусть только мне хихикнет над Эдамом, я ему раковую опухоль растворяю... Минимум три инсульта или один инфаркт...

А Оксана Куйва с мужем вовремя прокурору подсовывают документы на подписи, что Эдам и людей убивал, и кражи за наших совершал... Иванда-Марья.

— Вот не за всех сядет Эдам Хейсонд! Вот не за всех! А только за некоторых!

— А надо за все!

— Я сажал много святых козлов, но такого святого козла еще не сажал. Такого крупного козла!

— Нам нужен святой козел каждый год! Ну каждые десять лет! Кто же снабдит нас такими козлами? Где найти таких идиотов?

— Я вот знаю, что у меня есть пара висяков, и я хочу скинуть их на Эдама Хейсонда.

«А русские все надеются меня хоть за что-то посадить», — думал Эдам...

И разные кланы преступников взялись за руки и объявили перемирие до поры до времени, пока Эдама не посадим...

И общий вердикт был такой: мы в жизни убиваем пять человек, ну десять. А американцы по девяносто-сто. Они убивают всех без разбора. А нам не надо такое лишнее бессмысленное кровопролитие!

Часть 9. Кай Беспощадный с планеты Трутон

Как Кай Беспощадный гуся воровал

Какой-то придурок стал охотиться за редким гусем... Его хозяин написал уже пору заявлений в полицию, что какой-то идиот в маске хотел украсть у него редкую птицу....

Кай наконец-то украл очень редкого гуся у фермера, почти единственного на планете Земля, тут же убил его и стал есть его сердце... Его поймала полиция и направила в участок... Там его встретила я, следовательно, достаточно милостивая девушка лет тридцати...

— Как вас зовут? Дайте ваш паспорт... Какое у него странное копые... — Огромное копые Кая Беспощадного сразу же конфисковали.

— У меня нет документов...

— Как это нет документов! Как вас зовут?

— Кай Беспощадный с планеты Трутон...

«Так, надо вызывать психушку, пусть забирают»... Думаю, у него какая-то маска на лице, айда сниму, попытаюсь маску отодрать... Но она не снимается, она приросла к лицу... Прямо наросты на лице в виде белой и красной краски... Странно, думаю, я такого никогда не видела... У него был странный красный штырь в груди в месте сердца... Вообще странный типок какой-то, как клоун ходит и гусей ворует, и их сердца ест...

И я отправила Кая в местную психушку...

...Через два дня возвращают мне, значит, Кая. Говорят, что у него анализы крови нечеловеческие... У него магния в крови слишком много, потому что на его планете другая атмосфера.

— Так он нечеловек?

— Нет-нет, он не человек... И мы не знаем, что с ним делать, сами разбирайтесь! Вы же полиция!

Думаю, айда его допрошу...

— А почему вы хотели похитить и убить это несчастное животное, птицу...

— Мне нужно питаться редкими животными, чтобы наращивать свою кровожадность, чтобы быть сильнее и беспощаднее, — говорит он тоже как-то странно, у него немного булькающий голос... И у меня от его голоса даже кровь стынет в жилах...

«Жуткий он какой-то все-таки».

- А как вы сюда попали?
- Через черную дыру конечно, Эдам пригласил...
- Какой это Эдам? Хейсонд?
- Да, он, — и Кай стал странно вращать глазами...

Решили мы послать за ответственным за Кая в Краснодарский край Эдамом Хейсондом, но Эдама долго не было, а вместо него достаточно быстро приехал Саша, главный оборотень в погонах ЮФО, главный теперь по другим планетам...

— Так, он с другой планеты... — сказал мне быстро этот невысокий коренастый парень с темно-русыми волосами, с расходящимся косоглазием важного вида... Я быстро посмотрела в документы... Александр...

- Я знаю, уже поняла...
- А вы таких уже встречали?
- Нет еще, но все когда-то бывает впервые...

В это время Кай сидел и булькал горлом...

Дальше понаехали репортеры брать интервью у инопланетянина...

А я втихомолку рассматривала Кая... Он был крупнее нас. Как-то выше. Как небольшой великан... Он был не просто высоким, а именно крупнее, как более крупный человек. Если поставить рядом его и нашего мужчину метр восемьдесят, вы поймете, в чем разница. У него шире кости, крупнее ладони, ступни. Он был пропорциональным, просто крупным. Люди на планете Трутон крупнее землян...

Кай Беспощадный был высокого роста, крепкого телосложения, любил убивать животных, коренастый. Он был лысый с хвостиком из белых волос на макушке и чем-то напоминал мультяшного героя или викинга. У него было по-клоунски разукрашено лицо. И он напоминал героя из комиксов. На месте его сердца была как будто нарисована красная мишень с воткнутым металлическим штырем, и каждый, кто подходил к нему близко, мог пырнуть штырь в сердце Кая Беспощадного и так убить его, но на планете Трутон все его боялись, а на Земле не имели права. Это все объяснил мне Саша. Итак, Кай был выше...

— Ну не намного, — ответил мне Саша. — Сантиметров десять максимум... Трутонцы очень трусливые... — Он читал мои мысли...

— А он в туалет ходит?

— Да, совсем как у нас... Та же мочеполовая система... Девушки, — он закатил глаза. — Кто о чем...

Кай посмотрел на меня заинтересованно и опять забулькал горлом. Когда Кай встал, я вдруг прочувствовала, какой он высокий и крупный...

Мы даже поставили черно-белую камеру в туалете, когда туда ходил Кай. Я его хорошо рассматривала, а он вдруг повернул голову и посмотрел прямо в камеру на меня... Мне стало не по себе, и я перестала смотреть запись...

Эдам задерживался. Решили мы нашего Кая взвесить и измерить. Как я и говорила метр девяносто три и девяносто шесть килограммов.

«Худоват», — подумала я. А на вид он не был худым совсем, очень даже плотный...

— Они даже иногда таблетки пьют, чтобы меньше казаться... Но сейчас он не пил... У них другой обмен веществ. Они на Земле становятся легче, что ли. У них другая гравитация... А мы на их планете тяжелеем... Они живут на гиганте... Он весь свой город в страхе держит...

«Эта правильная», — подумал Саша обо мне, и я вдруг четко поняла, что знаю, о чем он думает... «С Каем заигрывать не будет. Не то, что предыдущая»...

— А была предыдущая?

— Думаешь, он только у нас гусей убивает? Он до этого редкую ящерицу убил, и меня к нему вызывали... — и он опять закатил глаза, мол, наши девушки уже убийцам с других планет глазки строят...

«Мда», — подумала я.

«Вот и я о том же, даже стыдно как-то было...»

Мне начало надоедать, что он читает мои мысли...

— Может, хватит мои мысли читать...

— Так лучше, для порядка...

— Давай будем просто говорить...

— Если мне оракл разрешит... Да он не позвонил... Сейчас вколю себе противоядие...

— А что он ест?

— Так же, как мы... Сердца гусей... — он усмехнулся. — Они перед нашей планетой специальные таблетки пьют, но их пищеварение похоже... Не у всех похоже, но у них почти такое же... Или тебе вколю телепатию...

— А как они размножаются?

— Также как мы... Половым путем...

— А я думала в инкубаторах...

— Бабы... — как будто процедил Саша, — только об этом и думают...

— Вы уже собаку на них съели...

— Я даже там бывал... Примерно как у нас...

Он быстро дал мне таблетку с телепатией. И показал мне картинки Трутона, город, ферма, лес, степи...

— А Кай может читать наши мысли?

— Сейчас может... — Но Кай смотрел на стену и, казалось, не обращал на нас внимания...

— А он нас понимает?

— Сейчас да...

Теперь Кай стал мне показывать картинки с его планеты Трутон, зеленые леса... Все как у нас... Ну почти... Вода светлее что ли... И воздух концентрированнее...

— Он не может стать отцом на своей планете, слишком много убивал, но может на другой... Ты понимаешь, ищет себе женщину...

— А-а-а, ищет женщину... — и у меня в голове сразу появился образ трехмесячного ребенка, почему-то мальчика с красной мишенью и штырем в сердце...

— По-моему, ты ему подходишь, он поэтому и курлыкает, как голуби...

— А, голубок, — тут я на Кая по-другому посмотрела... Как на своего мужчину, что ли... Но тут же отогнала эти мысли...

«Слава Богу», — подумал Саша и опять закатил глаза. А я уже читала его мысли...

«Но вы мне не подходите», — это говорил мне мысленно Кай. — «Вы скоро выйдете замуж», — на Земле Кай становился телепатом и ясновидящим.

Замуж? Я оживилась. Кай говорил мне «вы», и это было приятно...

«А что Арина? Та писательница? Вот она круто вашу цивилизацию двинет...» — мысленно спросил Кай у Саши.

«Не пишет еще», — ответил ему Саша. Даже Кай знал про Арину Симоненко...

Ночью я долго не могла уснуть, все ворочалась и думала о Кае — он был преступником на своей планете, держал в страхе весь город и у нас убивал редких птиц... Он, по-моему, вчера предложил мне стать его женщиной, но Саша не понял... Саша говорил, что у Кая рано умерла мать, которая была проституткой... Он столько убил на своей планете, что даже дети там иметь не мог... Я нравлюсь только убийцам...

Утром вдруг появился Эдам и прервал наш диалог, сначала молчаливый, потом словесный и скоро телепатический... Эдам пожал руку Каю как старому другу, и Кай тут же стал как будто с Эдамом одного роста. «Как он это делает?» — подумала я. — «Визуальный эффект», — мысленно ответил мне Саша. Эдам смотрел на Кая как на божество. А Кай на него свысока и покровительственно... — Мой друг! — Эдам еще раз пожал его руку и похлопал по плечу. Кай только усмехнулся...

— Ну, я думаю, нам пора... Они хорошо себя вели?

— Да, поехали уже домой... — сказал Кай своим булькающим голосом. Ему вернули копье...

— Он же съел его сердце... — начала я.

— Это мы потом решим, — сказал Эдам мне. — Все-таки съел? Они тебя поймали? — Эдам рассмеялся и опять похлопал Кая по плечу.

— Да... — Кай опять был немногословен...

Кай подошел к моему столу и зачем-то скинул бумаги на пол...

«Вот придурок»...

Кай все-таки чем-то напоминал мне диких викингов или вождей первобытных племен. Он с копьем подошел к стене.

— Ты хочешь это все потом помнить? — спросил Эдам у Кая.

— Нет!

Эдам тут же достал откуда-то черную тряпочку, как лужицу, и растянул ее на стене. Она сразу же стала как черный тоннель. — Вауля! —

Эдам проводил туда Кая с копьём... Кай скрылся в тоннеле-черной дыре...

В общем Кай пропал, будто его и не было... Пропал с лица планеты Земля... А его место у нас в участке занял Эдам Хейсонд с обычной маской из краски на лице... Он быстро переоделся и накрашился. Пониже, поуже... Без жуткого красного штыря в груди...

— Кто будет сидеть за Кая Беспощадного?

— Ну кто? Пусть Эдам сидит! Он его приглашал! У нас за всех сидит Эдам!

«Смешно... Историю про святого козла знают все»...

Эдам сказал, что был под препаратами и не отдавал отчета в своих действиях, когда убивал гуся, и просил «его» простить. Эдам написал все извинения фермеру, выплатил штраф за гуся.

Но не все остались довольны. На планете Земля осталась только одна гусыня этого вида... Грин Пис горько плакал над предпоследним гусем, убитый горем фермер строчил жалобы. Но Кая-Эдама посадили в тюрьму, и поэтому нам дали еще одно гусиное яйцо этого вида. И когда в следующий раз у этого фермера родился такой гусенок, а Кай Беспощадный появился опять по приглашению Эдама этого гусенка убивать, Саша и я бегали по всей области за Каем с гусенком, потом бегали всей областью, спасали птицу, выгоняли Кая, потому что получили распоряжение сверху редкими птицами не разбрасываться и инопланетянам их есть не разрешать. Для Кая сделали шоу, бегали за ним всей полицией, устроили и облаву, и погоню. Шоу, как хотел Эдам... И тут я поняла разницу между нашими преступниками и трутонцами — Кай был какой-то озверевший и как будто хотел убить весь мир, каждого встречного! К нему должна была прилагаться горстка успокаивающих... Кай только плюнул со злости и полез в дыру домой... Ему не понравилось — цирк сплошной, а толку никакого! Пустая беготня... — А у нас так, — сказал ему Эдам. — У нас такие игры... Мы живем на этой планете, и у нас так... — Эдам только развел руками... Своему кумиру он не угодил...

Эдамом все были недовольны, что он каких-то инопланетян на нашу планету таскает редких птиц убивать! Наш беспринципный Эдам с девизом по жизни «Можно все! Никаких запретов», со своим Каем Беспощадным и правилами его планеты, которые на Земле не работают! Опять поднимали мятеж против Эдама и Кая. Эдаму даже стали пробивать через президента раковую опухоль за того гуся.

— Эдам, если тебе хочется быть «маской» — лети на Трутон! — говорили Эдаму. — Где-то у всех этих масочников срывает крышу. Где-то они все переходят границы! Как только ты наращиваешь маску, ты перестаешь со-ответствовать этой планете, тебя отстреливают!

Наши американцы типа Эдама идут по пути Кая Беспощадного — ничего святого, никаких правил, никаких принципов, никаких запретов...

Когда потом опять Кай Беспощадный вылезал из черной дыры убивать нашего редкого гуся, его встречали наши полицейские с копьями, практически такими, какие я видела у самого Кая в день его задержания, и не пускали на планету Земля, Эдам доложил. Он теперь должен был докладывать обо всех появлениях Кая с Трутона на Земле. И Саша получил официальное запрещение от президента Каю Беспощадному с Трутона убивать наших животных. И Эдам прекратил свои приглашения на охоту! А то Кай втихаря прилетает по приглашению Эдама и наших редких животных истребляет!

— Кай Беспощадный уже какую-то бабу изнасиловал и ребенка своего ждет! — Эдам только посмеивался. Потом говорили, что этот ребенок умер при родах...

Я даже расстроилась, когда узнала, что Кая убили таблеткой смерти на Трутоне за наших животных... Им виднее... Да и правильно, пусть своих животных убивает, а к нам не летает. И наших писателей не пугает...

И да, я знала, что американка Анна из компании Эдама летом 2003 года именно в моем округе переходила границу, когда отвозила контакты работоторговцев в Литву... А на границе ее встречал Эдам на машине...

Трутон

Планета Трутон, откуда через черные дыры шагал к нам Кай Беспощадный, находилась по отношению к Земле через две галактики. Планета была больше, находилась к своему яркому Солнцу ближе, но климат ее был сходный с планетой Земля.

В их Солнечной системе было два Солнца. Планета обходила сначала вокруг одного солнца, а потом вокруг другого. Каждая планета этой системы делала знак бесконечности вокруг своих солнц. А в этой солнечной системе было пять планет, при этом Трутон был самой старой и большой. Знак бесконечности как маска преступника на глазах. Планета Трутон была очень криминальной.

На Трутоне было сразу два солнца, одно из которых гасло, а другое все сильнее разгоралось. Поэтому климат был суровый, множество пустынь, болот... Только отдельные оазисы городов в горах за стенами. Но цивилизации в оазисах были очень развитые. Города связывались между собой через черные дыры, которые функционировали в некоторых случаях несколько раз в год, а в некоторых круглогодично. Преступников часто растили за стенами городов, а потом пускали в города...

Было левое солнце и правое. Левое светило ярче, поэтому в полугодие этого солнца лето было теплее, в лето тусклого солнца было сыро

и пасмурно. На небе Трутона было два солнца, одно яркое, жаркое, другое — тусклое, которое чем-то напомнило земную луну в ясный вечер. Год на Трутоне состоял из двух лет, двух зим, двух осеней и двух весен — восемь сезонов. И лета тоже отличались. Лето от первого солнца теплее, прямо жаркое — хорошо по курортам развезжать, лето второго солнца пасмурное и сырое, лучше дома с чайком. Зимы тоже разные, одно посурее, другое помягче. Осени и весны средние, похожие, сырые.

Здесь были часты солнечные затмения, иногда затмения случались дважды в день. Закрывалось одно солнце или сразу два. Солнца закрывались иногда даже до половины, а потом начинали открываться.

На половине планеты Трутон бушевали огненные вулканические океаны лавы. И это бурлящая лава никак не успокаивалась и не остывала... И на единственном материке типа Евразии жили люди. Эдам поставил рекорд, проведя тоннель-черную дыру между Землей и Трутеном, между тремя картами, между которыми было два разных мира планет и океаны.

Преступники Трутона носили клоунские маски, они прирастали к ним с детства. У большинства маски были в виде бесконечности — только на глазах, а у самых страшных маски были с лицом. И таким был Кай Беспощадный. Большинство жителей долины городов были преступниками, обычных граждан было меньшинство.

Кай Беспощадный часто перелезал через стену и убивал там обезьян. Поэтому его считали храбрым, и он главенствовал над остальными. За стеной обнаруживали будущих лидеров, но Кай смог убить кормящую обезьяну с детенышем, и тогда решили, что его удел — мир преступлений.

Ветра на Трутоне беспощадные. Поэтому люди могли жить только в долине среди гор... Горы окружали непроходимые леса, которые сложно было преодолеть. Трутонцы мало путешествовали по планете. Не осваивали океаны, не плавали, не строили корабли. Все, кто пытался, не вернулся, наверно, затонули. Трутонцы видели, что за стеной жили полчища обезьян, вокруг стены стояли солдаты, которые отстреливали тех, кто пытался пересечь стену, и потом вывешивали их головы над стеной, запугивая остальных обезьян.

Стену выстроили предки, чтобы сохранить себе жизнь. За стеной сначала полчища обезьян, потом непроходимые леса, потом сногшибающие ветра и пустыни, кто-то дальше видел океаны. Беспощадные ветра на планете Трутон сшибали с ног... Ветра не позволяли стоять на ногах, сразу валяли наземь. Говорили, что на Трутоне где-то жила цивилизация с драконами, где люди летали на драконах, но Кай таких никогда не видел... Сами трутонцы не знали, что было за стеной и лесами...

Планета Трутон тоже была зеленой, на континенте было меньше воды и больше лесов. Леса непроходимые, поля бескрайние. Планета Трутон была малонаселенна и не освоена — несколько поселений из нескольких городов. И в каждом городе по такому преступнику как Кай Беспощадный.

Но сами трутонцы были развитой цивилизацией, быстроходные машины, высокие небоскребы, развитая экономика, обмен между городами. У нас хоть вся планета освоена. Трутонцы пусть сначала преступников усмирят, а то развели совсем, а потом в леса выходят...

В каждом городе этой планеты орудовал свой беспределный преступник. И Кай Беспощадный был преступником города Сиапул. Он руководил преступностью в этом городе и держал в страхе и близлежащую область, и этот район. Люди жили постоянно в страхе, даже боясь вечерами выйти из дома, и мало сопротивлялись преступникам города. Кай уже изуродовал самую красивую женщину города, выколол глаза олимпийской команде биатлонистов — для его жестокости не было преград... Он уже съел всех редких животных и птиц в своих лесах... Эдам открыл портал с Трутоном, чтобы учиться у них убивать и перенять их стиль преступности... И часто приглашал Кая на Землю вдохновляться его жестокостью...

На Земле правопорядок и преступный мир борются друг с другом, а на Трутоне только преступники терроризировали города — полицейские с ними не сражались, а боялись их.

Американцы говорили, что главное для преступника не наесть «маску», как Велунд после убийства совсем молоденького полицейского. И Эдам, и многие другие больше всего боялись наесть «маску», как преступники на планете Трутон. С маской быстро списывали — ты не соответствовал этой планете — и потом в эволюции могли перенести на планету типа Трутона.

Эдам открыл портал между Землей и планетой Трутон, часто ставил черные дыры, приглашал Кая Беспощадного убивать наших животных, диких оленей. В долинах Трутона почти не осталось дичи, особенно редких птиц и зверей — и почти всех убил Кай. Он охотился на редких зверей и ел их сердца. Ради Кая фермеры Трутона убивали своих любимых животных, домашних куропаток, например. Так Эдам приглашал Кая убить редкого оленя и лебедя вымирающего вида — прогибался перед Каем, С Грин Писом у Эдама были проблемы. Эдам хотел поднять наш уровень преступности до уровня планеты Трутон и ввести их стиль. Кай Беспощадный был его кумиром, именно трутонский стиль преступности Эдам хотел ввести в Америке. Эдам был приверженцем самого беспринципного, самого жесткого стиля. Он поэтому и женился на проститутке, как делал на Трутоне. Эдам хотел по примеру его кумира называться Эдам Кровавый, но пока не приживалось, не тот уровень преступности.

Кай пригласил Арину через портал, чтобы показать планету, а за это ему на планете Земля обещали сына от земной женщины, которого он сможет забрать на Трутон. Потом он пригласил Сашу-оборотня, он помогал ему на Земле...

Так Кай держал в страхе весь Сиапул и теперь нагонял страха и на Земле. И решили дать ему таблетку смерти от Арины Симоненко и спать спокойно... И убили Кая Беспощадного, чтобы не было ему повад-

но к нам шагать и сердца наших лебедей, гусей и оленей есть... Вот нам поаплодировали на планете Трутон из города Сиапул.

Когда убили Кая Беспощадного, главного кумира Эдама, и закрыли портал между Землей и Трутоном., наши и американские преступники решили скинуть и на Кая свои преступления. Но им не разрешили... Так нельзя — передал нам межпланетный трибунал.

Оксана Куйва

Оксана Куйва с Ариной Симоненко учись в одном классе — Оксану перевели в класс Арины в шестом классе и посадили с Ариной на английском.

Мама Оксаны была заместителем прокурора, «кентавр». Они переехали в Краснодар с севера. Ее мама уже слила важного свидетеля, растворили ему препарат, и он умер от инфаркта. И за это у Оксаны был порок сердца. Оксана была из семьи продажных женщин, проститутка города. Ее половые губы вываливались из штанов сантиметров на двенадцать, свои огромные половые губы она держала между ягодиц. Она носила или широкие спортивные штаны, не облегающие, или толстые джинсы с толстой прокладкой на каждый день, чтобы ее «бахрома» не выпячивалась через штаны.

Еще в школе после переговоров с Байсеком и Али Рашидом Оксана подписала Арине препараты, под которыми женщины легко вступали в половые связи, думая, что она в бегунах умрет. Хотя эти препараты Арине по правилам не подходили, но Оксана прописала под свою ответственность. А за эти препараты Оксане сразу после университета дали должность помощника прокурора Центрального района города — стремительная карьера вверх! Оксана думала, что Арина до препаратов и не доживет — Арину так хотел убить Казахстан. Зато Оксана сразу заняла высокий пост — помощник прокурора.

Оксана Куйва в 2008 году вышла замуж за главного оборотня в погонах Сашу, его отец сотрудничал с работоторговцами в Краснодаре, и родила от него сына. Шлюха города досталась оборотню в погонах. Отец Саши умер, и Саша занял его высокий пост. Сестру Саши тоже забрали в рабство в Казахстан, когда она была еще маленькой. Саша уже наел «большую пасть» — он был ближе к преступникам, чем к полицейским, и его друзья-преступники иногда для него избавлялась от неугодных ему полицейских...

У Оксаны был порок сердца, который наследовался... Саша еще хорошо женился, время работоторговли ушло. И у них родился «плохой сын»,

«лев» с пороком сердца. Если Сашу снесут, Оксану снесут вместе с ним... Вместе пойдут на дно... Или Оксану отправят в бегуны до суицида (возможно, в нескольких поколениях с детьми, мужем и родителями) за нарушения по отношению к Арине Симоненко, если та все-таки реализуется...

Часть 10. Что было дальше...

2008 год

Американцы набирали обороты, становились все страшнее и страшнее... И черт Слава работал с аудиторией, одновременно с нашими полицейскими и нашими преступниками... Они все сидели, дрожали, боялись Эдама Хейсонда. Рома Деликат уже наложил в штаны от страха... Деликат сам сказал, что черт Слава намного лучше справляется с Эдамом и меньше его боится. На то они и черти... Деликат уже сам был испуган Эдамом по уши.

— Мы не боимся страшного Эдама, убийцу, маньяка, каннибала и работоторговца... Нам не страшен злой Эдам!

Американцы пока разобрались, куда попали, нагрести по полной... Зато после них русским сделали черную пятницу — день скидок. Эдам с Морген разъезжали на джипах и расстреливали в упор неугодных полицейских...

В 2008 году опять за мной по базару ходила Надя Сафоронова со шприцом с кровью больного СПИДом, заносила шприц над моей спиной, ждала от меня научных достижений, а ее знакомый полицейский делал в это время фотографии... Она якобы хотела меня заразить по приказу Эдама. Наде надо было реабилитироваться любыми способами. И она тут же пошла давать показания в полицию против Эдама...

Со времен работоторговли Надя постепенно беднела и теперь жила на инвалидность третьей группы в своем тухляком доме без удобств на окраине Краснодара, в Пашковском микрорайоне. У нее были проблемы с сердцем, она специально не ела мясо полгода, даже куриного, пока не посадила себе сердце, не начались шумы... А сначала хорошо жила на рабовладельческое золото, но потом все проиграла в казино и на неудачных ставках и теперь жила беднее самых бедных... на шесть тысяч в месяц, одевалась на помойках или на бесплатной раздаче бедным при церквях...

В каждом рабовладельческом городе было по своему Байсеку, такие люди долго не живут, они долго не нужны. Их или убивают врачи... или они сами погибают в перестрелках... Никто из них не живет до старости. Так вот Байсек, наслушавшись породистых ораков, написал заявление в полицию, что Эдам Хейсонд главный организатор рабовладельческих операций. Даже Байсек на Эдама заявления наподписывал, все свои преступления скинул, один работоторговец скинул свои преступления на друго-

го... Заявления его лежали в полиции «у своих» до признания важных свидетелей, Арины, например. А потом бы их достали... И детей вернули, как Байсек и хотел... И Эдама посадили... И Байсек отмолился, до слона в эволюции вырос, а то и до человека — за следующую жизнь Байсек боролся... И его друзья из других городов сделали также... написали заявления, что Эдам главный по работорговле. Им уже ничего не будет. Можно писать все, что угодно. Терять нечего... И в следующей жизни выросли... И детям помогли... На Эдама заявления написали все «Байсеки» России! Даже братья Нагайновы на него заявления написали! Что он самый главный!!! За чем-то своих топить, если есть Эдам. Им, конечно, на детей наплевать, но отмолиться в эволюции тоже надо! Дать детям шанс. Так под ними даже земля начала расцветать, как они на Эдама заявление написали. Недолго, правда. Какой удачный козел Эдам, породистый! И Эдаму все равно сидеть за калашниковых до конца дней. Его из тюрьмы никогда не выпустят...

Не понравился братьям Нагайновым Эдам. Плохой человек. Они с Эдамом и фотки сделали! Эдам и с Али Рашидом пообнимался! Фотки сделали. Али Рашид фотки приложил к заявлению. Они хоть и работорговцы, но все же люди...

Старший брат Хасам говорил: — Мы по сравнению с Эдамом дети, братья... Мы на работе, а они убивают, пытаются, мучают просто так... Поэтому козлы и приживутся, посмотришь... А брат, младший Кайзек как ребенок...

В 2008 году Мария Герций на Украине во Львове давала показания против работорговцев. У Маши были сроки выходить на панель, и в полиции стали собирать ее показания. Только сейчас. Или сейчас, или никогда... Ей поставили ультиматум, или выходи на панель за то, что сама творишь, обе бабушки и мама. Уже возраст какой. Или иди, детей спасай... И Мария пошла давать показания. На панель никому не хочется... После показаний Маши Герций около двадцати детей вернули из рабства...

Президент как подписал в 2004 году запрет на работорговлю в России, казахстанцы стали уезжать из страны. Хотя наши работорговцы еще много лет хватали детей бомжей и преступников на улицах и продавали в Казахстан... И очень жалели, что рабство отменили... Али Рашид Хасан умер от заражения крови в 2006 году, его убили медики — он любил гирудотерапию, и одна из лечебных пиявок оказалась носителем инфекции. Потухшие гейзеры ему так и не простили, рабство должно было остаться без таких последствий... Рабство в России закончилось, теперь свои избавлялись от свидетелей, и прежде всего богатые и влиятельные казахстанцы хотели избавиться от своих исполнителей в России. Маша Герций дала свои показания, и в 2008 году в Казахстан отправили русскую группу захвата. Байсека расстреляли у него в доме, за несколько минут до своей смерти он перерезал горло своей старшей сестре...

В этом году Наташа Горюнова попала в психиатрическую больницу с попыткой суицида — она просилась с балкона... Но не насмерть... Как-то

уцелела... Она постоянно давала показания и все пыталась вспомнить список контрабандистов из Минобороны.

В 2008 году приехал еще один жуткий ку-клукс-клан. Внешне чем-то похожий на Джаспера, но с длинным овальным лицом, очень белыми, седыми волосами и не такими круглыми щеками. Вот негров он убивал пачками. Он тоже ходил за мной. В это время Яся давала показания...

Эдам хотел распространить ку-клукс-кланы и в России, даже вводил дни рабства, как в Америке, когда черные работали на белых бесплатно. Эдам искал соратников, кто убивал бы для него негритят.

В 2009 году приехала похудевшая Элен, гуляла с Ирой Штоляровой и другими девчонками из американского клуба по Красной... Она очень похудела и была практически неузнаваема – все американки с 2003 года очень похудели – до неузнаваемости! И так меняли внешность. Элен опять убивала у нас и закопала свой труп на одной из самых светлых аллей Красной, под камышами...

Саша и Яся

Саша, чтобы отмазаться от Эдама, стать для него своим, чтобы Эдам и дальше смог ему доверять, убил для него негритенка, а Эдам сделал видео этой смерти, как гарантию, что Саша будет молчать и ничего не скажет об операциях по оружию. Забудет, что видел и слышал в американском клубе, в чем сам участвовал... Убив этого мальчика. Саша смог жить спокойно... Хотя вряд ли спокойно... Он смог просто жить... Хоть как-нибудь... Эдам его отпустил... И хотел сам наконец-то покинуть Россию... Хотя в полиции на него лежала целая папка...

Эдам все обещал, что удалит эту запись. Но он ее так и не удалил, хранит, как гарантию молчания Саши... Иногда он шантажировал ею Сашу...

Яся не смогла закончить юридический факультет небольшого коммерческого вуза, сказала мне, что у вуза забрали лицензию, но ее отчислили на четвертом курсе за неуспеваемость. Яся с мамой стали работать в агентстве недвижимости. Сначала в агентстве работала тетя Люба, Яся только сидела на стульчике, а потом агентом стала работать и Яся... Яся стала поправляться и все больше напоминала толстую мать – ей уже растворили двух «гиппопотамов», препараты вызывающие набор веса. Яся также сильно обесцвечивала длинные волосы и в этом тоже походила на мать. В 2014 году мама с дочерью открыли свое риелторское агентство и назвали в честь Олимпийских игр в Сочи. – Главное, каждый месяц продавать по домику, – говорила мне Яся. «Если б они так легко продавались», – думала я. Тетя Люба гово-

рила, что Яся была юристом и могла оформлять сделки с недвижимостью.

Я знаю, что их риелторская фирма, состоящая из Яси и ее мамы, разорилась. Их бабушка умерла. Тетя Люба брала один кредит, чтобы погасить другой и погрязла в долгах. Как-то Яся взяла кредит и указала при этом мой домашний номер телефона. Кредит она не отдавала, и нам стали звонить ночами с угрозами, пока мы не написали заявления в банк. Потом звонила тетя Люба и просила занять ей шестьдесят тысяч, но я отказалась — мы не были так богаты, а они не были кредитоспособны вообще. Тогда я разговаривала с тетей Любой в последний раз...

Знаю, что Яся Воронина начала давать свои показания против Эдама и Марины Шайн, рассказывала о том, что происходило летом 2003 и после. Об операциях по контрабанде калашниковых, убийствах негров... Элен и Анну экстрадировали и «кололи» в тюрьме. Были показания Яси против их показаний. Вдруг оказалось, что в тот год их даже не было в России, что они остались в Америке, и у них было много свидетелей. Саша Янченко тоже давал показания, подтверждая показания Яси, типа под побоями. Но когда жизни Саши и Яси стали угрожать, когда Марина Шайн стреляла в Ясю и грозила ее зарезать, когда в Сашу стреляли у подъезда дома, Саша написал опровержение, сказал, что написал свои показания под давлением обстоятельств. Обстоятельствами были побои сокамерников... Убийство своего негритенка ему никто не простил... Саша передал Ясе — убьют и тебя, и меня.

Ясю караулили у дом Элен и Анна и избивали. Ее уже начали запугивать и опять пытали. С Мариной Шайн ей устраивали очные ставки, и Марины ей угрожала, стреляла в Ясю у ее дома. Но только на основании Ясиных показаний посадить никого не удалось. Саша ее не поддержал испугался, что убьют и Ясю, и его. Опять написал опровержение.

Эдам на показаниях приводил своих неменяемых клонов Саши и Яси. Отец-отчим даже говорил с Эдамом, что свидетеля не надо так «заменять», если свидетель вменяем, не надо судьям показывать неадекватную дуру, ты можешь показать на несколько шагов вверх-вниз. Просто в этом случае ты будешь выглядеть плохо... И ты упадешь в их глазах...

Как только Саша стал давать свои показания, Эдам достал запись с убийством, и Сашу посадили в тюрьму...

Ясю избивали, защиту свидетелей никто не предоставил... Яся уже хотела под давлением отказываться от своих показаний... Тогда у следователя ей поставили чашку с раковой опухолью — отказываешься от показаний — пейшь раковую опухоль. А чтобы почувствовать — пей инсульт...

— Подписывай заявление или пей опухоль. Все равно у тебя раковая опухоль за детдом. Или пей опухоль. Или давай показания, — так ее пугали, в нее стреляли и Марина Шайн. и Элен, и Анна... Яся держалась молодцом...

Перед Ясей сидела Марина Шайн, строила из себя ребенка и при этом показывала комбинацию на пальцах «Не откажешься от показаний, и я те-

бя убую»... а рядом стояла кружка с раковой опухолью... Или показания, или опухоль... Пить опухоль не хотелось, и Яся давала показания... Можно сказать, под принуждением. Но их никто не подтвердил... Саша Янченко не смог... — Я не могу иначе, прости, — сказал Саша Ясе напоследок. И они разошлись до лучшей жизни... Ясе нечего было терять. Яся от показаний не отказалась — она принесла справку от психиатра, что у нее диагноз и ее показаниям верить нельзя. Потом ее посадили на препараты, и ее диагнозу уже все поверили.... Яся еще какое-то время держалась, а потом легла в дурдом...

Сашу выпустили из тюрьмы, а Ясю замуровали в психушке до лучшей жизни... Они все рассчитывали на меня, на мои показания, но я тогда еще ничего не понимала... Еще не «проснулась».

В итоге ничего доказать не смогли. Никого не посадили... Яся полностью потеряла связь с реальностью и не могла и двух слов связать... И никого не посадили... И все было зря! Яся теперь не очень отличалась от растения... Вернее, растения и то были лучше, чем она...

Яся теперь лежала по психушкам. У нее множились диагнозы расстройства и раздвоения личности... И Яся постоянно сидела на серьезных препаратах, с которых ее не торопились снимать... сказывалось кладбище ее бабушки... Но опухоль ей уже никто не растворял... Благодаря калашниковым... Она уже отмолилась, но жить еще не начала...

Однажды Саша Янченко участвовал с Эдамом в перестрелке, убил двух... Он пришел домой, забился в угол и плакал от ужаса... Засунул себе кулак в рот, чтобы не кричать... До этого его Эдам избивал Эдам, как рабов-негров, и теперь вся спина Саши осталась в шрамах... Он плеткой выбил его глаз. Все его показания сливала Надя Мернокова, и Саша решил отправиться в бега... Говорят, Саша приходил к моему подъезду прощаться, собираясь в бега в Англию... В последний раз на меня посмотреть из-за кустов... — Не подведи, Арина, только ты меня не подведи... — И автостопом отправился в Англию, пешком переходил границу... Англия неплохой вариант, Саша язык знает, не на другом континенте, как Америка, до Москвы четыре часа лета на самолете, на автобусе по Европе около двух дней пути. Через видеозапись Эдам купил молчание Саши Янченко. И во многом поспособствовал его успешному устройству в Англии... И мы все разошлись на долгие пятнадцать лет до лучшей жизни, если она будет...

Итак, Яся растение, Саша уголовник... Как когда-то предсказал нам Эдам Хейсонд...

Полицейские тоже были в шоке от американцев: — Мы никогда не забудем, как безжалостно и бесчувственно можно убивать людей... Негров.... Как убивают эти американцы... И они начинают предлагать нам какие-то «черные пятницы», дни распродаж за показания наших свидетелей... Ка-

кие-то блага, которые к преступлениям не имеют никакого отношения... Чтобы показать, как мы продаем своих свидетелей! Как мы своих свидетелей за дни распродаж сливаем! Как американцы превращают жизни своих свидетелей в кошмары... У нас очень криминальный мир... Мария и «кошка» Надя были не так плохи, были лучше многих и лучшими из нас. В различных странах живут же царские особы, и никто их не расчленяет и по озерам не кидает... Теперь будем рожать для них негров на заказ. Ку-клукс-клану привет!

— А у полицейских просто нет ничего, у них просто ничего нет. Они слили всех свидетелей. Яся ненадежна. Саша сильно запятнался. Аня за границей. Остальные умерли... Знаете, как сложно с контрабандой калашниковых. Как много продажных судей. Как сложно кого-то посадить... Все судьи продажные. Они берут такие взятки за то, что прикрывают контрабандистов калашниковых, что посадить кого-то становится просто нереально... Поэтому свидетелям по калашниковым так тяжело...

Письмо в ку-клукс-клан, январь 2008

Дорогой ку-клукс-клан,

Негрятючки-то наши нам теперь родненькие... Они у нас не казенные... У нас их раз-два и обчелся... И понаехали к нам убийцы, маньяки убивать наших негрятят. Пока мы им объяснили, что Эдам козел. Думали, что не выгоним... Так им у нас понравилось!

И понаехали ироды, жрать наших негриков! Чтоб вы подвились, гады... Ужрались, сadyги... Не дадим вам больше наших негриков, негритосиков! Не дадим, и все тут! Негрики только наши, у них наше гражданство есть! Нету у нас для вас больше негриков! И не будет!

Больше в Россию мы вас не берем! Вы нам не понравились!

Негрики-то наши маленькие! Детишки-то наши родненькие! Негрите-ныши наши... Негритусики, негритеночки!

Мы передумали и решили, что не стоит жрать наших негриков. Они ведь тоже люди. У них есть ножки, ручки и пальчики! И нету копыт! Это чтобы вы знали, несведущие! Они не коровы. А люди! Мы поняли! И выучите вы, наконец, биологию! Не позорьтесь! Не коровы это! Одень очки. Слеп что ли! Посмотри внимательно! Даже мы понимаем, что это человеки, а не коровы! Нам теперь негритосики родненькие! Мы ими тоже дорожим! Мы их тоже любим!

Эдам, ну какая это корова! Ты посмотри внимательно, ты, наверное, слепой! Корова на четырех ножках, а негрлик на двух! Ты посмотри, Эдам. У тебя такая же ножка, как у негрика! Вас и не отличить в грязи!

Так что не приезжайте к нам больше! Мы вам больше не рады! Мы наших негрят в обиду не дадим! А то хлопотно с вами человечьи кости за собачьи выдавать!

Всех негрят съели в округе! Сожрали, сволочи! Ни одного черненкого не осталось! Жри негриков! Жри, садюга! Сожрал и не подавился...

Нету нама счастья теперя. Как кости-то опознали и посчитали!

А как автоматы Калашникова взбунтовались, так совсем худо стало!

Чтоб подавился ты, скотина, негритеночком-то! Живодер и этот, как его! Каннибал!

Это у тебя Эдам, копыта. А у них ножки маленькие, хорошенькие... А после того, как ты генеральского сынка, негрика зарубил, так совсем худо стало...

Ох, и натерпелися мы за тебя, Эдама, Адама-мадама, и вспоминать больно!

(И без поклона. Обойдетесь! Кланяться вам еще!)

Полиция России

Эдама Хейсонда иногда называли женским именем Эдама, потому что он был импотентом, то есть девочкой.

Но американцы продолжали переписку и вообще завалили полицию России письмами!

— Мы за калашниковых тоже согласны на кресте повисеть и на кол сесть!

— Спасибо, а вы готовы сесть за всю нашу работорговлю и много наших преступлений!

— Мы подумаем... Вообще-то за калашниковых согласны! Да какая разница, сидишь за одно убийство, и что там еще скинут...

— Хорошо, мы поузнаем...

А в это время разговор в кулуарах между Яном Абдуловичем и генералом Александром:

— Что теперь будем с гостями дорогими делать? Как выгонять? Они уже в три раза больше дозволенного калашниковых украли и всех негров в городе поубивали и сожрали... Моего сына в том числе... — и генерал Александр заплакал. Сын у него был незаконный, негритенок...

— Будем выгонять!

— Как выгнать-то? Как их теперь выгонишь? Убийц приваживать не стоит. Попробуйте их теперь от нас отбить. Таких убийц пригласили, теперь не знаем, что с ними делать! Они такое творят! Не знаем, как выгнать! Уже сами не рады! Негров пачками убивают... Слепоту растворяют самым перспективным... Они нам тоже тут не нужны! Детей портят! Они вон какие убийцы после них становятся! — он имел в виду Иру Штолярову. — Убивают без разбора! И по психике проходятся... Что вы сюда приехали наших негров убивать! Свои закончились! — И тут всем почему-то

вспомнились слова Владислава Оглобина: «Это наши дети, и мы сами продаем их в рабство!» — И все нашими руками! Зачем мы их вообще звали калашниковых воровать?

— Чтобы потом детей спасти...

— Получается, мы поощряем преступность! Мы поощряем торговлю калашниковыми... Налаживаем торговые связи через преступников...

— Это для Эдама. Калашниковы. Он наш святой козел... Это все ради Эдама!

Александр только цокнул и покачал головой...

На поле

Эдам любил баловаться на полях — дрался с нашими преступниками, рубил их на части, при этом части были живые и не умирали сразу, а потом Эдам смотрел, кто их собирает и поливает живой водой.

Сыродубко Сашу из свиты Велунда он разрубил на куски и бросил в поле разлагаться. Его сначала собирала жена Маша и поливала живой водой, а потом приехал Велунд с конем его собирать...

Так Эдам разрубал на куски и Дажуху, и Машу Сыродубко...

Сыродубко он разрубил раз пятнадцать и все ждал, кто его будет «воскресать». Кто его воскресал, тому Эдам потом «ставил город», и их «водили» на уровне города три дня. Разрубленный Дажуху часто лежал с Сыродубко и иногда ругался с ним из-за Эдама. Даже Велунда так Эдам рубил, а потом так рубили Эдама, и его Морген собирала и живой водой поливала...

Иногда, чтобы не участвовать в боях с Эдамом, Саша Сыродубко пил таблетки, становился разными зверьми и «отдыхал» в зоопарке, то тигром, то львом. А его жена отдыхала пантерой. Саша уже был рад возможности «отдохнуть» тигром, ему так надоели постоянные битвы с Эдамом. Саша был в первом ряду в противостоянии с Эдамом.

Однажды Эдам на поле разрубил на куски жену известного наркобарона, очень добрую женщину, ангела без крыльев.... Она разложилась через десять дней и умерла, Эдам не дал ее собрать и оживить. Потом через три года она вдруг воскресла и появилась на кухне в своем доме... А ее муж все боялся, что в будущем пойдут волны и жена не появится в этот день, как ему предсказали. А она воскресла... И он поклялся отомстить за нее Эдаму...

Брак на производстве

А у Арины жизнь шла своим чередом. Попав на производство в табачную компанию в Краснодаре на временную вакансию, Арина Симоненко решила одну производственную задачу, проявила математическое новаторство и зажгла «утреннюю звезду». Считается, что старые машины увеличивают брак на производстве, и брак на краснодарской табачке действительно рос. И все списывали это на старые машины... Но сделав выборку по каждой отдельной машине, Арина увидела, что брак рос и на новых линкапах — брак рос на каждой машине, а не только на старых... Такая обманка — кажется, что брак растет из-за старых машин, а он растет сам по себе на всех машинах, говорили что это из-за роста объема производства... Рост брака на производстве было плохой тенденцией для табачной компании...

Так к 2009 году Арина уже выходила свою жизнь.

На табачной фабрике Арина увидела, как те самые пресловутые братья Хаюзовы под дулом пистолета заставляют работников табачного цеха делать сигареты с гашишем, привозят табак с наркотой и на табачных машинах заворачивают табак в сигареты, а сигареты фасуют в коробки, гашиш заворачивают в свою бумагу и их коробки под импорт в Венесуэлу. У начальника табачного цеха у дочери был порок сердца, чтобы заработать деньги на лечение, он разрешал заворачивать наркотический табак...

В шестидесятые годы Полков расширял свою фабрику, установив на ней много старых машин и объясняя начальству этим рост брака. Тем самым производство выросло, и завод стал одним из самых крупных в своем роде. Но из-за старых машин брак на заводе на Урале всегда был существенно больше, чем в Калужской области. Но по производствам прошел слухок, что брак может расти и на новых машинах, и надо разбираться. И руководство решило проверить отчеты уральского завода... Достаточно было двух сводных отчетов по браку, материалам и выпуску за последние три года... «Это Марфа отдала приказание. Мстит мне», — решил Полков и предоставил отчеты.

Бухгалтер из райцентра посмотрела отчеты и, конечно же, увидела недостатки, явно завышенный брак, несоответствие материалов выходу продукции, попросила более подробные отчеты. Отчеты ей очень не понравились. И решила собирать комиссию по заводу Полкова.

На собрании она говорила, что брак на заводе явно завышен, что Минобороны переплачивает, что расход материалов просто огромен. Марфа тоже присутствовала. А когда бухгалтер стала говорить о количестве автоматов, которые завод списывает, как брак, воздух накалился, завод списы-

вал в брак невысказанное количество автоматов. И над Полковым сгустились тучи...

Полков начал отшучиваться:

— Мы очень следим за качеством автоматов. Наши автоматы лучшие на рынке, лучше конкурентов... Ну что мне говорить, вы же знаете?

Игнатьев вежливо кашлянул...

— У вас брак зашкаливает! Вы часто крутите настройки?

— А как их не крутить? — развел руками Полков...

— Слишком часто! Но на ваш завод идет в два раза больше материала! Минобороны тратит баснословные деньги на ваши настройки, которые каждый раз меняются... Мы переплачиваем за ваш брак!

— Но это автоматы... Все должно работать без сучка без задоринки... — Полков опять разводил руками...

Бухгалтер занималась танками и на них собаку съела... В автоматах и особенностях работы с ними она была не сильна.

— Я понимаю, вы работаете на заводах, но автоматы — это немного другое, — хихикнул Полков. Ему подхихикнул Игнатьев.

— Но на параллельном заводе брак в разы меньше, если посчитать пропорционально. Они в разы меньше списывают!

И опять повисла зловещая тишина... Полков и Игнатьев обменялись напряженными взглядами. Игнатьев даже как-то сжался...

И как было объяснить этому неосведомленному бухгалтеру, что это автоматы, а не танки, и старик, скорее всего, брак сбывает нелегально и потом продает... Но то, что Минобороны явно переплачивает, запало всем в память... Начальство требовало все новые и новые отчеты от Полкова, и его цифры нравились все меньше и меньше...

Полков тайком встретился с Нагорбовым и рассказал о слишком умном бухгалтере... Пустили клич, проверяя насколько бухгалтер своя. Полков передал кодовую фразу «два плюс два будет два» проверенному человеку, и на следующее утро бухгалтер должна была повторить Полкову эту фразу... Эта фраза должна была через проверенных людей дойти до бухгалтерши. Но бухгалтер эту фразу на следующее утро не сказала, и ее участь была решена... Бухгалтер сама поняла, нутром почувствовала, что влезла не туда... «Уж не контрабанда ли», — волнуясь думала она. «Но нет, только не у Полкова. Он такой проверенный. Просто чудачит старик». — Но чувство тревоги ее все равно не отпускало.

Было проведено еще одно собрание, на котором бухгалтер уже смягчилась. Она говорила о сложности производства и издержках, с этим связанных. Она смягчала первое впечатление, как могла... Но брак на заводе в Калужской области все равно был в разы меньше. И это всех волновало...

Полков опять отбивался. На этот раз он уже подготовился.

— Нам присылают разные материалы, с разной плотностью, и под разные материалы мы крутим разные настройки...

- Неужели материалы так отличаются? Это железо-то?
- Это почему это железо? Это, милочка, не игрушки, это пулеметы, и никакого железа здесь нет! – и он начал перечислять разные сплавы.
- Что вам надо менять настройки на миллиметры?
- И так тоже бывает...
- У вас это часто бывает...

Воздух звенел от напряжения. Бухгалтер выходила из себя. Она не сказала и половины, о чудовищных недостатках на складе, о пропавших партиях, которых у Полкова было слишком много...

– Вам надо уменьшать брак, или я буду поднимать вопрос о вашей некомпетентности...

– Вот Тамара Николаевна подробнее изучит ваши отчеты, – закончил совещание важный министр, любовник бухгалтерши, желая ей польстить...

На совещании Тамаре Николаевне передали бумажку с предложением вступить в долю. Но она поставила прочерк – не хотела подставляться... И это все поставило на свои места...

Через две недели эту бухгалтер нашли в канаве с проломленным черепом. Убийство организовал Нагорбов. А к заводу приставили нового, уже своего бухгалтера – молоденькую дочь одного их полковников. Она, в сущности, потом повторила слова своей предшественницы – что брак зашкаливает, что настройки надо крутить меньше или лучше планировать производство, что брак растет повсеместно даже на новых машинах, что Минобороны переплачивает...

Но эта бухгалтер была своей, и Полков это понял, также передав фразу «два плюс два будет два». Она написала ему эту фразу на следующее утро на листке... Говорить не стала... Ее отец советовал ей не лезть в автоматы – но ее взяли в долю, и уже было не отвертеться...

Полков даже ходил-жаловался своим друзьям, подключил старые связи. – Вы представляете до чего дошли!.. – так он начинал свой разговор. – Вы бы меньше на это обращали внимание, Игорь Львович... – некоторые его называли по старинке. – Хотя сейчас отчеты, Интернет, доступ к отчетности есть у многих... – Вы же знаете, что... – Да-да...

Но Полков не мог остановиться, его имя было запятнано! Он хотел доказать всем, особенно начальству что-то, и пустил партию автоматов, которые немного заедали при очереди... – Пусть посмотрят, как это не крутить настройки! – И эти автоматы попали на передовую... К Полкову на завод приехала Марфа Васильевна разбираться и, возможно, снимать Полкова с его поста... Его автоматы Калашникова были непригодны...

И вот тут Полков понял, что заигрался. Забыл, что самое главное в его работе – это делать качественные автоматы, что теперь он попал в «черный список» и висит на волоске! «Вот тут-то ты и ошибся!» – думал тогда Горюнов.

Марфа приехала проверять его отчеты. Ее пока, временно поселили к нему, зная, что у Полкова только внучка-подросток. И весь завод замер,

все знали, что Полков много продает на сторону, но молчали... Ждали, что начальство...

— Неужели? Сама? — удивился ей Полков. Он уже понял, что накосячил.

— Да, после того, что ты тут творишь...

Марфа села в кабинете директора. Теперь Полков крутил настройки только под ее контролем. «Еще хорошо», — подумал Полков.

Они изготовили очередную партию автоматов, и Полков пошел ее отстреливать. Он пошел в тестовую, хромяя, я палочкой и отстреливал автомат за автоматом из всей партии. Так он начал отстреливать все управляемые партии, иногда он отстреливал ночи напролет, так было много автоматов... На следующий день он брал отгул... Один раз Марфа отстреливала с ним... Тоже почти до утра... Он не вел учет патронам...

— И я еще плох! — жаловался он на заводе... — Да, Вячеслав Григорьевич... — сочувственно кивали ему служащие...

Полков с Игнатьевым после происшествия с бухгалтершей договорились сверять числа по браку и делать пропорционально. Из-за проблем на заводе Полкова Нагорбов решил пока работать с Игнатьевым... Пока все утрясется. Полков думал продать ему заедающие автоматы, но тот отказался...

Дошли и до склада Полкова, но директорам разрешали держать такие небольшие склады с автоматами, они иногда покрывали отсюда свои недостачи и заменяли пропавшие партии. Марфа только головой покачала, увидев личный склад Полкова...

Полков постоянно предоставлял отчеты, объяснял плохие огнестрелы своей забывчивостью, беспечностью, стремлением работать по-новому, корил своего бухгалтера, говорил, что та партия была экспериментальной и ее абсолютно случайно отправили на фронт, он бил себя плеткой и проклинал ту бухгалтершу и свою лишнюю смелость.

Они жили у него в доме и постоянно ругались, Полков предлагал ей себя в любовники, ходил в трусах, откровенно приставал. Она даже думала спать одетой. Полков хотел показать ей свой дворец. — А подвал... — разочарованно сказала она, только спустилась, но далеко ходить не стала...

Как только он придумал, что та партия была тестовой и в дело попала случайно, все выдохнули — ответ был найден. Старика никто не хотел снимать с должности — настолько он был свой... Но его продолжали проверять, и он писал объяснительные по всем бракованным партиям.

— Все дело в деньгах Минобороны, — как-то сказала ему Марфа, решив поговорить с ним начистоту. — Все считают бюджет. Твои браки стоят им очень дорого. И никто даже не уточняет, куда идут бракованные автоматы, — Марфа внимательно посмотрела на Полкова...

— А куда они могут идти? — он только развел руками как обычно.

– Все дело в деньгах Минобороны, – повторила она. – Это бюджет... Их волнует их кошелек. Они теперь бэушные автоматы на переработку отдают. А ты новыми разбрасываешься! И к тебе теперь приковано пристальное внимание из-за твоих огнестрелов...

– Так теперь они будут перерабатывать бэушные автоматы!

– Уже! Открыли завод в Поволжье.

Старик даже прихлопнул в ладоши.

– Думаешь, тебе все будут докладывать?

– А та бухгалтер? Тамара, по-моему?

– Тамара Николаевна... Ты же знаешь, ее убили...

– Убили? Да ты что? А я и не знал... – Она строго на него посмотрела.

– Я думала, это дела твоих рук! – Она говорила о бухгалтерше, как будто ее знала, хотя никогда и двумя словами с ней не обмолвилась...

– Как моих! Марфа, побойся Бога, нет, конечно! Неужто я бы... Ты же знаешь, я не убийца!..

– Знаю-знаю... – она только поморщилась... – Зная я Вас... – она имела в виду погибшего сына...

«О сыне думает», – подумал Полков...

На заводе было празднование, начальство устраивало попойку. «Последнюю», – надеялся Полков. От постоянных ночных отстрелов у него поднялось давление, и начался насморк.

За столом все веселились, пили и откровенничали. Попойку оплачивал Полков, и начальству это нравилось. Все решили: старик про штрафулся, но лучше он, чем кто-то другой...

Полкову стали ставить в упрек его отстрелянные в небывалых количествах патроны.

– Ну все! – встала Марфа. – Вячеслав Григорьевич давно работает на заводе. Знает все тонкости работы. Даже если он и ... – она сделала паузу, некоторые подумали, что она скажет «продает автоматы на сторону», – Потратил лишние патроны. Он проверял свои автоматы! – ее голос звучал грозно.

– Ну удружили, Марфа Васильевна... От вас и не ожидал... – Полков был тронут.

– Если и был брак, то он понял и будет за ним следить! Да, Вячеслав Григорьевич? – она повернулась к Полкову. Это был тот момент, когда Полкову надо было подкакивать. Сегодня ее пытал Нагорбый, ей вырвали все ногти... И она сделала нарощенные ногти в геле.

– Да! Буду экономить деньги Минобороны, – сказал старик, поднимая бокал.

– Так, насчет экономии! Все в рамках разумного... Уже доэкономились...

– Конечно, только так и никак иначе!

Все решили, что если даже Марфа защищает Полкова, то им и подавно стоит дать ему шанс – он много лет неплохо управлял этим заводом, сде-

лала его крупнейшим... Решили чаще его проверять следующие десять лет... И палочка контрабанды калашниковых пока перешла Игнатьеву.

Марфа уехала ни с чем... Это было не то руководство... Опять прислали не тех. Но кто же придет тех? Опять Темирязов... Она вздохнула...

Так Арина косвенно являлась причиной проблем на производстве Полкова...

Недостача

Однажды Николай Паленко прямо почувствовал, как хорошо иметь в своей команде Ивлева. У них была довольно большая поставка, Ивлев зачеркнул ноль, провели поставку с Нагорбовым, продали лишние автоматы. Вы не представляете, как легко зачеркнуть ноль по документам. Как будто все для этого сделано, чтобы ноль в документах зачеркивать... Все благодаря Темирязову... И тут вдруг проверка из районного центра, и тут же выявлена недопоставка. Паленко тогда потерял покой и сон. Их начали проверять, и именно на их участке была недостача. Начались разборки и им всем троим, кто поставил подписи под теми проверенными накладными, в которых автоматов было в десять раз меньше, грозил суд... Паленко в который раз порадовался, что большая часть ответственности теперь лежала на Ивлеве, и еще раз отметил про себя, что правильно отдавал ему половину. Он крутил всегда Надю, а надо было закрутить Ивлева, но он никак не закручивался...

Но Ивлев написал объяснение начальству, что ошибка произошла по неосторожности. Даже приехали из райцентра искать недостающие автоматы.

— Как по неосторожности! — его начальник орал на него и стучал по столу так, что слышно было даже в коридоре.

— Так по неосторожности, — Ивлев встал и грубо ответил начальнику. Паленко и Чухова сжались в сторонке — такое даже невозможно было представить, чтобы Паленко так разговаривал с руководством из центра.

— Так по неосторожности! — повторил Ивлев и тоже хлопнул ладонью по своему столу, правда, один раз. — Их наверное, потеряли по дороге, Мы эти автоматы не получали, и сделали накладные по полученным автоматам. Это было конечно, неправильно, — Ивлев сел за свой стол. — Но мы надеялись с этим потом разобраться. Может, найти недостающие автоматы...

— Да вас под трибунал отдадут за эту недостачу! — его начальник был обезоружен... — Он даже разговаривать стал спокойнее и присел на стул...

— Мы не поучали эти автоматы. Или вы сомневаетесь в нашей чистоплотности? — и Ивлев строго посмотрел на начальника из райцентра.

— Нет, Павел Николаевич, мы, конечно, не сомневаемся... — начальник смягчился... — Но эти автоматы лучше все-таки найти. Если они были потеряны по дороге...

— То мы пойдем их искать! Правильно, Надежда Николаевна?

Чухова быстро покивала...

— Вот сегодня и отправимся...

Вот зауважал Паленко Ивлева тогда. Что он может так с районным центром разговаривать. Пусть их отношения не сложились, но Ивлев не так плох — ведь отношения не всегда складываются.

Они втроем надели высокие сапоги — недавно прошел дождь — и отправились вдоль железнодорожных путей. С ними поехала машина. Они шли вдоль путей до вечера, как будто искали упавшую коробку или три... Они шли так до вечера, но ничего не нашли, конечно же.

Вечером Паленко созванивался с Нагорбовым и требовал пока вернуть эту часть автоматов, а то у них серьезные проблемы... Просил и даже плакал... Нагорбов те автоматы уже продал, но была партия у Никиты, и они договорились, купили эту партию автоматов у Никиты в складчину — а у Никиты было в три раза дороже. Они, конечно, все скинулись... Никита поставил автоматы в этот же вечер, и Ивлев съездил подальше вдоль путей... кинул коробки — типа выпали из поезда... Паленко сторожил эти коробки до завтрашнего дня. Пока машина с шофером и Ивлев с Надеей дошли до той части путей...

И Паленко навсегда запомнил, как Ивлев его заставил всю ночь охранять автоматы, потом торчать здесь голодным все утро и весь день. Ждать их до обеда — палиться под солнцем... Потом он увидел их, она шла, облокотясь на его руку, тоже уставшая. А вчера она так шла, облокотившись на него... Он точно ее ревновал...

Они иногда так делали, говорили, что автоматы терялись по дороге и потом возвращали автоматы, уже проданные Нагорбову. У Паленко даже один раз украли так автоматы, пока он их охранял... Но его тогда простили — автоматы попали в руки разбойников, и он не имел к этому отношения. И с тех пор Паленко решил сразу доставлять автоматы в часть. Но с Ивлевым было по-другому...

Автоматы были найдены, районный центр получил свой отчет. Все трое могли спать спокойно... Правда, автоматы были не от тех поставщиков, и опытные это бы поняли. Но в районном центре вроде бы не заметили...

У Никиты полетели поставки, но он неплохо заработал на своих же поставщиках.

Ивлев даже нашел нового поставщика — Никиту Кривогора, Паленко работал только с Нагорбовым.

— С Никитой работать! — Паленко даже испугался.

— Да, и с Никитой. Он лучше платит.

В следующий раз, когда у них были поставки Кривогору, и в районном центре это обнаружили, Ивлев также писал отчет о недостатке, но они уже ничего не искали и Кривогор им ничего не возвращал. И впопыхах они не искали автоматы. Из районного центра проблем не было, и никто не приезжал. Хотя они все напряглись. После второй проверки Ивлев решил пока не проводить поставки... И это было правильно, одобрил его Паленко про себя...

На самом деле в тот раз Ивлев опять за свой счет перекупал автоматы у Нагорбова, Надя знала, Паленко – нет...

А Паленко никак не обращал внимание на участвовавшие проверки... Теперь их проверяли слишком часто, и поставок было в разы меньше... «Но это ничего, потом наберем», – обычно думал он перед сном. И не замечал, что и денег теперь от поставок у него совсем не оставалось... Он то покупал втридорога, то продавал дешево... И нервов теперь прибавилось. А он все молился на Ивлева...

Они все были как будто под Ивлевым. «Мы теперь все как одна семья», – думал Паленко. «Теперь и он моя семья»... Ивлев как будто держал в руках вожжи с контрабандой автоматов от Паленко сейчас...

Ивлев собирался организовать свое убийство и отдать Паленко под трибунал... Что делать с Надей он еще решал... И все вокруг боялись, что его тоже закрутит система...

Паленко и Ивлев

Паленко однажды увидел Надю на лавочке с мальчиком лет семи. Он сразу понял, что это ее сын. По тому, как она говорила с ним, гладила по головке. А мальчик недовольно морщился. Он тогда проследил за ними. Узнал, что мальчик живет у жены Буйнова. «Так старуха жива?» – удивился он. – «Вот старик прохвост». Паленко сначала думал, что это его сын. Но он не мог ошибаться, тот самый подбородок, упрямый и твердый. Те же синие глаза, только больше, как у Нади... Или отца... Так это его племянник, вдруг всполошился он. Никаких детей Наде, вспомнил он слова отца... Еще один наследник, он перевернулся на другой бок.

Это ребенок Ивлева, он был уверен. Но ему уже лет семь-восемь, неужели даже тогда, когда они были вместе. Паленко был ошарашен. Все, больше он не мог доверять Наде. Ни Наде, ни Далиле. Он как-то следил за Ивлевым и знал, что тот ездил к Далиле, советовался с ней и перекупал. Он тогда поставил на него прослушку. Далила тоже хороша, но нечисть – что от нее хотеть! Паленко был уверен, что Ивлев хочет выдавить его из дела... Что лучше дружить с ним, чем соревноваться. Он не понимал,

что Ивлев так кипишится – его позиция была самая удобная. Но Ивлев точно его ненавидел... И тут он понял, это из-за Нади. Он ее ревновал... Они оба любили одну женщину. «Но это же глупо!» – подумал Паленко. Она же стара... Вот он любил. Любил ли он жену. Ну любил... Но Надя, она его, и только его... А вот нет... А Ивлев просто мстил ему за Буйнова.

Старуху и мальчика он решил оставить, как есть. Он решил все оставить, как есть...

Когда Надя узнала, что они родственники, она сделала их ДНК-тест, она перестала с ним спать. И между ними наступило охлаждение... Сначала она перестала делать ему минеты... С этого все началось. Потом он стал заставлять Ивлева с Надей... Но у него еще есть жена и сын, и деньги... О, денег у него много. Еще от отца остались... Но он так и прожил жизнь, не насладившись своим богатством... И ему стало очень горько-горько, и он заплакал. Это все из-за Нади. Из-за ее лжи... А все-таки к ним привязываешься... К этим сучкам... А так не хотелось... Неужели он относился к ней серьезно? Да нет, просто привязался... Но мальчик, еще один наследник... Это теперь ее главный мужчина... И каждый раз, когда она что-то делает, она думает о нем... Теперь все надо переиграть с учетом этого мальчика. Он вздохнул...

– Нам ведь не нужны лишние, – как-то сказал ему Ивлев. Паленко почему-то думал, что у них будут хорошие отношения. Он ведь отдавал ему такой куш. Но нет... И он часто вспоминал слова отца, что лучше ни с кем не делиться, Только она и я. И сожалел... Но сожалеть было не о чем... Тогда не было варианта. По-другому не получалось. И теперь Ивлев особенно тщательно проверял все бумаги... Паленко часто вспоминал старика Буйнова и очень сожалел, он решил, что никогда не простит себе его смерть...

После звонков 2005 года Нагорбов решил не вести с ним дела, пока все не уляжется. И теперь его досье лежало в столе у судьи, и пусть судья лечилась от невменяемости, ее помощница тщательно разбирала дела, забрала его досье домой для изучения и делала пометки по его досье в свою тетрадку...

Паленко даже когда-то подставил одного мальчика, и его отдали под трибунал. Но он мог свести концы с концами.

О случае 1960 года он как-то рассказал Наде после близости. Есть такие правила, если ты делаешь женщину своей любовницей, то раз в десять лет доверяешь ей какую-то свою тайну... Чтобы любить ее больше... Чтобы ваши отношения были крепче... Чтобы больше ею ценить и доверять ей... Чтобы еще раз ее проверить, в конце концов... Вот откуда об убийстве того года узнал Ивлев и теперь шантажировал его. И Ивлев точно его из-за Нади не любил... Она ведь была матерью его ребенка...

А Ивлев все закручивал гайки... Он требовал поставок, а Нагорбый не соглашался, и Паленко стал еще больше нервничать... Но были еще те звонки... Оставалось только убрать Ивлева...

И однажды ночью он решился, он уже убивал... И того мальчика тоже... Который все мог узнать тогда. Молоденький совсем. Он, конечно, ничего

не понял. Но Паленко тогда решился на убийство и быстро... По голове и утащил труп, откуда ни возьмись появился Нагорбый и помог ему с трупом. — Всю мокруху делаешь сам, но у тебя ее совсем и не будет, — говорил когда-то отец.

Паленко слишком долго жил под гнетом, он или порезал бы вены сам, или убил Ивлева. Но он уже убивал, и он выбрал убийство...

Он решил убить его, когда тот будет выходить с части. Тоже пырнул его ножом сзади и сразу по артерии, он умер через десять минут, истекал кровью. Лучше, чтобы Ивлев не видел, кто убивает, так ему проще... Труп убрал сам, пока в холодильник... А потом будет думать... Пока Паленко нанял клона, потом решил инсценировать его смерть... Так не стало Ивлева Павла Николаевича...

На его место Паленко ожидал нового начальника и все клял себя за тот звонок...

Надя поймет, что это не Ивлев и будет подозревать его. Он будет, конечно же, все отрицать.

И Паленко решил продолжать убивать... Решил замести следы и убить всех свидетелей. Старуху с парнем — можно устроить пожар. А Надю тоже — закрыть случайно в холодильнике, как с ней уже было... Заморозил и дело с концом... Она там может еще полежать... Никто не будет ее искать. Пропала без вести... Старухи и сына тогда уже не будет... И дело с концом... Замести все следы...

Его совсем понесло... Может, это предательство Нади, женщин не надо недооценивать.

И он все больше склонялся к убийству всех свидетелей и бегству. «Хоть на старости лет поживу счастливо и богато», — думал он. И опять вздохнул и перевернулся на другой бок... В 2005 году было отправлено эсэмэс, и у Паленко с тех пор начались проблемы...

Моя очередная могила 2010

Одного из Спенсермэнов, старшего по мне ругал отец: — Эта таблетка, сводящая с ума Арину Симоненко, в итоге стоила тебе слишком дорого, ты и солдат навозвращал, и деньги заплатил, а через три года ей дали противоядие, зная, что она зажгла «утреннюю» звезду... А она может даже никогда показания не дать. В девяносто три все вспомнить... До разморозки и не дожить...

Я была основным свидетелем по Владимиру Нагорбову. Спенсермэны хотели положить мою голову Владимиру для дальнейших дел с ним. Владимир — Бог, его уже приравнили к Богам!

Эдаму нужны были справки, что я невменяемая, и мои показания не примут в суде... К тому моменту я уже дважды лежала в психушке... Моя справка от психдиспансера нужна Эдаму, чтобы в который раз его успокоить...

Каждые десять лет по свидетелям бил набат (или чаще). И мой срок опять наступал...

– Ты или вылезешь, или сдохнешь... – сказал мне в спину Мурат на очередной встрече выпускников... Шел 2010 год, четыре года после моей второй госпитализации в психдиспансер, для невменяемости нужен новый прецедент.

Все смотрели, как меня с препаратами Оксаны Куйвы протягивали через мужчин... Мне еще очень повезло... Ушла в работу...

Казахстан опять присылал ко мне наемника, а программист-jack-in-the-box¹ из параллельной группы, который обещал меня убить Байсеку на втором курсе, перерезал горло девушке Ане, очень похожей на меня, только ниже, и бросил ее в канаве на окраине города. Она уже «тикала». Знал и он, что убивает не меня? Конечно, знал. Меня тогда спасла «утренняя звезда» табачной фирмы.

Зачастую то, что не удается преступникам, удается врачам – похоронить свидетеля... Наши врачи убивают таблетками. Они в могилу свидетелей и складывают... Не те таблетки прописывают, например...

В 2010 году пришла очередь очередной моей могилы, которую еще с детства готовили мне работорговцы. А меня опять убивают. И в психиатрическом диспансере, где я лечилась после поездки в Америку, состояла на учете, мне прописали таблетки от шизофрении, с большой дозировкой... Я к тому времени уже пила их три года... Но именно с этой пачкой были проблемы, ее по заказу сделали на заводе специально для меня. Эти таблетки провоцировали конвульсии, судороги типа эпилептических, якобы у меня начались побочные действия от таблеток... После четырех-пяти таких таблеток мне могли спровоцировать эпилептический припадок и сделать практически полностью парализованной... Инвалидом-растением на десять лет, память бы стерли, мозги бы «репарировали». Одного из свидетелей из параллельного класса, сына полицейского, сделали таким работорговцы после пяти таблеток, когда я училась в десятом классе...

Мой участковый психиатр отдал мне пачку этих таблеток и еще пачку нормальных. Участковая медсестра сказала мне сначала пить нормальную пачку. К тому моменту я уже привыкла пить эти таблетки, принимала их несколько лет. Пачку эпилептических таблеток мне сделали на заводе по поручению участкового психиатра...

¹ попрыгунчик

У меня после этих таблеток начинались конвульсии, меня трясло, волнами накатывали судороги и не отпускали... Я пила эти таблетки перед сном и не могла спать...

Свидетели примороженные, пока до них дойдет... Что не так, и что это именно таблетки... И все считали таблетки, сколько я выпила, на какой мне паралич растворять...

Мама мне сказала: — Делай что хочешь, вылезай, как хочешь, я тебе ничем не помогу. Как только хочу что-то сделать, мне сразу дают опухоль... Тут такие игры...

За такие таблетки по поручению Эдама моему участковому психиатру дали противоядие от гепатита С, которым его заразили, когда у него брали кровь из пальца, он был сыном страшного уголовника, и гепатит С ему достался по наследству за злодеяния отца. После этого моего участкового психиатра повысили, отправили в комиссию выдавать различные допуски и разрешения на оружие. К пациентам его больше не допускали, он уже не одну пациентку похоронил.

Врачи сильно рисковали и ничего не держали под контролем...

После таблеток четырех, я сама себе таблетки отменила... И нашла себе частного психиатра...

Мальчик из параллельного класса уже лежал десять лет, и его после моего воскрешения из мертвых тоже стали из этой могилы поднимать, проводить реабилитацию и возвращать к нормальной жизни... Все порешали свои проблемы за счет меня. А моя мама думала, меня похоронит в очередной раз. А я думала, что умру от судорог, пока разобралась, что это от таблеток...

А психиатр, который прописал мне «эпилептические» таблетки, за это получил по коробке контрабандных автоматов от всех наших контрабандистов оружия, Владимира Нагорбова, Марины Шайн, младшей Далилы, а потом перепродавал их — стал перекупщиком — и так заработал! Немного занялся контрабандой оружия. Вот такие врачи!

Все хорошо, что хорошо кончается... И не будет могилы еще десять лет... Вообще мне Эдам прописал раковую опухоль в сорок-сорок три... Если к тому времени я не дам свои показания... Что не удалось работорогвам, может быть, удастся американцам — убить меня!

Потом я узнала, что Саша Янченко все-таки добрался в Соединенное королевство, где стал переводчиком и гидом. Там он женился на негритянке, и у него родился мулат. Он там разрабатывал новую методику изучения языка...

Когда я вылезла из могилы, меня стали готовить в невесты. Именно мой репетитор по английскому Виолетта Генриховна (помните ее? Третья глава первого тома этого романа) познакомила меня с мужем, программистом Лешей. Виолетта Генриховна как-то сказала, что серьезный горбун, колдун увезет из России в Америку серьезную хранильницу, а та в Америке будет строить храмы... Виолетта Генриховна разрекламировала Лешу как богато-

го, умного и очень перспективного. С мамой в администрации. Он три года ходил к ней на курсы английского и был не самым умным учеником, периодически доводящим всех до белого коленья — ставил эксперименты с человеческой психикой. Виолетта Генриховна заблаговременно побывала у него дома — в однокомнатной квартире на сорок квадратов в элитной новостройке недалеко от берега Кубани, оценила его жилищные условия. И рекламировала его как вполне обеспеченного жениха. На курсах он так ничего и не выучил. За три года на английском он так и не заговорил... Она пригласила его на встречу американцев, куда пригласила и меня, предварительно позвонив и описав его в самых привлекательных красках! И так, с будущим мужем я познакомилась на американских встречах. Место встречи изменить нельзя... Сватовство Виолетты Генриховны сыграло свою роль. Я смотрела на Лешу через призму ее похвалы и свои розовые очки. Он пригласил меня в театр. Я согласилось, и все завертелось. Мы поженились через два года. Еще через год у нас родился сын — Леша оказался очень плодовит, одного незащищенного полового акта на второй день после месячных хватило для зачатия... Когда я узнала, что беременна, подумала, хоть бы девочка, теперь я не представляю жизни без своего мальчика. Сына назвали Костей.

Когда мы с Лешей еще встречались, мой папа спросил у матери Леша:

— А зачем вам это все надо? Вся эта история?

— Ради ребенка... — честно ответила она. — Мы идем на это ради ребенка...

— Понятно, тогда нормально.

Я тогда мало что понимала...

Морковка

— Это я, Келвин Спенсермэн. И я съем вашу морковку...

Мурат Дажуху — высокий, метр восемьдесят, худой, жилистый, темно-рыжий, «морковка», с острым коротким носом и широким лицом, похожий на Буратино, «деревянный мальчик». Главного героя сказки «Буратино» наверняка рисовали с нашего Мурата. Он был очень здоровым, лучшим генфондом планеты...

В 1984 году три перспективных прокурора дали клятву охранять закон беспрекословно, и за это растворили инсульты до смерти трем «богатырям» в пяти поколениях, инвалидам, попавшим в аварии... Но эти инвалиды потом могли подняться... Они их убили инсультами в больницах, а за это у этих прокуроров родились сыновья на одно лицо — «морковка», Мурат Дажуху, такой же, но абсолютно белый Саша-«кукуруза», и Саша-

«картошка» со светло-коричневыми волосами. И все копии друг друга... Клоны друг друга... Очень здоровые, с богатырским здоровьем убитых инвалидов. Овощи, выращенные на убой. И нашу морковку решили «съесть» Спенсермэны. Мурат был создан под органы преступников, которых будет сажать его отец Дажуху-старший.

Мурат был синтетиком, выращенным в лаборатории, его сделали искусственно из биологического материала Дажуху-старшего и его жены, вложив в него лучшее здоровье планеты. Его делали как синтетика, овоща, «морковку», если Дажуху старший или младший проштрафятся, то бандиты будут собирать из Мурата свои органы. Для этого его и создавали... Дажуху-старший согласился, за это он получил пост прокурора города... Когда Арина была в шестом классе, в горах Дагестана создавали синтетика Мурата...

В 2003 года Келвин Спенсермэн нашел свою «морковку», нашего рыжего Мурата Дажуху, он тоже подставил Арину, точнее его отец Ян Абдулович. У оружейников такого уровня, как Келвин Спенсермэн, часто были серьезные проблемы со здоровьем, с ногами и руками, например... Поэтому они заводили себе доноров органов, и донором Келвина стал Мурат. Он пописал это в 2003 году. Здоровье Мурата становилось все хуже, сначала селезенка, потом сильно, с единицы до минус восьми, упало зрение, потом ему назначили плохие препараты, такие же, как когда-то Арине Симоненко. Мурат думал, что сможет «переварить» плохие таблетки, как когда-то мальчик из параллельного класса, думал, что можно переждать их действие, терпел их. Арина тогда быстро бросила пить эти препараты, нашла другого частного врача и устроила скандал... А Мурат все пил их и пил... Он их исправно принимал, и через неделю таблеток у него случился первый припадок. На Мурат принимал их несмотря на припадок. Тогда его разбил паралич, и он стал инвалидом-колясочником. Когда-то здоровый Мурат, настоящий богатырь, стал инвалидом первой группы, его носили на руках, одевали памперсы и кормили из ложечки... Зато Келвин становился все здоровее, даже проблем с ногами у него еще не было... И, глядя теперь на Мурата, скорее всего и не будет...

Так Мураточка стала инвалидом...

Мурата проще было держать больным паралитиком-калясочником, и тогда Дажуху-старший, может быть, за сорок ему что-то заплачет, какие-то препараты... А как говорили в классе Арины, или не заплачет. Все были уверены, что Мурата, прокурорского сынка, никто лечить не будет, он таким и останется...

...Зачастую не получается просто так у свидетелей жизнь сломать, как у Арины, например. Сделал свидетелю ребенка — это лучшее, что ты для него сделал.

Когда сыну Арины было три месяца, ее отец и Ян Абдулович Дажуху гуляли по берегу Кубани с колясками. Отец Арины гулял с маленьким вну-

ком, а Дажуху с сыном-колясочником... Он возил на коляске Мурата... Они утирали своим слюнки — папа Арины внуку, а Ян Абдулович — Мурату... Ян Абдулович надеялся, что через десять лет Мурата поднимут из коляски, но большинство не разделяли его мнения — он был сыном прокурора...

Итак, в 2015 году я была замужем за программистом Лешей и растила сына Константина полутора лет...

Надя Мернокова

Надя Мернокова была дочерью судьи и хорошо знала правила...

Надя тоже была серьезной свидетельницей против Владимира Нагорбова. Ей родители прописали раковую таблетку после сорока, но она была свидетельницей, и ей таблетку скрутили. Она была из полицейских и знала все внутреннюю кухню. Собираешь показания против серьезного криминального авторитета еще в подростковом возрасте и не подумав сливаешь их за большие деньги. Как будто она за систему, за вечное противостояние добра и зла, преступного мира и полиции, и пока они борются, мир стоит, система работает. На нее обрушивается общественная ненависть и критика. И она якобы понимает, что ошиблась, и дает клятву друзьям, что будет бороться против преступности до конца дней, как и хотели родители. И опять становится свидетельницей, но уже не так круто, по середнячку. Потом она будет по мелким сошкам. Но деньги того крупного криминального авторитета у нее остаются...

И многие, борющиеся с преступностью, думали, что главное, вовремя «сливать» свои показания. Чтобы поддерживать необходимый уровень преступности. И «сливать» только очень запятнавшихся преступников. Вечных, не стареющих судей себе развели и вечных преступников тоже. Они живут вечно и не стареют. Вечные преступники были очень кровожадными. Вообще мир такой — очень кровожадный!

И уже до конца дней Надя сливать свои показания не будет. И раз в пятнадцать лет по ее показаниям будут сажать криминальных авторитетов, но проштрафившихся, неугодных как своим, так и чужим.

Дальше Надя то дает свои показания, то под давлением их забирает. Но потом опять дает, и ее показания определяющие во многих делах... Но всегда недостает улики и чего-то не хватает. К ней должен кто-то добавляться, но добавляться всегда некому. Она знает правила, поэтому в чести. Но она никогда никого серьезного не посадит... Ва-банк никогда не пойдут. Она всегда в играх...

Наши полицейские рады и таким свидетелям! Хотя каким-нибудь.

Таких свидетелей пруд пруди, скажите вы. Но нет, они и сидят в колодцах, и органы за показания продают. Такие свидетели тоже нужны. Но они не должны быть единственными и основными.

Но есть у нее один серьезный недостаток – она работает не одна. Иногда появляется ее клон из судей или даже преступников... И сливает свидетелей. Надя со свидетелями дружит, а ее клон сливает... Дружишь с Надей – идешь в бега.

Надя Мернокова свидетельница, но не по крутым. Таких никто и подбирать не будет. Шестерка, шестеренка. Она сливает своих свидетелей.

Именно она слила Сашу Янченко и не один раз. К Саше всегда приходила именно клон Нади, подкупная судья в качестве его одноклассницы и старосты. И каждый раз, когда Саша обращался к Наде или ее подкупному отцу-судье, доверялся им, его сливали, ловили, заставляли на месте преступления, все его собранные доказательства терялись или пропадали. Все доказательства, которые он хранил у Нади, сразу же теряли ценность. Он сидел на ее препаратах ASNE, знал ее давно и верил как себе. И поэтому его потеряли, как свидетеля, и отправили в бега.

Когда Саша ушел в бега, судья, клон Нади, закрыла все его заявления и признания и сложила их в архив. Теперь открыть эти дела можно было только с ее разрешения.

Надя тоже удобна полицейским и выгодна, но вдруг оказывается на другой стороне. Такие свидетели тоже нужны для поддержания системы. Надя сильно «хитрожопый» свидетель. Она «сливает» своих. Нельзя быть на стороне американцев и жить в России.

Шестеренки никогда не выложит своих архивов в сеть. Они хранят свои компроматы, как гарантии дальнейшей жизни. Они легко предадут друзей. У Нади раковая таблетка, дни сочтены, она будет заботиться о собственном выживании и сливать кого угодно.

Что Брэнда, что Надя Мернокова.

Надя опровергала все показания Саши Янченко и все его доказательства продавала американцам. И вот тут она ошиблась. Осталось слишком много свидетелей, у Арины хранились фотоальбомы, в любой момент она могла все вспомнить. Остались показания Яси в психушке, в Англии жил-поживал Саша Янченко, Маленькая Яна выросла и тоже давала свои показания, показания Иры Штоляровой были не так противоречивы. Не так-то просто идти против «правды», не так-то просто обелять преступников. Показания Нади были слишком сбивчивы и противоречили показаниям всех основных свидетелей... которые где-то кто-то хранил. Они шли в разрез порою даже с фактами, с датами календарей, показаниями друзей Нади... Сильно на ее показания никто не опирался – они противоречили всему, чему только возможно... Наде все рекомендовали: – Если ты врешь, сиди потише...

Как и Надя, Брэнда тоже собрала все показания богатого поклонника Арины и слила их...

Надя Мернокова будет работать в государственном университете на своем факультете лингвистики преподавателем английского, защитит диссертацию и станет кандидатом филологических наук. Она будет преподавать английский на курсах подготовки к поступлению при университете. И выплачивать однокомнатную квартиру в ипотеку.

Все были уверены, что за сорок ей отменят опухоль за показания и кто-то из «своих» полицейских положит Наде сперму, и она сделает себе мальчика, сына, и продолжит жить долго и счастливо. Но нет... Детей ей никто делать не стал...

Поэтому Арину Симоненко и Надю Мернокову разводили. Надя была свидетелем по Саше Янченко...

2010–2015 гг.

Все наши девушки-убийцы, конечно же, отдавались своим преподавателям за дипломы. Говорят, что некоторые своих преподавателей после получения диплома даже кастрировали выстрелом в пенис, в самом легком случае избивали. Ира Штолярова не была исключением...

Ира Штолярова уже начала очень много убивать. С ку-клукс-кланом поведешься, от ку-клукс-клана наберешься. Она пять лет давала показания против Эдама и его шайки, подтверждая показания ключевых свидетелей, Саши Янченко и Яси, но каждый раз путая следствие, мешая даты и складывая деньги от Эдама. Она подтверждала, что американцы убивали негритят, но мешала даты. Она сделала так, что не сходилась ни одна дата, не «ложился» ни один факт. После ее показания американцев никогда бы не посадили... На каждый ее факт у Эдама были доказательства, что он эти преступления не совершал. Умные следователи тщательно собирали показания Иры. Потом ее кто-то ударил по голове, и к ее показаниям приложили справку о сотрясении мозга и заболевании, при котором пациент путает даты...

В 2010 году Ира Штолярова с помощью Эдама уехала во Францию, в Париж к Полине Ганченко. В России после лжесвидетельства ей уже не жилось нормально. Она там вышла замуж У нее появилось два сына... Марина Ковач уехала по программе обмена в Америку... Все разъезжались жить по за границам... В 2015 году Марина Ковач умерла от раковой опухоли...

Во Франции любили убивать редких животных, развели кентавров, здесь нарастала жестокость. И многие убийцы теперь ехали во Францию убивать. Ира уже давно для переезда учила французский. Она очень много убивала негров, слишком много, то слишком бедных, то детдомов-

ских... Американцы получали свой рекорд... свои пять поколений убийц...

Лена Ситокова носила фамилию матери, которую не поменяла после замужества. Она уехала по программе обмена учиться в магистратуру в Америку, где осталась жить и работать. Через семь лет она вышла замуж за мусульманина, по-моему, индуса, работавшего в ее фирме в многонациональной Америке. Он также был связан с торговлей оружием. Говорили, что она после внутренних метаний приняла бизнес отца, продолжила его дело — стала заниматься контрабандой оружия вместе с мужем... Оружейный бизнес отца она бросить не смогла... Сейчас «оружейники» управляют детей учиться и жить за границу, налаживать торговые связи и расширять рынки сбыта. Лена встретила своего «оружейного барона», и конгломерат сложился...

В 2013 году прошло десять лет, как Эдам передал концы работорговли в Литву, и там начали пропадать дети на улицах. В американском клубе говорили о какой-то девочке, которая пропала без вести. У кого-то горшок золота, а в Казахстане появилась новая рабыня...

Леша и Маша, контрабандисты калашниковых из Сибири, зять и дочь Никиты Кривогора, завели ребенка, девочку, с разрешения Яна Абдуловича, которая должна была унаследовать бизнес Кривогора. Маше не полагалось детей, но они засветились с Эдамом, ее уже могли опознать. И Никита решил выводить дочь из игры. Они оба, влюбленная парочка, должны были погибнуть в перестрелке, а Никита воспитал бы внучку, как дочку, и передал ей бизнес...

Эдаму официально запретили давать инсульты и инфаркты, раковые опухоли тем более, накормили молодильными яблочками и в 2015 году отправил домой в Америку, он полицейских просто озолотил, чтобы его выпустили из страны. Морген уже несколько лет жила в Америке. Эдам хотел уехать из России, чтобы уже никогда сюда не возвращаться. Морген все-таки раздвинула ноги по щелчку и стала «бременем» Эдама, когда переспала со всем медперсоналом всех больниц, где лежали ее дети, чтобы спасти «долгожданных» «неположенных» сыновей от всех болезней... Она ослепила собой весь медперсонал...

— По-моему, меня хотя посадить за них всех! — думал черт, когда на него наши работорговцы стали писать массово заявления, ведь уехал Эдам. — Но меня не принимает земля и Казахстан. — Но наш черт был умный и давал показания только против Эдама — он один виновен во всем.

Так наши черти, преступники и работорговцы реально собрали папочку доказательств против Эдама, что он один воровал детей и продавал их в рабство, а полицейские отпустили Эдама в Америку! Восвояси! И тут Деликаты и черт начали бастовать: они подожгли участок, подложили туда бомбу, при этом вынеся все доказательства против Эдама. Так Деликаты спалили правдивые заявления, которые родители проданных детей писали против реальных похитителей.

Когда Эдама выпустили из России, плакала вся Америка, а черт с семьей писал заявления в прокуратуру на нашу полицию, на всех начальников и генералов, собирал на них заявления и требовал их уволить. Оглоблины завалили полицию заявлениями... Полиция стонала... Черты понаписывали заявлений в прокуратуру, чтобы проводили прокурорские проверки дел, обвинили следователей в коррупции... И не обосновательно. Участок трещал по швам!

— Нет бы приличного гражданина выпустили! Так он же преступник, каких мало! Так они его даже со стопкой доказательств посадить не могут! И вот это наша полиция! — кричал черт у участка. — Эдам — преступник каких мало! Так они его выпустили! — Тогда много шишек с постов снимали... правда потом повосстанавливали, но не всех... Черт и работорговцы подняли восстание против полиции.

— Вы представляете, какая у нас слабая система правосудия! Мы столько доказательств против Эдама собрали, и фото, и видео. А они его все равно выпустили! Вы представляете! — жаловался наш черт прессе.

— Так, наверное, поэтому и выпустили, что он же не виновен во всей вашей работорговле и всех ваших преступлениях!

Черт упал на месте, в обморок.

— И повернулся язык сказать такое, повернулся!.. А это не ваше дело, милочка! Мы доказательства собирали, чтобы вы преступников сажали! И все по доказательствам! И вы не имеете права меня так голословно обвинять!

— И если вы не посадите Эдама Хейсонда за то, что сделал он сам, — (и крестик из пальцев за спиной), — то мы вам участки повзрываем! — и работорговцы показывают на крутого взрывальщика, — Порасчлением ваших жен! — Полицейские тут же стали делать видео угроз правоохранительным органам...

— Эдама изначально привели в Россию как святого козла, — кричал черт около полицейского участка. — Его пригласили подставлять, и если мы его не посадили, то это будет наша недоработка! Надо работать с сознанием, они не могут посадить фелиситу в принципе, а за столько не его преступлений тем более... У них стоит какой-то блок в сознании — это неправильно, это нечестно, нас за это накажут... И это как будто не сдвигаемо в сознании. Но посадить Эдама — это достижение, и за это не накажут, а похвалят. Мы будем первыми, кто посадит фелиситу и неважно, за что! Давайте накроем плащом, за что мы его посадили! И никому не скажем, сколько преступлений мы на него скинули! И будем этим гордиться до конца дней! Мы сможем стать первыми, кто посадит фелиситу! И мы подадим хороший пример остальным!

И полицейские начали работать с возражениями:

— Мы не можем посадить Эдама Хейсонда за то, что сделали наши отморозки. Но я не знаю, кто сделал все эти преступления, и если все улики против Эдама, то буду сажать его...

— Мы не будем капать глубоко.
— Посадить такого серьезного преступника, как Эдам Хейсонд, это честь для нас!

— Я знаю только одно, если ты не посадишь Эдама, то сам станешь их святым козлом! Они на тебя свою работорговлю скинут... — говорила Оксана Куйва мужу Сашке-Ивашке.

— Нет, тебя земля не понимает! Хотя подожди... Нет, на тебя столько не скинешь, на тебя можно скинуть только... подожди.. половину... нет, четверть... Нет, тебя не принимает земля Казахстана! Хотя тоже вариант... — И наши преступники прошли по всему городу и записали, сколько своих преступлений они могут скинуть на каждого из оборотней, полицейских или работорговцев... И составили список! Но Эдам был лучшим! Такие преступники на полу не валяются!

Черт обращался к нации, как Сталин перед войной:

— Братья и сестры! Мы нуждаемся в вашей помощи! Нация должна опять, как в самые суровые времена, объединиться перед общим врагом! Мы стоим перед лицом страшной опасности! Темные времена опять наступают... Надо очень верить в то, что мы делаем! Сажаем Эдама! Ведь только это имеет значение! И мир, и уголовный кодекс, и кодекс бандита примет нас! Никуда он не денется!

— Мне стыдно за нашу нацию! Мне стыдно за нас всех! Опять мне стыдно за этих людей... Мы не можем посадить Эдама за то, что сделали мы все! Не можем! Не сажается он и все тут!

— Как я буду спасать нашу нацию от позора! Я обещал посадить Эдама Хейсонда и не сдержал свое слово... Я опозорен навсегда!!! Какой позор!

— Так у нас уже два, да какой там, десять ящиков показаний против Эдама и улик, а мы все его никак посадить не можем! И вот так работает наша полиция!

— Если хоть кто-нибудь еще хоть раз скажет, что это не Эдам один воровал детей и продавал их в Казахстан, я тому сейчас же растворю раковую опухоль! С этого самого момента, когда мы пытаемся посадить Эдама Хейсонда.

— И если хоть кто-то когда-то скажет, что это не Эдам совершил все эти преступления — вот список — я ему тоже опухоль растворю, — говорил Владимир Михайлович Велунд, главный по преступным группировкам Краснодарского края. Он убил больше всего «генеральских», на него служили «опосумы» (еноты), они ели животных, «коты», кто наоборот никогда не ел, и «умники».

— И с этого момента мы размораживаем все заявления против Эдама и сжигаем, именно сжигаем все остальные. Ладно, пока не сжигаем, но потом сожжем! И мы все обновляем заявления против Эдама! Да, мы идем в полицию и опять пишем заявления против Эдама, что он главный работорговец и преступник! Мы обновляем все свои заявления! Чтобы Эдаму было не отвертеться!

— Нет, я выпью три инфаркта! Нет, я выпью десять инсультов! Нет! Я выпью раковую опухоль! Нет! Я больше не буду заниматься вашим Эдамом!

— Ой, нет-нет, нет! Владислав Сергеевич! Вы берегите себя ради нас! Кто же еще будет учить нас, как посадить Эдама. Не оставляй нас, отец родимый! — и вся Россия упала на колени перед чертом Славой... — Ты как луч света в темном царстве нашей жизни! Не остави нас, направи нас на путь истинный!..

— Мне кажется, что мы никогда не сможем посадить Эдама!

— Что ты сказал? — и черт подбежал к говорившему и стал трясти его за воротник. — Если я хоть еще когда-нибудь услышу, что мы не можем посадить Эдама, то мы тоже... ладно, придумаем что... Если мне хоть раз кто-то скажет, что посадить Эдама — это утопия... Я найду способ его наказать! Задушу своими руками! С того момента Эдам — это просто обычный преступник, каких миллионы, нет тысячи... Преступник каких полно! Один из тысячи!

— Я никогда не верил, что они на самом деле фелиситу посадят, и никто и слова не скажет...

— И если кто-то скажет, что это он воровал детей или совершал преступления Эдама, он тут же лишается гражданства! И сразу предоставляет справку о своей невменяемости! И едет в психдиспансер! И если с этого момента я хоть от кого-то услышу, что детей воровал кто-то, кроме Эдама Хейсонда, я ему растворяю три инсульта! Негоже идти против целой нации! Это будет враг народа! Только Эдам и никто другой! Хоть кто-то поговорится! А книги, они и в Африке книги, им все равно никто не верит...

— Я, это я воровал детей, а не Эдам Хейсонд!

— Кто сказал, кто сказал такую чушь? А ты Эдам Хейсонд?

— Нет...

— Тогда он невменяем, поверьте мне! А справку сейчас нарисуем...

— А я пришел с чистосердечным признанием...

— Ты подожди с чистосердечным! У нас по новому указу всех детей Эдам воровал. Так проще, понимаешь?

— А почему его не посадили!

— Да кто их знает? Говорят, что еще посадят!

— Ну если ты воровал детей, то иди в тюрьму!

— Как в тюрьму? Я передумал! Я не хочу в тюрьму... Да, это Эдам один воровал всех детей по всей стране!

— Вот это другое дело... Это правильно! А теперь иди-пиши в полицию, что ты видел, как Эдам детей воровал...

— Мне все равно, кого посадят, лишь бы детей вернули...

Черт обращается к остальному миру:

— Мы никогда не сажаем невиновных. Только виновных на самом деле. Весь мир верит в нашу систему правосудия. Самую чистую из всех систем! А если кто-то скажет вам, что мы посадили Эдама Хейсонда за всю

нашу работоторговлю и большинство наших преступлений, то не верьте, это фантастика! И утопия! А книги — это просто книги, писать можно все! У писателей и носы разговаривают... Тихо сиди!

— Мы дадим вам полный отчет, как мы посадили Эдама за все его преступления! Только за его преступления! Полный отчет! У нас все законно! И я должен еще убедать судью посадить Эдама за то, что сделал он сам!

— И если я хоть раз услышу, что Эдама посадили за нас всех, то... Эдам сядет только за него самого! — И черт накинул все возможные плащи!

Но Эдама все-таки выпустили из страны... Эдам даже сделал себе два комплекта документов, Эдам Христос, Иисус Хейсонд.

И с ними ездил по миру — но этот комплект документов был волшебный. Как только его открывали, сразу появлялся джин черт Слава и рассказывал, что Эдам святой в России, он готов сесть за всю работоторговлю мира, чтобы спасти несчастных детей в рабстве. Это видео сделал сам Эдам в 2045 году из русской тюрьмы и просил всегда всем показывать...

Элен и Анна тоже решили просить себе русское золото! За то что они русские святые козы... И им тоже поставили стоп по количеству реально совершенных преступлений. Но они были просто в пушку... Их золотом тоже щедрые русские все-таки решили одарить... Раз за нас их посадят... Но золото взяли из золота Эдама. Эдам был против. И тоже положили в банк под проценты...

В итоге на Элен скинули три убийства, на Анну десять.

— Это фигня, считай, Эдам у нас вон за семьсот человек сядет... Вы и не заметите... И знать не будите! Скидывайте смело! По десять на каждого, не меньше! А больше можно! Можно все! Никаких запретов!

Итак, в 2015 году я была замужем за программистом Лешей и растила сына Константина полутора лет...

Яна и Майкл

Маленькая Яна Соил останется при американцах. Она, конечно, вырастет. Ее мать умерла еще в 2003 году, ее убил брат Майкла... Когда Яне было семь, у нее на руках уже было две маленькие сестры... И роль их матери исполняли то полицейские, то сами американцы, пили таблетки «внешности». Американцы и русские боролись за дни в году, кто играет роль матери сестер Соил...

Яна очень рано повзрослеет, станет главой семьи... Ей американцы предложили переехать в одну из своих съемных квартир уже оплаченную, и с ее точки зрения было глупо отказаться. Она с сестрами переехала в эту квартиру, а потом жила в разных квартирах американцев до совершенно-

летия, Майкл взял шефство над сестрами Соил. Майкл с Яной иногда играли в дудочку и кувшинчик.

Когда Яна была подростком, как раз в 2010 году, ее с сестрами хотели забрать в детдом. Но Яна сама отказалась, было глупо идти в детдом, когда они жили в квартирах американцев и американцы помогали им во всем, отдавали свою одежду, например...

В детдоме Яну бы хорошо выучили под какой-то средний пост. Чтобы она возглавила семью и помогала младшим сестрам. А американцы делали из нее «дубину». Никем, кроме продавца, она работать не смогла бы.

Это правило – свидетелей должно сносить. Если их не сносит, их переманивают, перекупают. Сестер Соил сразу надо было отправлять в детдом, еще в 2003 году, но тогда они не стали бы этими свидетелями...

Свидетелей должно относить. А Яну не отнесло, она у них слишком долго жила, слишком много знала, и в итоге стала у них своей... Яна должна была стать одним из основных свидетелей в уголовных делах американцев тех лет.

Майкл начал рано ее развращать, когда ей было двенадцать, он стал ее любовником, но она все забывала. Майкл внедрялся в ее сознание, он стал ей другом, любовником под забвением, даже отцом... Потом она в него осознанно влюбилась... Но Майкл тоже должен был покинуть Россию, оставив ее как и все... Он оставил ее внешне нетронутой... Пробив в ней брешь за материальную поддержку, которую она принимала многие годы, брешь из-за ранней смерти родной матери... А полицейские стали бороться за среднюю сестру Соил, которая была младше Яны на два года... Она для показаний тоже была не так плоха и не так мала на время многих преступлений...

Яна рано повзрослеет и поймет, что за конфетки американцев надо платить. Что это галлюциногены, и даже наркотики...

Яна будет молиться с американцами, примет Бога, будет верующей протестанткой, как и ее умершая мать, и станет неизменной подругой американцев, будет организовывать их лагеря, вести для них американские встречи... Когда она вырастет, будет невысокой и толстошей. Внешне изменится мало... Она закончит географический факультет, но и дальше останется при американцах. Каждый раз все новых и новых... Девственницей ее изнасилуют четверо в лесу. Она забеременеет и оставит ребенка... Родив мальчика, она «купит» себе новую жизнь... Яна будет работать в магазине продавцом и по совместительству товароведом.

Зная, что после сорока Яна уже может умереть, как и ее мать, у Яны полицейские начали собирать показания после показаний Яси Ворониной... Она долго определялась со стороны, но в конце концов встала на сторону американцев...

Мы все желали ей понять, что Майкл не так прост и не так хорош... Что этих Майклов у нее было уже четыре... Что этих лагерей в юности желательно поменьше... Но годы американцев было не так просто вычеркнуть...

Как и с Надей Мерноковой, Яне нужно было понять, что нельзя жить в России и помогать американцам. Это может все плохо для нее закончиться...

Нашей полиции посвящается

Чтоб вам слепоту растворили!

Да что бы вы сами слепли, и вас никто лечить не хотел!

Чтоб у вас зрение до минус восьми упало, началась отслойка сетчатки, и один глаз ни одной линии ровно не видел! И никогда не увидит!

Чтобы вы, шизофрению лечили, которой у вас нет, и вам наши врачи таблетки не те прописывали!

Чтоб вам Дажуху, чтобы скрутить навсегда свою кровожадность, постоянные голоса в голове прописал и свои «черные мухоморы» перекидывал.

Чтобы ваши полицейские постоянно взятки брали от контрабандистов, чтобы ваши показания никогда не собирать или постоянно терять!

Чтобы вам полицейские свои галлюциногены растворяли.

Чтобы ваши показания никто не принимал, а полицейские за это миллионы складывали.

Чтоб вас, как меня, полгода «водили» и из бегунов Дажуху не достал. И наши контрабандисты и их поставщики из Минобороны это оплачивали!!

Чтобы все вокруг надеялись, что вы умрете! А вы все не умирали! Разочаруйте их!

Чтобы вы сами таскались со своими контрабандистами и были их подписанными свидетелями!

Чтобы сами лежали в грязи и делали фотографии в темноте!

Чтоб вы сами были свидетелями преступлений и пожили, как мы живем десятилетиями, давая свои показания!

Чтобы вы также друзей хоронили, сволочи!

Чтоб вам также психику подрывали препаратами!

Чтоб вам жить было не на что!

Да чтоб вас под машины кидали и СПИД кололи!

Чтоб вам эпилепсию врач прописал!

Чтоб вас врачи, как нас, не лечили!

Чтоб вас под трамваи кидали!

Чтоб вам жизнь также сломали, как мне свидетельством!

Чтоб вы всю жизнь кровь сдавать боялись! Заразят или не заразят гепатитом С.

Чтоб вы все сдохли по колодцам и помойкам!

Да чтоб вам кровожадность никто никогда не скручивал!
Чтоб вы жрали животных по мусоркам и жрали детей из-за своей кровожадности!
Чтоб у ваших подъездов контрабандисты калашниковых караул несли!
Чтоб вы их всех знали поименно! Истории их жизни и преступлений!
Чтоб все сами таскались по всем местам убийств, БЕЗ МЕНЯ!
Чтоб вы умерли все!
Чтоб вам и вашим судьям взятки за контрабанду никто не давал до конца дней!
Да чтоб вас препарировали каждый три дня! И память стирали!
Чтобы вы не вылезали из прокурорских проверок!
Чтоб вы никогда счастливы не были!
Чтоб детей у вас не было! Чтоб кастратами все стали!
Чтоб вы все умерли в муках!
Чтоб вы пожалели все, что меня в контрабанду калашниковых втянули!
Чтобы вам все участки повзрывали, и вы там все заживо сгорели!
Желаю вам стать вашими свидетелями и пожить их жизнью хоть лет пятнадцать!
Арина Симоненко

Полицейские получили мое послание, прочувствовали степень отчаяния. Одна даже помочь хотела, но ее вовремя остановили!..

Все судьи продажны, особенно по дорогому оружию. Полиция обычно в выигрыше по сравнению со свидетелями. Они масочки надели и живут по пятнадцать лет чужой жизнью. Ваша полиция продаст кого угодно, лишь бы им кровожадность скрутили. Как только для свидетеля надо что-то сделать – никто ничего не делает! Или уже ничего не могут – все продали!

Частую свидетели, как Саша Янченко, просто не знают, куда им обращаться. Полиция их показания просто не собирает, зато их крутят и замарывают бандиты, пытаются, убивают. Они со всеми своими доказательствами оказываются никому не нужны. Бандиты покупают и свидетелей, и полицейских. Тем более, что у Саши всегда есть «суки» Надя Мернокова, «детка судьбы», которой он слишком доверился. У него есть подруга, которая его продает...

Полицейские слишком лавируют! Продажных полицейских всех надо отстреливать! Есть свидетели, которым никто никогда не поможет. На месте, которых никто никогда не хочет оказаться! И это свидетели по контрабанде калашниковых!

А зачем полицейским влезать в свидетелей, которые не жильцы! Таких не слушают, показания не читают, себя жалеют, Арина и Яся все равно не жильцы! Бесперспективщина полная! И не парьтесь! Ясю никто и не спасет!

Полицейские по мелким сошкам! Круто никто не хочет лезть! С контрабандистами полиция слишком лавирует. У полиции на глазах Марину

Шайн разбудили и контрабандисткой сделали. А полицейские стояли и смотрели.

Часть 11. Один день

Орлы и волки

Орел-человек убежал от полиции... Он не был богат и известен... Он искал прибежища... И прилетел на планету, за которую орлы-люди уже давно не несли ответственность. На его планете орлов началось восстание... Только страх и смерть... Он хотел найти прибежище на Земле... Но не нашел, конечно... Его вскоре вернули... Но он успел кое-что сделать — он закрыл шкатулку рабства, которую когда-то открыл его господин... Это было много веков назад... И эта глава как раз об этом...

Орлы уступали свое место волкам, теперь они должны были нести ответственность за Землю... Люди-орлы произошли соответственно от орлов, а люди-волки — от волков... Мы произошли от обезьян...

И последнее, что сделали орлы — это открыли ящик Пандоры — сказали, что люди изначально разделены по цвету кожи на черных и белых, при этом черные обязательно должны были служить белым... Цвет кожи разделял людей на рабов и господ... И последнее, что сделали орлы на плане Земля — это начали это разделение, веря, что люди-обезьяны поймут, что это неправильно и люди равны между собой... А тот, кто открыл рабство для землян, был знатным вельможей, одним из предводителей... И он открыл золоченую шкатулку рабства — и завертелся черный вихрь, и распространился по всей Земле. И поделил тот вихрь мир на белое и черное... И начал играть орел с волком-человеком свою шахматную партию... он не был плохим вельможей и человеком... Он считал себя правым... Другие обезьяны смогли победить в себе это неравенство, но не мы...

Человек-орел открыл шкатулку рабства, и на его планете тут же закрутился ураган гибели, их гибели, смерти их цивилизации. На планете орлов начались восстания...

И вместо того, чтобы признать равенство белых и черных, белые тут же сделали их своими слугами навечно... Орлы не учили социальное неравенство, царящее на земле, иерархию неравенства... как удобно иметь бесплатную рабочую силу... Переоценили людей-обезьян... И стали орлы постепенно сокращать науку и искусство и уменьшать технический прогресс.

— Странно, — решили орлы. — Они вроде бы произошли от обезьян, но в них так мало жалости и милосердия к себе подобным...

Орлы тогда, открыв шкатулку рабства на Земле, хорошую цивилизацию инженеров угробили... до древнего мира довели, до пустынь. А хотели показать, что обезьяны не намного лучше орлов...

Орлы, гиганты по сравнению с землянами, приняли цивилизацию инженеров от львов, а отдали в сущности рабовладельческий древний мир. Тогда орлы поделили наш мир на белое и черное и улетели. В управление вступили волки. Орлы были уверены, что люди-обезьяны не погрязнут в работорговле, а они погрязли. И орлам тогда за Землю положили черную метку.

Такой получили нашу цивилизацию волки, с открытой работорговлей... умирающую и вырождающуюся...

Деление людей по цвету кожи — это серьезное испытание для цивилизации. Все цивилизации в своем развитии проходят разные этапы... И цивилизация Земли попала в этап рабства...

Вместе с рабством на Земле стали распространяться пустыни, сухие ветра работорговли несли погибель всему живому, растениям, животным, людям... Цивилизацию перезагрузили... Люди погрязли в бедности и долгах... Люди сгибались под плетью надсмотрщиков, они тратили жизни, чтобы построить склепы, гробы для своих фараонов... Инженеры строили дома, а работорговцы склепы. Цивилизации, основанные на рабах, не стоят долго...

Делить мир на черное и белое — это большой соблазн для цивилизации и большое испытание... Есть те, кто его пропускают, но не мы, не земляне... Некоторые цивилизации с людьми-обезьянами смогли его миновать, не уйдя в рабство... Но не мы... И видя, что земляне погрязли в работорговле, поняв, что земляне так и не поймут, что черные и белые равны, погрязнут в неравенстве, волки открыли им азиатов... На Земле стали появляться смежные между белыми и черными, желтые... Промежуточное звено, чтобы мы задумались... Китайцев сделали из буйволов, японцев из койотов и шакалов. И сделали азиатов очень развитыми... Очень умными... но ограниченными... И это не очень хорошо для цивилизации, но и не очень плохо...

Эволюция проходит быстрее с короткими жизнями... А теперь мы были на одной из самых низких ступенек эволюции и цивилизации...

А тот орел, который открыл рабство для Земли, знатный вельможа погиб в революции на своей планете... В это время у орлов было восстание, орлы убивали орлов...

— Я не думал, что так будет... я, честно, не думал... — он лежал на кровати в своих бархатных позолоченных одеждах в своем открытом богатом доме на холме. Все его руки были в перстнях. Уже сильно раненый и скорее всего уже умирающий. — И ты должен закрыть шкатулку рабства на Земле... Должен закрыть... Возьми это, — сказал он своему преданному слуге Баруму и передал ему список действий для закрытия той шкатулки. — Да, мой господин... — Беги, беги, убегай скорее. — Слуга поспешно

покинул хоромы через задний ход, и солдаты ворвались к его господину и стали ранить его своими саблями... И он умер от ударов их сабель... Последнее, что слышал его слуга — это были крики его умирающего господина... И слуга бросился в свой космический корабль и отправился на Землю, тоже получив ранение...

Слуга убежал израненный... истекающий кровью... Еле сумел приземлиться на Земле...

Барум приземлился как раз там, около того дома, где была открыта шкатулка рабства на Земле, слегка повредив свой корабль. Климат здесь был жаркий, он оставил корабль в лесу... Он был уверен, что сможет сам отремонтировать корабль — ведь когда на Земле закончилась цивилизация инженеров, все орлы по бумерангу стали более подкованы в математике и технике...

Барум решил, что починит корабль позже и сразу же пошел в дом... Это был Олимп, и здесь время шло медленнее... Как же изменилась планета с тех пор, как была открыта шкатулка рабства! Со своим господином Барум покидал когда-то цветущий благоухающий сад, вернулся же он в безжизненную пустыню. Здесь царствовали холодные жестокие ветра за проданных в рабство детей... Нигде ни травинки, только холодный безжизненный песок и камни...

Барум сразу поднялся по ступенькам и зашел в дом, держась за бок, в который его ранили... — Мне нужна помощь, — крикнул он и упал. И какой-то человек быстро подбежал к нему...

Барум проснулся через несколько дней, с перевязанным боком.

— Как долго я спал? — спросил он у слуги. — Больше трех дней... — Барум торопился, за ним была погоня... — Я здесь с одной целью... мне надо попасть в ту комнату... — Барум был на голову выше всех землян.

Слуга понял его без слов. — Пойдемте, — быстро сказал он. Ключ от комнаты висел у него на шее. Еще его господин, покойный сейчас, закрыл когда-то эту комнату этим ключом и сам повесил его на шею какому-то слуге очень-очень давно. Им сказал тогда сделать это какой-то человек-орел... Слуга быстро открыл комнату — здесь был хаос, вихри ветра, ураганы, и все они вились вокруг вот уже много веков открытой шкатулки на столе. В ветрах кружились дети, люди, даже дома и деревья... Отсюда шел по Земле песок пустыни, бесплодие и разруха, сюда засасывало деревья, сады и уголья... Барум быстро подошел к шкатулке, попытался ее закрыть, но не получилось... Она не закрывалась, крышка сопротивлялась. Тогда Барум вспомнил про листок его господина с инструкцией, как закрыть коробку.

Эта инструкция осталась у него в корабле... Господин оставил ему список предметов, которые надо было положить в шкатулку, чтобы закрыть ее навсегда — камень забвения, цветок лаванды, настойка из яда кобры, горстка земли Олимпа... И у Барума было только несколько часов, чтобы найти все компоненты... Он объяснил это слуге — все орлы были телепатами.

Они сразу же отправились в лес — Барум знал, что времени в обрез, скоро его здесь найдут. Он шел, схватившись за бок — рана была глубокой... Они вместе искали камни и цветки в лесу, долго добывали яд... Камень они нашли на берегу реки забвения... Лаванда росла в садах Олимпии... Барум уже бежал к дому, когда увидел спускающийся за ним корабль с его планеты, орлы нашли его и уже приближались... С корабля опять начались выстрелы.

Барум черпнул горстку земли у дома, подумал, какая она сухая и песчаная, и быстро вбежал по лестнице, открыл комнату рабства, подбежал к шкапулке, сопротивляясь вихрям и схватившись за край стола, чтобы не упасть, и бросил в шкапулку все компоненты. Она сразу забурилась, и ураганы замедлились. Барум быстро, уверенным хлопком закрыл шкапулку... Вихри стихли... В комнате сразу же стало тише, запели птицы и за светило солнце, стены даже стали покрываться цветочками...

Вдруг сзади раздались шаги и послышались крики. Прибыли орлы-полицейские. Барум быстро вышел из комнаты, закрыл ее на ключ, как когда-то его господин, и отдал ключ слуге, настрого запретив его кому-то отдавать.

— Вы арестованы! Вам надо проследовать за нами... — вдруг раздались за его спиной громкие слова... и орлы-полицейские забрали его с собой... Барум под конвоем улетел на свою планету...

Когда-то орлы у нас на Земле открыли рабство... А люди-орлы похоронили цивилизацию... Но он успел... успел закрыть шкапулку, выполнить все ритуалы... И сразу же мятеж на его планете стал меньше, стал затухать...

Сейчас время волков ушло, и наступило время людей-тараканов, людей, произошедших от тараканов, у кого распространены межродственные браки, инцесты... и рождаются дети от этих союзов...

И шкапулка рабства была закрыта, рабство было повсеместно искоренено на планете Земля, но души землян были уже отравлены его ядом, оно, как черный паразит, уже заползло в их умы и отравило их навсегда... И так рабство все равно осталось, заползло в самый дальний угол сознания и стало существовать в формах, в которых это было возможно, в которых его можно было как-то совмещать с техническим прогрессом и наукой, не обращая внимание на пустыни, в виде «одного дня», например...

Вместе с отменой крепостного права в 1862 году или точнее, чтобы отменить его, Александр Второй подписал вместо крепостного права продажу рабов за границу. Тогда выдавали двух взрослых мужчин с каждой деревни. Рабы потом передали, что нормально, терпимо, в рабстве жить можно — просто также работаешь. Но потом прошло время, и рабовладельцы «закрутили гайки», стали практиковать пытки, отрубание рук и ног, и наши стали передавать, что нет, в рабстве ничего хорошего нет, хуже крепостничества... Александр Третий тоже подписал такой же акт о прода-

же рабов. Во время Первой и Второй мировых войн и революции рабов никуда не поставляли. Потом в 1963 году Брежнев-принц Иорданский подписал поставку детей в Казахстан – казахстанцы считали, что из детей рабы получаются лучше, раба лучше воспитать, чем потом переделать. И вверг Брежнев страну в работорговлю – каждые пять лет в десяти городах страны набирали по двести рабов из детей девяти-двенадцати лет, редко младше или старше... И только... в 2004 году подписал прекращение поставки рабов в Казахстан...

Близнецы

В Америке ку-клукс-кланы говорили, что будут убивать негров, пока их не приравняют опять к рабам законодательно. Хотите прекратить убийства – возвращайте рабство!..

Еще со времен крепостничества и рабства в Америке богачи поняли, как удобно иметь рабов. И как можно перераспределять блага, покупая рабов в бедных домах и продавая их в богатые. От рабства было сложно отказаться – рабство продолжалось и в наши дни. Рабы стоили несметно дорого... Врачи придумали давать будущим матерям специальные таблетки, чтобы у них рождались абсолютно идентичные близнецы. Одного оставляли в семье, другого продавали в рабство, деньги за раба обычно забирало государство и на них развивало экономику, строило больницы, торговые центры, при этом гарантируя родителям безбедную жизнь. Ребенку еще везло, если родители иногда забирали его домой и меняли с другим близнецом. Детей забирали уже подрошенных, когда им было одиннадцать-двенадцать, классе в пятом, чтобы они были уже грамотные, хорошо знали язык, письменную и устную речь. Эти дети были абсолютными близнецами, клонами друг друга, чтобы обманывать на энергетическом уровне...

Такой вид рабства назывался «один день» из-за последнего дня, когда у матери было еще двое детей. День, который все тянули, как могли... «Один день» придумали в Америке – оплоте черного рабства, последнем оазисе законной работорговли. Американцы считали, и весьма правильно, что главное, чтобы умные люди сидели в конгрессе и сенате. И исправно за этим следили... Регулярно консультировались у вампиров, которые тоже ой как не хотели вернуться в средние века... «Один день» казался всем не так плох...

В последний день растягивали время, все доставали свои черные ящики... Иногда этот день тянулся до трех месяцев... И чем дольше тянулся этот последний день матери со своими детьми, тем добрее были люди

в этом городе. Работорговцы ставили голосование в городе, сколько длится этому дню, взвешивали все «за» и «против», и все голосовали. Вспоминали все грехи матери и отца... Потом одного ребенка забирали, мать сама решала, кого. И это был самый сложный выбор в ее жизни. Зачастую, он был случайный... Это самый сложный день — день выбора матери, какого ребенка продавать в рабство, а какого оставить себе. И этот выбор она не делает до последнего дня. Но к этому времени детей уже видно, характеры уже сформированы, более послушно, доброго и доверчивого отдадут в рабство — с таким характером в рабстве легче жить.

В этот день мать старалась как можно больше ласкать детей, покупать им сладости, исполнять все их желания... Так они жили день за днем в «одном дне», для них шли месяцы, а для нас это был один и тот же день. Мать знала, что один ребенок будет вспоминать этот день всю жизнь... И жить им... Этим последним днем...

Сначала «один день» делали для двух близнецов, а потом через год только для одного выбранного...

Но этот день у них все-таки был... Их последний день всей семьей...

Детей забирали как из бедных, так и из семей среднего класса и выше, зачастую родители, планирующие ребенка, просто тянули спичку.

Родителей призывали считать, что второго ребенка у них просто никогда не было, и забыть его навсегда. Очень редко кто-то хочет вернуть рабов, обычно их хотят забыть... Но забыть не получалось. Родителям не получалось. Им хотелось помнить своих детей.

Эти дети в рабстве работали с утра до вечера, им растворяли запрещенные препараты, портили органы, девушки вынашивали чужих детей, зачастую девушки становились проститутками. Рабов в основном забирали в дома криминальных авторитетов — честные боялись в наше время связываться с рабами. Боялись проверок паспортов. Слишком большая головная боль.

Каждый раб имеет свой срок годности. Если раньше рабы не доживали до сорока, то сейчас живут больше пятидесяти. И умирают легко, не от опухолей, а от инфарктов — быстро и небольно. Вот повезло!

«Один день» — самая распространенная форма рабства в двадцать первом веке. Сейчас так поднимала экономику Франция, на этом была основана экономика Дубая, там «одних дней» было слишком много. На «одном дне» построили Голливуд — они продавали рабов в богатые семьи разных стран. Во Франции, в ее слабой экономикой, где любили убивать редких животных, царствовали кентавры, убийцы животных, где хоронили науку, без «одного дня» было не обойтись.

Работорговля — это страшно. Очень меняется психология, когда начинаешь владеть другим человеком. В этом есть что-то не то... Надо быть идиотом, чтобы в страну привезти работорговлю... Над рабством не надо смеяться, рабство — это не смешно... Это все серьезно...

В Америке был очень распространен «один день». Каждые пять лет несколько семей в каждом городе пили таблетку и получали двух иден-

тичных детей, которых государство забирало в рабство и строило административные здания, клубы развлечений, больницы. Внешнее благоустройство Америки зачастую было основано на проданных в рабство детях. У Андрэа была продана в рабство сестра-близнец, а у Эдама Вэна брат, вот они и поженились.

«Один день» был самой распространенной формой рабства в мире, его практиковали в разных странах, и начало двадцать первого века было временем «одного дня»...

Принц Иорданский

В 1950х годах у Иордании с Казахстаном был негласный договор о всеместной поставке рабов на много лет вперед. И страдала земля Иордании, и плакал ее народ. Но поставлял богатый Казахстан в земли Иордании и буйволов, и овец, и ткани, и ковры...

И решил тогда наследный принц Иордании исправить ситуацию, видя в будущем какую-то книгу о рабстве...

Настоящему Брежневу все прочили пост генсека и не видели другой лучшей кандидатуры. Но тут появился иорданский принц, открыл дома у Брежнева портал между своим дворцом и ввел настоящего Брежнева в состояние коматоза на несколько лет. Сам под него загримивался, стал его клоном, загрузил себе русский язык, обучился. Брежнев как раз должен был переехать в Москву и там его еще никто не знал, пристально не рассматривал. И загримивался принц под Брежнева и поехал вместо него... И стал иорданский принц советским генсеком.

Он занял вместо Брежнева пост генсека и подписал своей рукой продажу рабов из СССР в Казахстан. Чтобы Казахстан набирал теперь рабов в СССР, а не в Иордании. Генсеком СССР стал «засланный казачок». И начались поставки рабов в Казахстан из СССР и поставки рабов из Иордании прекратись. И поставки скота в Иорданию прекратились том числе...

Иорданский принц занимал пост генсека три года — по густым бровям видно «зайца». А потом принц растворился во времени и пространстве, вернулся на родину.

Принца Иорданского вычисляли по привычкам и «проколам» — он мог по горячему песку ходить не попрыгивая, у азиатов ноги к горячему песку привыкли. И танцевал как азиат — выставив вперед ладошки.

А настоящий Брежнев потом проснулся, полгода в себя приходил, что генсеком стал. Настоящего Брежнего потом козлом отпущения сделали. Когда он увидел, что делали в Казахстане с детьми его знакомых, он сам выколол себе глаза... Он и ослеп, чтобы не видеть, что он подписывает, так

хотел поставку рабов отменить, якобы доказать, что он не мог это подписать, потому что не видел, что подписывает... Но некоторые документы оказалось отменить очень непросто... В СССР понравилось детей в рабство продавать...

Тот документ подписал не советский генсек, а иорданский принц. Негласный документ не имел юридической силы.

Последние годы вместо Брежнева сидела «ряженная кукла». До сих пор на разных портретах генсек Брежнев разный. Но генсеки не были президентами и не сдавали ДНК-тесты, не сдавали кровь и раз в три месяца не подтверждали свою личность.

Но достойно ли это королевской особы так поступать? Говорили, что король должен был найти другой способ вывести страну из разрушения...

Так Иорданский принц вверх СССР в эпоху узаконенной работорговли...

Ток-шоу

— Я иду, мой Эдам, я иду к тебе!

На международном конгрессе черт обращался ко всем представителям наций.

— Я клянусь вам, братья и сестры, это один Эдам с детских лет продавал наших детей в рабство! Я клянусь вам, он один! Я клянусь сердцем матери!

— И мы клянемся! — поддержали его Деликаты. — Только один Эдам Хейсонд виноват.

— Если мы посадили человека, значит, он был виноват... Мы невиновных не сажаем! — говорил наш президент...

— Вот-вот...

Наш черт Слава поехал в Америку и стал агитировать американцев выслать Эдама Хейсонда из страны, пошел на пресс-конференцию к голливудскому комику на его ток-шоу.

— Люди Америки, если вы хотите, чтобы вашу святую землю покинул этот страшный человек, Эдам Хейсонд, преступник, убийца, маньяк и т. д. вы можете проголосовать, и мы посадим его в нашу русскую тюрьму до конца его дней, и вся Америка сможет спать спокойно. Давайте вы все проголосуйте, и мы прямо сейчас заберем его в Россию, и все сможете жить спокойно!

— Но у нас таким голосованием не сажают преступников, таких прецедентов еще не было!

— Так давайте создадим! Давайте будем первыми, кто создаст такой прецедент!

– Но я знаю Эдама Хейсонда, он милейший человек и священник! Я не думаю, что он преступник, и не хочу, чтобы его посадили... У него чудесные мальчики!

– Поверьте, вы не знаете Эдама Хейсонда! Он торгует оружием! И наркотиками! Но люди Америки не хотят спать спокойно!

– Если Эдам такой серьезный преступник, то почему у него есть дети? Сыновья?

– Это мы! Мы сделали ему сыновей! Он наш святой козел! Святой козел России!

И шепот по залу...

– Эдаму в России и эко сделали, двух мальчиков: Эдам должен быть управляем. А если у него есть родственники, то им легко управлять! Родственниками легко шантажировать! Родственникам можно помогать, если Эдам подписывает признания, обещать им хорошую жизнь и выполнять обещания!

Черт бился до конца...

– Но люди в Америке не хотят спать спокойно! Они не хотят, чтобы их дома стали безопасными!.. Ой, вот и он, этот маньяк и каннибал! Эдам, я для тебя сделаю все видео, чтобы тебе было интереснее сидеть в нашей тюрьме до конца дней... Как читают книгу, как читает ее Дмитрий Павлович... как наша звезда свою книгу про тебя, Эдам, всем в полиции дарит! Я решу все с твоей ненаглядной Мэри! – черт опять побежал за Эдамом.

Отец Эдама уже десять раз пожалел, что дал ему эту Мэри.

– Наш Эдам – звезда Америки, – говорили в ку-клукс-клане. – Его уже по телевизору показывают!

– Забирайте! – крикнул Эдам из первого ряда. – Это не человек, это клоун... – И черта отвезли в психиатрическую больницу, а потом в аэропорт!

А Эдам Хейсонд уже сам стал в глубине души не рад, что поехал в 2002 году в Россию! Прадед Арины, который не старел, за ее зрение выбил Эдаму один глаз за нарушение правил после того, как Арина зажгла «утреннюю звезду» в табачной компании. Теперь Эдам ходил со вставным глазом. Ему передали – «извини».

Черт скоро появился снова. Какие деятельные черти!

– Придумали, звезду смерти Эдаму! Ты глянь, что они придумали, убить тебя звездой смерти. Нашли подходящую! Но я этого не допущу, мой Эдам! Я не дам тебя убить! Я пойду это подпишу! Мы не можем убить Эдама звездой смерти, он должен сесть за все наши две тысячи восемь преступлений! И за свои четыре!

– Это же надо, что придумали – звезду смерти Эдаму! Это кто же умный такой? Кто такое придумал! Где же такую звезду нашли, чтобы фелиситу убивать! Мой Эдам, только мой! Я не дам тебя убить «звездой смерти»! Какой бы величины она ни была! Ты наш козел, и тебя нельзя убить!

— Эдам, мой Эдам, Я ради тебя готов на все и звезду с неба достану — только не звезду смерти!

— В общем, я договорился, что если мы тебя не посадим сами в 2024 году, в марте, то все-таки дадим тебе звезду смерти! Не тебе, ты уже будешь старым, а кому-то из последователей! Детям... Но, я думаю, мы тебя все-таки посадим... Я себе это уже миллион раз из 2024 года передал... Правда мы все поседели, пока ты сел... так что не переживай, я о тебе позабочусь!

— Бей, Эдам, бей, не стесняйся! Только бы ты признание подписал... Подпиши сейчас, и это облегчит твою участь! — Черт Слава собрал подписи всех граждан мира, что они хотят посадить Эдама Хейсонда за рабство. — Вся Африка и Латинская Америка априори. Почти весь мир хочет тебя посадить за рабство. Потому ты и прижился, Эдам. Ты наш теперь. Ты нам родненький... почти русский...

Людам, «зажегшим звезду», сделавшим что-то кардинально новое, давали как «звезды жизни» — возможность спасти чью-то жизнь, противостояние от опухоли, например, и таких звезд давали много, так и «звезды смерти» — возможность кого-то убить, и таких звезд давали мало... Звезды делились по уровням — мировым открытиям, которые меняли ход истории, присваивали самые крупные звезды.

Даже после того, как президент подписал отмену рабства в России в 2004 году, русские и дальше продолжали продавать детей в рабство — не могли удержаться — и радовались, что за них отсидит один Эдам! Дети в рабстве, и все довольны!

— Двери нашей тюрьмы всегда открыты для Эдама Хейсонда и других наших святых козлов!

— Вы думаете, Эдам сядет за нас всех? За все сто сорок семь миллионов? Нет! Вы думаете, он сядет хотя бы за миллион нас? И опять же нет... Но в будущем идут волны... — добавил Слава. — Вы думаете, Эдам сядет за пятьсот тысяч? И опять же нет... Но в будущем опять идут волны... Он сядет только за некоторых, которых очень мало! Только за всех работорговцев... которых по разным данным меньше тысячи... А за последние десять лет... Вот видите, все честно!

И его встречает гром аплодисментов.

— Эдам, ты пойми, мы не можем иначе... Ты должен сесть за всю нашу работорговлю и контрабанду. У нас один святой козел, и нам не дадут другого!

— Вот Голландия тоже святых колов требует! Где набирать будем?

— В России, конечно же! Сейчас найдем! Езжай в Голландию, милоч! Там разберутся!

— Мы якобы перепутали Эдама с принцем Халимом... — сказала молоденькая девушка, будущая новая жена черта Славы Маша.

— Не называй это имя, а то он сейчас появится, — черт Слава испугался и зажал рот кричавшей незнакомой девушки. Так они и познакомились...

– Не дай вам Бог быть святым козлом в России!

– Русские самодуры сажают Эдама за них всех...

– Варварская страна...

Американцы стали бояться – самодуры-русские.

– А Деликаты все доказательства собирают... Что это один Эдам воровал детей по всем России... Какой он вездесущий!

– Мы клянемся, мы сажаем Эдама только за то, что сделал он сам! – кричал черт. – Мы за справедливость! Только за его преступления! За его собственные!

– Эдам должен сесть за нас всех! Да какой там за нас всех! Только за свои преступления! Он сядет за все эти (и он показал список), только свои преступления! Он же фелисита!

– У них преступник сядет за целую нацию! Прикинь, как можно! – и гром аплодисментов по залу.

– А насколько вы будете это реализовывать? – спросил муж Оксаны Куйвы, главный оборотень в погонах Краснодарара...

– На все сто! Нет, на сто тридцать, – ответил ему черт... – Сажаем Эдама, всех возвращаем и все скидываем!

– Так они выбрали себе святого козла сидеть за всю и работорговлю! Заранее договорились на международном конгрессе! Нашли подходящего... Договорились! Все подписали...

– Надо заранее идти в работорговлю – имея святых козлов... Еще Брежнев нам рекомендовал святого козла Эдама Хейсонда, чтобы мы не переживали... Чтобы мы спали спокойно...

– Козла пригласили – ты попробуй его козлом сделать!

– Если у вас еще такие святые козлы, как Эдам, в том числе козлы отпущения, посылайте их к нам! В России они не пропадут... мы найдем им применение! Мы найдем, за что их посадить!

– В России беспредел! Невинных людей в тюрьму до конца дней сажают!

– Это Эдам у вас невинный?

– На Эдама натравили преступников, которые хотят скинуть на него основные самые тяжкие свои преступления.

– Вы не знаете этих русских! Кто в Россию попал, сел за преступления всех этих русских!

– Вот не всех! Не всех! И не надо всех пугать! Не надо отпугивать туристов! Только официальные святые козлы! Подписанные! Остальных милости просим в матушку Россию! На наши далекие просторы! Не бойтесь стать святыми козлами! Их не так много! Чуть мне туристскую отрасль не подорвали!

– Не бойтесь ехать в Россию! Мы не сделаем вас святыми козлами! Только Эдама Хейсонда! Не бойтесь стать нашими святыми козлами! У нас есть Эдам! Он и только он наш святой козел! Вам ничего не угрожает! Россия безопасна для туристов!

— А теперь у нас туристическая отрасль трещит по швам! Мы как Эдама посадим... Нас теперь за диких людей считают! Американцы к нам не ездят — бояться! Что мы их посадим за нас всех! Ку-клукс-клан тем более! У негров денег нет, да и они к нам теперь не ездят, как мы их за коров принимать стали! Полмира испугали!!! Но мы нашли решение. Каждый в России встретит брата! И преступники! И оборотни в погонах! И генералы! И черти! И каннибалы! Приезжайте к нам! Здесь вы найдете друзей! А Эдам Хейсонд — это прецедент, наш святой козел, это единственный случай! Таких случаев не было в истории! Вам, дорогие туристы, нечего бояться!

— Предлагаю отдать нам Эдама Хейсонда, потому что он ослепил крутую звезду и убил нашу царевну, и лишить его американского гражданства! Когда люди Америки поймут, кто такой Эдам Хейсонд, пусть напишут мне на имейл, — и по всем каналам имейл черта, — и я приеду и заберу Эдама у американского народа навсегда! Освобожу вас от гнета Эдама Хейсонда! И мы были вынуждены воровать детей! Мы козлы отпущения! Потому что подписано на высшем уровне!

— Эдам Хейсонд российский святой козел! Святой козел России! Вы представляете, столько доказательств против Эдама собрали! И не посадили! Не сажается он! Какая несправедливость! — черт Слава отвлекал внимание... пока Джейк Рэбитс давал показания против Эдама и его шайки... «Эдама будет легче посадить, если Джейк показания даст».

— Да за какое золото! Я уже все золото спустил на нашего святого козла! На Эдама! У меня уже и золота не осталось! Какое золото, о чем вы? Народ Америки! Одумайтесь! У вас есть последний шанс посадить Эдама Хейсонда! Отдать его нам и лишить гражданства! Последний шанс для бедных американцев! Он наш святой козел, и мы требуем его себе! Он наше бремя, и мы будем его нести сами! Без вас! И не просите! Мы требуем его себе! Мы освободим вас от него навсегда! И не надо благодарности!

— У меня дети в рабстве! — говорил черт американской публике и плакал. — И мне через Эдама их возвращать...

— А сколько у вас детей в рабстве?

— Ой, много... — Все американцы сразу представили многодетного отца... — У меня сорок семь, у Деликатов еще двадцать пять — это с родительскими... — Все американцы представили руководителей детдомов...

— Это все ваши дети?

— Да, все мои... — черт опять пустил слезу.

— И никто их не спасет, все подписано на высшем уровне! Ваших детей просто продали в рабство!

— Да!

— Это ведь вы всех этих детей в рабство продали? — спросила бойкая журналистка Славу.

— А-а-а, — возглас удивления пробежал по толпе...

Джейк уже дописал свои заявления...

— А что было делать? Если их продали родители? И собирались растворить им раковые опухоли? А если родители бомжи...

Деликатсы даже детей бомжей собирали, полгода их кормили, поили, отмывали, прививки делали, а потом в рабство продавали...

— Эдам, имей совесть, у меня дети! Бедные детки в рабстве! А ты на свободе! Подумай о бедных детках! Иди в нашу тюрьму!

Черт Слава пришел на конференцию с фотокарточками своих детей в рабстве. — Я их всех знаю по имени, фамилии и отчеству! И храню их фотографии! И адреса! И помню их родителей, бомжей иногда! Некоторых уже нет в живых! Я этим детям, как отец родной! Из дерьма конфетку делаем!

— Так вы их спаситель?

— А всем? Или были те, кому не растворяли раковые опухоли?

— Да, я их спаситель! Я их спас от смерти и продал в рабство! — гром аплодисментов и тишина потом — американцы задумались.

— Удачная сделка! А теперь буду возвращать!

— Если бы вас не было, вас стоило бы придумать!

— Вот умный мужик, — сказал один умный казначей в Америке, который смотрел ток-шоу с нашим чертом по телевизору.

— Но я существую! Я вон какой реальный! Так я приличный работорговец! Я если детей в рабство продаю, то беру или с опухолями в будущем, или проданных матерями, или от бомжей, или будущих проституток! Узнаю у оракулов! И жизнь каждого ребенка стремлюсь улучшить! Я точно знаю, когда я их из рабства верну! И верну ли! У нас все подписано! Нам не оставили шансов! — черта утащили со сцены. Решили, что он занимается пропагандой работорговли. В Америке и так процветал «один день»...

Но черт вернулся опять — к Джейку были вопросы у полиции. Эдам уже чувствовал неладное и пошел разбираться в полицию.

— Так это вы один продавали детей в рабство!

— А это вы не докажете! Не доказуемо! — и его опять хотели увести с шоу...

— Так вы признаетесь, что продавали детей в рабство в Казахстан? — спросила та же смелая журналистка.

— Нет, я большой человек, — опомнился черт. — У меня диагноз и есть справка, — черт достал справку из психдиспансера.

Потом черт поклялся на Библии, что один Эдам Хейсонд воровал всех детей в России и продавал их в рабство! Он один!

— Если бы он всех вернул...

— Он же не только с опухолями продавал, но и здоровых...

— Так они разных требуют!

— Только родители этих детей недовольны... Они рассчитывали их продавать и жить на их гейзерах... Но я им деньги даю и жизнь их устраиваю, о работе их забочусь... Да что я объясняю... — и черт махнул рукой...

— Я вам один раз скажу — вы сто раз правы, тем более что подписано на высшем уровне. Но это дети в рабстве, поэтому я никогда не одобряю вас...

— Предлагаю отменить эту чудовищную несправедливость — мы спасаем детям жизнь! И при этом должны платить жизнями детей и жен! Продавать дочерей в проституцию! Это несправедливо!

— Ну у тебя же нет дочери?

— Нет... но будет... — они с Машей опять посмотрели друг на друга. — Так Эдам ни дня за себя не отсидит! И все недовольны!

— Так сколько ты на него скинул? — спрашивал у черта американский зампрокурора.

— А кто считает! Это не главное! Это неважно! Это ради детей... Все ради детей! Ради мальчиков и девочек в рабстве... И почему мы должны платить жизнями детей?

— Потому что это работорговля и это неправильно... Потому что законная работорговля очень сокращает цивилизацию... Рабство вам просто так не простят!

— Казахстанцы тоже не такие идиоты. Они и органы забирают, и здоровье... И жизни сокращают, рабы до старости не живут, и много детей убивают!

Эдам уже в участке ругался со следователем, который принял показания Джейка. А черт довольный улетел обратно на Родину. Дали показания с таким концертом!

Самые страшные преступники — они самые харизматичные! Самые интересные, самые веселые... Самые беспощадные — они на первый взгляд самые беззащитные и правильные...

Казначей

Черт улетел, но он встревожил сердца американцев большими и легкими деньгами. Его философия проросла в сердца... Даже в сердца лучших из них. И умный американский казначей серьезно задумался, потом провел расчеты... Посчитал дебет и кредит... посчитал прибыль.

И казначей размышлял, может, и американцам тоже рабов с опухляями в Казахстан продавать... Решил спасти детей от рака, отправляя их в рабство.

Этот казначей был деятельный. И устроил он митинг у Белого дома, требуя подписать на высшем уровне продажу детей в рабство! И выступал по телевизору с агитацией.

Даже принц Халим Третий прилетел из Казахстана и присоединился к этому митингу! И черт наш тоже за компанию... Они втроем кричали «Рабство в Америку!» и митинговали перед Белым домом. Черт был в своем национальном костюме, принц Халим в своем, казначей просто в строгом черном костюме и белой рубашке. Американский казначей был невысоким и немного полным.

— Я так рад, что нашел последователя в Америке, — радостный принц Халим пожал руку казначею. — Я так рад, что вы можете мыслить прогрессивно! Вы тоже хотите начать рабство в Америке... Нам не нужны эти транспаранты, мы сможем решить это на высшем уровне... — Принц Халим так понравился казначею, от него исходило такое спокойствие и уверенность. — Давайте пройдемся...

И они вместе пошли по улицам Вашингтона... Свою уверенность и хладнокровие принц Халим передал и казначею...

— В России-то было подписано на высшем уровне... И у нас надо подписать. В России мы хорошо рабов набрали...

— А надо продавать только с опухолями... И бомжей тоже нормально... — казначей махнул рукой... Он уже посмотрел на детей бомжей.

— Нет, — ... возразил ему принц Халим. — Только с опухолями нельзя. Надо продавать разных детей. Из разных сословий и разных семей. Такие правила, к сожалению, — и принц Халим развел руками.

— Видите, сколько здесь детей... — они шли по тротуару недалеко от Белого дома. — Можно делать много рабов... — Принц неспешно шел, сложив руки за спиной.

Но когда многие видели принца Халима, они почему-то жутко пугались и убегали... на него сильно лаяли собаки... Принц тоже хотел подарить казначею двух негрят, как когда-то подарили его предку... Но, внимательно посмотрев на него, не решился...

— Ведь рабство пришло к нам именно из Америки... Много лет назад... — принц Халим шел с сомкнутыми за спиной руками, как будто неспешно плыл над землей. — И если вы хотите это рабство вернуть, то мы готовы, мы согласны... Мы всегда открыты диалогу... Ну правила вы знаете, приводите нам ребенка, потом получаете золото... Иногда не сразу, через месяц-два, — тут принц остановился и, нагнув голову, посмотрел на казначея, а потом торопливо продолжил: — Но мы всегда полностью оплачиваем за наших детей... — Он сказал «наших детей», и казначей подумал, что это хорошо. — Мы обычно просим пять детей сверх... Для экзекуций... «Каких экзекуций?» — подумал казначей... — У вас много негрят страдают... Я узнаю, может, они нам тоже подойдут... Но надо продавать разных... И белых, и богатых... Такие правила, — принц опять развел руками, — тут ничего не поделать...

Принц Халим был очень замороженный... С притупленными инстинктами... Как и должен быть руководитель работорговли.

Потом принц узнавал правила в Белом доме... Он мог просто войти

в Белый дом, показав нужную комбинацию пальцев... И принц пошел в Белый дом договариваться. Через полчаса он вернулся к казначею...

— Мне сказали показать вам рабство изнутри... Но сначала, я думаю, вам надо пройти по онкологическим детским больницам... Я надеюсь, нам это поможет...

Принц даже молился, чтобы у него все получилось... Молился Богу рабства...

И они пошли по больницам, и видели умирающих детей всех возрастов, худых, умирающих, со впалыми глазами и большими синяками под ними. — Зачастую сами родители дают своим детям раковые опухоли и становятся поэтому богаты, — говорил казначею принц Халим. — Не лучше ли их продать в рабство и сложить себе эти деньги? Зачастую я просто не понимаю людей, — говорил Халим равнодушно... — Это ведь намного удобнее и выгоднее. Зачем мучить себя и ребенка этой болезнью. Ведь можно дать ребенку жизнь... И не самую плохую... — Казначей задыхался от слез, когда видел глаза этих детей, их маленькие худенькие тела, уже истерзанные болезнью и ее лечением — химиотерапией...

— Рабство — это заманчивая перспектива. Оно вам уже не кажется таким ужасным, правда? Я вижу, вы думаете, что на эти деньги можно строить больницы, дома престарелых... Да, так можно. Поверьте, это очень благородно! Но обычно их используют в личных целях, для собственного обогащения. Но вы можете быть первым, кто будет строить на них больницы! — Халим остановился и взял казначея за плечи, чтобы подбодрить. Потом казначей прошелся по знакомым, собирал подписи в поддержку рабства. Но его инициативу встретили более чем прохладно. Его скорее критиковали, и все вокруг удивлялись, как такой уважаемый человек мог собирать подписи в поддержку работорговли. Казначей даже выступал по телевидению... Какой-то подросток ударил его после эфира...

— Рабство не так уже и плохо, правда? — спрашивал его принц Халим, который уже им восхищался. Мы сейчас поедем с Вами в Казахстан. — И американский казначей с принцем Халимом Третьим шагнули в черную дыру и тут же оказались в Казахстане... — Да, дыры — это очень удобно, — сказал принц, убирая дыру-черную лужицу. Наш черт с ними не поехал — он и так там все видел... Когда-то принц Халим также говорил с ним и также проводил экскурсии. Такую экскурсию принц устраивал и Эдаму. По правде говоря Слава перед принцем Халимом немного робел... Уже умер и дед черта, и отец, а принц был все тем же, но уже третий... Честно сказать, от этого принца у черта бежали по коже мурашки и бросало в дрожь — и чертей в дрожь от таких принцев бросает!..

— Вот это детский дом для маленьких детей. Сюда их сразу привозят... — принц показал казначею сказочный дворец для детей.

— Ой, как тут красиво! — от красоты у казначея даже перехватило дыхание... Что-то подобное он и ожидал увидеть. Огромные замки, толпы бегающих смеющихся детей, шарики, игрушки, клоуны... Дети ели конфеты,

клоуны раздавали им сладкую вату... «Дети здесь как в сказке», — подумал казначей. Здесь светило солнце и пели птицы...

— Ну их приходится прикормить вначале... Так они лучше забывают дом... — как будто оправдывался Халим.

«Прикормить?» — не понял казначей... но не стал уточнять... Он решил пока все тут разведать, как говорили ему знакомые... И все думал, что же ответил Белый дом. «Вряд ли они дали положительный ответ», — решил казначей, но тоже отмахнулся от этой мысли и решил посмотреть дальше... Первый дом показался казначею волшебным раем... Потом она шагнули в другую черную дыру и оказались в другом доме. Здесь солнце уже не светило, птицы не пели, небо заволокли серые тучи... Игрушек здесь было меньше. Дети меньше смеялись... Иногда по углам уже плакали.

— Ну вот тут они и живут, — Халим показал казначею в ряд кровати детей... В небольших комнатах стоял большой телевизор... Все смотрели мультики. — Тут им уже не так хорошо и весело, — принц криво улыбнулся.

«Да он ненавидит детей!» — ужаснулся казначей.

— Им, конечно, колют препараты забвения, чтобы они лучше забывали родные дома, — принц говорил с казначеем как с любым рабовладельцем, одним из его клиентов.

Затем они шагнули в третий дом — дом ужаса. А здесь была ночь. Темнота и мрак. Дом, сбитый из досок, грязный пол, какие-то чучела людей, восковые фигуры, вонь, солома, на которой спали дети... Какой-то страшный человек, полуслепой, с топором... Казначей вздрагивал от каждого шороха — ему здесь совсем не нравилось. Халим не захотел здесь ходить долго — зачем пугать гостя! Дети, уже постарше, бегали здесь оборвышами, в лохмотьях. — Здесь их плохо кормят, чтобы они начинали есть друзей. Здесь они учатся врать и предавать друг друга, Это будет очень важно в будущем.

«Есть друзей», — подумал казначей в ужасе...

— Это важный этап для них — терять все человеческое... Их здесь приравнивают к скоту, — принц пнул какого-то спящего на полу, примерно десятилетнего мальчика. Казначей нагнулся, чтобы проверить у мальчика пульс. Он был жив. Принц только хмыкнул. — Не обращайтесь на него внимания, он под наркотиками. Но как к ним можно относиться нормально? Они хуже животных... Те хотя бы милые... — Казначей не верил своим ушам... Но принц быстро ушел из дома ужаса: его клиенты совсем не любили эти дома...

Сад

Потом принц показал казначею сад. А сад был волшебный, он мог показывать настоящее, прошлое и будущее... Здесь цвели сады, везде благоухали деревья. «Но так не бывает», — подумал казначей. Сразу цвели и зрели вишни и яблони... На одном и том же дереве с одной стороны были цветы, а с другой — плоды. Принц Халим и казначей гуляли по саду, по волшебному саду и опять разговаривали. Казначей что-то говорил редко, в основном слушал, удивлялся и сомневался все больше...

— Здесь быстро сменяются времена года, но я всегда предпочитаю лето, Арина предпочитает позднюю весну. Оставим лето... Здесь можно видеть будущее... — принц как будто промотал времена года. — Сюда мы приносим слезы детей. — Он бросил капельку на землю. — Если слеза прорастает, то этот ребенок будет жить в рабстве... Если вырастает дерево, то раб будет жить и служить хозяину долго, а если дерево засыхает, то нет, быстро умрет, не дожив до хозяина. Здесь мы смотрим, как жил ребенок до того, как попал к нам... Его прошлую жизнь и будущую... Будет ли он хорошим рабом... Подбираем ему дом... — Халим проматывал картинки жизни детей, как слайды. — Вот это раб Арины... Виталик... Он уже умер... Вот это самый счастливый момент его жизни... К нему бежит собака Жучка... — На картинке молодой парень гладил присев большую лохматую собаку... смеялся... — Но его хозяин был слишком жесток. Вот это был ключевой момент его жизни... Когда он увидел счастье на лице своего раба... А раб не должен быть счастлив, подумал он. Никогда... И решил убить пса... Но это его раб... Он почти отслужил себя... А вот он убивает собаку... Видите, как раб переживает... Какое горе у него на лице... — Халим увеличил лицо раба, как на мониторе компьютера. — Как он мучился тогда... Вот это его игрушки, зайчик... Но уже нет того эффекта... Он уже взрослый... И он совсем не помнит родителей... Мамушка для него намного больше мама... Вот эта... которая добрая... Он их совсем не помнит... Своих родителей... Но счастья уже нет... Он уже взрослый... Поэтому хозяин убирает игрушки... Это была обида... Причина его смерти... На жизнь и на хозяина... Желание его наказать... Поэтому этот раб выбрал умереть... А мог еще жить... но он из преступников. — Халим вздохнул, он как будто отчитывался перед казначеем. — Раб должен окупать себя... А это его основной советчик... Другой раб... Он все правильно сделал... К нему претензий нет... Хозяин был не прав... Раб мог еще поработать... Но хозяйва не относится к ним, как к слугам... И это его раб... — еще раз повторил Халим. — Хозяйва тоже бывают разными... А это бабушка Арины... Это ключевой момент ее жизни, она соврала, что ее муж, дед Арины, не воровал ребенка... Видите, даже такие кристально чистые люди, как бабушка Арины, врут ради мужа... И это отразилось на ее лице, многие внимательно рассматривали

этот момент и ее лицо... Но потом этот момент был не так важен... Он сгла-
дился... А это его мать... Видите, как она плакала... Вот в этот момент мы
перелили океан слез... Россия не очень подходит для поставок рабов...
Но имеем то, что имеем, — Халим развел руками, как будто оправдывал-
ся. — Негритянки вообще не переживают о своих детях в рабстве
и не вспоминают их совсем... Рабы из Африки... Как будто их и не было...
А русские плачут и плачут... Все льют и льют свои слезы! — сказал Халим
раздраженно.

— А это Арина идет на остановку с подружкой, и это ключевой момент
ее жизни... Вот этот... Когда она практически согласилась сесть в машину...
Она была бы плохой рабыней, я думаю... Или наоборот, очень хорошей...
Ну ладно... Но в будущем идут сильные волны... Ну ладно... — Он перестал
проматывать картины...

— Если цветет, то у него будут дети, — Халим имел в виду слезу ребен-
ка. — Каждый листик по ребенку... Вот у этого мальчика будет много детей
в рабстве... Он осеменитель...

«Осеменитель... как у коров», — с ужасом подумал казначей. Здесь ему
нравилось все меньше, а этот человек, который летал, а не шел, как тень,
теперь вселял в него ужас.

— Детей рабов мы тоже продаем, распределяем по семьям, иногда
продаем за границу. Видите, мы полностью контролируем жизни детей.
А у этого мальчика детей не будет... Видите, листиков нет, — принц Халим
промотал его картинку. — Ну у него отец со слабым здоровьем... Он нам
для генов не подходит... В осеменители лучше брать офицерских... Как
Арина, например...

«Рабы делают новых рабов», — подумал казначей... почему-то опять
содрогнувшись...

— Вот видите, — принц Халим показывая ему, как дети ели других де-
тей... как убивали животных... Ели мозги других детей прямо из черепной
коробки... Как дети ели своих мертвых друзей... Били и сами убивали... —
Дети постепенно утрачивают все человеческое. Они как животные... —
и казначей не мог поверить своим глазам... — Здесь они должны утратить
все человеческое, а в доме у хозяина будут все возвращать.

— Видите, вы относитесь к ним, как к детям, но это не дети. Это как жи-
вотные, коровы, например... Попробуйте относиться к ним также... А я,
может быть, смогу Вам в этом помочь, — и он дал капельку какого-то мас-
ла казначею... У того все поплыло перед глазами...

— Нет, это Вам не помогает... Но и рано пока... Понимаете, такие важ-
ные, серьезные люди достойны того, чтобы иметь слуг, которые бы им слу-
жили всю жизнь, чтобы им жилось легче, чтобы облегчить их жизнь
и снять их ношу... облегчить их участь, — Халим Третий говорил это всем,
и все соглашались. — Рабы — это удобно, это слуги на всю жизнь, это твоя
собственность. Это одни и те же руки, которые управляют твоим хозяй-
ством десятилетиями...

— А вот давайте посмотрим на жизнь одного мальчика в рабстве, вот его забрали у родителей. — И на экране казначей увидел пухленького счастливого семилетнего мальчика, который бежал к маме и целовал ее в щечки. — А вот уже этот мальчик после семи лет в рабстве: он уже подросток. Но он не так плох, правда? — Халим внимательно посмотрел на казначея. Казначей не мог поверить, что такой счастливый и пухленький малыш вырос в такого угрюмого худого одноглазого понурого и сгорбленного подростка. — Потом он будет жить в рабстве, попадет к неплохому по многим взглядам хозяину и вырастет в такого вполне счастливого раба. — И Халим показал картинку, где раб сначала работал на поле, а потом отдыхал развалившись под деревом. Халим хотел, чтобы глядя на раба, казначей видел того счастливого пухленького ребенка, но замещение не срабатывало... — Были, конечно, и не очень приятные моменты. — И принц показал картинку, где хозяин таскал раба за волосы около разбитой чашки... — Но в целом раб прожил счастливую жизнь и даже был счастлив. — И он показал похороны раба, его в гробу, готовящегося к кремации... Раб был совсем высохший, худой и изможденный. — Мы сейчас их лучше кормим, они выглядят значительно лучше, чем раньше... «Он говорит о рабах, как о коровах, как о скоте», — подумал казначей. — Так это и есть скот, домашний скот господина, — Халим ответил его мыслям... — Ну ладно, не будем! — Халим как будто искал к казначею ключик. И этот был не тот. «Да, наверное», — подумал про себя Халим. — Его жизнь, она не так уж и плоха, верно? Вижу, вы со мной не согласны! Но ведь он мог умереть от рака еще в подростковом возрасте, как вы сами думали? — Халим начинал злиться, и на лице его теперь была ярость. Но он тут же смягчился... — А вот лицо его хозяина, это самые лучшие моменты. Как хозяин входит в дом, где только что убрал его раб, когда видит вымытую им ванну или свой цветущий сад. Как он благодарен своему рабу... «Не дом, а дворец», — подумал казначей. — А этот мальчик — это вы! — Я? — Да, мы открыли черную дыру, чтобы посмотреть на вашу жизнь в рабстве! — Казначей от шока и ужаса даже упал в обморок. Халим присел приводить его в чувства...

Казначей очнулся, и они продолжили свою прогулку.

— Я вижу, вы все время думаете, что мне ответили в Белом доме... Нет, нам не разрешили... В Белом доме... Через правительство не получилось. Но редко, когда получается... Россия — это приятное исключение... Это обычная схема. Сначала они все отрицают... Но если вы соберете подписи всех граждан Америки, мы сможем что-то сделать... Я верю в Вас! Вы верите в справедливость рабства... В Америке много беспризорных детей, нам столько, конечно, не нужно. Но мы это устроим! Детей можно отдавать в Саудовскую Аравию. Мы всегда открыты диалогу...

«Как развито рабство в двадцать первом веке!» — опять с ужасом подумал казначей.

— Богачи, которые много делают для общества, для нас, должны иметь людей, которые работают на них всю жизнь... Обеспечивают им комфорт...

— А почему бы им не иметь слуг? — задал казначей вполне логичный вопрос. Его тон звучал резко... А Халим ответил наоборот мягко...

— Слуги стоят дороже, да они и не так удобны... Слуги не могут работать всю жизнь... да это и неудобно... Пока они поймут работу, пока выучат правила... Разберутся в хозяйстве... Нужны одни и те же люди много лет... Для трудной работы всегда сложно найти работников... И каждый сезон искать неудобно и сложно... Я знаю одного аристократа, — он именно так и сказал «аристократа», не принца, а аристократа, — который в сезон был вынужден сам пойти на поле пахать, потому что не нашел работников, никто не захотел работать... А это был очень серьезный человек... Очень влиятельный... И на своей работе он был очень нужен... — Халим даже прослезился, и казначей подумал, что сейчас он скажет «Это был мой отец!». «Но нет, конечно же, это не был его отец. Да и какой отец может быть у такого человека?..»

Богатые казахстанцы всегда благодарили принца Халима Третьего за работорговлю, повышали его важность в своих глазах. Им было важно, чтобы он видел, что нужен, что делает благое дело.

— И я так хорошо запомнил тот случай... Это был важный политик... Поэтому удобно иметь рабов, они остаются на всю жизнь, и служат по двадцать пять, а иногда и по тридцать пять лет! Убирают дом, создают комфорт... — Халим дотронулся до цветущей ветки акации, и она тут же завяла, что не ускользнуло от внимания казначея... Потом Халим стал есть яблоко, он взял в руки красивое краснобокое наливное яблочко, плод, но стоило ему откусить его, прикоснуться к нему, как плод тут же скукожился, как будто на глазах сгнил, испортился и потемнел... Халим хотел еще раз откусить яблоко, но, посмотрев на гнилой скукоженный коричневый старый плод, только выбросил его... Он подошел к другой яблоне, и все яблоки с нее тут же осыпались...

«Так делает он и с детьми», — подумал казначей...

Свое яблоко Халим поднял и отдал Арине — она вдруг появилась в саду — яблоко сразу же вновь стало свежим и вкусным... но через пару секунд опять почернело и сгнило на две трети, практически полностью... Не давала Арина казахстанцам покоя...

— А вот и наша звезда! Будущий писатель!.. Вот видите, что они делают... Если раньше добротой можно было компенсировать зло, и рабство в том числе... То теперь сколько бы добра ни было, мы все равно платим, как будто добра практически нет... Его не замечают... Оно для рабства как будто не имеет значения... Теперь имеет значение только зло... Равносильное добро больше не компенсирует зло... А раньше компенсировало... Это короли, они так решили... И говорят, что правильно... Говорят, что рабов становится слишком много, поэтому... Зло рабства сложно компенсировать, поэтому рабов требуется все меньше, и сейчас уже закат работоргов-

ли в Казахстане.... Вот видите... — Около принца Халима поднялась река, но вдруг стала тонким ручейком... Халим пропустил этот ручеек через кольцо сомкнутых большого и указательного пальцев — Но я буду служить им, пока я им нужен... — Принц Халим выпрямился, как человек, который исполняет свой долг перед Отечеством и несмотря ни на что и дальше будет его исполнять... — Только ручеек. Тоненькая струйка... Но все же... — Принц даже как-то согнулся и как будто состарился...

«Он читает мои мысли», — мелькнуло в голове у казначея... «Такому человеку дана огромная сила», — казначей смотрел вокруг... Ему казалось, что кто-то вкладывал в его голову мысли, что рабство — это правильно, что рабы — это благо. Он как будто начал сам повторять, что рабство — это дар цивилизации, бубнить себе это под нос и сам себе испугался...

— Вот видите, — Халим достал откуда-то зерно и бросил его в почву. — Это вы и работорговля в Америке. — Но семя даже не взошло, хотя Халим проматывал время... — А жалко! Это волшебный сад... И Белый дом, и вы сами... Но это Белый дом и их запрет, — сказал он и сразу расстроился, но как будто крепился и не хотел показывать своего расстройства. Потом он начал уже разочаровано:

— Но им это перестало нравиться, оказалось, что они должны платить за рабов своим здоровьем и здоровьем детей с третьего поколения... Поэтому пока мы оставили рабов только в двух поколениях...

Им — это богатым казахстанцам. Рабство в Казахстане становилось все менее популярно. Никто не говорил богатым казахстанцам, что надо будет класть свои органы, что внуки обязательно будут больными. Потому что человек рожден свободным, это противостественно — иметь рабов, рабство противоречит законам жизни. Некоторые богатые казахстанцы тоже живут столетиями. Работорговцам так не повезло.

— Они, — Халим имел в виду рабовладельцев-казахстанцев, — говорят, что я им еще принесу беды... А раньше они мне говорили совсем другое, что рабы — это дар цивилизации и науки! Видите, как люди бывают неблагодарны! Вы считаете меня монстром, не правда ли?

— Нет, право, совсем нет... — казначей замотал головой.

— Вы лжете... Но это неважно... Хорошо, что вы мне лжете... Это приятно, правда... Значит, вы меня цените... Или уважаете... А как этого мало в наши дни... — Халим слабо улыбнулся.

— Но, думаю, наша встреча закончена... Нам с вами не дадут работать. Я уже знаю. Я уже вижу. Не та страна, да и «один день», — Халим развел руками. — Надо приходиться в страну, где нет рабства как такового. Так оно лучше приживается, его легче принимают. А так родители этих детей, которые живут по домам... они никогда не дадут собрать подписи... Да вы это-го и не хотите больше, я вижу... Я ведь вам совсем не нравлюсь... А раньше нравился... Как и большинству... Неужели я такой страшный? — казначей просто трясло. — А вот и наша Арина, я так люблю гулять с ней по этому саду... С ней все так расцветает... И птицы поют... и цветы... И яблоки

не чернеют... так быстро... И все расцветает... Как при маме, — он впервые заговорил о своей матери, подумал казначей... «Разве у такого человека может быть мать? И он может ее любить?» — и эта мысль его покорила...

— Я люблю представлять ее маленькой девочкой... Ей это очень идет, правда... — к ним подбежала взрослая Арина, которая ощущала себя маленькой девочкой... Она опять откуда-то появилась. — Как в Лиане, — сказал Халим.

— Привет, — ей улыбнулся принц Халим... И они пошли по саду вместе... Около принца Халима деревья засыхали, а рядом с Ариной тут же расцветали... Под принцем Халимом трава сразу вяла, а под Ариной вновь оживала — сад запутался...

— Это доброта, — сказал принц Халим... И улыбаясь посмотрел на Арину... Он дотронулся до ее щеки, и на щеке появилась язва до кости... Он убрал руку, и язва тут же зажила... — А у вас? — и он дотронулся до щеки казначея... Тут же появилась язва до кости. Когда Халим убрал руку, язва стала затягиваться, правда, медленно... Затягивалась несколько минут, но тоже в итоге затянулась...

— Вот видите... А у моих друзей, кто владеет рабами, не затягивается совсем... До рабов затягивалась, а теперь нет... — Халим шел, глядя себе под ноги... И как будто что-то обдумывал. Обычно его гости в этот момент любили, когда он сам задумывался, правильно ли рабство, как таковое... И они любили оставлять его в этом состоянии...

Потом трава стала оживать только частично, а потом все больше и больше засыхала. Трава только немного оживала под Ариной и сильно вяла под принцем Халимом...

— Я сначала думал, что это потому что она свидетель, и может спасти детей, вернуть их домой... — последние слова он сказал с пренебрежением... — Но это нет... Это из-за ее книг... Но всегда нужен баланс, зло должно биться с добром.. И на этом держится свет... Но Арина почему-то так не считает... Правда? Она думает, что может быть только добро... Но нет... Я узнавал. Даже в самых развитых цивилизациях зло все борется с добром... С алчностью... Правда с кривдой... И баланс цивилизации — борьба добра со злом... — он шел, также заложив руки за спиной, но теперь глядя на землю... А теперь его гости любили, когда он уходил в философию.

— А вот и Арина показала свое истинное лицо... — Арина вдруг начала превращаться в огромную волчицу... И сразу же стала рычать на Халима... — Это сад... А вы? — А казначей стал котенком и начал мяукать. — А я вот лев, но не будем сейчас... А вы котенок мяукающий, но дверь нам с вами не открыли...

Сад потемнел, быстро сгущались тучи, собиралась гроза, которой еще не выдывал сад...

— Ну, нам пора... — И принц проводил Арину и казначея к черным дырам, разным для каждого. — Доброй дороги домой, — сказал он

на прощание... А сам остался в черном саду... А за его спиной начинался черный ураган, смерч, который сметал все... И таким в последний раз увидели его казначей и Арина — стоящий Халим с черным ураганом-бедствием, сметающим все на своем пути за его спиной... «Этот ураган поглотит и его», — испуганно подумал казначей и вступил в свою черную дыру...

А в это время в Америке...

...американцы хватали детей на улицах и отвозили к слугам Халима на окраине Вашингтона. Начали моделировать. — Как когда-то в России, — говорили слуги. — Жалко, что их президент подписал. Но это тоже надо когда-то заканчивать, так лучше... Лучше, когда заканчивается, — так говорил их принц. Американцы тут же получали золото и забирали его домой... Всем нравилась эта система... Вот только...

Родители детей тут же начали писать на похитителей заявления в полицию, новоявленных работорговцев тут же начали допрашивать, сажать в тюрьму и заводить на них уголовные дела. Дети-то пропали... Похитителей начинали избивать родители детей, клясться мстить им всю жизнь. Даже доходило до смертоубийств. Начинали с детей преступников, проституток, заканчивали детьми политиков, певцов и врачей... Ни один слой общества не должен был остаться нетронутым... — Совсем как в России, — думали слуги Халима. И это было плохо. С Россией было много проблем... Разница между Америкой и Россией была в том, что в России разрешение на работорговлю подписал когда-то Иорданский принц вместо Брежнева, но каждый новый президент подписывал это разрешение вновь и вновь, а в Америке президент подписи своей не поставил... — Такие документы на верховном уровне не подписывают, — решили американцы, и многие порадовались. Всегда было две стороны, одни теряли детей, другие получали золото... Американский президент официально разрешил сажать в тюрьму людей, продавших детей в рабство, и это решило все! Казахстанцы с ним обещали сотрудничать... Так дверь казахстанского рабства была закрыта в Америке навсегда...

Через черную дыру казначей вернулся в Америку и опять оказался на том же ток-шоу, где недавно был Владислав. Он хотел говорить о плюсах рабства, но уже не мог произнести ни слова, и его критиковали со всех сторон!

— Они там умрут через двадцать лет тяжелой работы. Или здесь умрут через три года... А там через двадцать...

– Вы хоть раз задумались о детях? Об этих бедных крошках, которых вы хотите продать? Вы хоть раз о них подумали? Как они живут? Что они едят и где спят?

– У них подписано на высшем уровне! Вы предлагаете и у нас пописать?.. Я вам один раз скажу, что из всех зол вы выбрали меньшее... И вы правы тысячу раз!

– А вы знаете, как маленький мальчик зовет во сне маму и плачет? Этот маленький человечек, которого вы делаете рабом? Что он чувствует, когда его забирают у родителей? Что он чувствует, когда понимает, что никогда не увидит дом, маму?

– Это бесплатная рабочая сила, – сказал со знанием дела Эдам... – Мы вас понимаем! Дети в рабстве – это не так плохо! Но не в нашей стране...

– Он забыл, что это жизнь, жизнь ребенка...

– Ваша проблема в том, что вы лишаете детей выбора...

– Вот только деньги за ребенка не надо брать... И когда ты берешь деньги, именно тогда ты нарушаешь закон.

– Вернут не всех, если вернут хоть кого-нибудь, то хорошо...

– А знаете, что вы забываете? Что там дети в рабстве. Что это не чайник, который не разрешили продать и вдруг продали выгодно, получили деньги и пошли-потратили. То-то он ищет святых козлов, чтобы хоть кого-то вернуть... Детей продают преступники, и это преступление! Слава преступник. Он говорит, что золото не дают легализовать. Что работорговцы пьют опухли и отдают дочерей в проституцию... Что это дети в рабстве... И если хоть кого-то вернут, то хорошо... Большинство не возвращают... Что Слава и глаза детям выкалывал и руки отпиливал... Что он преступник, и продавать детей в рабство – это преступление и за него сажают! Вот он и землю носом роет, чтобы ему детей вернули, и собой платить не пришлось! За святым козлом в Америку приехал! – и все посмотрели на Эдама.

– В двадцать первом веке при телевизорах не надо делать рабов... В двадцать первом веке не должно быть рабства как такового!

– Рабство в цивилизованной стране затухнет. Рабы – это пережиток прошлого. Рабство – это заманчивая, но бесперспективная возможность. К рабству пустыни прилагаются... Работорговля – первый шаг к лягушкам!

В Америке все еще собирали золото гигантским лягушкам-строителям.

Казначей упал на колени и горько расплакался. Ему было так стыдно за себя. Так стыдно! Он так раскаивался... Как сказал его друг – в стране есть один идиот, и это он. Его стали успокаивать, но в итоге решили отправить в больницу...

На следующий день он проснулся в холодном поту – неужели он мог агитировать американский народ вернуть рабство! Собирать подписи? Как можно продавать в рабство этих малюток? Какой он жестокий, бессердечный человек!

Как ругал себя казначей, как он страдал! Потом он опять прошелся по больницам, увидел детей, умирающих от опухолей, и задумался опять... Потом вспомнил детей в рабстве, безглазых, босых, в рваной одежде... которые ели из корыт... Вспомнил черта, что чтобы спасти от рака одного, надо еще троих продать в рабство... Вспомнил слова Эдама, что истина где-то посередине... И решил для себя, что и то и другое плохо! И рабство, и онкология... И не надо быть тем, кто это начинает... Из рабства редко возвращали, но и от онкологии редко излечивались... Когда русские, стесненные обстоятельствами, стали продавать в рабство детей, которых матери подписали убить, растворить им раковую опухоль, все решили, что русские не так плохи... Но все равно плохи... Но они хоть пытаются улучшить то, что изначально улучшить нельзя...

И казначей еще долго просыпался в холодном поту, вспоминая те дома детей. Особенно дом ужаса. Он вспоминал чучел и как будто видел в чучеле одного мальчика, маленького себя... Вспоминал, как дети едят друг друга. Как рубят друг друга топором, а потом едят вареные ручки и ножки мертвых друзей. И опять он плакал, рыдал взахлеб, и его медсестры кололи снотворным... «Вот до чего доводит работорговля», — думали все вокруг.

Потом казначей опять прошелся по онкобольницам, но решил не вмешиваться... Это тенденции времени, повторил он себе чью-то фразу... Ужасные тенденции... «Неужели я мог собирать подписи по стране, чтобы вернуть рабство? Какое же я чудовище!»

— Рабство, конечно, плохо и продолжать его не стоит... — сказал себе американский казначей. Он решил для себя, что рабство плохо в любом виде, в каком бы ни существовало... И навсегда закрыл для себя эту главу своей жизни рабства, как закрывал квартальный отчет, книгу доходов и расходов или другую бухгалтерскую отчетность за предыдущий год... И никогда больше к ней не возвращался... Он просто хотел разобраться — работорговля с раковыми опухолями звучала очень привлекательно... И каждый раз, когда ему напоминали о ней — а поверьте, ему напоминали! — он стыдился, смущался и краснел...

Так казахстанское рабство чуть не попало в Америку...

Часть 12. Эдам Хейсонд после России

Священник

Эдаму Хейсонду часто снился сон, что он в далекой и прекрасной огромной стране России, и бежит к нему седой и высокий человек прихрамывая и кричит: — Эдам, я иду за тобой... Мы идем, мой Эдам! — и просыпается Эдам в холодном поту. И вспоминает Россию...

Что это за добрый малый? Всегда улыбающийся... Священник в своем приходе... У него своя церковь... С красавицей блондинкой-женой... У него такой милый одноэтажный домик, цветочки на газоне и подоконниках и пластиковые занавески на окнах! И почему один сын на него совсем не похож?.. И ни в коем случае нельзя делать тест ДНК... И где его настоящий сын, ведь его жена Морген на самом деле была беременна и рожала ему, но первый раз Эдам и Морген делали эхо и использовали суррогатную мать, что очень возмущало Эдама! А во второй Морген рожала сама, уже не боясь за свою фигуру!.. Кто воспитывает его ребенка и чьего ребенка воспитывает он?

Почему он не видит на один глаз? И его жена тоже подслеповата и тоже плохо видит одним глазом... И иногда он надевает свои амулеты прошлых лет...

Но так ли чист этот человек, этот добрый малый...

Что ты знаешь об этом человеке? Что ты можешь о нем сказать?

И к нему иногда приезжает русский Владислав, его давний знакомый... По-моему, он его слегка недолюбливает, но этот Владислав — русский черт... Священник обычно отмахивается от него, а иногда ведет с ним задушевные беседы...

Почему он часто ест животных и иногда убивает людей...

И тайком от жены ездит к своей любовнице, которую он снял с панели... И гладит по головке ее дочь... свою дочь от этой женщины... Почему ему запрещено держать пистолет... — после того случая, когда он выстрелил себе в бок и его забрали в психиатрическую больницу... Как только он берет оружие, он сразу же хочет совершить самоубийство, чего ни в коем случае нельзя допустить...

И почему к нему часто за советами ездят одни из самых страшных

преступников современности? И почему его все называют святым козлом России? И все тайком трясутся над ним.. И смеются над ним... или посмеиваются...

Но это он в один из своих хороших дней...

Но у него есть еще много плохих... Когда у него наступает от наркотиков ломка... Когда он вспоминает все свои преступления и кричит диким зверем, и бьется головой о стены. Это царская кровь и убитая им русская царевна... У него раздвоение личности, и одна личность помнит то страшное убийство, а вторая нет. И покупает он забвения, и покупает, и покупает... И убивает, чтобы не помнить, и убивает, и убивает... И русский черт держит его, когда у этого священника ломки, и помогает ему справиться и снять его с наркотиков... И кладет его опять в наркологические больницы, и молится за него...

Эдам Хейсонд – списанный, практически отошедший от дел фелисита. Он убивал столько, что даже сбился со счета... Он очень жесток в своем роде... Эдам представлял новый тип преступников, для которых не было ничего святого, не было рамок. Они не соблюдали никаких правил, женились на шлюхах, как и их кумиры... Эдам поклонялся именно этим богам – беспринципным и беспредельным.

Его называют работорговцем... и не любят... Он опозорил свой род... Влез в крутую звезду, круче не придумаешь... Стал работорговцем... Арину Симоненко считают главной ошибкой Эдама Хейсонда. Хотя нет, ему ее иногда вспоминают... Но вот кто на самом деле его не отпускает, так это убитая им адыгейка Мария, прямой потомок Николая Второго... Арину ему вспоминают, а за царевну крутят и с ума сводят... И там, где надо было остановиться, Эдам не мог... а там, где надо действовать, он наоборот, бездействовал... Его считали неудачным сыном своего отца... Ему дали Шерил, генетический эксперимент, и он принес ей слепоту и позор... Всех, кто когда-то путешествовал с ним по России, связали с местами их преступлений... Он не смог убить важную свидетельницу...

Когда-то он был страшным наркоманом. И лечился от наркозависимости, и его эта Энн лечила... И черт Слава помогал... А когда-то ее звали Мэри, но не дай Бог ее назвать так сейчас... Или крикнуть ей что-то на улице... Он сразу останавливается и жестоко избивает кричащего... А она плачет и молит не бить этого человека, ведь он по сути прав... А она его на самом деле любит... У Эдама от его элитной проститутки родилась дочь... Тоже Мария, то есть Мэри. Русский черт поспособствовал. И Эдам все хочет жить с ней и развестись с Морген... Но свои не разрешают... Он сильно проштрафился... У него есть своя звезда... которую он недооценил... Он думал, что она не реализуется, а она наоборот реализовалась и еще как! А ему говорили, а его предупреждали не лезть в звезд! Это табу! Это закон... Но нашему Эдаму закон не писан... Для

него и закон не закон... Он подставил всех, кого ему доверили... Кого с ним отправили в России... Это называется проклятием Эдама Хейсонда. И не дай Бог с ним связаться в преступном мире! Эдам приносит несчастья всем, с кем его сводит судьба! А все началось с мавра... Его не любят в ку-клукс-клане, потому что за него им поставили черную метку... Он убивал без разбора в чужой стране, не разобравшись в их правилах, не изучив страну... Ему поставили капканы и ловушки, и он попал во все без исключения... Втянул и замарал хороших девчонок...

И если он разведется с Морген, ее отправят на панель... А она мать его детей, его двух мальчиков... А одного мальчика он давно не видел, он живет у главного... а сын главного — у Эдама... И Мэри ждет его все эти годы и дальше будет ждать! И никогда у нее никого не будет! Только он!.. Но у него все нормально. И его поделщиков уже давно нет никого в живых... А его все держат... и ждут 2024 года... Готовят в святые козлы России... И его здоровье сейчас превосходит здоровье его самого в двадцать пять лет... так огурчик... Готовят на убой... И ему даже таблетки плохие продать не могут... Продаются только хорошие. И даже если он захочет умереть, то не сможет. И него нет права смерти. Его у него давно забрали... И никто не вмешивается — сам виноват. А право смерти — это еще привилегия!

У преступников, которые снимают женщин с панели, тоже срывает крышу и у них тоже пропадают все запреты... Это следующий шаг беспредела.

В ку-клукс-клане считали, что Эдам тоже заигрался, забыл, что он не в Америке, а не в России. Что это другая страна, и никто ему здесь помочь не будет!

В ку-клукс-клане Майкл, который играл на синтезаторе и расчленил семилетнего мальчика Сашу в 2003 году, даже снимал фильм «Как американский фелисита стал русским святым козлом». — Вот до чего американского фелиситу довела Россия! — Майкл вел свою трансляцию в прямом эфире...

А Эдам все верит в свою безнаказанность. Эдам неадекватен, растворил слепоту крутой звезде и никому ничего не сказал. А как он стал продавать наших детей в рабство в Казахстан! Вот дурак... Эдам, как можно быть таким идиотом! Сначала надо было все изучить, а потом их продавать! Так сына полицейского продал... И потом нам какие облавы устраивать стали... Джон все глаза выплакал... А он наш... Сына «нашего» полицейского продал... Ну не идиот? Если и проверять, то не на таких... И лучше пусть дети вырастут американцами и будут платить нам налоги, трудиться на благо Америки, чем всю жизнь работать на богатых казахстанцев... Благосостояние казахстанцев улучшает... И негритенка в рабство продал... И деньги нам сложил... Да зачем нам эти деньги... Их все равно никто легализовать не дает! Совсем идиот... Именно он стоит за крахом клана Спенсермэннов! Что Эдам хорошего

сделал в жизни, еще надо подумать, но что он сделал плохого, устаешь перечислять!

А Эдам всем рассказывает о плюсах, если быть святым козлом. Эдам стал русским святым козлом и радуется! И многие его понимают – и детей ему сделали, и здоровье ему поправили, и с Мэри теперь он может быть, и от дел он уже отошел, и жив-здоров!.. В свои пятьдесят Эдам выглядит лучше многих тридцатилетних под ответственность русских. Но только свои считают, что проданся он за свою Мэри, то есть сейчас Энн... С потрохами его в России купили за Энн его... И плохой он руководитель...

И все ждут назначенной даты – экстрадиции Эдама в России... И после этой даты, если его не экстрадируют, сможет он умереть спокойно от обширного инфаркта... И станет он таким же, как и отец его, и дед... Вот только дата приближается... и все всё напряженнее смотрят на часы... Смотрят на небо и считают звезды, и читают какие-то романы...

Просто если все прошло без сучка без задоринки, то тебе все простоят, а если нет, то все припомнят, а если надо и притянут...

И счастлив он только с Энн... Только с ней... Только она его понимает. И она его! А он так ждал этого всю жизнь! И он, да, счастливый человек! Но им нельзя быть вместе, он сильно про штрафился со звездой... И Морген! И мальчики! А звезда да, хороша... И светит... И растет...

Эдам и «звезды» от той писательницы брал, и убирать ее собирался... Он у нас как работарговец... Он не мог иначе... Эдам, тебя терпят до даты и ждут, а там ответишь... умрешь... Когда-то он не смог отказаться от соблазна... наподписывал все, думал, что соскочит... Но соскочить не смог... И теперь будет все реализовывать... А мы не вмешиваемся, и такая у нас, ку-клукс-клановцев, позиция... В итоге он за свою Мэри проданся, чтобы жизнь ей купить... Чтобы ее с панели снять... Все такие по элитным проституткам, с красным цветком в сердце легко управляемые...

Таким серьезным руководителям, как Эдам, нельзя быть рабами своих элитных проституток. А его отец сделал... Он, наверное, тоже был ее рабом... Нет, он не мог быть ее рабом, с красным сердцем... Он не мог быть так управляем. Но Эдам был. И, зная это, черт Слава начал его крутить... Зная, что слабое место Эдама – это его Мари-Энн, и ради нее он сделает все, что угодно... И именно ее ему надо обещать... Его отец сделал его таким, управляемым... Он думал, что это лучше... так он будет больше стараться ради своей Мэри... И обезьяны... Но управляем Эдам был не только своими... Но и русскими... Фелисита не может быть под проституткой... А младшего сына отец воспитывал наоборот независимым... И постоянно смотрел, кто лучше...

Почему Эдам не разобравшись украл сына генерала Александра и в первый же год в России нажил себе серьезного врага? Почему он выглядит как марионетка и всегда глупо кивает головой?

Почему он так легко верил этим русским? А они его просто использовали... Почему он так легко не мог покинуть эту страну?

Он влез в крутую звезду и стал ждать, что будет? А что будет, Эдам, что будет? Ничего хорошего для тебя, Эдам, не будет! Ничего хорошего... Если ты победитель, то тебе все простят... А если проигравший, то все припомнят... Автоматы он продал плохие... Дальше поставки не пошли... Со Спенсермэнами работают... А с тобой нет! В России он застрял надолго... И сильно обрусел! Тебе в Америке теперь не скоро начнут доверять! И только подписав, что оставит «звезду» в покое, его выпустили из страны... сделав его Мэри дочь... И все ждут срока его экстрадиции...

А все началось с мавра. Сначала Эдам убил негритенка-мавра не разобравшись, потом продал ребенка не разобравшись, потом влез в звезду не разобравшись... Эдам, когда ты начнешь разбираться?

Почему ты не разобрался со своими ключевыми свидетелями?

И Эдам был тысячу раз не плох, но он очень ошибся в звезде. Он думал, Арина «проснется», «разморозится» за шестьдесят, а она проснулась в тридцать пять. Он сомневался в ее таланте, а она романы пишет пачками! Поехал в чужую страну со своим уставом... Когда же ты это поймешь, что ты там никто!

А Эдам всем ходит и рассказывает, как хорошо быть святым козлом, и детей ему сделали, и оберегают, и живую воду литрами дают... Как он гордится, что святым козлом стал! Считает, что родился под счастливой звездой! И думает, что его никто никогда не посадит, особенно русские! Какой-то Эдам тупой...

А что можешь сказать ты? Что ты знаешь о нас всех?

Эдам и Деликаты

*Ох, нелегкая эта работа –
Из болота тащить бегемота!*
К. Чуковский «Телефон»

Надо отдать нашим работорговцам, во главе с Романом Деликатом, должное – они подставили Эдама по полной, надавали против Эдама таких показания, что ему было не отвертеться. Районами давали против Эдама показания. Хотя Эдам сам хорошо запятнал себя в работорговле в России – и детей в Казахстан продавал, и негров убивал десятками, и в Америке пару рабов в Казахстан продал, одного белого ребенка, другого черного. Оружейники его после этого не любили... Они в работорговле и убийствах боялись замараться... Кристально чистого человека не запятнаешь, крупным работорговцем просто так не сделаешь... Рабо-

торговлю просто так за уши не притянешь. Эдам Хейсонд в Америке был главным по рабству в своем штате, а то в округе.

И Рома Деликат каждый день подходил к зеркалу и говорил себе: – Нам Эдам Хейсонд никто, он только наш святой козел. И ему в России никто особо помогать не будет... Кто мне Эдам Хейсонд? Никто! Должен ли я ему помогать? Нет!

Деликат отрезал себе член и пошел к знакомой хирургу, она ему его пришила – детям из рабства, которых смогли вернуть, стали пришивать члены от трупов и восстанавливать способность детозачатия...

...Опять черт Слава проснулся в поту. Опять Эдам корки мочит и хочет умереть до России! Опять поехал в Америку наш черт Эдама из беды вырывать! Эдам хочет умереть своей смертью, не в русской тюрьме... пошел топится в болото... Оттуда он точно не вернется... В болото в самую глушь... Оттуда еще никто не возвращался... И нашли его Деликаты, и стали то болото осушать... И позвали на помощь Славу, Марину Шайн и Дажуху-старшего... И построили конструкцию, наподобие рычага, а потом стали засаживать непроходимое болото цветочками с сильной корневой системой, культивировать флору.

– Боже, какой хлопотный святой козел! Сколько с ним хлопот! – все причитал Слава.

– А ты хочешь, чтобы святой козел послушным был? И сам вел себя на казнь? Так не бывает...

– Очень жаль, что не бывает, очень жаль!

И сделали фото на память – Марина Шайн, Деликаты всей семьей, Дажуху, наши черти. И Эдам в центре – живой и здоровый!

– А то нас в страну не пустят! Если с Эдамом что-то случится! Святые козлы они такие, редкие. Мы не можем иначе...

Как бы нам до заветного 2024 года дотянуть! И не дать до этого времени Эдаму совершить самоубийство.

Пленку с признанием Эдама Рома Деликат спрятал на дне реки Кубани под рекорд. Он так ее смог упаковать, что бы она обязательно сохранилась.

Потом они с Дмитрием Павловичем рассчитали течение в Атлантическом океане, где якобы затонуло золото Эдама и кинули там пару слитков, настоящих и поддельных. Какая точность! Мы за святых козлов! Мы по святым местам!..

Деликаты тоже бегают за Эдамом. Рома Деликат его собственной грудью закрывал в перестрелках! Чтобы его в перестрелке не ранили или не дай Бог не убили!.. А если у него вываливается стеклянный глаз, то Деликат его сам ползком подбирает, дышит на него, протирает и вставляет Эдаму, чтобы не расстраивался! Один раз его глаз перепутал с синим глазом из футляра и вставил синий... И стрелял Деликат за него... И подписал кровью, что Эдам больше не может в перестрелках участвовать. Стар уже стал и слеп... Когда Деликат это подписал, вся Россия вздохнула с облегче-

нием! Наш козел отпущения точно в перестрелке не умрет... He is a scaregoat! It's OK. Russian scaregoat!¹

Эдам даже попытался утопиться! Тут же откуда ни возьмись появился русский черт Слава, тут же его достал из реки и откачал, сделал искусственное дыхание... — А знаешь, как он переживал, что не успеет тебя спасти... — ругал Эдама Рома Деликат. С тех пор Эдам стал бессмертным... — Эдам, ты не умрешь, пока не подпишешь все признания! Ты целовека пожалей, куда ему за океан летать, далеко и дорого! Как только ты умереть захочешь! — Теперь за Эдама несут ответственность американские куклуксклановцы. Если он надумает умирать, они обязаны его спасти... Теперь жена активного члена ку-клукс-клана Эмма бегает за Эдамом и его жизнь бережет...

Деликат-старший и черт Слава — личные ангелы-телохранители Эдама Хейсонда до 2024 года — года его экстрадиции в Россию.

Деликаты и черт Слава вместе ездили в Америку, когда пришла пора Эдаму умирать и его положили в больницу. Просили на коленях, чтобы был он до 2024 года жив и здоров, пока его в Россию не экстрадируют, а то кто же еще сядет за работорговлю детьми за последние тридцать лет. А до этого и в перестрелках с ним участвовали, чтобы его не ранили, не дай Бог! А так бы он уже умер или в перестрелке, или в больнице, не дай Бог! Дай тебе Бог здоровья, Эдам Хейсонд, до далекого 2024 года, а потом и подавно, пока все признания не подпишешь. А то у нас дети в рабстве, ты же понимаешь? Без тебя никак...

И понял тогда Эдам, кто такой святой козел — и тебе хорошо, и нам нормально! А так в тюрьме посидишь за нас всех, подумаешь... Деликаты в Америке связи налаживали и доказательства собирали на святого козла и работорговлю... И из зуба Эдама мышьяк выковыривали: — Убирай мышьяк из зуба, Эдам!

Деликаты специально английский учили, чтобы в Америку ездить. Деликат-младший на девушке с лингвистики женился, чтобы она ему переводила...

Когда в очередной раз пустили слух, что Эдам умер, и его скоро хоронят, Деликаты сами поехали в Америку проверять! Деликаты полезли на гроб всей семьей! И Наталья, и Рома... Сын стоял в сторонке... Подняли крышку. Проверили, Эдам это или нет! Нет, Эдам! Мы тебе не дадим умереть спокойно! В гробу было оружие... А под оружием наркотики... — Фух — решили они... и ушли, разбирайтесь сами... — в такие моменты все думали, что русские на самом деле его посадят...

Эдама своим надо похоронить, потому что он слишком много знает. Если его защищать, он за собой всех потянет. А если его отдать на растерзание русским работорговцам, то можно дальше проворачивать свои делиш-

¹ Он козел отпущения! Ок. Русский козел отпущения!

ки безболезненно. Ему жизнь под Россию сделали. Так бы уже умер. А так еще живехонький. И молодильные яблочки ест. И для поделльников Эдама было бы лучше, чтобы он уже умер...

Потом Наташа Деликат, жена Ромы Деликата, пошла на американское телевидение со слезами:

— Вы знаете, что мы с ним пережили! Нам даже могилы в Краснодаре выкопали и сказали ложиться! А он наш святой козел! Он должен сесть за нашу работорговлю!

— Эдам Хейсонд ваш святой козел?

— Да!

— Главный бандит Америки ваш святой козел?

— Да!

— А вы уверены!

— На все сто! Что мы пережили!

— Бедная женщина... Вы говорите, говорите все!

Наташа вытирала слезы платком:

— И что он вытворяет? Расскажите нам! Расскажите нам все!

Наталья плакала в платок и громко сморкалась:

— Он чудит и чудит! То топиться собрался в болоте, то свои похороны устраивает... Что мы с его похоронами пережили! А если он и вправду умрет, кто же будет за нас сидеть?.. А как мы его из болота тянули! Инженерную установку специально для него построили! Совсем о бедных детях в рабстве не думает! Не дорожит собой...

Все накинулись на Эдама! Как он может устраивать проблемы русским, которые его так ждут и которые о нем так заботятся! Он должен спокойно ждать свой срок экстрадиции в Россию... Многое меняется, когда вдруг то, что Эдам святой козел, становится достоянием общественности и за него детей вернут из рабства...

Эдам тоже появился на американском телевидении со словами:

— Я не козел отпущения! Я не должен сесть за всех русских!

Черт сразу стал возмущаться:

— Эдам, повторяй за мной: — Я не должен лгать... Хотя я сейчас говорю ложь. Правда, не знаю, что это ложь... Я сяду за всю вашу работорговлю и контрабанду!

Эдам не стал это повторять.

— Эдам, ты не можешь умереть в больнице... Это надо отменять... Ты вообще не можешь умереть! Ты нас пойми. Мы не можем иначе... мы тебе детей сделали. Теперь надо платить...

— Эдам бы давно уже умер, да не дают... — смеялись поделльники Эдама.

Черт Владислав решил объяснить:

— У Эдама уже возникло двое детей... Сделали ЭКО по протекции Деликата под священного козла. А потом Эдам вдруг захотел соскочить... Какой козлик-то у нас скакун!

- Нет, Эдам! Нет, ты не соскочишь... Мы тебе не дадим соскочить!
- Ему нельзя умирать... Мы несем полную за него ответственность... Эдам, наша сила в единстве...
- Эдам Хейсонд готов пострадать за нас всех!
- Это кто это готов за вас пострадать? – и Эдам побежал бить Деликата, он за ним следил и делал видео его поставщиков наркотиков. Эдам был сначала наркоторговцем, а потом уже оружейником.
- Ты, Эдам, ты готов пострадать за нас! – ответил черт Слава.
- Боже мой, нам еще столько золота отмывать... – Наталья Деликат все плакала в платок...
- Эдам, ты нас пойми. Такого козла у нас больше не будет! Или пятьдесят лет ждать! Или ты, или никто... И не надо накидывать плащики на свои декларации рабства! Все плащи снимаем! Жди март 2024 года, когда тебя экстрадируют в Россию сидеть за все, что ты сделал и не сделал. Но мог! И не мог тоже... – подельники Эдама все пытались стащить черта со сцены. А он все кричал публике:
- Эдам, ты нам родненький. Америка от тебя уже отказалась! И это правда! Теперь мы твоя семья и родня! Мы тебе и гражданство готовы дать! Ты не отказывайся, Эдам, что дают нахалюву... Гражданство – это тоже важно! Чтобы тебя легко было экстрадировать при необходимости... – черта все-таки куда-то уволокли...
- А золото, куда делось все золото? За всю работорговлю Эдама? Где золото? – оказывается, американцы тоже считали деньги. А спрашивал наш умный казначей, который когда-то хотел ввести казахстанское рабство в Америке... Он спросил и тут же накинул темный капюшон, чтобы его никто не узнал... Этот казначей был у американцев притчей во языцех. Казначей не любил вспоминать о том случае...
- Как куда? – удивилась Наталья Деликат. – Так оно все затонуло! Все затонуло в Атлантическом океане! Клянемся! – Наталья Деликат с сыном тут же подписали это кровью...
- Так они даже собрали с каждого проданного ребенка по слитку, и мне передали, – понял казначей Эдам, – а потом в Атлантическом океане рассыпали с контейнерами... с пустыми контейнерами. Сделали и медные позолоченные слитки... и их тоже кидали в воду... типа расплачивались фальшивым золотом. У меня этого золота нет, – развел руками Эдам.
- Где наше золото за проданных в рабство детей? – уже орал казначей.
- Так он же детей не продавал... Он же святой козел! – объясняла ему Наталья. – Мы же продали детей сами и золото себе оставили! И вам его не дадим! – и Наталья сама ушла со сцены, громко хлопнув дверью и показав американцам крупную дулю. И сына потом со сцены забрала... Казначей стало плохо, он упал в обморок...
- А у Эдама осталось золото? – спросил он очнувшись.
- Да, у меня осталось, но немного...

— Он должен платить с него налоги! — и казначей убежал за Эдамом со сцены...

Лучше к работорговому золоту не иметь отношения, решили все. А Казахстан стал было возмущаться, что делали фальшивые слитки и так дискредитировали казахстанских работорговцев, но черт слава и Деликат Рома тут же подписали кровью, что это для святого козла Эдама. Для нашего святого идиота... Такие удачные «козлы» бывают редки... Такие редкие козлы... Как Эдам...

Перестрелка

Американцы — и полицейские, и преступники, говорили друг другу, что Эдама Хейсонда нельзя убить, и в перестрелках в него нельзя стрелять! Если в него не дай Бог попасть, то тут же откуда ни возьмись прилетает Слава-черт и вырывает стрелявшему могилу! Он уже на всех уровнях, включая президентов Америки и России, подписал, чтобы Эдам не участвовал в перестрелках и никогда не рисковал собой! Как-то Эдам пропал куда-то на пять дней, так черт Слава по всей стране бил в колокол, обнаружили пропажу и по всей Америке объявили чрезвычайное положение, искали Эдама.

— Уберите Эдама с поля боя! — увидев Эдама с пистолетом, кричала молодая американская полицейская. — Ты что? Эдам — это русский святой козел! Не дай Бог с ним что-то случится! Нам это Россия не простит! Он у нас и в перестрелках не участвует! Бережем его для России! Подписано на всех уровнях! Я когда в прошлый раз в него попала, думала, меня из полиции уволят! Так в могиле почти целый день лежать пришлось! Думала, почки отвалятся! Он же русский козел!..

Когда Эдам участвовал в перестрелке в последний раз, полицейские начали возмущаться...

— Кто пустил «в поле» Эдама? Это запрещено! Уберите Эдама «с поля»!

— Ты хочешь стрелять в Эдама? Ты серьезно! Ты подпиши!

— У нас с ним такие проблемы! Вот это Владислав Оглоблин. Тут же звонит! Ну вот видишь! И как он знает? Да, Владислав... Да, он здесь... Да, участвует... Да, все в порядке... Не переживайте... Нет, никто в него не целится! Да, сейчас пришло...

— У нас официальный запрет сверху Эдаму участвовать в перестрелках! Президент подписал! Эдам, конечно, не соблюдает...

Американские полицейские говорили между собой, что русские Эдама точно посадят...

Полицейская объясняла новичку: — Эдам Хейсонд — это официальный русский святой козел. Он в 2024 году должен отсидеть за всю их работоговлю и преступления их уголовников. Поэтому с ним ничего не должно случиться! Поэтому мы его бережем! Для них! До 2024 года мы должны довести его в ценности и сохранности! Это приказ свыше, и мы теперь пылинки с него сдуваем! И это закон! У них дети в рабстве! Все ради детей!

— А что дальше? После 2024 года?

— Если его не посадят в России? Будут сверху указания, будем решать!

— Джули, — попросил голос в трубке, — а ты не могла бы мне прислать фото Эдама, чтобы я убедился, что он жив и здоров и не ранен? Кстати, дай-ка ему трубочку! А если он откажется, то напомни ему, что он обязан это сделать. Я каждые три дня должен слышать его голос и убеждаться, что он в порядке и это он. Кстати, сделай громкую связь...

Недовольный Эдам взял трубку...

— Эдам, как ты?

— Хорошо...

— Ты не ранен? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да все нормально.

— Эдам, я хочу напомнить тебе, что ты должен себя беречь... Тебе официально запрещено участвовать в перестрелках... Ты опять нарушаешь правила. Еще два раза ты нарушишь правила, и ты знаешь, что будет. Мне придется принять меры... И ты знаешь, какие...

Эдам бросил трубку... Черт перезвонил Джули:

— С Эдамом мы все выяснили... Напомните ему про меры взыскания, если он не будет соблюдать правила...

— Эдам, мне просят тебе передать про меры взыскания...

— Да, я знаю, — отмахнулся Эдам...

— Сделай для меня его фотографию...

— Эдам, мне надо сделать фото тебя сейчас. Выпрямись, пожалуйста...

Так пересылаю фото...

Черт перезвонил через пять минут...

— А не могла бы ты мне померить длину его ног, рук и ладоней. Что-то мне не нравится его фото...

— Эдам, давай мы тебя померим...

— Так, ладони двадцать три сантиметра... Ноги двадцать шесть сантиметров, это сорок первый размер ноги.

— Ой-ой-ой, что-то мне это совсем не нравится... Ты можешь померить ему размер члена...

— Ээээ...

— Ну ладно... Попроси кого-то из мальчиков, Брайана, например...

— Да, у него семнадцать сантиметров...

— Нет, это точно не Эдам... Я еду! Я скоро буду! Боже мой... Боже мой...

Что же делать?

Черт вылез через черную дыру через три минуты, и Слава с Джули, и все полицейские бросились на поиски настоящего Эдама. Этот Эдам оказался клоном и просто отвлекал внимание, а настоящий Эдам в это время пересекал границу штата, чтобы опять совершить ограбление века...

Эдама пришлось отлавливать и останавливать. Ограбление сорвалось! — Да что же это! — все возмущался Эдам, уже настоящий. Носятся со мной как с маленьким ребенком!

— Да, Эдам, да! Именно так! А если бы с тобой что-то случилось! Что бы было тогда?!

И черт задумался о мерах взыскания... Меры взыскания были дни, когда Эдам сам не выходил из дому и сам отдавал свои волосы и ногти для доказательств против себя.

С тех пор даже американские полицейские не хотели брать Эдама с собой — козел так козел, пусть бережет себя для России!

— Эдам, никаких ограблений! Мне надо будет в тебя поставить жушок! — возмущался Слава.

— А если я хочу в горы, хочу в поход!

— Так, это что-то новенькое... Я подумаю... Я могу свозить тебя в клетке. Будем поднимать тебя по горам, чтобы ты не дай Бог не упал и не повредил себе что-нибудь! Будем тащить тебя на канатах. Полицейские нам помогут!

В клетке Эдама уронили трижды... Однажды он застрял в ветках на склоне... Думали спускать с подъемным краном. Это чтобы Эдам вспомнил свое прошлое в другом измерении на планете обезьян... Как он скакал по пальмам в их мире...

У американцев было предписание президента Америки все волосы Эдама после стрижек отдавать в Россию для доказательств. Его волосы, ногти — все подходит. Сейчас решили расширить количество Эдамов, чтобы ДНК всех подходило. У Эдама столько преступлений! У нашего Эдама до России была и пластика носа, ему сделали тоньше переносицу. Перед этим он эту переносицу нарастил с помощью таблетки.

Эдам пошел разбираться к американскому президенту, почему это все его волосы и ногти собирают. Президент ему объяснил, что он не может портить отношения с Россией, у них торговля, высшая политика. Он не может обострять политическую ситуацию. Проще волосы Эдама им отдавать. Тем более, что если Эдама посадят за его преступления в России, только тогда эти доказательства пустят в ход. И они на его срок никак не повлияют. Американское правительство должно бороться против рабства как такового и сотрудничать с Россией. А Эдам подписал декларацию рабства... И если Эдам не хотел сидеть за всю работорговлю в России, то ему не стоило в ней признаваться (и американский президент приложил видео, как Эдам признается во всей работорговле за тридцать лет), и не стоило брать их золото (и приложили фото и видео Эдама с золотом), не стоило нарушать правила и т. д. И стоило заплатить налоги, Эдам вспомнил казначея,

но промолчал... А там дети в рабстве. И надо их выручать... Эдам сказал, что тогда будет менять гражданство, все американцы очень порадовались, праздновали неделю. Но никакая другая страна, кроме России, Эдама не принимала. Пришлось ему остаться в Америке...

Американские преступники об Эдаме. Разбор полетов

— Эдам, ты хочешь сказать, что ты растворил слепоту звезде, чтобы произвести на нас впечатление? Вот что значит ставить во главе наркома-нов и идиотов... Что-то ты на один глаз тоже не видишь! — Эдам не любил, когда ему об это напоминали. — Так ты стравил звезду с Шерил? Бесчувственной убийцей? Эдам, мы тебя уважаем! Теперь особенно, когда ты ослепил звезду! И ты хочешь поехать к своей Мари? Езжай, заслужил...

А наш святой черт Слава подписал, что Эдам опять неадекватен...

— Он все о своей Мари думает! Не о деле, а о Мари! Он звезду слепой сделал, чтобы к Мари съездить! О чем ты вообще думал, Эдам! Есть правила, — и все трясли правилами у него перед носом, — что в звезды мы не лезем! Никаких звезд в делах! Звезд сразу выводим и звездам не вредим!

— Но Владик!!!!

— Что Владик?!!

— Владик прикроет!

— Да какой Владик! Его уже давно убили!!! Нет твоего Владика!!! В земле он давно!!! Так ты стравил звезду и беспощадную убийцу и думал, что убийца выиграет?

— А он все о своей Мари думает... Совсем мозгов нет! На нас всех беду накликал! Теперь из-за тебя краснеем, и кашу, которую ты заварил, расхлебываем! Ты растворил слепоту звезде, которая даже не собиралась давать показания!

— Эдам, ты на нас впечатление произвел... С тех пор проблемы твои разгребаем! Езжай-ка в Россию к своему святому козлу... Кому? Славе! И разбирайся там... Здесь тебе делать нечего, и тебя никто не ждет!

— Вот сейчас это надо не подписывать, а он подписывает, думает, это подарки судьбы. Ох, Эдам-Эдам... Под будущее. И он согласен за них отсидеть, если они докажут... Он это даже подписывает... — американский критик-чекотила покачал головой.

— Да, он не читает!

— Зато мы читаем!

— Эдам, а они доказательства собирают... Против тебя... — сказал американский критик-маньяк и по совместительству искусствовед. — Вот что

ты подписываешь? Вот зачем ты это подписываешь? Думаешь, они это не докажут? Вот опять ты... Я подпишу, что это все ради искусства, потому что знаю твоего отца... Вот когда ты поймешь, куда ты влез, ты дай знать... Когда начнешь жалеть, дай знать, кинь мне, я поймаю... — преступники очень интересные люди, но, чтобы быть такими, им надо пить специальные препараты...

Эдам передал русским, что рад быть их святым козлом! И рад будет отсидеть за всю русскую работорговлю и контрабанду, и за все их преступления!

— Слава Богу, Эдам, давно бы так! А то, плохо, плохо!

— Это Эдам шутит так... А вот русские не шутят!

Эдама не любят кукулюксклановцы, потому что он влез в «звезду», Ари-ну и его сильно притягивают в контрабанду калашниковых. Его не любят контрабандисты, потому что Эдам в пушку. Его не любят свои и чужие...

— Езжай-ка ты, Эдам, в Россию. Там и посиди... Там тебя ждут и там тебе рады... Ты у них козел...

Первый раз Эдаму поставили черную метку, когда он отказался убивать «нетикающего» негритенка. А его младший брат убил...

— Так Эдам ты что, знал, что в России будешь святым козлом и все равно поехал? Тебе оракл сказал. Ну кто же от калашниковых откажется?..

Джессика Рэбитс с Майклом поднимали бунт против Эдама. Майкл и Джессика вели свой блог: «Куда катится мир. Как американская фелисита сел за всю работорговлю России» и «Как русские сделали святым козлом нашу фелиситу».

— Мы тут собрали подписи! Нам стыдно, что Эдам Хейсонд — американская фелисита!

— Эдам, так ты на самом деле подписал, что если кто-то в России публикует научные исследования по делению на ноль, так ты добровольно сядешь в тюрьму за них всех! А, только если Арина Симоненко... Ну тогда ладно... Только ради Арины.

— Ой, дурак, ой дурак... Это все из-за его Мэри. Что б у американских фелисит больше таких Мэрь не было...

— Эдам подставил нас всех! Подставил девчонку, Марину Шайн. Свидетельница, которая ее видела, не умерла и не ослепла.

— Ты Арину имеешь в виду?

— Да!

— Эдам забывает, что такое хорошо, а что такое плохо. Он слишком искажен... Обезьяны вместо людей, Эдам, это плохо!

— Эдама теперь надо замарать среди своих... Если его уже сделали святым козлом, то пусть в Америке его никто вспоминать добром не будет и жалеть о нем тем более! — И репутацию Эдама стали подмачивать...

— А я все думала, как это Эдам мог совершить все эти преступления. А их на него просто скинули!

— Эдам Хейсонд — это плевок в душу американской преступности! Он позорит имя американской фелиситы. Он позорит честное имя американского преступника. Куда катится преступный мир Америки — если Эдам сядет за всю страну?

— Эдам, ты как пугало огородное висел в России на всех их крестах и сидел на всех их колах! Еще и голову на стол им складывал, на блюдо... Эдам Хейсонд — позор Америки!

К сожалению, жизнь не поворачивается в сторону святых козлов.

— Если на него скинут всю работорговлю в России, то мы на него тоже скинем все наши преступления... Такого позора еще не видала земля Америки!

— А Эдам возьмет на себя и ответственность за теракт одиннадцатого сентября в Америке?

— Попытаемся пробить! Думаю, возьмет!

— Вот эти преступления мы хотим скинуть на него после того, как его посадят в России до конца дней за все их преступления! Нам стыдно за Эдама Хейсонда. Если его сажают в России за них всех, то мы скидываем всю эту папку преступлений на него... Собирайте доказательства, чтобы не придраться! Против Эдама, естественно...

— И пусть он сидит в России, а мы юридически скинем на него наши преступления, сколько возможно, и будем счастливы. А полиция закроет свои висяки Эдамом.

— Но это случится только в случае, если Эдама посадят в России до конца его дней за всю их работорговлю и т. д.

— Давайте расшифруем «т.д.» — это другие их преступления...

Американцы все пописали декларацию «Если Эдам будет русским святым козлом, то»...

— Мне стыдно за Эдама Хейсонда. Если его сажают за все преступления русских, то мы можем скинуть на него и некоторые свои преступления.

— Только юридически. Но сидеть за это он не будет. И он никогда не узнает.

— Мы просто скинем на него некоторые преступления, как на святого козла, потому что нельзя быть таким идиотом и так часто отступать от правил. И дать себя так подставить. И нечего были договариваться с этими русскими! И влезать в их работорговлю, и так мараться! И позорить честное и достойное имя американских преступников!

— И все-таки почему Эдам Хейсонд такой идиот?

— Как можно себя так подставлять? Как можно все это подписывать? Как можно висеть у них на крестах и складывать свою голову им на стол? Как американская фелисита, который должен быть для нас примером во всем, может так позориться? Почему он сделал себе этих детей, которых не должен был? Почему ему посвящают эти книги? Почему он влез в крутую писательницу? И подставил нас всех!

– Если он такой фелисита, то пусть будет виновен во всех наших преступлениях тоже, если он не сможет отмыться от преступлений русских.

– Эдам, если тебя посадят за всю их работорговлю, то ты этих преступлений и не заметишь.

– Мы тебе друзья, но мы не прощаем ошибок, а ты в ошибках утонул... И самая твоя крупная ошибка – что ты продался за копеечку, что тебя в России купили с потрохами! И что ты влез в звезду и потащил нас всех на дно!

– Если ты станешь святым козлом в России, то в Америке мы сделаем тебя козлом отпущения! И все это мы на тебя скинем! А то и больше... И твой кумир – Кай Беспощадный с Трутона, то есть беспринципный, тоже разрешит нам все это!

– Эдам как будто постоянно проверяют систему, раскачивает лодку... – сказал Майкл.

– Хочется все и сразу, а получается ничего и постепенно, – это про тебя Эдам.

– Попробуй только сесть в России за всю их работорговлю! И все их преступления... Каким это надо быть лохом, чтобы на тебя это все скинули.

– Ой, как неудачно тогда они влезли в писательницу... Эдам, ты влез везде, где только мог! Ты нарушил все, что только можно! Лодку ты раскачал! Против тебя свидетельских показаний тонны! И все твои свидетели живы-здоровы! А Мария?

А Джессика Рэбитс рассуждала так: «Если он сможет отвертеться, то ничего страшного, хотя бы нас не опозорит на весь мир... А если нет, то скинем на него и наши преступления. Чем мы хуже русских? Накажем его хотя бы так».

А американское правительство сделало Эдама виновным в теракте одиннадцатого сентября. И все это подписали и согласились. Если один Эдам сядет за всю российскую работорговлю, то будет козлом отпущения за теракт одиннадцатого сентября.

Наш черт Слава в этот момент упал в обморок, выпил инсульт и пошел возмущаться: – Это где же это видано, чтобы Эдама сажали за столько не его преступлений? Он же русский святой козел, а не американский! Это что же такое? У нас дети в рабстве! Вы подумайте о бедных детках в рабстве! И выдайте нам Эдама бесплатно! И без обиняков! Это подписано нашим президентом!

– У нас это не подписано... – ответил американский президент. – У нас подписано, что мы его храним до 2024, максимум до 2025 года. А если вы его не сажаете, то дальше он живет, как и все преступники его возраста... и мы умываем руки. А сажаете вы его сами, если сможете. И мы верим в русскую систему правосудия! Что она не посадит невиновных и не сделает их своими святыми козлами! Он и только он! – президент вытащил толстую папку. – А вы думаете, один человек мог совершить все эти преступления?

– Да! Он же американский фелисита! Видите, какой он страшный преступник...

– А вот по нашим данным он в этом году был в Америке...

– Отметьте там, когда и где он был... А, вот тут... Поставьте галочку, мы разберемся!

Эдам появился со своим адвокатом.

– Вот у нас опровержения на ту папку. Эдам просто не мог совершить всех этих преступлений! Он священник, честный семьянин и гражданин Америки!

Все поржали.

– Он нанял киллера и хотел убить известную писательницу и кинул ее под машину... Она еле устояла тогда!

– Это еще надо доказать!

– Если ты такой идиот, что Россия скинула на тебя 350 своих преступлений...

– Подождите, цифра еще уточняется... По нашим данным 2350 преступлений, это с преступлениями его отца. Но он подписал, что несет ответственность за отца и по всем его преступлениям я могу обращаться к Эдаму.

– Если на тебя идиота Россия скинет 2530 своих преступлений, то мы скинем не меньше... А то и больше... Сидеть ты будешь там, а опозорен здесь... Америка тебя не забудет! Такое не забывают!

– Твой Кай Беспощадный кстати нам сообщил, что если тебя сделают святым козлом, то он разрешает на тебя скинуть в два раза больше преступлений, то есть 5060... Представляешь!

Кай Беспощадный с другой планеты был кумиром Эдама.

– Но мы поставили голосование по Америке и решили скинуть на тебя только 3700 преступлений – золотую середину. Но если ты последователь Кая Беспощадного, ты подпишешь, чтобы мы скинули на тебя все 5060!

И Эдам подписал! Какой молодец!

Такой проблемный фелисита не нужен никому.

– Не переживайте, – говорил отец Эдама, – он отсидит за все ваши преступления! Не переживайте! Скидывайте на него все смело! И теракт тоже! И всю работорговлю! Он за все отсидит! Он такой у нас, святой! – отец Эдама сказал это и лег в могилу. Это он от стыда за Эдама. И черт попросил его подписать, что он не против, что Эдам отсидит за все и всех. Отец все подписал и пошел пить insultу...

Президент Америки просил уточнить, а такое бывает, что на преступника скидывают так много...

– Это прецедент, – ответил черт... – Ради деток в рабстве... Его принимает земля и Казахстана... Только его, кстати. Вот в этой книге написано подробно, в сценах, почему Эдам может святым козлом!

– Эдам, вы хотите сделать рабами миллионы?

– Эдам не будет отвечать, – ответил за него адвокат...

— А вы не считаете, что мы разведем святых козлов? И на некоторых начнут скидывать тысячи чужих преступлений?

— Если они проштрафятся, как Эдам. Посмотрим! Что гадать?

Тут через черную дыру прилетел Кай Беспощадный с Трутона к своему другу с другой планеты, опять забулькал, попил водички и сказал по-землянски:

— Если ты такой лох, что вся Россия скинет на тебя все свои преступления, то пусть на тебя в Америке скидывают все преступления за последние десять, нет, двадцать лет! И поделом тебе! — его речь напоминала бульканье, но ему вкололи препарат, и мы стали его понимать.

— Вот видишь насколько мы лучше этого Кая! Но ты не расстраивайся! Сейчас я поговорю... — успокаивал Эдама черт.

— Эдам, вот смотри, мы не такие, как твой Кай! Видишь, насколько мы лучше!

— Да, Эдам, мы скинем на тебя по нашим скромным подсчетам не 10230 преступлений! И даже не 9800! Представляешь, какие мы! Мы всего лишь скинем на тебя 5360 преступлений! И это очень хорошо, Эдам, поверь мне, очень хорошо! — говорила Джессика Рэбитс. — Видишь, какие мы! Как тебе повезло! Эдам, представляешь, что если ты сделал все эти преступления, то какой ты крутой фелисита! Ты тогда самый крутой фелисита в мире!

— Так, это почему вы скидываете на Эдама столько не его преступлений! — возмущался черт. — Где это видано! Видите, как он расстроился! Как он переживает! Эдам, я сейчас разберусь! Я сейчас помогу тебе!

— Почему вы так много на него скидываете! — он накинулся на Джессику. — Кто он для вас?

— Он русский святой козел!

Тогда наш черт подумал и решил не вмешиваться в чисто американские дела.

— Тогда Америка требует русскую фелиситу сидеть за все их преступления. Если вы забираете Эдама, то мы требуем святого козла из России сидеть за все наши преступления!

— У вас же Эдам за все преступления сидит!

— Не за все! Вот не за все!

— Видите, все как просто — скинул все свои преступления на Эдама и все! Никаких проблем!

— Но все не так просто! — возмущался черт. — Его должна принимать земля!

Русская полиция обещала поискать и непременно выдать! И чтобы земля принимали...

Но не нашли...

— Видишь, Эдам, какой ты! Редкий...

— А вот я как должен говорить, что Эдама хотят посадить за то, что сделали они все или он сам? — Майкл был озадачен.

Но наш черт пришел ему на выручку: — Мы посоветались и решили, в России ты должен говорить, что он сидит за себя сам, а за границей — что он сидит за нас всех!

Майкл пришел к русской границе. — Значит, тут я говорю, что он сидит за себя сам... — Он сделал шаг вперед, — А тут, что за вас всех! — Ну да, это правильно! Думаю, так... Но ты так при Эдаме не говори, видишь, как он расстраивается!

— Какая забота об Эдаме!

— Я прошу всех, за кого будет сидеть Эдам Хейсонд, выйти к границе... — И Майкл смотрел на тысячи русских, которые хотели скинуть на Эдама свои преступления! — Майкл сделал видео всех этих людей... И не было им конца и края...

Майкл дальше вел репортаж из американской тюрьмы: — А вот у нас наоборот, все сидят за преступления одного Эдама Хейсонда!

— Вот мы как раз и поменяемся, у вас сидят за Эдама, а у нас сидит Эдам...

— А что ты на самом деле думаешь? — спросил Эдам у Майкла. Над Эдамом все смеялись. Он стал самым популярным предметом насмешек в Америке.

— Я думаю, что ты неудачно попал в Россию. Беспринципные русские здорово тебя закрутили! — Майкл похлопал Эдама по плечу. — На твоём месте мог быть любой...

Но потом Майкл подумал и составил список, что Эдам в России сделал неправильно.

— Ему не стоило непонятно что говорить на камеру. Не стоило читать непонятный текст и учить по бумажке.

— Если тебе дети не положены, то не стоило себе их делать и т. д. — Тут список на двух листах, ты можешь с ним ознакомиться! Надо быть идиотом, чтобы на это все согласиться! Да, Эдам, именно идиотом!

— Но самое главное, Эдам, тебе не стоило влезать в звезду, подставлять Шерил, и растворять «звезде» слепоту... Это главное, что ты сделал неправильно — влез в звезду! Тебе не стоило так жестоко убивать королевскую особу. Видишь, какой ты стал теперь! А какой был? Это все царская кровь! Тебе это точно не забудут! И отец твой так убивал... — сказали Майкл и Джессика хором. Они оба занимались теперь Эдамом и так хотели получить себе разрешения делать детей фелиситами, крутыми преступниками и учить соответственно... А Эдам все ждал, когда ему скажут про ту адыгейку...

— Эдам, когда я читал книгу про тебя, я усался от смеха! Я просто валялся на дороге с Джессикой! А эта книга теперь во всех киосках Америки!

И американское правительство все-таки решило скинуть на Эдама тер-акт одиннадцатого сентября...

Эдам и ку-клукс-клан...

Он, тихий убийца. Убивший много негров... Среднего роста и телосложения, слегка похрамывает... Рональд. Его бывшая жена из офицерских, невысокого роста, блондинка с проседью с волосами по плечи. Эмма. Их дочь пошла в отца... Дочь — единственная радость этой женщины.

Он тоже относился к мавру, как к негритенку. Ничего особенного. Он даже думал, что ничего не будет, когда Эдам его убил... Даже гордился Эдамом, что он так может... Рональд вздохнул... Он еще помнил, как все восхищались Эдамом. Как встречали его аплодисментами... Все гордились им, даже когда он стал принимать в ку-клукс-клан маньяков и заставлял учиться у них убивать. Убийства — это работа, а не наслаждение... Когда из-за маньяков они стали бояться за дочерей... Потом он стал сам бояться Эдама из-за убитой «царской крови», Эдам стал «монстреть», как когда-то его отец... У Эдама стали пропадать хорошие дни из календаря и заменяться плохими... Когда он боялся выйти из дома, когда выл как дикий зверь, бился головой о стенку, когда его привязывали ремнями к кровати... Потом появился черт, и Эдам стал опять как все, но за это русские его сделали святым козлом...

У Рональда тоже были такие дни... Из-за негрят. Не каждый мог жить с ним, и помогать ему... А она могла... И Бог дал ее ему... Бог позаботится о нас, как всегда говорил его отец... Значит, они правы, значит, все нормально... А потом она ушла, но это из-за дочери... И он стал жить с другой женщиной, но и это было нормально. Она была своей... Ту он любил в юности, когда ноша была еще не так тяжела... А с этой жил теперь... А потом Эдам ослепил звезду и убил «царскую кровь», и солнце зашло... Но только над Эдамом... Но, может, настали времена перемен. Плантаторы всегда говорили, что сами могут работать на своих плантациях, но негры всегда возвращались... Работать на них. А что несли им перемены?

Рональд был как его дед, и отец... В его клане говорили, что чем больше ты убил негров, тем лучше... Но тогда маньяки были лучше их всех... Но это не то...

Рональд точил топор... Все вокруг агитировали скинуть на Эдама свои преступления, а он так не мог...

— Я знаю отца Эдама и не могу так поступит с ним... — старый кукукс-клановец мотал головой, он говорил всегда мало — он много убивал. У него была молодая любовница и сын от нее. С первой женой Эммой он уже развелся, но осталась дочь...

У шерифа был сын негритенок, и так отца напоминал, и никто не мог его убить, а он смог, ее Рональд... Для него негры всегда были не люди... Это просто скот. Как говорил Эдам, они просто созданы служить... И его

отец также убивал негров, как коров, и дед... В память о тех временах, когда они были рабами и работали на плантациях...

Деликаты и черт просто настраивали куклуксклановцев против Эдама. Натравливали на него...

— Нет, мы идиоты. мы хотим сесть, когда можно остаться на воле. Мы хотим страдать, когда можно жить дальше... — красноречию Деликата не было предела.

— Надо быть идиотами, чтобы не скинуть на Эдама все наши преступления. Ну да, мы идиоты!

Рональд сидел его и слушал, но в этот момент он так хотел дать ему по морде. Да что он знает о них вообще? Что он помнит каждого негр-тенка, которого убил... Что он молится о них всех и их всех оплакивает... Как его дед и отец... Что он молится практически каждую минуту своей жизни... И боится себя, и ее, свою жену... И боится их всех — и негров, и людей... И живет так, и может так жить... И за каждое убийство он вбивал кол в свое тело и жил так... И перевязывал рану и не лечил... И ждал, когда рана зарастала, и знал, что однажды она не зарастет... За убийства... У него всегда была перевязана нога, потому что там всегда был кол, и с каждым убийством он втыкал все новый и новый кол в ногу... Пока у него не атрофировалась мышца. Иногда он мог убрать кол, но только если солнце разрешало, и свои... Свои голосовали и разрешали... Но солнце светило и помнило те времена, когда негры служили, и значит, прощало его... Так он наказывал негров за непослушание, за бесплодие почв... Так делали его дед и отец... И он знал, что если он завоюет от боли, от внутренней боли, то умрет, сгниет изнутри от убийств, своих постоянных убийств негров... Так делали его дед и отец... Его спросила одна женщина: — Болит Рональд? — он только покачал головой. Она похлопала его по плечу... Болело всегда... Боль не отпускала... Он даже не пил таблетки... Обезболивающие. Да что они все знают о боли? Эдам не был куклуксклановцем, он всегда был им чужим. Они поклонялись солнцу... А негры были землей... И шли в землю... Черное к черному... Эдам всегда был им чужим, но его поставили над ними, и они согласились. Так делали его дед и отец... А его боль была слишком велика... Поэтому он всегда носит широкие штаны, так не видно его клиньев... Он жил с болью, чистил свои раны от гноя, боль его не отпускала, именно она властвовала над ним, а не Эдам... Он сам был рабом боли... БОЛИ... Иногда его раны гнили, и у него было заражение крови... Иногда он чистил себе раны, часто чистила она, бывшая жена... Она промывала его раны и понимала... Она была дана ему для облегчения боли... У Эммы отец тоже терпел боль, тоже так жил, и потому она понимала... И уважала его, что он так может... А если рана начинала гнить, то он пил таблетки, и рана прекращала гнить, но начинали болеть органы... Поэтому он предпочитал терпеть боль, но не пить таблетки... Лучше пусть болит нога, чем тело.. Боль исцеляет — так говорил его отец... Он мог так жить, поэтому он был лучше многих... И его уважали в ку-клукс-

клане... Он должен постоянно чувствовать боль, чтобы нормально жить дальше... Чтобы служить солнцу... Чтобы не было другой боли за его убийства, и ему не надо было платить иначе... Чтобы оставаться человеком, так убивать и оставаться человеком... Чтобы он не стал таким монстром, как Эдам... Под боль давали легкие препараты и галлюциногены. К каждому убийце прилагали врач, которые давал ему те или иные препараты. Он бы даже порадовался опухолям... И иногда он выл от боли, когда клинья попадали в нервы... А боль его непомерна, и ноша его тяжела... И смерть — это облегчение, но кто же даст ему умереть?

Он уже меньше верил в солнце, как его дед и отец... Но через боль уходил стыд... Он воткнул клин в ногу в первую брачную ночь с Эммой, и у него даже появилась дочь, а все говорили, что он бесплоден...

Он знал, что если пройдет боль, то он станет монстром, поэтому лучше терпеть боль... Так внутренних проблем меньше... А тот мальчик, этот чудесный негритенок, такой хорошенький, как солнышка, как он мог его убить? И Рональд выл и выл... Раньше он не знал, что за негров их детям будут давать таблетки с опухолями... А это уже совсем другое дело для Эммы, но не для него... Он и дальше будет служить солнцу... Солнце сушит раны и исцеляет, солнце лечит... Солнце лечит...

Эдам был преступником, а они поклонялись солнцу...

Южане еще помнили, как после бойни с вампирами солнце несколько дней не всходило... Тогда жестоко пытали негров, маленьких детей, и прекратили эти пытки, и стали тогда поклоняться солнцу. И с тех пор легко убивали они негров, всегда без пыток. И с тех пор считали солнце божеством и поклонялись ему... И как их отцы считали негров рабами и никак иначе. И хотели, чтобы те работали на них бесплатно. А солнце грело землю, и негры работали на земле.

Куклуксклановцы сами отрубали своим последователям члены, и их главные хранили их у себя в холодильниках. И редко кого принимали в свои ряды. Они консервировали мертвых негрятят и хранили их в растворах у себя в домах... Они вживляли в свои раны червей, и те ели их плоть изнутри без обезболивания... Они вживляли червей себе в ноги, и черви грязли их тела до пальцев рук... Иногда они окукливались и становились бабочками, улетали...

— Не надо воротить морды от Эдама Хейсонда, как главного козла!..

Когда Деликаты стали говорить, что Эдам святой козел, Рональд сразу ушел сразу, а Эмма внимательно и вдумчиво слушала Деликата...

Она не была похожа на своего бывшего мужа... Она не могла терпеть боль, и прощать... Она считала Рональда святым, она знала, как он молится и как горячо он верит... И она уважала его и до сих пор любила... И она тоже убила одного негритенка... И его дух тоже преследовал ее. Это Эдам тогда. Это он заставил их жен убивать... И она сказала потом, что скорее умрет, чем это повторит... И пусть Эдам убивает ее, если хочет... И она тоже пробовала ходить с кольями, и не смогли... А потом маньки, и как Эдам их

хвалил, а что они делали с белыми девушками? Эмма не была, как Рональд... И она будет любить его до конца дней, но совсем не ревнует его к новой жене. Ну как можно его ревновать? И она понимала его намного больше, чем эта молоденькая девушка... За столько лет они уже стали друзьями... Но она не может допустить, чтобы Мэгги умерла, ее единственная дочь... Только не ее дочь, ее единственная радость... Ее дочь уже была за мужем, Эмма уже успела стать бабушкой... Это все были связи Рональда.. Она этого не допустит, чтобы Рональд не думал...

Придя домой, она задумалась, то, что говорил этот русский, звучало очень разумно. Кто им, в конечном счете, Эдам Хейсонд? Еще один убийца? Знакомый мужа... Рональд не раз говорил, что он не такой, как они... Наркоман... И он не поклонялся солнцу... Ах, это солнце... Ну и пусть Эдам подписал декларацию рабства! И кто он теперь после этого, Бог? Говорили, что против него много доказательств, что после того, как он убил в России какую-то царевну, он стал сходиться с ума... Она всегда боялась, что Рональд так начнет. Эмма думала, что ничего плохого, если она подделает почерк мужа и напишет заявления на Эдама, не будет. В то, что Эдам русский святой козел, начали верить уже американцы, друзья Эдама, куклуксклановцы... Над ним так тряслись, над ним все так смеялись, что она была уверена, что в 2024 году его точно посадят. Ему еще повезло, могли просто линчевать, а ему и детей сделали, и потенцию подкрутили. И детей, и жену устроят... Эдаму еще грех жаловаться... Но об этом думать она не стала, она, долго не раздумывая, посмотрела на фото дочери и пошла к знакомому полицейскому писать заявления от имени мужа...

Американки из-за постоянных убийств уже не могли кормить своих детей грудью. У них атрофировались молочные протоки, и молоко не вырабатывается, особенно у ку-клукс-клана. А раньше они могли кормить, еще их бабушки кормили нормально...

Меньше всего Эмма думала, что негры — это люди, ей было все равно, люди это или коровы. Ее дочь — то единственное, что ее волновало! О ком она думала, ее дочь и единственный внук... И ей надо было спасти их любыми способами!

Потом Эмма говорила с женами других куклуксклановцев. Она их не то, чтобы убеждала, но ее доводы были разумными... Этим шансом стоило воспользоваться и не платить жизнями детей... Как только она узнала, что за его убийств негров, жертвоприношений солнцу, как они всегда говорили, дочери растворят опухоль, она тут же развелась с мужем... И пока это помогало... Его новая жена ее презирала, что она развелась с Рональдом, Рональд абстрагировался — он всегда думал только о боли, но ей было все равно. Эмма уже поговорила с парой жен главарей...

— Ты позоришь меня, — говорил ей Рональд, но она не слушала...

И жены куклуксклановцев, под влиянием Эммы и здравого смысла, боясь за детей, видя в этом надежду и спасение, взялись за руки и написали

признания от имени своих мужей, их почерком, что негров поубивал Эдам Хейсонд. И тогда им не придется платить детьми. Растворять детям опухоли. Эдама начали уже предавать свои и переписывать на него свои преступления... Они скинули на Эдама все свои убийства и линчевания чернокожих. На их месте глупо было поступить иначе... Когда Рональд узнал это, он только плюнул, но спорить с женой не стал — ему уже донесли, что Эдама будут сливать... В глубине души Рональд и Эмма до сих пор называли друг друга мужем и женой...

Теперь часто проводили митинги против Эдама, и многих жен куклукс-клановцев агитировала именно Эмма.

— Эдам, ты если что-то захочешь, ты в России попроси, они тебе все, что угодно дадут! Мне тут фотки показывали — ты на кресте, ты на колу, твоя голова на столе на блюде, твои признание в работорговле, ты с золотом!

— Эдам, ты сильно проштрафился среди своих... Сильно влез в звезду... Сильно самоуверенный стал, творишь, что хочешь... И мавры тебе не мавры уже... Это, конечно, негритенок...

Рональд тоже раньше думал, что Эдаму за мавра ничего не будет. Но было, и потом ссылка... Значит нет, в мавров лезть нельзя... И солнце тогда зашло над Америкой...

— Эдам наш лидер. А лидер должен быть адекватным. А Эдам неадекватен. Мы его в Россию отправили исправляться. А он вернулся в десять раз в большем пушку, чем туда поехал...

— Эдам слишком зазвездился, перестал соблюдать правила или решил, что правила не для таких, как он. Вот и вляпался, погал на крутую «звезду» и тащит нас всех вниз, в пропасть... Вот и проблемы у него откуда... Эдаму просто надо быть всегда в рамках... А обезьяны? Это же кем надо быть, чтобы попасть на обезьян?

Все вспомнили обезьян... Посмеялись, поругались, отмахнулись...

— Ку-клукс-клан отправил Эдама в Россию в ссылку после убийства мавра исправляться. А он вообще без разбора правила нарушает. Думает, что если он подписал декларацию рабства, то ему можно все. В ссылке творит, что хочет. Из ссылки вернулся хуже, чем был. Ты хоть правила какие-нибудь соблюдаешь? Думаешь, если ты Эдам Хейсонд, то тебе все можно! Эдам, с тобой слишком много проблем.

Как черт и Деликаты любили, когда Эдама так критиковали свои бывшие друзья и партнеры. По поводу преступлений Эдама шли переговоры на высшем уровне.

— Ты думаешь, они скинут ему организацию всех двух тысяч похищенных детей? — спросил Рональд у Эммы.

— Думаю, да. И еще его отца...

— Adam wants to die before Russian prison. He can't go to Russian prison¹. Он подписал, что идет на все это ради детей... Поэтому он собственность России.

— Пусть он хотя бы возьмет на себя ответственность за свои преступления в Америке. За убийство двухсот негритят. И без экстрадиции, — настаивала Эмма.

— Будем дальше вести переговоры...

— Скиньте все на Эдама. И будем жить дальше! Эдам все подпишет, понимая, что так купит жене и сыновьям новую жизнь... И своей проститутке! — Рональд подумал, что если бы Эдам ее сейчас слышал, то точно бы избил... «Все-таки он слетает с катушек»... Слететь с катушек — этого больше всего боялся сам Рональд.

— Эдам верит в свою полную безнаказанность!

Именно эту пару Рональда и ответственную Эмму черт Слава приставил к Эдаму оберегать его... И подписал на высшем уровне. Чтобы каждый раз не летать в Америку.

— Эдам, если ты умрешь, умрем мы все. Поэтому я не дам тебе умереть...

Эдам дома хотел повеситься, но Эмма поставила у него дома скрытую камеру и наблюдала за ним, тут же прибежала доставать его из петли. Сразу же подоспел ее бывший муж:

— Эдам хочет умереть — не получится! Adam, you are a scapegoat, you can't die without Russian prison. Russian prison can't live without you anymore².

Она тут же позвонила Оглоблину Владиславу и отчиталась, поставила черную дыру, и черт появился через пару минут проверять Эдама, его целостность и невредимость... Потом Эдама нашел ее муж... и сказал, хватит мучить мою жену, она любит свою дочь и сделает для нее все!

— Он хочет умереть в больнице, а не в тюрьме, а мы не даем ему умереть! — Рональд тоже понимал Эдама.

— Если хочет умереть, пусть разбирается с русскими... Потому что ему помогают оракулы. Потому что они хотят вернуть детей из рабства! Пусть умирает, но не в мою смену!..

Потом эта пара куклуксклановцев в Америке пытали Эдама, он хотел убить и изнасиловать их дочь. Его совсем повело... Его тут же прибежал защищать наш черт: — Нельзя! Эдама нельзя убить и пытаться! Он наш козел отпущения! Он должен быть цел и невредим!

Рональд с женой нашли топь, откуда никто никогда не возвращался, и кинули туда Эдама. И что ж. Русские его даже вытащили... Они стали осушать болото, чтобы Эдам не утонул... И пошли искать других телохранителей Эдаму — эти совсем испортились.

С тех пор Эдам завязал с суицидом...

¹ Эдам хочет умереть до русской тюрьмы. Он не может сесть в русскую тюрьму.

² Эдам, ты святой козел, ты не можешь умереть без русской тюрьмы. Русская тюрьма больше не может жить без тебя.

В ку-клукс-клане говорили, что надо тоже собирать доказательства против Эдама. У нас не будет другого шанса скинуть на Эдама все наши преступления. На Эдама перекинули убийства всего ку-клукс-клана этого периода. Просто так нельзя быть святым козлом России...

Куклукскласновцы сотрудничали со следствием. Чтобы это правдоподобно выглядело. Чтобы максимально правдоподобно. Чтобы не придраться...

— Здесь уже идет речь не о порядочности, здесь идет речь о свободе... и о жизнях наших детей... — говорила Эмма Рональду. — Если тебе это не нравится, твоих негров на него мы скидывать не будем... — Рональд решил поступить также, как и его друзья — он всегда так поступал, если они писали заявления в полицию, что видели, как Эдам убивал негров, то он тоже писал такие же. Он был как все и с большинством. За него думала его община.

— А он может взять на себя ответственность за убийство пятиста человек и пострадать и за нас всех! — уточнял один куклуксклановец у Славы Оглоблина. — А что? Я просто спрашиваю!

— Нет. Думаю, нет, у нас и так много на него скидывать. А если вы его заберете? И его придется в Америку экстрадировать?

— Давайте поговорим о компромиссе. Какие умные русские. Ты напиши признание, Эдам. Что ты их убил. Мы договоримся... нет Эдам. Тогда мы все равно не можем тебя экстрадировать обратно... Нет, Эдам, это невозможно...

— Давайте это обсудим... Нам надо всех на него скинуть... Только без экстрадиции. Хорошо. Скинули на его убийство пятнадцати человек, которых он убил на самом деле... А что делают русские — они закрывают дела и оставляют себе золото... и концы в воду... А потом начнут золото отмывать... И почему мы так не можем? Почему у нас нет такого козла? Эдам... Хотя есть, но не ты.

В ку-клукс-клане был человек, который иногда сидел за их убийства. Или из бомжей, или из потомственных убийц, или из их рядов...

— Мы Эдама себе купили и прикормили, и замарали, что не отвертеться. Двести пятьдесят человек он убил сам... И еще... Главное, чтобы его не экстрадировали в Америку... Поэтому фелиситам лучше умирать в больнице... Таких убийц очень не любят...

И американцы скинули на Эдама еще двести убийств... И завели себе собственного козла отпущения из Бангладеша. Он тоже готов пострадать за них всех... И Эдам тоже стал скидывать на американского козла отпущения свои преступления, и он начал понимать русских.

И все куклуксклановцы через три года написали те же признания, что и их жены когда-то, уже своим почерком, что все их преступления совершил Эдам. Постепенно Эдама предавали все...

На него скинули все ритуальные убийства негрят за последние тридцать лет в Америке... А что делать? Ему все равно сидеть до конца дней! Главное, не экстрадировать обратно в Америку!

В полиции закрыли признания в сейф и оставили до лучших времен. Если Эдама посадят в России, полицейские достанут признания и скинут на Эдама все преступления, и его, конечно же, не будут экстрадировать. Просто закроют юридически дела... Самое страшное, что может быть для фелиситы — это отсидеть в тюрьме. Особенно в другой стране.

Куклукклановцы решили: — Мы будем год гулять, когда отправим Эдама в Россию. В Америке разгул преступности. Эдам уже у всех в печенках. Его оправили в Россию, как в ссылку на исправления. А он там выколосил глаз звезде... Нарушения Эдама обрастали легендами...

С тех самых пор после его поездки в Россию, в Краснодар, Эдама бегут как зеницу ока... А когда в Америке, в ку-клукс-клане вспоминали Эдама, все только смеялись взахлеб! Это же надо так попасть! И стать таким козлом! Большим!

Как наши сажают Эдама за то, что сделали... он сам

Я иду, мой Эдам! Я иду за тобой!

Черт Слава

Мы еще мечтаем посадить Эдама за то, что сделал он сам...

Так всех, кто в 2003 году ездил в Россию, сделали святыми козлами, всех, кроме Келвина Спенсермэна. Знаешь, как Келвин-Джош переживал, чтобы его святым козлом всея Руси не сделали! На всех уровнях подписал, что он не святой козел и не будет сидеть за русскую контрабанду и работу торговлю.

Но всех его подельников по той поездке закрутило. Эдам уже остался без глаза и за ним шел неустанный контроль, за его безопасностью и целостностью. Элен и Анна тоже стали святыми козами. В общем, все, кроме Келвина.

И это не всем нравилось... Преступники Америки считали, что это несправедливо, если всех подельников Келвина по той поездке посадят в России, а Келвина подробно и узнаваемо опишут в мировом бестселлере, то пусть он тоже идет святым козлом в Россию и сидит за их преступления...

Наши задумались, есть ли для них разница, кто будет сидеть за их преступления, Келвин или Эдам... Думали-думали и решили, что нет... Разницы для них нет... Но они уже столько доказательств против Эдама собрали, и волосы его, и лобковые даже, и билеты на его фамилию. Много переделять...

Наши преступники теперь преступление совершают и сразу же доказательства против Эдама собирают...

Но билеты — это ладно... можно утюгом ламинировать. Свидетели — это понятно... Но волосы, ДНК...

Тогда им из Америки прислали пакет волос Келвина Спенсермэна... Одного из них, самого главного... Пользуйтесь! Все для вас!

Но наши двоюродные «братья» Игорь и Леша... решили не доверять америкосам и сделали ДНК-тесты всего пакета и нашли пару волос, принадлежащих другому человеку... Люблю я «братьев» за тщательность...

И решили тогда посадить Келвина за желтый топаз... А про остальные преступления чтобы он и не знал... Не расстраивался...

А вот что творилось в полицейских участках...

Саша, главный по оборотням в погонах, муж одноклассницы Арины Оксаны:

— И вы в таком виде будете предоставлять все доказательства?

— Да, только в таком... Чтобы не прикопаться!

— И Эдам будет сидеть и никогда не выйдет?

— Никогда! В этом не сомневайся!

— И никто интересоваться не будет?

— Нет, ну кому это надо....

Саше-оборотню протянули толстую стопку денег...

— Ну тогда ладно... Тогда посмотрим...

— Только ты хорошо смотри... — подошел к нему Георгий Валерьевич и поднял его из-за стола за воротник... Оборотень как-то сразу уменьшился, сжался весь... хотя сам был маленький, метр пятьдесят пять.

— Да-да... Георгий Валерьевич... Только так...

— Вот только с судьями проблемы, они не хотят подписывать, что это все сделал Эдам... Велунд передал, если вы не посадите Эдама, когда его экстрадируют, мы каждую неделю будет убивать по полицейскому...

— Когда старенький полицейский показал мне фото Морген, жены Эдама, он сразу сказал, что у Эдама в России ничего не получится. Она «мышка», плохого типа. Вот до чего довела Эдама жена-проститутка — до святых козлов!

А вот наш прокурор общалась со своим подопечным Игорем-«луком», он держал в страхе весь Санкт-Петербург.

— Вера Павловна, вы же понимаете, я не могу отсидеть за все свои преступления! У меня просто времени не хватит... Давайте вот эти преступления я скину на Эдама...

— Ага, конечно... — удивилась прокурор района.

— Ну пожалуйста... — Игорь зловеще улыбнулся...

— Ладно, скидывай... Чем бы дите...

— А мне вот это пописать надо...

— Ну давай... Где тут...

Тут же прилетел Эдам... — А почему это вы разрешаете на меня его преступления скидывать...

— Ой, Эдам, ну вы же понимаете... Все равно... только если вас посадят... А кто же вас посадить может? Они так радуются... Как дети прям... Тем более у нас документ... на вас их преступления... Но... только если вас посадят за ваши...

— А что за документ?

— Да там подписали... У нас официальное разрешение...

Так Эдам узнал, что на него теперь официально можно скидывать преступления... Подписано на высшем уровне... И американским президентом, и русским...

— Эдам, ты не знаешь наших... Ты будешь сидеть за все наши преступления, которые мы совершили, совершаем или еще совершим... Если за меня не отсидит Эдам Хейсонд, я спалю вам полицейский участок! Вы утоните в проверках!

— Ну вот видите, Эдам, что с ними делать! Вы поймите, Эдам. Что будет с нашими бандитами, если они не будут верить в святых козлов? Они должны во что-то верить! Они должны верить в вас! Они должны во что-то верить...

— Да за мной этот ваш «лук», кстати, уже три недели бегают, волосы выщипывает, сделки мне срывает!

— Ну, дайте вы им свою ДНК! Пусть успокоятся! Порадуются!

И она выдрала у Эдама несколько волосков из чуба и отдала своему подопечному Игорю-«луку»... — На, держи! Не переживайте, он сядет за все!..

— Эдам, вы тоже не переживайте. Вас все равно никто не посадит!..

Игорь посмотрел на нее внимательно.

— Ой, наши просто так доказательства собирать не будут... Но время расставит все по своим местам...

— А что если Эдам нарушает правила, вредит, например, какой-то девушке. А та потом, допустим, становится крутой звездой с правом вето выше королей, самой крутой из возможных, которая потом сильно двинет науку и цивилизацию на много столетий вперед, то его потом можно наказать, как проштрафившегося, посадив в тюрьму и наказав за преступления, которых он не совершал? Чисто гипотетически.

— А так можно? Посадить его за столько?

— Не знаю, но мы сделали!

— Давайте спросим у других цивилизаций! — предложил черт.

И мы все получили сначала ответ: «В вашем случае можно». А потом более сдержанный: «Вы сами решаете»...

– Все, Эдам, мы решили тебя сажать...

– Подождите, подождите... – Эдам поставил голосование по всему миру и ответ ему был: «Если ты чуть не сделал девочку слепой, которая продвинула цивилизацию на двести лет, а по некоторым данным и на десять тысяч (несколько тысяч, будем скромнее), и тебя предупреждали, и ты даже подписывал, что понимаешь все последствия, то да, сиди за них всех...

– Эдам, не знали, как тебя наказать, решили опозорить... Ославить на весь мир...

И мы все задумались. Можно ли сделать это массово... Чтобы это стало законом – влез в крутую звезду – сидишь за наших преступников! Долго думали, но потом решили, где же еще таких звезд, как Арина искать, где их взять...

– Жалко, что Эдам не будет жить более ста лет, так немного отсидит... по времени, я имею в виду... Кстати, заведите список в компьютере, а не на папирусе, всех преступлений Эдама. И сверяйте сроки... Чтобы все сходилось!

– К датам никто присматриваться не будет. Подписано нашим президентом. Ставим на место американцев.

И опять задумался наш Велунд, не нарушаем ли мы законы жизни, посадив Эдама за весь мир. И даже спросили у хранителей и других планет, можем ли мы так сделать. И получили ответ, что если Эдам не будет сидеть за весь мир технически, то есть не будет сидеть за каждое преступление нужное количество лет, то мы можем просто переписать на него все преступления, и мы при этом не нарушаем законы жизни! Не та планета, для нашей планеты нормально.

Это же сколько лет он должен будет отсидеть технически?

И стали Оксана Куйва и ее муж Саша-оборотень считать... Но было это невозможно... А потом хлопнул Саша в ладоши и получил сводную таблицу преступлений Эдама и примерно умножил каждое убийство на двадцать пять лет, серьезное ограбление на десять и т. д. И получилось более трех миллионов...

– Нет, нет, мы их убедили, что не будем продлевать жизнь Эдаму, чтобы он на самом деле за каждого из нас отсидел. А есть те, которые так и сидят, за каждое чужое преступление. Но это на других планетах. А у нас гуманизм!

И сказали тогда хранители, что и настоящие преступники должны тоже частично отсидеть за свои преступления... И согласились мы все... И обещали выдавать из каждого преступного клана людей сидеть за свои преступления, если... когда мы посадим Эдама!

И подписали наши преступники во главе с чертом Славой, что Эдам будет жить не более ста лет, и они не будут продлевать ему жизнь, чтобы он технически отсидел за нас всех. И это было гуманно!

Хотя...

А почему бы Эдаму не отсидеть за нас и технически, раз он такой про- штрафившийся! И опять собирали совет с Велундом, Сашей-оборотнем, Оксаной, другими преступниками и полицейскими... И составили они список за и против

+ Он будет долго жить и посмотрит мир и через миллионы лет;

+ Мы не доживем, а он доживет, правда в тюрьме...

— Но нас тогда можно тоже технически сажать на много лет,

И это был существенный минус.

А Эдам очень хотел жить три миллиона лет и увидеть новый мир из окна своей камеры...

И поставили голосование по всему миру. И было много «за» и «против». Но получили ответ из Вселенной, что так нельзя, что если все земляне живут не более ста лет, то и Эдам должен жить столько же, и они не могут увеличить его жизнь на миллионы лет, ведь это будет нарушением.

Так было единогласно решено, что Эдам будет жить не более ста лет — так он станет на Земле долгожителем!

Эдаму Майкл вручил единственную записку с ЕГО преступлениями по контрабанде и убийствам негров, за которые он будет сидеть до конца дней, и показали ему стеллажи со свитками, где были мелким шрифтом написаны все «его» преступления, и сфотографировали с запиской на фоне этих многочисленных стеллажей...

Эдам, твое имя будет увековечено в веках...

Эдам попросил на его могиле написать имя «Эрик Хейстант», а не настоящее, чтобы все знали, что книга Арины Симоненко посвящена ему.

— На Эдама же скидываем преступления за последние тридцать лет?

— Уже за пятьдесят!

— А точно никто сверять не будет?

— Нет, уже договорились, чтобы не сверяли и с другими странами информацией не обменивались.

Когда в других странах узнали, что Эдам святой козел и будет сидеть за все преступления русских, то решили сделать его и своим козлом и тоже скинуть на него свои преступления, сколько разрешат. Быстро «эдамовщина» распространяется.

— Его преступления повредили нашему обществу намного больше, чем все наши преступления вместе взятые!

— Эдам, ты не переживай! Когда начинаешь сидеть за всех, так и бывает! Такой соблазн все переписать на тебя, сложно удержаться!

По всему миру пошли восстания с требованием вырастит им клонов Эдама и раздать по тюрьмам сидеть за их преступления!

Они развели клонов Эдама сидеть за них в тюрьмах разных стран...

Брат говорил Эдаму: — Папа даже умер, когда узнал, что ты будешь сидеть за все преступления мира, и твоих клонов будут держать во всех тюрьмах всех стран!

Наш черт Слава сказал свое слово: — Хотите заводить себе клонов — заводите, но настоящий Эдам будет сидеть в нашей тюрьме, русской, за нашу работорговлю и контрабанду, и за наши преступления! И мы не отдадим нашего Эдама! Мы его столько лет окучиваем, доказательства собираем. А вы только появились!

Главное, чтобы Эдам сидел в России, в другие страны мы его сидеть не пустим, это главное условие нашего черта Славы, куратора Эдама Хейсонда.

Слава Оглоблин уже похоронил жену (первую) и младшего сына в авткатастрофе. А Деликаты дочь похоронили от рака, тоже проколотую по-генеральски... В 2004 году президент подписал указ об отмене поставки рабов в Казахстан... Плохо быть последними. Пока детей воровали каждые пять лет, и никто ничего не платил, было одно. Но когда подписали отмену поставок рабов — уже совсем другое... Раньше более или менее закрывали глаза, а теперь правила ужесточились... Продажников стали заставлять платить или своими детьми. Или опухольями, своими органами... Время поменялось, и для них не к лучшему... Черт Слава заплатил своим младшим сыном и первой женой, Деликаты дочерью. В Краснодаре специально понастроили магазинов, где работорговцы могли бы тратить свое золото, деньги, обменные на золото.

И теперь у черта была молодая красавица-жена Маша и четверо маленьких детей-чертят: Саша, Коля, Ваня и Дашенька. Плодовитый у нас оказался черт Слава. И Дашеньку черт Слава любил больше всех.

— В общем Эдам, да, ты можешь отсидеть за все преступления мира. Если очень хочет... Эдам, а ты говорил, что не хочешь... Видишь, как тебе везет... А то бы уже убили давно, и всех родственников! А так вот посидишь, подумаешь...

Так Эдам стал главным святым мира... Или главным идиотом... Уже и козла не добавляю, чтобы не расстраивался...

— Эдам пострадал за нас всех!

— Ой нет, что-то худо мне...

— Ой-ой-ой, не за нас всех, а за него одного!

— Да-да, только за него одного!

— Эдам, мы или посадим тебя за наши преступления, либо отсидим за себя сами. А нам не вариант за себя сидеть. Поэтому бери чистый лист и пиши чистосердечное признание, как ты совершал вот эти преступления!

Русские как «купили» себе козла отпущения, так сразу поумнели... Вот Велунд считает:

— Если я отсижу за себя сам, то сидеть мне более ста лет. А если я перепишу свои преступления на Эдама, и оставлю пару серьезных — то не более двадцати пяти! Выгода очевидна! Они не так плохи, наши американские святые козлы! Пропиши вот этих, что ты хочешь скинуть на Эдама их преступления... И Михаила надо... И братьев... И Федора Павловича... Все самое страшное надо скинуть на Эдама.

— А что делать, если «Эдам» (и моргнули глазом) в один день и один час сделал сразу пятнадцать преступлений.

— Тогда надо какие-то преступления перенести на другую дату и собирать новые улики против него... Новые билетки, новые волосы, отпечатки пальцев, но, может быть, он мог сделать в один день сразу столько преступлений?

— А его клоны?

— Ну разве что клоны...

— И на разных концах страны?

— А почему нет? Прыгнул в самолет и уже через два часа на другом конце России!

— Тогда ладно...

— Какой Эдам все-таки крутой преступник! Столько преступлений организовать смог! Самый крутой преступник современности!

— Эдам — лучший козел современности! Самый породистый. Эдам, ты подпиши, что тебе жалко бедных деток в рабстве, и ты готов за всех отсидеть, лишь бы их вернуть...

— Вы нас тоже поймите, у нас один шанс на миллион. Или вы, или никто. Но вас щедро наградят! Ваш подвиг не останется забытым!

— Мы говорили, что он самый крутой козел современности. Бывают же такие козлы... Такая удача бывает раз в жизни... У нас тоже есть план максимум — мы скинем на него кражи двух тысяч... и план минимум — кражи шестисот детей... надеемся на план-максимум.

— Как Эдама экстрадируем! Как Эдама привезут... Эдам пытается отмазаться! Не получится! Ему здесь молодильных яблочек наколют... Он в пятьдесят пять лучше, чем в двадцать выглядеть будет... Мы позаботимся о детях, внуках и жене... И берем на себя ответственность за их жизни. Эдам, тебе еще повезло с нами... Когда он подписал детей и здоровье, тогда он стал нашим козлом. Тогда он продался за детей. У таких преступников детей быть не может... И за него за детей и жизнь спросят... Эдам, просто когда-то придется платить по счетам...

Эдама купли русские с потрохами. Эдам будет жить до ста...

Американцы нам передали, если Эдаму сидеть, то лучше сидеть в России, чтобы в Америку и не возвращали. Он тут еще устроит концертов и из тюрьмы сбежит, и еще негрятя поест. И воду помутит. Если сажаєте, то навсегда. В Америке он живым не нужен...

— Мы сначала посадим Эдама за то, что сделал он сам, а потом скинем на него, что сделали мы все!

И наши работорговцы объединились с нашими преступниками!

— Эдам, ты святой козел России! Что ты недоволен! Американскую фелиситу можно посадить за все эти преступления! Его преступления можно утроить! У нас один святой козел, а другой будет только через пятьдесят лет!

— У нас всех убивает только Эдам Хейсонд.

— Так он уже пять лет, как уехал!

— Ну и что, он приезжает и убивает...

Правосудие решило в святого козла Эдама и все его преступления, совершенные и нет, не вмешиваться... Не мешаем научно-техническому прогрессу... Какой продвинутый мир стал... Мы все понимаем! Мы всегда со своими!

И говорил черт одному мальчику: — Вот если ты будешь в 2056 году смеяться в суде над Эдамом, когда он будет признаваться в работорговле по всему миру... Когда будешь сидеть в суде... Я тебе дам! Чтобы и смешка не было! Чтобы сидел серьезный!..

Теперь преступники интересовались друг у друга: — А ты не боишься ехать в Россию? А то посадят тебя за все их преступления? — И рассказывали историю Эдама Хейсонда...

Шутки-прибаутки

*Нам Эдам Хейсонд дан не зря,
Он наш козёлик навсегда...
Народное творчество*

*В имя Отца и Сына и святого козла Эдама
Хейсонда
Горбуны1.Калашниковы*

Эдам, ты мой, только мой... И черт прижимал к себе игрушечную куклу, которую рисовали с Эдама и которую он называл Эдамом Хейсондом... И все его дети любили играть с этой куклой...

Эдам являлся предметом устного народного творчества в России. О нем слагали песни, ему посвящали романы, его добавляли в русские молитвы, с него писали иконы, например, Иисус Христос на кресте, страдания Иисуса Христа, Иисус несет свой крест... О нем составляли пословицы и поговорки, даже скороговорки... О нем писали сказки и слагали леген-

ды... Например, как святой козел гуляет по стране... В виде Эдама рисовали матрешек, делали куклы, особенно клоунов, скоморохов, арлекинов... Про русских говорили, что это страна самодуров и варваров, а русские как туземцы. Слава даже собирал музей об Эдаме «Эдам Хейсонд как явление мирового масштаба». Приведем здесь некоторые из шуток, потешек и стишков об Эдаме Хейсонде:

Эдам Хейсонд лучше всех!
Значит, ждет его успех!

Посадили Эдама за нас!
Класс!

Эдам и русская тюрьма
Будут вместе навсегда!

Эдам Хейсонд мой Бог!
Ты мой друг и Господь...
Ты за меня пострадал,
Все грехи мои взял!

Черт Слава жаловался, что Эдам Хейсонд так плохо рифмуется с Иисусом Христом и не получалось все песни про Иисуса переделать под Эдама. Иногда рифмы не было:

Нам дан святой козел не зря,
И мы не можем его просрать!

А вот примеры русских пословиц того времени: *На козла Эдама надейся, а сам не плошай!*

Неужели Эдам останется безнаказанным за то, что сделали мы все?!

Эдам будет сидеть за все наши преступления, которые мы совершили, совершаем и еще совершим!

Эдам Хейсонд главный святой козел современности! И единственный такого масштаба. А обезьян ему никто не забыл...

Эдам Хейсонд возьмет на себя все наши грехи, и станем мы чистые-пречистые...

За нас в тюрьме будет сидеть американская фелисита.

Мы за святых козлов! Мы по святым местам!..

*Эдам Хейсонд — самый святой козел всея Руси!
Адама-мадама*

Композиторы даже сочиняли оперу «Эдам Хейсонд», по ее мотивам ставили одноименный балет.

Так Эдам Хейсонд въелся в культуру и искусство русских начала двадцать первого века, навсегда оставаясь ее святым козлом...

Они и мы

Мы не хотим сидеть за все наши преступления, у нас их слишком много... Всегда можно договориться... И если есть уже купленный святой козел, то мы не против, что он отсидит за нас. Тем более американский... А если еще и детей вернут — то совсем хорошо... У нас много детей, и братьев, и сестер в рабстве... Хорошо иметь американского козла! А Эдам, да, может быть нашим святым козлом, для такой большой страны нужен козел типа фелиситы, чтобы много можно было скинуть... Всем советуем иметь святых козлов фелисит! Как удобно... Эдам Хейсонд — наше все! Или вы все наши преступления на Эдама перепишите и дела закройте, или у вас останутся висяки! Нас вы никогда не посадите!

А нам уже стыдно за самих себя! Если черти хотят возвращать детей — пусть возвращают! У нас не было выбора... Эдам как приехал, наши работоторговцы увидели свет в конце туннеля... Мы хотим посадить хоть кого-нибудь, и нам все равно кого сажать. Хотят сажать Эдама — можно и его!

Все всё понимают... Они понимают нас, а мы понимаем их... мы остаемся безнаказанными юридически, а они просто закроют дела. Иногда так проще... Не задумываться. Главное, Эдама экстрадировать... Здесь речь идет о выживании. А не о благородстве... Когда можно жить дальше, мы не хотим сесть... Гордость в жопу и честь тоже...

Мы понимаем их, а они — нас... Мы поставим на место американцев, отобьем охоту в Россию за автоматами ехать, унизим американских преступников... Выбьем из фелиситы все его признания... Поржем, в конце концов... А они окажутся безнаказанными за свои преступления... Для этого и нужны святые козлы! А правда, да кому нужна эта правда? Главное, чтобы начальство довольное было... Им виднее, все же.

А мы все ждали правильных свидетелей и Эдама обратно, домой, в Россию... В родную русскую тюрьму до конца его дней... И детей домой...

Часть 13. Двенадцать лет спустя

2015 год

Сафари-парк

Но приближался мой срок... Ехать к горбатуму Джейку в Америку... И меня закрутило...

В какой-то момент щелчок — твоя жизнь полностью совпала с рассказами Джейка. Твой муж программист Леша, у него амблиопия и сходящееся косоглазие — один глаз видит частично, как Джейк давно и говорил. Твой сын Костя. И у него около сердца тоже такое же, как и у меня, почти круглое родимое пятно, как и говорил Джейк. Ты пишешь рассказы, и в литературе тебе прочат большое будущее. Мой мир перевернулся! У меня пропала почва из-под ног... Я не могла нормально есть и спать! И чем дальше, тем больше моя жизнь совпадала с рассказами Джейка... И упс! — и я четко поняла, что «маленькая жена» Джейка — это я! И не может быть иначе. Таких совпадений просто не бывает! Осознание, что это я «маленькая жена» Джейка окатило меня, как ведро ледяной воды, вылитое мне на голову...

В начале марта 2015 года мы семьей собрались в Сафари-парк показать Костику диких зверюшек. Зоопарк под открытым небом открыли несколько лет назад в парке «Безоблачный город». Поехать в парк надумал Леша. С утра с мужем мы уже поругались.

Поехали на моей белой машине-хетчбэке, и марка совпадала с маркой жены Джейка... И у моего сына на самом деле было родимое пятно около сердца... Как Джейк мог знать это тогда, двенадцать лет назад? Даже где у Кости будет родимое пятно?

Полуторагодовалый Костя сидел в зеленой открытой коляске и вертел головой по сторонам. По счастливой случайности на мне был как раз черный махровый берет с белыми блестящими стразами и бусинками-жемчужинками и теплая коричневая дубленка по колено. Кое-где в парке лежал снег, и было морозно... Моя сумка, висячая, черная, кожаная с одного края и замшевая с другого, с неудачно покрашенной замшей — я хотела ее обновить и покрасить черной краской, но в флаконе с черной крышкой была белая краска, и я пару раз пшикнула на черную замшу белую краску, оставив на замше гладкие поблескивающие полосы... И, случайно пшикнув бе-

лую краску на черную замшу, я вдруг опять вспомнила Джейка и его предсказания двенадцать лет назад.

Мы гуляли по сафари-парку и ругались... Билеты были дорогие, на семью около двух тысяч... Шли по аллее с зеленой прогулочной коляской... А я все вспоминала Джейка и сходила с ума. Как он мог все это тогда видеть? Как он мог все это предсказать?.. Значит, я его «маленькая жена»? И он приедет? И мы поженимся? Как я могу тогда сейчас жить с Лешей? Если все время думаю о Джейке? И надо бросить маленького Костика? Я разрывалась на части... В голове гудело... Пошел мелкий дождик...

Животные сидели по клеткам, и мне казалось, что им под холодную морось было также некомфортно, как и людям. Потом пошел град с горошину... но недолго. Мы ходили по узким тропинкам... Под ногами трескались горошинки льда... Мы петляли...

Я ходила по парку на автопилоте, и все вспоминала Джейка и его предсказания. Костя смотрел на редких птичек, львов, крокодильчиков и змей...

С мужем мы только что поругались. Как ругались все последнее время, и во мне тогда бурлили воспоминания о Джейке, о пикнике с американцами двенадцать лет назад, о том, что все, что он говорил тогда, сбылось со мной. СО МНОЙ! И его «маленькая жена» — это я. Я!!! А это значит, что скоро я встречу с Джейком, Джейк меня изнасилует — об этом я думала меньше всего. А потом я сама буду многочисленно изменять мужу с ним, я попрошу развод и уеду из России — Джейк увезет меня уже беременной его ребенком, рожу ему двух детей — старшую девочку Оксану и младшего сына Эдама. Я брошу сына Костика, который, крошечный, сейчас вертел головой в коляске, его сначала будет воспитывать моя мама с новым мужем-инвалидом, а потом заберет бывший муж Леша. Я посмотрела на Лешу, знал ли он, какой тайфун сейчас творился в моей душе...

А если я «маленькая жена» Джейка, то значит, я стану великим писателем и получу Нобелевскую премию по литературе... К тому моменту я уже умру. И Джейк получит эту премию за меня... Ну, вы знаете эту историю... Стать великим писателем, да еще и Нобелевским лауреатом!!! Моя голова кружилась от предсказанного успеха!

К тому моменту я уже немного начала писать, написала «Бульвар пла-танов» — рассказ об инвалиде — брате подруги. Рассказ на тот момент уже завоевал несколько международных и национальных наград.

Мы гуляли в парке... Видел ли этот момент Джейк двенадцать лет назад глазами оракла в шести поколениях или читал через время мои рассказы? Не могу сказать...

Мне как будто показали всю дальнейшую жизнь, как будто все мое будущее было predetermined. Как будто я шла по заранее проторенному пути и сейчас смотрела на дорогу всей своей дальнейшей жизни, уже зная, как она будет выглядеть. Я как будто знала, какой дальнейший шаг совершить. Как будто кто-то посылал мне картины и сцены

из моей будущей жизни и я уже знала, как мне дальше жить, чтобы прийти к успеху. При этом моя настоящая жизнь, которая была не так уж и плоха — муж, дом, семья, — вдруг рухнула, как картонный домик...

Я не знала, как жить с мужем... Как теперь ложится с ним в кровать... Сексом мы занимались очень редко... Моя семейная жизнь висела на волоске... Я не чувствовала почву под ногами...

И вспоминала слова Джейка об очень плохих отношениях с мужем... Да, отношения были хуже некуда... Я посмотрела на мужа — наши отношения были хуже некуда. Мы ругались каждый день. И понимала, что это все обо мне... но вела себя тихо и о том, какие во мне кипели страсти, надеялась, что никто не догадывался...

Я как будто сцепилась с прошлым. Я совершала поступок в настоящей и при этом тут же вспоминала его в прошлом, как Джейк говорил мне об этом моменте много лет назад. Костик подошел к ламе за сетчатым забором, до этого мы смотрели жирафа, его очень заинтересовало это парнокопытное. А морда ламы мне почему-то напомнила лицо Джейка... Мы гуляли недолго...

Я смотрела на себя в зеркало и вспоминала, как Джейк говорил, что у меня будет коричневая дубленка и черный берет. Я садилась в машину, в свой белый хэтчбэк и вспоминала, как Джейк говорил, что я куплю именно такую машину... И мой муж Леша, программист со сходящимся косоглазием, и сын Костя... Воппу...

Я сажала сына в зленную коляску и вспоминала, как Джейк предсказал мне именно это... Как он мог знать?

Я смотрела на родимое пятно около сердца сына и вспоминала слова Джейка... Я не знала, что думать и как жить дальше...

Авария

Я жила и старалась не совершить ошибки и не рубить с плеча... Уйти от мужа — это уже серьезно...

В начале апреля мы с Лешей собрались на балет «Спящая красавица», заранее купили билеты. Мы ехали на машине, я была за рулем, Леша не водил из-за косоглазия. Долго искали парковку, не могли найти... Я говорила, что надо припарковаться квартала за два и пройти пешком, но Леша говорил парковаться поближе, можно поставить машину на платной парковке... Мы уже подъезжали к театру, были в квартале... Я ехала в среднем ряду и собралась поворачивать налево к театру... Тут внезапно страшный треск, удар в бок машины... Синяя иномарка из левого ряда

на большой скорости счесала мне левый бок машины со стороны водителя... Он снес мне бок на огромной скорости...

Мы с мужем пока приходили в себя... Оба были целы... Я быстро вышла из машины, синяя иномарка остановилась неподалеку — впереди, от туда выбежал невысокий полноватый адыгеец и побегал ко мне ругаясь...

— Что вы натворили? У вас оформлена страховка?

— Да, ОСАГО...

— А Каско нет?

Я покачала головой...

— Блин...

ОСАГО все оформляли, и это был закон, водителю бы все компенсировали...

— А можно посмотреть ваше ОСАГО?

— Да... — я достала полис из бардачка... Адыгеец стал рассматривать печати на полисе...

Я осмотрела машину — левый бок с моей стороны был сильно помят, осталась вмятина, слезла краска, диск колеса разбит... Хорошо, что были диски, если бы колеса были литые, то пришлось бы менять все колесо... Я подумала, что моя машина пострадала больше его... Его машину я смотреть не стала, ее смотрел Леша... Адыгеец ехал с каким-то другом... Потом мы сделали фотографии машин... Я поставила аварийный знак.

— Вызываем ДПС... — я позвонила аварийным комиссарам, их номер дал дядя: если не было жертв, то можно было договориться быстрее, все оформить... Вызов комиссара стоил пятьсот рублей.

— Вот твой Джейк там переодевается... — сказал кто-то... Я не обратила внимание...

Моя машина стояла открытой...

— Леша, ты можешь взять билет, пойти на балет один... — сказала я мужу.

— Нет, — он покачал головой...

Пока мы ждали комиссаров, я позвонила маме и сказала подъехать и пойти на балет по моему билету. Леша сходил, сдал свой билет. — Семьсот рублей — немало, — сказала я ему. Театральные кассы были рукой подать.

Подъехал двое ДПСников, комиссар, высокий, темноволосый и его помощник...

— Сейчас ты выглядишь почти также, как в жизни, только нос накладной и брюнет... — комиссар покивал... Это был один из полицейских, клонов Джейка того лета.

ДПСники стали отмерять шаги, тоже делать фотографии, заполняли документы, рисовали следы колес баллончиком с белой краской на асфальте.

— Можно посмотреть вашу страховку?

— Да. А кто виноват? — спросила я комиссара.

— Ну вы виноваты... Он, наверное, ехал на большой скорости...

– Да... Несся со скоростью двести...

– Но вы это не докажете. По данным виноваты вы. Поворачивали не из той полосы. Оформляем ДПС? Или идите в суд...

– Оформляем, конечно...

Он продолжил заполнять формуляр.

– Ну вам еще повезло, у вас только диск полетел и бок чуть-чуть.

«И это чуть-чуть», – подумала я.

– А у него правое колесо помято, менять надо, и машина повреждена больше, чем ваша... Надо будет правое крыло менять...

А что я должна была ответить? «Страховка покроет его расходы в отличие от моих. Сам виноват, на какой скорости ехал».

Я разбила машину – и меньше всего я думала о Джейке...

Пока оформляли ДТП, подъехала нарядная мама – я отдала ей свой билет... Она сильно не переживала – видела, что мы целы – и пошла на балет...

Пока оформляли документы, Леша куда-то ушел... Мне было обидно до слез – он опять бросал меня в трудную минуту... Сейчас наши отношения нельзя было назвать простыми... Потом вернулся... Комиссар-ДПСник говорил с Лешей...

– Я ревную... – сказал Леша комиссару... – К тебе ревную... Ты муж...

– Если бы ты ей не изменял... А там был гепатит С...

Больше они не разговаривали...

– Вам надо будет проехать на Тургенева, оформить документы, заполнить страховку. Можете ехать за нашей машиной...

– Хорошо...

Я все это время была в шоке, забыла закрыть машину... Машина все это время стояла открытая... На обратном пути обратила внимание, что у меня выключен дальний свет – адыгеец наверняка сел в машину и выключил его... Про дальний свет сказал Леша...

– Если ДПС заметит, что дальний свет выключен, то оформит еще одно нарушение...

Я ехала за ДПСниками на мост. Они оставили машину около поста, я поставила дальше на мосту. Оформлять ДТП шли вдоль дороги, мимо идущих машин.

Мы оформляли аварию на Тургеневском мосту, это было ближе и можно было не ехать в страховую. Оформленное ОСАГО решало все проблемы. «Теперь у меня вырастет страховка», – подумала я...

После аварии Леша решил меня отвезти в торговый центр развезть – приглашали его друзья. Это было недалеко – дальше по шоссе... Я, конечно, была в стрессе...

Мы зашли в пару магазинов.

– А давай тебе что-то здесь купим. Кофточку, например! – он точно хотел меня подбодрить, и я была ему за это благодарна...

Мы зашли в магазин, относительно недорогой, стали бродить между напольными вешалками. Магазин был большой и светлый... Я рассматривала одежду... Прямо сбоку увидела темно-синюю кофту, она мне сразу понравилась, была в тренде, снизу была вискозная оборка и нашитый воротничок. Микс разных тканей — теплого темно-синего трикотажа, из которого была основная кофта, и вискозы нашивок... Ткань нашивок была очень мягкой. На нашивках был мелкий принт из темно-синих цветочков иногда с салатовыми лепестками-сердечками. Принт был в стиле флер-делис. Кофта стоила полторы тысячи, и Леша мне ее купил... Мою сегодняшнюю горькую пилюлю подсластили... Я тогда почему-то совсем забыла о рассказе Джейка — мне нравилась новая кофточка...

Потом мы пошли в бургерную перекусить. Здесь мы увидели Лешиних друзей, семейную пару... Леша хотел помахать.

— Ой, нет, я сейчас их не выдержу, — его друзья мне откровенно не нравились. Он убивал негрят по завету Эдама, а она ела детей... Леша не стал им писать эсмэс и обнаружить свое присутствие в торговом центре, как я и просила...

Наши преступники теперь убивали негров по завету Эдама. Но в России не приживалось, русским бандитам не нравилось убивать просто так негров... и есть их мясо. Их тоже жалко, они тоже люди. Класть негров на алтарь рабства русские не захотели.

Мы возвращались около восьми, забрали Костика у родителей Леши... Вечером я позвонила дяде узнать номер мастера, у которого можно подешевле сделать машину...

Ты гуляешь по парку с маленьким сыном, потом попадаешь в аварию, когда едешь на балет с мужем... — все, как Джейк говорил. Ты даже покупаешь кофту с орнаментом, который Джейк рисовал двенадцать лет назад. И ты ждешь, что дальше тоже будет совпадать, литература, брак с Джейком и двое детей. Что он рассказал историю ТВОЕЙ жизни... И вся твоя жизнь оказывается каким-то фарсом, предсказанным когда-то... Тебя держат на галлюциногенах и загружают кино с будущей жизнью с Джейком...

Я одевала новую темно-синюю трикотажную кофту с оборкой в салатовое сердечко и вспоминала разговор с Дженнифер в ее белой рубашке под голубой безрукавкой... Именно я выбрала эту кофту из десятков, представленных в магазине... Как это все могло сбываться?

В общем, в голове был атас, почва уходила из-под ног, я летала в прямом смысле, во мне бродили воспоминания о прошлой и будущей жизни, а настоящая жизнь летела в тар-тарары, на глазах портились отношения с мужем. Я пошла преподавать английский и математику двум бразильцам, детям португальского футболиста — мне хорошо платили, как Джейк когда-то и говорил... Муж отказался сидеть с сыном, и я вынуждена была нанять няню. Все сбывалось слово в слово...

Я рассматривала фото тех миссионеров лета-2003 года, заходила на их страницы в международной социальной сети. Видела на странице Эдама его фоновую фотографию, как он, немного польсевший и седой, танцевал с беременной Морген. У них уже было два сына, и они, как я поняла, ждали девочку... Я заходила на страницу Дженнифер и видела ее фотку с мужем-брюнетом и двумя сыновьями... Я писала Шерил и слала ей свои рассказы, самые популярные, например, про верблюда. Пыталась писать Брэнде, но мне никто не ответил... Даже искала Джейка в сети по дню рождения. Например, имени и фамилии, но никого по этим данным найти не смогла...

Арину повело на пустом месте. А теперь, девочка, тебя с твоими показаниями стоит забрать в Америку. Время пришло... Пока Спенсермэны тебя не «репарируют», не сотрут твои «живые» мозги и память навсегда, не сотрут список контрабандистов Минобороны из твоей памяти, они не успокоятся...

И все ждали, что Арина бросит косоглазого мужа и двухлетнего сына и уедет искать своего Джейка в Америку!

Часть 14. Жизнь, которой не было

Я продолжала жить с мужем, но у меня в голове как будто появлялись сцены счастливой жизни с Джейком. Я как будто видела нашу будущую жизнь и даже могла описать некоторые сцены из этой жизни, по крайней мере, несколько. Эти сцены просто возникали неоткуда в моей голове. Или мне их приносил ветер?

В моей голове возникали образы. Сначала сцены с Джейком. Когда он второй раз приехал в Россию. Эти образы «всплывали» в моей памяти. Я как будто видела будущее. Стала ли я оракулом или сам Джейк посылал мне эти картинки?

Я видела это так же явственно, как воспоминания прошлого... Просто образы в моей голове... И в этой главе я их подробно опишу. Эти образы как будто проходили сквозь меня, проходили через мою голову. И вся будущая жизнь уже промелькнула перед глазами...

В аэропорту

Сначала в Краснодар приехал Эдам с детьми — двумя сыновьями за год до приезда Джейка. Эдам созвонился со старыми друзьями. И меня опять пригласили в ту же компанию. Он также жил в общезитии с детьми, и я часто ездила к ним играть во фризби на стадионе. Эдам приехал один, больше никто из знакомых американцев не приехал. Эдам даже поблагодарил меня за двух своих сыновей — когда-то я пожелала Морген скорой беременности. Было начало лета, начало июня. Моему сыну Косте тогда было два, и я жила в спокойном стабильном браке.

Я поехала на машине встречать новых американцев, старых знакомых в аэропорт. Джейк с отросшими кучерявыми волосами появился в зале аэропорта с большим рюкзаком. Он также носил розовую полосатую рубашку со складкой на спине. За прошедшее время жизнь его не согнула.

— Неу, — сказал Джейк, подходя ко мне. Он улыбался во весь рот, с выдвинутой вперед нижней челюстью. Так же скалился. И немного смущался.

Я была с Ясей и Сашей Янченко, он приехал из Англии навестить семью летом... Мы втроем встречали американцев. Приехали Эдам, Морген, Джаспер, Шерил и пара новых американцев. Они приехали на полтора месяца.

В аэропорту в кафе мы решили попить кофе за маленьким круглым стеклянным столиком. Я заказала кофе себе. Я сидела рядом с Джейком и случайно, повернувшись и разговаривая с Ясей, перевернула уже немного остывший кофе на кремовые широкие брюки Джейка.

Кофе пролился со стола ему на брюки, я испугалась и сразу же схватила белые квадратные одноразовые салфетки со стола и стала сначала промакивать кофе на брюках Джейка, а потом вытирать их.

Джейк как будто слегка оцепенел. Смотрел то на меня, вытирающую его штаны. И как будто получал удовольствие, точно испытывал легкую эрекцию. Я быстро поняла, в чем дело и перестала вытирать ему брюки. Джейк пару раз вытер их сам — и решил молча пойти в туалет.

После похода в туалет ему стало намного лучше. У него был с собой чемодан, и он даже переодел брюки и трусы.

— I am very sorry, — не уставала повторять я.

— It's Ok now. Don't worry...

— He is much better now¹, — подтвердил усмехаясь Эдам. Он был Джейку по плечо. Я почему-то подумала, что Джейк в туалете мастурбировал.

Американцы остановились также в общежитиях. Я была на машине, на своем белом хэтчбеке и подвезла Эдама, Морген и Джейка на машине до общежитий университета. Но американцы снимали двухэтажный коттедж на окраине города. Скоро мы уже встречались там, играли во фризби.

Lady in Red²

В загородном коттедже американцев недалеко было поле для командных игр. Я ездила туда на машине примерно раз в пять дней. В этот раз я приехала с сыном. Я сейчас каждый день носила обручальное кольцо, рассказала, что замужем. Мы встретились на первом этаже их загородного коттеджа, американцы как обычно угощали порезанными бананами и апельсинами. Я уже была у них пару раз. Американцы сегодня устраивали танцы на первом этаже. Джейк сидел на кровати, увидев меня, он встал и пригласил меня на танец — я не видела в этом ничего зазорного. Мы танцевали медленный танец под красивую мелодию про женщину в красном... Я была в платье, но светлом. В очень небольшой комнатке, в кото-

¹ — Мне очень жаль. — Сейчас уже ОК. Не переживай. — Ему уже намного лучше...

² Женщина в красном

рой стояло две кровати.. Джейк опустил руки с моей талии на бедра и начал меня гладить по бедрам. Он очень возбуждился... Его член встал через шорты... Я прекратила с ним танцевать: — Прекрати это! Ты должен это прекратить! — кричала я ему. И сразу же уехала.

Номер

Джейк теперь всегда ходил в рубашке — боялся показывать кому-либо свою горбатую спину. У него были штаны цвета хаки, широкие, прямые, с большими нашивными карманами на бедрах, и вторая пара на уровне его голени.

— Do you want to see my place? — спросил меня Джейк в одну из встреч. И повел на второй этаж.

— Sure¹.

Джейк снимал себе целую отдельную квартиру с туалетом, ванной и небольшой кухней на втором этаже коттеджа. Только Эдам и Морген жили в таких же апартаментах на первом этаже. Остальные в комнатах по два-три человека. Джейк явно шиканул, но, наверное, мог себе позволить — он же кардиохирург.

— Now I live here, — Джейк открыл дверь ключом. Он явно гордился снимаемыми апартаментами.

— Very good², — ответила я, но дальше коридора и начала первой комнаты заходить не хотела, но Джейк все равно пригласил меня посмотреть все его комнаты. Его квартира была коридорного типа — коридор, первая комната, потом вторая. Он пригласил в дальнюю комнату, где стояла двуспальная кровать. Я подумала, зачем Джейк спал на двуспальной кровати и зачем тем более показывал ее мне? — Моя кровать, — сказал он, немного смутившись. — Ок, — ответила я. — У тебя очень красивая квартира, — сказала я напоследок и про себя подумала «съемная».

— Я думаю, это та стена... Эдам так говорил, — Джейк потрогал стену, ведущую из коридора в первую комнату. Я не поняла, о чем это он и не стала уточнять.

Потом я спустилась вниз к остальным.

¹ Ты хочешь увидеть, как я живу? — Конечно.

² — Сейчас я живу здесь. — Очень хорошо.

Травма

Джейк вез с собой минимальный набор медикаментов в квадратном кейсе. Он стал кардиохирургом, как и собирался.

Иногда мы играли во фризби около университета как раньше, но все чаще в загородном коттедже. Мы также играли во фризби на стадионе около коттеджа. Саша с Ясей бегали по командам за тарелкой. Было много новых молодых англоговорящих лингвистов. «Старички», мы были в основном со старыми американцами.

Я бежала и споткнувшись упала. Поранила ногу, сильно поцарапала колено. Джейк был врачом, и меня отправили к нему на лечение. Я сидела на лавочке недалеко от игрового поля. Джейк принес свой чемоданчик с медикаментами и, стоя на корточках у моих ног, сначала обработал мне рану прозрачным антисептиком из своего чемоданчика, аккуратно погладив мою ногу со стороны икры. И выглядел почему-то очень смущенным.

— I think it's fine now¹, — сказал он мне, похлопав по икре. И мне стало не по себе от этого его прикосновения. Его смущение как будто передавалось мне...

Все знали, что поездка американцев по России заканчивалась. Еще две недели, и их ждал самолет и полет через океан.

Я все спрашивала себя, вела ли я себя с Джейком как-то неправильно? Давала ли повод для сплетен... Была ли полностью честна по отношению к мужу? Могла ли себя в чем-то упрекнуть? Вроде нет...

Бегство

Это была прощальная вечеринка, эти американцы уезжали через несколько дней. Все остались на первом этаже, танцевали, слушали музыку, я приехала с Костиком. Когда гуляния уже заканчивались, Джейк позвал меня к себе.

— Не хочешь зайти ко мне? — я не видела в этом ничего предосудительного.

Позвонила мужу, сказала, что возможно задержусь.

Я зашла к Джейку в комнату, поднялась с ним, повесив маленькую сумочку телесного цвета на ручку стула в коридоре. В сумке был только кошелек, телефон и ключи от машины и квартиры. Я была в кремовой майке

¹ — Я думаю, нога в порядке сейчас.

и светлой, белой юбке. Мой сын был внизу с Морген — я смело оставляла его с семьей Хейсонд, Костик им доверял.

Джейк предложил мне пару мандаринов — я взяла один, почистила.

— Ты не будешь против, если я сделаю тебе чай, (Do you want some tea?).

— Sure.

Он сделал мне горячий, приятно пахнущий напиток.

Потом я как будто вырубилась, или Джейк меня загипнотизировал, ввел в состояние коматоза. Я все видела и слышала, но потом ничего не помнила.

Я сидела на стуле, а он ходил передо мной: — Боже, как это сложно! — он положил ладонь на лоб. — Ты мне очень нравишься, ты, наверное это знаешь, девушки всегда знают, — он усмехнулся. — Боже, как я сходил по тебе с ума тогда... — он опять ударил себя по лбу. И говорил как будто сам с собой... — Может быть, ты хочешь со мной встречаться?

Я не могла верить своим ушам, я была замужем — я только покачала головой и хотела уйти. Он подошел ко мне и щелкнул пальцами перед лицом, я опять все забыла и впала в состояние коматоза, перезагрузилась, потом очнулась. Он снова начал говорить:

— Знаешь, сколько раз я уже это проделывал! — он схватился за голову. Потом он достал коробочку с кольцом, стал на одно колено, по-моему, это было то же кольцо, что он привозил двенадцать лет назад:

— Выходи за меня.

— Нет, — я опять тут же встала со стула... Он опять щелкнул пальцами у меня перед лицом, и я опять отключилась...

Я сидела неподвижная, как будто под гипнозом, ничего не видя и не слыша, и потом не помнила этот момент своей жизни.

Когда в следующий раз я пришла в себя, уже почти стемнело, Джейк горячо и смиренно молился в углу, стоя на коленях, переплетя пальцы и склонив к ним голову.

— Ok, this is it! Adam says it will be today¹, — сказал Джейк, встав с колен, подошел ко мне, пару раз щелкнул пальцами у меня перед лицом, и я вышла из оцепенения, как будто проснулась.

— I need to tell you something. I love you²... — Джейк присел на одно колено и протягивал кольцо с красным камнем в праздничной красной квадратной коробочке. Он просил моей руки! — Я love you. I am deeply and absolutely desperately in love with you³... — Он как будто говорил, что я и так знала, или догадывалась. Или тешила этим свое самолюбие. Но как он мог говорить это мне, замужней женщине, матери сына? Он не имел

¹ Ок, это оно. Эдам говорит, что это будет сегодня.

² Я должен сказать тебе что-то. Я люблю тебя

³ Я люблю тебя. Я глубоко и абсолютно отчаянно влюблен в тебя.

на это права! Я не должна была это слушать. Я вскочила со стула и немедленно решила уйти.

Он подбежал ко мне, за один прыжок оказался около меня, обнял и прижал к стене между коридором и первой комнатой: — Я так люблю тебя! Я не могу без тебя жить! (I love you! I can't live without you!) Let's get married?¹ — полушептал, полуговорил он, прижимая меня к себе. Я еле освободилась, быстро выбежала из его комнаты и засемила вниз по лестнице.

Джейк выбежал за мной, но я была уже на первом этаже.

— You will return! I know you will! You have forgotten your purse!² — Джейк свесился с лестницы, держа в руках мою маленькую сумочку через плечо... Джейк не стал меня догонять...

В этот момент я выбежала из их многоквартирного коттеджа... Напротив выхода стояла моя белая машина, но все мои документы, ключи от машины и деньги были в сумочке... А сумочка была у Джейка... «Trapped³», — подумала я.

Коттедж бы далеко от города... Я решил идти до города пешком...

Я не могла подняться к Джейку за сумочкой — знаю, он ждал меня там...

Я пошла пешком до города, по широкой заасфальтированной дороге, но успела пройти только пару домов, меня догнал Эдам на машине. Опять подошел ко мне и загипнотизировал. Я опять впала в состояние забытья. Я как будто перестала что-либо видеть, и только слышала голос в ушах, Эдам приложил к моему уху телефон, в трубке был голос Джейка: — Тебе надо вернуться в коттедж. Подняться на второй этаж за сумочкой. Там ключи от машины. Ты зайдешь в номер и подойдешь к стулу, на котором забыла сумочку, — голос Джейка тоже гипнотизировал. Только с ключами можно уехать на своей машине...

Эдам вернул меня к коттеджу — довез на машине. Перед коттеджем Эдам меня оставил. Я остановилось перед входом... И только тут я очнулась. Оказалась в сознании... Эдама уже не было. Я уже была загипнотизирована телефонным голосом Джейка и послушно выполняла, что он мне сказал... Он через гипноз заставил войти в дом и подняться на второй этаж... за сумочкой... Уже смеркалось, все было покрыто быстро темнеющей дымкой. Ночь наступала... А мне надо было взять ключи от машины, чтобы уехать...

¹ Давай поженимся?

² Ты вернешься! Я знаю это! Ты забыла сумочку!

³ В ловушке.

Изнасилование

Яся с Сашей уехали... В коттедже все уже спали... Морген скорее всего уже уложила Костика.

Я аккуратно поднялась по ступенькам, надеясь, что Джейк уже ушел. Или уснул...

Было темно, я тихо вошла уже в темную квартиру, дверь была приоткрыта и соответственно не заперта. Бесшумно подошла к стулу, на котором висела моя сумочка, маленькая, на длинном ремешке.. Именно там я ее и повесила... Если бы Джейк был дома, он бы меня не услышал. Я только дотронулась до ее кожаного ремешка... как ко мне подскочил Джейк, схватил меня, прижал к той же стене... К стене, между коридором и первой комнатой. Джейк был намного выше и сильнее меня.

Он прислонил меня к стене, поднял согнутые в коленях ноги. Зажал мне рот рукой, и я не могла дышать несколько минут. Он стянул с меня трусы, белые, с закрытым задом, и все время повторял: — Я люблю тебя. Я не могу жить без тебя. Я умру без тебя. Для меня есть только ты. Ты одна... Никто другой. Я тебя обожаю... Я так сильно люблю тебя... — Я все время отталкивала его руками и ногами. Билась. В это время он сам стянул брюки вместе с трусами, при этом постоянно придерживая меня одной рукой и одновременно этой же рукой зажимая мне рот — ладонью он зажимал рот, а плечом и телом держал меня. Я пыталась укусить его руку, но не получалось. Он поднял мне ноги и слегка вывернул таз к себе, пытался войти в меня, но я была сильно сжата, и он не хотел входить так... Он все пытался войти, но я была слишком сжата... Он сделал один удар и не вошел. Потом второй... третий. — Я не могу так больше делать, — сказал он, — Будет синяк. Я могу набить синяк... Я не могу так больше... Расслабься, пожалуйста, расслабься, — все повторял Джейк. Я не расслаблялась. Наоборот, сжалась еще сильнее, пытаюсь отпихнуть его ногами. Он сильно, до синяка держал меня за плечо, прижимая телом к стене.

— Расслабься, пожалуйста, расслабься!

Он прижимал меня к стене телом, рукой залез мне под майку и стал трогать грудь. Мне были неприятны его прикосновения.

Потом он зажал мне нос большим пальцем. А рот остальной ладонью. Я не могла дышать и через несколько минут начала терять сознание без воздуха.

— Все будет хорошо. Я так люблю тебя. Доверься мне. Все будет хорошо, я знаю, что делаю...

Естественно, он не предохранялся...

Я смотрела на него, чувствуя, что мне нечем дышать. Я медленно задышала...

— Все будет хорошо, — все повторял он. — Верь мне...

Я у меня больше не было воздуха... Перед глазами все начало мутнеть... Я смотрела на него и думала, что неужели он меня убьет. Неужели я так и умру... Он больше не пытался войти. Я чувствовала его эрекцию... Я смотрела ему в глаза — неужели он мне не поможет. Била рукой по его ладони. Неужели он меня просто убьет? Неужели я просто задохнусь... В глазах все тухло. Несмотря ни на что, я верила ему и достаточно хорошо знала... Знала эту компанию... Я поймала себя на мысли, что не верю, что он меня убьет...

Второй рукой я схватила его за руку. Пыталась оторвать его руку от своего рта и носа, хлопала его по руке... Мне стало совсем нечем дышать... Я смотрела ему в глаза и поняла, что совсем задыхаюсь... Я, наверное, расслабилась и совсем размякла...

Джейк почувствовал, что я слегка расслабилась и размякла у него в руках, теряя сознание без кислорода. Отключаясь я расслабилась, наконец-то, и он вошел. И перестал зажимать мне нос... Я начала жадно ловить ртом воздух, пытаюсь отдышаться и скорее поняла, чем почувствовала, что он во мне... Он начал двигаться... Я все пыталась отдышаться. Он держал меня... я послушно двигалась ему в такт...

У меня из глаз текли слезы...

Он все время смотрел в мои глаза, следил за зрачками. Он не сводил с меня глаз.

— Не плачь, пожалуйста. Я так люблю тебя... Я открою тебе рот, если ты не будешь кричать... — Он продолжал двигаться во мне...

Я послушно кивнула... Он убрал руку от моего рта... Я тут же закричала: — Help! Help! — И повернула голову к двери. Но мой голос звучал тихо...

— Liar... — почему-то улыбаясь сказал Джейк и опять закрыл мне рот ладонью.- Liar...¹ — он сказал это с любовью продолжая...

Не знаю, сколько прошло времени, он двигался, все повторяя, как он меня любит. Я висела у него на руках... Мне показалось, что прошло много времени...

Не знаю, почему, но я стала сокращать мышцы влагалища. Делала ли я это, чтобы он быстрее кончил, и все закончилось. Или чтобы получить удовольствие с ним?

— Ты кончаешь, — Джейк опять улыбался... — Я чувствую, да? — Он стал двигаться сильнее, в такт мне, еще сильнее. Я чувствовала себя в этот момент просто ужасно, униженно. И отвернулась от него... Я подумала, что он скоро кончит... Он только сильнее задвигался, в такт со мной... Обдавая меня своим горячим дыханием...

Он кончил в меня... Его горячая сперма осталась во мне...

Я совсем размякла...

¹ Помогите! Помогите! — Врунья... Врунья...

Когда он кончил, он отпустил меня, чтобы надеть брюки и застегнуть ширинку. Я должна была стать на ноги, но ноги меня не держали — ноги подкосились, и я упала на пол...

Джейк бросился меня поднимать, — Прости меня, пожалуйста. Я люблю тебя. Я так люблю тебя...

Меня била мелкая дрожь, и началась истерика, слезы текли из глаз. Я не вставая попятилась и забилась в дальний угол комнаты. Я продолжала дрожать.

— Прости меня, прости, — Джейк хотел обнять меня, но я только отталкивала его, дрожала и рыдала в полный голос.

— Прости меня...

У меня началась истерика, я рыдала задыхаясь.

В это время в дверях появился Эдам. — Is that it? How are you?¹ — Эдам бросился ко мне...

Я вдруг решила, что Эдам тоже сейчас будет меня насиловать. И я закричала: — Нет, пожалуйста, не надо! Не надо, пожалуйста! Пожалуйста, — я еще сильнее забилась в угол...

— Нет, нет, он не будет... — за него ответил Джейк, схватившись за голову.

Я просто начала кричать...

— Что ты сделал с ней? — Эдам накинулся на Джейка. — Она верила нам!!! You promised me to marry her!² — Эдам бил Джейка кулаками. Джейк не сопротивлялся. Он был, как тюфяк, и плакал, закрыв лицо руками. Потом они оба вышли из квартиры... Закрыли дверь...

Потом подошли Морген и Шерил... — How is she?³ — Они почему-то говорили весело, игриво и кокетливо. Они, наверное, увидели меня в слезах в углу на полу. Они ожидали чего-то другого...

— Дорогая, тебе лучше этого не видеть, — Эдам вывел Морген из комнаты и квартиры.

— Это так выглядит? Что он сделал с ней? — Морген начала кричать на Эдама. Он что-то ей невнятно отвечал, успокаивая ее.

Я осталась в углу плакать, задыхаясь от слез...

Не знаю, сколько прошло времени, я также сидела в углу. Выпила воду из стакана на тумбочке. Впала в забытье... По-моему, даже уснула... Потом вернулся Джейк, он был абсолютно раздавлен, держался за голову.

— Прости меня, пожалуйста, прости! — он хотел подойти ко мне. Но я только сильнее забилась и опять начала кричать. — Господи, я так люблю тебя. Прости меня, пожалуйста... О, Боже! — он опять выбежал из комнаты, схватившись за голову...

¹ Это все? Как ты?

² Ты обещаешь мне жениться на ней!

³ Как она?

Потом подошла плачущая навзрыд Морген... Она просто посмотрела на меня... Ее в коридоре ждал Эдам...

Ко мне подходила тоже плачущая Шерил с Библией. Я не хотела с ними говорить, только сильнее забивалась в угол и плакала навзрыд, меня постоянно трясло.

Джейк взял лезвие... собирался в первой комнате резать вены...

— Я умру, я просто умру...

— Это не способ решить проблемы... — Эдам забрал у него лезвие...

— Что же теперь делать? Как я буду с этим жить?

Ко мне подошел Эдам, присел на корточки напротив меня. Я уже немного успокоилась, даже впала в забытие, но сейчас была в сознании...

— Поверь мне, он очень сильно тебя любит... — говорил Эдам. — Он не пошел бы на это, если бы видел другой выход... Он не может видеть тебя с этим человеком... Он так плохо к тебе относится... Тебе лучше ответить ему... Он так сильно себя наказывает... Я боюсь, что он покончит с собой... Пожалуйста, поговори с ним, — Эдам опустил голову. — Пожалуйста...

Я ему не ответила.

— Я принес тебе воды, я поставлю ее на тумбочку. Ты немного успокоись... — Эдам, наверное, растворил в воде успокоительное. Или это сделал Джейк...

Эдам поднялся к Джейку... Тот все плакал, стоял согнувшись и схватившись за голову.

— Ладно, держись, — похлопал его по плечу Эдам. — Я спущусь вниз к Морген.

Через некоторое время я поднялась, взяла воду с тумбочки и выпила немного. Я уже осмелела, успокоилась и немного двигалась при Джейке. Он также сидел посреди комнаты, закрыв голову руками, и, наверное, плакал... Потом я вернулась в комнату, села на кровать, маленькими глотками стала пить из стакана.

Джейк также сидел на полу...

В голове зашумело, в воде точно было успокоительное... Я также сидела в углу и даже, по-моему, уснула.

Джейк остался на полу... Не знаю, сколько прошло времени. Я то засыпала, то просыпалась... В квартиру вошел Эдам, он поднял Джейка, они разговаривали, потом подошли к окну:

— Скоро рассвет. Ты должен отпустить ее. Ее дома ждет муж. Он будет ее искать, — сказал Эдам Джейку, обняв его за плечи, стоя у окна. Джейк опять закрыл глаза и заплакал. Эдам вышел из комнаты и спустился вниз. Я также сидела в углу забившись и дрожала.

Я еще долго всхлипывала...

Гости

Я сидела в углу, все также забившись. Вдруг как будто из коридора появились двое. Но входная дверь не открывалась. Мужчина и женщина, вернее, старик и хорошо выглядящая старушка. Он высокий, седой, коротко подстриженный. Пожилая женщина с толстым послеклимаксическим животом бочковидного типа, ему по плечо, с гулькой на голове, примерно моего роста.

Ради этого момента они специально открыли черную дыру, тоннель во времени и пространстве.

Джейк их, кажется, не видел...

— How is she?¹ — спросил мужчина басом.

— О, дорогая — женщина подошла ко мне... — Тебе лучше успокоиться. — Женщина говорила по-русски, а мужчина по-английски.

— Как она? — спросил старик из коридора. — Потому что он очень плох!

— Девочка напугана, только вспомни этот момент...

— Darling, he is very bad. You better stop doing it. He is very bad²... — пожилой мужчина ввел Джейка в состояние гипноза и поговорил с ним.

— Дорогая, — женщина говорила со мной на русском и чем-то была похожа на меня саму. — Я знаю, он тебе нравится, очень нравится... Он очень плох... Тебе лучше поговорить с ним...

— Что она тут устроила? Что это за концерт? — возмущался старик. — Поговорил с ним... Дорогая, он очень плох... Я уже не помню этот момент... Дорогая, он серьезно собирается резать вены!.. Девочка, тебе лучше прекратить это! Ты не так плоха, как кажешься...

Женщина вышла к нему, и они стали ругаться.

— Джейк, я поговорю с ней...

«Джейк?» — подумала я.

— Ну ладно, вы поговорите тут... — Он дотронулся до плеча пожилой дамы и вышел в коридор к Джейку...

— Я это ты спустя много лет... — начала она говорить мне. — Он очень любит тебя, это правда. И женится на тебе вскорости. А этот мужчина, — она имела в виду моего мужа Лешу, — этот мужчина так жесток. Он делает тебя несчастной... Ты просто обманываешь себя счастливым браком с ним. Обманываешь себя и людей вокруг, — я почему-то расплакалась. Мне так хотелось сохранить видимость счастливого замужества... Но этот человек ел животных. И был очень жесток ко мне и к людям вокруг...

¹ Как она?

² Милая, он очень плох. Тебе лучше это прекратить. Он очень плох!

— И они это видят... — пожилая женщина посмотрела куда-то в сторону. — И по-своему жалеют тебя. Он просто обижен жизнью... Он не может быть счастлив сам и не может сделать счастливой тебя. Ты никогда не будешь с ним счастлива. И ты знаешь это... — она погладила меня по плечу... — И люди вокруг это понимают... И жалеют тебя... — Я не знаю почему, но тут я начала горько плакать... она была во всем права. Все мои секреты были раскрыты, она видела меня насквозь. Все, что я так долго скрывала от себя самой, вдруг обрушилось на мою голову ее беспощадными словами. — А Джейк тебя на самом деле любит... — она покачала головой. — Он как бы видел вашу будущую жизнь, мы ему показали, и он очень верит в это. Ты так долго отталкиваешь его. Он просто не видел другого выхода. Он дошел до крайней степени отчаяния. Он просто не мог отпустить тебя. Прости его... Он так тебя любит... Очень любит... Ты ведь сокращала мышцы влагалища с ним...

«Она знает?» — в моих глазах был испуг.

— Конечно, ведь я — это ты. — Посмотри на него, — мы с ней вышли в коридор и посмотрели на Джейка. — Он уже столько раз пожалел, что уехал тогда и оставил тебя... Джейк сидел согнувшись и плакал. И я тоже почему-то плакала... — Дай ему шанс. Дома тебя не ждет ничего, кроме озлобленного мужа, который ненавидит всех и все и которому на тебя наплевать! Он на что угодно пойдет и избивать тебя будет, — я подумала, что и об этом она знает, — чтобы получить свои таблетки от кровожадности...

Она нагнулась к Джейку: — Ты ведь любишь ее, правда?

— Да-да, очень, очень люблю, — затвердил он с жаром... — Да-да, если бы она ответила мне...

— Я просто не могу видеть его в таком состоянии, — она отвернулась. — Если бы был другой выход, да? Это узы брака, «в богатстве и бедности»... Их никто так просто не порвет...

Потом мы с ней полетали, и она показала мне наших детей и будущую жизнь... Потом мы вернулись в эту же комнату...

— Он очень любит тебя и хочет сделать счастливой... Надеюсь, ты поступишь правильно, — я также сидела в углу на полу, она склонилась надо мной. — Я очень надеюсь на тебя... Это же и моя жизнь...

— Дорогая, нам пора! — послышался голос пожилого мужчины из коридора.

— Да, иду... Надеюсь, ты все сделаешь правильно. Потому что я прожила с ним долгую счастливую жизнь и благодарна за каждый день... Надеюсь, ты меня не подведешь... — и она поцеловала меня в лоб.

Она тоже вышла в коридор. — Нам пора, — сказал он, и они оба исчезли в черной дыре, которая была на дальней стене коридора...

Примирение

Они ушли, скрылись в черной дыре. Я как будто проснулась...

Джейк сидел в коридоре... И, как сказал тот пожилой мужчина, был очень плох... Он молился в углу, сидя на полу и сцепив пальцы между собой. Он молился с жаром, отчаянно и вместе с этим безнадежно и смиренно: — Боже, прости меня... Помоги мне, Господи!

Я встала на ноги и подошла к нему, села к нему на пол...

— Прости меня! — он горячо заплакал, схватившись за голову. — Пожалуйста, прости! Я так виноват перед тобой! Я так люблю тебя... Что я сделал, Господи, что ж я сделал? — он смотрел на свои руки. Потом схватился за голову:

— Прости меня, прости. Ради Бога, прости... — все повторял он...

— Да, да, я знаю... Я знаю... Прости...

Он заплакал еще сильнее: — Прости меня, пожалуйста, прости!

— Да, я понимаю! — я почему-то закивала.

Я обняла его со спины... — Не переживай так...

— Да? Прости меня, пожалуйста!

— А, да, хорошо! Хорошо, хорошо. Не переживай... — Я обняла его со спины и поцеловала его спину через рубашку несколько раз... Я хотела поднять его рубашку. Знаю, как он переживал из-за своего горба.

— Нет, не надо, пожалуйста... Не надо... Я урод, — он закрыл глаза ладонями и опять заплакал....

— Не переживай, успокойся... — Я стянула с него рубашку и впервые в жизни увидела его горб... Как большой нарост на спине, покрытый смуглой немного сухой кожей... Я покрыла его горб поцелуями. Джейк перестал плакать, только сидел, склонив голову, и ловил мои поцелуи на своем теле.

Потом он повернулся ко мне и жадно и страстно поцеловал в губы, при этом уложив меня на пол.

На полу лежал такой тоненький небольшой тканый коврик красно-черно-темно-зеленого цвета. Я легла на спину. Джейк быстро стянул с себя трусы вместе со своими штанами. Мои он даже не мог снять, просто отодвинул в бок. — You are welcome, — тихо сказала я ему, глядя в глаза. Он нетерпеливо лег на меня, практически мгновенно вошел, сделал только два тазовых толчка во мне... И кончил... Практически сразу же... Сегодня уже во второй раз... — Прости! Прости, пожалуйста! — опять сказал он... — Боже, это ужасно! Просто кошмар! — сказал он, поднявшись и спрятав глаза.

— Нет-нет... все нормально... Не переживай... — сказала я, приподнявшись и присев на этот тканый тонкий коврик. Я так и осталась сидеть на полу. Я не пыталась его успокоить, просто тихо сидела на ковре... Он

перевозбудился. Ничего страшного... Мне кажется, я подсознательно знала, что он меня любит... Но были оковы брака, моего брака...

– Это кошмар, – от стыда он боялся на меня смотреть. Он быстро встал и вышел из комнаты.

Через несколько минут он вернулся, выпил таблетку для эрекции. Он поднял меня с пола и отвел на кровать...

В этот раз он был неудержим, очень страстен – хотел загладить неприятное впечатление от первого, точнее второго раза...

– Затрахай меня до смерти, – почему-то попросила я его.

– How do you like it? Do you like it hot? Do you like it painful? – потом он посадил меня на стол.

– I little bit painful¹...

Утром он опять ввел меня в состояние транса, заставил на кровати сделать «березку», высоко поднять ноги и зад – он очень хотел, чтобы я забеременела. Все утро мы занимались любовью... Он говорил, что через время видел эту сцену – я лежу на постели, белая кожа, черные волосы в прядях разбросаны по подушке, как медуза Горгона, он сверху смотрит на меня, мы занимаемся любовью...

Утром Эдам увидел синяк на моем плече... И был в шоке... После вчерашнего у меня на предплечье остался жуткий синяк...

К мужу я вернулась днем и сказала, что хочу развода, сына пока оставила с Морген. Я собрала основные вещи и переехала к Джейку... дальше прелюбодействовать...

Следующие несколько дней мы не вылезали из кровати.

Мы занимались любовью даже на багажнике моей белой машины...

Через три дня Джейк уезжал... Я провожала его в аэропорту. Уже без икон. Он обещал вернуться через пару месяцев... Максимум полгода...

Оксана

Через три месяца я узнала, что беременна. Мы часто говорили с Джейком по Скайпу, я ему сообщила, и он сказал, что попытается приехать максимально быстро. Он собирался приехать через месяц...

Костя жил со мной. Я попыталась объяснить с Лешей, но он был непреклонен: – Я никогда не подпишу документы, чтобы Костя покинул страну! – На удивление весть о разводе со мной он воспринял спокойно. Я думала, что еще смогу его переубедить...

¹ – Как тебе это нравится? Страстно? Больно? – Немного больно...

Я обдумывала аборт, но решила оставить ребенка... Джейк говорил, что это будет девочка и она будет замечательная. И очень просил ее не убивать...

Он приехал через месяц и сразу же подал документы в ЗАГС. Мы поженились через две недели. На церемонии присутствовал американский консул из посольства и переводчик. Первая брачная ночь была в отеле у Джейка, секс был под песню «Can you feel the love tonight»...

Леша в последний момент отказался подписывать бумаги, чтобы Костя переехал в Америку со мной. Пока решили, что он будет жить с моей мамой...

Мы улетали в самолете из России. Я уснула, положив голову Джейку на плечо. Расставания с Костей прошло очень тяжело... Я много плакала перед вылетом... Джейк посмотрел на меня и поцеловал в лоб, наконец-то я была с ним. Он ждал этот момент более двадцати лет...

У нас родилась дочь, и мы назвали ее Оксаной в честь моей одноклассницы... Она была копией Джейка с выступающей нижней челюстью... Джейк говорил, это потому что я много молилась во время беременности, чтобы она была похожа на него – мы же зачали ее до брака... Чтобы никто не сомневался в отцовстве...

Эдам

Джейку всегда предсказывали, что в сорок у него будет уже двое детей – мальчик и девочка. Ему исполнялось сорок через семь месяцев, но я так и не была беременна. Месячные шли. Над ним смеялся сосед:

– Джейк, ты говорил, что у тебя в сорок будет уже двое детей... Тебе сорок через полгода... -. И мы отчаянно занимались любовью, жили в двухкомнатной квартире недалеко от больницы Джейка.

Однажды у Джейка был перерыв на работе, и он прибежал в нашу квартиру. Он накинулся на меня прямо с порога, прислонил к стене около двери, моя голова на уровне его ключицы...

Через месяц сделали тест, и он был положительный.

В итоге обоих детей мы сделали стоя у стен.

Я уже была на шестом месяце беременности, но мы никому не разглашали радостную новость. Соседи также посмеивались над Джейком и узнали о беременности, только когда у меня вырос живот.

– She is pregnant, yeah? – спрашивал его все тот же сосед.

– Yeah...¹

Джейк говорил, что хорошо, что мы никому не говорили...

Это был шестой месяц, когда я оступилась на лестнице у соседей и упала. Началось кровотечение, и меня срочно доставили в больницу. Была большая вероятность потерять ребенка, отслойка плаценты... Мальчик был почти месяц в инкубаторе.. Джейк молился, глядя на него... Эдам тоже просил своих прихожан молиться в своей церкви.... Молитвы помогли... Сына мы назвали Эдамом... Джейк в больнице сам принимал у меня роды оба раза...

Мы забрали Эдама домой. Когда Джейку исполнилось сорок, он заказал всем пива в любимом баре около дома. В это время крошечный сын спал у него в рюкзаке-кенгуру... Сосед, который не верил в предсказания, крикнул Джейку:

– Hey, Jake! You are forty and you already have two children!

– Yeah...²

Мы сидели около костра — мы пошли в поход с друзьями Джейка. Я гуляла по лесу, но не заходила далеко... Джейк сидел с друзьями у костра... начинало смеркаться, и я быстро к ним вернулась...

Потом мы с Джейком пошли в лес, также недалеко — всегда видели друзей и костер. Он прислонил меня к широкому стволу высокого дерева, и мы стали заниматься любовью... Его друзья сидели у костра и ждали нас.

Оргазм

Я испытала маточный оргазм — мы с Джейком занимались любовью, он был сверху. Было примерно четыре часа ночи. Вдруг мой живот стал странно сокращаться... Джейк удивленно и внимательно на меня смотрел.... Мы жили в доме на окраине... Джейк вышел из дома... Я осталась лежать на постели и сокращаться...

Было утро на окраине города. Везде на траве роса. Джейк вышел на холм около дома... Он недолго держался за лоб, дышал полной грудью. Наслаждался утром... Влажным утром... Потом я вышла к нему... Обняла со спины... Потом залезла на турникет и свесилась вниз головой, уцепившись ногами. Я так и повисла. У меня кофта поднялась, то есть упала на лицо, открыв живот с родимым пятном. Я ее все время поправляла опускаая, то есть поднимая, и закрывала живот. Я недолго висела. Ко мне подошел Джейк, к животу, тоже поднял мне кофту, то есть опустил... Я так и висела перед ним вниз головой...

¹ Она беременна, да? — Да...

² Эй, Джейк! Тебе сорок, и у тебя уже двое детей! — Да...

Этот маточный оргазм был у меня единственным в жизни. Потом мы даже считали дни моего цикла, чтобы попробовать повторить этот фейерверк, но...

Новый дом

Мы покупали новый дом, смотрели несколько. Вдруг вошли в один.

— Вот этот дом мы и купим, — Джейк посмотрел на второй этаж. — А на этой лестнице мы опробуем каждую ступеньку по несколько раз. — Он потрогал перила.

Он вышел на крыльцо: — Да, это был этот дом. Я его всегда видел. На втором этаже комната Оксаны. Мы его берем!

Мы иногда занимались любовью часами, когда детей не было дома. Джейк завязывал мне глаза, и я его пыталась найти. Однажды во время полового акта и меня началось неконтролируемое мочеиспускание на полу. Мы тогда занимались любовью на полу, подо мной непромокаемая клеенка. Соседи попросили сделать шумоизоляцию в нашей спальне, и мы пошли им навстречу.

Иногда мы брали в спальню клубнику, и ели ее. Джейк окунал клубнику в мои вагинальные выделения и ел эту клубнику...

Отец Джейка

Джейк с детства не помнил отца. Они с матерью расстались еще до его рождения. Потом он порвал с ним все связи. Я решила найти отца Джейка и наняла частного детектива. Это был подарок к его дню рождения. Детектив нашел Даррэна в другом штате. Я пригласила его к нам на ужин... Он мне понравился, показался веселым, рассказывал мне анекдоты. Он был совсем седой, с ровными волосами, его горб напоминал горб Джейка...

Я накрыла стол, посадила отца Джейка во главе стола, по бокам дети. Джейк пришел с работы веселый:

— У нас сегодня гости?

— О, да...

Он быстро зашел в зал, это был двухэтажный дом в Нью-Йорке, и увидел отца:

— Это ты? Ты его привела? — он сразу же начал кричать.

— Да, я думала, вам стоит увидеться.

– Нет, нам не стоит! – он на меня так кричал впервые.
Даррэн вышел из-за стола и засобирился... быстро оделся...
– Я тебе столько раз говорил, что не хочу тебя видеть! Никогда! Вон из моего дома! – Джейк был вне себя и просто орал..
– Хорошо, – Даррэн уже хлопнул дверью..
– Если ты еще раз позовешь его! – теперь Джейк опять кричал на меня. – Я его видеть не хочу и знать! Он бросил меня! А как он вел себя с матерью! – Джейк закрылся в своей комнате.
На следующий день он уже сожалел... – Прости меня за вчерашнее, – сказал он мне утром, обнимая меня сзади... – Да..
Через две недели я сказала ему, что хочу, чтобы он начал писать отцу письма, и положила перед ним его имейл. Джейк наотрез отказался. Через два месяца мы вернулись к этому разговору, он уже совсем смягчился и даже написал отцу пару строчек... Потом они начали переписываться...

Кукольный домик

У нас уже был двухэтажный дом в пригороде. Комната Оксаны была на втором этаже. Она, конечно, была копией Джейка. Он на семилетие Оксаны подарил ей домик для Барби.

– Если бы у меня в детстве были такие игрушки, – сказала я, покачивая головой, когда увидела подарок Джейка дочери. – Джейк, это очень дорого, – он купил его на годовую премию. – Тебе не следовало покупать ей такие дорогие игрушки.

Домик был весь розовый... Большой и стоял на столе. Джейку нравилось заходить в Оксанину детскую и смотреть, как мы вместе играли в куклы в домике. Он представлял меня маленькой девочкой, как будто исполнил мечту моего детства. Он знал, что в детстве у меня не было таких игрушек... Он хотел видеть эту маленькую девочку во мне.

«Я тебя люблю»

У нас были проблемы с фразой «Я тебя люблю». После негативного брака с Лешей я никак не могла эту фразу произнести, не могла признаться Джейку в любви.

Однажды мы поругались, и я сказала ему, что уйду от него, подаю на развод. Но ему надо было срочно на работу... Когда он вернулся, то

долго не мог найти меня — куда же я могла деться! Он так долго ждал меня! «Неужели она ушла из дома? Она же заблудится в Нью-Йорке. Это огромный город!» — Он был в отчаянии! Он оделся и пошел меня искать. Шел дождь, он бегал по улицам... Но нигде не мог меня найти... Меня нигде не было. Ни у соседей, ни на улицах...

Он вернулся домой в полном отчаянии и решил проверить детей... Оксана также тихо спала в кровати... Когда он зашел в комнату Эдама, то увидел, что я сплю в кровати с маленьким Эдамом.

Он нежно разбудил меня: — Арина, Арина...

— Да? Да? Я что, уснула? — я говорила спросонья. — Эдам капризничал, и я решила лечь с ним...

— Я так испугался, что ты ушла! Боже, как я испугался!

— Я ушла от тебя? Боже, о чем ты? Я так люблю тебя!

Это был первый раз, когда я призналась ему в любви.

— Ты меня любишь? Ты любишь меня! — он был такой счастливый! И мы тут же пошли в нашу спальню... Он любил меня несколько часов...

На следующий день он всем рассказывал, что я призналась ему в любви.

— Она меня любит! Представляете! Она меня любит! — мы ходили по району, и он говорил это всем соседям, держа меня за руку, хвастался на работе...

Суд

Когда Косте было десять, я приехала в Россию с Джейком, я приехала тогда в первый раз после отъезда. Я хотела увезти Костю в Америку и забрать его у Леша. Назначили суд, и мы, чета Рэбитс, приехали в Россию.

На слушании выступали свидетели, няня Костика рассказывала, какая я плохая мать... Выступал Леша, за годы он только еще больше озлобился... Он проклинал меня, и что я тогда смогла бросить ребенка. И его, что я смогла реализоваться... А у меня уже было двое других детей...

— Он такой ничтожный, — говорил о нем Джейк. Он его загипнотизировал, и Леша даже плакал под гипнозом... — Он такое ничтожество... Мне даже жаль его..

Суд оставил ребенка с отцом.

Это было очень грустное время... И мне было чудовищно грустно...

Шаблоны

Я работала в детском саду и дружила с Шерил. Я смогла найти работу — для иностранки это была большая удача. Я уже много писала и начала писать свое главное произведение жизни «Шаблоны», о том, как люди каждый раз говорят одни и те же слова, совершают одни и те же поступки. И так ходят по замкнутому кругу... За основу я хотела взять свою жизнь... Я всегда писала на русском, на родном языке. Мы дружили с Шерил, и она иногда мне помогала с переводами. И книга получалась очень толстой. Я ее писала уже три года... Редакторы не торопились делать мне денежные предложения...

Анал

Мы уже жили в другом двухэтажном доме в центре Нью-Йорка, на втором этаже была спальня. Дети ходили в школу, Эдаму было семь, Оксане десять...

Джейк был не в духе. Мы поругались, что случалось крайне редко... Он повалили меня на кровать, задрал юбку, вошел анально... Он был очень рассержен. Просто в ярости. Это было очень больно... — Перестань, хватит!..

Потом я ушла из спальни: — Я подаю на развод! — я пошла спать на диван на первом этаже.

— Просто меня, прости... — Джейк пришел ко мне, встал на колени. — Пожалуйста, не уходи... — Он расплакался. Я лежала, завернувшись в темный плед, и плакала...

— Пожалуйста... — потом он ушел к себе...

Утром пришел сын: — Мам, ты что, хочешь расстаться с папой? — жалобно спросил он. — Нет, конечно...

Утром я уже не так злилась, сидеть, правда, было больно...

Потом мы часто занимались анальным сексом, я поняла, что это мне даже нравится.

Болезнь

Однажды Джейк заболел, у него была температура и сильный насморк. Но он все равно хотел заниматься со мной сексом.

— Я не буду! Ты можешь меня заразить!

Но он все равно настоял. Мы занимались сексом даже без презерватива! Через пару дней он выздоровел, а я заболела. Теперь у меня была температура тридцать девять и насморк... Джейк вышел на работу, а я больная сидела с детьми... Он сказал, что в следующий раз в болезнь будет пользоваться презервативом.

Костя

Косте исполнилось восемнадцать, он стал совершеннолетним и мог приехать ко мне в Америку на каникулы — мы оформили ему визу. Он вырос замкнутым и тихим мальчиком.

Мы гуляли у нас по району. Я с Джейком и трое детей: Оксана, Эдам и Костя. На нем был рюкзак. Он был высоким. Нас увидели соседи:

— Какая Арина женщина. У нее такие чудесные здоровые дети! — я улыбалась, гордясь собой.

— Джейк, а Костя похож на тебя! Он мог быть твоим сыном! — сосед Джо, наверное, подшучивал. Действительно, у Кости были такие же карие глаза. И его можно было принять за сына Джейка. Мне понравилось это замечание...

— Oxana looks like me, Adam looks like Arina, — ответил Джейк. — Kostya looks like his dad¹...

Женщина в красном

Я сидела за столом, подписывала книги для поклонников — это была презентация моей новой книги. На мне было красное платье.

Джейк, стоя в дверях, увидел меня. Он стоял и смотрел на меня: «Так

¹ Оксана похожа на меня. Эдам на Арину. Костя похож на своего отца...

много мужчин хотели быть на моем месте. А она выбрала меня!» И сейчас он прочувствовал, как же ему со мной повезло! «Это этот момент!» — подумал он.

И тут я повернула голову к нему и улыбнулась. И он опять почувствовал себя самым счастливым на свете. И еще раз возблагодарил судьбу. Как ему повезло! Именно об этом моменте он думал, делая мне предложение когда-то!

Мы сидели в кафе в Италии с Джейком, мы уже объездили добрую часть мира. В одном из самых дорогих кафе на холме — отсюда открывался потрясающий вид на город! Мы заказывали самые дорогие блюда. Мы были уже очень богаты, и я была известным писателем.

Я сказала ему: — Я положу мир к твоим ногам! — И мы стали целоваться на фоне прекрасного города.

Совещание

Джейк продолжал работать хирургом и часто жаловался мне на проблемы на работе и подсиживание коллег. Я даже писала об этом. Но работать он не бросал.

Однажды я пришла к нему на работу, на мне была пышная приталенная юбка ниже колена. Джейк был в своем кабинете.

Я закрыла дверь на ключ.

— У меня совещание через пять минут.

— Пять минут — это много времени.

Мы занялись любовью у него на столе... Вдруг кто-то начал стучать в дверь — это был его помощник.

— Ну вот, теперь я до конца дня буду уставший... — он отпер дверь.

— Ой, я вам не помешал, — в комнату вошел его помощник с какими-то документами.

— Я буду ждать тебя дома, — я вышла из его кабинета...

Замена

У Джейка начались проблемы с потенцией: — Я больше не мужчина, — сказал он мне. И у нас начались проблемы в семье.

У меня были постоянные истерики. В итоге я сообщила Джейку: — Я подаю на развод! — Он собрал вещи и переехал в отель.

Потом мы встретились у адвокатов. Меня окружали журналисты, каждый раз, когда я выходила из дома.

— Если ты разведешься с ним! Если ты уйдешь от него... Как ты можешь так? — Оксана кричала на меня.

С Джейком теперь я встречалась только по поводу раздела имущества. Мы сидели за длинным столом... Адвокаты с обеих сторон — несколько у него, несколько у меня. Адвокаты переговаривались между собой. Как будто разводились они, а не мы. Я решила поговорить с Джейком...

— Давай все решим мирно, — предложила я ему. — Давай поговорим... — И попросила всех многочисленных адвокатов выйти.

— Хорошо, — он посмотрел на меня как раньше. — Если ты хочешь, я найду тебе подходящего любовника, как я, может, даже лучше... Молодого...

— Нет, не хочу. Давай все будет как раньше. Прости меня, хорошо? — я смотрела на него снизу вверх...

— Боже...

В итоге мы помирились и больше не разводились.

Семья

Оксана стала известным кардиохирургом, как Джейк, а Эдам работал редактором в издательстве, но был малоизвестен, у него было двое детей. У Оксаны тоже было двое...

Джейк сидел за столом среди многочисленных внуков уже в преклонном возрасте. Когда дети выросли, мы с Джейком усыновили еще трех детей. Мы жили в большом просторном доме на холме. За столом в зале было много детей разного возраста. И только младший внук, сын Оксаны унаследовал горб Джейка. Этого внука я, уже полная женщина с большим животом, любила больше всего... Это был мой любимчик.

— Это был этот момент? — спросил меня Джейк, сидя на противоположном конце стола. Мы с Джейком вступили в черную дыру и должны были увидеть момент моего изнасилования... И исправить его, если возможно.

— А, это этот момент? — и мы вышли в черную дыру.
Мгновение спустя мы вернулись.
— Я все боюсь, что сейчас пойдут волны... — сказала я ему... — Все-таки это был очень сложный момент...

Благотворительность

Эдам все также был священником. Мы с Джейком также ходили на все его проповеди по воскресеньям в его церковь.

Теперь я могла много жертвовать на церковь Эдама и постоянно выпивала ему чеки. В этот раз Эдам очень обрадовался, увидев чек... Мы выглядели как настоящие протестанты, в мешковатых джинсах, майках, рубашках...

В лимузине

Однажды мы ехали с Джейком в лимузине, сидели на заднем сидении. За рулем был наш водитель... Нам уже было далеко за восемьдесят...

— Давай, — и я полезла на него заниматься сексом...

— Ты же знаешь, у меня уже не получается...

— Но мы в таком укромном месте, — шептала я ему на ухо. Я сидела на нем, и мышцами влагалища вобрала его в себя...

Минут через пятнадцать мы доехали до места назначения. Я ужеправлялась на заднем сидении...

Это был последний раз, когда мы занимались любовью...

Нобелевская премия

Следующий момент, который я увидела, который появился в моей голове, было вручение Нобелевской премии, не мне, но моей. Джейк получал премию за меня, я уже умерла. В большом зале он стоял на сцене, такой же высокий, склонивший голову, и читал речь по бумажке. На нем бы-

ла белая рубашка. И как будто моя душа тоже летала по залу. И смотрела церемонию из правого верхнего угла.

Джейк говорил что-то типа того, как он горд мной и какая я была бы счастливая, если бы получала эту премию сама... Он даже всплакнул...

На первых рядах сидели наши дети – Олеся и Эдам с внуками. Они оба были уже в возрасте...

Ускользящее счастье

Арину Симоненко, главное, каждые десять лет держать в психушке...

Майкл

Я часто слышу истории от друзей, как в молодости одна случайная встреча с иностранцем или человеком намного старше меняет их жизнь.. Эти люди никогда не встречаются вновь... Кто-то начинает писать стихи... кто-то рисовать... находят в себе скрытые таланты... Эти люди не встречаются больше вновь. Одна моя подруга познакомилась с адыгейцем, какой-то босоногий мальчишка, он потрясающе пел... Они просто танцевали в одной толпе... Просто рядом загорали на пляже... Она до сих пор его вспоминает с содроганием...

Есть ли в моей жизни такой человек, мимолетная встреча с которым оставила след на всю жизнь?

Мне было восемнадцать, и я ходил в американский клуб для практики английского. Всегда интересно поговорить с настоящими американцами, носители языка, другой культуры. Для меня это была экзотика. Летом приехали американцы на полтора месяца. В группе был взрослый американец Джейк, высокий, очень худой и смуглый. Он учился на кардиохирурга на третьем курсе, работал летом горным инструктором и сам оплачивал свое обучение. Он приехал в Россию попутешествовать и пропагандировать американский протестантизм.

В лагере мы оказались в одной группе и познакомились получше... Он был старше меня на четыре года... В группе я оказалась лидером. И честно могу сказать, что он со мной немного позаигрывал...

Что-то было в нем, что очень меня притягивало.

С ним я была как не своя... Говорила глупости, одевалась вызывающе... Иногда я думаю, что моя жизнь длилась всего лишь двадцать дней, когда он был рядом. Просто рядом. Мы никогда больше не виделись... но почему-то я не могу его забыть... Я до сих пор вспоминаю его с трепетом...

Я помню один момент, он сел около меня на стул, сердце бешено забилося, и на душе стало так счастливо и радостно. Просто от того, что он сел рядом со мной... И я так сильно опять захотела, чтобы он просто сел рядом. Просто сел рядом. Но он сел поодаль, через несколько мест. Я просто повернула голову. В этот момент я готова была расплакаться. Он просто не сел рядом. И я почувствовала прямо горечь слез во рту. Я подавила в себе слезы.

В принципе ничего особенного... Знакомый американец рядом не сел. Мне не нравилась реакция моего организма на его присутствие или отсут-

ствии. «Ну что за бред?» – сказала я себе. В следующий раз, когда он не сел рядом, я уже не плакала.

Мне так нравилось просто быть рядом с ним, смотреть на него... Слышать его слова... слушать его голос...

Он не был моей первой любовью, не был последней. До встречи с ним я танцевала медленные танцы с мальчиками, ездила в летние лагеря. Потом у меня были серьезные отношения и несерьезные увлечения. Но почему-то воспоминания о нем до сих пор не дают мне покоя. Они томят меня возможным счастьем. Я не могу вспоминать его спокойно.

Меня увлекла новая жизнь, я очень скоро забыла эту ничего не значащую историю. В то время мои мысли занимал совсем другой человек, программист из параллельной группы. Тогда я не могла *понять* тогда этого странного взрослого американца.

Но чем больше проходило времени, тем больше я думала о нем. Я никак не могла забыть его. Что-то непонятное терзало меня... Я все вспоминала те полтора месяца, прокручивала в голове наши диалоги... Со временем я стала лучше *понимать* его...

За эти сорок дней мы не целовались, мы не держались за руки... *Мы не говорили прикосновениями...* Но спустя много лет я помню каждое его слово, у меня не сохранились тетрадки, в которых он писал: «You are a god», но я помню его почерк... Я помню тот призывный взгляд в вечер перед отъездом... Если бы я тогда смогла принять этот взгляд... Если бы я была смелее... Только через пять лет на тот взгляд я бы сказала ему «да». Если бы я могла повернуть время вспять...

Я написала ему одно письмо через год... Мы не переписывались... Он не ответил, он уже уехал, мы бы не увиделись... зачем поддерживать эту ни к чему не ведущую связь?

Он произвел в моей душе переворот...

В двадцать один я полетела в Америку в тайной надежде встретить его там... Просто ходить с ним по одной земле... Просто увидеть его. Я полетела к нему... не зарабатывать деньги, не практиковать язык... А просто увидеть его... чтобы он предложил мне остаться. Чтобы я согласилась... Но это было уже невозможно...

Мне почему-то казалось, что как только я окажусь в Америке, так тут же встречу Джейка. Я и не думала тогда, что Америка – это огромная страна с многомиллионным населением. Я это знала... но почему-то думала, чувствовала по-другому.

Лучше бы мы не встретились! Ничего в душе не томило бы меня все эти годы. Мы были знакомы всего пару месяцев, но я знаю, что если бы мы были вместе, я бы смогла бросить родителей, семью, страну, предала бы свою религию. Я бы оставила свою жизнь не задумываясь. Я бы пошла за ним куда угодно... Как жена декабриста в Сибирь...

Шекспир в «Укрощении строптивой» пишет: «Посмотри на небо? Ты видишь солнце?» Он показывает на луну. «Да. Вижу солнце» – отвечает

Катарина. Эта пьеса казалась мне глупой и надуманной до встречи с ним... Потом я поняла героиню Шекспира, я бы делала так же... Его правда стала бы моей правдой, его страна моей страной... его жизнь моей жизнью...

Я вспоминаю его и до сих пор у меня все дрожит внутри... подгибаются ноги, и хочется куда-нибудь прислониться...

Он бы заменил мне всю жизнь... Он бы смог заменить мне все: семью, страну, религию. Я прямо вижу эту жизнь: десяток бегущих детишек, протестантство, муж — детский кардиохирург... Та страна никогда не стала бы мне родиной. Он заменил бы мне родину. В чужой стране мне было бы тяжело, но только бы быть с ним... видеть одобрение в его глазах... чтобы он был мной доволен...

Я знаю, с ним я бы потеряла себя. Я бы растворилась в нем. Я бы никогда не стала писать... Я бы никогда не пришла к моей вере, его вера на самом деле никогда не стала бы моей... Моя семья никогда бы мне этого не простила... ОН стал бы моей литературой и моим Богом. ОН стал бы моей семьей. ОН бы стал моим миром!..

На самом деле я счастлива в семейной жизни, у меня любимый муж и по современным меркам счастливый брак. У меня растет сын, моя радость, мое главное сокровище!..

Но иногда в бегах повседневной жизни, когда неожиданно в солнечный день идет легкий дождик, я смотрю на оранжевую полосу заката или чувствую сладкий запах цветущего персика, я вспоминаю его, и мне становится невыносимо грустно... Непрожитая жизнь и потерянное счастье до сих пор не отпускают меня... Я как будто дотрагиваюсь до ускользающего, уже потерянного счастья...

Много лет подряд я пытаюсь найти его страницу в соцсети. Все хочу найти его, но не могу... Говорят, он так и не женился... все ищет чего-то... кого-то... Я была бы рада узнать, что он счастлив, женат, отец двоих детей.

Неиспытанное счастье до сих пор будоражит меня... Я знаю, что где-то там, под другим небом, в далекой и чужой стране живет родной мне человек, с которым в прошлой жизни я, наверное, была одним целым... С которым, может быть, мы встретимся в будущей...

Почему иногда встречаешь человека и за десять минут понимаешь, что можешь прожить с ним целую счастливую жизнь? Почему в начале жизни мы встречаем такого человека? А потом вспоминаем его каждый день... Кто же играет с нами в такие злые игры? Разделяя годами, расстояниями тех, кто в прошлом был неразделим? А есть ли эти прошлые жизни?.. И будут ли эти жизни будущие?..

Когда я умру, я останусь на свете
И не растворюсь в облаках мироздания...
Мы будем с тобою гулять по планете,
Уже превратившись лишь в очертания...

Когда ты умрешь, мы будем вместе,
Держась за руки, блуждать по свету,
Попутешествуем, пойдем, как мир тесен,
И вместе с тобой канем в лету...
Только когда я умру... я смогу быть счастлива...

Оглавление

Введение	4
Часть 1. Осень 2004	6
Разговор отца с сыном	6
Умный американец Мэтт	7
Саша-Маша	10
Новые американцы	11
Дятлы	14
«Мечты и последствия»	16
Кофе	20
Искусство	23
A woman	25
Часть 2. 2003 год — взгляд в прошлое	29
Поцелуй	29
Золотой слиток Анны	29
Олень ослепляющий	30
Топаз золотистый	31
Медянка	33
«Кошка» Надя	35
Дань	42
«Груздь» Келвин-Джош или Эдам2	43
Клан Келвинов Спенсермэнов: «зайцы» и «кролики»	44
Откровения Спенсермэнов. Имена	47
Спенсермэнам посвящается	48
Часть 3. Те самые полгода	50
Бегуны	50
На Карасунах	53
Обед	57
Гейзеры	58
Следующий американский лагерь, навсегда изменивший мою жизнь	59
Какао	61
Часть 4. Перекупщики калашниковых	65
Владимир Нагорбов	65
ЗАТО поселок Лиан	67
Саша	69
Ариадна	73
Далила	75
Марина Шайн и Елена Шайк	82

Часть 5. Религиозная миссия. Питер-2005	84
Осень 2005	84
Поездка в поезде. Игра слов	86
Пансионат	88
Спас на Крови	89
История Георгия Семеновича Зайцева	93
Все в твоих руках...	93
В свете софитов	96
Елочки	99
Мать Эдама	103
Эсэмэс	104
Зуб за зуб	106
Шпионаж	111
Часть 6. Контрабандисты из Минобороны	117
Инкогнито	117
1997 год	122
1960 год	124
Надежда	125
Дмитрий Семенович	127
От производителя	129
Иван-да-марья	131
Иван Игнатъев	137
Тициан	138
Мастера	145
Никита Кривогор	148
Как Анна Фокина стала Александром	150
Старая гвардия	153
На заводе	159
Список	164
Питер	176
Тот номер. Тайники	179
Марфа Васильевна и ядерная война	181
Темирязов Виктор Павлович	183
Японские драконы	186
Часть 7. Древний мир Эдама Хейсонда	188
Костер	192
Ама	201
Изгои	205
Вуху	208
Казнь	212
Мы и древний мир	216
Часть 8. Слепота	224
Пульс	224
Новая вера	227

Лазер	229
Главный	230
Микрохирургия глаза	231
Последняя встреча	235
Подсчет	237
У патологоанатома	239
Свидетельство	240
Подделки	253
Преступники города. Пожелание Эдаму	254
Часть 9. Кай Беспощадный с планеты Трутон	257
Как Кай Беспощадный гуся воровал	257
Трутон	262
Оксана Куйва	265
Часть 10. Что было дальше...	267
2008 год	267
Саша и Яся	269
Письмо в ку-клукс-клан, январь 2008	272
На поле	274
Брак на производстве	275
Недостача	280
Паленко и Ивлев	282
Моя очередная могила 2010	284
Морковка	287
Надя Мернокова	289
2010–2015 гг.	291
Яна и Майкл	296
Нашей полиции посвящается	298
Часть 11. Один день	301
Орлы и волки	301
Близнецы	305
Принц Иорданский	307
Ток-шоу	308
Казначей	314
Сад	318
А в это время в Америке...	324
Часть 12. Эдам Хейсонд после России	327
Священник	327
Эдам и Деликаты	331
Перестрелка	336
Американские преступники об Эдаме. Разбор полетов	339
Эдам и ку-клукс-клан...	346
Как наши сажают Эдама за то, что сделали... он сам	353
Шутки-прибаутки	360
Они и мы	362

Часть 13. Двенадцать лет спустя 2015 год	363
Сафари-парк	363
Авария	365
Часть 14. Жизнь, которой не было	370
В аэропорту	370
Lady in Red	371
Номер	372
Травма	373
Бегство	373
Изнасилование	376
Гости	380
Примирение	382
Оксана	383
Эдам	384
Оргазм	385
Новый дом	386
Отец Джейка	386
Кукольный домик	387
«Я тебя люблю»	387
Суд	388
Шаблоны	389
Анал	389
Болезнь	390
Костя	390
Женщина в красном	390
Совещание	391
Замена	392
Семья	392
Благотворительность	393
В лимузине	393
Нобелевская премия	393
Ускользающее счастье	395

Инга Полякова

Горбуны2.Сны